

18+

Гиблый Выходной

Алексей Юнин

Алексей Владимирович Юнин

Гиблый Выходной

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66073276

SelfPub; 2022

Аннотация

Действие разворачивается в помещении одного производственного цеха. Сбравшиеся по различным причинам герои своими нелепыми действиями запускают цепь кровавых событий. Каждый персонаж преследует свою цель, действует согласно своей психологии, и в итоге каждого ждёт свой неминуемый конец.

Роман будет интересен любителям "чёрного юмора" и "криминального абсурда".

Алексей Юнин

Гиблый Выходной

Пролог

РИА-Новости

На территории фабрики по производству межкомнатных дверей в городеской области в результате мощного взрыва загорелся цех, сообщило областное управление МЧС. О взрыве и последующем возгорании стало известно в 05:50 утра по местному времени (04:50 по МСК). Первоначально заявлялось о возгорании в системе вентиляции, но позже в главке МЧС уточнили, что со всей вероятностью можно говорить о том, что объемный взрыв произошел в результате концентрации в помещении огнеопасного газа. Тем не менее совершенно точно известно, что фабрика не была подключена к центральному газоснабжению, что дает повод говорить о спланированном теракте или умышленном организованном поджоге.

Площадь пожара составила более восьми тысяч квадратных метров, пламя быстро охватило все здание, чему способствовали деревянные изделия внутри цеха. Пожару была присвоена третья категория сложности, на месте работают 30 единиц техники и 116 человек. В 10:10 возгорание локализовано, в 12:35 ликвидировано открытое го-

рение. На место направились специалисты для забора проб воздуха на определение ПДС вредных веществ.

В результате пожара, по меньшей мере 14 человек погибло, включая генерального директора и начальника производства. Однако, как сообщает пресс-служба областного управления МЧС у экспертов-криминалистов возникли серьезные вопросы о причинах смерти как минимум нескольких человек, так как характер их положения и местами прямые улики могут говорить об убийствах. На месте работает следственная группа.

За сутки до этого

07:10 – 07:30 (местное время)

Лева Нилепин сидел в салоне автомобиля «Валдай» со знаком «У» на лобовом стекле и вдыхал терпкий запах ароматизатора «Ваниль», что болтался подвешенный на зеркальце. В салоне было душно, поэтому чтобы не обливаться потом, юноша расстегнул куртку и стянул с головы синюю шапочку. Автомобиль марки «Валдай» медленно и немного порывисто двигался по полупустой улице, пробивая своим корпусом очень плотную завесу снега. Метель разразилась не на шутку, и если ночью, когда Лева посещая уборную и выглядывая в окно, мог видеть только хаотичные завихрения, то под утро ветер набрал достаточную силу для неслабого раскачивания деревьев.

Было еще темно, в это время года в этом регионе солнышко выглядывало из-за горизонта около восьми часов утра, а это значит, что Нилепину оставалось около получаса наслаждаться пургой в темноте. Он не любил темноту и он не любил снег, но вынужден покорно смириться с их наличием. Волею судеб он родился и вырос на севере. Ничего не поделаешь. Городок просыпался неохотно, ни одному нормальному человеку не может нравиться выходить из квартиры в такую погоду, когда даже собачники позволяют своим питомцам гадить в подъездах своих-же домов.

«Валдай» тряхнуло, Лева подскочил на своем месте.

– Полегче, Алексей, – наставительно проговорил сидящий посередине (междулевой и водителем) мужчина с выдающимися бровями. – Выжимай сцепление. Не резко... Так, теперь на газ. И не забывай про переключение передачи. Аккуратненько.

– Дорогу занесло, – пожаловался сидящий за рулем Алексей – напряженный паренек в очках. – Тут две полосы, но колея от машин посередине. Если я поеду по ней, то это будет нарушением. Так ведь?

Сидящий между учеником в очках илевой Нилепиным инструктор подтвердил это и сказал, что сейчас, чтобы не ломать его «Валдай» Алексей должен ехать по колее, но при непосредственной сдачи экзамена, он должен придерживаться полос движения, даже если завязнет в сугробах по самое лобовое стекло. Примерно так же инструктор Джабраил го-

ворил, когда велел Алексею развернуться на мосту и проехать на желтый сигнал светофора. Джабраил был старинным левиным приятелем, несмотря на десятилетнюю разницу в возрасте. Лева вообще был таким общительным и дружелюбным человеком, что уже после второго общения считал собеседника крепчайшим товарищем. А с Джабраилом они были знакомы с прошлой весны, то-есть, по меркам двадцатичетырехлетнего Левы – полжизни.

Каждое утро друг Джабраил, работающий в автошколе инструктором вождения, сажал к себе в салон «Валдая» очередного ученика-практиканта и заставлял ехать его по определённым городским улицам и каждый раз так случалось, что под одним и тем же рекламным щитом возле дома-музея местного героя Великой Отечественной Войны, летчика-испытателя Щербинина Л.А. его уже ожидал один и тот же молодой человек – Нилепин Лева – который садился в салон рядом с Джабраилом и медленно, но верно двигался аккуратно к ОАО «Двери Люксэлит» – одной из двух местных фабрик по производству межкомнатных дверей. Маршрут «Валдая» был выработан уже давно и менялся только когда Лева не выходил на работу.

– Джабби, – обратился Лева к товарищу, – а я думал, что в такую погоду не разрешается ездить ученикам. На дороге темно, выюга. Дороги не чищены.

– Ну а что-ж теперь! – философски воскликнул Джабраил и с лукавой улыбкой подтолкнул ученика Алексея локтем в

бок. – Сегодня у группы Алексея экзамен по вождению и он решил еще немного попрактиковаться. Практики много не бывает. Алексей, плавнее жми на сцепление... так... теперь включай поворотник и перестраивайся... левый поворотник, Алексей, левый. Да, так. На перекрестке – налево.

– По экзаменационному маршруту мы должны будем ехать прямо, – возразил Алексей.

– Не факт, – категорично заявил Джабраил голосом, не терпящим возражений. – Я знаю экзаменатора, это настоящая собака, он часто меняет маршрут. Надо покататься по всем ближайшим улицам и, боюсь, за один час, не успеем. Слушай, Алексей, ведь у твоей группы экзамен в двенадцать? У нас есть время на дополнительный час.

– Э... Время есть, а денег нет, – с сомнением залепетал Алексей, но Джабраил все-таки раскрутил его еще на один час практики, однако кто как ни он знал еще со вчерашнего дня что из-за метели сегодняшней экзамен перенесут на послезавтра, но учеников известят об этом только после девяти часов утра. Однако часика полтора Джабраил может спокойно раскручивать Алексея. Лева Нилепин знал об этом не хуже самого Джабраила, но, разумеется, держал язык за зубами.

Не отрывая взгляд от дороги и ни на минуту не забывая о практиканте Алексее Джабраил спросил у Левы Нилепина, как тот провел вчерашний день рождения. Лева зарделся, заулыбался, воспоминание о легком вчерашнем грехопа-

дении с участием его самого и одной девицы, не стесненной моральными принципами, были ему приятны и грели душу не хуже автомобильной печки. Не считая это личной тайной, он рассказал старшему другу все как было. Как после застолья в трактире «Кенгуру» он сел в такси и с комфортом поехал с этой девчонкой в ее загородный особняк.

– Стой-стой-стой, Лева, – перебил его Джабраил. – Ты уж так не закручивай. Я знаю, что ты тот еще пихарь, но чтобы баба сама повезла тебя в особняк... Позволь мне усомниться.

– А что тут невероятного? – простодушно спросил Лева.

– Это у какой же бабы в нашем городке есть свой особняк?

– Это не ее, – поправил Нилепин, – это мужнин.

– Вот оно как! А муж знает?

– Смеешься? Если он узнает, он меня немножко убьет.

– А кто ее муж, позволь полюбопытствовать? – спросил Джабраил.

– Шишка один из прокуратуры. Какой-то зам какого-то начальника... Я даже не помню. Да и какая, собственно, разница?

– Ты что, переспал с женой прокурорской шишки? – не поверил своим ушам Джабраил и даже как-то чуть вжался в пассажирское кресло, подсознательно опасаясь, что государственный гнев, обрушающийся на его молодого товарища коснется и его – скромного автомобильного инструктора, чья вина состоит лишь в том, что, пользуясь служебным «Валда-

ем» и личным временем обучаемых новичков, он развозит в кузове различные заказанные грузы. В частности, именно сейчас его автомобиль загружен несколькими коробками с кондитерскими изделиями, чугунной ванной и водопроводными трубами из ПВХ. – Лева, ты совсем бесстрашный, да? Аккуратнее, Алексей, сцепление отпускаяй, газ жми. Включи поворотник. Лева, ты чувствуешь себя бессмертным, да? Ну есть же какие-то рамки дозволенного...

– Да я вообще не парюсь, – пожал плечами Лева Нилепин, не понимая, отчего Джабраил так встрепенулся. Дело-то, как говорится, житейское. – По правде говоря, Лева не интересовался ни только должностью мужа своей вчерашней подруге, он напрочь забыл даже ее имя. А спрашивал ли он его? – Ты же меня знаешь, дружище. Я не могу пройти мимо сисек.

– За ум бы лучше взялся, Лева, – посоветовал ему Джабраил и добродушно рассмеялся. – Не в обиду будет сказано, дружище, но со своими бабами ты совсем... Я хочу сказать, что я к твоему возрасту уже женился, сына родил. Нет... Сначала родил, а потом женился. А ты? Пора братья за ум, Лева, а то так и будешь до старости по бабам скакать да в игрушки свои компьютерные играть.

– Да я и в старости таким останусь, – рассмеялся Нилепин.

– Если доживешь, – брякнул Джабраил и, сообразив, что пошутил неостроумно, отвернулся на Алексея.

– На что это ты намекаешь? – Лева не знал, расценивать

ли слова товарища как оскорбление.

– Да нет, ни на что.

– Говори-говори. По-твоему – я безбашенный?

– Скорее бесшабашный. Иногда... и довольно часто, надо признать. – с неохотой сказал Джабраил. – Позволь тебе признаться, что я порою поражаюсь твоей манере жить одним днем. Ну так, будто ты совсем не думаешь о будущем. Ты думаешь о будущем, Лева? – Нилепин не ответил. – Тебе лишь бы пихнуть кому-нибудь, а там хоть трава не расти.

– Да, – заулыбался Лева, силясь все-таки вспомнить имя своей вчерашней подружки и прикидывая как часто ее должностной супруг ездит в командировки, – я такой.

– Педаль отпусти.

– Чего?

– Это я Алексею, – сказал Джабраил и вдруг рассмеялся, – Я вспомнил как мы с тобой Лева ремонт делали. Вернее, я делал, а ты как бы помогал. Помнишь? Ха-ха-ха! Ну ты и кадр. Рассказать Алексею как ты мой электролобзик сломал? Пусть тоже поржет. Алексей, представляешь, вот этот молодой юноша, – Джабраил толкнул плечом сидящего рядом Лева Нилепина, – хотел распилить электролобзиком тротуарную плитку. А еще! Еще, слушай, Алексей, он красил эмалевой краской валиком для грунтовки.

Из трех присутствующих смеялись двое и Лева Нилепин понял, что сидящий за рулем Алексей, который наверняка моложе его лет на пять, имеет понятия о ремонте значитель-

но превышающие запас знаний самого Левы.

– Ты еще вспомни о вареных яйцах, – улыбнулся Лева, который всегда рад был поднять настроение другу.

– А, да-да! Слушай, Алексей... Сцепление отжимай... так... и у перехода тормози... Слушай, работаем мы с Левой, кладем плитку во дворе и решили перекусить. Время было обеденное. Я добивал раствор, а Леву послал на кухню сваритьпельменей. Вроде бы ничего особенного, так он и тут умудрился показать себя во всей своей красе. Пельмени-то он сварил, но одновременно с ними в кастрюле в том же бульоне сварил еще и куриные яйца.

– Ну да, – пожал плечами Лева. – А что такого? Сварились же! Я, например, на работе варю яйца в чайнике. Ведь все равно же его кипятить.

– Ты шутишь?

– Нет. А чего такого?

– О, Лева, ты неисправим! – заржал Джабраил. – А тебя не смущает то место из которого у курочки эти яйца выходят?

– Спокойно, Джабраил! Спокойно! Я же не совсем дурак. Кипяток все убивает!

«Валдай» приблизился к фабрике «Двери Люксэлит», метель на какое-то время стихла, но как только Лева застегнул куртку и открыл дверь наружу, ему показалось что пурга будто специально выжидала определенное время, чтобы выдохнуть накопившийся снег прямо ему под воротник. Прихватив свой пакет с обедом, он, ежась от ветра, вышел прямо

под ветер.

– Лева, – окликнул его Джабраил, – Слушай... ты это... будь, все-таки, посерьезней. Шутки-шутками, но знаешь... Чего-то у меня какое-то предчувствие...

– Ты о чем это? – Нилепин натянул перчатки и вытер нос. Небо было темное и тяжелое, пурга застилала весь обзор, он с трудом мог различить виднеющиеся неподалеку очертания своей фабрики.

– Сам не знаю, – признался Джабраил, свесившись наполовину из своего «Валдая». Ветер обдувал его покрасневшую от мороза лысину, снежинки летели в рот, но он жестом попросил Леву вернуться и, глядя прямо в глаза, тихо но твердо и без доли юмора произнес: – Лев, ты просто береги себя, слышишь. Я не шучу.

– О-кей, друг. Как скажешь.

– Ты ведь хороший парень. Без тебя будет скучно...

– Подожди-ка, я еще живой.

– Ну да, конечно. Конечно... Я не так хотел сказать. Ах, вот еще что! Совсем забыл, – Джабраил достал бумажник и, отсчитав несколько купюр, передал их Леве. Ветер чуть не вырвал их из его замерзших рук. – Я тебе должен был три сотни. Держи.

– Да ладно тебе. Мы договаривались о конце месяца, у тебя же сейчас с деньгами туго...

– Ничего-ничего, за меня не переживай. Бери. Спасибо. Хочу отдать тебе все долги.

Лева не считая сунул деньги в карман куртки.

Джабраил хотел было сказать еще что-то, но очень сильно мешала метель, да и слов он, видимо, не мог подобрать. Он крепко пожал руку товарищу, даже хлопнул его по плечу и Лева невольно вспомнил кадры из кинохроники, которую Джабраил показывал ему после своего возвращения с Украины, где участвовал в боевых действиях в составе добровольческих соединений Российской Федерации. На кадрах прихрамывающий Джабраил с костылем провожал своих боевых товарищей. Там он точно также жал им руку и хлопал по плечу как сейчас Леву Нилепина. И Лева знал, что из той операции из отряда не вернулось трое, а еще один навсегда стал прикован к инвалидному креслу.

Автомобиль оставил Нилепина посреди неутихающей пурги.

Юноша долго провожал взглядом скрывающийся в белой завесе «Валдай». Лева не хотел отпускать такой уютный теплый салон «Валдая», где приятно пахло ванилью и смеялся друг Джабраил. Пусть он смеялся в какой-то степени надлевой, но тем не менее Нилепин несколько не оскорблялся, на Джабраила вообще было очень сложно обижаться. Автомобиль давно скрылся во мглистом мраке, оставив после себя разве что быстро засыпающийся след протекторов покрышек, а Лева все стоял и стоял, ежась от холода. Но его ждал цех, юноша тяжело вздохнул, зябко повел плечами и повернул свой торс к фабричной проходной, однако последнее на-

путствие Джабраила вертелось в его голове, давая повод к какой-то необъяснимой тревоге, предчувствие которой и заставило инструктора вождения расплатиться по долгам.

07:27 – 07:34

Есть такие люди, которые считаю, что весь мир театр и люди в нем актеры. А есть такие, которые утверждают, что жизнь – это книга, из которой нельзя вырвать ни одного листа, но можно бросить всю книгу в огонь. Есть такие, кто полагает, что жизнь – это фото в «инстаграмм» и переписка в соцсетях, а кто-то верит, что все вокруг только иллюзия и ничего более.

И вот в этом оспариваемом и разрываемом философскими взглядами мире жил некто пятидесятивосьмилетний Степан Коломенский, который ни относил себя ни к одному из вышеперечисленных премудрых направлений, а истово верил в то, что жизнь (по крайней мере – его личная жизнь) – это просто выгребная яма. Он даже так и бубнил себе под нос: «Моя жизнь – выгребная яма! Это великолепно! Беспросветная глубокая яма!» Потом ему на ум приходила жизнь и судьба глистов и, переступая обутыми с старые осенние ботинки ногами по замершему обледенелому снегу, он пытался принизить свою жизнь еще глубже и сопоставить ее с жизнью этих самых глистов, но, путая гельминтоз с педикулезом, смешивал их с гнидами и в своих пространных рассуждениях приходил к умозрительному тупи-

ку. Поэтому он решил временно зафиксировать свою жизнь на уровне дна выгребной ямы, на время остановиться на этой моральной ступени и определиться с другим: стоит ли рисковать последними своими деньгами или не стоит. Сегодня есть шанс удвоить наличку Коломенского. Демон за левым плечом толкал Степана Михайловича назад к дому, попутно заскочить в букмекерскую контору и поставить на футбольный клуб «Арсенал», играющий сегодня с «Боррусией Дортмунд». У Коломенского еще оставалось около девяти сотен рублей и если он поставит пять сотен на «Арсенал», то выиграет семьсот тридцать рублей, выигрыш он поставит на московский «Спартак» и уже к вечеру будет иметь... Впрочем, это все мелочи, надо ставить по крупному. Надо занять у кого-нибудь пару штукарей и все ставить на «Манчестер Юнайтет». Ставить надо все! Коломенскому казалось, что он реально слышит демонические нашептывания и даже остановился и поплевал на левое плечо. Влажный зимний ветер унес его мелкодисперстные плевочки куда-то в северо-восточном направлении в сторону осиновых лесопосадок, высаженных вдоль трассы, туда где в летнее время продавали пыльную копченую рыбу с вставленными в пустое нутро зубочистками, чтобы придорожная пыль и грязь оседала не только снаружи рыбы, но и внутри, придавая, с точки зрения золотозубого продавца некий свойственный только его рыбе вкус и аромат.

Впрочем, Коломенский отвлекся и, возобновив ломанный

шаг, преодолел стометровку от автобусной остановки до проходной фабрики «Двери Люксэлит». По пути он заметил своего товарища по фамилии Тургенев. Да, приятель Степана Коломенского был полным тезкой великого русского писателя – Иван Сергеевич Тургенев. Прежде чем сесть в свою серебристую «Приору» Ваня Тургенев помахал Коломенскому одетой в черную перчатку ладонью и увидел в ответ лишь слабое поднятие степановой руки и вялую улыбку пессимиста. Степан уважал Ваню, который работал вместе с ним на фабрике «Двери Люксэлит», но не очень хорошо понимал почему Тургенев так ответственно относится к своим непосредственным обязанностям охранника. Тургенев единственный из трех меняющихся охранников делает полноценный обход территории фабрики, причем, он не просто бегло блуждает туда-сюда – Ваня, ориентируясь по таймеру, каждые два часа снимает с гвоздика сильный фонарь, одевает по необходимости куртку, выходит из будки и кропотливо обходит производственный цех и склад не только снаружи, но и внутри, добросовестно освещая фонарем каждый угол. Кроме него ни один охранник так не делает и не собирается даже под угрозой увольнения. Надо отдать Вани должное, однажды его ответственность достигла-таки результата – глубокой ночью на складе Тургенев обнаружил умирающего от алкогольного отравления главного инженера ОАО «Двери Люксэлит». Этим главным инженером и был Степан Михайлович Коломенский у которого тогда еще хватало де-

нег на выпивку.

Сейчас Иван Тургенев сдал суточную смену другому охраннику, а сам поехал домой к жене и детям-близнецам.

Как всегда, Степа Коломенский замялся перед входом на территорию фабрики, терзаясь дилеммой – курить или не курить. Дело в том, что на территории фабрики курить разрешалось только в специально отведенной курилке, а до нее еще нужно дойти. В это время за правым плечом Коломенского заворочался ангел и неуверенно предложил поторопиться. «Раз уж жизнь все равно дерьмо, то и покурю потом», – подумал Степан, поскрежетал зубами и вошел в проходную.

– Рано, – услышал он голос сменившего Тургенева охранника и мгновенно спрятал сигареты. Как бы не пришлось делиться.

– Рано, – согласился он с молодым индифферентным охранником по фамилии Эорнидян. – Че, непустишь?

– Да мне до лампочки, хоть живите на фабрике. – охранник в неопрятно одетой форме зевнул, выставив напоказ увеличенные аденоиды, – Сигареткой не угостите, Степан Михалыч?

– Не, братан, не курю.

– С каких это пор, Степан Михалыч? Совсем обнищали? Даже на сиги бабла нет?

– Че щеришься, Петя? Че щеришься? – Коломенскому стало обидно, что даже какой-то сопливый охранник, про-

сживающий свою задницу за почти неработающим телевизором и получающий едва ли десять штук в месяц полагает, что числившийся на фабрике главным инженером по эксплуатации оборудования Степан Михайлович Коломенский по статусу настолько ниже, что над ним можно насмеяться и разговаривать в таком уничижительном тоне. – Тебе-бы мои долги!

– Ой, да знаю я ваши долги! – безразлично отозвался молодой охранник Петя Эорнидян. – Вон куртяшка какая! Кожа? Почему отдадите?

– Отвали.

– За штуку отдадите? По глазам вижу, что отдадите. Ладно, за полторы.

– Отвали.

– А деньги поставьте на «Манчестер Юнайтед». Они сегодня играют с... кажется с «ПСЖ». Ставьте на «Манчестер» – не прогадаете! Слышите, Степан Михалыч, ставьте на «Манчестер»!

Коломенский готов был провалиться сквозь землю. О его болезненной зависимости от спортивных ставок знает вся фабрика, включая офис, и многие не упускают случая поддеть главного инженера, отпустить очередную шуточку. Вот и Эорнидян из их числа. Степану Михайловичу казалось, что безразличный ко всему на свете охранник задался единственной целью в своей жизни помимо отращивания живота – искушать главного инженера. А ведь для Коломенско-

го это его зависимость была совсем не шуткой, он даже по субботам ходит на онлайн прием к психотерапевту, который, кстати, поставил Степана Михайловича в известность, что он есть беттер. Беттер! И что Степан Михайлович страдает от серьезнейшего и опаснейшего для психики заболевания – лудоманией, за излечение от которого онлайн-психиатр берет две тысячи рублей за сеанс, количество и качество которых пока практически никак не отразилось на положительном результате. А благодаря незапланированной психотерапевтической статье в бюджете у господина Коломенского просто-напросто выросли финансовые долги.

– Пошел бы ты, Петя, знаешь куда! – огрызнулся Коломенский голосом сомневающегося неврастеника.

Петя Эорнидян даже глазом не моргнул.

– Это вы идите, Степан Михалыч. Идите уже в свой цех.

– Так ты «вертушку» открой.

– Пропуск есть?

– Опять шутикуешь? Давай открывай «вертушку».

– Кнопка сломалась. Открывайте своим магнитным ключом.

– Ты же знаешь, что я его потерял!

Петя Эорнидян так глазом и не моргал, всем своим видом показывая, что ему невероятно скучно.

– Сигареткой угостите, – брякнул он.

– Нету!

– Не гоните, я видел, как вы пачку доставали.

– Ах ты, сволочь! – зарычал потерявший терпение Коломенский и через окошечко протянул охраннику сигарету. – Это он по камерам видит! А как в цеху что случается, это он не видит!

– Конечно не вижу, камеры висят только на улице. Внутри цехов камер нету и что вы там делаете – мне глубоко безразлично. Хоть вы там переубиваете друг друга.

Коломенский вздрогнул и побледнел, слова Эорнидяна будто ужалили его электрическим разрядом, но он не смог объяснить себе отчего так испугался фразы «переубиваете друг друга». Охранник Петя открыл турникет и пропустил Степана Михайловича.

– Слушай, Петь, – вдруг улыбнулся Коломенский и даже приостановился перед самым выходом. – А у тебя удостоверение есть?

– Какое удостоверение?

– Корочка охранника.

– Есть, а что?

– Что, может быть тебя и стрелять учили?

– Вам-то что за дело?

– Учили или нет?

– Учили.

– Сигареты стрелять?

– Идите-идите, шутник!

...переубиваете друг друга... ...переубиваете друг друга... – эхом отзывалось в голове Степана Михайловича.

– Нет, серьезно, Петь. Вот если случится что в цеху, ты что будешь делать? Ты даже об этом не узнаешь, так и будешь сидеть на своем стуле и мух ртом ловить. У тебя вообще какие обязанности? Пропуска смотреть? А если рабочий пропуск забывает, то ты и так пропускаешь. А вдруг меня давно уволили и заставили сдать пропуск, а я прихожу на фабрику, чтобы отомстить и приготовить теракт. Значит любой ИГИ-Ловец может сказать, что пропуск забыл, зайти в цех и подложить мину. Она взорвется, а ты узнаешь об этом последним, потому что сидишь здесь и кроме столешницы ничего не видишь. Стрелять он умеет! Стрелок херов!

– Э, Степан Михалыч, вы чего это? – сурово замычал Эорнидьян.

– Того!

– Кстати, цех закрыт! – заявил охранник.

– Что-ж ты молчишь! Давай ключи.

– Не могу, вам не положено. Ждите начальства.

– Скажу Соломонову, он тебя пинком вышвырнет, щенок!

Сиди дальше, высиживай яички! – с этими словами Коломенский преодолел турникет и вышел с другой стороны проходной. Оказавшись на территории фабрики он поставил у себя мысленную отметку, что нужно будет заказать в отделе кадров хотя бы временный пропуск, потому что этот Эорнидьян теперь его так просто не пропустит даже за сигаретку.

– А откуда, скажи на милость, я могу их знать? Откуда? Нет, ты мне ответь, откуда я, мать их, могу их знать? Если я приеду к ним в их паршивую Москву, найду адрес их вшивой радиостанции, не вытирая ноги, поднимусь на их блохастом лифте на нужный этаж, найду их вонючую радиостанцию, распахну двери, возьму их сифозную радиоведущую за ее подбородок и задам один единственный вопрос: «Откуда я, мать твою, могу их знать?», как думаешь, что она мне ответит? Знаешь? Нет, ты не молчи, Оксан, ты спроси меня, что мне ответит эта сифозная радиоведущая!

– Что тебе ответит эта сифозная радиоведущая?

– Она, мать ее, ответит мне: «Чувак, – ответит она мне и будет смотреть на меня такими большими-большими глазами, словно впервые видит такого остолопа как я, – чувак, ты из какого стойбища вышел? Их все знают!» Слышишь, Оксан, что она мне ответит? Я у нее спрошу: «Откуда я, мать их, могу ИХ знать?», а она ответит: «Из какого стойбища ты вышел? ИХ ВСЕ ЗНАЮТ!»

– Ну?

– Но откуда? ОТКУДА?! – Константин Олегович Соломонов ударил по рулевому колесу обоими ладонями, а потом ударил по автомобильному радиоприемнику из колонок которого звучала старая-старая очень популярная песня в стиле диско, которой от роду лет сорок и которую каждый житель России слышал не менее чем раз сто. – Есть какой-то учебник с обязательной школьной программой, где ОНИ за-

писаны в столбик? Название песни, исполнитель, автор стихов, автор музыки? И аудиофрагмент. Так, что-ли?

– Пожалуй, что нет, – ответила Оксана Игоревна Альбер. Женщина сидела на переднем сиденье и подкрашивала губы насыщено-красной губной помадой, глядя на свое немного прыгающее отражение в круглом зеркальце. Должно быть, она относилась к числу немногих, кто мог совершенно спокойно выслушивать гневные тирады своего коллеги. Насколько она помнила, вторая жена Соломонова развелась с ним именно из-за его импульсивности. Ну и еще из-за развивающегося пристрастия Константина к одному волшебному порошку. Ну и еще из-за того, что из-за пристрастия к волшебному порошку своего супруга родила от него нервного ребенка, который мало того, что был умственно неполноценным, так еще таким-же несдержанным, как и его папаша и при том, что мальчику было всего пять лет, он уже в конец достал свою теперь уже одинокую маму и довел ее до того, что она стала добиваться через суд, чтобы мальчик стал жить с отцом.

Автомобиль «Мазда CX7» мчался по заснеженным улицам районного центра в сторону ОАО «Двери Люксэлит» со скоростью около семидесяти километров в час. Соломонову эта скорость казалась черепашьей, но в черте города ему приходилось соблюдать скоростной режим.

– Достань-ка, – попросил Соломонов.

– Чего? – Альбер захлопнула косметичку.

– Ну чего-чего... Порошок. У меня в барсетке.

Альбер с легкой долей разочарования взглянула на своего коллегу. Опять этот его порошок. Он нюхал его по любому поводу и без повода, постоянно жалуясь, что дилеры подсовывают ему сахарную пудру и она его не берет.

– Может, не стоит, Кость?

– Я, мать твою, разве спрашивал у тебя совета? – Соломонов не был груб или чужд элементарному этикету, у него просто-напросто была такая манера разговаривать. – Я, мать твою, разве поворачивался к тебе вот этим ухом, чтобы ты указывала мне, что мне делать, а что нет? Если это было так, то почему я как-то жил до знакомства с тобой и не умер от отсутствия твоих советов? Я жил без твоих рекомендаций и был заведующим производством на фабрике по изготовлению, мать их, дверей, в рот я их имел!

– Не кипятись. В этой барсетке?

– Твою мать, неужели ты видишь еще какую-то барсетку помимо этой? Я не вижу! А знаешь почему? Спроси меня – почему?

– Я не буду спрашивать, Кость, потому что знаю, что ты ответишь мне, что ты не покупал никакой другой барсетки кроме этой.

Заведующий производством фабрики «Двери Люксэлит» попросил свою коллегу сунуть порошок прямо ему в нос, так как он не хочет останавливаться что бы совершить эту процедуру самостоятельно. Альбер сделала попытку отговорить

Соломонова от того, чтобы нюхать прямо за рулем, но Константин Олегович принялся разглагольствовать на счет того, что он не может припомнить, чтобы Оксана Игоревна усыновляла его. А раз он этого не припоминает, что с большой долей вероятности, что этого и не было, а, следовательно, Альбер не имеет достаточно оснований поучать его. Оксане проще было исполнить его просьбу и поочередно сунуть ему в ноздри по щепотке белого порошка. Первую щепотку Соломонов вдохнул во время пересечения перекрестка и поворота налево, вторую – во время обгона пассажирской «Газели».

На минуту он замолчал и Оксане показалось, что последующий путь она проедет в сопровождении лишь музыки из радиоприемника. Искоса поглядывая на приумолкнувшего сослуживца (Соломонов – заведующий производством, второй человек после генерального, Альбер – главный бухгалтер, босс в офисе, тоже очень высокая должность), Оксана Игоревна наблюдала за изменениями его психики, готовая в любой момент схватиться за руль, если Кости взбредет в голову отчебучить что-нибудь неожиданное. Она, разумеется, знала или догадывалась чем опасен водитель под действием наркотиков. Но Соломонов просто замкнулся на самом себе, погруженный в какие-то свои внутренние размышления.

«А он не так уж и нестерпим, когда молчит, – подумала Альбер, водя оценивающим взглядом по южноевропейскому профилю Соломонова. У сорокалетнего высокого мужчины

была кубическая голова с правильным носом, чуть вывернутые пухлые губы, темные глаза. Черные каракулевые кудри то и дело непослушно падали на лоб. Маленькие уши. Прямая шея. Оксана не без восхищения отмечала сильное сходство Константина с мраморной статуей Давида работы Микеланджело. – Красавчик. Только ненормальный, жаль».

– Я нервничаю, знаешь-ли... – призналась она.

– Кто? – спросил Соломонов, тупо уставившись на дорогу перед собой.

– Я, – повторила Альбер. – Мне, знаешь ли, есть что терять... Я нервничаю и считаю, что тебе не следует заправляться порошком. Можешь со мной спорить, но ты не...

Соломонов шмыгнул носом и часто-часто заморгал.

– О чем я говорил? – спросил он.

– Когда?

– Только что.

– Ты молчал.

– А до этого?

– Когда?

– Ну, блин... До того, как нюхнул. О чем-то важном... Об иудаизме?

– Ты точно не говорил об иудаизме.

– Но о чем? Мать твою, ты можешь просто сказать, о чем я говорил! Я точно помню, что я о чем-то говорил, но не досказал... Я не успокоюсь, если не доскажу! Но, твою мать, я забыл, о чем я говорил! Об иудаизме?

– Опять, Кость? – не выдержала Альбер. – Ты говорил о песнях.

– О песнях? – Соломонов, казалось не мог сообразить, что он мог говорить о песнях и почему вообще именно о песнях, а не об иудаизме. – Какого хрена я говорил о песнях? А! Вспомнил! Ну да! Так вот, я слышу эти старые как говно мамонта песни и ни разу не слышал, о том, кто их исполняет! На радиостанциях по какой-то причине не говорят о том, кто исполняет песню, кто ее автор и композитор. Не говорят, как она называется, словно это военно-стратегическая тайна. Почему? Я хочу спросить – почему? И я спрашиваю – почему? Песни повторяют постоянно, из месяца в месяц, из года в год, но ни разу не скажут кто поет!

– Подразумевается, что песни настолько популярны, что не имеет смысла представлять артиста.

– Да неужели? А как я пойму, что за артист, если его НИ РАЗУ не представили. А если и представили, то это было черт знает как давно, или когда в это время я радио не слушал. Или вообще был маленьким! Или просто забыл! И вот теперь я тридцать лет слушаю одну и ту же песню и ни хрена не знаю имя исполнителя. Меня тошнит от одних и тех же мелодий, а я в упор не знаю, как они называются, и кто их поет! Особенно иностранные!

– У радиоведущего на мониторе есть и имя, и название композиции...

– Но у меня-то нет! У меня нет на моем гребанном радио

этого монитора! – Соломонов принялся колотить по радиоприемнику широкой ладонью. – Я хочу знать кого я слушаю! Хотя бы раз объявите имя артиста, пусть этой, мать его, композиции сорок пять лет! Пусть ей хоть сто сорок пять лет!

Соломонов начинал терять контроль над собой, если его сейчас же не заткнуть, он в порыве гнева может целенаправленно направить «Мазду» на фонарный столб. Альбер пристегнулась и на всякий случай уперлась ногами в пол.

– Кость, следи за дорогой...

– Твою мать, твою мать!!! – кипятился Соломонов, брызгая слюной на лобовое стекло. – Знаешь, что я тебе скажу, Оксан? Знаешь, что я тебе сейчас скажу, вот именно сейчас? Не потом, не когда-нибудь, а вот сейчас? На первое февраля, я в очередной раз услышал вот по этому сраному приемнику какую-то допотопную как иудаизм песню на английском языке. А я не знаю английского! Не знаю, мать его! В школе мне преподавали немецкий! Немецкий! И вот я взял вот в эту самую руку мой айфон, мать его, включил голосовой поиск и говорю: «Бла-блаубла-глуб-друмбер»...

– Что это значит?

– Откуда я, мать его, знаю, что это значит? – взревел Соломонов и отчаянно посигналил кому-то клаксоном. – Я не знаю английского! Я что услышал, то и повторил в свой айфон. А айфон мне отвечает: «Неверный ввод», я повторяю, но уже по-другому: «Бла-блум-блем-блулала». А он мне: «Неверный ввод». Я всю дорогу повторял то, что слышал из

песни, а он мне, сука, мать его: «Неверный ввод»! Как я тогда могу найти в интернете автора песни? Как? Что я слышу, то и повторяю! А я хочу знать! Я хочу знать, кого я слушаю!!!

– Кость, остынь. Сейчас это не важно.

– Важно!!! Важно! Я не какая-нибудь свинья! Я хочу знать, чем меня кормят!!!

– Скачай приложение! Просто скачай специальное приложение и включай его во время музыки. Оно определяет исполнителя. Все просто.

– Я так не хочу! Я не хочу так, мать твою! Для этого надо выполнять какие-то лишние действия!

– Нам надо сосредоточиться на деле и не отвлекаться по пустякам. Я нервничаю, а ты орешь как ненормальный. – Альбер достала из сумочки пачку сигарет и нервно закурила. Только сейчас, поднося пляшущий огонек зажигалки, она заметила тремор в ладонях. Проклятье! Этого еще не хватало. Они с Соломоновым едут на очень серьезное дело. Сейчас они едут на такое дело, от результата которого решаться их судьбы, а этот сумасбродный Костя не может даже минуту посидеть молча. Неужели он не понимает всей ответственности предстоящей операции. Лично она понимает. Для нее яснее ясного, что в случае успешного результата, она покинет страну и попробует взять французское гражданство, чтобы больше никогда не ступать на территорию ненавидимой ею России. Она возьмет свою дочь, улетит из этой дыры, носящей название «РФ» и обустроится в пригороде Лиона, где

живут дальние родственники ее отца. Если же их с Соломоновым постигнет неудача, то ей проще будет вскрыть вены, чем отпрапляться на нары в российскую тюрьму. Вот какое серьезное дело им предстоит, а Соломонов ведет автомобиль словно на рыбалку. А ведь они оба готовились к этому дню больше полугода.

07:28 – 07:41

На практически пустой парковке ОАО «Двери ЛюксЭлит» стоял занесенная снегом старый и, откровенно говоря, очень неисправный «ИЖ Комби» оранжевого цвета. Машина стояла одиноко и выглядела до того жалко, что проходящие мимо бросали на нее лишь мимолетный взгляд и тут же отворачивались как от замерзшего трупика воробья. Автомобиль стоял на открытом ветру уже почти целый час и за это время из него никто не выходил, при том что в салоне в тесноте сидели трое взрослых половозрелых мужчины. Сидели в тишине. Мужчины мерзли, из многочисленных щелей в автомобильном кузове задувал внешний ветер, оседающий местами в виде снежного налета. Стекла заиндевели, сидящие внутри то и дело нежно выдыхали на них теплый воздух и терли пальцами маленькие иллюминаторы.

– У меня ноги замерзли, – пробурчал тот что сидел за рулем, но ответом ему было молчание. – Вы что, не слышите? Я говорю – у меня лапы уже окоченели!

Не дождавшись никакого ответа, бугай за рулем вымате-

рился сквозь зубы и сунул в рот очередную сигарету. Чиркнул зажигалкой и раздраженно выпустил на лобовое стекло струю плотного дыма.

– Проклятье, ты не мог бы не курить! – озлобленно высказал ему один из сидевших позади. – Тут дышать уже нечем!

– А ты открой окно. Хе-хе.

– Прояви хоть каплю понимания! Разве ты не знаешь, что кроме тебя больше никто не курит!

Курящий сделал особо глубокую затяжку и с наслаждением выпустил облачко дыма. На этом спор прекратился.

Мужчины сидели с хмурой сосредоточенностью. Видимость из заледененных окон была безобразной, хуже не куда, смотр во внешнюю среду производился преимущественно из протертых пальцами иллюминаторов. За этот неполный час мужики то молча сидели, погруженные каждый в свои мысли, то вдруг начинали ожесточенно спорить, то пялились в иллюминаторы, то опять замыкались на себе лишь для того, чтобы в какой-то момент выплеснуть наружу накапливаемое моральное давление. У них был разработанный план, обдуманый, утвержденный и до этого утра не подвергающегося сомнению, но по мере приближения к восьми часам утра, у каждого из них то и дело сдавали нервы. Сидящий за рулем громила с лицом отъявленного бандита был многим недоволен, курил и постоянно вносил в план изменения, который сидящий за его спиной красавчик с сутенерскими усиками всякий раз терпеливо отторгал. Усатенького звали

Женей Брюквиним, его стриженный «под ноль» товарищ-курильщик носил прозвище Точило, а сидящий на заднем сидении по правую руку от Брюквина худой невзрачный и туберкулезно бледный тип откликался только на звукосочетание «Максимилиан Громовержец». Он сидел молча и плотно сжав тонкие губы, но в глазах его вспыхивал такой огонек, что оба мужчины боязливо отводили взгляды.

Одним словом – в салоне собрались трое человек, при других обстоятельствах вряд ли бы собравшихся воедино.

Молчание раздражало всех троих.

– Приехали, – безэмоциональным голосом провозгласил Максимилиан Громовержец.

– Где? – завращал головой Точило. – Где?

– Вон, – указал сидящий сзади худосочный тип на паркующуюся машину марки «Киа» модели «Спектра».

– Это не они, – резюмировал Женя Брюквин.

– А кто? – спросил Точило.

– Откуда мне знать? Выйди и спроси – вы кто?

– На фабрике сегодня выходной. Кто это может быть?

– Кем бы они ни были, – сказал Брюквин, – но это точно не они! У тех «Мазда».

– Точно «Мазда»?

– Точно. Но уж во всяком случае не «Спектра».

– Так почему приехала «Спектра», а не «Мазда»? – не угованивался Точило.

Тем временем дверца «Спектры» раскрылась и на ветер

вышел коренастый мужчина. Накинув на голову капюшон и прикрываясь воротником куртки, мужчина запер дверцу и пошел в противоположной от фабричной проходной сторону. Этим был положен логический конец спору Брюквина и Точилы и недовольный бугай закурил очередную сигарету.

– Нам надо успокоиться, – произнес Брюквин. – Вы замечаете, что мы все немного раздражены? Так не годиться. Сделаем дыхательную гимнастику.

– Да пошел ты со своей дыхательной гимнастикой! – огрызнулся Точило.

– Верное решение! – отозвался с заднего сидения Максимилиан Громовержец. – Все делаем гимнастику. Дышим. Дышим.

Брюквин мысленно улыбнулся. На несколько минут в салоне будет молчание. Он прикрыл глаза.

В двенадцатилетнем возрасте Жене Брюквину попалась на глаза страничка из какого-то женского журнала, где рассказывалось о таком человеческом увлечении как выращивание деревьев бонсай. Жене понравились фотографии с миниатюрными деревцами, которые, если верить тексту, выращивались по многу лет и даже передавались из поколения в поколение. Его охватило непреодолимое желание тоже вырастить хотя бы одно такое деревце, уж больно ему захотелось поставить его на холодильник или прямо на свой стол, за которым он учил школьные уроки. Однако в журнале было недостаточно информации о выращивании бонсай, а ин-

тернета в деревушке, где в то время жил Женя Брюквин, отродясь не было. В местной библиотеке, куда пошел мальчик, о таком чуде как «бонсай» и не слышали, а вместо подходящей литературы на эту тему старая жирная женщина предложила Женьке стопку разгаданных сканвордов.

На несколько дней Женя Брюквин упал духом и перестал делать уроки, старался думать о чем-то другом, но карликовые деревья крепко засели в его голове и, не выдержав такого душевного давления, он решил попробовать вырастить миниатюрное деревце самостоятельно, опираясь только на скудные сведения из журнала. Журнал утверждал, что деревца можно вырастить из любого ростка или семечки, нужно лишь правильно обрезать и росток и веточки. Женя приступил к делу, взяв за первооснову семя сосновой шишки. Посадил в горшок, поливал всю зиму и еще март, но у него ни черта не получилось. В цветочном горшке сосновая семечка обрела свою могилку. Другой бы мальчик плюнул бы на эту затею и включил бы компьютер или приставку, но стремление вырастить бонсай стала для Жени Брюквина идеей фикс. Он пытался вырастить деревце из других семян и из ростков, перепробовал многие цветочные горшки, менял удобрения и поливал землю всем, что, по подростковому мнению, содержало соли и минералы. Кое-какие ростки прижились и даже дали корешки. Дождавшись, когда ростки покажут свои кое-какие листики, Женя принимался беспощадно экспериментировать с веточками – резать их, привязывать друг к другу,

вывертывать. В итоге почти все ростки погибли в муках, а те, что остались пытались сопротивляться подростковому влиянию и расти так, как задумано природой. В конце второго лета между природой и Женей Брюквиним началось активное противоборство. Мальчик не мог смотреть на правильно развивающиеся древесные саженцы, он нервничал и плохо спал, грезя в постели о том, как можно еще зафиксировать веточки и как лучше обрезать листики. Тогда-то родители впервые назвали своего сына чокнутым и занимающимся «чепухой». У Жени был переходный возраст и ему было проще разругаться с родителями, чем оставить свое ни к чему не приводящее хобби.

Следующей зимой все женины ростки просто-напросто сбросили листья и не реагировали ни на полив, ни на искусственное освещение, которым Женя мучил саженцы даже ночью. Эксперименту пришел конец, когда Женя это осознал, он ушел из дома и встречал Новый Год на улице районного центра, в то время как его родители бегали по деревне и высвечивали фонариками все сугробы и лесопосадки. А к весне у Брюквина уже было готово множество новых горшочков, ожидающих посадки в них новых саженцев.

Женя Брюквин пытался вырастить хоть один бонсай на протяжении шести лет. Шесть лет одно и то же. И в итоге у него росло пара изувеченных еле-еле живых деревца, похожих не на культурный бонсай, а на зараженные радиацией мутанты, едва держащиеся между жизнью и смертью.

Когда Женя Брюквин встретил свое совершеннолетие в его деревушке появился интернет. Родители немедленно приобрели ноутбук и тогда-то восемнадцатилетний Женя впервые в жизни ввел в поисковике слово «бонсай». Сначала он прочитал сайт в котором подробно говорилось о том, как выращивать бонсай ПРАВИЛЬНО и сколько трудов это занимает. Тогда-то Женю Брюквина охватило ледяное отчаяние, он понял, что шесть долгих лет занимался совершеннейшей бессмыслицей, душевным онанизмом. Потом он включил фотографии миниатюрных деревцов и через мгновение увидел несколько сотен ПРАВИЛЬНЫХ бонсай.

Женя Брюквин захотел застрелиться из отцовского ружья, но не нашел патроны. После обращения к неврологу и нескольких месяцев душевного терзания, Женя Брюквин поддался на родительские уговоры и переключил свой лишенный цели сублимативный потенциал на что-то иное, а именно – на творчество, а если еще конкретнее – на рисование. Жени внушили (и он в это поверил), что, несмотря на то, что он никогда не обучался живописи, у него все же имеется какой-никакой талант. Женя стал рисовать акварелью. Родители хвалили его, говорили, что их сын пишет картины лучше всех в их деревне. Уже подросший Женя немного сомневался в этом, но старательно проводил за бумагой и акварелью долгие часы, пока, наконец и сам не уверовался в своем таланте.

Все испортил интернет. Перед выпускным днем в школе

Женя посмотрел на ПРАВИЛЬНЫЕ акварельные картины и полез в кладовку за ружейными патронами. Опять не нашел и опять был прием у невролога.

Потом была попытка резьбы по дереву. Но на этот раз Женя не долго испытывал себя на прочность, после первой же поделки, которую он вырезал около недели, он включил уже знакомый интернет и сравнил свое изделие с ПРАВИЛЬНЫМИ. Схема повторилась: интернет – незаряженное ружье – невролог. После попытки писать стихи, схема продвинулась на один пункт: интернет – ружье – невролог – психотерапевт. А после – самостоятельное стеклодувное производство, на которое отец потратил почти полмиллиона рублей (установка одной печи чего стоила! Но Женя так просил! Так хотел заняться выдуванием из стекла красивых вазочек и эксклюзивных елочных игрушек, что отец поддался на его уговоры и вместо автомобиля одарил единственного сына объектом его мечтаний). Брюквину действительно очень нравились изделия из стекла, но, только учить его было не кому. Оказалось, что ни в его деревне, ни во всем районе никто не владел стеклодувным мастерством. В итоге, безуспешно поиздевавшись над расплавленным стеклом, Женя Брюквин открыл интернет и загрузил ПРАВИЛЬНЫЕ стеклянные изделия.

На этот раз уже налаженная схема: «интернет – ружье – невролог», дала сбой и превратилась в схему: «интернет – взрыв стеклодувной мастерской – психотерапевт – психиатр

– рецидив – психиатр – трехмесячное лечение в психоневрологическом отделении областной больницы». Один лечащий врач рекомендовал Брюквину заняться спортом и даже сам договорился со знакомым владельцем спортзала о получении абонеента, по которому Женя посещал спортзал четыре раза в неделю (после выхода из больницы, он не вернулся в деревню, а снял комнату в районном центре). До того холодный к любому виду спорта, Женя увлекся тренажерным залом. Изматывающие занятия и принимаемые стероиды отвлекали Брюквина от воспоминаний о прошлом, он привел себя в приличную физическую форму и благодаря этому даже женился. Но, как всегда, все испортил интернет. Уже опасаясь за дальнейшие события, Женя сравнил свои накачанные за год мускулы с фотографиями ПРАВИЛЬНЫХ трипсов накачанных двенадцатилетних парней. На этот раз Женя сдержался и, никому ничего не сказав, бросил тренажерный зал и вернулся в деревню, утянув туда и свою молодую супругу.

С тех пор бедолажка Женя Брюквин боялся начинать хоть какое-нибудь дело. По натуре творческая личность, он страдал от поиска себя в этом мире. Считая, что человек делает что-то ради конечного результата, а не ради процесса, Женя не понимал, как можно не стремиться к идеалу. Если он что-то начал, он должен достигнуть в этом деле высшего порядка, пика, каких-то недостижимых высот, сделать это лучше всех, иначе для чего тогда вообще что-то делать. А так

как интернет показывал Брюквину, что все высоты уже давным-давно преодолены другими и переплюнуть достижения в той или иной области все равно не получится, то Женя всегда ходил как в воду опущенный и сравнивал свои маленькие достижения с другими. Когда он собирал урожай картофеля, то сравнивал клубни с фотографиями из интернета, вводя в поисковике: «Картофель». Если его жена вязала ему шарф, он и его сравнивал с шарфами из интернета. Дошло до того, что он сравнил собственную жену с фотографиями других жен, а потом и родившегося младенца с фотографиями других младенцев.

Надо ли говорить, что Женя Брюквин остался крайне недоволен сравнением.

Увы, младенца спасти не удалось, а молодую супругу вовремя откачали.

В психиатрической лечебнице, где Женя Брюквин провел почти четыре года, он познакомился с одним неприметным с виду пареньком, требовавшим, чтобы его называли не иначе как Максимилиан Громовержец. Не Максим, не Макс, и уж тем более не Максимка, а только Максимилиан Громовержец. Он не скрывал того, что попадает в стены этого чудесного заведения с периодичной регулярностью и что причиной его заточения является не столько отождествление себя с древнеримским легионером, но прежде всего то, что любимым его занятием на досуге являлось вот что: он подкрадывался к стае голубей, выбирал взглядом одну птицу и под-

прыгивал на месте. Голуби взмывали вверх, а Максимилиан Громовержец рассекал выбранную птичку прямо на лету коротким мечом собственного производства. Причем он не просто разрезал несчастную птичку, он сносил ей головку, чем показывал свое владение холодным оружием. Уж больно ему нравилось это хобби. А окружающим, отчего-то – не нравилось. Окружающие почему-то жалели глупых птичек и нарекали Максимилиана Громовержца психом. Женя и Максимилиан Громовержец сдружились, Брюквину чем-то импонировало мировоззрение Максимилиана Громовержца, а тот, выслушивая женины причитания по поводу того, что жизнь в принципе не имеет смысла, если невозможно достигнуть совершенства, согласно кивал и подсовывал Брюквину брошюрку с философией Фридриха Ницше.

Максимилиана Громовержца освободили из лечебницы на месяц раньше Брюквина. А Женя, после выписки, не вернулся в свою родную деревню, а вновь обосновался в районном центре, пытаясь заработать на кусок хлеба, но без энтузиазма, справедливо считая, что нечего пытаться рвать задницу, зарабатывая бабло, если у других это получается не в пример лучше. В районном центре Брюквин сдружился с одним бандитом по прозвищу Точило. А когда им случайно подвернулось одно дельце, Брюквин и Точило созвонились с Максимилианом Громовержцем.

И уж теперь-то Женя, кажется, нашел ту сферу, в которой он станет лучшим. Ну во всяком случае встанет в один ряд

с лучшими.

С лучшими грабителями.

– Проклятье! – выкрикнул Точило. – Может они уже внутри, а мы тут торчим как три дурака?

– Они должны приехать на «Мазде»! – терпеливо объяснял Брюквин. – Еще есть время. Подождем.

– Я уже задубел ждать! Как хоть они выглядят, может мы их просмотрели?

– Я же говорию – не знаю, – признался Женя. – Знаю, что двое на «Мазде».

07:37 – 07:44

Как правило в цехе было открыто двое ворот – главные и вторые. Первые для привоза в цех заготовок, вторые для вывоза готовой продукции. Но из-за того, что сегодняшний день был объявлен выходным, обои ворота были заперты на замки. Ключей было три комплекта: у заведующего производством Константина Соломонова, у охранников и один – в офисе. Охранник может открыть цех только по требованию начальства или мастера, поэтому пришедший к цеху Степан Коломенский был вынужден сидеть на улице в курилке и ждать генерального – Даниила Даниловича Шепетельникова, который должен приехать к восьми утра. Но вместо генерального он дождался мастера заготовительного участка – Любу Кротову, маленькую женщину с девчачьей фигурой. Взяв ключи на проходной у Пети Эорнидяна и расписавшись

за них как положено по инструкции, она спешила в обогреваемый цех, зябко ежась на холодном ветру. Помимо ручной маленькой женской сумочки на плече у нее висела тяжелая сумка-рюкзак, повернутая на спину. Вид у Любы был подавленный. Высокие каблуки ее зимних сапог чуть-чуть приподнимали ее кверху, но все-равно она вынуждена была разговаривать с высоким Коломенским, задрав подбородок. Поздоровавшись с главным инженером, она спросила зачем он пришел, ведь сегодня выходной. Держа сигарету так, чтобы ветер ее не затушил, Коломенский сказал, что его вызвал генеральный.

– Зачем? – спросила Кротова.

– Что-то с вытяжкой, – ответил Степан Михайлович выходя из курилки. – Надо что-то поменять, но Данила Данилыч, кажись, сам не понял, что. Сейчас будем с ним разбираться.

– Ну да, – согласилась Кротова, поправляя тяжелый рюкзак на спине. – Он об этом и говорил. Говорил, что вытяжка не в порядке, а без нее работать невозможно. И неизвестно как долго продлится ремонт. Поэтому рабочим дали выходной. Так?

– Так, – Коломенскому не нравилось врать. Но он врал.

– И ты что, будешь один ковыряться? Есть же бригада специалистов по вентиляции, они всегда приезжают. – Мэстрица сунула ключ в замок и начала проворачивать. Замок замерз и не поддавался.

– Я не в курсе, Люб, – признался Коломенский. – Может

будет бригада, может не будет. В любом случае я должен буду отключить электроснабжение всего цеха. Ты же знаешь Шепетельникова, он никогда ничего толком не объяснит. Приходи, говорит, надо заняться вытяжкой.

– Странно, Степа... – замок щелкнул и Люба вынула ключ, – По-моему, с вытяжкой порядок...

– А ты зачем пришла? – главный инженер сделал затяжку и воровато оглянулся на будку охранника, надеясь, что Эорнидян не видит, что он курит не в курилке. Он стоял так, что вьюга дула ему прямо в лицо, курить было неудобно. – Он и тебя вызвал?

– Нет. Мне нужно поработать с кое-какими бумажками. – Кротовой не нравилось врать. Не нравилось, но приходилось.

Они отворили цеховую дверь и вместе вошли внутрь. Степан Михайлович, выплюнув окурок направился в раздевалку на второй этаж, а Кротова в кабинет мастеров, расположенную в противоположной стороне огромного цеха. В цеху было сумрачно, но Кротова не включала свет. В этом не было необходимости. Работать сегодня не будут. Она шла мимо станков своего участка, смотря на их темные немного загадочные очертания. Широкий раскрытый станок. Форматный станок с циркулярной пилой, на котором привезенные заготовки режутся на куски необходимой длины. Участок сборки, где женщины-работчие из деталей собирают каркасы дверей и пневмопистолетами скрепляют их скобами. Че-

тырехсторонний фрезеровочный станок, через который пропускают заготовки для придачи им готового вида. Горячий пресс, где на каркасы накладываются листы МДФ и приклеиваются под высоким давлением и высокой температурой. Еще один пресс – малый. Шлифовальный станок для шлифовки до шершавого состояния полуготовые дверные полотна. Еще один шлифовальный станок для обдирки бракованных дверных полотен. Линия каширования, где шершавые дверные полотна обклеиваются с обеих сторон пленкой с имитацией дерева. Если приклеилось плохо – возврат на второй шлифовальный станок и снятие пленки. Станок ЧПУ, где специальными сверлами прорезаются отверстия в дверных полотнах для стеклянных или филенчатых вставок. Еще один ЧПУ для вырезания выемок. Длинный кромкооблицовочный станок для выравнивания и оклеивания кромки. Кромкооблицовочный станок поменьше. Вакуумный пресс для оклеивания небольших филенчатых вставок. Форматно-раскроечный станок для выравнивания дверных полотен и заготовок. Участок ремонта, где женщины затирают царапины и мелкие дефекты, придавая почти готовым дверям правильный вид. И это только один участок – заготовительный. Тут она мастерица. Но в том же цеху есть еще три участка – лакокрасочный (изолированный отдельным помещением), сборка-упаковка и участок погонажных изделий. Соответственно на каждом участке свой мастер. Есть еще склад, но он живет по своим законам и фактически к производству

не относится, там нет ни мастера ни рабочих, только кладовщики и погрузчики. Помимо самих станков в цехе было десятки и десятки европоддонов с дверными деталями и дверями на разных стадиях изготовления.

Минуя свой участок, Люба Кротова повернула на другой, где стояли другие станки. Тяжелый сумка-рюкзак тянул ее спину вниз, вызывая воспоминания о мешке с картошкой. Люба поправила его поудобней, и не забывая и об маленькой женской сумочке зашагала дальше по цеху. Она вышла на участок сборки-упаковки. Две линии окутывания, где детали оклеиваются пленкой для их последующего сбора в сборную дверь. Два станка-рапида, где циркулярные пилы отпиливают края деталей. Еще один кромкооблицовочный станок для других деталей. Большой станок для резки отверстий для замков и петель. Сборочные столы, где рабочие вручную собирают из деталей, стеклянных вставок и филенок готовые сборные двери. Потом двери проходят еще один участок ремонта и идут в лакокрасочный участок, откуда потом на упаковку и на склад.

Основной цех производства имел Т-образную форму, оба луча которой дополнительно изгибаясь через ворота переходили в отдельный изолированный лакокрасочный участок и склад. К тому же из разных мест цеха выходили отдельные помещения – слесарки, компрессорные, подсобки, туалеты, токарные, помещения для гильотинирования экошпона, отдельный стекольный участок для резки стеклянных и

зеркальных вставок, котельная, раздевалки, сушильная комната для испарения лишней влаги деревянных заготовок, помещение для хранения инструментов и расходных материалов, помещение для производства рамок из штапика и прочие. Кроме этого на верхней планке своеобразной буквы «Т», находился антресольный этаж, то-есть дополнительный внутренний цеховой этаж вдоль стены на котором располагались должностные кабинеты (но не офисных служащих, чьи кабинеты располагались вообще в другом здании), на этот этаж шла перегибающаяся пополам стальная лестница. Но и сама буква «Т», обросшая со всех сторон дополнительными помещениями как морской камень обрастает устрицами, содержал в себе хаотично разбросанные в произвольных местах станки, поддоны, стеллажи и оборудование. Цех неоднократно менялся, что-то переставалось, что-то привносилось и убиралось, станки много раз передвигались, где-то ставились перегородки от пыли, а где-то надстраивались конкретные кирпичные стены и натягивались старые рекламные биллборды, превратив в итоге и без того непригодный для производства цех (когда-то он строился под большой гараж для большегрузных автомобилей) в некий стальной муравейник с неясной и запутанной логикой. Станки соседствовали между собой без соблюдения стадии производства, так что рабочим приходилось перевозить детали и дверные полотна от станка к станку через весь цех, преодолевая заторы и нагромождения. Кто-то наиболее

начитанный из офиса, заглядывая в производственный цех сравнивал его с древним Вавилоном. Рабочие у многих своих станков не видят, что происходит на другом конце цеха, пока не подойдут самолично.

Люба Кротова работала мастером заготовительного участка почти десять лет.

07:39 – 08:00

По мерзлой грязи и снегу топали три пары ног. Одна пара – зимние кроссовки, купленные у китайцев в торговом центре, вторая – зимние кроссовки, купленные у китайцев в палатке на рынке, третья пара – зимние кроссовки, купленные у русских в магазине, произведенных в России, фирма-производитель зарегистрирована в России на гражданина России, но по фамилии Чон. Первая и третья пара кроссовок шла впереди, вторая – на несколько шагов позади.

– Эй, мужики, здорово! – первая, третья и вторая пара кроссовок остановилась. Мужики поздоровались и втроем миновали проходную, где каждый из них прикоснулся своим магнитным ключом к электронному турникету и оказался на территории дверной фабрики. Охранник Эорнидян лишь со скучающим видом на секунду оторвался от созерцания собственных мыслей, фантом которых, по-видимому, проецировался на внутренней стороне сетчаток его дремотных глаз.

Трое мужчин, ежась на снежном ветру, трусцой миновали расстояние от проходной до цеха, на бегу взглянули налево

– столовая сегодня закрыта, и вбежали в цеховую дверь, повернули направо, вошли в коридорчик и потопали по лестнице, жалуясь то на неприятную снежную выюгу, то на то, что им давно не выплачивают зарплату и не на что купить элементарного кофе. Действительно, на фабрике по производству межкомнатных дверей, где мужчины числились работниками, ровно два месяца не выплачивалось ни копейки, при том, что раньше заработную плату выдавали более-менее стабильно. Но вдруг, сразу после новогодних праздников на стене цеха, там, где обычно вешались объявления различного содержания и где они, потеряв актуальность, висели месяцами никому не интересные и ненужные, появилось свеженький листочек формата А4. Содержание листочка было следующим: *«В связи с производственной необходимостью заработанная плата за январь будет выплачиваться не в полном объеме. Невыплаченная часть заработной платы будет начислена за февраль»*. И в нижнем правом уголке – мелкая закорючка генерального директора Даниила Даниловича Шепетельникова. Однако, время показало, что зарплата за январь вообще не выплачивалась, а вместо нее рабочие удовлетворились другой бумажкой: *«В связи с временными финансовыми затруднениями заказчиков, заработная плата сотрудников ОАО «Двери Люксэлит» за январь переноситься на день аванса за февраль»*. И опять подпись Шепетельникова. Рабочие вознегодовали, но обещания проглотили и стали ждать день аванса. Аванса не было. Про-

сто не было и все. Рабочие стучались в кабинет заведующего производством Соломонова, но тот только разводил руками и не мог разъяснить ничего. Деньгами он не заведовал и сам сидел без жалования, о чем откровенно и признавался. Через несколько дней вместо пропавшего Шепетельникова, который, похоже, просто боялся появляться перед пролетариатом, на стенде с бумажками появилась очередная писулька, заверенная, впрочем, не самим Шепетельниковым, а главным бухгалтером – Оксаной Альбер: *«Зарплата за январь и февраль в полном объеме будет выплачиваться...»* И стояла конкретная дата – сегодняшний день. Рабочие побузили-побузили, но вернулись к станкам и с нетерпением стали ждать долгожданного дня. Какой-то шутник прилепил самодельное объявление: **«В СВЯЗИ С ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ НЕОБХОДИМОСТЬЮ ЗАРПЛАТА НА ОАО «ДВЕРИ ЛЮКС-ЭЛИТ» БУДЕТ ВЫПЛАЧИВАТЬСЯ В КРИПТОВАЛЮТЕ БИТКОИНАХ. ОБЩЕЕ КОЛИЧЕСТВО ЗАРАБОТАННЫХ БИТКОИНОВ ЗА ДВА МЕСЯЦА – 8 (ВОСЕМЬ) ЕДИНИЦ. ТОРЖЕСТВЕННАЯ ЦЕРЕМОНИЯ МЕЖМОЛЕКУЛЯРНОГО НАНОРАСПИЛА ВОСЬМИ МОНЕТ МЕЖДУ ВСЕМИ РАБОЧИМИ СОСТОИТСЯ В КАБИНЕТЕ ГЛАВНОГО БУХГАЛТЕРА. НАНОРАСПИЛ МОНЕТ ПРОИЗОДИТСЯ ИЗ РАСЧЕТА 0,01073 ГРАММА НА 1000 РУБЛЕЙ. ПРОВЕРИТЬ ТОЧНОСТЬ ПОЛУЧАТЕЛЬ МОЖЕТ В ТРУДОВОЙ ИНСПЕКЦИИ ПО АДРЕСУ... ТЕЛ...»** Шутка, впрочем, не удалась. Оказалось, что ни один человек в

цеху не понимал, что такое биткоины.

Но накануне обещанной зарплаты за два месяца пролетарскую массу собрал начальник производства Соломонов и объявил на собрании, что в связи с отключением системы вентиляции сегодняшний день объявляется выходным. Зарплата переносится еще на день. Рабочие сжали зубы и кулаки, но в глубине души были рады незапланированному выходному дню и почти не стали возмущаться.

Но даже в выходной день кое-кто пришел в цех. Например, трое рабочих: наладчик станков заготовительного участка – Юра Пятипальцев (пара ног под номером 3), станочник ЧПУ – Лева Нилепин (пара ног за номером 1) и ученик электрика – Август Дмитриев (ноги номер 2). Пятипальцев, Нилепин и Дмитриев вошли в раздевалку, где уже сидел Степан Коломенский. Сидел и задумчиво пил бледный пакетированный чай.

– Сегодня будем двигать станок, – заявил Пятипальцев, стряхивая снег с верхней одежды.

– Какой? – спросил молодой, но уже опытный рабочий-станочник Нилепин.

– Не переживай, не твой, – наладчик скинул с ног китайские кроссовки и быстро стянул штаны, выставив на всеобщее обозрение сатиновые трусы.

– Длинный «Кашир»? – уточнил Нилепин, имея в виду один из станков окутывания деталей пленкой. – Соломонов хотел его подвинуть ближе к сборочному участку.

– Нет, – отозвался ученик электрик Дмитриев, человек с необычным именем – Август, и с внешностью мелкопоместного польского шляха. Сам невысокий, с хищным носом и седыми усищами. На его лице навсегда застыло выражение человека, который замыслил какую-то аферу. Он работал на фабрике первый месяц, но уже зарекомендовал себя как лютый борец за трезвость и безалаберный электрик. – Четырехсторонний фрезеровочный переставляем к окнам.

– Он тяжелый, – засомневался Нилепин, облачаясь в фирменную форму с логотипом фабрики. – На телегах? («телегами» или «рохлями» на жаргоне рабочих испокон веков назывались гидравлические тележки)

– Краном, – ответил Пятипалец, почесывая бороδοобразную щетину и присаживаясь за стол.

– Так, ладно... – Нилепин, вдруг, хлопнул в ладони и как-то заговорщицки усмехнулся. – Ну что, пока никого нету... – он выудил из своего пакета, что-то, завернутое в другой пакет и, пряча его в руках, подошел к столу, за которым уже расселись трое коллег. – Давайте-ка, пока никого нету...

– Чего это ты прячешь? – спросил Пятипалец.

– Кое-чего, Юра! Знаете, почему я вчера брал выходной?

– Потому, что позавчера у тебя был день рождения, братан.

– И знаешь, что я попросил у сеструхи? Догадайся, Юрец.

– Братан, ну откуда я могу знать? Электролобзик?

– О! – улыбка Нилепина стала напоминать улыбку злобно-

го клоуна Джокера. – Помнишь, однажды мы с тобой слямзили из супермаркета бутылку вискаря с вишневым вкусом?

– Не бери мне душу, Лева, – чуть не застонал Пятипалец. – У меня до сих пор этот вкус во рту стоит. Я после этого вискаря физически не могу пить ничего другого, а девять сотен за бутылку платить не могу. Жаба душит. Так и мучаюсь, Лева.

– Давай рюмки, друган! Давай рюмашечки! – и с этими словами Нилепин поставил на стол ту самую бутылку виски с вишневым вкусом. – Скорее-скорее, пока никого нет! Рюмашечки!

– Братан!!! – взревел Пятипалец, схватив бутылку как дитя новорожденное. – Братан! О, Лева, о кореш!!! Брат, ты же мне брат!!! Пацаны, вам плеснуть? – этот вопрос бородастый наладчик адресовал жующему утренний бутерброд Августу Дмитриеву и допивающему чай Степану Коломенскому. Степан Михайлович проглотил слюну, но вовремя спохватился, что закодирован. Пересилив себя, он был вынужден отказаться и даже попросил у коллег прощения за то, что в следствии «сами знаете чего» не может составить им компанию. Пацаны понимали и не настаивали. Коломенский свое отпил, переварив за всю свою жизнь столько алкоголя, сколько его коллегам и не снилось и если он в очередной раз сорвется, то однозначно уйдет в долгоиграющий беспросветный запой. А вот Дмитриев принялся разводить демагогию о вреде пьянства, за что был немедленно и беспощадно про-

игнорирован как Пятипальцевым так и Нилепиным.

Нилепин плеснул в две рюмочки ароматной жидкости, они с Пятипальцевым чокнулись и не торопясь выпили. Выпили и откинулись на спинки стульев. Оба полуприкрыли глаза и молчали. Молчали долго, только иногда один из них мычал от удовольствия. О закуске никто из них даже не вспомнил, по, только им одним известному уговору, считая, что закусывать этот божественный нектар кощунственно.

– Еще, – произнес Нилепин, не открывая глаз.

– Не спеши, брат, – Пятипальцев почесал бороду. – Тут главное – не спешить...

– Давай еще по одной, покудова народ не пришел, – попросил Нилепин, – ведь делиться придется...

– Не придется.

– Почему? Придется, Юрец. Че я, пацанов не знаю, только запах почувствуют – вылакают все вмиг.

– Расслабься, друган. Не придется делиться. Эти двое не пьют, – он кивнул на Дмитриева и Коломенского, – а больше никого не будет.

– Никого не будет? Почему?

– Потому что сегодня выходной, брат.

До Нилепина не сразу дошло, где-то секунд через семь.

– Выходной? Как? В натуре?

– Ты не знал? А, ну конечно! Тебя же вчера не было, ты не знаешь. Сегодня, в натуре, выходной, Лева.

– Вот тебе и раз... А вы зачем пришли? Завтра бы станок

перенесли.

– Много заявок на четырехсторонний. Станочники и так не успевают, надо переставить пока цех стоит.

– А меня Шепетельников вызвал, – сказал Коломенский, повторно заваривая пакетированный чай в бокал со странными символами, который Степан Михайлович все время силился понять, но не мог. Один его знакомый объяснил, что художник-дизайнер хотел изобразить на бокале англоязычную фразу, переводимую на русский язык как: «Я люблю себя». Коломенский в это не верил, и сейчас безуспешно пробовал интерпретировать символы по-своему.

– Зачем? – спросил у него Пятипальцев.

– Э... – главный инженер фабрики «Двери Люксэлит» прикусил язык. Вообще-то генеральный директор строго-настрого запретил кому-то говорить о том, что он вызвал Степана Михайловича. Сказал, что сегодня бригада монтажников будет кое-что хитрить с вентиляцией, нарушая разрешенную технологию и об этом надо помалкивать иначе будут проблемы. За молчание Шепетельников даже обещал выписать Степану Михайловичу премию, чего он не делал никогда в жизни. – Э... просто помогать бригаде монтажников. Я знаю систему вентиляции, буду вроде как, руководить.

– Получается, я зря сегодня пришел? – расстроился Нилепин. – Сегодня у всех выходной!

– Почему зря? – ответил Пятипальцев и подумав, достал из кармана зажигалку. По правилам в раздевалке, которая

служила также еще и комнатой приема пищи, курить было строжайше запрещено и даже висела соответствующая наклейка с перечеркнутой сигаретой и уведомление, что за курение в раздевалки со всех присутствующих взыскивается штраф в 500 рублей, поэтому Коломенский с недоуменным вопросом взглянул на Пятипальцева. Закурит он прямо тут в надежде, что отсутствие директоров сыграет ему на руку или все же спуститься на улицу и посетит специальную курилку. Но Юрка ни сделал ни того, ни другого. Он чиркнул зажигалкой, удовлетворился ее работой, потушил и разлил еще по одной рюмочки виски. – Сейчас еще по одной дернем и пойдем станок быстренько переставим. Вот и Август здесь с нами, отключит кабеля. И подключит. Я все проверю, сразу настрою. За час-полтора сможем справиться, а завтра с утра пацаны сразу включают и начнут работать. Поможешь, Лева? А потом монтажники пусть делают с вытяжкой, что хотят, а мы посидим здесь как следует.

– А зарплата? – спросил Лева Нилепин, ожидая, что Юра попытается поджечь разлитое в рюмки виски.

– Завтра, – ответил Пятипальцев, взглянул на каждого из сидящих с ним за одним столом, немного посомневался, но, решившись, опрокинул рюмку и тут-же выпустил огонек зажигалки. Не теряя ни секунды, он поднес к огню левую ладонь и держал ее так, чтобы было как можно больно, но ожога не осталось. Сидящий рядом с Юркой усатый ученик электрика Август Дмитриев чуть не поперхнулся собственной

слюной и, выпучив голубые глаза с расширенными от ужаса зрачками, неотрывно наблюдал, как огонек зажигалки слегка лижет раскрытую ладонь наладчика. Пятипальцев напряг все мускулы лица, видно было что ему становилось нестерпимо больно, но он стойко держался, скалил зубы и морщился. Из горла раздался рык, на побелевшем лице появилась гримаса боли и... удовольствия. Бородач то приближал ладонь к огню, то чуть отдалял, и когда за столом почувствовался легкий запах паленой кожи, Юрка по-медвежьи взревел и убрал руку.

Откинулся на спинку стула и облегченно закрыл глаза, сжимая-разжимая опаленную ладонь.

– Ты че делал? – тихо спросил Дмитриев.

Пятипальцев будто отстранился ото всех, он глубоко дышал, тер ладони и почти яростно блаженно улыбался.

– Кайф! – прохрипел он. – Тебе не понять.

– Нашему Юре нравится испытывать боль, – ответил Лева Нилепин за своего коллегу. – Нравится, что ж с ним поделать. Совместил ощущения на языке и на коже. Че, Юрец, неужели, взаправду, прешься от такого?

– Блин, братуха, у меня аж стояк... – ответил Пятипальцев.

Дмитриев только хлопал глазами.

Коломенский усмехнулся и достал колоду игральных карт.

– Партейку перекинем? Кто будет?

07:43 – 07:46

Константин Олегович Соломонов поставил свою «Мазду СХ7» не на своем обычном месте, а немного в стороне за сугробами, чтобы не привлекать внимания. Взяв барсетку и кейс, он с Оксаной Альбер вышел в метель. Холодные снежинки сразу затрепетали его непослушные кудри, но начальник производства проигнорировал головной убор и пошел к проходной с обнаженной головой. Он шел по глубокому снегу уверенно, казалось, ничто его не волновало. Будто он уже проделывал предстоящее дело и досконально знал пошаговый алгоритм действий. Что нельзя было сказать об Оксане, она беспрестанно вертела головой и вздрагивала от любого проходящего мимо человека. Ее не оставляло чувство тайной слежки и, откровенно говоря, она не решилась бы на это дело, если бы не внутренняя уверенность бесстрашного Соломонова, ведущего ее за собой.

Они быстро шли вдоль бетонного забора, увенчанного витками колючей проволоки, Соломонов знал какой участок этого места не просматривается видеокамерами и вел Оксану именно там. Проходная была за углом, со стороны парковки. В каком-то месте Костя внезапно остановился и, терпеливо игнорируя снежную метель, привстал на снежную кочку и заглянул за забор.

– Чисто, – заключил он после нескольких секунд осмотра внутренней территории фабрики. – Впрочем... Стоп!

– Что там? – спросила, отворачиваясь от вьюги Альбер. Полы ее белого пальто трепыхались на ветру, ноги обдувало неприятным холодом.

– Цех, мать его, уже открыт!

– Кто открыл цех? У кого есть ключи?

– Разумеется, у меня! Я же заведующий производством и было бы очень удивительно, если бы я не имел ключа от своего цеха. Но я еще не пришел... Я стою тут... А цех уже открыт.

– У кого ЕЩЕ есть ключ, Кость? Думай скорее, у меня ноги мерзнут.

– У охранников, мать их.

– У Шепетельникова есть?

– Нет, ему открывают охранники.

Соломонов передал кейс Оксане, а сам раскрыл барсетку. Не обращая внимания на проносящиеся мимо автомобили, достал пакетик с белым порошком, защепнул поочередно две щепотки и резко вдохнул их каждой ноздрей будто нюхательный табак. Альбер закатила глаза и на несколько минут оказалась в компании замкнутого на самом себе мужчины, чьи черные кудри бились на ледяном ветру, а черные глаза неподвижно остановились на какой-то точке. Вскоре он очнулся и спросил, о чем он говорил. Едва сдерживая подступающую ярость, Альбер ответила, что он ни о чем не говорил. Как это ни удивительно, но он НИ О ЧЕМ не говорил, а просто хотел миновать проходную и открыть цех. Но в цех

уже кто-то вошел.

– Значит меняем план, – ответил Соломонов. – Нам нельзя светиться ни перед кем. Мы хотели сами открыть цех, пройти в мой, мать его, кабинет, сделать свое дело, выйти, запретить цех и в темпе вальса миновать охранника. Теперь сделаем по-другому, возможно то, что цех уже открыт, даже лучше. Оксан, послушай, что я тебе скажу... Послушай, что я тебе скажу прямо сейчас и не говори, что я тебе не говорил...

– Говори!

– Мать твою, не перебивай меня, когда я говорю! Не надо открывать свой ротик и пытаться казаться умнее того, с кем ты, мать твою, разговариваешь...

– Я сейчас развернусь и уйду! Не тяни резину, Кость!

– Нам не придется светиться даже перед охранником. Мы прошмыгнем в открытый цех, мать его.

07:43 – 07:58

Наспех одевшись, она отправилась на работу, на ОАО «Двери Люксэлит».

Вообще-то Зинаида Сферина не обязана была сегодня приходить на работу, на вчерашнем собрании выступивший вперед заведующий производством Константин Олегович Соломонов, широко улыбаясь и трясая кудрями сообщил собравшимся, что генеральный директор Шепетельников Даниил Данилович объявляет завтрашний (теперь уже – сего-

дняшний) день внеочередным выходным. Будто-бы сегодня будут устранять какие-то неполадки в системе вентиляции. Зина видела это своими глазами и слышала своими ушами поэтому по полному праву должна была сидеть дома, варить обед, смотреть сериал и ждать супруга. Надежного, в меру толстого, сильного, немного грубого, но, увы, не любимого.

Зинаида собралась на работу потому что просто не могла сидеть на диване или стоять у плиты, когда ее душа испытывала глубокое потрясение, вызванное сильнейшим предчувствием чего-то очень нехорошего. Предчувствие не давало ей покоя последние недели, она не могла избавиться от скверных мыслей, что вот-вот должно было что-то случиться. Что-то непоправимое. И как бы она не старалась, но отделаться от этого тревожного состояния у нее не получалось. Она ходила в местный театр, пила вино, смотрела комедии – бесполезно. Покой не возвращался, сон ухудшился, аппетит пропал. Пропадали любые желания, любые стремления. Подразумевая у себя возникшее онкологическое заболевание, Сферина сходила к специалисту и не успокоилась даже когда после многочисленных анализов получила на руки совершенно безопасное заключение врача. Зинаида Зиновьевна стала принимать успокоительные капли, сосать глицин, пить ромашковый отвар и по примеру соседки украдкой тереть клитор и убедилась на собственном опыте в очень слабой эффективности этих средств. После временных душевных просветов тревога возвращалась. Зина-

ида Зиновьевна страдала, стала нервной, раздражительной, замкнутой, часто пересматривала свои старые фотографии на которых она была молодой, в меру симпатичной, не такой толстой как сейчас, занималась профессиональным спортом и пользовалась популярностью у молодых хоккеистов, чья тренировочная база располагалась неподалеку от ее частного дома. Она уныло доставала из кладовки старый чемодан набитый спортивными вымпелами, грамотами, наградными листами, фотографиями, газетными вырезками. Она перебирала свои медали – бронзовые, серебряные и золотые. Не просто покрашенная штампованная пластмасса, а настоящее золото и серебро, полученное на спартакиадах и олимпиадах. В свое время Зинаида Сферина профессионально занималась легкой атлетикой, а именно – метанием ядра.

Беспричинная тревога началась еще полгода назад, когда одна гадалка с тремя ноздрями предсказала Зинаиде скорый конец, а за отдельную плату уточнила, что конец ее будет то ли ранней весной, то ли поздней зимой и после того как ее дети выйдут замуж и женятся. Сын женился еще за пять лет до встречи Зинаиды с трехноздревой гадалкой, а дочь с октября сожительствует со своим избранником гражданским браком. Можно ли это считать замужеством? Раз дочь считает, значит можно, а тут еще масла в огонь подлила какая-то цыганка с внешностью итальянской баронессы, схватившая в подземном переходе центрального вокзала Зинаиду за ладонь и в мгновение ока предсказав ей близкую кончину. Она

даже деньги не взяла, хотя шокированная Сферина протягивала ей все что было у нее в кошельке. Цыганка категорически отказалась брать деньги, что само по себе не на шутку удивило Зинаиду Зиновьевну. Пребывая под впечатлением от встречи с привокзальной цыганкой и гадалкой с лишней ноздрей, она решила обратиться к одному найденному через «Авито» колдуну в четвертом поколении по имени отец Кузьма, который при личном посещении и передачи ему семи с половиной тысячи рублей, принялся жечь какие-то веточки, гладить хрустальные шарики, закатывать глаза и переворачивать старые замасленные от многократного применения картонки с непонятными Зинаиде Зиновьевне символами. Сферина поморщилась и хотела было уйти от темно-бородого колдуна в четвертом поколении, сразу разочаровавшись в истинных способностях, но громкоголосый отец Кузьма вдруг остановил женщину сильно сжав ее пухленькую ладонь. Он долго смотрел ей прямо в глаза, задавал вопросы по поводу ее предков и обстоятельств ее появления на свет и внезапно помрачнел. Ее семь с половиной тысячи он ей вернул и без объяснений попросил уходить и больше к нему не обращаться. В ее случае, он, дескать, бессилён. Случай, какой-то особенный, необычный. Тогда всерьез обеспокоенная Зинаида шлепнула деньгами о стол и потребовала от колдуна говорить всю правду и не хитрить. Бородатый отец Кузьма замогильным голосом уточнил, действительно ли она хочет услышать правду? В ответ он услышал решительное:

«Да».

И он сказал, что видит ее прошлое, видит настоящее, но не видит будущего. Только тьму. Ее жизнь, по словам предсказателя, должна вскоре оборваться. Конкретную дату он назвать не мог, но предупредил, что смерть свою она получит от служивого. «От солдата?» – переспросила Зинаида Зиновьевна, хватаясь за сердце. Колдун нахмурился, задумался. «Меня убьют на войне?» – предсказатель отрицательно покачал головой на тонкой шее. «Сначала ты убьёшь себя сама, – заявил отец Кузьма, перебирая четки и трясая бородой, – Потом тебя убьёт служивый. Вокруг тебя будет много дерева и железа. Много дерева и железа. Еще вижу снег, много снега... И еще вижу много убиенных. Много убиенных вижу и среди них вижу одного... Любимый твой. Не муж, но любимый». «Ты это... за языком следи, – остановила его Сферина. – Что это ты такое говоришь, старый? Как это не муж, но любимый?» «Это уж тебе виднее. А служивого бойся, бойся служивого! Но от судьбы не убежишь, дочь моя!»

– Какая я тебе дочь! – Сферина резко встала из-за круглого стола, опрокинув картонки и хрустальные шарики, которые запрыгали у нее под ногами. Горя от возмущения, она покинула спиритическую комнату, но слова предсказателя накрепко засели в ее голове. Теперь она страшалась полицейских на улице, шарахалась от проходящих мимо людей в военной форме, не смотрела новости об Украине, Сирии и о других горячих точках. На всякий случай зачастила в церк-

ви. Везде ей мерещились служивые и она ломала голову где может быть много дерева и железа. В-общем ее жизнь превратилась в сущую неврастению, да к тому же, видимо на фоне постоянной тревоги, ей стали сниться кошмары. Она плохо запоминала сюжеты снов, но знала, что ей сняться умершие родственники.

А прошедшей ночью, после того как на ее фабрике был объявлен всеобщий выходной, она как обычно легла в кровать к супругу и повернулась на правый бок, ей приснился самый страшный кошмар в ее жизни. Она, опять же не помнила сюжета, не помнила начала сновидения и практически не запомнила действующих лиц и обстановки, но в подкорку врезался только самый конец. Зато он был поистине страшен, Зинаида даже закричала во сне и надула в постель, чего с ней не случалось ни разу с четырехлетнего возраста.

Голова.

Ей снилась летящая в воздухе голова. Голова летела медленно, будто в замедленной съемке, так же медленно вращаясь в воздухе. Голова была смутно знакома Зинаиде, только женщина не могла вспомнить ее обладателя. Голова была мужская и не молодая. Рот раскрыт, выставив на показ далеко не прекрасные зубы, над ними трепыхающиеся длинные усы. Глаза голубые, выпученные с застывшим в них ужасом. Под правым глазом какая-то прилепившаяся крошка, на темени седые зачесанные назад редеющие и слегка вьющиеся волосы. Но самое удивительное было то, что мужская голова

была как будто вывалена в корице. В светло коричневом мелкодисперсном порошке, который Зинаида Зиновьевна могла идентифицировать только как молотую корицу, которую она покупает в маленьких пакетиках и добавляет в пироги. Голова безмолвно кричала и из открытой раны медленно вырывались кровавые капли...

После этого сна Зинаида Зиновьевна Сферина осталась в твердом убеждении, что незримая до поры смерть уже замахнулась на нее косою. А потом чуть позже, когда она, проводив супруга на его работу, принялась шинковать капусту для щей, она вспомнила лицо летящей головы.

Наспех одевшись, она вызвала такси и поехала на работу, на ОАО «Двери Люксэлит».

07:46 – 07:55

Показывающий всего один канал телевизор рябил и шипел, но Петру Эорнидяну было лень поправлять антенну. В равной степени ему было безразлично что смотреть по телевизору: телефильм или рекламу, шоу или новости, он был равнодушен ко всему на свете, в том числе и к поводу по которому трое рабочих, главный инженер и мастерица заготовительного участка пришли в цех в выходной день. Пришли – значит им нужно. А зачем, не его – Пети – дело. Плевать он хотел с высокой колокольни на то, чем они там занимаются – работают-ли на своих шумных станках или участвуют в оргии. Если в цеху кто-то есть, то и за происходящее

внутри отвечают те, кто там, а в его обязанности входит задержание тех, кто без пропусков, осмотр металлоискателем выходящих (на предмет воровства болтиков) и обход территории в ночное время. Надо сказать, что Эорнидян не выполнял ни одну из этих обязанностей, а если выполнял, то спусти рукава.

Вот сейчас, например, Эорнидян делал растворимый кофе и ковырял в носу. На рабочем месте он уже двадцать восемь минут, а ему уже было непреодолимо скучно, легкая дремота уже слегка прикасалась к нему своими нежными успокаивающими ладонями. Впереди его ожидали целые сутки почти летаргической лени.

Вдруг звонок стационарного телефона.

– Да? ОАО «Двери Люксэлит», – сказал он в трубку, заходя поворачиваясь к листику с номерами телефонов начальства. Чаще всего на проходную фабрики звонят, когда хотят связаться с кем-то из офиса или начальства.

– Алло, это Эорнидян?

– Да.

– Бдишь?

– Бдю.

– Бди.

– Кто звонит? Вам кого?

– Это я звоню...

– А «я» – это кто? – спросил Петя, бросая в кофе два кусочка рафинада. Мучаясь скукой, он любил потрепаться по

телефону и показать свое не разнообразное остроумие.

– Твою мать, идиот! Начальника не узнаешь?

– У меня много начальства. Я по голосу не узнаю. Даниил Данилович, это вы?

– Ну все, лодырь, ты доработался! С тобой Соломонов разговаривает! Соломонов Константин Олегович! Помнишь такого? И если я еще раз услышу от тебя, что ты по голосу не узнаешь, то, твою мать, клянусь, я тебя на хрен уволю! Понял? Отвечай, не жуй сопли! Не слышу!

– Что ответить?

– Что ты запомнил мой голос, мать твою! Запомнил так, что он будет слышаться тебе во время полового акта! Каждый раз! Ну?

– Извините, Константин Олегович. Я запомнил ваш голос.

– Как запомнил?

– Так крепко, что он будет слышаться мне каждый раз во время полового акта, – заучено повторил Эорнидьял.

– Слушай, метнись в кочегарку... что значит «зачем»? Потому что я сказал! Тебе, молокосос, что, не достаточно приказа заведующего производством? Если нет, то можешь прямо сейчас писать заявление по собственному желанию, мать твою! Метнись, говорю, в кочегарку! Да! Да, что б тебя... Зачем-зачем... Скажи кочегару, что-б температуру в трубах прибавил. На улице похолодало, пусть прибавит температуру в трубах. Теперь ясно, мать твою? Да, пусть прибавит температуру в... этих... как их... да, в трубах. А потому, что я

не могу до него дозвониться! Вы два лентяя – ты сидишь как дундук, ни черта ничего не знаешь, а он телефон отключает. Метнись и скажи! Сейчас же! Меня сегодня не будет, но, если завтра утром градусник в цеху покажет меньше девятнадцати градусов – будете уволены оба. Я ясно выразился?

Эорнидян ответил, что ему ясно и прежде чем Константин Олегович успел спросить, есть ли кто в цеху помимо кочегара и если есть, то кто расписался за ключ, охранник Петя положил трубку и быстро выскочил из будки. Попав под метель и, подняв воротник курточки, Эорнидян уже снаружи услышал, как стационарный телефон звонит повторно. Завтра Петя постарается поменяться с другим охранником раньше, чем приедет Соломонов, а если Константин Олегович при встрече будет кричать, почему Эонидян не отвечает на телефонные звонки, то Петя привычно прикинется дурачком и ответит, что исполнял личное поручение Константина Олеговича и немедленно пошел в кочегарку.

На улице было чертовски ветрено, снегопад усиливался с каждым часом и в городе, наверное, уже образовались дорожные пробки. Петя поднял голову на небо – уже светало, становилось не так уныло, но только проклятая бескрайняя туча полностью закрыла небосвод. Противно! До чего же омерзительный климат! Выпрыгивая из своей будки Петя не одел свою зимнюю куртку и в форменной ветровки охранника вмиг промерз. Кутаясь в короткую курточку, он потопал в расположенную за углом основного цеха кочегарку, попутно

высморгнув нос с силой пушечного выстрела. В кочегарке было тепло, даже жарко. Вот кому в такую погоду хорошо – истопнику. Громко играл любимый кочегаром шансон, исполнитель хриплым баритоном пел про любовь к парусникам и прибрежным волнам. Худющий, похожий на заключенного немецкого концлагеря, кочегар закидывал в топку котла отходы производства, коих у него были настоящие горы. Истопника звали Аркадьич, другого имени никто кроме кадровички в отделе кадров не знал, однако ходили слухи, что фамилия этого кочегара была – Кирпичев, а инициалы – Г.А. По крайней мере было замечено, что в ведомости о зарплате Аркадьич расписывался напротив именно этой фамилии.

– Слышь? – крикнул Эорнидян, но кочегар не реагировал, швыряя в топку распиленные куски ДСП. – Эй, Аркадьич, слышь?

– Че? – крикнул худой истопник и зыркнул на Петю взглядом агрессивного мученика. Его лицо с чуть выпученными глазами было очень легко описать тремя словами – череп, обтянутый кожей.

– Соломонов звонил.

– И че?

– Прибавь температуру в трубах.

Аркадьич распрямился и опять посмотрел на Петю страшными глазами живого скелета.

– Пошел на хер! – громко ответил кочегар и вновь взялся

за куски ДСП и МДФ, гора которых была вчера накидана ему из цеха через стенку в специальный отсек. Аркадьич вообще был неприветливым мужиком и гнал из кочегарки всех, кого не считал своим товарищем. Петр Эорнидян не входил в этот круг ограниченных лиц, хоть и работал с ним в одну смену.

– Это Соломонов тебе велел, слышишь! – повторил озябший охранник.

– Кто?

– Соломонов!

– Пошел он в жопу!

– Ну смотри... я тебе передал.

– В жопу пусть идет со своими указаниями! – крикнул Аркадьич и смачно плюнул в топку. – Указывает он! С каких это пор его интересует температура в трубах!

– Говорит, на улице похолодало...

– А то я, в рот его чих-пых, сам этого не вижу! – не на шутку раскричался человек-скелет. – Пусть в жопу идет! Указывает он! А то я сам не знаю! Температуру прибавил еще Пашка под утро! А я еще прибавил! И без всяких его указаний, в рот его чих-пых!!! В цеху скоро можно будет тропические растения выращивать! А ты, молодой, вали к себе, мне указатели не нужны! Я сам кому хошь указать могу!

– Можно, хоть погреться?

– Че?

– Погреться можно?

– Ты знаешь правило?

– Какое?

– Без папироски не входить. Греешься, пока куришь.

Эорнидян достал сигареты, Аркадьич закурил, и они оба сели на лавку.

Цех не был подведен к системе центрального отопления, а по правилам противопожарной безопасности к предприятию деревообрабатывающей промышленности нельзя подводить газовое оборудование. Выход для отопления цеха в зимний период был один – собственная котельная с котлом, работающим на отходах производства и на распиленном браке. А отходов производства на «Дверях Люксэлит» было более чем предостаточно. Ежедневные горы из обрезков ДСП и МДФ, фанеры, соснового и березового бруса, недоделанных и бракованных деталей и изделий, досок, стружки и целые готовые двери. Да, готовые двери. Которые кочегары распиливают на своих циркулярных пилах и кидают в топку. Двери, разумеется, были бракованные. Если сотрудники ОТК находят в уже готовой двери какой-либо дефект, например – несоответствие размерам, сколы, неисправимые царапины, отслаивание покрытия или прочий брак, то дверь списывают (соответственно списывается и некий процент с зарплаты всех рабочих) и отправляется в топку. Раньше эти вполне приемлемые готовые двери продавали рабочим с большой скидкой, но после прихода к власти Даниила Даниловича Шепетьникова было решено (им лично), что если рабочие будут покупать бракованные двери со значительной скидкой,

то они не станут покупать хорошие двери по нормальной цене (среди сотрудников фабрики на хорошие двери действовала скидка в 5%, а на бракованные – до 80%). С тех пор работы у кочегаров прибавилось, а продажи у менеджеров снизились, ибо мало кто из рабочих мог позволить себе новую дверь даже с пятипроцентной скидкой

– А че, Пашка ночью не топил котел? – спросил Эорнидян, глядя на накиданную за вчерашний день кучу ДСП-шных обрезков. Пашка – это другой кочегар.

– Как же не топил? А на улице сколько брака было! Пять поддонов с бракованными филенками, в рот их чих-пых! Он задолбался их распиливать, они широкие в топку не лезут! Хоть сегодня поменьше обрезков будет. Разгребу весь накопившийся брак. Спалю обрезки из сборочного участка. У них как всегда – полно. Ну че? Покурил? Вали к себе, охрана!

07:50 – 08:10

Точило, сутулясь под порывами ледяного ветра, делал свое мокрое дело прямо в сугроб, наблюдая как теплая желтая струя рисует синусоиды на свежевывавшем снегу. Сигарету он, чтобы ветер не выдернул ее изо рта, зжал зубами, выпуская дым чере ноздри. Удовлетворив свои естественные потребности, он застегнул брюки, докурил сигарету до самого фильтра и в последний раз окинул взором парковку. На парковочке было слишком мало автомобилей, чтобы они

могли проглядеть приехавшую «Мазду». Автомобиля такой марки не было и вообще за все время, что они тут проторчали здесь припарковался только «Спектра».

Вьюга через черную шапочку холодила лысину, трепала воротник. Точило выплюнул замерзший окурочок и выматерился. Не скрывая раздражения, он распахнул дверцу «ИЖ Комби», сел за руль и с силой захлопнул дверцу. От такого удара с окон автомобиля местами слетела наледь.

– Все! – рывкнул он своим сидящим на заднем сидении компаньонам. – Сваливаем! Их нет.

Протестов он не получил. Пожалуй, впервые за все время их знакомства у них образовалось единение мыслей. Да, чего уж тут говорить, их план обломился. «Мазда» так и не припарковалась, они напрасно потеряли время, зря ждали и мерзли в этой оранжевой консервной банке, называемой гордым словом «автомобиль».

Точило вставил ключ в замок зажигания, провернул и столкнулся с проблемой. Автомобиль «ИЖ Комби» не заводился. Аккумулятор просто-напросто замерз. Началась самая настоящая битва, где замерзшему аккумулятору противостояло упорства крепкой, сжимающей ключ зажигания, руки здоровяка Точилы. Сидящие позади ему не мешали, ни один из них ни черта не разбирался в двигателях внутреннего сгорания, в аккумуляторах и вязкости масла, впрочем, как и в автомобилях в целом. Водительские права были только у Точилы, машина тоже была его – ему и заводить.

Точило, чьей упертости пока не удавалось прошибить оборону умирающего аккумулятора, с каждым неудачным поворотом ключа начинал беситься и все громче рычать, называя всех очень нецензурной бранью. Очищенная от шелухи мата, мысль его сводилась к следующему – зачем он только согласился с таким планом, зачем он только прислушался к Брюквину и Максимилиану Громовержцу, зачем он только вообще сюда приехал. И вдруг «Комби» неожиданно для всех присутствующих будто бы просралась и, выдав из себя урчащий рев, завелась и даже смогла выкарабкаться из наметенного вокруг нее снежного буруна. Кое-как преодолевая глубокий снежный покров и идя против ветра, несчастная машинка, чьи дни должны были быть уже давно сочтены, несла в себе трех трясущихся на кочках мужчин, выпуская из выхлопной трубы черный жирный дым, вмиг разветриваемый бесследно порывами снежной пурги. Точило буквально вытаскавал свою «Комби» из снежного плена, ощущая себя почти конюхом, заставляющим старую большую лошадь тянуть тяжелые сани.

«Комби» более-менее благополучно выбралась на относительно незаметный участок и свернула на автотрассу, но тут с заднего сидения подскочил молчавший до селе Максимилиан Громовержец и каким-то визгливым голосом велел Точиле повернуть в другую сторону, но не выезжать на заполненную автотранспортом дорогу. Конечно Точило послал бледного товарища куда подальше, но встретившись

с Максимилианом Громовержцем взглядо через зеркальце заднего вида, проглотил вмиг образовавшийся в горле ком и завертел рулевое колесо от автодороги. Бедный автомобильчик, терзаемый неумностью своего водителя с большой неохотой вгрязся колесами в снежную массу, медленно двигаясь куда-то в сторону и от главной дороги и от фабричной парковки.

– Ты чего-то увидел? – спросил сидящий рядом с Максимилианом Громовержец Женя Брюквин и, проследив за указующим перстом бледного компаньона, наткнулся взглядом на свежие еще не занесенные пургой следы протекторов. По ним-то и ехал Точило. Проехав около сотни метров и заехав в какие-то сугробы, величиной с двухэтажный дом (здесь очищающие от снега бульдозеры собирали огромные снежные сугробы), они уткнулись в припаркованный автомобиль, от которого шли две пары свежих человеческих следов. Следы шли в сторону фабричной проходной, в ту самую сторону откуда они только что уехали. А черным автомобилем была «Мазда CX7».

– Это они! – взревел Точило.

Но прежде чем выкрикнул это, он успел остановиться и заглушить мотор.

– Это они! – повторил Точило и яростно завертел ключом зажигания. Он матерился и колотил по рулевому колесу, он выскакивал на ветер, распахивал капот и подолгу возился с аккумулятором. Но второй раз чуда не происходи-

ло. На этот раз «ИЖ Комби», выпущенную в тот год, когда Точило в ясельной группе детского сада №10 проглотил кусок синего пластилина и впервые в жизни столкнулся с процедурой промывания желудка, категорически отказывалась заводиться. Ну просто наотрез! И никакая ругань на нее не влияла.

– Брось ее! – произнес Брюквин, вылезая из несчастного автомобильчика. – Оставь ее, зачем она теперь тебе нужна? Обратно мы поедем на этой! – и с этими словами он подошел к «Мазде» и постучал ее по колесу. – Бежим на проходную, они уже на фабрике!

– Как же мы их просмотрели? – досадовал Точило, в душе, естественно, радуясь будущему новому приобретению.

– Мы просто не знаем их в лицо.

07:51 – 07:52

Повернув за угол, Альбер и Соломонов вышли на парковку у проходной. Оксана на миг остановилась, заметив на полупустой стоянке старую замеченную снегом оранжевую машинку будто-бы из ее далекого детства. Она давно уже не видела такую модель и не помнила ее название. Кажется, разновидность четырехдвенадцатого «Москвича». А возле нее на открытом ветру мочился взрослый мужчина. В другое время она проигнорировала подобного рода транспорт и тем более мужчину, но сейчас ей показалось очень странным, что сделав свое мокрое дело, мужик распахнул дверцу свое-

го ржавого корытца и сел за руль. В занесенном со всех сторон полугнилом автомобильчике теснились еще двое. Оксана сделала вывод, что трем дружкам-алконавтам негде похмелиться с утра и она поддалась на призыв Соломонова не торчать на одном месте, а шевелить задницей.

Пока Петя Эорнидян грелся в кочегарке начальник производства и главная бухгалтерша вошли в опустевшую проходную, самостоятельно кнопкой охранника открыли себе «вертушку» не используя собственные электронные ключи. Таким образом никто не сможет узнать, что они вдвоем проникли на территорию фабрики, ведь данных об их личных индивидуальных ключах не останется. Но прежде чем прошмыгнуть в цех, Соломонов открыл журнал охранника и посмотрел кто расписался о получении ключа от цеха.

– Кротова! – удивился Соломонов. – Какого хрена ей здесь надо, мать ее? Ведь ясно же было сказано – выходной для всех. Она, что глухая? Нет, Оксан, скажи – Кротова глухая? Я помню, что не замечал у нее на ухе слухового аппарата, следовательно, со слухом у нее должен быть порядок... Ты замечала у Кротовой слуховой аппарат, Оксан? Нет? Замечала или нет? Тогда почему она, мать ее, пришла?

– Да откуда мне знать, почему она пришла! – воскликнула взвинченная от нервов Альбер и потащила Костю в цех. – Пришла и пришла! Что, теперь нам проводить расследование? Может, ментов вызовем, Кость? Так даже лучше! Ее электронный ключ зафиксировал время ее прихода, а под-

пись в журнале получения ключа подтвердит, что это была именно она, а не просто кто-то воспользовался ее электронным ключом. Ясно теперь, Кость? А нас здесь нет и не было! Понимаешь? Ты понимаешь? Нам остается быстро сделать наше дело и проскочить назад так же незаметно! Главное – не попасться на глаза Кротовой. Во сколько придет бригада монтажников?

– Каких еще монтажников, мать твою? Сегодня выходной!

– Монтажников вентиляции! К девяти? На все про все у нас час! Шустрой шевелись, Костя!

07:52 – 08:12

В одном из дальних цеховых коридорчиков, ведущих в подсобные помещения, где не было ничего кроме списанного оборудования, мусора и шкафчиков уборщиц стоял, скрываясь в блеклом свете окна пожилой человек. Сутулый, грузный со всегда чуть наклоненной к левому плечу головой. Одет он был в тяжелую дубленку с тремя крупными пуговицами, а на темени красовалась зимняя шапка-кастрюлька с трогательным бантиком из шнурочков. Человек как всегда был хмур и напряжен всем телом, словно готовый к нападению на него любого движущегося и недвижимого предмета. Шапка, как и голова была склонена к левому плечу. Дядя стоял статично, полностью обращенный в слух, но пока не слышал ничего кроме собственного тихого дыхания. Обычно в разгар рабочего дня в этом коридорчике всегда слы-

шан гул вентиляции, отдаленные раскаты работающих станков, а если кто-то входил в эту подсобку, то громко топал по устланному железными листами полу. Сегодня выходной, цех оставался погруженным в глухое сумрачное безмолвие, только если прислушиваться, можно различить вой вьюги за окном.

Человек посмотрел на свои дорогие наручные часы, которые он купил за вырученные от продажи других часов, подаренных ему теми типами, которые ошибочно назывались друзьями. На самом деле у Даниила Данииловича Шепетельникова нет, не было и не может быть друзей, во всяком случае, он не мог наречь этим определением ни одного человека. Ни единого. Были коллеги, были люди, поздравляющие его с днями рождения, были те, с кем ему приходилось (нет, правильнее говорить – он вынужден) иметь общие дела, общий бизнес, сотрудничать. Их было много, пожалуй, слишком много для такого нелюдимого социофоба как Шепетельников. Он с трудом терпел нахождение рядом с собой людей, презирал дружеские общения, ненавидел окружающих, подсознательно считая всех двуличными врагами. В лицо подчиненные и те, кто называл себя друзьями, говорили с ним вежливо, интеллигентно, держали субординацию, но Даниил Даниилович прекрасно знал, что за спиной его презирают хуже чумы.

Он это знал и ни делал ни малейшей попытки исправить сложившееся положение, а наоборот – делал все, чтобы ис-

ключить даже намеки на то, чтобы даже чуть-чуть сблизиться хоть с кем-то. Шепетельников, например, никогда в жизни не здоровался ни с кем, включая представителей фабричной дирекции, ни разу в жизни ни подал руки даже из принятой среди мужчин вежливости. А когда какой-нибудь новенький сотрудник ОАО «Двери Люксэлит», не зная о нраве своего генерального директора при встрече кивнет, скажет «здрасьте» или, не дай Боже, протянет руку, то увидит в ответ... Ничего не увидит. Даниил Данилович пройдет мимо, не удостоив встречного даже поворотом головы, даже движением взгляда.

И подарки, которые окружающие дарят ему на праздники, он продает через интернет. Продает и покупает себе то, что ему действительно нравится.

Шепетельникову показалось, что кто-то вошел в коридорчик. Он мгновенно напрягся всем телом, вжался в угол и почти отвернулся, будто это спасет его от узнавания, если вошедший наткнется на него. Но ему померещилось, и он раздраженно выдохнул. В последнее время ему много что мерещится: что сотрудники фабрики посылают ему во след проклятья, что сочиняют о своем генеральном директоре анекдоты и дерзкие куплеты, что пытаются его отравить чтобы посмеяться над обосранными брюками, что устраивают заговор и отправляют в различные инспекции коллективные жалобы. Отчасти он был прав и его фантазии имели под собой вполне реальную почву, он это знал и от этого еще боль-

ше культивировал ненависть ко всему окружающему.

Ну ничего...

«Ничего, – думал он, внутренне стораая от страха быть здесь обнаруженным непрошеным гостем и ненависти ко всем тем, с кем сталкивала его жизнь. – Ничего, скоро все это закончиться... Скоро все закончиться... Я улечу... Улечу от этих заговорщиков. Улечу туда где никто меня не знает... и гори они все огнем, твари, суки, уроды, дурачье, скоты...» Сейчас ему хотелось в собственный кабинет, где он по крайней мере чувствовал себя в безопасной изоляции. Где он контролировал посетителей и мог накрепко запереть замок и по долгу никого не видеть, не слышать и не разговаривать. Как он выражался – окутать себя роскошью одиночества. Где был только он и... он. Но, к сожалению, сегодня не тот день, когда он мог позволить себе зайти в свой кабинет, потому что ни один человек не должен знать, что в этот день он был на фабрике. Чтобы исключить даже возможную вероятность своего обнаружения на территории собственной фабрики, Даниил Даниилович впервые за все время работы приехал на фабрику на автобусе. О, боже, какая это была непереносимая мука – терпеть рядом с собой этих грязных, тупорылых, сопящих и алчных людей. Но, Шепетельников, кажется, вытерпел. По крайней мере он пересилил себя и не выскочил из автобуса раньше времени, а при выходе его почти и не тошнило. Только он выбросил сдачу за билет, что дала ему женщина-контроллер, потому, что ему было про-

тивно прикасаться к монетам, побывавшим в чужих руках, ведь на них ошеломляющее количество микробов! Он вытирал руки снегом. Ему пришлось проделать этот опаснейший автобусный вояж только для того, чтобы никто не засвидетельствовал наличие его личного «Мерседеса» на фабричной парковке. Потом он, прячась в предрассветной темноте, обошел фабричный забор, приблизился к фасаду одного цехового сооружения и, имея ключ, открыл одну неприметную дверцу, которую не открывали много-много лет. Его следы через считанные минуты занесло снегом, а он, войдя в пустой черный коридор подсобного здания, забитого всяким хламом, через систему коридоров вышел сюда.

Шепетельников еще раз взглянул на наручные часы. За окном уже окончательно посветлело, подсобка постепенно осветлялась, позволяя Даниилу Данииловичу даже заглянуть в сам цех, уголок которого можно было разглядеть с этого поста. Пожилой человек, извлек из внутреннего кармана дубленки сложенный вчетверо лист бумаги. Сильнее склонив голову к левому плечу, генеральный директор поправил тяжелые очки, развернул лист и приблизился к зарешеченному окну, за которым покачивались от пурги торчащие из сугробов лысые стволы кустиков. Тут было заметно светлее и Шепетельников в очередной раз перечитал документ, внизу которого стояла аккуратная подпись главного инженера ОАО «Двери Люксэлит» – Степана Михайловича Коломенского.

Долговязый инженер, которого Шепетельников терпеть

ни мог, поставил эту подпись вчера вечером, причем ставил он ее на пустом листе бумаги. На приказ Даниила Даниловича расписаться внизу пустого листа и поставить дату на день позже (то есть – сегодняшнюю), Степан Михайлович задал резонный вопрос: «Зачем?» и получил подготовленный заранее ответ: «Я не успел подготовить документ о твоём вознаграждении. Ты подпиши, а то я забуду. А я прямо сейчас заполню и немедленно отдам бухгалтеру, чтобы уже послезавтра ты получил деньги». «Какие деньги?» – не сдавался в вопросах Коломенский, которому необычная общительность нелюдимого генерального директора была подозрительна. «Ну как же, ты выйдешь в выходной день на работу. Двойной оклад. Без твоей подписи будет недействителен».

Надо ли говорить, что Коломенский с энтузиазмом расписался в правом нижнем углу и поставил соответствующую сегодняшнему числу дату? А после этого Шепетельников пообещал тому еще кое-какое вознаграждение, если Степан Михайлович ни станет распространяться о том, что выходит сегодня в цех. Коломенский не стал расспрашивать о причине этой секретности и пообещал помалкивать.

Он, кстати, должен был уже прийти. Дожидаясь главного инженера Даниил Данилович еще раз перечитал напечатанный на принтере документ:

«Я, Степан Михайлович Коломенский, нахожусь в здравом уме и полностью отвечаю за свои поступки. Меня ни-

кто не принуждает, никто не заставляет делать то, что я делаю. Всю ответственность за содеянное я беру на себя. Причина моих действий – катастрофическое финансовое положение, невозможность выплатить долговые суммы и невыносимость дальнейшего существования. Я признаю, что своими действиями я наношу непоправимой ущерб предприятию «Двери Люксэлит», но руководствуясь отчаянным душевным состоянием, я принял решение – не просто уйти из жизни, а отомстить своему работодателю – Шепетельникову Даниилу Даниловичу – не выплачивающему мне зарплату, принижающему мое достоинство, постоянно штрафующему меня и грозящему уволить, чем и доведшему меня до долговой ямы, из которой мне, страдающему, к тому же лудоманией (есть поставленный диагноз), не представляется возможным выбраться. Болезненная страсть к денежным ставкам усугубляет мое положение, а получаемой мною зарплатой крайне недостаточно для погашения долгов, и если кто и виноват в моих действиях, то только букмекеры и Шепетельников, будь они прокляты. Понятно, что я не мог сделать все это в одиночку, поэтому признаюсь, что нанял одного человека, а именно Авдотьева Николая Ильича, сами поймете для чего. В качестве подтверждения своих слов скажу, что это я убил Авдотьева, расплатившись с ним за некую работу бутылкой отравленного коньяка. Своим близким и друзьям говорю – простите меня, живите дальше, пусть все у вас будет хорошо, а мой

пример будет уроком. Прощайте! Люблю свою бывшую жену Наталию и дочку Полину»

Генеральный директор сложил листок вчетверо и убрал его обратно во внутренний карман.

08.00 – 08:15

Рука потянулась к четырехугольной бутылки виски, легко взялась за горлышко и потянула бутылку к пристальному взгляду. Висячие усы зашевелились в такт губам, читающим этикетку. Электрик Август Дмитриев решился-таки присоединиться к распивающим Нилепину и Пятипальцеву, но прежде чем плеснуть всем по пятьдесят грамм, он прежде долго и тщательно читал информацию на этикетке.

– А вы знаете, господа, – заявил он, обращаясь не только к Нилепину и Пятипальцеву, но и к сидящему с ними же Степану Коломенскому, – что алкоголь – это яд?

– Так утверждают только те, кто не переваривает спиртное, – ответил Пятипальцев, раздавая игральные карты между собой и главным инженером. Зажигалку он не убрал, она лежала на столе и Дмитриев то и дело бросал на нее взволнованный взгляд. – Давай, Август, наливай? Ты с нами?

Дмитриев усмехнулся в усы и разлил на троих, но сразу пить не стал, а принялся долго рассматривать виски на свет, нюхать и крутить рюмку, играя на хрустальных гранях световыми лучами от подвешенных к потолку ламп.

– Спиртное яд в любых количествах, – нравоучал он, –

хоть рюмка, хоть капля. Яд! Наркотик!

Коломенский с досадой упер взгляд в розданные карты. О! Ему не надо было говорить о спиртном! Ему, алкоголику со стажем, перепробовавшим все, что можно и нельзя. Ему, лишенному двух пальцев на ноге из-за обморожения по-пьяне. Ему, испытавшему однажды клиническую смерть от отравления мителивым спиртом. Ему, закодированному пьянице, состоявшему в обществе анонимных алкоголиков. Ему, имеющему психофизиологическую потребность в спиртном, и сдерживающегося разве только силой воли и отсутствием денег, которые он, видимо на подсознательном уровне, тратил на спортивные ставки. Тратил деньги на ставки, лишь бы их у него не было, иначе он сорвется и начнет тратить их на спиртное. Это объяснял его онлайн-психолог. А Дмитриев говорил точно-такие же слова как те врачи в наркологическом отделении и как тот хирург, что оттяпал ему почерневшие воняющие сыром пальцы. Тогда Коломенскому еще повезло – врачи говорили, что придется ампутировать половину стопы.

Ученик электрика медленно и со вкусом проглотил виски и удовлетворенно пошамкал губами с лиловыми прожилками. Вытер усы и продолжил:

– Люди думают, что можно пить в умеренных дозах, – говорил он, – Ну допустим – бокал вина или кружку пива.

– А что – нет? – задал вопрос Пятипальцев, отбиваясь крестовым валетом от восьмерки соответствующей масти.

– Насаждение спиртных напитков в России как и в других странах всегда основывалось на лжи, которую распространяли те, кто наживался на продаже спиртного и хотел спойть наш народ. Как это происходило у североамериканских индейцев или на дальнем севере. Распространители заявляют, что пить алкоголь – даже отчасти полезно для сосудов, для сердца, для желудка и вообще для общего самочувствия.

– А что, это не так? – спросил Нилепин. Лева не играл в карты, не хотел. Он рассматривал уже немолодого ученика электрика – короткая шея и чуть сутулые плечи, выраженные мешки под глазами, чуть желтоватые склеры, седые усы с опущенными кончиками, зачесанные назад редяющие седые волосы, небелые зубы с частыми вкраплениями золотого. Под правым глазом то-ли висячая папиллома, то-ли бородавочка. Нилепин не знал, как это называется.

– Повторяю – алкоголь, это яд, отрава, наркотик, – Август понюхал опустевшую рюмку и поставил ее обратно на стол. – То, что алкоголь полезен – вранье. По своему действию это протоплазматический яд.

– Какой яд? – спросил бросающий на стол червовую десятку Юрка Пятипальцев.

– Протоплазматический. Разрушающий организм. Наркотические свойства алкоголя заключаются в том, что после первого приема возникает желание повторить, и чем больше человек повторяет, тем это желание усиливается. Вот, Степа, не даст соврать. Скажи-ка, дружище, как врачи называют

такое состояние? Уж ты должен знать.

– Алкогольная зависимость, будь она проклята! – ответил Коломенский и даже стукнул кулаком по столу от чего его бокал с загадочными символами подскочил и звякнул чайной ложкой.

– По мере привыкания человеку уже не хватает прежних доз и ему требуется все больше и больше, – продолжал Август Дмитриев, рассматривая пустую рюмку. – Вторая ложь, которая оправдывает пьянство, это уверения в том, что без спиртного нет и не может быть никакого веселья и праздника. Ведь у нас как: если праздничный стол – то обязательно нужно ставить бутылки и пить до самого конца, а если мало, то бежать в магазин за следующей. Пить и жрать, пить и жрать. Я думаю вам не надо говорить о вреде чрезмерного употребления жирной пищи и спиртного. Вы и без меня знаете о гастрите, панкреатите, язве желудка, ожирении, сахарном диабете и прочем. Степ, ты знаешь?

– Харе меня подкалывать! – не выдержал Коломенский и раздраженно взял три карты из колоды. – Я вообще-то завязал и в отличии от тебя, Август, не выпил ни глотка.

– А что, Август, скажешь, что алкоголь не приносит кайфа? – поинтересовался Нилепин.

– Вот именно, что «кайф», – согласился Дмитриев. – Ты сейчас правильное слово подобрал – кайф. Такой-же как марихуана и другие наркотики, которые я не буду перечислять. Алкоголь не приносит веселья и радости, он не раскрепо-

щает личность, а только... – Август налил по следующей и поднес к себе янтарную жидкость, – гасит чувство стыда, чувство сдержанности, чувство моральной ответственности, нравственности.

Дмитриев с удовольствием выпил.

– Во всем виноваты производители и распространители. – продолжил он. – Потому что производство и распространение алкогольной продукции – это колоссальные деньги. Это реально очень большие деньги и если сейчас объявить сухой закон, то казна недополучит в бюджет миллиарды. Миллиарды рублей! Разумеется, производителям не выгоден спад потребления, им чем народ больше спивается, тем лучше. Ради лишнего рубля они готовы открывать собственные лаборатории, финансировать их и доказывать, что несколько капель водки полезно для сна ребенка, а язвеннику бухать натошак чистый этиловый спирт полезно для желудка. Вы знаете, что для обычного среднестатистического человека смертельная доза водки – две бутылки. Одна стоит две-три сотни рублей и продается в неограниченном количестве на каждом углу. В итоге за какую-то тысячу рублей можно убить на смерть трех взрослых людей, да еще соточка останется. Я не говорю о детях. Теоретически той же суммы достаточно для сведения в могилы двух групп детского садика.

Пятипальцев и Коломенский играли в карты, Дмитриев вдумчиво рассуждал о вреде алкоголя, ставя его в один ряд с наркотиками, и, надо признать, Нилепин не мог с ним не со-

гласиться, хотя возражал, что, на его взгляд, Август уж слишком сгущает краски.

– Пожалуй, в чем-то ты прав, – кивнул Лева. – Однако я думаю, что помимо алкоголя в мире есть и другие более ядовитые вещества, от которых никуда не деться?

– Ты имеешь в виду пищевые добавки, – спросил Дмитриев.

– Я имею в виду не просто пищевые добавки, я говорю о той химии, которую производители добавляют в детские продукты питания и тем самым отравляют детские организмы с самого рождения. Усилители вкуса, красители, ароматизаторы, консерванты и прочая химическая бурда.

– А как же без этого? – пожал плечами усатый электрик. – Планета перенаселена, на всех жрачки не хватает, тем более натуральной. Представь, если каждому человеку на планете каждый месяц нужно съесть поросенка. Где столько поросей держать?

08:01 – 08:05

Не успел Петя Эорнидян поудобнее устроится на стуле и приступить к питию остывшего чая, как к турникету проходной приблизились трое добрых молодцев и потребовали пропустить их без пропусков. Один из них прихрамывал на ногу, не сгибал ее в колене, что говорило о вероятном наличии искусственного протеза. Охранник вновь отставил чай в сторону и ответил, что не имеет права пропускать посторон-

них лиц на территорию фабрики без электронных пропусков или письменных разрешений дирекции. Троица заявила, что вчера они проходили через турникет безо всяких пропусков и даже паспорта не предъявляли.

– Неужели? – спросил Петя. – И кто же вас пропустил?

– Такой крепкий чувак, – ответил один из троицы. – С носом как картошка.

Нос-картошка был у Ивана Тургенева.

– А вы кто, вообще? – спросил Эорнидян.

– Как кто? Мы второй день вентиляцию ремонтируем!

Эорнидян нахмурился и впервые рассмотрел троих ребят, одетых в рабочую форму с логотипом фирмы по монтажу вентиляционных систем.

Один – с кривоносом лицом истинного бандита. Крепкий юноша, Пете не хотелось бы сталкиваться с ним в подворотне. Второй – тот что хромал на ногу – какой-то невысокий парнишка с никаким лицом и в куртке, явно не по размеру. Третий, тот что стоял первым и просился пройти через турникет – довольно симпатичный молодой человек, в меру упитанный с пижонскими усиками под носом. В руке у бандитообразного был большой ящик с инструментами.

– Если не веришь, позвони заводу Соломонову, – сказал усатый красавчик. – Но вчера мы проходили и даже по обед уходили без всяких пропусков.

Эорнидян меньше всего хотелось звонить Соломонову, поэтому, троичным нажатием кнопки он пропустил всех

троих монтажников на территорию фабрики. Ребята быстро зашли в цех.

Охранник, наконец, смог задремать.

08:01 – 08:06

Маленькая женщина с девчачьей фигуркой медленно и боязливо двигалась мимо различных станков и аппаратов, мимо европоддонов в недоделанными межкомнатными дверями и еще неготовыми дверными полотнами, и с каждым шагом ей становилось все страшнее и страшнее. Она вообще была довольно впечатлительной женщиной, боялась мышей и насекомых и вообще всего необычного и подозрительного. Иногда она останавливалась и прислушивалась, ей казалось, что она слышит то, чего здесь быть не могло и от этого ей становилось еще жутче. То тут, то там ей мерещились тени и она почти вздрагивала и то и дело намеревалась подойти к электрическому щитку и включить свет хотя бы в этом цеховом квадрате. Но блеклый утренний свет, проходящий через окна, освещал цех относительно нормально и Люба Кротова решила все-таки обойтись без электричества, тем более, что не хотела привлекать к себе ненужное внимание пришедшего в цех Степы Коломенского, который, по его словам, должен был сейчас работать совсем в другой части предприятия – на лакокрасочном участке. Но если он увидит включенный свет, то подойдет, чтобы его выключить и обнаружит здесь пребывающую в странном одиночестве мастерицу. Как она

объяснит ему свое присутствие? Она и так наврала ему что-то про какие-то документы.

Люба резко обернулась. Нет, никого нет. Это только тающие тени от станков и оборудования. Кротова поправила матерчатый рюкзачок на плече, и, собравшись с духом, преодолела последние метры, оказавшись возле вторых ворот цеха, из которых автопогрузчиком вывозят на склад поддоны с готовыми упакованными в целлофан дверями. Помимо нескольких готовых к вывозу поддонов тут неподалеку стоял упаковочный станок и несколько специализированных столов для окончательного ремонта дверей. Это место относилось не к участку мастера Любови Романовны Кротовой, тут командовала другой мастер – Вадим Образцов. Кротова испытывала к Образцову двойственные чувства: с одной стороны, несмотря на то, что мастер участка сборки-упаковки работал на «Дверях Люксэлит» менее года, он уже проявил себя как очень строгий и требовательный мастер, добивающийся от рабочих правильного выполнения своих непосредственных обязанностей, а с другой стороны – Вадим почти всегда занимал сторону генерального директора, а это сулило ему гипотетические шансы на то, что Вадим когда-нибудь может занять место заведующего производством, тем более что и сам генеральный директор Шепетельников ненавидит Образцова значительно меньше, чем Кротову. А почему? Люба усмехнулась, потому что знала ответ, так же как его знали и Соломонов, на чье место рано или поздно мо-

жет сесть Образцов, так же, как и Шепетельников, который может в любой день уволить Соломонова (о чем среди рабочих в последнее время бродили упорные слухи). Суровый и хитрый Вадим Образцов умел угодить главному боссу, зато из рабочих выжимал все пролетарские соки и слезы, придираясь к самому мелкому браку и, по любому пустяку незамедлительно бегущему, минуя Соломонова, сразу к Даниилу Данииловичу и заставляющему виноватого писать объяснительные. Люба Кротова была не такой и, увы, ей приходилось нелегко маневрировать между двух огней: с одной стороны Шепетельников и Соломонов, с другой – весь ее заготовительный участок с шестьюдесятью одним человеком, двадцать три из которых были женщинами.

Кротова являлась как-бы прослойкой между верхами и низами и, соответственно, выслушивала и от первых и от вторых. Ей было трудно. Нервы держались только благодаря успокоительным препаратам и еще многолетней выдержки. Особенно сложно было в первые месяцы и годы работы, а сейчас, спустя семь лет (первые три года и ее десятилетнего стажа пришлось на выполнения обязанностей работницы-ремонтницы и станочницы линии кашировки) Люба кое-чему научилась. Не только как сглаживать пролетарские ежедневные косяки, но и как удерживать собственное душевное спокойствие и уравновешенность. Ей казалось, что у нее получается, хотя с каждым годом становилось все грустнее и грустнее. Годы-то идут! Время летит как ветер, как пурга за

окном, а Люба Кротова все живет своим цехом, своим заготовительным участком, отдав в жертву бесперебойному производству межкомнатных дверей свою личную жизнь. У Любы не было мужа и не было даже намека на интимную жизнь, потому что Кротова все время проводила в цеху, ненормированно работая на производстве по шесть дней в неделю. Раз нет интимной жизни, то не было и детей. У Любы Кротовой не было на семью ни времени, ни эмоциональных сил, она просто-напросто выгорала на работе, приходя домой полностью опустошенной и нервной. Голова всегда была забита производством.

Вот уже восьмой год как Люба Кротова метит на пост заведующего производством, выкладываясь полностью, сильно страдая от отсутствия интима и просто элементарной любви. Да, ее участок почти всегда был передовым, Соломонов не имел к ней претензий и уважал свою подчиненную, но вот дома, когда Люба входила в пустующую квартиру, она давала волю чувствам и плакала. А в последнее время она все чаще плакала, оставаясь наедине с самой собой. Плакала от того, что нет мужа, нет детей, нет любви и самое главное – нет перспектив в работе. Как бы она ни старалась, сколько бы не работала и какие-бы похвалы не получала от начальства (Шепетьников ни в счет – он скорее откусит и проглотит свой язык, чем даже помыслит сказать что-то хорошее), но мечта возглавить все производство оставалась такой-же неосуществимой как в первый день работы, хотя, казалось бы, у нее

были все основания получить эту должность. Она работала на фабрике дольше всех, она на зубок знала все станки, каждый этап производства и к ней за ответами бегали со всего цеха, даже из других участков, где были свои мастера. Она знала, что могла бы руководить производством даже лучше Константина Соломонова.

И ей все чаще казалось, что она навсегда застряла в должности мастера заготовительного участка. Менялись генеральные директора (Шепетельников Д.Д. купил фабрику три года назад у бизнесмена Васильева Е.Л.), менялись заведующие производством (до попавшего по семейному благу Соломонова, который приходился каким-то дальним родственником какому-то близкому родственнику Шепетельникова, на ОАО «Двери Люксэлит» поменялись несколько человек), только Любовь Романовна Кротова как монумент стойкости всегда оставалась на своем месте. И это ее начинало бесить.

Люба Кротова остановилась перед большими цеховыми воротами. Это были задние ворота из которых на склад вывозилась готовая продукция. Они были очень высокими, так чтобы могла проехать двадцатитонная фура. Изначально десять лет назад, когда эта бывшая автоколонна переоборудовалась под цех по производству межкомнатных дверей, автомашины загружались готовой продукцией прямо из цеха. Это после со временем рядом организовали складское помещение, но большие ворота так и остались. Кротова смотрела

на эти большие тяжелые ворота, они были в пыли и подтеках с потолка. В полной тишине Люба подняла взор на самый верх и остановила его на левом верхнем углу массивных серо-голубых ворот.

Если бы кто-то наблюдал за женщиной, то потерялся бы в догадках – чем мог привлечь левый верхний угол больших задних ворот. Там не было надписей, не было никаких пометок или еще чего-то выделяющегося. Просто грязный пыльный угол на высоте около пяти метров. Но Люба смотрела именно туда и только ей одной было ведомо, чем знаменателен этот угол. Среди пыльных разводов и паутины только одна Люба Кротова могла различить еле-еле выделяемый грязноватый подтек. Разумеется, давно высохший и превратившийся просто в смазанный общий фон ворот. Ни одному человеку не придет в голову выделить этот развод среди прочей пыли и неотрывно смотреть на него как на божье знамение. Никому кроме Любы Кротовой, которая единственная кто знал, что этот грязноватый развод в левом верхнем углу – все что осталось от ее подружки Анюши.

Это было бывшее пятно крови.

Кровь, которую смыли водой, но которая при высыхании все равно осталась на верхнем левом углу задних ворот.

Люба вытерла слезы и невольно реанимировала память, вернувшись во времени на десять лет назад...

Она с Анюшей узнали о приеме на работу в открывающейся цех по производству межкомнатных дверей из газет-

ного объявления и пришли на ОАО «Двери Люксэлит» вместе, воодушевленные обещанной зарплатой и перспективами карьерного роста. Обоих их приняли на должность простых работниц в цех и в числе прочих двадцати новоявленных рабочих они вошли в свеженький только что открытый цех. Несколько новеньких станков, везде чистота и порядок, ничего лишнего – прелесть, а не работа. Люба и Анюша были невероятно рады и уже строили планы на будущее, как они будут зарабатывать кучу бабла. Был самый первый рабочий день, монтажники оборудования еще продолжали кое-что доделывать в цеху, например, штукатурить стену, что-то сваривать под потолком и монтировать синие новенькие ворота. Пока рабочие топтались у входа (синие ворота в то время значились как единственные, еще не получив статуса «вторые») в ожидании пока кто-то не укажет им ореол их непосредственной работы и не примется обучать новому делу, строители-монтажники, забравшись на строительные леса, что-то орудовали на воротах. Что-то сваривали, пилили болгарками, стучали и выравнивали. Что-то у рабочих не получалось, кажется, не могли добиться строгости горизонтальной ровности, они переругивались и постоянно останавливались подолгу, сверяясь с чертежами.

Люба и Анюша в числе прочих осматривали станки, шушукались, трогали руками и вели себя подобно юным пионеркам впервые попавшим в музей.

На седьмой минуте открытия цеха ворота упали внутрь

помещения.

Они просто упали плашмя, при падении взорвавшись оглушительным грохотом и не на шутку перепугав всех новоприбывших учеников-рабочих. Что-то там наверху, где монтажники пытались придать воротам прямоту и ровность, не срослось, не вышло как надо и сорвалось. Удержать ворота было нереально, рабочие-монтажники даже и не пытались это сделать, мгновенно оценив, что это не в человеческих силах. И ворота просто-напросто повалились внутрь цеха.

Любу не задело, только окатило ударной волной.

А Анюшу накрыло. Углом.

Если бы она стояла на два шага дальше...

Потом было расследование. Дирекция открывшейся фабрики отвертелась. Рабочие-монтажники получили незначительные условные сроки за причинение смерти по неосторожности. Короче говоря – типичный несчастный случай. На момент падения ворот девушка стояла в недозволенном по технике безопасности месте, а рабочие просто не смотрели вниз, занятые своим делом. Окаянные ворота отмыли от крови (но не перекрасили) и все-таки водрузили на их полагающееся место. Морально контуженая горем Люба Кротова, хоть и посчитала смерть лучшей подруги дурным знаком, но все равно, вопреки советам родных и друзей, осталась работать на фабрике. Просто в их районном центре было очень мало нормальных рабочих мест производственных специальностей. Спустя какое-то время она осталась единствен-

ной свидетельницей того трагического несчастного случая, унесшего жизнь молоденькой девушки Анюши, проработавшей на ОАО «Двери Люксэлит» ровно семь минут.

А с годами обстоятельства несчастного случая стали обростать домыслами и даже мифами. Очевидцы увольнялись, приходили новые рабочие и до них доносились лишь отголоски того самого первого дня открытия цеха и, в конце концов, девушка Анюша превратилась то ли в легенду, то ли в страшную сказку-пугалку. Да и имени-то ее никто кроме Любы Кротовой не мог знать, в сказаниях и мифах, она фигурировала как Молоденькая. И никто уже достоверно не знал какими из двух ворот ее придавило.

Да и было ли это вообще...

Люба долго смотрела на блеклое пятно неумытой крови своей подруги и вытерев слезы, опустила глаза ровно на то место, где лежало распластанное тело раздавленной Анюши. Пол, разумеется, не сохранил следы тела, все стерлось давным-давно, но конкретную точку Люба знала слишком хорошо, чтобы всякий раз проходя мимо не опускать на него взгляд.

Вот тут. Раньше здесь ничего не было, потом стояли стеллажи с заготовками, а потом вон сюда поставили упаковочный станок. Чуть сбоку от станка, неподалеку от вот этих поддонов с готовыми кухонными дверями... Люба встала на это место и подняла голову на верх...

Представила, как падают ворота... На нее... Прямо на те-

мечко...

И брызги ее мозга на полу и на упакованных белых глянце-
цевых кухонных дверях...

Потом сняла с плеча тяжелый матерчатый сумку-рюкзак
и принялась за дело.

08:06 – 08:17

Высокий статный мужчина уверенно шагал по своему це-
ху, зная в нем каждый закоулок, зная куда лучше свернуть,
чтобы не попасться на глаза находящейся где-то тут Любе
Кротовой, знал, где лучше приостановиться и осмотреться,
чтобы не, тратя впустую драгоценное время, быстро шаг-
нуть вперед и потянуть за собой Оксану Альбер. Заведую-
щий производством не терзался сомнениями, он точно знал,
что делать, как делать и когда делать, советчик в лице глав-
ной бухгалтерше его только нервировали, о чем он и сказал
ей в свойственной ему манере, начав издалека и завершив
упрек вопросом, на который она должна была ответить и со-
образить самостоятельно.

У него были широкие шаги, он двигался как демонстрант
на митинге, прямо держа кубическую голову и ровно, но рез-
ко дыша полной грудью. Никаких колебаний! Прочь сомне-
ния! Он все делает правильно! Он всегда все делает имен-
но так как запланировано судьбой, а если чуть расслабится
и пустит в свою душу хоть толику смятения, то обязатель-
но начнет колебаться и взвешивать все «за» и «против». А

это первый шаг к поражению, Костя Соломонов это хорошо знал.

Он уже преодолел половину цеха, зорко высматривая по сторонам посторонних людей. Оксана раздраженно сказала ему, что, если не считать мастерлицу заготовительного участка, то цех должен быть пуст, но Костя, не сдерживаясь в выражениях, откровенно приказал Альбер помолчать немного и не отвлекать его. Если они хотят повернуть то дельце, за которым они сюда приехали, то им следует быть максимально незаметными. Цех радовал Соломонова своей безжизненностью, но он не позволял себе расслабляться. Он переведет дух позже, когда будет далеко от сюда, а сейчас необходимо предельное сосредоточение. Соломонову что-то показалось за вакуумным прессом и он мгновенно свернул в другой проход и притих за ЧПУ. Он действовал столь стремительно и уверенно, что Оксана вынуждена была признать, что ей кажется, что все что сейчас происходит – заранее запланировано Костей. Уж больно все ровно выходит. Соломонов усмехнулся. Еще бы! У него всегда все выходит идеально, а все потому, что он всегда точно знает, что нужно делать. Что он привык заранее продумывать каждый последующий ход, а если ситуация меняется, то он мгновенно находит единственно верное решение.

Он тихо и быстро двинулся дальше по направлению к антресольному этажу и к своему кабинету. Мимо станков и поддонов с деталями. Мимо автопогрузчика, мимо шлифо-

вальной камеры. Мимо неправильно укрепленного стеллажа с тяжелыми бобинами пленки, приготовленными для оклеивания полотен и деталей. То, что стеллаж стал раскачиваться от веса, стало заметно несколько дней назад и Соломонов с Коломенским определили, что в какой-то момент времени от неправильного распределения веса и перегиба балки лопнули сразу несколько соединительных болтов. Соломонов запретил ставить на этот стеллаж дополнительные грузы, но освободить стеллаж от бобин и исправить соединения у него пока не было возможности.

Альбер едва успевала за Константином Олеговичем, полы ее белого пальто хлопали за спиной и поднимали пыль, которой в цеху всегда было очень много, несмотря на добротную вытяжку.

– Стой, – Оксана резко остановила стремительного Соломонова и он тут же мгновенно сориентировался и прижался к проблемным стеллажам, так чтобы ни его ни Оксаны было не заметно.

– Ты кого-то увидела? – тихо спросил он, зыряка по сторонам.

– Кажется да... – неуверенно пробормотала Альбер. – Вон там.

– Где? – начинал раздражаться заведующий производством. Нервная подозрительность его компаньонки может испортить все дело. Ведь все шло как нельзя лучше!

– Вон там.

– Твою мать, где? Я никого не вижу!

– Вон там что у вас? – женщина поправила севшую на глаза белую вязаную зимнюю шапку. – Вон в том коридоре? Кажется, я заметила там чью-то тень.

– Там ничего нет. Подсобки.

– Кротова может быть там?

– Какого, мать ее, дьявола ей там делать? – ответил вопросом на вопрос раздражающийся Соломонов и целых три секунды всерьез ждал ответа от главного бухгалтера, которая и в цеху-то практически никогда не бывала и с Кротовой была знакома лишь шапочно. Рабочее место госпожи Альбер было в бухгалтерии, рядом с генеральным директором, в офисном здании, а тут – в цеху – вотчина Соломонова. Он тут хозяин, а она лишь гость.

Константин Олегович всмотрелся в темный проем коридорчика, куда указывала Альбер. Оксане померещилось, надо двигаться дальше. Соломонов выбежал из-за укрытия и быстро-быстро засеменял к лестнице, ведущей на антресольный этаж, на котором располагался ряд кабинетов, включая его личный. Однако внезапно Оксана Альбер отбежала в сторону и подошла к темнеющему проему коридорчика. Соломонов позвал ее, но главный бухгалтер осторожно заглянула в тень проема и даже тихонечко зашла внутрь.

Кот.

Сидит на полу как ни в чем не бывало. Сидит и с недоуменным презрением смотрит на Альбер, словно она отвле-

кает его от самосозерцания. Оксана боязливо осмотрелась – больше никого, только сырой запах мокрой штукатурки от протекающего потолка. Раньше Оксане Игоревне никогда не приходилось заходить в этот закоулок и у нее не возникло ни малейшего желания изведывать этот коридорчик внутри. Если тут и есть кто-то кроме кота, то эта личность специально прячется от них, а зачем бы это делать? Но Соломонов развеял ее подозрения, грубо взяв ее под локоть и выводя обратно в цех, приговаривая в свойственной ему манере, что он не может припомнить, чтобы Альбер жаловалась на галлюцинации и неврастению.

– Не отставай, – сделал замечание Соломонов, – и не сворачивала куда тебя не просят.

– Мне показалась, что там Кротова, – проговорила она.

– Ничего подобного, – с усмешкой ответил высокий мужчина.

– Но она же в цеху! Где тогда она, если мы ее не видели? В уборной?

– Я ее нашел, – заведующий производством даже как-то расслабился, выдохнул, даже улыбнулся. Он подвел Оксану к одному из станков, значение которого бухгалтерша не знала и даже не догадывалась, и показал ей в сторону, где вдалеке у задних ворот находилась Люба Кротова. – Вон она.

Прячась за большим станком, они наблюдали за маленькой девушкой, казавшей отсюда совсем уж крошечной и почти сливающейся с цеховым оборудованием. Кротова была

далеко от них и не могла их видеть, если они не выйдут из-за своего укрытия.

– А что она там делает? – прошептала Альбер.

Не замечая прячущуюся парочку Люба Кротова то и дело осматривалась по сторонам. Почему-то находясь именно на определенном месте у больших тяжелых ворот, мастерица сняла свой рюкзак, выложила из него какие-то неразборчивые издали предметики и стала аккуратно расставлять их на полу в каком-то только ей ведомом порядке. Потом она достала книги и тетради, тоже положила их прямо на пол, сама села на колени и, раскрыв самый толстый том на нужной странице, стала дотрагиваться до расставленных предметов.

– Она зажигает свечи, – сказал более зоркий Соломонов тихим глухим голосом.

– Что она делает? – не поняла Альбер.

– Ты знаешь значение слова «зажигать»? Если нет, то почему у тебя высшее образование?

– Я знаю значение слова «зажигать»! – шипела Альбер. – Тебе будет трудно поверить, но я даже знаю значение слова «свеча»! Какого лешего она это здесь делает? Она не перепутала наш цех с церковью?

Соломонов молчал и жевал губы. Он догадался о причине появления тут в этот час Кротовой. Люба уже давно говорила ему о кое-каких цеховых неурядицах, причину которых ей не удавалось выяснить. Будто кто-то хозяйничает в цеху по ночам, когда после окончания рабочих смен люди поки-

дают здание и расходяться по домам. Но это еще не все. К этим необъяснимым явлениям Люба считала причастной тот давний несчастный случай со своей подругой, о котором она рассказала Кости. Соломонов в тот раз выслушал Любу, посочувствовал ее подруге, и, присовокупив некую долю юмора, посоветовал Кротовой внимательней следить за рабочими. Кто-то из сотрудников ее участка, вероятно, затаил злобу и вредит производству и Любе не стоит связывать это с призраком погибшей девушке, которая была известна в цеху как легендарная Молоденькая. Люба призналась Кости, что ей кажется, будто в цеху кто-то живет по ночам и она думает, что это дух Анюши Молоденькой. Соломонов никогда не придавал этому большого значения. Только уважение к мертвым и к Любе Кротовой, которую Костя считал профессиональной мастерицей, не позволили ему в свойственной ему манере охаять ее мистический страх.

«Все-таки она затеяла какую-то спиритическую хрень, – думал Соломонов, наблюдая за странными действиями маленькой девушки. – Ладно... Пусть, мать ее, делает что хочет... Ее присутствие нам на руку. Пусть потом объясняется на допросах в следственном комитете. Зато теперь мы знаем где она. А пока она там бесов гоняет, мы сделаем свое дело. Надо же как везет! Лучше и не придумаешь!». С этими мыслями он потянул Оксану Альбер за собой и быстро и незаметно для Кротовой поднялся по лестнице к своему кабинету. Мастерица пропала из виду, теперь Соломонову и

Альбер остались наедине сами с собой.

Заведующий производством достал ключ от кабинета.

– Подожди! – почти вскричала бухгалтер и вцепилась мужчине в куртку. – Еще кто-то!

– Твою мать!!! – рявкнул Соломонов. – Где на этот раз?

Они вдвоем взглянули вниз с антресольного этажа. Отсюда с шестиметровой высоты хорошо было видно часть цеха, но там куда показывала Альбер никого не было.

– Я видела, – быстро говорила вмиг побледневшая Оксана. – Вон там. Трое мужиков. Точно видела!

– Что? Каких еще мужиков? – теперь уже Соломонов не на шутку встревожился и пытался рассмотреть среди станков и готовой продукции движущиеся фигуры.

– В синей форме. У одного большой ящик.

– В синей? Не в серой с черными вставками?

– В синей, Кость.

– Тогда это не наши. Это, мать их, монтажники вентиляции, – догадался Кость и выдохнул. Достал пакетик с порошком. Первая шепотка пошла в ноздрю с резким коротким шумом. – Че-то они, мать их, рано. – Вторая понюшка пошла потише. На время Соломонов оцепенел и остановил взгляд на чем-то перед собой. Потом он объяснил нервничающей Оксане Игоревне, что монтажники вентиляции будут работать в закрытом лакокрасочном участке и им они не опасны.

– А Шепетельников? – спросила Альбер.

– Он должен будет прийти не раньше девяти. К тому вре-

мени нас уже здесь не будет. – Внезапно Соломонов хохотнул.

– Что смеешься?

– Представил себе, как Кротова будет объясняться перед Данилычем. Они и так друг друга, мать их, ненавидят.

Соломонов открыл свой кабинет, они вошли и прикрыли за собой дверь.

08:07 – 08:28

Степан Коломенский пересилил себя, сдержался от виски с вишневым вкусом и шел на встречу с генеральным директором, преисполненный гордостью за самого себя и свою силу воли. Ведь может не пить, когда другие пьют! Может, если захочет, если возьмет свою волю в кулак! Его онлайн-психотерапевт будет им гордиться. Да Степан Михайловичи и сам был весьма доволен результатом действия курса реабилитации, а ведь сперва с холодным скепсисом относился и к молоденькому улыбчивому врачу-наркологу, и к сколиозному психотерапевту с белорусской фамилией. Но, черт побери, будь он проклят, если их усилия не возымели действия и он – Степан Коломенский – не испытывает тяги к спиртному! Все пили – и Нилепин, и Пятипальцев и даже Дмитриев, которыйпил наравне со всеми и не уставал триндеть о вреде алкоголизма. А он – Степан Михайлович – ни капли!

Итак, первый шаг сделан. Будем считать, что Степан Михайлович Коломенский хотя бы на время избавился от ал-

когольной зависимости. Теперь белорусскому онлайн-психотерапевту предстоит решить другую его зависимость – лудоманию. Пусть Коломенский не думает о спиртном, но зато постоянно прогоняет в голове всевозможные ставки на различные виды спорта, особенно на футболе. Увы, но от навязчивых размышлений ему избавиться не удастся и он по-прежнему опасается, что выданные сегодня или завтра деньги за сегодняшнюю работу в цеху он опять поставит на «Ювентус»... нет, надо прислушаться к совету Пети Эорнидяна и ставить на «Боррусию Дортмунд»... нет, половину на «Боррусию», а половину разделить и поставить на «Динамо» и еще на... Степан еще не решил, он определится на месте, когда придет в букмекерскую контору и возьмет в руки таблицу командных игр.

Степан Михайлович остановился и помотал головой. Опять эти навязчивые мысли. Он еще ничего не получил и даже не знает, когда и сколько получит, а уже мысленно попрощался с премией. И все же, сегодня ночью должен быть такой матч между...

Коломенского отвлекло неожиданное движение среди станков. Впереди он увидел троих рабочих в синей форме с логотипом компании по монтажу и ремонту вентиляционных систем. У одного был большой пластиковый ящик с инструментами, но он нес его так легко и непринужденно, что казалось, что ящик пустой или рабочий обладает недюжинной силой. Рабочие передвигались как-то необычно – то

и дело останавливались и как будто от кого-то скрывались. Один из них хромал, словно опирался на протез. Впрочем, Степану Михайловичу не было до их поведения никакого дела, он еще успеет с ними наработаться, а пока прежде чем приступить к делу, он повернул в уборную. Спустя несколько минут он вошел на лакокрасочный участок – закрытое со всех сторон автономное помещение где производилась лакировка межкомнатных дверей, а также грунтовка и лакировка белых дверей для кухонь. Тут было несколько закрытых камер с краскопультами, большой многоступенчатый шлифовальный станок для придания готовым дверям глянцевой ровности, лакировальная камера, сушильная камера, ремонтный участок, отдельные камеры для ручной шлифовки. Во время работы из-за специфического запаха лаков, красок и растворителей почти все одевали респираторы, а для многочасового рабочего дня нужно было приучивать себя к постоянному химическому запаху. Постоянные работники этого участка привыкали, а другие, работающие в основном цехе, заходя сюда морщили носы и терпели головокружение. Запах, пусть и не такой сильный как в рабочее время, сохранился и сейчас, когда участок не работал.

Коломенский вошел и подошел к ожидающему его у одной из шлифовальных камер Даниилу Даниловичу Шепетьникову. Генеральный директор и абсолютный хозяин фабрики «Двери Люксэлит» сразу прикрыл дверь (во избежание попадания на лакокрасочный участок оседающей на

готовой продукции пыли, здесь требовалось сразу закрывать за собой входную дверь) и каким-то нервным голосом поинтересовался у Степана Михайловича, нет ли кого еще в цеху. Глаза у Шепетельникова выкатывались из очков, лицо было бледное, голова как всегда чуть склонена к левому плечу. Даниил Даниилович нетерпеливо и грубо повторил свой вопрос и немного удивленный Коломенский, непонимающий почему факт наличия кого-либо еще в цеху так волнует генерального директора ответил, что никого не видел. Разумеется, он знал, что трое его товарищей вышли из раздевалки и в другом конце основного цеха принялись возиться с четырехсторонним фрезеровочным станком, что в кабинете мастеров сидит Люба Кротова, еще он видел троих рабочих из фирмы по монтажу и обслуживанию вентиляционных систем, но, имея достаточно большой и неприятный опыт общения со своим главным начальником на всякий случай размыто ответил то, что Даниил Даниилович надеется от него услышать. Коломенский не утверждал, что в цеху никого нет, он говорил, что просто никого не видел, а это немного разные понятия. Шепетельникова ответ Коломенского отчасти удовлетворил и он, нервно пряча взгляд, подвел его к дальнему углу лакокрасочного участка. Они остановились у распределительной системы вентиляции не только этого отдельного участка, но здесь же проходила одна из линий вентиляции основного цеха.

«Почему нет троих ребят из фирмы? – подумал Коломен-

ский. – Они, что, заблудились в цеху?» А сам спросил у генерального в чем заключается неполадка и что, собственно, нужно будет вообще делать, потому что по всем показаниям и по работе вентиляционной системы лично у него – у главного инженера ОАО «Двери Люксэлит» Степана Михайловича Коломенского – никаких претензий к работе вентиляционной системе нет. Практически все работает исправно, а если и есть какие-то неполадки, то они не столь значительны чтобы для их ремонта требовалось на весь день отключать всю работу вентиляции и приглашать бригаду специалистов. Неужели ожидается визит комиссии по охране труда и могут придраться к какой-нибудь мелочи? Шепетельников казался очень напряженным и особенно нервным, он делал какие-то отрывистые судорожные движения головой и вообще вел себя более чем подозрительно. Если бы Степан Михайлович не знал о нездоровом характере своего главного шефа и о его постоянной нервозности по поводу вынужденно общения с себе подобными людьми, то решил бы что перед ним страдающий маниакально-депрессивным психозом с обостренной фазой мании. Коломенский даже пожалел своего директора – должно быть очень тяжело жить в ненавидимом им мире людей. Не зная куда деть возбужденный взгляд Даниил Данилович достал из стоящего тут ящика пачку папок, и разложил перед Степаном Михайловичем большие чертежи системы вентиляции. Коломенский подошел на шаг ближе и склонился над чертежом, невольно принуждая Шепетельни-

ков преодолевать отвращение и терпеть приближение главного инженера предприятия и даже прикосновение его плеча к своему плечу. В этот момент Коломенский лишней раз порадовался, что не пил с друзьями их вишневый виски, иначе бы Шепетельников вмиг почувствовал бы его предательское дыхание. С трудом сдерживаясь от позывов тошноты от прикосновения к постороннему человеку (а для Даниила Данииловича все люди были посторонние, даже если он работал с ними годы), Шепетельников достал из кармана руку и быстро ткнул указательным пальцем на чертеж, в то место, которое соответствовало их местоположению.

– Надо что бы вот эта труба, – Шепетельников показал трубу на чертеже и продублировал это на реальной трубе перед ними, – была соединена вот здесь с этим узлом.

Палец отсоединился от поверхности чертежа, сложился с остальными пальцами в кулак и вернулся в директорский карман зимней куртки. Удовлетворившись этим приказом Даниил Даниилович посчитал объяснение законченным и отвернулся, будто вообще к этому непричастен. То, что скупо потребовал Даниил Даниилович не укладывалось в голове Коломенского и главный инженер переспросил. Шепетельников достал палец и, повторно ткнув им в вентиляционный узел на чертеже, повторил слово в слово то, что произнес несколько секунд назад, но Коломенскому несколько не стало яснее. Он долго смотрел на чертеж, на реальный узел вентиляционной системы, что был перед ним, опять на чертеж

и на отвергнувшегося Шепетельникова. Потом задал только один короткий вопрос: «Вы шутите?». Даниил Даниилович не шутил, тогда Степан Михайлович уточнил, правильно ли он понял задание и правильно ли Шепетильников ему объяснил. Даниил Даниилович сказал, что правильно, что он прекрасно знает работу системы вентиляции и что его поручение обдуманное. И вообще, по словам Шепетильникова, Коломенский задает много ненужных вопросов.

Итак, что хотел генеральный директор ОАО «Двери Люкс-элит» от главного инженера этого же предприятия? Изучая чертеж, Степан Михайлович задумался как полководец перед атакой. Шепетельников отстранился от Коломенского и отряхнул невидимую пыль с того места на плече, где прикоснулся к Степану Михайловичу. Он очень неохотно шел на контакт с главным инженером и непозволительно мало вдавался в объяснение, так что Коломенскому пришлось изрядно потрепать Шепетельникову нервы, задавая вполне резонные вопросы и в итоге пришел к выводу, что Даниил Даниилович хочет (и даже требует), что бы главный техник выполнил задание более чем странное.

Система вытяжки на лакокрасочном участке была независима от вытяжки главного цеха и выходила наверх, на крышу, и предназначалась для вывода вредных испарений от лаков и красок в атмосферу, где ее разносит ветром. Вытяжка главного цеха, разветвляясь под потолком по всему помещению, подходила к каждому станку и предназначалась

для высасывания производимых в процессе работы древесных стружек и опилок. Работая как очень мощный пылесос, сильные вентиляторы засасывали пыль и стружки от каждого станка и собирали их в огромном специальном бункере, где под действием центробежных сил стружки оседали вниз и в конце концов сыпались в большую емкость, которую ежедневно вывозили на мусорный полигон. Это краткое описание принципа действия двух вентиляционных систем. Генеральный директор Шепетельников Даниил Данилович путем соединения двух независимых вентиляционных трубопроводов хочет объединить эти две систем. Кроме этого генеральный директор приказал перекрыть цеховой вентиляционный канал задвижкой на главном трубопроводе, чтобы даже в случае включения больших вентиляторов, воздух всасываться не мог. Шепетельников не признавался для какой цели ему это нужно, но Степан Коломенский попробовал пофантазировать и спрогнозировать последствия.

Итак, он вскрывает две независимых трубы, ставит соединительный шланг или переходник. Допустим, он это сделал и отряхнул ладони. Что будет дальше? При включении главных вентиляторов основной цеха задвижка не позволит воздуху двигаться и вентиляторы автоматически выключатся от перегрева через несколько минут. На этом все. Ничего ужасного не произойдет, их можно будет перезапустить одним нажатием кнопки, к тому же вентиляторы и так время от времени самоотключаются из-за каких-либо причин. Зато при

включении вытяжки на лакокрасочном участке все вонючие испарения пойдут не наружу в атмосферу, а в вентиляционный трубопровод главного цеха. И что это даст? Коломенский задумался. Вот завтра с утра рабочие услышат шум включенных главных вентиляторов и примутся за работу, но обнаружат, что тяги воздуха в станочных вытяжках нет. Рабочие выключат станки, через несколько минут отключатся главные вентиляторы и рабочим ничего не останется как сесть куда-нибудь, сложить ручки и ждать пока он – главный инженер Коломенский – разберется с вытяжкой и перезапустит вентиляторы. А в это время на лакокрасочном участке местная вытяжка будет работать исправно, гудеть как надо и всасывать химические испарения с нужной силой, только идти эти газы будут не на улицу, а в главный цех и через некоторое время рабочие главного цеха почувствуют знакомый химический запах из вентиляционных раструбов своих станков. Рабочие удивятся, но ничего делать не станут. Запах будет все сильнее и сильнее, рабочие поймут, что что-то не так с вентиляцией, но все равно ничего не станут делать, потому что проблемы с вентиляцией их не касаются. Рабочие будут сидеть и ждать, кто-то пойдет в туалет, кто-то в курилку, кто-то достанет телефоны и включат игры, мастера участков начнут звонить по телефону Коломенскому. Ему же будет звонить и Константин Олегович Соломонов. В конце концов, когда запах лаков и красок будет уж совсем сильным, рабочие просто-напросто выйдут на улицу или в

раздевалку. Возможно кто-то будет кашлять или чихать.

Выветрить скверный вредный запах будет не трудно, достаточно открыть окна или по нормальному включить вентиляцию. Однажды что-то похожее уже происходило, когда в вентиляционную трубу засосало чей-то непотушенный окурок и началось задымление, которое, впрочем, вскоре устранили без каких-быто последствий. Рабочие вернулись к станкам через полчаса.

Вот и все.

Коломенский не мог не спросить зачем Шепетельникову это надо и знает-ли об этом заведующий производством Соломонов, потому что если не знает, то как, позвольте спросить, завтра Коломенский объяснит поставленное им же – Коломенским – этот соединительный шланг? Даниил Данилович ответил, что Соломонов предупрежден и не заставит Коломенского исправлять этот «небольшой дефект» дня два-три. Вот тогда Степан Михайлович удивился еще больше прежнего и задал прямой вопрос: «Почему вытяжка не должна работать три дня и не проще ли просто не включать вентиляторы?»

Шепетельников замаялся, отвернул взгляд, весь ссутулился и прижал голову к плечу так сильно, что у него чуть не упала шапка-кастрюлька. Видимо, на этот вопрос он не желал отвечать ни за что на свете и скорее прилюдно спустит штаны и трусы, чем выложит перед главным инженером секрет их с Соломоновым вредительства. Он долго ломался и от-

малчивался, даже попытался угрожать намеком на увольнение Коломенского, если тот не начнет работать, но вскоре понял, что инженер и палец об палец не ударит если не получит полноценный ответ. Ну разумеется, задание действительно необычное и для фабрики саботажное, а Степан Михайлович не горит желанием выполнять странные поручения.

Главный инженер не дождался объяснения, отказался от задания и пошел к выходу из лакокрасочного участка, его не остановили даже предложенные Шепетельниковым двадцать тысяч рублей наличными.

– Вы завтра же меня оштрафуете и уволите, – отрезал Коломенский уверенно удаляясь от своего босса, – повесите все на меня и выгоните пинком под зад! Вы мне еще зарплату должны за два месяца, а это уже шестьдесят две тысячи. Нашли дурака!

– Постой, – позвал Шепетельников будто прочистил горло. – Начинай работать, а я сейчас схожу в свой кабинет за деньгами. Восемьдесят тысяч сразу после выполнения. Идет? Если не веришь – дам деньги вперед. Никаких претензий к тебе не будет, это обещаю.

Коломенский затормозил. Когда он последний раз держал в руках восемьдесят тысяч рублей? ВОСЕМЬДЕСЯТ ТЫСЯЧ рублей! Он сможет погасить часть долгов... Сегодня, кстати матч между... Так, если он справится до обеда, то успеет метнуться в букмекерскую контору что у вокзала и поставить на «ЦСКА». Часть на «ЦСКА», часть на «Боррус-

сию». Проклятье, да восемьдесят тысяч он может раскидать по разным командам! А какая ставка на «Ювентус»? Если поставит все и если будет победа по очкам, то вечером у Степана Михайловича Коломенского на руках будет тысяч сто семьдесят, а то и все двести!

Он развернулся.

– Только скажите, – заговорил он, вновь беря в руки чертежи и приноравливаясь к выбору правильного места соединения, – зачем вам все это нужно?

– Обещай помалкивать.

– Как рыба.

Шепетельников тихо признался, что ОАО «Двери Люксэлит» стоит на грани банкротства, что у фабрики практически нет новых заказов и соответственно неоткуда взять деньги. Предприятие едва может расплатиться по долгам, а на рабочих уже ничего не остается, поэтому заработанная плата откладывается уже на два месяца. Чтобы рабочие не обращались в трудовую инспекцию, деньги обещали выплатить сегодня, но по факту – денег нет. Поломка вентиляции отсрочит выплату зарплаты еще на пару-тройку дней, а за это время, глядишь, может что-нибудь решиться. Если просто не включать вентиляторы, то рабочие не поверят в неисправность и начнут бунтовать, если же почувствуют едкий запах из лакокрасочного участка, то может, снизойдут до того, что простят дирекции еще несколько дней до полной починки.

– Что может решиться за три дня? – помрачнел Коломен-

ский, – Если предприятие в яме, то надо начинать процедуру банкротства.

– Это уже не твои заботы, – грубо ответил Шепетельников. – Свои деньги ты получишь.

– Хм... Сто.

– Что «сто»?

– Сотня тысяч.

– Не борзей, Степан, – Шепетельников обволок его лютой ненавистью.

– За работу и молчание – сто тысяч. Причем шестьдесят две вы мне и так должны, так что считайте, вы еще экономите. Иначе я сейчас уйду домой, а завтра прямо с утра рассказываю все рабочим.

Шепетельников резко отвернулся и долго разглядывал поддон кухонных дверей модели «Аурелия-1» и «Аурелия-4», приглядываясь будто к только ему видимым дефектам покраски, но Степан Коломенский прекрасно знал, что двери выкрашены правильно и на каждой из них на нижней кромке стояла печать ОТК, разрешающая вывозить поддон на упаковку и на склад.

– Начинай, – велел генеральный директор, не оборачиваясь. – Деньги будут.

И Коломенский принялся за работу, чего время-то тянуть? Степан Михайлович надеялся, что во время работы генеральный директор не станет его нервировать и догадается покинуть лакокрасочный участок, но Даниил Даниило-

вич Шепетельников, вопреки всем надеждам, остался с Коломенским, хоть и ошивался на некотором расстоянии и, слава богу, не лез с советами и упреками. Он просто стоял за спиной у главного инженера, держал руки глубоко в карманах и не спускал вооруженного квадратными очками взгляда с проделываемой работы. Коломенского это не могло не раздражать, но он постарался не думать о присутствии своего шефа, сосредоточиться на задании и делать его, не поворачиваясь и не отвлекаясь. Для приличия он попробовал завести с Шепетельниковым что-то типа легкой беседы на посторонние темы, только из этого ничего не вышло. Даниил Даниилович был скверным собеседником, не ответившим ни на один вопрос и чуть ли не вздрагивал от степинового голоса.

В конце концов Степан Михайлович плюнул на ошивающегося за его спиной генерального директора, прикусил язык и глубоко призадумался над тремя темами. Во-первых, он оказался весьма обескуражен положением вещей на предприятии, с которого ему теперь не остается ничего иного, как увольняться. Во-вторых, он лишний раз удостоверился, что Даниил Даниилович Шепетельников очень странный человек с подозрением на какое-то психическое отклонение помимо общеизвестной каждому рабочему социофобией. Потому что такой бредовый план, ни приводящий вообще ни к чему, мог разработать только полный кретин. Только вот заведующего производством Константина Олеговича Соломонова уж кем-кем, а кретином никак не назовешь. Значит,

Соломонов спустил все на тормоза и или сам уже уволился или молчит, получив крупные откупные. А может, благодаря его любимом волшебному порошочку, находится в неменяемом состоянии и «как Вася на все согласен»?

И в-третьих: где ходит бригада приглашенных монтажников, которые, к слову сказать, вероятнее всего не согласятся делать такое задание даже за большое вознаграждение?

Степан Коломенский не догадывался о том, что никаких монтажников Шепетельников не вызывал.

А Даниил Данилович не догадывался, что в цеху вообще есть кто-то помимо его самого и главного инженера.

08:08 – 08:26

Вокруг четырехстороннего фрезеровочного станка ходили трое взрослых людей – Юрка Пятипальцев, Лева Нилепин и Август Дмитриев. В их задачу входило отключение станка от силового кабеля и от всех пневмошлангов и перестановка его на другое место. Сейчас станок находился почти у самого входа в цех и со всех сторон был огорожен хаотично стоящими поддонами с заготовками и полуготовыми изделиями. Четырехсторонний фрезеровочный станок предназначался для фрезеровки изделий и деталей, придавая им необходимую форму и размер. Четыре вращающихся головки с ножами обрабатывали проходящую через них деталь с четырех сторон придавая ей нужную форму, делая пазы и снимая лишние размеры. Этот станок был незаменим

при производстве штапика, бруса для сборки и так называемых «стоевых» и «поперечек» – деталей похожих на доски с продольными пазами. Юрка Пятипальцев ежедневно в числе прочих настраивал и этот станок, ставя необходимые ножи под требуемые заявки и выставляя размеры, вплоть до десятых долей миллиметра. Двое молодых рабочих-станочников, обслуживающих конкретно четырехсторонний станок сегодня были на выходном и помогать наладчику не могли. Так что вместо них Пятипальцеву помогал рабочий с другого станка – Лева Нилепин, отсоединяя шланги и откручивая фиксирующие болты. Работа шла слажено, сложного ничего не было, через несколько минут работы, станок был отключен от пневмошланга. Пятипальцев и Нилепин, напевая какую-то незатейливую мелодию, откручивали рукава вытяжки, которых у этого станка было целых пять. Три уже были сняты, Юрий отвинчивал хомуты у четвертого.

Тут же в метре от него работал Август Дмитриев, отключая систему электропитания. Не уставая не совсем трезвым голосом читать Нилепину и Пятипальцеву лекцию о вреде алкоголя, Дмитриев копошился в щитке станка и все время ронял отвертку. Нилепин тихо посмеивался над учеником электрика, которому было лет пятьдесят и который больше говорил, чем работал, жалуясь на то, что кто-то когда-то так затянул зажимы проводов, что теперь они не отвинчиваются никакой отверткой.

Нилепину позвонили на айфон, но он, взглянув на номер,

сбросил звонок. Grimаса недовольства пробежала по его молодому лицу. Звонивший перезвонил, но Нилепин опять сбросил. Пятипалец с ухмылкой предположил, что звонят по поводу возврата банковских кредитов, на что Лева ответил, что он не Степа Коломенский и свои кредиты старается платить исправно, а звонят ему не из банка, а Зина Сферина. Вытерев пот со лба Юрка Пятипалец попросил Леву освежить ему память и напомнить кто такая Сферина.

– Здравсьте! Зинка Сферина! – ответил Лева и сбросил третий по счету звонок. – Со сборочного участка. Ну жирная такая с кудряшками.

– А! Эта та, – вспомнил Пятипалец и опять ухмыльнулся. – А че она тебе звонит?

– Да моча в голову ударила.

– А почему она мне не звонит? – улыбнулся Пятипалец.

– А потому что у тебя с ней ничего не было, – непринужденно ответил Нилепин.

– А у тебя было? Правда? Ну ты самец! Ну ты даешь? Когда успел-то?

– Ну и что такого? Ну что я с собой поделаю, если у меня такая натура? Я самец, да. Я пользуюсь этим, а почему нет?

– Лева, ты перетрахал весь цех! Тебе не стыдно, братан? – На это Нилепин только пренебрежительно свистнул.

– Ну ни весь, не преувеличивай, – возразил он. – Тебя-то я не трахал. И Августа не трахал... пока. Август, я тебя трахал?

– Нет еще, – поддержал шутку ковыряющийся в электрике Дмитриев.

– Да и вообще, мои достижения сильно преувеличены, – поскромничал Нилепин. – Ну со Светкой было, которая на складе. Ну с Маргариткой из офиса... ну тут вообще ничего особенного, она всем дает. С Валькой с вакуумного пресса... Ну с Игной...

– С какой Ингой? – поинтересовался наладчик.

– Она одна у нас. Инга Нифертити.

– С Нифертити!? С мастером лакокрасочного? Да ты паришь, братан!

– В натуре, Юр! А с этой Сфериной... ну было пару раз по пьяне... Ну и что? А теперь она мне прохода не дает. Названивает. Утром, на работу собираюсь, а она позвонила и начала какую-то чушь городить. Прикиньте, пацаны, будто мне угрожает какая-то опасность. А я у девахи одной сегодня ночевал, так мне пришлось в одних трусах на веранду выйти, чтобы та не слышала. А на улице метель, тьма, особенно в каком-то лесу, я даже, кажется, волка увидел. У меня ноги дрожат, дружочек аж внутрь съезжился. Я говорю, ты че, мать, на меня братков насылаешь или что? А она – нет, говорит, не в этом дело. А просто, говорит, сон ей приснился, что помру я!

– Ого!

– Не ходи, говорит, на работу. Дома, говорит, сиди. А я от холода уже заикаться начал. Я говорю – я уже почти приехал.

Я ей так сказал, чтобы она отвалила. А она – ой, говорит, беда! Быстрее, говорит, воротайся в зад. Так и сказала – воротайся в зад. Иначе беде быть. А если, говорит, не уедешь из цеха, то я, говорит... то есть, не я, а она... То она сама приедет и уведет меня отсюда силой.

– Она нормальная? – Пятипальцев одолел очередную фиксирующую станок гайку.

– Да вроде...

– Лева, братан, эта женщина летом носит такие обтягивающие белые штаны, что материя впивается ей в вагину и это замечают все кроме нее. Повторяю вопрос – она нормальная?

– Признаться, такое с ней впервые. – ответил Нилепин. – Будто черт ее за одно место укусил!

– Думаешь, приедет?

– Она? Сюда? За мной? Это даже звучит смешно.

– Это гормоны, – рассудил Август Дмитриев и, кряхтя, склонился под ноги за упавшей отверткой. – Бабы в ее возрасте с ума сходят, это факт. У меня жена, вон, скандалы устраивает ежедневно, это у нее как «отче наш» перед сном. Я вам сейчас расскажу один случай – и вы поймете с какой гримзой мне приходится делить ложе. Как-то раз прихожу я с работы домой и вижу на кухонном столе бутылку пива. Стоит бутылка пива, просто стоит и все. На самой середине стола и как раз нефильтованное, какое я люблю...

– Минуточку, Август, – перебил его Нилепин. – Кто-то

пять минут назад рассуждал о вреде алкоголя. Не напомнишь кто?

– Одно другому не мешает, – странно ответил Дмитриев, чем заставил Нилепина задумчиво наморщить лоб. Электрик продолжил: – Так вот, стоит пиво. Было лето, жара, я с работы. Недолго думая я это пиво выпиваю. Вскоре со своего магазина приходит моя женушка (она в продуктовом на кассе сидит), видит, что пиво выпито и как начала орать. Ты алкоголик! Ты скотина! Я, говорит, это пиво не для тебя поставила, а ты его вылакал как самая последняя свинья. Ты тварь и козел вонючий. И скандал на весь вечер.

– Нормально, – улыбнулся Пятипальцев.

– Подожди, это еще начало, – не переставая говорить, электрик продолжал отвергивать зажимы и гаечки. – Вскоре я прихожу с работы и опять вижу на столе бутылку пива. Она стоит, как и в прошлый раз в самом центре стола, будто специально манит меня. Ну я-то уже был тертым калачом и на эту провокацию не поддался. Я поужинал, но к пиву даже не прикоснулся. Я прислушался к логике и к внутреннему чувству самосохранения. К приходу жены бутылка так и стояла, я даже в руки ее не брал, боясь, что она повернута определенной стороной и если я ее возьму, то не сумею поставить именно так как она стояла. И что вы думаете? Увидев нетронутое пиво супруга завела скандал – я, мол, ничтожество. Я, дескать, не уважаю ее чувства. Она хотела сделать мне приятное, купила пивка, поставила его специально для

меня, чтобы я пришел с работы и выпил его. А я сухарь и бесчувственная тварь. Я ее не люблю и не уважаю ее чувств.

– Нормально, – Пятипальцев уже смеялся.

– Еще не все! Через какое-то время я опять вижу бутылку пива. На столе! В самом центре! «Как же поступить? – думаю я. – Очевидно, что супруга издевается. Что же мне сделать?»

– Что же ты сделал?

– Я долго думал над своим алгоритмом действий, – ответил Дмитриев. – Наконец, я взял эту бутылку и убрал в холодильник. Жена пришла – бутылки нет. Ага, подумала она, – выпил! И завела свою пластинку о моем непотребном пьянстве и так далее. Тогда я, открываю холодильник и молча ставлю на стол ту самую бутылку нефilterованного пива. Признаюсь вам, пацаны, в эту минуту я испытал чувство легкой гордости – я утер жене нос. Но нет, она и к этому оказалась готова, гадина! Она заявила, что я над ней издеваюсь. Что мои шуточки и подколы ее бесят, что ей невыносимо жить со мной! – Покопавшись в переносном чемоданчике с инструментами, Август достал плоскогубцы. – А через какое-то время, придя с работы я вновь обнаруживаю на столе... что, как вы думаете?

– Бутылочку нефilterованного пива! – хором ответили Пятипальцев и Нилепин.

– Совершенно верно! Она, сука, стояла на столе, а я сжимал кулаки и зубы! У жены вновь нестерпимое желание поскандалить, да? Опять выставить меня в плохом качестве,

чтобы я ни сделал! Логическое мышление не действовало. Три варианта противоположных действий привели к одному результату – скандалу. Тогда я позвонил ей по телефону и спросил, что мне, собственно, делать с пивом. В ответ я услышал целую тираду о том какой я несообразительный и звоню ей по всякой фигне. Она бы хотела видеть своим мужем самостоятельного человека, а не безмозглова ребенка. Я взялся за голову и, хорошенько подумав, быстренько метнулся в магазин и купил точно такое же пиво. Я выпил свою бутылку и аккуратно поставил ее рядом с полной. Бочок к бочку, этикетка к этикетке. Что будет думать супруга? Есть ли такой вариант в ее запрограммированных на скандал мозгах? Я потирал ладони. Две бутылки пива. Одна полная, вторая пустая. И вот заходит супруга, снимает свои шлепанцы и первым делом забегает на кухню. Не заходит, а именно забегает. И сразу глазками на стол. Опа! И видит две бутылки. А была одна. Я вижу, как она губищами своими захлопала, что сказать – не знает. Стоит и пыхтит, только щеки покраснелись. А я смотрю на нее и улыбаюсь.

– Август, – нетерпеливо воскликнул Юрка Пятипальцев. – Ну не томи! Что она сказала, братан?

– Она захлопнула свою пасть и посмотрела под ноги. Смотрела на пол, я подумал, что она что-то уронила. Но она, стерва, просто искала мусор! Нашла какую-то крошку и завела свою извечную пластинку! В тот раз она представила меня в облиции погрязшего в помоях скотины.

– А дальше! Дальше что было? – почти кричал Нилепин. – Она ставила еще пиво на стол?

– Нет, – отрезал Август Дмитриев. – В следующий раз уже я положил на стол ее любимую пористую белую шоколадку! В тот раз уже я приготовил ей ловушку и стал играть по ее правилам. Разумеется, она немедленно в слезы. Я тиран, я насильник, я безумец и психопат-убийца. Я это к тому, что мужчине невозможно понять женскую логику, если она хочет добиться своего. Хочет поднять свою низкую самооценку за счет принудительного опущения близкого человека – всегда можно придаться к чему угодно и найти подходящие слова. Это гормоны, с этим надо мириться, это надо перетерпеть. Вот так и живем. Она мне уже весь мозг вынесла, я от нее даже сюда сегодня приехал. А ей сказал – к товарищу в гараж, «Ниву» его ремонтировать. Дескать, дружбабчик один попросил подсобить, иначе бы потащила меня в банк за кредитом! – Дмитриев нетрезвенько выругался, так как проклятые зажимы проводов никак не поддавались.

– За каким кредитом? – спросил Нилепин.

– В отпуск она захотела. На Сейшелы.

Пятипальцев рассказал анекдот про пьяного электрика. Анекдот был матерный и смешной, от смеха Дмитриев опять выронил отвертку.

– Скоро? – спросил Пятипальцев, которому жутко хотелось поскорее разобраться со станком и вернуться в раздевалку, где в шкафчике стояла на две трети полная бутылка

виски.

– Сейчас, – морщился Дмитриев, ковыряясь в электрике. – Уже почти все. Кабель не поддается.

Пока немолодой ученик электрика возился с проводами, Лева Нилепин решил подогнуть кран-балку и приготовить чалки для подъема станка. Он закинул на плечо чалки, взял пульт крана и, нажав на кнопку повел крюк к станку. Благодаря несложной работе и выпитым рюмкам виски настроение у Левы было приподнятое, он уже предвкушал, как в течении часа они переставят станок на нужное место, подведут вытяжку, подключат кабеля и продолжат выпивать. Когда Нилепин приблизился к четырехстороннему станку, Юрка Пятипальцев как раз снял последний гофрорукав и массировал усталую ладонь.

Вдруг раздался хлопок и вырвался столб искр, будто у станка взорвали очень сильную петарду. Тяжелый станок вздрогнул и тело Августа Дмитриева взлетело в воздух, пролетело несколько метров, грохнулось у ног остолбеневших Нилепина и Пятипальцева и по инерции проехалось на спине по полу еще метра три. В цехе воцарилась гробовая тишина. Нилепин и Пятипальцев смотрели на недвижимое тело электрика, потом синхронно перевели взгляд на четырехсторонний фрезеровочный станок, потом вновь на тело Дмитриева. Потом работяги переглянулись.

Нилепин отпустил пульт от крана-балки и тот маятником закачался на кабеле.

Пятипальцев уронил разводной ключ.

– Что это было? – тихо проговорил он вмиг пересохшими губами.

Они оба подошли к телу Дмитриева и встали с обеих сторон, совершенно не представляя, что делать. Тело ученика электрика лежало на спине распластавшись на бетонном полу. Окаменевшее лицо с вылупленными голубыми глазами выражало крайнюю степень мучений и удивления. Остановившиеся глаза не реагировали, не моргали. Первым от шока очнулся Нилепин, он сел на корточки и указал своему другу-наладчику на руки Дмитриева. Обе ладони несчастного были почерневшими, а кончики пальцев вообще изувечены, открывая на всеобщее обозрение опалённые до ржавого цвета косточки.

– Ю-у-ур, – медленно протянул он Пятипальцеву, – а он рубильник отрубал?

– Рубильник? – с трудом сглотнул наладчик. – Не знаю.

– Триста восемьдесят вольт, Юр, – у Нилепина затряслись свои ладони. – Его ударило разрядом, мать его перемать!

Нилепин разогнулся и взял предложенную ему Пятипальцевым сигарету. Закурили оба. Нервно выкурили. Одновременно потушили окурки. Стали шарить по телу Дмитриева в надежде обнаружить признаки жизни, при том что ни один из них не знал, как это делается. Щупали пульс на обугленных руках, на короткой шее, даже пытались неумело делать искусственное дыхание, после чего Пятипальцеву пришлось

подавлять рвотные позывы.

– Он мертв, – Нилепину было холодно.

– Что будет делать, Лева? – глухо спросил Пятипалец.

Они сели по обе стороны от Дмитриева, долго смотрели на труп и молчали.

08:09 – 08:30

Люба Кротова чувствовала себя очень некомфортно, она понимала, что делает не совсем то, что свойственно нормальным благоразумным людям. Например, мало кто из тех, кто может называть себя рассудительным человеком, будет расставлять в цеху на полу двадцать две толстые восковые свечи красного цвета. Красный цвет в свечах был получен благодаря добавлению в воск крови двадцати двух разных людей – двадцати двух кровных родственников легендарной девушки Анюши, известной среди фабричных работников как «Молоденькая». Люба долго собирала эту кровь, пожалуй, чересчур долго и трудно, чтобы сейчас отказываться от задуманного. Где-то она случайно ударяла жертву по носу, потом сама же оказывала медицинскую помощь, прикладывая вату, которую забирала себе. Было так, что она устраивала маленький, но кровавый несчастный случай кому-то из родственников Анюши. Где-то наемный ею знакомый по имени Вячеслав разбивал жертве губу, резал, колот или царапал людям кожу. И всякий раз Люба Кротова вовремя приходила на помощь и, называясь проходящей мимо медсестрой хи-

рургии или стоматологии, останавливала кровотечение собственными средствами.

Действовала она только по выходным или поздними вечерами после рабочей смены. Нескольких человек, включая близких родственников Анюши мастер заготовительного участка Люба Кротова нашла без особой сложности, все они проживали в этом городке, а вот с некоторыми другими пришлось повозиться. Люба разыскивала их по нескольким городам и поселкам по всей Российской Федерации. А ведь их нужно было не просто найти, Любе приходилось всяческими способами добиваться от этих людей кровотечения. Порой за определенную плату нанимала Вячеслава, который блестяще справлялся с поручениями и добыл для Любы кровь девяти человек, один из которых был двухлетним ребенком из казахстанского города Хромтау, которого Вячеслав якобы нечаянно царапнул заточенной столовой вилкой по запястью. За выполнение этого заказа улыбчивый Вячеслав потребовал двойной тариф и Люба заплатила ему сполна, сама оставшись почти без средств. Кровавые свечи Люба Кротова делала самостоятельно, хотя Вячеслав предлагал ей свою помощь. Делала их прямо на своей кухне, одновременно читая специальные заговоры и проводя еще кое-какие не очень чистые ритуалы, о которых она не хотела вспоминать и тешила себя тем, что Анюша не дожила до преклонных лет иначе Любе пришлось бы раскошелиться на тайный поисковой отряд, работающий по всей России. Каждая свеча соответ-

ствовала одному году прожитой анюшиной жизни.

Сейчас двадцать две красных свечи были расставлены в ровный круг, центром которого было точное место смерти девушки Анюши. Сладковатый запах распространялся от них, движимый едва уловимым сквознячком из-за больших ворот. Сама Кротова сидела на коленях рядом, читала специальные языческие заговоры, сверяя каждую произнесенную на старославянском языке букву с древними хрупкими фолиантами с коричневыми от времени страницами. В круге из свечей, составляя определенный знак, лежали несколько различных предметов – первый зубик ребенка, перо сойки, три уголька разных девятидесятилетних деревьев, сушеное яблоко, высушенная лапка белки, черная горошина и кое-что еще, что вызывало у Кротовой стыдливые воспоминания. Любе становилось все страшнее и страшнее, крупная дрожь то и дело сотрясала ее хрупкое тело, по сторонам стали чудиться пятна человеческих очертаний. По мере того как из уст мастерицы выходили древние, не используемые столетиями, заклятья человекообразные пятна принимали вид человеческих лиц. Кротова сдерживала панический страх, который сама же себе внушала и отказывалась верить в то, что вокруг нее мелькают не просто лица, но лица тех, у кого она взяла кровь для ритуальных свечей. Люба все чаще останавливала речитатив, нервно озарялась по сторонам, вытирала ледяной пот с белого лба и, собравшись с духом, продолжала.

Вдруг все ее тело содрогнулось от далекого резкого хлоп-

ка. Люба заикнулась на полуслове, прочистила пересохшее горло и продолжила.

Ритуал по воскрешению духа умершего человека был в самом разгаре, когда до Любы Кротовой раздались посторонние звуки. Она запнулась и медленно повернула голову в сторону стоящего поодаль автопогрузчика и стеллажей с поддонами, полными дверных деталей. В процессе ритуальной церемонии она на какое-то время выпала из реальности, перестала осознавать где находится и не замечала никого вокруг себя кроме мелькавших пугающих лиц, но вдруг звуки изда- лека вернули ее сознание в пустой цех и она почувствовала чье-то приближение.

08:12 – 08:18

– Я же сказал, что мы их проглядели! – ворчал кривоно- сый. – А теперь разберись как они выглядят, если никто из нас их в лицо не видел! Сколько сегодня народу навалило? Кто из них – они?

Троица в синих полукомбинезонах начала выяснять меж- ду собой кто из них должен был следить за проходной и оказалось, что Точило наблюдал преимущественно за пар- ковкой, безуспешно лоя глазами так и не появившуюся в ожидаемом месте «Мазду СХ7», Максимилиан Громовер- жец следил за трассой, держа под наблюдением проносящи- еся в снежном вихре автотранспорт, а Женя Брюквин, по- лагаясь на своих компаньонов, настраивал и проверял ап-

паратуру. Точило замахнулся на него кулачищем, но, Брюквин, сдерживая возмущение, оправдывался тем, что никто не распределял обязанности и каждый смотрел туда куда хотел сам. Он не обязан был наблюдать за проходной. Тогда стали общими усилиями вспоминать всех, кто входил на территорию фабрики. Точило вспомнил какого-то долговязого доходягу, Брюквин припомнил трех входящих мужчин, один из которых приехал на «Валдае» со знаком «У». Максимилиан Громовержец четко помнил, как входил дежурный охранник, а через несколько минут вышел тот, кто отсидел смену. Он вышел, махнул рукой долговязому, сел в свою машину и укатил. Так... кто еще?

– Баба какая-то... – вспоминал Точило. – Маленькая...

– Какая баба? – тут же уточнил Брюквин.

– Я же говорю – маленькая. У меня-то не спрашивай, это ты должен был за входом следить.

– Я не должен был! – опять возмутился Брюквин, сжимая челюсти.

– Кто же из них – наши? – хмурился хромающий Максимилиан Громовержец.

– Те, кто в кабинете! – ответил Женя, и провел рукой по пижонским усикам. – Главное – не попадаться никому на глаза. В цеху глухо, те, кто пришел – куда-то разошлись. Наверно они в раздевалке. Наша цель – кабинет начальника производства.

Трое мужчин в синей фирменной форме с логотипом

компании по монтажу и обслуживанию систем вентиляции, спрятавшись за поддонами с недоделанными дверными полотнами поставили на пол свой большой ящик. В ящике кое-что громыкнуло. Тот что до этой минуты хромал, полез глубоко в карман брюк и ровным прямым движением вытянул из него короткий обоюдоострый меч. Тут же освободившаяся штанина позволила его колену свободно сгибаться, избавив хозяина от протезной хромоты.

– Ну что? – спросил Точило, вглядываясь снизу на антресольный этаж, где, как объяснил Брюквин располагались кабинеты цехового руководства. – Че-то они долго...

– Не торопись, – ответил Женя Брюквин. – Не суетись. Сейчас выйдут, никуда они от нас не денутся.

– За какой они дверью?

– Не знаю. Следим.

Третий сделал несколько короткий выпадов мечом, играя на нем световыми бликами.

08:13 – 08:27

Оказавшись в своем кабинете Костя Соломонов опять разговорился, тут он мог немного расслабиться. Оксану Альбер поражала его мгновенная резкая перемена душевной ориентировки: от беспечной разговорчивости, до полной концентрации на цели. И внезапно – наоборот. У него, наверное, был внутренний рубильник перенастройки общей психологической организации. То он двигается как развед-

чик в тылу врага, то, когда ему ничего не грозит, превращается в болтуна, не способного на что-то осмысленное словесного трепа.

Оксана осмотрелась, кабинет заведующего производством был самый обычный – четырехугольный прямоугольник с окном. Длинный стол за которым проходят ежедневные планерки, несколько стульев, этажерка, шкаф, полки, высокая массивная вешалка из позапрошлого века. Стол загроможден бумагами, папками с документами, различными каталогами и прочим. На стенах висели образцы пленки с названиями и все модели производимых фабрикой дверей. Соломонов не пользовался ноутбуком, у него был старый компьютер чей системник стоял под столом и зачастую начинал гудеть и вибрировать. Все это было казенное – купленное на деньги фирмы и еще при прежних заведующих, сам Костя не принимал участия в оформлении собственного кабинета.

– О, ты их плохо знаешь, Оксана! – говорил он, запирая за собой дверь собственного кабинета. – Ты плохо их знаешь...

– Кого, – спросила Альбер, снимая белую вязаную шапку.

– Как кого? Я говорю о масонах. Я же про них говорю!

Про масонов.

– Про кого? С какого это момента ты начал говорить о масонах? При чем здесь сейчас масоны, Костя?

– Они всегда при чем! Они всегда и всюду причем! Масоны, мать их, рулят миром! – начинал возбуждаться Соломонов, зверски улыбаясь Оксане и стуча пальцем по глянцу-

вой столешнице своего стола. – Ты знаешь кто рулит миром? Может ты полагаешь, что русские? Ответ – русские?

– Кость, прошу тебя, не начинай! – заныла Альбер. – Ну какие масоны? Давай сделаем дело и свалим. Мы уже на месте, так чего ты опять разговоришься.

– Нет, ты меня спроси! – настаивал Соломонов. – Спроси!

– Кто рулит миром, Костя? – сдалась Альбер, понимая, что с Соломоновым спорить бесполезно. Белый порошок влияет на него сильнее упреков главного бухгалтера. – Ответь мне, о премудрый! Ответь, освети разумом своим ослепляющим мрачную глупость мою. Русские рулят миром?

– Хрен тебе! – радостно вскричал Соломонов и даже хлопнул в ладоши. – Хрен тебе, а не русские! Может быть ты думаешь, что миром правят, мать их, китайцы?

Оксана Игоревна Альбер достала связку ключей и выбрала из него один – от сейфа. Стараясь не обращать внимание на словесный понос заведующего производством, она подошла к стоящему на полу старому советскому сейфу. Она села на корточки и сунула ключ в скважину.

– Хрен тебе, а не китайцы! – вскричал Константин Олегович. – Может быть ты полагаешь, что миром правят американцы? Хрен тебе, а не американцы! Масоны правят миром! Масоны рулят! Чертовы иллюминаты!

Альбер не слушала. Отперев ключом механизм сейфа и набрав четырехзначный цифровой код, она не без труда рас-

крыла тяжелую чугунную дверцу. Вот они! Деньги лежали в коробке из-под йогуртницы фирмы «Тефаль». Она взяла коробку и поставила ее на глянец стола. Соломонов не прерывался, словно Альбер поставила перед ним не кучу бабла, а утренний завтрак.

– Ответь мне, Оксан, ты знаешь, что такое борщевик, – задал вопрос Соломонов и сплюнул что-то, выковырянное языком из зубов.

– Кость, замолчи.

– Нет, ты ответь мне, мать твою!

– Не знаю.

– Это растение семейства зонтичных. Трава такая. В середине двадцатого века в СССР вырастили один сорт, названный борщевик Сосновского. Его стали культивировать на корм скоту, как силосное растение. Этот гребанный борщевик Сосновского быстро попал в дикую природу и заполнил многие леса и луга, вытеснив собой большинство естественных растений. Ты меня слушаешь, Оксан? Слушай меня, че ты на эти деньги смотришь! Этот, мать его, борщевик заполнил все что можно! От него теперь невозможно избавиться, его записали в сорные травы, его проклинаят и борются с ним как с чумой! Но что самое интересно – животные его не едят, он ядовит! Токсичен! От него когда-то Геракл помер! – слушая Соломонова Оксана Альбер переключала деньги из коробки в принесенный дипломат. – А теперь скажи мне кто виноват? Спроси меня и я отвечу. Масо-

ны, мать их! Это их работа – путем хитростей и манипуляций в советской аграрной промышленности их сраная организация забросила в русские леса этот гребаный борщевик. Не веришь? Тогда давай поговорим о калифорнийском ясенелистном клене.

– Костя. Умоляю! Заткнись, будь любезен!

– До двадцатого века этого дерева вообще не было на территории России. Чертовы масоны привезли саженцы якобы для высадки в эти как их... дендрариях. В ботанические сады. И что? Присутствие этого клёна ведёт к существенному изменению экосистемы, мать ее, вплоть до полного вытеснения и исчезновения аборигенных видов, ухудшению кормовой базы животных, в том числе крупных копытных. Мировой и отечественный опыт показал, что без научной базы и тщательно спланированной координации усилий клён ясенелистный традиционными способами, эффективными для большинства деревьев и кустарников (вырубкой, выпилкой), по существу, неистребим. Это я в интернете вычитал, а ты знаешь, я могу дословно запомнить, что прочитал. А потом удивляемся, почему в России растет меньше дубов, чем раньше. Почему меньше вязов, мать их! Скажите спасибо масонам!!! – Соломонов говорил как заведенный, а Альбер все перекладывала деньги в дипломат. Купюры были разного достоинства и все норовили выпасть из рук и уложиться в дипломат не ровно, много было мятых. Но Оксана умело справлялась с деньгами, руки давно привыкли к подобной

работе. – А древесина этих гребанных калифорнийских кле-
нов не идет ни в одну промышленность! Я делаю двери из
сосны и березы, могу из бруса другой древесины, даже из
ясеня. Но только не из ясенелистного клена, мать его! При-
дет время и в лесу будет расти только один ясенелистный
клен и борщевик Сосновского! Как я их ненавижу!

Соломонов выдохся и опустил лицо на ладони. Его щеки
горели румянцем, грудная клетка ходила как молох.

– Ты сказал все что хотел? – нетерпеливо спросила Аль-
бер, укладывая последние купюры. – Кость, ты живой?

– Живой, – раздалось из-за закрывающих лицо ладоней.

– Успокоился?

– Я спокоен и безмятежен как сам синекожий Кришна,
играющий на флейте в финиковой роще и любующийся тан-
цем своей возлюбленной пастушки Радхи.

– Если я тебя спрошу кое о чем, обещаю, что ответишь
кратко и в двух словах.

– Я так не умею.

– Обещай постараться.

– Попробую.

– Куда ты потом? – Оксана отложила опустевшую коробку
из-под йогуртницы «Тефаль».

– Куда я двину, когда цапану бабки? Я же тебе говорил –
меня братильник перебросит на Украину. И буду я там жить-
поживать и добра, мать его, наживать. Конечно, это не твоя
сраная Франция, но...

– Не трогай Францию! – предупредила Альбер.

– Сколько здесь? – раздалось из прикрытых ладонями губ

Соломонова.

– По документации – семь миллионов сорок девять тысяч
восемьсот десять рублей.

– А копеек?

– Без копеек, Костя.

Женщина смотрела на ровные стопочки денег в кейсе. Сейчас в руках главного бухгалтера Оксаны Альбер была зарплата целой фабрики за целых два месяца. Она самолично должна будет завтра выплачивать ее рабочим, которые ждут ее как манны небесной. Когда-то зарплату рабочим выдавали в бухгалтерии, но вот уже около года как Оксана Альбер приносит деньги сюда в кабинет заведующего производством и выдает их тут, вот за этим самым столом, приглашая рабочих по одному и фиксируя их росписи в документах. Дважды в месяц (аванс и сама зарплата) рабочие выстраиваются в очередь, заполняя всю антресольную площадку перед кабинетом и спускаясь по лестнице вниз в цех. Чтобы не было столпотворения и простоя рабочие получают зарплату в порядке очередности участков: заготовительный, сборочный, ремонтный, лакокрасочный, склад, а после те, кто не относится непосредственно к производству – охранники, уборщики, котельщики, слесаря и прочие. Зарплату выдает лично Оксана Альбер.

Зарплата должна была быть сегодня, но из-за непредви-

денного выходного, который странный Даниил Данилович Шепетельников соизволил объявить на сегодняшний день, зарплата переноситься на завтра (о чем свидетельствовало шуточное объявление на доске информации). Зачем Шепетельникову вздумалось делать сегодняшний день выходным ни Оксана Альбер ни Константин Соломонов толком не знали, вроде как генеральный задумал что-то менять в вентиляции. Но, надо признать, что своим необъяснимым решением Шепетельников, сам того не ведая, сыграл Соломонову и Альбер на руку. Изначально Альбер и Соломонов планировали ограбить предприятие в обычный выходной – в субботу или воскресенье, но каждый раз что-то не состыковывалось.

Но вот долгожданный выходной нагрянул.

Два месяца Оксана Игоревна Альбер в тайне от Шепетельникова проворачивала схему, по которой заказчики якобы не платили вовремя. Два месяца она накапливала сумму на банковском счету предприятия, удивляясь, почему Даниил Данилович ни разу не заинтересовался этим банковским счетом, полностью доверившись главному бухгалтеру. А Альбер два месяца копила сумму, которую ей предстояло выплатить рабочим завтра.

Деньги были, их была целая коробка из-под йогуртницы «Тефаль», их было более семи миллионов, но вот отдавать их рабочим Оксана Альбер не собиралась, а вместе с начальником производства она собиралась похитить эту сумму и скрыться. Шепетельников думает, что деньги пусть и ни в

его личном кабинете, но во всяком случае в кабинете у Константина Соломонова, а там есть надежный сейф в котором крупные суммы денег уже неоднократно хранились и всякий раз без проблем. Занятый своим дерзким планом, Шепетельников и не догадывался, что на этот раз деньги из соломонковского сейфа исчезнут, а вместе с ними исчезнут и сам заведующий производством и главный бухгалтер.

– Оксан, мать твою, а копеек точно нет? А это что еще такое? – Костя удивленно поднес к глазам одну из многочисленных банкнот. С одной стороны был мост, с другой космодром.

– Двухтысячная купюра, – пояснила Альбер.

– Под еврики косят! Ну точно масоны, мать их! – Константин Олегович поморгал. – Что это было?

– Что? Ты про что?

– Про грохот. Слышала?

Все деньги были переложены в кейс, Альбер закрыла замочки. А насчет грохота... Кажется, до нее денесся далекий шум, но она пропустила его мимо ушей. Не до этого ей было сейчас. Не дождавшись никакого ответа от соучастницы Соломонов тоже сразу отвлекся от короткого хлопка где-то в далеких недрах располагающегося внизу цеха и, предположив, что это ему померещилось или он принял за грохот бытовой шум в кабинете, он принялся рассуждать о массах-иллюминатах.

Оксана кончиками пальчиков провела по новому полному

денег кейсу. Сколько времени пройдет прежде чем откроют кабинет заведующего производством, а потом еще вскроют сейф? Без Соломонова войти в кабинет будет нельзя, второй ключ есть только у охранника, но с тем ключом Константин Олегович позаботился – на днях он подменил его. Пока будут ждать и вызванивать Альбер и Соломонова, пока разберутся, пока будут ломать дверь... Может пройти целый завтрашний день. К тому времени Альбер и Соломонов будут уже далеко от фабрики, их не будет даже в городе, даже в регионе. Завтра их обоих не будет даже в России.

Оксана прикинула, что с учетом того, что Костя, как соучастник получает половину от украденной суммы, то у нее остается больше трех с половиной миллионов рублей. Сумма не астрономическая, а для предприятия «Двери Люксэлит» и вовсе незначительная, но лично для Оксаны Игоревны Альбер это были весьма неплохие средства, на которые она (присовокупив их к той сумме, что выручила от продажи своей личной недвижимости), обустроится во Франции. У нее будет поддельный паспорт с другим именем. Ищи ее – свищи! Соломонов тоже намеревается куда-то свалить, вроде как на Украину. Ему поможет его криминальный братец Матвей Карусельщик, имеющий серьезные связи в серьезных кругах. Соломонов предлагал ей свою помощь, но Оксана гордо отказалась, связей во Франции у Матвея Карусельщика не было, а Украину она не рассматривала ни под каким соусом. А по большому счету Оксане на Соломонова было на-

плевать, у них были совершенно разные жизненные пути и связывало их только это дело, после которого они разойдутся как в море корабли.

08:31 – 08:32

Степан Коломенский сделал всю работу на удивление быстро, он и сам не ожидал что странное задание Шепетельникова по сути окажется плевым. Для него ни составило ни малейшего труда соединить две вентиляционные системы газовым шлангом. Точно такой же шланг он, к слову сказать, не так давно поставил у себя дома на свою газовую плиту.

– Сходи, перекрой главную заслонку, – потребовал Шепетельников, даже не поблагодарив за быстро выполненную работу. Коломенский сложил инструменты в ящик, еще раз сверился с чертежами, окинул напоследок присоединенный газовый шланг, которого именно в этом месте ни должно было быть ни при каких обстоятельствах и подумал: «Чтобы на это сказала пожарная инспекция?» Впрочем, ни ему разбираться с комиссией из пожарной инспекции, а генеральному директору, вот пусть он и придумывает для них отговорки. А Коломенский, вполне удовлетворенной выполненной работой, вышел из лакокрасочного участка и пошел к бункеру с главным вентилятором.

Оставшись в гордом одиночестве, Шепетельников сначала облегченно выдохнул. Он не мог долго терпеть присутствия человека, кем тот ни был, хоть божьим посланцем. До-

ждавшись, когда за стальной дверью затихнут шаги удаляющегося главного инженера, Даниил Даниилович вновь открыл дверь и выглянул в основной цех. С некоторого времени он, то и дело приближаясь к двери, вроде как слышал из цеха какие-то шумы и решил проверить визуально. До сих пор он пребывал в полной уверенности, что помимо него самого и Степана Коломенского в цехе нет ни одного человека, во всяком случае – не должно было быть, ведь вчера был объявлен всеобщий выходной, а зная пролетарский менталитет, Шепетельников был уверен, что ни один человек не выйдет на предприятие просто так, тем более, что за нерабочее время никому ни заплатят ни рубля. И все-таки среди выключенных станков ему почудилось движение, причем уже второй раз. Первый раз был, когда он прятался в подсобном коридорчике. В тот раз он успел скрыться в глубине темного помещения и так и не понял, заходил ли кто-то в коридорчик или ему это померещилось от нервов. Во всяком случае продолжавший сидеть на полу кот ни сдвинулся с места, а он часто подходил к знакомым людям. Следовательно, вошедший был коту не знаком и тот просто проигнорировал непрошенного гостя. Значит в цеху посторонний! Тогда Шепетельников это подозрение откинул в сторону, так как в запертом цеху в принципе не может быть никого, тем более постороннего и появление непрошенного гостя он списал на нервные проявления. (Он не знал, что кот увидел Оксану Альбер, которая, действительно, была для него посторонней,

так как в цеху практически никогда не появлялась). Теперь Шепетельникову опять померещилось движение в цеху. Но кто бы это мог быть? Коломенский? Но Даниилу Даниловичу чудились звуки еще в то время, когда Степан работал под его пристальным присмотром. Может быть охранник? Однозначно – нет. Генеральный директор знал, что сегодня смена того молчаливого молодого лентяя, который скорее подаст заявление об увольнении по собственному желанию, нежели снизойдет до своих непосредственных обязанностей и будет обходить пустой цех. Кто еще? Охранник может открыть цех только по распоряжению самого Шепетельникова, заведующего производством – Соломонова или мастеров. Только зачем им быть здесь в пустом цеху? А если бы кто-то из них явился в цех, то не стал бы таиться как вор и Даниилу Даниловичу не составило бы труда его увидеть. Он всмотрелся вверх на антресольный этаж, где виднелись две двери – кабинет Соломонова и комната мастеров. Они обе были закрыты, когда в кабинетах кто-то есть, то двери не закрывают до конца, как правило оставляя небольшие щели.

Цех пуст. Определенно пуст. Шепетельникову нужно успокоиться, сделать глубокие вдохи и унять волнение. Ему мерещатся тени и звуки. Еще-бы, ничего удивительного! Но это чертовски раздражает и отвлекает.

Генеральный директор тихонечко прикрыл дверь и подошел к дальнему углу лакокрасочного участка, где был узел двух систем вытяжек и где работал главный инженер и при-

смотрелся к наспех прикрученному шлангу, соединяющего независимые вентиляционные системы. Тут же стоял ящик со сложенными инструментами, кое-какие детали от вентиляционных соединений, шуруповерт, гаечные ключи, нож, отвертка, свернутые чертежи. Работа была выполнена удивительно сноровисто, как только такая бестолочь как Коломенский сообразил присоединить концы соединительного шланга именно в нужные места? Шепетельников был уверен, что долговязый Степан Михайлович провозиться тут как минимум до обеда. Ну что-ж, тем лучше. Теперь испарения растворителей из лакокрасочного участка должны будут уходить через этот шланг в основной цех. Но Шепетельникову эти испарения были вообще не нужны, его планы были несколько иными. Он отошел чуть в сторону, обошел шлифовально-лакировальный станок и склонился в три погибели над одной идущей у стыка пола и стены металлической трубой. Труб таких в цеху было бессчётное количество, и мало кто задумывается над тем, что в них – вода холодная, вода горячая, воздух под давлением, кипящая магма или вообще ничего нет. Об этом знали только те, кому непосредственно приходится время от времени этими трубами заниматься, например – главный инженер Коломенский или работающие под его руководством техники и слесаря. Если же проблем с трубопроводами не возникает, то и смотреть на них никто не станет.

Даниил Даниилович присел на корточки и открыл непри-

метный кран на трубе.

Если бы главный инженер ОАО «Двери Люксэлит» Степан Михайлович Коломенский знал о существовании этого крана, он бы отказался делать то, что уже сделал и, скорее всего, позвонил бы в полицию. И никакие сто тысяч рублей не заставили бы его передумать.

08:31 – 08:39

– Рано, – шептал Женя Брюквин.

– Пора, – так же шепотом спорил Точило.

– Рано, говорю, – настаивал Брюквин, но глянув на часы, согласился со здоровяком. Точило самоудовлетворено ухмыльнулся. Пусть окружающие и считают его недостаточно сообразительным и обладающим высокоинтеллектуальными жизненными познаниями, но и он время от времени может быть прав. Их тройственная банда дала заведующему производством Соломонову и главной бухгалтерше уже достаточно времени, чтобы открыть дверцу сейфа. Сейчас самое время пожаловать в гости. Точило ослабился и бросился было на антресольный этаж, но...

– Рано, – ровный спокойный голос за их спинами. Женя Брюквин не обернулся, а Точило пронзил говорящего острым взглядом дикаря, готового размозжить чей-нибудь череп. Причесанный надушенный выбритый молодой человек небольшого роста. Худой, бледный, одетый подчеркнуто опрятно. Никаких отличительных признаков, ни единой

особой приметой. Максимилиан Громовержец выдержал суровый взгляд Точило, он оставался спокойным и невозмутимым.

В руке он держал короткий римский меч.

Точило перевел взгляд на его оружие, на его побелевшую ладонь, сжимающую рукоять. Здоровяк вспомнил голубиные головки, отсеченные молниеносными движениями причесанного типа и падающие на снег с глазками-пуговками, в которых читалось практически человеческое недоумение. А обезглавленные голуби еще какое-то время махали крыльями, безуспешно пытаясь набрать скорость и в конце концов кубарем пикировали вниз и корчились в конвульсиях, окрашивая белый снег алыми каплями. Точило сглотнул комок в горле и отвернулся, ощущая за своей спиной причесанного компаньона с его смертоносным мечем. Ему было боязно стоять рядом с этим бледным типом. Он не хотел умирать с застывшим во взгляде недоумением.

– Рано, – повторил прилизанный парень с коротким мечом. Никто не ввязался с ним в спор. Максимилиан Громовержец несколько минут будто прислушивался к собственным ощущениям, вращал глазами, нюхал воздух и наконец произнес: – Теперь!

Женя Брюквин взялся за пластиковый ящик и достал из него автомобильный видеореги­стратор на ремешках, который он одел на голову. Повернул камеру вперед, сделав ее своим третьим глазом, поправил ремешки и затянул их поту-

же. Включил камеру и достал из ящика себе и Точиле огнестрельное оружие. Два пистолета – «Хеклер-Кох» с глушителем и «Десерт Игл». Первый он передал Точиле, второй оставил при себе. Больше в ящике ничего не было, Брюквин защелкнул замочки и тройца рванулась из своего укрытия за станком. Пригнувшись они подбежали к металлической лестнице, ведущей на антресольный этаж, быстро взобрались по ней и приблизились к двум дверям. Тут они были вынуждены остановиться перед дилеммой – дверей было две и ни на одной из них не было никаких табличек.

– Ты же говорил, что здесь только кабинет заведующего цехом, – зашипел Точило на Брюквина.

– Ну да! Один из этих кабинетов – заведующего!

– И какой-же? Их тут... два... четыре... и еще...

– Нет, ни те. Или эта дверь, – сказал Женя, – или эта...

Одна из двух.

Перед ними было две рядом находящиеся двери. Точило попробовал тихонечко крутануть ручку ближайшей. Она поддалась.

– Не заперто, – констатировал он.

– Они обе не запертые! – толкнул его в плечо Брюквин и поправил камеру на лбу. Зеленый огонек подтверждал, что все происходящее записывается в память.

Максимилиан Громовержец молчал, только переводя взгляд зрачков от одной двери ко второй и обратно. Как часовой маятник.

– Эта! – вдруг указал он на одну из дверей и трое бандитов, собравшись с духом, вломились в помещение. Они действовали молча и быстро, практически не топая и не издавая посторонних шумов. Выставив оружие перед собой, они ворвались в кабинет и... остановились.

Несколько столов и стульев, этажерка с документами и папками, пара шкафов. На столах помимо компьютерных мониторов кучи бумаг и всякая канцелярия. Тут же лежали каталоги фабричной продукции, образцы пленки ПВХ и экошпона, распечатки образцов, несколько готовых дверей у стены. На стенах различные грамоты и благодарности, календарь с панорамой города Барселоны, на подоконниках цветы в горшках, вырезанных из пластиковых бутылок.

– Спрятались! – радостно воскликнул Точило, которого эта игра начала возбуждать. – Эй, отщипенцы, вылезайте, мы вас все равно найдем!

Но ему почему-то никто ничего не ответил и никто ни откуда не вылез. Тогда он с Брюквиным стал заглядывать под столы и распахивать дверцы шкафов.

– Они нас просекли! Наверно, когда мы за станком таились, – сказал Точило, отодвигая стул на колесиках и нагибаясь под один из столов. – Ничего! Они здесь, сейчас мы их достанем! – он выпрямился и громко проголосил на весь кабинет. – Вылезайте, вы двое! Мы знаем, что вы здесь!

Тем временем Брюквин заглядывал за шторы и смотрел по разным углам.

– Да что они в окно выпрыгнули? – ворчал он.

– Не та дверь! – ровным голосом произнес стоявший у выхода Максимилиан Громовержец. Два налетчика уставились на него непонимающими взглядами и Максимилиану Громовержцу пришлось повторить: – Не та дверь! Это не кабинет заведующего цехом.

– Ты же сказал – эта дверь, – пробормотал Точило.

– Я ошибся.

– Ты никогда не ошибаешься, – возразил Брюквин. – Ты не ошибаешься!

– Я не ошибаюсь, – монотонно согласился Максимилиан Громовержец, не отводя взгляда от Брюквина.

– Но ты сказал, что они тут! За этой дверью!

– Да.

– Но их тут нет! – чуть не завопил Женя Брюквин.

– Нет.

– Значит ты ошибаешься!

– Допустим, – согласился Максимилиан Громовержец, смотря прямо на Женю Брюквина и Точилу.

С криком «Да я тебя сейчас убью, козел придурошный!» Точило бросился на Максимилиана Громовержца, раскидывая в стороны стулья и отталкивая один из письменных столов. В его ладони по-прежнему был зажат заряженный «Хеклер-Кох» и он нацелился его рукояткой в висок стоящего молодого человека. Учитывая силу Точило, одного удара было бы достаточно для того, чтобы пробить височ-

ную кость, но Максимилиан Громовержец неожиданно остановил его перед собой всего лишь одной рукой. Он поднял ладонь перед Точилю и тот остановился, чуть не упав. На поднятой левой руке не доставала указательного пальца. Ни слова не говоря Максимилиан Громовержец положил ладонь на столешницу ближайшего стола, сложил пальцы в кулак, оставив только средний и размахнулся своим коротким мечем.

За миг до отсечения второго пальца его руку с холодным оружием остановил Женя Брюквин.

– Ты что делаешь? – тихо зарычал он, чуть-ли не трясясь от гнева. Максимилиан Громовержец выдернул руку с мечем и размахнулся снова, Брюквин судорожно воскликнул какой-то невнятный звук и приготовился к тому, что Максимилиану Громовержцу придется перевязывать ладонь. Вместо того, чтобы вновь попытаться перехватить руку с римским мечем, Брюквин поправил камеру на голове и повернулся так, чтобы в кадр попало происходящее с Максимилианом Громовержцем. На всякий случай камера зафиксирует то, что он отсек палец себе сам и потом не предъявлял каких-либо претензий ни к нему ни к Точилю.

От неизбежного отсечения собственного пальца Максимилиана Громовержца спас резкий громкий хлопок из цеха. Этот внезапный звук был удивителен и необъясним, банда определила его как взрыв. Самый настоящий взрыв, произведенный где-то в глубине безлюдного цеха. Меч застыл в

воздухе и, через несколько мгновений медленно опустился.

– Это что было? – спросил Точило, прислушиваясь к возможным повторениям и глядя на закрытую входную дверь.

– Что-то упало? – предположил Брюквин.

– Что-то взорвалось, – возразил Точило.

А Максимилиан Громовержец ничего не предполагал, во всяком случае, ничего не говорил, а только, вновь поднял свой опасный меч над головой. Брюквин вырвал-таки холодное оружие из его руки.

– Ты чего делаешь? С ума сошел? – но Максимилиан Громовержец продолжал молчать. – Я спрашиваю – ты нормальный?

– Я ошибся, – только и сказал молодой причесанный человек. В его голове читалась твердая уверенность. – Я подвел. Это самонаказание. Я должен.

И тут Женя Брюквин мотнул головой, откидывая какое-то наваждение.

– Вашу мать! – закричал он. – Какого хрена мы тут торчим?!

У выхода создалась небольшая давка, каждый пытался выбежать из ошибочного помещения, оказавшегося, не кабинетом заведующего производством, а комнатой мастеров. Выскочив из комнаты мастеров троица налетчиков собралась у соседней двери. Каждый еще раз проверил свое оружие, поправил растрепавшиеся волосы, оправил одежду – все-таки они попадают на видеозапись и должны выглядеть опрятно.

Тут Точило вспомнил, что в комнате мастеров они забыли их пустой ящик из-под оружия, в который они намеревались переложить деньги. Пришлось возвращаться и тащить его.

Наконец все были готовы, они стояли перед теперь уже правильной дверью. Женя Брюквин в очередной раз проверил на лбу видеорегистратор, поправил ремешочки и сказал, что все что было до этой минуты – будет стерто. Теперь запись будет правильной.

Втроем они ввалились в кабинет, целясь из огнестрельного оружия и крича в пустоту: «Стоять на месте! Бабло сюда!» Их приветливо встретила пустота. Точило злобно завыл и подскочил к приоткрытому сейфу, раскрыл тяжелую дверцу и убедился в том, что внутри только пустая коробка из-под йогуртницы фирмы «Тефаль». Пустая и почти невесомая коробка. В отчаянном гневе он взял тяжелый сейф двумя руками, поднял его над головой и размахнулся им в застекленную этажерку с документами, но сейф перевесил и здоровяк упал вместе с ним на спину. Сломал собой деревянный стул, опрокинул тумбочку с принтером и кулером. Все на себя.

– Вон они! – ровным голосом произнес Максимилиан Громовержец. Он первым понял, что пока они валяли дурака в соседней комнате мастеров, главный бухгалтер и заведующий производством покинули кабинет и скрылись. Теперь прилизанный юноша стоял на площадке антресольного этажа и, оперившись на поручни, смотрел вниз в цех. – Вон!

Его короткий меч с грозной неотвратимостью главнокомандующего армией римских легионеров указал внизу местоположение двоих беглецов: сначала за угол стеллажей скрылся кто-то в светлом, а за ним – высокий мужчина с кейсом в руке.

– За ними! – крикнул Женя Брюквин и посетовал на то, что придется стирать с флеш-карты видеорегистратора гораздо больше, чем хотел две минуты назад.

08:35 – 08:38

– Что у вас тут грохнуло? – спросил Степан Коломенский

– Ничего, – выдавил из себя Юра Пятипальцев.

– Ничего? – Коломенский со скепсисом ждал более правдивого ответа. – А почему электричество во всем цехе вырубилось?

– Вырубилось электричество? – Лева Нилепин изобразил на своем молодом лице крайнюю степень удивления. – А мы и не заметили.

– Да неужели? Нажми-ка на пульт.

– На какой пульт?

– На пульт кран-балки.

– Зачем?

– Нажми.

Лева Нилепин взял в руки висящий рядом пульт от кран-балки. Взглянул на Юру Пятипальцева, но ответный взгляд его закадычного друга ничем не мог ему помочь. Лева нажал

на одну из кнопок на пульте. Потом на другую, на третью. Ничего не происходило, кран не дергался. Степан Коломенский усмехнулся и пошел к главному электрическому щитку, стоящему у стены тут неподалеку. Нисколько не тушуясь отсутствием допуска, Степан раскрыл дверцу щитка и, пошевелив фонариком кнопочного телефона, что-то там врубил. Раздался громкий щелчок, зажегся потушенный ранее свет в этом цеховом квадрате, где-то в глубине цеха загудели электрокабеля. И тут Коломенский заметил заднюю часть четырехстороннего фрезеровочного станка.

– А это еще что такое? – чуть не вскричал Коломенский, подбегая к станку и выпученными от удивленного глазами осматривая почерневшие провода и платы станка. – Вы... Тут че было?

– Да так... ничего особенного... – пожал плечами Нилепин, стараясь вложить в свой голос как можно больше безопасности.

– Где электрик?

– У него выходной, Степа.

– Не канифольте мне мозги! Я с ним за одним столом чай пил. Где электрик, я вас спрашиваю?

– А этот... как его... Август?

– Да! Где он?

– Но он не электрик, Степ, ты че забыл? – попытался улыбнуться Лева Нилепин. – Он только ученик электрика. А ты спрашиваешь про электрика, я думал ты имеешь в виду

Серегу Шишкина. А у него выходной. А Август только ученик электрика, он меньше месяца работает. У него испытательный срок, а электриком он станет только через...

– Где он? – крикнул Коломенский строгим взглядом заткнув нилепинские бормотания. – Его разрядом дало? Ответьте, что как воды в рот набрали?

– Дало, – наконец ответил Пятипалец.

– Надеюсь его не убило насмерть? – спросил Степан Михайлович. – Ребята, вы меня пугаете! Его не убило?

– Э... Нет, конечно, – нездорово хихикнул Нилепин.

– Где он? Что с ним? Проклятье, пацаны, не молчите!

– Да все с ним в порядке, – Нилепину было трудно улыбаться, но он пересиливал себя.

– Да как тут может быть порядок! – вскричал главный инженер, боясь даже руку протянуть к обугленному нутру четырёхстороннего фрезеровочного станка. – Тут триста восемьдесят, ребят, вы что совсем идиоты!

– По-твоему, что с ним может быть? – Юра Пятипалец задал самый глупый вопрос который только мог прийти к нему в голову.

– Что? – переспросил Коломенский. – Что с ним могло быть? По моему мнению, ребят, он должен был отлететь вот сюда, – Степан Михайлович провел рукой дугу, завершившуюся точно в том месте куда некоторое время назад упал Август Дмитриев. – Вот сюда...

Коломенский вдруг остановил взор на том самом месте,

потом присел и долго разглядывал предполагаемую точку падения ученика электрика Августа Дмитриева. Он даже провел рукой по бетонному полу и потрогал то место где должна была лежать голова пораженного электрическим током человека.

– Ребят, признайтесь, что с ним, – тихо попросил Коломенский. – Может ему «Скорую» вызвать?

– Э... Нет, ни надо «Скорой», – ответил Нилепин. – Не надо...

– Да как ни надо? Ему должно было руки оторвать! Где он?

– Да он это...

– Пацаны, кончайте юлить, это не шутки! Где Дмитриев?

– Ну он в... – Юрка Пятипальцев почесал себе затылок. –

Он в туалете.

– Где?

– В сортире.

– Вы издеваетесь, ребят?

– Он попросил никому не говорить... Понимаешь-ли,

Степ, он... ну это...

– Чего «это»?

– Он навалял в штаны, братан.

– Чего?

– Ну... в штаны навалял, что непонятного? Через него разряд прошел, он и обделался. Ты бы не обосрался?

– Я бы? – Степан Михайлович похлопал глазами. – А бы

сейчас лежал вот тут, на этом месте! – он вновь показал на предполагаемое место падения электрика. – Я был бы уже на том свете!

– А вот он легко отделался! – сказал Пятипалец.

– Легко обделался, – вторил Нилепин и получил подзатыльник от старшего друга.

– Что он завтра скажет Соломонову? – Коломенский тяжело вздохнул. Нилепин и Пятипалец воздержались от ответа. – Что он скажет Данилычу? Станок будут чинить за его счет, он это понимает? Он точно живой, пацаны?

– Чудом не убило. Самим не верить, братан. Только в штаны навалял.

– Охренеть, – только и смог вымолвить Коломенский. – Везет же дуракам. У меня деда от обычной электробритвы убило. Сердце не выдержало, а этот балбес только обосрался...

– А ты сам-то че сюда пришел? – сменил тему Нилепин.

Степан Коломенский не мог сказать друзьям о своем секретном задании и о том, что он ходил закрывать главную заслонку основной вентиляционной системы и ответил, что просто проверял главный вентилятор. Ситуацию спас позволивший на телефон генеральный директор:

– Степа, а ты где? – ласково поинтересовался Даниил Данилович.

– Иду, – ответил Коломенский в последний раз покосившись на Пятипальцева и Нилепина.

08:35 – 08:48

Главный бухгалтер, шелестя развивающимися полами белого пальто, прихватив кейс с украденными у самих себя деньгами стремительно вышла из кабинета, она не желала тратить время на прослушивание соломоновской лекции о вреде масонской ложи иллюминатов на сельское хозяйство Российской Федерации, ей хотелось поскорее исчезнуть отсюда, оставить позади и кабинет и весь цех. Оставаться здесь дальше нецелесообразно, следует покинуть помещение, тем более ей стали мерещатся посторонние голоса.

– Пошли, – бросила она Константину Олеговичу и вдруг прислушалась к притворенной двери соседнего с соломоновским кабинетом помещения. Она знала, что это была комната мастеров и сейчас изнутри раздавались звуки. Альбер прислушалась, но быстро отогнала подозрения и поспешила спуститься по лестнице вниз. Если ее слуховые подозрения подтверждались-бы, то за дверью комнаты мастеров должны были быть трое мастеров и у всех были бы мужские голоса, но такого не могло быть.

– Да погоди ты, мать твою! – окликнул догоняющий ее Соломонов. – Ответь, у тебя дома в серванте в пластиковой папочке лежит справка от врача-уролога?

– Чего? – от неожиданного вопроса Альбер даже притормозила на лестнице, не дойдя до цехового пола несколько ступеней.

– Ну ты ходила к урологу?

– Когда?

– В последнее время?

– Для чего ты спрашиваешь?

– Ну так ходила или нет?

– Кость, ты опять начинаешь издалека, да? Говори, зачем тебе это надо знать.

– Тебе что сложно ответить на простой, мать его, вопрос?

– Нет не ходила! – резко ответила Альбер и, посчитав, что странное интервью окончено, преодолела оставшиеся ступеньки и тут же чуть не упала от того, что Соломонов крепко перехватил ей руку, не давая ступить ни шага.

– И мочу на анализ ты не сдавала? – не унимался завпроизводством.

– Представь себе – нет! Удовлетворен?

– Значит ты не можешь утверждать, что у тебя есть какие-либо заболевания мочеполовой системы?

– Кость, тебя это сейчас больше всего волнует? – зашипела на него Альбер, пытаясь безрезультатно вырваться из цепкого мужского захвата.

– Не можешь?

– Не могу! У меня нет никаких заболеваний! Теперь отпусти меня!

– И цистита у тебя тоже нет?

– Цистита? При чем тут сейчас цистит, Костя? Мы теряем время!

– Ответь, мать твою, можешь ли ты утверждать о наличии у тебя такого заболевания как цистит?

– Нет! У меня нет никакого цистита!

– А тогда почему ты, мать твою, бежишь как угорелая! Куда ты бросилась?

– Да потому что я хочу смыться отсюда поскорее! Какого лешего мы тут застряли, надо делать ноги! – Соломонов отпустил Альбер, та вырвала плечо и поправила складки на рукаве. – К тому же мне от нервов чудятся всякие голоса. Я просто хочу поскорее убраться из этого места, у меня предчувствие чего-то страшного. Понимаешь?

– Предчувствие?

– Да.

– Насколько, мать твою, сильное предчувствие?

– Не поняла вопроса, – Оксана Игоревна начинала ненавидеть своего компаньона.

– Ну если считать по десятибалльной системе, где, ноль – это полная нирвана, а десять – это реальное присутствие Сатаны на расстоянии вытянутой руки, то во сколько баллов ты оценишь свое предчувствие?

– Кость, ты нормальный человек? У нас в руках больше семи миллионов, нам надо сматываться отсюда пока какой-нибудь случайный свидетель нас не увидит! – Альбер бросилась к выходу из цеха, но Соломонов опять ухватил ее за плечо и повернул лицом к себе.

– Я задаю вопросы и привык, мать твою, анализировать

получаемые ответы.

– Ладно, – нетерпеливо вздохнула Оксана Игоревна. – Допустим – пять!

– Пять? Это мало, можешь расслабиться.

– А сколько, по-твоему, нужно?

– Шесть.

– Шесть?

– Шесть, – подтвердил Соломонов, немного подумав.

– То-есть, если по десятибалльной шкале предчувствий, где ноль – это нирвана, а десять – это реальное присутствие Сатаны на расстоянии вытянутой руки, я бы оценила свои предчувствия в шесть баллов или более, то ты бы забеспокоился и начал действовать оперативнее?

– Я бы прислушался к тебе и, возможно, заглянул за дверь в комнату мастеров, чтобы проверить – а нет ли там кого?

– Ты серьезно? – если бы Альбер не знала Соломонова, то решила бы что тот шутит или издевается.

– А по-твоему зачем я трачу время на, мать их, глупые вопросы? – чуть не вскричал Константин Олегович Соломонов. – Моими действиями руководит строгий расчет. Всегда. Я никогда не делаю чего-то просто так, я не делаю лишних движений, поэтому я на руководящей должности. Поэтому я, мать мою, на должности заведующего предприятием по изготовлению межкомнатных дверей. Поэтому я, чтоб ты знала, успешно управляю открытым акционерным обществом «Двери Люксэлит», мать их! Не этот параноик Шепе-

тельников, а я! Я, мать мою, я! Я прекрасно знаю, что кому-то мои методы кажутся, мягко говоря, необычными, кто-то обо мне имеет мнение как о конченом наркомане с языком без костей. Я это, мать их, прекрасно знаю! – почти кричал Соломонов, попадая на обескураженную Альбер мелкой слюной. – Но зато я всегда ищу правду, нравится это кому-то или нет. Мой своеобразный подход к проблемам приводит к истинно правильным результатам. Только к правильным. Знаешь, мать твою, почему я не готовлю на праздничный стол селедку под шубой?

– Ой, Кость, прекращай... Ну какая селедка под шубой?

– Ответь, знаешь?

– Не знаю.

– А ты готовишь?

– Я вообще не умею готовить.

– Родители, соседи, друзья готовят?

Оксана поняла, что Соломонову лучше отвечать, иначе он никогда не отстанет.

– Готовят. Все всегда ее готовят.

– Зачем?

– Традиция такая.

– Вот именно, что традиция! – вскричал Константин Олегович. – Мать ее, традиция! А я ее никогда не готовлю! И не ем! Потому, что это не вкусно! Потому что это вредно! Потому, что никто никогда ее не ест! Потому, что она всегда, подчеркиваю – ВСЕДА – остается не съеденной даже на

треть. Она остается на следующий день и сами же хозяева давятся ею, пихают ее себе в рот, лишь бы только не выбрасывать в унитаз, потому что гребанный майонез, мать его, прокисает! А на следующий праздник они будут ее готовить опять! Снова и снова! Потому что кто-то когда-то завел такую традицию. Потому-то все всегда ее готовят, а люди как косяк безмозглых сардин всегда все друг за другом повторяют, вместо того, чтобы включить разум и проанализировать свои действия. Это идиотизм! Такой же идиотизм как отмечать масленицу в самый разгар февраля, когда в европейской части России до климатической весны еще месяца полтора, а в нашем регионе больше двух месяцев. Провожать весну за два месяца до ее окончания? А в заполярье? Там весна оканчивается, когда в Москве уже отцвели одуванчики, но местные все равно сжигают бабу и заедают шашлыки водкой в середине февраля, когда их шашлыки, примерзают к шампурам. При том, что масленица – это вообще языческий праздник, а подавляющее большинство россиян относят себя к православным христианам или мусульманам. К буддистам, иудеям. Но никак ни к древнеславянскому язычеству! Никто даже не знает Перуна и Дажьбога! Зато зачем-то сжигают чучело бабы! Почему? Объясни почему все так происходит?

Альбер не спорила с тем, что у Соломонова была такая натура – видеть очевидные повседневные странности, которые обычные люди не замечают, но уж больно специфиче-

ский у него подход к их психоаналитическому разглагольствованию. Из него мог бы получиться прекрасный реформатор, тут Оксана Игоревна, не могла не признать. Но постоянно слушать его бесконечные, начинающиеся очень издалека, лекции было сверх силы обычного человека, к которым она себя старалась причислять. Она посочувствовала цеховым мастерам, которым приходится общаться с заведующим производством регулярно и достаточно плотно.

В-принципе, Соломонов не плохой человек, на предприятии его уважали и считали достаточно разумным, хоть порой и причудливо выражающимся по поводу совершенно различных тем. Относясь к рабочим вполне снисходительно, он мог с удовольствием вступить в полемику с совершенно любым человеком, даже если видит того впервые в жизни. Порой бывало, что устраивающийся на какую-нибудь должность человек заходит в кабинет заведующего производством за подписью и остается с Соломоновым на час-другой, так как у Константина Олеговича возникла очередная захватывающая мысль и ему жизненно необходимо ее кому-нибудь передать. Костя распинается перед незнакомцем, кричит и матерится, вскакивает из-за стола и пьет воду большими глотками, что-то доказывает, приводит убедительные доводы в свою пользу, но, увы, его демагогия начинается слишком с непонятого завуалированного старта и для неподготовленного слушателя может быть достаточно утомительна. Соломонов ставил странные, казалось-бы, по-

сторонние вопросы и требовал ответа, задавал следующие, а потом в резкой возмутительной форме объяснял все своими словами. Но зато какой эффект! После долгого мозгового штурма человек выходит от заведующего производством с точно противоположным мнением по затронутому вопросу, чем до того, как вошел в кабинет. Особенно часто и много господин Соломонов говорит после принятия дозы того белого порошка, которым снабжает его наркодиллер. Тогда среди работников под одобрительных смех проскальзывает прозвище «Радиогитлер».

А что же главный человек на фабрике? Что же по этому поводу говорил генеральный директор ОАО «Двери Люксэлит», можно сказать – хозяин всего этого предприятия – Даниил Даниилович Шепетельников? Да ничего! Вообще ничего! Шепетельников не разговаривал с людьми, стараясь ограничить круг своего общения одним этажом офисного здания, он мало выходил из своего кабинета и вел до того замкнутый образ жизни, что в цеху его существование никак не обозначалось и всеми игнорировалось. В цеху он появлялся предельно редко, он избегал большого количество людей вокруг себя, сложив всю ответственность за производство на плечи Соломонова, который, в свою очередь, считал, что Шепетельников просто самый настоящий дуралей, которому самое место подальше от цеха.

В финансовые вопросы Константин Олегович не лез, его дело – производство, а деньгами заведует Оксана Игоревна

Альбер. А она знала, что после того как почти три года назад уволился главный менеджер отдела сбыта Владимир Нильсен положение дел у Шепетельникова и у предприятия в целом – катастрофическое. Можно сказать, что у ОАО «Двери Люксэлит» предсмертная агония. Она прекрасно помнила, как замечательно работающий в паре с прежним генеральным директором Егором Васильевым главный менеджер отдела сбыта Нильсен после продажи фабрики Шепетельникову сказал: «Я скорее уйду на «Орфей», чем буду работать с этим кретином, который ненавидит даже собственную тень!» Шепетельников Нильсена презирал едва ли не больше остальных и эта ненависть была обоюдной. Владимир Нильсен терпел год с небольшим, но все-таки сдержал обещание и написал увольнительную. Работать с новым генеральным директором он не мог психофизически. В тот весенний день, когда зацвела верба Оксана Альбер ворвалась в кабинет Даниила Даниловича с криком: «Нильсен уволился!». Надо сказать, что за все время работы Оксана первый и единственный раз входила в кабинете генерального директора без стука. Шепетельников ответил, что пусть тот катится ко всем чертям, а Альбер чуть не плача доложила, что Володя ушел не абы куда, а в конкурирующую фирму «Орфей». «И он, естественно, увел за собой всех заказчиков! – сказала Оксана, ломая руки будто в античной трагедии. – Вы не забыли, что основные заказчики были на Нильсене? Через него у нас держались две строительные компании, теперь они бу-

дут у «Орфея»! Скажу вам откровенно, Даниил Даниилович, но Володей Нильсеном надо было дорожить, это был золотой человек!» Шепетельников сделал гримасу брезгливости и, отворачиваясь к окну, изрек, что Нильсен имел непозволительно большой процент со сделок и что он слишком о себе воображал. Что «Двери Люксэлит» найдут себе других заказчиков и без Нильсена.

Время показало обратное.

Без Володи Нильсена Даниил Даниилович не справляется. Ни один менеджер не мог сравниться с Нильсеном в поиске заказчиков. В итоге спустя год у генерального директора накопилось чересчур много банковских долгов, Шепетельников не приспособился к переменчивому времени, вовремя не подстроился под новые рыночные ситуации, не смог преодолеть трудности, не смог продвинуть продукцию на рынке. Ему давали дельные советы и правильные рекомендации, предлагали переманить Нильсена обратно, но Шепетельников не считал возможным прислушиваться к плебсу и тем более унижаться перед каким-то премудрым воображалой Нильсеном. Даниил Даниилович считал это ниже своего достоинства и никогда бы не признал своих ошибок, даже если они столь очевидны, что отрицать их было бы еще более дурнее, чем исправлять. Шепетельников был непоколебим, все беды и трудности он вешал на отдел продаж, на бухгалтерию, на производственный цех, на кого угодно вплоть до руководителей региона и государства, но только не на себя.

Еще чего! В итоге – предбанкротное состояние, хоть обычным рабочим это еще не известно, они ограничиваются пока лишь двухмесячной задержкой зарплаты.

Госпожа Альбер чувствовала, что Шепетельников что-то замыслил, что-то очень нехорошее, возможно противозаконное, но она – Оксана Игоревна – участвовать в этом не желала, да он и не предлагал. У него свои планы, у нее – свои, она тоже может кое-что придумать и пусть Даниил Данилович разрабатывает какие-то свои секретные махинации, она будет действовать автономно от него.

Она не видела будущего у этой фабрики, она слишком хорошо знала финансовое положение ОАО «Двери Люксэлит». Пожалуй, она знала истинное положение дел даже лучше самого генерального директора. Те деньги, что она два месяца по своей инициативе придерживала от выдачи их рабочим в качестве заработной платы – самые последние на фабрике и даже частично взяты в кредит у двух банков.

Оксана не знала, когда Шепетельников поставит на предприятии жирный крест, возможно со дня на день. Возможно, цех поработает еще месяцок, когда настанет время выплачивать следующую зарплату. Но это будут не ее проблемы, а самого Даниила Даниловича и его работников. А она возьмет с этого прогнившего места все что получится и отправит неудачникам воздушный поцелуй из солнечной Франции.

Размечтавшись, она забыла, что долгожданные деньги у нее в кейсе и случайно отпустила ручку. Кейс упал на бетон-

ный пол и частично попал под днище станка взрезки петель на дверных полотнах. Альбер и Соломонов пробурчали ругательства (каждый свое) и синхронно склонились к станковому днищу, но в тот момент, когда Оксана ухватилась за ручку кейса, Костя вдруг взял ее за плечо. На этот раз не резко и не грубо как обычно. А настороженно. Проследив за его кошачьим взглядом, Альбер увидела троих спускающихся по металлической лестнице людей в синей форме монтажников вентиляционных систем. У одного из них на голове было одето что-то, что Соломонов определил как фонарик. Другой тип держал большой ящик с инструментами, третий размахивал каким-то предметом, издали напоминающим плоскую серебристую досочку. Троица поворачивала головами и один из них указал в сторону, тот что с фонариком на лбу немного с ним поспорил, но в итоге все трое быстрой трусцой спустились с лестницы и скрылись в указанном направлении.

Соломонов и Альбер выпрямились.

– Скажи мне, почему ты спряталась? – спросил Костя у женщины.

– С чего это ты взял, что я пряталась? Я поднимала кейс.

– Нет, это я поднимал кейс. А ты хотела его поднять, но, когда я его взял, ты, мать твою, почему-то не разгибалась, – настаивал Константин. – Я хочу знать почему?

– А ты почему не разгибался? – в свою очередь напала на него Оксана, которой уже вконец надоело слышать постоян-

ные тирады своего компаньона. Она начинала считать, что ей еще повезло и она работает не мастером в цеху, иначе ей приходилось бы разговаривать с заведующим производством ежедневно и постоянно. Ей повезло, что ее непосредственное рабочее место в офисе по соседству с хоть и омерзительным Даниилом Данииловичем Шепетельниковым, но, по крайней мере неразговорчивым. – Ты-то сам почему прятался?

– Я? Я прятался? Еще чего?

– Ладно, – вздохнула Альбер и принялась отряхивать испачкавшееся в серой пыли пальто. – Давай признаемся, что мы оба прятались от этих трех монтажников. Так ведь? И ничего постыдного здесь нет, потому что мы же ведь ни хотим, чтобы нас кто-нибудь тут видел. Только вот кто это?

– По-видимому, монтажники вентиляции, – высокий Соломонов повернул свою схожую со скворечником голову и некоторое время пытался рассмотреть куда пошла троица в синей форме, но из-за станков, стеллажей и готовой продукции незнакомцы почти сразу исчезли из вида будто их и не было. – Данилыч, вроде, говорил, что должны прийти ребята... Только...

– Что «только»? – встрепенулась Оксана. – Что «только», Костя? Проклятье, когда ты замолкаешь, мне становится не по себе! Уж лучше говори, это, по крайней мере, успокаивает. Что «только»?

– Получается, что предчувствие тебя не обмануло, мать

твою. Это они были в комнате мастеров.

– Ага! Я же говорила! – обрадовалась женщина. Теперь, кажется, она могла выдохнуть и немного успокоиться. Теперь она знала, что испугавшие ее звуки из помещения принадлежали всего-навсего трем работникам из фирмы по монтажу и ремонту вентиляционных систем.

– Только какого черта они пришли так рано и какого черта, мать их, они делали в комнате мастеров? – спросил Соломонов у самого себя. – Может искали начальство? Данилыча? Меня? Нет, не меня, я должен сейчас быть дома. Так... Оксан, давай рассуждать логически... Они, мать их, в фирменной форме? Да. Они с ящиком для инструментов? Да. Если применять мою десятибальную шкалу, где ноль – нирвана, а десять – это выход в открытый космос без скафандра, то сколько бы баллов ты дала?

– Это шкала чего?

– Это шкала предполагаемой опасности для жизни.

– И что я должна оценить?

– Мать твою! Разве непонятно, что я спрашиваю тебя об этих трех лбах! Не нравятся мне они!

– Ты считаешь, что они искали нас?

– Очевидно они искали Данилыча. Ну да... Мать их... Но... Я все равно поставил бы где-то между пятью и шестью, а это самое переходное состояние...

– Проклятье! Пошли! Костя, ты сам с ума сходишь и меня за собой тащишь! Деньги у нас, нам давно пора было сва-

лить! Скорее!

– Э-э-э! – негодуяще прогнусавил Соломонов и воззрился на Альбер возмущенными глазами. – Я, кажется, спрашивал тебя про цистит? Напомни-ка, что ты ответила. Опять суетишься. Ответь-ка, мне, мать твою на вопрос – обязательно ли быть англоязычным, чтобы стать таксистом?

– Чего?

– Полагаю, ты ответишь, что не обязательно. А я тебе задам следующий вопрос...

– Пошли скорее! – Альбер потянула Соломонова к выходу, но не переставая задавать странные вопросы, конечная цель которых была настолько далека, насколько только можно и Оксане даже не хотелось вникать в предположительный круговорот его рассуждений. Не поддаваясь на уговоры двигаться в сторону выхода, Константин Олегович порылся во внутреннем кармане своей зимней куртки и в очередной раз извлек пакетик с порошком. Весьма, кстати, опорожненный. Увидев это, госпожа Альбер устало закатила глаза, за время их дела Костя вдыхал порошок уже пятый или даже шестой раз. И после каждого раза он все больше отвлекался от их операции на свое бесконечное разглагольствования, ситуация становилась неуправляемой. Костя и так уже не думал о деньгах, он как будто потерял интерес к результату, будь он удачный или нет. Как пьяный не думает о завтрашнем дне и о том, что на пороге его квартиры его поджидает жена со сковородкой.

– А следующий вопрос такой: почему же тогда у всех таксистов на их автомобилях слово «Такси» написано латиницей? – говорил Соломонов. – Не кириллицей, а, мать ее, латиницей...

Костя поочередно вдохнул по щепотке порошка в каждую ноздрю и Оксана Альбер раздраженно хлопнула себя ладонью по лбу. Опять! Костя Соломонов опять застыл на месте, тупо смотря в одну точку перед собой. А Альбер смотрела по сторонам, среди выключенных станков ей опять помешались движущиеся тени. Вопреки ожиданиям Костя не приходил в себя как прежде. Его глаза остекленели и не моргали, пакет с порошком выпал из пальцев. Подождав еще немного, Оксана потолкала заведующего производством за плечо, он не реагировал. Она похлопала его по груди и даже по щеке. Костя стоял столбом, вперив взгляд в конструктивные особенности гильотины по резке экошпона. И вдруг прямо на глазах у главной бухгалтерши Константин Олегович Соломонов стал медленно заваливаться назад как подрубленное дерево. Он грохнулся спиной на бетонный пол. Альбер вздрогнула. От такого удара плашмя костиному позвоночнику должно было нехило достаться, все кости должны были подпрыгнуть, но сильнее всех не повезло его затылку.

Лежа на полу, мужчина надсадно замычал, напрягся всем телом, на его висках и шее вздулись жилы, тело забила крупная дрожь.

– Алфавит... Алфавит... – повторял он сведенными судорогой губами. – Почему? Почему, мать вашу...

– Что? – Альбер не знала, как ей действовать. У ее компаньона какой-то жуткий припадок, вызванный передозировкой наркотиков, он, очевидно разбил себе затылок. А она стоит над ним, перетаптывается с ноги на ногу и не понимает зачем он спрашивает у нее про какой-то алфавит.

– Почему, мать твою... буквы в алфавите... стоят в таком порядке... – бредил Соломонов, смотря остекленевшим взором перед собой и определенно не понимая где он находится и что вокруг него вообще. – Почему... именно в таком... проще будет переставить их по другому... мать их, по другому будет проще... сначала гласные... «а»... «о»... какие там еще... «э»... потом парные согласные... «б-п», «в-ф», «д-т» и так далее, мать вашу... так же проще запомнить...

– Костя, вставай.

Но Соломонов уже не слышал Оксану Игоревну, сильнейшая вулканическая рвота исторглась из него, заливая его лицо и шею. Альбер взвизгнула и отстранилась на три шага назад, боясь, как бы брызги не запачкали ее дорогое белое пальто или привезенные из Москвы итальянские сапоги. Ей было противно. Схожая с салатом оливье густая рвота заливала лицо бедняги – глаза, нос, лилась на курчавые волосы, заливала как смолой уши. Соломонов конвульсивно задержался, заорал, сразу же захлебнулся собственными рвотными массами, закашлялся и подавился. Альбер отвернулась и

зажала уши.

Она не стала прочищать горло заведующего производством от рвотных масс, она брезговала. Ей противно было даже приближаться к неподвижному мужчине, от него воняло, а вся голова полностью была залита густым слоем отвратительной пенящейся массой, залившей Соломонову все – ноздри, глаза, уши. Рот был набит рвотной массой, она стекала на шею и на пол, образуя липкую лужицу.

Не отводя ошарашенного взгляда от неподвижного тела, Оксана Альбер сделала маленький шаг назад, второй, третий. Ей казалось, что в любое мгновение Костя вскочит, оживет, хотя-бы двинет какой-либо частью тела. В ее вдруг вспыхнувших фантазиях возник образ обезображенного трупа-зомби, тянущего к ней руки и выдыхающего гнилостный смрад. Но тело Константина Олеговича пребывало в неподвижности, его грудная клетка не поднималась. Тогда Альбер собралась и взглянула на ситуацию с другой стороны. Соломонов умер или умрет с минуту на минуту, если ему сейчас же не прочистить горло, чего она делать не намерена даже под угрозой собственной смерти. И дело не только в психологическом отвращении. А зачем ей, собственно, компаньон? Он свое дело сделал – кабинет открыл. Все, фактически, Костя свою роль отыграл и для Оксаны Игоревны он больше не представляет ни малейшей ценности.

Альбер улыбнулась.

Вот так удача, теперь она одна и не придется отдавать ни-

кому половину суммы. Теперь весь кейс с деньгами только ее. Не три с половиной, а семь миллионов рублей! Даже немного больше. И при этом до Кости она и пальцем не дотронулась, он убил себя сам. А ведь она предупреждала, чтобы он остановился с наркотой, но ведь он считал себя самым умным и посылал Альбер с ее советами подальше. Вот и доигрался! Сам виноват!

Оксана Игоревна Альбер покинула место трагедии, кейс с деньгами был крепко-накрепко зажат в ее ладони.

08:37 – 09:10

Пока для Любы Кротовой все проходило относительно ровно, без чрезвычайных ситуаций, однако она то и дело вздрагивала от посторонних шумов, раздающихся, как ей казалось откуда-то извне. Да, для себя она использовала именно это слово – «извне». Благодаря невольному введению себя в состояние близкое к самогипнозу, Кротовой стали слышаться различного рода звуки, а иногда она галлюцинировала и от этого ей становилось одновременно жутковато и захватывающе заманчиво. Видения, вызванные долгими монотонными заклинаниями и парами испаряемых масел, помимо крови добавленных в красные свечи, принуждали маленькую девушку все чаще остекленевшими глазами смотреть по сторонам. В моменты видений кончики ее дрожащих губ дергались то в гримасе беспричинной радости, то боязни. Ей мерещились чьи-то шаги, топающие, казалось со

всех сторон, но обладателя этих шагов Кротова не видела, как ни всматривалась. Как будто совершенно независимо от топота вдруг до нее доносились обрывки чьих-то фраз, вырванные то-ли из прошлого, то-ли из будущего, то-ли из потустороннего мира, занавес которого Люба Кротова, кажется, прожигала огнем заколдованных свечей и специальными многовековыми молитвами, переписанными ею в свои тетради и читаемые ею сейчас быстрым твердым шепотом на старославянском диалекте. Огни двадцати двух красных свечей потрескивали и плясали, отражаясь в безумном любвином взгляде двадцатью двумя демонически танцующими точками, по мере исполнения танца разрастающимися во всеохватывающий делирий. Галлюцинарные голоса, принадлежащие как мужчине так и женщине будто из ниоткуда говорили Кротовой о каком-то предчувствии, о какой-то десятибальной шкале опасности, о цистите, о всяких бессвязных вещах, но некоторые фразы долетали до любвиных ушей почти не рваные: «...отсюда поскорее! Какого лешего мы тут застряли, надо...». То-есть про лешего! А потом тот же мужской голос упомянул Дажьбога и Перуна. Услышав имена двух старославянских богов Люба Кротова склонилась к ближайшей красной свече и сделала глубокий вдохпряного дыма, намереваясь погрузиться поглубже в спиритический транс и в итоге наладить какую-никакую связь с представителями этого загробного мира. Видимо что-то пошло не так, потому что еще после нескольких неразборчивых враз,

произнесенных мужчиной и женщиной, наступило некоторое молчание, нарушимое звуками, которые Кротова привязала к слову «алфавит». Хотя, казалось-бы, причем тут алфавит и порядок расположения в нем букв? Может быть это какое-то зашифрованное указание... Может надо взять доску с алфавитом и перемещать по ней какой-то предмет... Но вот голос почему-то стал меняться, уродоваться и вдруг захрипел, забулькал. Кротова поежилась. Что же там в том страшном потустороннем мире происходит, стоит ли вообще совать туда нос?

Вдруг в стороне между колышущимися будто от движения горячего воздуха железобетонными колоннами Любе померещились бегущие люди. Трое или двое... Они быстро исчезли из поля зрения, так что очумелая от всего совершающегося мастерица заготовительного участка даже не успела ничего разглядеть. Она мотнула головой, зажмурилась, чтобы возникающие перед глазами видения не пугали ее преждевременно и не мешали продолжать обряд сношения с миром мертвых.

Прежде всего целью ее ритуала была организация связи с одним лишь конкретным человеком. Любиными действиями двигало сильное, просто сжигающее изнутри желание призвать на помощь определенного духа из мира мертвых. Любовь Романовна Кротова, сидя на коленях на холодном бетонном цеховом полу, в окружении выключенных станков и поддонов с продукцией и заготовками, в окружении хаотич-

ных звуковых и зрительных галлюцинаций, призывала дух трагически погибшей точно на этом самом месте девушки Анюши, давно ставшей фабричной легендой и фигурирующей в ней как Молоденькая. Однажды она поделилась с кем-то из цеха (то-ли с мастером лакокрасочного участка Ингой Нифертити, то-ли с заведующим ОТК Тимофеем Бунько) своими предположениями о том, что в цеху бродит привидение Молоденькой, на что кто-то из них покрутил пальцем у виска, а кто-то улыбнулся, положил руку на плечо и посоветовал лучше поставить свечку в церкви за упокой души рабыни Божьей Молоде... Тыфу ты! Как ее звали-то? Кротова подсказала собеседнику, что погибшую звали Анной, но она не стала говорить, что их с усопшей связывала крепкая многолетняя дружба так внезапно и трагически оборвавшаяся в первый день открытия этого цеха, когда и фирма-то называлась не ОАО «Двери Люксэлит», а совсем по-другому и генеральный директор был другой, да и сама Люба Кротова занимала должность сборщицы, потом шлифовальщицы, потом работала на прессе, а потом... Впрочем, это уже не важно. Как бы то ни было, но существование призрака бродившей по цеху Анюши Молоденькой подтверждала ни одна Люба Кротова, но и многие из работников, включая также такого прожженного реалиста как охранника Ваню Тургенева, который не просто время от времени видит по ночам блуждающую по фабрике и исчезающую будто под бетонный пол человеческую фигуру, но и фиксирующий ее документаль-

но. Мастерница заготовительного участка ни раз беседовала с Тургеневым о призраке, и, пожалуй, Ваня был вторым человеком после самой Любы кто истинно верил в привидение Молоденькой.

– Пойми, Люба, – говорил он около месяца назад и угощал Кротову в своей крохотной будке чаем и мятными пряниками, которые нелюбящая сладкую сдобу Люба ела только из уважения к Ване, – конечно никто не может поверить в привидение. Да и я бы не поверил, а если бы кто рассказал, то я бы и слушать не стал. Но, черт побери, стал бы я утверждать, если бы не видел собственными глазами! Видел, Люба! Видел!

– Кого ты видел, Вань? – настороженно спросила в тот день Кротова, откусывая крохотный кусочек пряника и забывая запить его чаем. Был обед, часть работников пошла в столовую, часть обедала принесенными обедами в раздевалках или прямо у станков. Мимо будки охранников туда-сюда сновали те работники, кто ходил обедать домой, турникет то и дело пиликал от подносимых с нему электронных ключей. На улице была отличная зимняя погода, нехарактерная для этого времени года. В кои-то веки небо было чистое и светило, хоть и низкое, но яркое как сварочная дуга солнце.

– Ее и видел! Молоденькую! – утверждал Тургенев.

– Ее звали Анюшей.

– Ну да, – Ваня отставил бокал чая и пригнулся к Любе близко-близко, она почувствовала его сладкое дыхание

и различила в голубых радужках открытых честных глазах точки темных вкраплений. Его голос упал почти до шепота, хотя никому их проходящих было невдомек, о чем беседуют охранник и мастер. – Ты знаешь, что я каждую смену ночью совершаю обход цеха? Раза по три-четыре за ночь и по выходным, когда никого нет. Никто из наших не обходит цех. Эдик Розниченко редкий раз войдет ночью в цех, а Петька Эорнидян вообще из будки не вылезает. Он вообще... Ну да ладно, что о нем говорить. Так вот я много раз ночью замечал фигуру. Это человеческая фигура, вот тебе крест! – с этими словами Ваня Тургенев искренне осенил себя мелким крестом. – Как только замечает свет моего фонаря, то тут же исчезает. Прячется куда-то, словно в воздухе растворяется. Я за ней – а от нее ни следа, будто и не было! Понимаешь, Люб?

– Д-д-а-а...

– Ночью в цеху хоть глаз выколи, между станками ни черта ни видать. Даже своей руки. Я хожу с фонарем, это меня выдает. Призрак сразу прячется. Но иногда, когда в полнолуние из-за лунного света в цеху можно различить очертания станков, я захожу в цех без фонаря. Специально бесшумно приоткрываю дверь и тихонечко вхожу, сам прячусь.

– И что? Видел? – не своим голосом спрашивала Люба.

– Видел! Крадется. От станка к станку передвигается. Видно было плохо, темно, да я и опасался, честно говоря, ближе подкрадываться, но фигура была. Я видел. То она у

кромкооблицовочного, то у сборки, то на столярном участке. Иногда сидит, порой куда-то идет... В полной темноте, молча...

– Вань, ты страшные вещи говоришь.

– Я говорю то, что видел своими собственными глазами,

Люб. Хочешь – верь, хочешь – не верь.

– Ты уверен? Может тебе показалось?

– Думаешь стал бы я говорить с тобой об этом, если бы мне это только мерещилось? – Тургенев промочил горло остывающим чаем. – Посмотри сюда. Что это, знаешь?

Охранник показывал на четыре небольших монитора, транслирующих картинку с видеокамер, установленных на территории фабрики. Одна снимала проходную и входящих-выходящих рабочих, если присмотреться, то можно было рассмотреть в оконце будки, как вместе с охранником Ваней Тургеновым сидела мастер заготовительного участка Люба Кротова, грызла пряник и смотрела на четыре мониторчика. Три других камеры показывали внутреннее пространство территории, включая площадку перед цехом.

– В самом цеху, как ты знаешь, камер нет, – объяснял Тургенев. – Шепетельников почему-то еще не догадался следить за рабочими. Но на территории есть четыре камеры на случай хищения, курения в неурочное время и перемещение посторонних лиц.

– Ваня... – тихо произнесла Кротова. – Только не говори, что привидение Молоде... привидение Анюши выходит на

улицу.

– О! – на добродушном открытом лице охранника промелькнула улыбка. – А я, в отличии от тебя, имя призраку не давал.

– Вань, ответь, ты зафиксировал привидение на камеру, да?

– Ну... камеры работают без моего участия, я только наблюдаю. Поэтому нам – охранникам – не приходится обходить территорию фабрики, а только сам цех. Если не происходит ничего интересного, запись автоматически стирается через трое суток. Но я, конечно, могу сохранить всю запись или какую-то определенную часть отдельным файлом. И вот что я однажды увидел. Я перекачал на свой телефон.

Тургенев достал айфон с достаточно широким экраном, загрузил нужный файл и передал гаджет в руки Кротовой. Запись была черно-белой, захватывающая часть площадки возле цеха, входные ворота, часть курилки, припаркованная фура. Это была запись камеры, значившаяся у охраны под №2. В нижнем правом углу стояла дата – один из последних дней ноября. Время начинало отсчет от 00:40:03. Кротова нажала кнопку воспроизведения. Сначала ничего не происходило, дул ветер, гоняя по снегу какой-то мусор и прибывая к сугробам голый кустик. Но вот из-за фуры вдруг появился движущийся объект человеческой формы. Черный кривой силуэт будто крадучись как-то по обезьяньи продвинулся вдоль фуры, некоторое время стоял на одном месте, одна-

жды даже как будто повернул голову, потом приблизился к воротам, обернулся в ту сторону, в какой должна была быть будка охранника (камера ее не захватывала) и как-то плавно исчезла из вида в черных провалах теней. Заканчивалась запись на 00:42:18. Всего лишь две минуты.

– Когда я это увидел, – говорил Ваня Тургенев, – Я, естественно, схватил оружие... у нас есть травмат. Схватил пистолет и бросился на территорию. Но никого! Я включил свет в цеху! Всю ночь рыскал между станками – но никого! Все двери надежно заперты, если это вор, он не мог исчезнуть в воздухе! Через проходную он точно не проходил, да и другие камеры его не фиксировали, только меня. Я уж ни стал ничего говорить ни Соломонову, ни Шепетельникову. Только тебе, потому что мы с тобой друзья. Хотя, наверно, надо было бы... Но теперь уж поздно. Вот так то, Люба!

Кротова перекачала этот файл на свой айфон и очень много раз пересматривала видеозапись. Фигура не различимая, лица не видно, просто черные одеяния. Привидение появилось из тени и в тень спряталось.

И вот тогда Люба Кротова крепко уверовала в то, что этим призраком не мог быть никто кроме погибшей много лет назад Анюши Молоденькой.

Сейчас Люба сидела на коленях на бетонном полу, жгла кровавые свечи и прислушивалась к трем незнакомым голосам, спорящих друг с другом. Люба даже глаз не открывала от злополучного места на холодном бетонном полу на кото-

ром много лет назад оборвалась жизнь ее близкой подруги. Она не хотела смотреть по сторонам, пребывая в уверенности, что голоса эти ей слышаться из потустороннего мира. Быть может живущие там духи умерших или еще не родившихся спорят кому первому предстоит ответить на потаенную просьбу Кротовой. По любиному предположению связь с потусторонним миром устанавливается, контакт налаживается, надо только продолжать сеанс, не бояться, не прерываться, ни смотря ни на что, даже на фантазмагоричные, вышедшие не иначе как из параллельного мира мертвых, голоса и видения.

И вдруг произошло настоящее чудо, в которое не верила даже сама Кротова. Она ко многому была готова, ее предупреждали что от спиритического сеанса можно будет ожидать любых сюрпризов, но то что случилось на деле, поразило и не на шутку перепугало маленькую мастерицу заготовительного участка. До ее слуха донесся весьма чуткая речь, услышав ее, Кротова застыла в предобморочном состоянии.

– Что тебе надо? – спросил голос. Кротова боязливо осмотрелась вокруг себя, но кроме выключенных станков и всякого фабричного оборудования никого не увидела. Она испугалась внезапного голоса, который шел, казалось от неподалеку стоящего кромкооблицовочного станка. Терзаясь сильными сомнениями, Люба Кротова приподнялась и на затекших ногах медленно приблизилась к этому станку. Еще раз осмотревшись вокруг и решив, что если кто-то и

есть рядом, то он прячется за станком, женщина сделала два шага и посмотрела за ним. Она прошла вокруг станка.

Не было никого.

– Так чего ты хочешь? – повторил голос, шедший, казалось не просто от самого станка, но из глубин самой преисподни. Очень необычный голос, Кротова ничего подобного никогда ранее не слышала и не могла представить каков должен быть обладатель такого странного голоса. Кто-то, по-видимому мужчина, но Люба была не уверена в этом, говорил словно откуда-то издалека. Могло показаться, что благодаря любиным усилиям по налаживанию контакта с потусторонними силами, кромкооблицовочный станок предстал в качестве некоего передатчика. Но Кротова прекрасно знала устройство этого станка, в свое время она даже работала на нем, и знала, что у него нет и не может быть никаких мембран или чего-то эластичного, с помощью чего могли бы выходить какие-либо звуки помимо механического шума, свойственного данным видам станков. Не иначе как результат мистических сил!

Неживой голос повторил вопрос.

Только тут Люба Кротова поняла, чего добилась. Чтобы не испустить оглушительный вопль она до боли зажала рот ладонями.

08:40 – 08:43

Настроение у Степана Коломенского было приподнятое,

что для его природы было несвойственно. Утро выдалось отвратительным, он уже не помышлял о самоубийстве и не сравнивал свое никчемное бытие то ли с жизнью гниды, то ли с выгребной ямой. Как будто Господь всемогущий вспомнил о существовании такого великовозрастного неудачника как раб Божий Степан, смилостивился и решил-таки дать тому еще один шанс. Преподнести, так сказать, некий подарочек в виде халявных денег. За странную, но довольно простую работенку с которой Коломенский управился за двадцать минут с помощью плоскогубцев и гаечного ключа, он получит от генерального директора весьма солидный куш. Прямо сейчас! Прямо из рук в руки! Ноги сами несли Степана Михайловича мимо станков и поддонов, сами поворачивали его выпрямленное туловище направо в сторону лакокрасочного участка, где его ждал Шепетельников, готовый щедро вознаградить такого исполнительного работника как Коломенский. Мурлыча свою любимую песенку, длинноногий главный инженер уже прикидывал сколько он поставит на ту или иную футбольную команду. Он обязательно должен приумножить те сто тысяч что даст ему Даниил Данилович и он уже знает – как! Знает! Он будет ставить сразу на несколько команд, уж он сможет грамотно распределить деньги, он сумеет. У Коломенского от предстоящих ставок гулко стучало сердечко, а ноги несли его к ста тысячам чуть ли ни в припрыжку. Он не заметил, как миновал два станка окутывания, станок торцовки, две кубические евробочки

с клеем-смолой, он не замечал множество мелькающих по разные стороны поддоны с дверными деталями, перед его мысленным взором шелестели купюры, футболисты забивали строго необходимое количество голов и только в нужные Коломенскому ворота, а букмекер волоком тащил мешок из-под картошки, до верху набитый пятитысячными купюрами. «На, – пыхтел букмекер в американском старомодном цилиндре на лысой голове, – Бери свои деньги и проваливай, везунчик ты эдакий! Тяжелые!»

Но до лакокрасочного участка он не дошел. В цеху между станком укутывания и поддонами с подготовленными для покраски и лакирования дверьми располагались две одинаковые двухголовочные усорезные пилы, называемых более известных как два «Рапида» (названия произошли от фирмы-производителя). Станки предназначались для распиловки краев деталей и разрезания их на куски нужных размеров. Так вот у одного из «Рапидов», чьи две циркулярные пилы отражали стальным цветом чудом проникший сюда слабый уличный свет у Коломенского неожиданно сдавило дыхание и его песенка оборвалась на второй октаве. Он не понял, что произошло, но вдруг почувствовал, как что-то тонкое впилось в его шею и в один момент затянулось, сдавив ему дыхательные пути. Коломенский захрипел и вцепился ногтями в это «что-то». Ему не хватало воздуха, цех поплыл перед глазами, его будто сильно пьяного понесло в сторону. Главный инженер закатил глаза, силясь сделать хоть один вдох,

но тщетно. Тонкий электрический кабель впился в его горло, затянулся накрепко, разрезая кожу.

Кто-то с силой дернул за кабель назад и Коломенский грохнулся спиной на пол. Он уже почти не чувствовал боли, хотя его кости буквально встряхнулись в его теле. Степан морщился и пытался сдернуть удушающий кабель. Кто-то потянул его за удавку по бетонному полу, Коломенскому было больно, он плакал, он намочил в штаны. Палач доволол жертву до поддонов с дверными полотнами, приготовленными под лакировку и перебросил электрокабель через одну из стальных перекладин, составляющих опорную конструкцию кровли. Степана Михайловича Коломенского вздернули на этой металлической перекладине, используя трехжильный электрический кабель, который так впился в шею несчастного, что перерезал кожу и гортань. Другой конец кабеля невидимый убийца завязал на какой-то выступающей железяке. Бедняга Коломенский дергался несколько минут, махал ногами и царапал ломающимися ногтями изоляцию кабеля-удавки. Пытаясь просунуть пальцы под кабель, Степан Михайлович ногтями рвал кожу на шее, сувал под нее пальцы, старался оттянуть удавку, но...

После того как тело Степана Михайловича перестало агонизировать и обвисло безжизненным мешком, Даниил Данилович Шепетельников отряхнул ладони и склонил голову к плечу. Ну вот и все. Главного свидетеля больше нет. Шепетельников достал из-за пазухи последнее письмо «самоубий-

цы-висельника», перечитал его в очередной раз, свернул в трубочку и вставил в кусок стальной водопроводной трубы, в один конец которой он заблаговременно забил деревянную пробку. Точно такую же пробку, предварительно выпиленную от черенка лопаты, он как следует вбил в другой конец, тем самым надежно запечатав письмо в своеобразном стальном тубусе. Этот предмет он повесил на цепи на шею мертвецу.

Потом взял стоящую неподалеку тележку, подцепил ею один из поддонов с покрашенными в белый цвет кухонными дверьми и подогнал его к висельнику. Теперь создавалось впечатление, что Степан Коломенский, одев петлю на шею, прыгнул с поддона.

Шепетельников отвернулся и исчез.

08:40 – 08:48

Все рабочие и вся дирекция ОАО «Двери Люксэлит» однозначно считала, что молодой индифферентный охранник Петя Эорнидян был приверженцем буддизма, а некоторые из тех, кто имел какое-то представление о древней религии, утверждали, что охранник уже на полпути к нирване, что, сидя в своей будке он открывает свои чакры и питается космической энергией, струящейся к нему пси-лучом прямоком из сансары. Люди побаивались спрашивать у Эорнидяна об этом открытом текстом, но подглядывая за ним исподтишка, рабочие все чаще убеждались, что оправдание бессмыс-

ленному существованию Эорнидяна в охранной будке может быть только полнейшая отстраненность от существующего физического мира. Молодой человек с выпирающим как у беременного животиком не интересовался телевидением, не пил спиртного, не имел айфона и вообще не играл в виртуальные игры, не читал книги, газеты и журналы, не принимал участия в разговорах. Только иногда покуривал сигареты и время от времени удивлял сотрудников предприятия ироничными шутками.

Петя Эорнидян на вопросы о смысле своей жизни отмалчивался, пожимал плечами и, улыбаясь губами, закатывал глаза или опускал их долу. Он просто сидел в будке как пес, подолгу неотрывно смотрел в одни и те же места, кивал проходящим работникам, иногда перекидывался с кем-то парой слов. Своей работой он определенно не дорожил, относился к обязанностям довольно поверхностно, небрежно, по ночам, как правило, спал сном праведника. Генеральный директор Шепетельников вообще не интересовался охранниками и, если ничего чрезвычайного не происходило, то он закрывал глаза на все их косяки. А вот начальник производства Соломонов неоднократно грозился уволить Эорнидяна, но пока ограничивался лишь штрафами, не забывая, что такого дурака, работающего за тринадцать тысяч рублей в месяц ему еще надо поискать (начпроизводства не уставал штрафовать Эорнидяна с регулярностью лунных циклов) и что уволить он его всегда успеет, а пока пусть сидит. Воровства

на предприятии не было, косяки были некатастрофичны, так что Соломонов пока терпел присутствие ленивого охранника. Петя не парился, отдавая от своего и так мизерного оклада едва ли ни четверть в качестве штрафов, он продолжал сидеть в будке, скучать и равнодушно говорить, что в случае увольнения уж сторожем-охранником он всегда сможет устроиться в другом месте.

Получающие чуть ли ни втрое больше рабочие звали Эорнидяна на станок, но тот отказывался. «Ну точно буддист», – говаривал оператор вакуумного пресса Тихонов. Ему возражали, что, мол, буддисты не курят, на что у Тихонова ответа не было, но от своего предположения в религиозной принадлежности молодого охранника от все равно не отказывался.

На самом-то деле Эорнидян не был буддистом, он даже не знал в чем заключается это мировоззрение. Петя был клиническим психопатом.

С пятнадцати лет, после того, как Эорнидян, выпустил всю обойму из отцовского пистолета в своих одноклассников, юноша прочно сидела на прописанных ему медикаментах. Длительная терапия транквилизаторами и нейролептиками привела к нейролептическому дефицитарному синдрому – вялости, апатии, эмоциональное оскудение, снижение инициативы, мотивации, побуждений, сужение круга интересов, вплоть до аутизма. То-есть именно то, что наблюдали у молодого человека фабричные работники. Эорнидян привык к этому, приспособился, жил одним лишенным смысла

днем, горстями глотал лекарственные препараты, жрал что попало, не чувствуя вкуса и сидел в своей будке как скульптурный ждун. Никто не знал и не догадывался, что Петя Эорнидян всюду носит с собой маленькую аптечку с множеством тубиков и блистеров, достаточно сильных и получаемых им по рецепту, выписанных целым рядом психиатров. Помимо регулярных приемов трижды в день ряда таблеток, Эорнидян глотал необходимые препараты в случаях эмоционального возбуждения. Если, например, он видит по телевизору импрессивный художественный фильм или смотрит (ни в коем случае не играет) компьютерную игру.

Эорнидян сидел в будке и блаженствовал со скуки. Принятые им транквилизаторы делали свое чудное дело, отправляя его разум в сильные объятия ангедонии и абулии. Утопая в нейролептической депрессии, он даже задремал. Ему виделись разноцветные парящие пятна, пятна любили его, он любил их. Его указательный палец залез в правую ноздрю, принялся выскребывать оттуда полезные ископаемые и отправлять в рот. Для себя Эорнидян не считал поглощение доставаемого вещества зазорнее употребление в пищу соленой рыбы. За правой ноздрей последовала левая, Эорнидян вкладывал в это занятие столько же самозабвения сколько бывает у дегустатора вин.

Вдруг он вздрогнул от стука. Кто-то колотил его будто молотком по лбу, но оказалось, что это просто человек у турникета. Сконцентрировав расфокусированный взгляд на че-

ловеке, Петя Эорнидьян определил в нем женщину.

– Фу! – морщилась женщина. – Фу! Петя, фу!

– Чего? – медленно проговорил Эорнидьян, еще не до конца осознавая, что толстая женщина стала свидетелем не самой эстетически достойной стороны его времяпрепровождения.

– Фу, – повторила женщина, смотря на охранника через стекло и исторгая в его сторону столько призрения, сколько хватило бы нацисту, уничтожающему современный Израиль.

Петя почувствовал, как краска стыда заливает его щеки, сердце забилося сильнее.

– Сегодня выходной, – выдавил он из себя, вытирая палец о столешницу и от этого движения женщина еще сильнее вытаращила и без того округлые глазки. Эорнидьян вновь выставил себя в грязном цвете, теперь над ним будут смеяться все, ведь пришедшая женщина работала в цехе и, без всякого сомнения, заразит работником вирусом презрения к Эорнидьяну. – Вы чего пришли? Идите домой.

Женщина провела магнитным ключом по датчику, турникет пикнул и пропустил работницу на территорию. На слова молодого охранника она не ответила. Широко расставляя ноги и переваливаясь с боку на бок, полная женщина пошла к цеху, держа за ручки крупную сумочку. После нее на снегу оставались широко расставленные глубокие следы. Эорнидьян начинал вскипать, патогенный адреналин вспрыснулся под кожу, у него возникло острое как иголочный укол же-

вание догнать женщину и расквасить ей голову. Она появилась в самый неподходящий момент, она стала свидетельницей постыдного момента и, надо признать, для Эорнидяна подобные казусы были ни в первой. Совсем недавно он пригласил в драматический театр одну подружку за которой намеревался ухаживать и, набитый транквилизаторами, задремал в зале и дал слабину своему анусу. Над ним морщилась не только потенциальная подружка, зрительный зал больше не интересовался постановкой, все переглядывались между собой и обсуждали опростоволосившегося паренька.

В общем молодой юноша начинал вскипать, загораясь одновременно от стыда и ярости. Догнать бы эту толстую тетку, которая, как он знал, работает на сборочном участке основного цеха. Он даже знал, как ее зовут – Зинаида Сферина – очень характерная женщина, то-есть женщина с характером. С твердым, упрямым характером, она уже однажды полаялась с Эорнидяном, когда он после рабочей смены увидел у нее в полиэтиленовом пакете торчащий кусок МДФ. Он остановил ее и потребовал выложить кусок, а она раскричалась как цыганка на базаре, развозмущалась и осмеяла Эорнидяна за то, что он не дает ей взять маленький кусочек МДФ, подобранной ею из кучи брака. С тех пор охранник был в контрах с работницей, она всегда проходила через турникет с горделивой неприступностью. Эорнидяну очень хотелось, чтобы она сейчас же вернулась, прошла через турникет обратно и уехала не просто к себе домой, а вообще из

города. Но этого не будет, так как широкая фигура Зинаиды Сфериной все уменьшалась и уменьшалась, постепенно скрываясь в метелице и пропадая во чреве производственного цеха. Тогда Пети Эорнидьяну жутко захотелось убить ее, пристрелить на месте. Хорошо, что у него не было никакого оружия, иначе, кто знает...

Глубоко дыша и скрипя зубами, охранник проводил ненавидящим взглядом бесцветных глаз скрывшуюся в цеховых воротах женщину и полез с свою индивидуальную аптечку, которую всегда носил в сумке. Груда разнообразных медикаментозных препаратов: диазепам, хлордиазоксид, тиаприд, сонапакс, феназипам, атаракс, азалептин, лоразепам, еще груда всяких редких препаратов. Куча седативных препаратов, всякие успокоительные. А где новое лекарство, которое ему выписали на прошлой неделе? Он должен рассасывать таблетку под языком как раз в таких случаях, когда чувствовал нарастающее возбуждение. Такой кругленький флакончик с синей крышкой. Желтоватые маленькие таблеточки. Эорнидьян высыпал содержимое аптечки на стол, перепроверил все карманы, осмотрел сумку. Нового флакончика не было, Петя забыл его дома или потерял.

У Пети Эорнидьяна начиналась вспышка гнева.

08:42 – 08:55

В несколько мгновений они, перепрыгивая через три ступеньки, слетели с металлической лестницы и, сгрудились

внизу, потому что, оказалось, что с этой низкой диспозиции они не могли видеть преследуемых. Точило утверждал, что, будучи еще наверху и вглядываясь в панораму цеха, он заметил среди станков две движущиеся фигуры – мужика и бабенку, но оказавшись внизу, он уже засомневался в себе и с жаром доказывал, что только что, спускаясь по лестнице, увидел фигуру человека в совершенно противоположной стороне. А там, где по словам Точило двигались те двое – сейчас не было ни души. Значит Точиле показалось.

Женя Брюквин сильно раздражался. Их так тщательно проработанный план по отъему денег трещал по швам. Сначала они застряли на парковке, затем зачем-то тянули с падением, потом глупейшим образом перепутали кабинеты, а вот сейчас потеряли преследуемых из виду. Как можно было так тупить? Парочка с деньгами ушла прямо из-под носа, ушла спокойно, безмятежно, даже не подразумевая о том, что на них готовилось нападение с оружием. Бухгалтер и кто-то там по производству вошли в кабинет, взяли свои деньги, вышли из кабинета и прогулочным шагом покидают цех, а Женя со своими напарниками проявляют себя в высшей степени неумно. Это плохо, такие тотальные косяки, зафиксированные его видеокамерой, ни выставляют ни самого Женю Брюквина ни его компанию в лучшем свете. Скорее – наоборот. Если он выложит эту видеозапись в «ютюб», то, без сомнения, опозорит себя на весь мир как самый неудачливый, самый нелепый и самый дебильный грабитель. Он ко-

нечно, стремился быть самым-самым, но совсем не в этих сомнительных областях. Хорошо, что он вовремя отказался от пришедшей ранее идеи вести прямую трансляцию – стрим. Вот была бы потеха!

Брюквин поправил камеру на лбу и побежал за Точило и Максимилианом Громовержцем, которые выбрали направление поиска, руководствуясь не сколько чем-то объективным, сколько просто наобум. Предложение разделиться они опровергли, так как после ряда неудач перестали друг другу доверять. Точило уже давно снял пистолет с предохранителя и держал его наготове, а Максимилиан Громовержец убрал свой римский меч обратно во внутренние кожаные ножны, спрятанные в штанине, став хромоногим. Как оказалось, он доставал меч только в случаях его применения и убирал, как только нужда в нем отпадала, пусть даже убранный в штанину меч не позволял его правой ноге сгибаться в колене. Вместо меча он держал пластиковый ящик для инструментов в который они намеревались переложить отобранные у бухгалтерши и начальника производства. Троица грабителей побежала мимо станков о которых молодые люди знали только то, что это станки по производству межкомнатных дверей. Никто из них никогда не работал на каком-либо предприятии и не обслуживал никакие станки (разве что только сам Женя Брюквин устраивался сюда рабочим в разведывательных целях и оттарабанил один день), не понимая как можно заработать какие-то более-менее серьезные деньги чест-

ным пролетарским трудом. Работу на производстве каждый из троицы рассматривал как самый последний вариант, когда денежная нужда так прижмет, что от голода живот прилипает к позвоночнику.

Вдруг их окликнул какой-то мужик, должно быть тот самый, которого заметил ранее Точило. Мужчинка был невысокий, плотный, в квадратных очках и напоминал расплывшего маньяка-людоеда Чикатило. На голове высокая шапка-кастрюлька, которая давно и успешно выходит из моды. Максимилиану Громовержцу, Точиле и Жене Брюквину пришлось остановиться, как как мужик был настроен в крайней степени возмущенно, да и вообще появление этого дяди было для них неприятным сюрпризом. Свидетели в их деле не нужны. Владелец высокой зимней шапки взирал на встречных с неопишуемой ненавистью, которая буквально, прожигала каждого из троих насквозь.

Брюквин и Точило незаметно убрали огнестрельное оружие – один за ремень, второй за спину.

– Вы кто такие? – спросил мужик, переводя вооруженный очками взгляд с одного на другого и, по-видимому, размышляя, как половчее всадить каждому из них нож в печень.

– Мы-то? – Точило плотно сжимал за спиной рукоятку «Хеклер и Коха». – Че, не видишь, дядя? Рабочие мы.

– Какие рабочие? – еще больше возмутился встречный мужчина и склонил голову к левому плечу. Женя решил, что мужчинка является охранником, но сразу отмел это предпо-

ложение. На охранника он не похож, скорее на какого-то чиновничка, опасющегося за свой нечестно заработанный кошелек. Тем-более, охранника они видели – это был обыкновенный пузатый задрот, вдвое моложе обладателя шапки-кастрюльки.

– Какие-какие? – передразнил Точило дядю. – Тебе-то что за дело? Не видишь, мы торопимся.

– Я спрашиваю – кто вы такие? – металлическим голосом говорил мужчина и Жени Брюквину показалось, что дядя сейчас выхватит из-за пояса ружейный обрез и перестреляет всех их троих. Дядя явно был не простой рабочий. Очень неприятная личность, как бы поскорее от него избавиться...

– Блин, чувак, мы чиним вентиляцию! – рявкнул Точило. Раз он взялся вести диалог, то он и продолжал, потому что Женя Брюквин, честно говоря, немного растерялся и даже чуть-чуть оробел. Незнакомец подавлял его своим ненавидящим взглядом. А Максимилиан Громовержец вообще молчал. Но его правая рука была в кармане брюк.

– Что? – у встречного комично вытянулось лицо. Казалось его вытарашенные глаза удерживаются в глазных впадинах исключительно за счет давящих на них линз квадратных очков. Он захлопал ртом как пойманная рыба. – Кто вас вызвал?

– Кто-кто? Генеральный ваш, кто же еще! – грубо ответил Точило, чем привел едва не падающего от апоплексического удара встречного мужчину в полнейший ступор.

– Кто? – переспросил он. – Соломонов?

– Я же говорю – самый генеральный! – втолковывал мужчине Точило. – А вот ты кто такой? Че дома не сидишь?

– А... а что это у тебя на голове? – тихо спросил незнакомец замогильным голосом и показал чуть дрожащим перстом на пристроенный на лбу Брюквина автомобильный видеорегистратор. – Это камера? Она снимает, да?

– Это фонарик!

С этими словами Точило оттолкнул незнакомца с пути, и тройца оставила его позади. Когда пробежав несколько десятков метров вдоль какого-то длинного вытянутого вдоль стены станка со множеством роликов и колесиков Женя Брюквин обернулся, он не увидел уже никого. Странный дяденька исчез так же внезапно, как и появился. Женя предположил, что тот не ожидал увидеть посторонних свидетелей так же как они не предполагали встретить в цеху никого кроме двух потерянных преследуемых. Для обеих сторон встреча была ненужной. Кем бы он ни был, но лишние свидетели им были не нужны и Женя порадовался, что видеочамера на его лбу, а не на лбу незнакомца иначе пришлось бы кому-то из них троих применять оружие.

– Да какой он свидетель? – тяжело дыша сказал Точило и вгляделся в открывшееся пространство. Никого. Побежали дальше. – Он вообще ничего не понял. Какой-то дурак. Заметил, как он на нас тарасился? Как Лаврентий Берия на ожившего Иосифа Сталина!

Бегая меж деревообрабатывающего оборудования Женя Брюквин поражался неудобной, буквально хаотичной расстановки станков. Они стояли в совершенно странных позициях, без какого-бы то ни было порядка или строгого плана. Станки загораживали друг друга, заслонялись, между ними в произвольном порядке стояли бесконечное множество поддонов с полуготовой продукцией, дверными деталями, заготовками. Был полнейший хаос и бардак. Троице постоянно приходилось петлять между всем этим, порой возвращаясь туда откуда пришли, грабители вынуждены обходить там, где можно было бы пройти напрямую. Петляя по цеху, Брюквин не понимал для чего здесь те или иные перегородки, отделяющие некоторые участки цеха, почему особенно крупные станки расположены в таких неудобных местах, что заслоняют собой видимость и заставляют их (и рабочих) обходить их с различных сторон. Многие места были буквально изолированы почти со всех сторон, образуя укромные местечки, прекрасно подходящие для прелюбодеяний или партизанской деятельности. Благодаря бесцельной расстановки, полученной в следствии многократной перестановки станков с одних мест на другие цех, и так вывернутый во все стороны и отделенный на фигуральные участки, напоминал средневековый город с неровными улочками и нелепо поставленными домишками, загораживающими путь, свет и обзор.

Они вышли к каким-то воротам, заглянули внутрь и обнаружили за ними отдельный участок, залитый ослепительно

белым светом и источавшим химический запах растворителей, лаков и красок. Женя Брюквин, который проработал в цеху целый день, объяснил, что это лакокрасочный участок и тут преследуемые очень могли бы укрыться. Троица долго обыскивала светлое помещение, чихала и кашляла и, никого не найдя, поспешила скорее покинуть участок. Вернувшись в основной цех, Брюквин предложил бежать к главному входу и там подстергать беженцев с баблом.

– А где тут этот выход? – спросил запыхавшийся Точило. – Тут черт голову сломит! Лабиринт этого... как его... у которого башка бычья была...

– Минотавра?

– Наверно, – не стал спорить Точило. – Блин, Женя, ты же работал тут, почему как следует не запомнил план цеха?

– Сам видишь, здесь так просто не освоишься. Пошли за мной, я припоминаю дорогу назад...

Но Женя не успел закончить фразу как его резко потянул за плечо доселе молчавший как аутист Максимилиан Громовержец. Точило и Женя Брюквин синхронно выхватили оружие, полагая что Максимилиан Громовержец оказался зорче их всех и засек-таки убегающую от них парочку с деньгами. Они проследили за указующим перстом своего друга и разом обомлели. Их товарищ показывал на висельника. Повешенный! У Жени Брюквина сам собой открылся рот и по спине пробежали крупные мурашки.

– Это... что за... – только и мог проговорить Точило, мед-

ленно, почти крадучись приближаясь к висящему на электрическом проводе длинному телу неизвестного. Человек висел, опустив голову к груди, руки безвольно висели вдоль тела. – Что за...

Рядом с висельником стоял поддон с дверями и Женя Брюквин тяжело на него опустился, ноги вдруг перестали его держать. Нет, он не боялся трупов, как таковых, он сам был убийцей собственного ребенка. Его не пугал вид мертвого тела. Его ошеломил сам факт этого тела именно здесь, в этом цеху и именно сейчас. Ему становилось не по себе, на время он даже забыл за каким дьяволом вообще блуждает в этом проклятом цеху.

– Ну чего расселся, – нервно крикнул ему Точило. – Пошли от сюда...

– Но...

– Пошли. Ни к чему не прикасайтесь.

Они медленно и с опаской, будто труп внезапно откроет глаза и испепелит их демоническим взглядом, обогнули повешенного и быстренько исчезли среди станков. Но, разумеется, осадок на душе у каждого остался сильнейший, никто их троих не знал, что и думать, что и сказать. Брюквин высказал мнение, что хорошо бы поскорее найти этих двух типчиков с деньгами и, сделав дело, свалить как можно быстрее. Точило согласился. Хромающий на ногу Максимилиан Громовержец ничего не говорил, зачем озвучивать вслух и без того очевидные факты? И наконец вскоре, когда они во-

шли на огороженный участок, поблизости от основных ворот, где европоддоны с необработанными заготовками занимали площадь большую чем немногочисленные станки, они наткнулись на двух человек. Один постарше и с бородой, другой помоложе и без бороды.

Они тащили третьего, держа его за руки и за ноги.

Увидев друг друга обе стороны воззрились каждый на каждого глазами, полными смятения и растерянности. Встреченные незнакомцы так и застыли с недвижимым телом на весу, а трое бандитов замерли, накрепко сжав рукоятки огнестрельного оружия спрятанного за спины.

Немая сцена длилась около минуты.

– Э... ребят, – начал тот что с бородой. – Вы, это... вам чего?

– Нам? – встрепенулся Женя Брюквин. – Нам ничего.

– Вот как... а че вы здесь?

– А че мы здесь? – глупо переспросил Брюквин.

– Это я вас, ребят, спрашиваю.

– Мы? А мы ищем...

– Кого? – бородатый и молодой не отпускали своего недвижимого товарища, застыв с ним на месте.

– Ну этого... – Брюквину показалось что у носимого мужчины черные ладони. Да и вообще он выглядел как мертвый. Женя переглянулся с Точило и сглотнул комок в горле. – Этого... как его...

– Директора, – подсказал Точило.

– Директора? – спросил молодой. – Какого директора?

Здесь нет никакого директора. Сегодня вообще выходной.

– А вы это... – Брюквин кивнул на недвижимого. – Куда вы его?

– Кого?

– Да его. Он умер?

– Кто?

– Да вот этот.

– Этот? – молодой кивнул на того, кого держал за обгорелые руки.

– Да.

Бородатый и молодой ненатурально засмеялись. Так же ненатурально засмеялись Точило и Брюквин. Они смеялись вместе и это был в высшей мере странный смех. Максимилиан Громовержец молчал, он не умел смеяться в-принципе.

– Он пьяный, – объяснил бородатый. – Пьяный он.

– Пьяный? – сквозь неумелый смех спросил Точило.

– В говно! – хохотал молодой, не отпуская черных ладоней недвижимого.

– А! Ну ладно... Мы тогда пойдем? – зачем-то спросил Брюквин.

– Да, идите, – разрешил бородатый.

– Ага, пойдем... Пойдем, пацаны, – позвал Женя своих компаньонов. – Мы же ищем этого... директора, да? Нам нужен директор, ведь мы чиним вентиляцию. Нам нужно идти работать. Так я говорю?

– Так-так! – с жаром согласился Точило и троица исчезла среди станков. Отойдя в сторонку, Точило не выдержал и закурил, нервно чиркая незажигающейся зажигалкой. Что за странности в этом цеху?

– Надо возвращаться на исходную, – неожиданно для всех произнес Максимилиан Громовержец. – Я чую, что они где-то там у лестницы. Где-то с той стороны. – Ему возразил Женя Брюквин, напомнив, что они там были и никого не видели. А Максимилиан Громовержец невозмутимо ответил, что те от них прячутся.

Других вариантов не было и они вернулись туда откуда пришли – к металлической лестнице, ведущей на антресольный этаж. Стали шарить там, заглядывая в каждый угол, и обходя каждый станок и, действительно, наткнулись на очередное тело. Оно лежало распластанное на полу у автопортузчика, неподалеку от какого-то станка по резке шпона. Все его лицо было густо залито чем-то пенистым белесым с кусточками фруктов.

Человек не дышал.

– Это кто? – прозвучало в тишине от Точилы.

– Почему ты у меня спрашиваешь? – с раздражением ответил Женя Брюквин. – Я, что, по-твоему с ним знаком?

– Но кто это?

– Да откуда я, черт побери, могу это знать! – вскричал Брюквин. – Если я не знаю того повешенного, то откуда я могу знать этого?

– Ты сказал, что был в этом цехе раньше! – не унимался Точило.

– И что? Я ни с кем ни знакомился, знаешь-ли! Я всего лишь осматривал территорию.

– Ну и что, осмотрел? Это по твоей милости мы крутимся здесь как три дебила! Если бы послушали меня, то давно бы уже отобрали бабло и свалили! А мы здесь...

– Молчание! – твердо объявил Громовержец Максимилиан. – Делаем дыхательную гимнастику!

– Пошел ты в жопу, придурок! – огрызнулся на него Точило.

– Нам нужно успокоиться! Делаем дыхательную гимнастику, после чего продолжаем поиски наших дружков с деньгами!

08:49 – 08:56

Чудного вида молодой человек с круглым лицом и зимней кепкой с ушками подошел к проходной ОАО «Двери Люксэлит», ежась от холода и ветра. Остановившись перед закрытым турникетом, он долго стряхивал с себя снежные покровы, топал ногами, сбивал снег с плеч, будто его путь оканчивался именно на этой проходной и ему не нужно идти еще сотню метров до самого цеха. Из окошка его встретил очень агрессивный субъект, работающий тут, судя по всему, охранником. Молодой, но какой-то дерганый охранник, делая странные горячечные гримасы, грубо остановил пришед-

шего гостя и используя мат, задал вопрос, касающийся того, за каким хером тот явился, и кто он вообще такой. Молодой человек мило улыбался, помаргивал и молчал. Пузатый охранник вскочил со стула, уронив его на пол и вышел в дверной проем, тарача на незнакомого гостя озверевшие глаза. В приоткрытую дверь охранника прихожанин заметил большую рассыпавшуюся на столе горсть различных медикаментов, а сам охранник выглядел и вел себя так, будто у него некоторое весьма выраженное психическое расстройство.

Гость постарался оставаться невозмутимым.

– Тебе чего? – грубо хрипел охранник.

Гость молчал и улыбался.

– Чего ты лыбишься? Я тебя спрашиваю – чего тебе нужно? – Петя Эорнидьян готов был лишиться незнакомца жизни. Сейчас он ненавидел всех без исключения, а больше всех – того, кого видел перед глазами, то-есть не вовремя пришедшего гражданина. – Вали на хер! Че лыбишься, кретина кусок! Че лыбишься?

Казалось, что гость не понимает русского языка. Вместо ответа, он расстегнул замок-молнию на короткой куртке с меховым воротником, извлек из внутреннего кармана крошечные склеенные между собой бумажные квадратики, используемой для мимолетных записок. Написав своей ручкой несколько слов на одном листочке, он, оторвав его от стопки и вручил Эорнидьяну. Тот диким взглядом уставился на ровно написанные буквы и силился прочитать, но от усиливаю-

щего припадка не мог сконцентрироваться. Буквы раздваивались, плыли перед глазами и Пети пришлось долго и с прищуром читать всего лишь несколько написанных слов в которых заключалась краткая информация о том, что пришедший не слышит и не может говорить. Что он пришел устраиваться на работу и что ему нужно пройти в офис к директору.

– Ты глухонемой? – Эорнидян выдохнул и помассировал лицо. – Сегодня выходной, приходи завтра. Я говорю – сегодня выходной! Выходной!!! Ты че, не слышишь, что-ли? А... ну да... Сегодня нет директора! Директора нет!!! – Петя Эорнидян кричал во все горло и пытался продублировать сказанное жестами, которые пришедший гость определенно не понимал и, не убирая дружелюбную улыбку с открытого лица, показывал на листочки. Эорнидян едва удержался, что-бы не задушить гостя. Он выхватил листочки и написал «Директора нет». Гость написал: «Во сколько будет? Я подожду». Эорнидян написал: «Выходной». Но гость этого не понял и повторно показал предыдущий листочек.

Петя Эорнидян был на волоске от окончательного срыва. Как ему не хватало забытого дома лекарства! Сейчас бы он проглотил за раз штуки четыре! С трудом справляясь с сильнейшим тремором, Петя кое-как попытался написать, что сегодня офис закрыт и никто не примет, на что гость написал, что он только зайдет в цех и осмотрится. Написал, что приходил два дня назад и его приглашали в цех для ознакомления. Он будет работать на участке, где мастер Кротова. Эор-

нидян вспомнил, что Люба Кротова утром пришла в цех и, раз гостю нужна Кротова, то вот пусть она с ним и объясняется.

– Пропуск есть? – спросил он у глухонемого, но тот не отреагировал. Эорнидян схватил бумажку и написал: «Пропуск?». Человек отрицательно покачал головой, тогда Петя на том же листике накарябал: «Паспорт». Гость предъявил документ. – Так... Вайнштейн Никита Кириллович... Вайнштейн, так Вайнштейн... так, время прихода... Вот здесь распишись, Вайнштейн. Я говорю – распишись вот здесь! Да, здесь! Глухарь! Все, иди. Знаешь где цех? Вон там, вперед иди.

Гость широко улыбнулся, кивнул и, сунув свои принадлежности во внутренний карман куртки с меховым воротником, зашагал сквозь пургу к цеху. Во след ему Петя Эорнидян послал громкие и грубые ругательства. Потом одним махом сбросил все что было на столе. На пол полетели разные бумаги, документы, инструкции, тетради, канцелярия, таблетки, чашка остывшего чая. Эорнидян орал во все горло.

Пришедший же совершенно непринужденно преодолел расстояние до главных цеховых ворот, приоткрыл их, вошел внутрь. В этот миг до него донесся безумный крик молодого охранника. Никита Кириллович Вайнштейн остановился и прислушался, он не был ни глухим, ни немым. Выслушав яростный крик до самого конца, Вайнштейн усмехнулся и осмотрелся – станки, продукция, заготовки. И ни одно-

го человека! Как раз то, что ему нужно! Чтобы не нарваться на случайных рабочих или еще кого-нибудь, Никита быстро юркнул в сторону и постарался скрыться среди многочисленных поддонов с заготовками: березовые и сосновые брусья различного калибра, нарезанные на раскроечной пиле различных размеров детали из ДСП и МДФ и прочее, из чего собирают дверные полотна. Тут господин Вайнштейн достал планшет и принялся фотографировать все что видел. Прежде всего его интересовали станки и их состояние, количество заготовок и деталей, количество недоделанных дверных полотен и полностью готовых. А особенно – склад с наименованием готовой продукции. Но складское помещение было в пристрое, расположенном в совсем противоположной стороне и до него еще нужно добраться, а пока Никита работает здесь.

Гражданин Вайнштейн числился заместителем главного менеджера по развитию конкурирующей фабрики по производству межкомнатных дверей «Орфей» и до недавнего времени на Никиту работал один тутошний сварщик по фамилии Авдотьев. Чудноватенький такой мужичек, без зубов, небольшого роста и в вечно нестиранной одежонке от которой пахло застарелым потом. Сварщик, которого, кажется звали Колей, своим внешним видом и тщедушным нравом не мог вызвать у местного начальства ни малейших подозрений, всем своим поведением Авдотьев показывал, что не умеет пользоваться даже примитивным кнопочным телефо-

ном, не говоря уже о сенсорном экране. Все что он мог держать в руках и применять по назначению – сварочный аппарат. Пользуясь своей юродивой неприкаянностью, Коля Авдотьев, тем не менее, исправно шпионил в пользу ООО «Орфей» и лично для Никиты Вайнштейна. Он регулярно передавал Вайнштейну фотографии склада и докладывал общую обстановку на фабрике – что делают, в каких количествах, какие именно модели и куда конкретно их отправляют, кого увольняют, кого набирают на работу, иногда Авдотьеву становился известен заказчик и количество отгруженного товара. За эту весьма ценную для конкурирующей фирмы информацию Никита исправно и щедро платил сварщику Коле, а тот, не будь дураком, держал язык за зубами. Так продолжалось не один месяц и благодаря сварщику Коле, а также тому, что позапрошлом году ООО «Орфей» переманило к себе люксэлитовского начальника отдела сбыта Владимира Нильсена, руководство фирмы «Орфей» смогли получить нескольких крупных клиентов, вовремя опередить «Двери Люксэлит» в кое-каких финансовых делах и, вообще, очень умело и хитро играть на опережение. Но на прошлогодние ноябрьские праздники случилось страшное – Коля Авдотьев насмерть отравился суррогатным алкоголем, поток разведывательных данных прервался, а сама смерть сварщика была окутана загадочным ореолом. Как будто бы Авдотьева отравили умышленно, и кроме как генеральному директору ОАО «Двери Люксэлит» Даниилу Шепетель-

никову этого сделать было некому. Во всяком случае следственный комитет в определенной мере пригляделся к генеральному директору и Даниил Данилович проходил по делу об отравлении Авдотьева как главный свидетель. Но Авдотьев работал тихо и чисто, не вызывая подозрений и причин для убийства не было совершенно никаких, к тому же Вайнштейн хоть и считал господина Шепетельникова редкостным мерзавцем и человеконенавистником, но не до такой степени, чтобы брать на себя грех душегубства. Как бы то ни было, Никита остался без полезного разведчика, а между тем по слухам, положение в ОАО «Двери Люксэлит» сильно ухудшилось, бродит молва о проблемах с заказами, да к тому же рабочим второй месяц не выплачивают зарплату. Совет директоров ООО «Орфей» радостно потирали ручки и для выполнения увеличившегося плана набирали третью рабочую смену с переходом на ночной график, но тем не менее поручили Никите любым способом выяснить истинное положение дел на «Дверях Люксэлит» и если все действительно так плохо, как говорят, то для предприятия «Орфей» наступает золотое время. За неимением Коли Авдотьева главному менеджеру пришлось самому проникать на конкурирующую фабрику. «Этот Шепетельников тот еще жук навозный, – нравовчал его Владимир Нильсен, – Я с ним поработал, врагу не пожелаю! Никто не знает, что у него в башке варится, личность отвратительнейшая! Очень мутный тип. Хуже моего соседа по лестничной площадке, а мой сосед по

лестничной площадке редчайший ублюдок! Нужно проникнуть в «люксэлитовский» цех, что бы только никто не знал. Если Данилыч узнает – тебе не жить, мы тебя не отмажем. Будь осторожен, Никитос, не попадись».

Вайнштейн старался следовать совету Нильсена.

– Ты Леву не видел? – раздалось за его головой и Никита чуть не выронил планшет, за его спиной стояла женщина. Все в ней было круглое – круглый живот и большие круглые титьки, округлые бедра и ладони, круглое лицо с круглыми губами, глазами и кончиком носа. Подводкой нижних ресниц и век тетенька придавала своему взгляду некую наивную выразительность, такой способ нанесения макияжа зачастую используют в клоунаде. Круглые ушки с висевшим в них круглыми сережками-кольцами. Из-под круглой зимней шапки выглядывали кругляшки волос.

– А? – как он мог проглядеть человека за спиной? Никита мгновенно убрал планшет и пообещал сам себе, что впредь будет внимательней к окружающей действительности и застанет слепо зацикливаться на фотографировании. – Что?

– Леву не видел? – повторила баба, топая сапогами, чтобы сбить с них снег. Она только что вошла с улицы, от нее пахло табаком и духами с немодным запахом. Значит, когда он проник в цех, она сидела в курилке, и, докурив пошла следом. Никита признал за собой косяк, его самоуверенность немного остыла, а возникший перед глазами Владимир Нильсон предостерегающе погрозил указательным пальцем.

– Какого Леву? – спросил Вайнштейн.

– Нилепина, – баба думала, что перед ней один из рабочих. И ее не смущало то, что она прежде ни разу его не видела. Разве всех в этом цехе запомнишь?

– А? Нилепина? Да, он там, – Вайнштейн понятия не имел о ком идет речь, но указующим перстом отправил бабу максимально подальше от себя.

– Где?

– Там... У... компрессорной. Вроде, там был.

Тетя ушла.

Вайнштейн выдохнул.

08:49 – 09:08

– Он точно так сказал?

– Точно. Я помню.

– Что ты помнишь?

– Что он так сказал.

Нилепин и Пятипальцев смотрели друг на друга с напряженностью. Нервы у обоих были натянуты как струны.

– Что он сказал? – допытывался Пятипальцев у Нилепина.

– Да, блин... – молодой рабочий уже с некоторой долей неуверенности почесал затылок. – Он сказал, что... говорил, что...

– Лева, ты не в школе перед доской отвечаешь! Говори нормально, братан.

– Он говорил, что сказал своей жене, что поехал не сюда

на работу, а к дружбану своему чинить его «Ниву».

– То-есть, его мымра скандальная не знает, что он здесь? – уточнил Пятипальцев.

– Получается, что не знает.

Оба рабочих некоторое время смотрели на лежащего коллегу с почерневшими ладонями, потом вновь переглянулись между собой.

– Ты уверен? – спросил Нилепин.

– У тебя, братан, есть другое предложение? – в свою очередь задал вопрос Пятипальцев и не получил никакого ответа. Молодой Лева Нилепин был слишком возбужден и обескуражен, чтобы генерировать какую-бы то ни было разумную идею. – Пойми, Лева, это единственный вариант! Действуем по моему плану.

Двое мужчин еще некоторое время в нерешительности переминались с ноги на ногу, перекидывались быстрыми неуверенными взглядами, но, в конце концов собрались с духом и взвалили безжизненное тело своего неудачливого коллеги на пневматическую тележку – рохлю. Потом они несколько раз подкидывали монетку с тем чтобы решить кто из них повезет рохлю, монетка все время выпадала так, что кто-то из них обязательно не соглашался и им приходилось перекидывать заново. Плюнув на бесполезный жребий, Юрка Пятипальцев объявил себя умудренным годами, аргументируя это тем, что он старше и пользуясь этим преимуществом назначил возничем Леву Нилепина.

Молодой рабочий не стал спорить, затянувшаяся кани- тель с телом Августа Дмитриева начинала его раздражать и единственным желанием его было поскорее с этим кончить и умыть руки. Взявшись за ручку телеги, он повез ее к выхо- ду, громыхая колесами по выбоинам в бетонном полу. Лицо его потеряло былой задор и вечную радость жизни, так ему свойственную и выделяющую его на фоне зачастую угрюмых и деревяннотлицых работяг. Вообще в Нилепине всегда был какой-то юношеский инфантилизм, свойственный скорее за- стрявшим в детстве подросткам, чем двадцатичетырехлет- нем заводским рабочим с трехлетним стажем. Одевался он в яркие молодежные цвета, любил сладкое, часто и много улыбался белой улыбкой здоровых зубов и очаровывал весь женский коллектив цеха. Молодые девчонки так и липли к Леве, буквально не давали ему прохода, стараясь подойти без всякого повода и начать разговор обо всем на свете. На- зывали его «Этот душка Нилепин» или «Левочка». Юноша был не против, женское внимание он ценил и отвечал взаим- ностью, с завидной регулярностью осчастливливая не толь- ко свое исправно функционирующее естество, но и неудер- жимое желание жаждущих до молодой кровушки девушек, женщин и дам.

Только порой он был непростительно безответственным и во многих вопросах не вполне сообразительным. В свои двадцать четыре года он все еще пребывал во власти без- заботного детства, не думая о завтрашнем дне, о насущных

проблемах, о будущем. Все-таки жизненный опыт приходит с годами, и Лева знал, что у него все еще впереди. Так зачем преждевременно забивать голову всякими мудростями?

Вот, кажется, один из жизненных уроков – труп, от которого следует избавиться. Лева тянул телегу с мертвым телом, ноги и обезображенные руки Августа Дмитриева от тряски то и дело падали вниз и волочились по полу. Шедший позади Юра Пятипальцев молча их поднимал и клал на бездыханную грудь. Идти молча и слушать грохот телеги было для обоих рабочих невыносимо и Лева Нилепин брякнул первое что пришло ему в голову:

– Юр, слыш?

– Че? – уныло отозвался Пятипальцев.

– А ты смотрел в интернете, почему у слова «яйцо» столько разных значений?

– Чего? Какое яйцо?

– Ну любое, – телега в руках Нилепина в очередной раз вздрогнула. – Вот у тебя в голове какая ассоциация возникает, когда ты слышишь слово «яйцо»?

– При чем здесь яйцо? Зачем ты спрашиваешь?

– Ну мне нужно о чем-то говорить, я так успокаиваюсь. Иначе я... Ну не важно. Просто ответь.

– Яйцо... о чем я думаю? О яйце. – бородач почесал лоб. – А ты какое яйцо имеешь в виду, братан?

– Вот! – Нилепин даже остановился, обернулся и вознес палец к потолку. – Поэтому я и спрашиваю. Ведь у яиц мо-

гут быть разные понятия. Например, понятие зоологическое – это икра. Ведь икра рыб, моллюсков, иглокожих и некоторых других животных – это тоже яйца. И эти яйца не имеют ничего общего с гастрономическими яйцами. Яйца шалот, яйца всмятку, сырые яйца, вареные, яйца в салате или фаршированные теми же яйцами рыб. Понимаешь, Юр, о чем я?

– Ты долго думал над этим, Лева?

– Долго, Юр, – совершенно серьезно признался Нилепин. – А вот есть еще одно понятие яиц – ювелирное. Яйца Фаберже! Вот тут ты можешь перепутать это ювелирное понятие с анатомическим понятием. Ведь у Карла Фаберже, как можно догадаться, были не только ювелирные яйца. А порой гастрономическое понятие сплетается с понятием анатомическим – жареные бычьи яйца. Ел? Я тоже не ел. И это я еще не рассказал об орнитологическом понятии – яйцах как ооцитах.

– Чего? Лева, мозги не крути. Бери тележку и вези.

– Ты знаешь, что такое ооциты? Это женские яйцеклетки, которые по мере оплодотворения и развития вырастают в яйца. Я имею в виду птичьи яйца. Это уже понятие орнитологическое. Но яйца-ооциты есть и у насекомых, а это понятие уже не орнитологическое, а инсектицидное. Ты, Юр, меня внимательно слушаешь? Еще не запутался? Тогда вот тебе еще одно понятие – христианское. Пасхальные яйца! Которые могут быть яйцами-ооцитами, но в то же время и яйцами Фаберже, а будучи яйцами-ооцитами и включая в себя

уже два понятия, они могут нести в себе еще и третье значение – гастрономическое. Например, пасхальные яйца-ооциты всмятку.

– Лева! Бери труп и вези вперед! – зарычал Пятипалец.

– Итак, давай подведем итоги, – Нилепин потащил тележку с Августом Дмитриевым вперед к выходу. – Сколько яичных понятий мы рассмотрели? Гастрономическое. Анатомическое. Ювелирное. Христианское. Зоологическое, которое подразделяется на собственно зоологическое, орнитологическое и инсектицидное. Ты загибаешь пальцы, Юра Пятипалец? Хорошо я сострил? Семь понятий, да? Я правильно подсчитал, семь?

Не отрываясь от яичной лекции, Нилепин и Пятипалец раскрыли цеховую дверь и взглянули в сторону будки охранника. Мела метель, снег мешал и раздражал, мгновенно обдав обоих рабочих ледяным холодом и с ветром ворвался в приоткрывшийся дверной проем. Пятипалец сказал: «Чисто. Охранника не видно» и друзья-товарищи, взявши неживого Дмитриева за руки и за ноги выволокли его на улицу. Август Дмитриев не сопротивлялся, он не подавал признаком жизни, глаза его были закрыты, лицо мертвецки бледно, усы затрепетали на ветру. Пятипалец, кому достались руки Дмитриева, взялся не за обгоревшие до черна ладони, а за локти. Кряхтя и спотыкаясь на снегу, Юра и Лева тащили тело своего коллеги в расположенный неподалеку от входа в цех крытый бункер с большим стальным контейнером для

сбора производственных стружек.

– Че замолчал, профессор-яйцевед? – с кислой усмешкой процедил съезжившийся от холода Пятипалец. – Все сказал? Может что дополнишь?

– Я предлагаю выпрямить эту яичную путаницу и дать каждому понятию конкретное название.

– Вот как? Любопытно. Я вот своим яйцам уже дал названия, – хихикнул Пятипалец и перехватил поудобнее руки мертвого Дмитриева. – Без тебя, знаешь ли, догадался...

– Как это ты своим яйцам дал название? – не понял Нилепин.

– Ну не названия, – уточнил Пятипалец и, споткнувшись, упал на снег. Выругался, поднялся, вновь вцепился в локти мертвеца и поволок его к бункеру. – Имена.

– Имена?

– Да.

– Ты дал своим яйцам имена?

– Джульетта и Изабелла.

– Как?

– Изабелла и Джульетта! А между ними – Харитон Юрьевич!

Теперь настала очередь упасть в снег Нилепину.

– Почему имена женские?

– Так смешнее.

– Ты шутишь?

– Нет. Нисколько.

– Ты разделил свою мошонку на отдельные составные и дал всем человеческие имена? Ты нормальный человек, Юр?

– А ты? Ты разделил яйца на семь различных понятий! Это, по-твоему, нормально?

– Может ты и заднице своей дал имя!

– Я ей реже пользуюсь, – задумался сорокачетырехлетний Пятипалец, – но вот сейчас одно имя мне приходит на ум.

– Не говори вслух. Не хочу слышать.

– Скажу.

– Не надо, умоляю.

– Лев! С этого дня я называю свою жопу – Лев! В твою честь, мой яичный магистр! Сейчас как зарычу!

Они приволокли труп Августа Дмитриева в крытый бункер, где в центре стоял большой стальной контейнер, куда при включенной цеховой вытяжке собирается вся стружка со станков. Она сыпется прямо в контейнер сверху из трубы, а по мере его заполнения, приезжает автомобиль на базе «Камаза», цепляет специальным захватом контейнер и за счет некоего механизма и колесиков просто затаскивает контейнер на себя. На место убранного контейнера ставиться пустой, а заполненный до верху стружкой и пылью увозиться на мусорный полигон, где за ежедневную взятку в размере двух тысяч рублей благополучно вываливается. А помимо контейнера с собранной стружкой у цеха стояли два отдельных контейнера для другого мусора и отходов производства, которые не успевали сжигать котельщики. Таких отходов бы-

ла тьма. Гора. Два многокубовых контейнера набирались доверху за полтора-два рабочих дня и все это были куски бруса, досок, фанеры, листы МДФ и ДСП, детали дверей. Даже целые двери, прошедшие лакировку и упаковку. Даже двери, вернувшиеся от заказчика из-за какого-либо незначительного изъяна или практически не заметного дефекта. Централизованного решения вопроса с бракованными дверьми и деталями у Даниила Данииловича Шепетельникова так и не сложилось, поэтому они безо всякого оформления акта и даже документального списания пилились пополам или на три части (чтобы рабочие не просили взять их домой или купить по бросовой цене) и летели в контейнер или в топку.

– С твоего дозволения, я продолжу? – возобновил лекцию Нилепин, забираясь на борт контейнера со стружкой.

– А, так яичная лекция еще не окончена? – оставив труп ученика электрика на снегу, Юра Пятипальцев помог Нилепину взобраться на неудобный борт.

– Я остановился на том, что хочу дать каждому определению яиц различные наименования, чтобы в дальнейшем избегать путаницы.

– Ну что-ж, будь любезен. – Пятипальцев рывком поднял замерзающее на снегу мертвое тело Дмитриева, вскинул его сначала на плечо, а потом, громко кряхтя и пыхтя, приподнял его выше, чтобы его молодой товарищ мог ухватиться за него и подтянуть выше.

– Так вот... – Лева взялся за одежду мертвеца и, краснея

от натуги, потянул вверх к себе. Внизу ему помогал Пятипалец, поднимая неживое тело. – У зоологического понятия уже есть название – ооциты. То-есть на ценниках с куриными яйцами должно быть название – куриные ооциты. Или утиные ооциты. Или черепаший ооциты. Ооциты динозавров.

– Это все, конечно, чушь, – произнес Пятипалец, еле еле удерживая мертвеца от падения вниз. Выступы металлического контейнера мешали поднятию трупа Дмитриева. Его одежда все время за что-то цеплялась. – Что там насчет моих яиц. Моих личных яиц с анатомическим понятием.

– Тестикулы.

– А! Ну конечно! Теперь у моих девочек будет фамилия. Джульетта и Изабелла Тестикулы! Про икру я помню. А что насчет э... инсек... инсеци... понятия. Вот которое с насекомыми.

– Дудоны.

– Как?

– Дудоны. Муравьиные дудоны. Звучит? Это я сам придумал.

– Потрясающе. И откуда только в такой молодой сообразительной голове берутся такие размышления? Это ведь надо было сидеть думать...

Бородатый наладчик сделала последнее усилие и передал тело Дмитриева Нилепину. Тот долго с ним не церемонился и, перевалив труп через борт, скинул его вниз. Стальной

контейнер, объемом восемнадцать кубометров был заполнен примерно на две трети мелкодисперсной стружкой, если бы цех сегодня работал, то водитель контейнеровоза поменял бы контейнер к полудню или чуть позже. Порошкообразная стружка состояла по большей части из МДФ, ДСП, ДВП, чистой древесины и пыли, но с немалым включением бытового мусора – бумажек, пакетов, огрызков, объедков и всякой всячины. Зачастую вместе со стружкой в вытяжку засасывало кольца, телефоны, нужные документы, деньги (особенно замечательно улетали бумажные купюры), женские заколки и резинки, зажигалки с сигаретами, содержимое косметички и прочие различные предметы как нужные так и не нужные. Все это добро улетало в трубу и оседало в этом контейнере и искать его было бесполезно, если конечно человек не готов просеивать кубометры стружки через сито.

В данное время из-за выключенной вытяжки труба молчала, с улицы нет-нет, да задувал ветер со снегом, поэтому верхний слой стружки чуть подмерз и образовал жесткую корочку. Тело Дмитриева мешком упало внутрь контейнера наполовину уйдя в стружку. Взяв с подачи Пятипальцева какую-то валявшуюся досочку, Лева Нилепин как следует припорошил мертвеца стружкой, стараясь скрыть его полностью. Когда ему это удалось, он отбросил доску, отряхнул руки и спрыгнул вниз на землю.

– Ну что? Как там? – участливо поинтересовался Пятипальцев, отряхивая коллегу от светло-коричневого порошка,

в большом количестве осевшего на нилепенской одежды.

– Порядок, – тихо ответил Лева.

– Ты его как следует закопал?

Нилепин кивнул и, строго глядя на старшего друга, спросил, уверен ли тот в том, что они совершили. В этот миг он напрочь растерял всю свою детскую непосредственность, шутки кончились и только сейчас до Нилепина, кажется начало доходить вся серьезность случившегося ЧП. Только сейчас, когда, казалось бы, они с Пятипальцевым замели следы, Лева понял, что вляпался в дерьмо. Ему стало страшно за себя, за родителей. Как же так могло случиться? Как он мог пойти на поводу у Пятипальцева, который, к слову сказать, отличался не вполне укладывающимися в голове мазохистскими пристрастиями? Старший коллега поспешил успокоить юного товарища, он доверительно положил свою крупную волосатую ручищу тому на плечо и сказал, что план уже опробован и вполне успешно. Точно таким способом он с еще одним рабочим-станочником из сборочного участка два раза воровали готовые двери и заготовки. Они дожидались, когда бункер почти наполнялся стружкой и незаметно ото всех закидывали в него дверь или еще что-то (брус, фанеру, плиты МДФ). Водитель контейнеровоза был в доле и, не доезжая до мусорного полигона, останавливался в определенном месте и с еще одним партнером доставал припрятанное добро. Сейчас, правда, немного другая ситуация и водитель должен оставаться в неведении, он вывалит стружку в яму

мусорного полигона, на следующий день накроет ее следующей партией, а через неделю тело будет похоронено навеки и ни одна живая душа никогда не станет вести раскопки с экскаватором. Если, конечно, они слевой будут держать язык за зубами и помалкивать в тряпочку.

– Дохлый номер, ребят, – раздалось за их спинами. Нилепин и Пятипальцев вздрогнули и резко развернулись на посторонний голос. В проеме на границе между относительной сухостью и колючей метелью стоял чрезвычайно тощий мужик. Стоял, облокотившись плечом на деревянный выступ стены и закуривал самокрутку. – Тело найдут.

– Аркадьич! – почти закричал Пятипальцев.

– А кто ж еще? – ухмыльнулся кочегар, выпустив густое облако табачного дыма, мгновенно развеянное холодным ветром. Сам Аркадьич, одетый в какие-то бесцветно-серые тряпки, подходящие больше бродяге, казалось вообще не замечал ледяного ветра и снега. Он только что вышел из своей кочегарки, только что отошел от топки и тело его пылало жаром. – А это кто был?

– Не твоего ума дело, Аркадьич, – предупредил Пятипальцев. – Дверь мы заныкали. Хорошая дверь... Лакированная. Натуральный шпон.

– Я все видел, Юра. Кого вы там спрятали.

Пятипальцев и Нилепин поняли, что у них появился неожиданный свидетель и что отпираться бессмысленно. Они замаялись, не зная, что говорить и как себя вести. При-

знаваться? Отпираться? Помог сам Аркадьич:

– На полигоне копаются бомжи, ребят. Бомжи и собаки. И ни факт, что тело будет погребено внизу. Оно может быть и на поверхности, – с удовольствием куря самокрутку и показывая в ухмылке нездоровые зубы, худой как богомол истопник наслаждался обескураженным молчанием своих коллег по цеху и, сплюнув под ноги, предложил: – Есть способ лучше.

– Какой? – простодушно спросил Нилепин.

Аркадьич немного помолчал и с улыбкой сказал, что это будет стоить сотню тысяч. С каждого по пятьдесят. Девять-десять рабочим было не куда, ну не убивать же и кочегара. К тому же в словах скелетообразного мужичка сквозила горькая правда – погребение в горе стружки все-таки влекло за собой горячую нить беспокойства. Тело на мусорном полигоне действительно может быть обнаружено.

Лева и Юра согласились с кочегаром и обещали выплатить требуемую сумму завтра, но при условии, что тело будет сокрыто на сто процентов.

– Не беспокойтесь! Комар носа не подточит, в рот меня чих-пых! – заявил Аркадьич. – Но раз вы, двое лопухов, так легко согласились, то согласитесь и с еще одной сотней!

– Чего? – промычал Нилепин. – Ты чего это начинаешь...

– Сто за сокрытие тела, и сто за мое молчание. А вы что думали? Вы знаете, что молчание – золото?

08:49 – 09:00

Главбух в белом пальто осталась в малознакомом цехе без компаньона с которым пришлось бы делиться. Такое положение вещей с одной стороны радовало алчную женщину, но с другой стороны ставил ее перед сложностями. Ей необходимо было исчезнуть из цеха так же незаметно, как она сюда вошла, а без Соломонова это будет затруднительно. Оксана Альбер не могла сообразить, как пройти мимо охранника. До момента смерти Константина она полагалась на него и на его смекалку и опыт. Уж он то придумал бы способ скрыться из этих стен. Она посетовала на то, что он скончался так рано, не доделав дело. Умер бы где-нибудь за пределами цеха, например, в собственном автомобиле. Тогда было бы уж куда проще – оставляй Соломонова мумифицироваться в «Мазде», а сама лети на все четыре стороны. Как бы то ни было теперь Оксане Альбер предстояло действовать одной.

Плюнув на распростертого на полу заведующего производством и не допуская даже мысли о том, чтобы попытаться спасти его, прочистить трахею, сделать искусственное дыхание или элементарно перевернуть на живот, Альбер вцепилась в кейс с деньгами мертвой хваткой и постаралась как можно скорее скрыться. Но пробежав несколько десятков метров, она вдруг заметила на своем пути коренастую фигуру самого Даниила Даниловича Шепетельникова, увенчанную склоненной на манер Пизанской башни зимней шапкой-кастрюлькой с завязанными наверху шнулочками. Тот

направлялся куда-то по своим делам, сурово вперив взор перед собой. Успев вовремя спохватиться и спрятаться за стеллажами, она, незаметно свернула в другую сторону, намереваясь достичь спасительного выхода в стороне от генерального директора. Но и это ей не удалось – как мышь петляя между станками, она нос к носу напоролась на какую-то смутно знакомую женщину. Женщина узнала Оксану и приветливо кивнула. Альбер остолбенела, готовясь к разоблачению.

– Оксана Игоревна! – поприветствовала ее женщина. – А ты здесь какими судьбами?

– Я? Э... Да вот кое-какие документы заносила.

– А что, и Константин Олегович тут? Ты же ему заносила?

– А его и нет, – через силу засмеялась Альбер, изо всех сил стараясь вспомнить женщину, но пока на ум приходило только то, что она ее много раз видела когда выдавала зарплату. Напротив какой же фамилии и должности расписывалась женщина? Кажется, Сферина. Ну да, точно. Зинаида Сферина. Числится сборщицей каркасов. – У вас оказывается выходной.

– Да. Оксан, скажи, а точно ты завтра будешь выдавать зарплату?

– Да, завтра. Точно.

– Хорошо, – удовлетворилась Зинаида Сферина и, помявшись, спросила: – Слушай, Оксан, а ты Нилепина не видела? Оксану Игоревну Альбер будто током ударило. Нилепин!?

Почему эта чертова тетка спрашивает о мерзавце, который трахал ее как тряпичную куклу. Даже одно воспоминание об этом красавчике просто взрывало Альбер изнутри, вот уже третий месяц она безуспешно пыталась вытравить из своей памяти свои же громкие стоны в своем же кабинете бухгалтерии и свой проклятый оргазм, который как назло, пришел ни с тем, с кем бы ей хотелось.

– А он тоже здесь? – едва выдавила из себя Альбер.

– Должен быть здесь.

– Нет, не видела.

На этом их диалог завершился и Зинаида Сферина, двигаясь походкой Винни-Пуха, пошла дальше, оставив взбешенную Альбер рычать и сжимать кулачки. Соломонов обещал, что не будет никого! А вместе с теми тремя странными монтажниками вентиляции в цехе уже минимум семеро! Шепетельников здесь! Сферина и Кротова здесь! Нилепин, будь от трижды проклят, тоже здесь! Плюс охранник! А может и еще кто-то. Женщина призадумалась над алгоритмом своих дальнейших действий, видя только один выход – бежать вон, пока в цех не пришел еще кто-нибудь. Тут она вспомнила, что может выбраться из цеха через склад, но для этого ей предстояло вернуться к Соломонову и как следует обыскать его на предмет наличия ключей от складского пристроя. Склад всегда надежно запирается кладовщицей, но у Кости есть комплекты ключей почти от всех помещений. Рыча и судорожно дыша она это сделала, она вернулась к трупам. Связ-

ка ключей нашлась в кармене его брюк, она была нагретая теплом еще не остывшего тела. Схватив ключи, бухгалтерша побежала прочь от мертвеца, спотыкаясь на высоких каблук-ках итальянских сопог. Повернула в сторону синих ворот, ведущих на склад.

Но и здесь ее ждала неожиданная встреча – сидящая на полу мастерица Люба Кротова. Альбер будто напоролась на невидимую преграду – так ее поразило присутствие Кротовой, которая, прибывая, по-видимому, в каком-то трансе, не замечала никого и ничего вокруг. Но чтобы выйти из цеха на склад, Оксане нужно было миновать мастерицу, а приблизиться ближе она не решалась, вдруг та, все-таки откроет глаза. Рядом с ней толстые горящие свечи, какие-то писмена, старые ветхие фолианты и различные предметы. Что вообще она делает? Уж не спиритическим ли сеансом занимается?

Вдруг за спиной Оксаны раздались громкие шаги и в конец загнанная в угол женщина бросилась к двери с надписью «Расходные материалы». Закрыто. Но вот еще несколько дверей за которыми, как помнила Оксана Игоревна располагались различные помещения: «Токарка», «Столярка», «Резка шпона и пленки», еще что-то. Здесь стены выше груди были остекленные, то-есть проходящие мимо могли видеть, что происходит внутри. У Альбер не было выхода, обу-реваемая наступающей паникой, она дергала то одну ручку, то другую и наконец стрелой ворвалась в помещение с картонной табличкой «Столярка». Это было типичное муж-

ское помещение, куда женщина могла войти разве что случайно. Здесь обитали наладчики станков, техники и столяра и обстановкой им служили помимо обеденного стола и лавок, стальные столы со всевозможными рабочими инструментами, железяками, тисками, измерительными приборами и прочим-прочим. Дух тут тоже стоял чисто мужской – пахло железом, маслом, бензином а также лапшой быстрого приготовления и дешевыми кубиками приправы.

Альбер едва успела сесть на корточки, чтобы ее не увидели снаружи. Ее белая шапочка оказалась ниже уровня стекла. Затаив дыхание и прижав драгоценный кейс к груди, она прислушивалась к внешним звукам и молила Бога о том, чтобы топающие за ее спиной не были как раз слесарями или еще кем-то кому нужно сюда зайти.

Как она сейчас всех ненавидела! Как она проклинала всех тех, по чьей воле она сейчас здесь в этой вонючей грязной слесарке где грубые мужики если и моют руки, то не после туалета, а не до него. Впрочем, Оксана сомневалась, что тутошние обитатели вообще заботятся о чистоплотности, о чем свидетельствовал засаленный обеденный стол с грязной посудой, остатками неаппетитной еды и горами мусора. Кое где можно было разглядеть выглядывающие из укрытий пивные банки и стеклянные бутылки из-под дешевого пойла. Хорошо хоть курить в цеху было строго запрещено даже здесь, иначе бы, по мнению Оксаны Игоревны, слесарка утопала бы в окурках.

Альбер старалась дышать маленькими вдохами, процеживая воздух через шарф. Вот тут, сидя на корточках под стеклянным окном и трясаясь от предчувствия, что с мгновения на мгновение сюда кто-нибудь войдет, Оксана пообещала себе, что с полученными деньгами она ни промедлит в этой грязной России ни дня. Покинет ее и будет вспоминать лишь в страшных снах, если, конечно, они будут ей сниться.

Сорок лет она живет в этой стране, вообразившей, по ее мнению, из себя непобедимую великомученицу. Она не могла смотреть федеральные каналы, по которым за зарубежными катастрофами и беспричинно раздутыми мелочами скрывались внутренние проблемы страны. Каналы трубили, что великая держава Россия не успевает отбиваться от подлых нападок США и Евросоюза, что у них за границей все плохо, дурак на дураке и пидораст на пидорасте, а у нас в великом и могучем государстве – газ, нефть и лопающиеся от счастья люди у которых есть абсолютно все, поэтому им ничего не надо. Что русских все обижают и хотят поработить, что за нападками скрывается страх перед российскими суперракетами. Оксана Альбер уже давно перестала смеяться над сказкой о великодержавности и русском патриотизме, а сидя со своей дочерью перед экраном телевизора она размышляла над тем, сколько реально русских людей готово положить жизнь за свою страну. Каков этот процент? Найдутся-ли в случае войны в России патриоты-камикадзе?

Вчера вечером она случайно посмотрела отрывок ново-

стей не по федеральному каналу, а по одному из местных региональных. Двое фермеров выливали в снег канистры с чистым молоком. Оказывается, производить молоко в России нерентабельно, потому что молокозаводам дешевле закупать пальмовое масло и уже на его основе делать сыры и прочую якобы молочную продукцию. А если делать на молоке, то цена готового товара подскочит. А сетевые магазины ставят определенные условия, по которым закупочные цены не могут подниматься выше установленного уровня. Иначе падают продажи. А все из-за того, что люди нищие! Не могут позволить себе даже нормальный молочных продуктов. В стране не могут позволить себе ничего, экономят на всем, зато трубят о каком-то патриотизме и размахивают триколорами. Лично Оксана Альбер в случае возникновения войны первая побежит просить политического убежища у противника, полагая что какой бы противник ни был, плохой ли или хороший, но в любом случае он не опустит Россию ниже того уровня на котором на уже находится, причем по собственной инициативе. Тем, кто не согласен с мнением Оксаны Игоревны она советует посетить любой магазин – бытовой техники или игрушек и поискать продукцию отечественного производства.

Китай. Китай и еще раз Китай! А сколько должно пройти тысячелетий прежде чем Россия станет отправлять свои обноски за рубеж и там открывать магазины секонд-хенда с бирками «Сделано в России»? Что произойдет раньше – ко-

нец света или, когда русские айфоны последнего поколения заполонят американские прилавки. Новообразованная религия затмит все христианство или, когда русские бизнесмены перестанут по простейшим финансовым схемам перебрасывать деньги на офшор, а потом свободно жить в Великобритании?

Лично свой выбор Оксана Игоревна Альбер сделала уже давно. И ее не остановят ни родные березоньки, ни космос, ни балет, от которого ей ни тепло ни холодно. Она училась в детстве в балетной школе и даже участвовала в фестивалях. Но пришла к выводу, что эти фестивали не интересны не просто зрителям, но даже самим участникам. Оксана сама сидела в зрительном зале, вместе со своими партнерами ждала своего выхода на сцену и наблюдала как зрители маются от скуки и бросают взгляд на часики, как обсуждают нижнее белье балерин и что-то еще не имеющее связи с балетом. И как мгновенно выскакивают из зрительного зала, как только их дочери или сыновья, выступив, покидают сцену. Таким образом выступающие последними показывают свое балетное мастерство хорошо если не перед полностью пустым зрительным залом. При этом каждый родитель или родственник нахваливает свое чадо самыми прекрасными словами, при том, что претендент из двадцати участников не может попасть в первую десятку.

Оксана крепче сжала ручку кейса. В нем было ее будущее во Франции. Оревуар, Россия!

08:49 – 09:17

Ледяная вьюга встретила его в свои холодные объятия и Даниил Даниилович отметил за собой догадливость остаться в своей куртке. Он вышел в метель, сощурился от ослепительно яркого снега, с раздражением удивляясь тому, как снег может так сиять в отсутствии прямого солнечного света. Казалось мириады ледяных снежинок светятся сами по себе. Шепетельников вышел в пургу, вышел через заднюю дверь, через ту потайную дверь которую использовал, когда входил в цех. Заслоня лицо воротником куртки, Шепетельников осмотрелся вокруг – нет ли кого? Он был на заднем дворе предприятия, там где в совершенном одиночестве хранились под открытым небом использованные металлические бочки из-под красок и лаков, горы поддонов, всякий металлический крупногабаритный мусор, несколько различного диаметра водопроводных труб и прочее не используемое в производстве хозяйство. Сейчас все это превратилось в заснеженные сугробики различного размера и формы, кое-где выступали углы и бока различных конструкций, угадывались очертания бочек.

Шепетельников поежился и поплотнее закутался в пальто. Руки вмиг замерзли, но он принципиально не носил перчаток, считая, что в их изнаночной стороне всегда живут патогенные микробы, которые не выводятся даже после стирки. Точно такое же отношение у Даниила Данииловича было и

по отношению к трусам и носкам, которые он одевал только по одному разу.

С трудом переступая по глубокому снегу и утопая в нем почти по колено, генеральный директор фабрики топал мимо стопок поддонов, мимо труб, мимо торчащих из сугробов жидких веточек сирени. Тут местность приоткрылась и Шепетельников осмотрелся вокруг более внимательней – из сплошного снежного покрывала высовывались облетевшие на зиму деревья и кустарники, в стороне по трассе мчались автомобили, слева – заброшенный кирпичный сарай, у цехового фасада большая установка для сбора высасываемых от станков стружек. Вытяжка молчит. Дальше вдали едва различалось офисное здание, а также другое полуобнищавшее предприятие по выпуску поролоновых наполнителей, частично переоборудованное под китайский пошивочный цех. За ним замершие заброшенные луга, бывший колхоз, от которого осталось какое-то приземистое строение неясного предназначения, почти полностью скрытое под толщей снега. Пурга не позволяла зрению углубиться дальше, но в хорошую погоду от сюда видна живописная изменчивость с прудиком.

Шепетельников поежился и медленно переступая замерзшими ногами по сугробам, двигался к виднеющейся вдалеке газораспределительной будке. Она стояла за территорией фабрики, почти скрытая в кустах и сугробах, и чтобы до нее добраться нужно было преодолеть несколько десятков

метров, обойти сарайчик и самое главное – перелезть через двухметровый бетонный забор с колючей проволокой, которую Шепетельников сам же и приказал натянуть. Сперва Даниилу Даниловичу пришлось вытаскивать из снега одну из пустых бочек из-под лака, потом тащить ее к сарайчику, поставить вертикально, забираться на нее, с нее – кое-как перебраться на сарайчик. Тут было особенно ветрено, Шепетельникову приходилось пригибаться и не только от пронизывающего ветра, но, в первую очередь, от того, что, оказавшись на высоте, он стал заметен со всех сторон, особенно из своего собственного офисного здания. Он видел окно своего родного кабинета, видел свои вертикальные жалюзи, видел лежащую на своем подоконнике толстую коричневую пластиковую папку с документами. Если бы он сейчас стоял у своего окна и, листая документы, вскинул голову, то непременно увидел бы на крыше сарайчика человека в шапке с трепещущими на ветру шнурочками, поднимающего с кровли заранее приготовленную деревянную лестницу с четырьмя перекладинами, и ставившую ее одним концом на край крыши, а другим на бетонный забор прямо поверх колючей проволоки.

Шепетельников перелез по лестнице и спрыгнул через забор, лестницу он сдернул за собой, она повалилась в снег, зацепившись за колючую проволоку и стянув ее с собой. Даниил Данилович выругался, но и облегченно выдохнул. Порванная колючая проволока – это пустяки, главное, чтобы

никто никогда не узнал, что это сделал именно он – Шепетельников. Генеральный директор, волоча ноги подошел к газораспределительной будке. Он нашел определенное место и принялся копать в сугробе. Где-то залаяла собака и перепуганный Даниил Даниилович рванулся в сторону как загнанный кролик. Как он ненавидел собак! Как боялся! Как не мог терпеть их присутствие, их вездесущее замороженное говно, мимо которого ему приходилось ходить, их отвратительные желтые пятна мочи, окрашивающие снег везде где бы Даниил Даниилович не опустил взгляд, их запах, их дыхание и бессмысленное тупорылое покорство людям, а особенно их остервенелый лай! Шепетельников затравленно осмотрелся вокруг, ища в пурге четвероногих созданий, именуемых собаками. Лай повторился, но он был вдалеке и относился к чему-то другому. Мужчина протер заиндевевшие очки, пробормотал под нос адресованные всему человечеству проклятья и возобновил копание сугроба. Удача улыбнулась ему и замерзшие руки достаточно быстро обнаружили газовую трубу, совсем новенькую, не крашеную, но и не ржавую. Руки пошли копать снег вдоль этой отходящей от газораспределительной будки трубы и вскоре нашли вентиль. Шепетельников подул на руки, взялся за вентиль и сразу обнаружил, что вентиль примерз. Он не поддавался и тогда, не помня себя от озноба и волнения, Даниил Даниилович подогрел газовый вентиль зажигалкой, вспоминая слова сварщика Авдотьева, шамкающего беззубым ртом, что он едва

не вознесся на небеса, работая сваркой на рабочей газовой трубе и что никогда в жизни ни за какие деньги и ни за какие бутылки коньяка не повторит этот рискованный смертельный трюк. Сглотнув комок в горле, Даниил Даниилович открыл-таки вентиль до конца и услышал, как по трубе с мягким шипением пошел газ.

Труба шла в направление фабрики.

Генеральный директор ОАО «Двери Люксэлит» выпрямился, снял шапку, протер ею взмокшее и обледенелое лицо, нацепил обратно на темя и закопал в снегу трубу с вентилем, предварительно положив прямо на вентиль украденную у Степана Коломенского на прошлой недели перчатку. Метель подыгрывала ему, заметая все следы его присутствия, а сам Шепетельников вернулся к забору, прицепил на трепыхающуюся от порывов ветра колючую проволоку вторую степанову перчатку, поставил лестницу к забору, забрался вверх, переставил лестницу на заброшенный сарайчик. Перебравшись по лестнице назад, он отшвырнул ее подальше в снег, а сам по пустым бочкам спустился вниз.

Трубу, газ по которой он только что открыл, по заданию Шапетельникова еще перед ноябрьскими праздниками нелегально приварил сварщик Коля Авдотьев. Через день на огороде частного дома Авдотьева обнаружили лиловое тело некоего Григория Чубунаева по прозвищу Чубун с признаками отравления суррогатным алкоголем. Самого Авдотьева так и не нашли, хотя в доме, где он проживал один, оста-

лись явные следы того, что всероссийский день Единства хозяин отмечал именно с Чубуном – местным гражданином без определенного рода занятий. Следствие пришло к заключению, что Авдотьев вероятнее всего скончался, только где-то в стороне от дома, потому что следы суррогата нашли в обоих стаканах, а этот факт исключил версию об умышленном отравлении. Поиски сварщика Авдотьева результатов не дали, его следы, частично занесенные шедшим в праздник снегом, терялись неподалеку от приусадебного участка. Сварщик не был настолько значимым человеком, чтобы подключать на его поиски опытных оперов, поэтому сделали проще – объявили Авдотьева пропавшим без вести и стали ждать весны, когда мертвое тело покажется из-под тающего снега или всплывет из-под льда проходящей неподалеку заболоченной речушки.

Следователи приходили к Даниилу Данииловичу и спрашивали об Авдотьеве, но Шепетельников ясно дал понять, что ни имеет к исчезновению сварщика ни малейшего отношения, что понятия не имеет что делал Коля в нерабочее время, что он пил, что ел, с кем жил. Его – генерального директора ОАО «Двери Люксэлит» – личная жизнь работников интересует лишь в небольшой степени. А как человека Колю жаль, конечно, работник был ответственный, исполнительный... Очень печально, что хорошие люди уходят так нелепо... В тот раз Шепетельников даже показал следователям несколько металлических конструкций, сваренных, яко-

бы, Авдотьевым и заочно похвалил его и пообещал выделить из заводского бюджета финансовую помощь в организации погребения безвременно почившего. Следователи поправили оговорку Даниила Данииловича и уточнили, что гражданин Авдотьев считается не умершим, а пропавшим без вести и ушли.

На самом-то деле Шепетельников несколько не сомневался в смерти своего бывшего сварщика, он знал, что тело должны будут найти по весне с такими же признаками алкогольного отравления как у Чубуна. Потому что иначе и быть не могло, генеральный директор ОАО «Двери Люксэлит» самолично передавал Чубуну две бутылки умышленно отравленного алкоголя, чтобы тот встретил День Единства со своим приятелем Авдотьевым. Они и отметили. Чубун склеил ласты сразу на месте, а Авдотьев куда-то ушел и склеил ласты где-то в стороне. Если бы он остался жив, то не исчез бы бесследно на четыре месяца.

Шепетельников потирал ручки.

А от Коли Авдотьева, которого Даниил Даниилович презирал не меньше постельной вши, осталась незаметная заметная снегом приваренная газопроводная труба, ведущая от газораспределительной будки в лакокрасочный участок фабрики по производству межкомнатных дверей.

Даниил Даниилович Шепетельников вернулся в цех. Он сделал половину дела – открыл два потаенных вентиля, избавился от главного инженера, теперь остается только ждать.

Ждать-ждать-ждать. Спрятаться в отдельном помещении и ждать до следующего утра, надеясь, что охранник и сегодня так же халатно отнесется к своим обязанностям и не зайдет в наполняющийся взрывоопасным газом цех.

Коломенский удивился, когда Шепетельников поручил ему столь необычное задание – соединить две независимых вентиляционных систем. И правильно сделал. Задание нелогичное и ненужное и поэтому Даниилу Данииловичу пришлось повесить Степану немножко лапши на уши и рассказать сказку о том, что у предприятия нет денег на выплату зарплаты рабочим. Настоящая правда не в этом, вернее, не совсем в этом. Деньги на зарплату рабочим хоть и задерживались по вине главного бухгалтера Оксаны Альбер на два месяца, но все же были. Вчера Шепетельников лично расписывался в ведомостях и видел наличку собственными глазами, присутствовал при том как Альбер передавала деньги Константину Соломонову, а тот запирает их в свой надежный сейф от которого было только два комплекта ключей. Деньги были и Даниил Даниилович готов был их выплатить, но кто бы знал какой ценой они были получены, ведь ОАО «Двери Люксэлит» находился на стадии банкротства. В этом вопросе Шепетельников не соврал Коломенскому – предприятие почти банкрот. За четыре года с момента покупки Шепетельниковым «Дверей Люксэлит» у прежнего хозяина Егора Леонтьевича Васильева финансовое положение региона значительно изменилось в худшую сторону, а сам Даниил

Даниилович понял, что не справляется с фабрикой и с каждым годом ситуация все усложнялась, пока, увы, не пришло окончательное понимание, что дальнейших перспектив развития предприятия не видится. Ушел Володя Нильсен и увел основных заказчиков – две крупных строительных организаций. Оставались еще другие заказчики, двери производились в большом объеме, но этот объем неумолимо сокращался. Все чаще прибыль не погашала убытков, все чаще Даниилу Данииловичу приходилось брать рискованные банковские кредиты и потом с трудом их погашать. Шепетельников старался скрывать реальное положение дел, о многом умалчивал или попросту врал, но он не был уверен в своем главбухе Оксане Игоревне Альбер, которая мало того за молчание брала с Шепетельникова ежемесячную дополнительную премию, так еще начала что-то там мудрить с деньгами. Все чаще ему приходило на ум, что Альбер его обманывает и за его спиной проворачивает какие-то махинации.

У Даниила Данииловича уже не было желания проводить проверку, она бы ни к чему не привела, общее положение дел ОАО «Двери Люксэлит» все равно не улучшиться. Что он сделает, когда узнает, что главная бухгалтерша не чиста на руку? В лучшем случае уволит, в худшем, если объем сворованного окажется настолько крупным, что у генерального директора снесет крышу – убьет. В суд он обратиться не сможет, потому что тогда начнется глубокая и основательная проверка деятельности предприятия, а это вскрыет недо-

пустимо много нарушений. Вынеся сор из избы и выставив всю фабричную подноготную Шепетельников уничтожит то, что пока еще дышит. Если бы он решил избавиться от хитроумной Альбер, то сделал бы это по-тихому, как со сварщиком Колей Авдотьевым или с одним из станочников по фамилии Жучков, который систематически воровал из цеха дорогой лак. Или как с одной из офисных менеджеров из-за которой сорвался крупный контракт с престижной строительной организацией из Казахстана. Или как он хотел поступить с предателем Владимиром Нильсеном, который увел с собой крупных заказчиков. Можно было бы устроить Оксане несчастный случай со смертельным исходом, как Даниил Данилович поступил когда-то с поставщиком соснового бруса или придумать самоубийство как со Степой Коломенским. Если бы Шепетельников задался целью убрать женщину, то мог бы придумать массу вариантов, но сейчас ему было не до нее. Черт с ней, пусть подавится.

Шепетельников долго тянул и в конце концов принял непростое решение избавиться от бесперспективной фабрики. Продать не получалось, никому она была не нужна. Распускать коллектив, продавать станки по одному и сдавать цех в аренду было слишком муторно и долго, а Шепетельникову эта фабрика настолько надоела, что он готов был все бросить и уехать куда-нибудь подальше, в идеальном варианте – на необитаемый остров, где поменьше людей. Но для этого необходимы большие деньги.

Генеральный директор ОАО «Двери Люксэлит» решил сжечь собственную фабрику. Просто сжечь до тла, до состояния невозврата. Сжечь, свалить все на кого-нибудь и получить причитающуюся страховку. Идея пришла полгода назад, а реализовать ее надо было не позднее начала весны, то есть вот в эти дни. Времени на детальную проработку плана не было, Шепетельникову поочередно приходили разные варианты, пока, наконец он не остановился на одном – чтобы цех сгорел наверняка, недостаточно будет просто поджога, в этом случае цех необходимо поджигать одновременно в нескольких местах и надеяться, что пожарные замешкаются. Нужно было, чтобы огонь охватил цех сразу весь, тогда шансы на тушение будут минимальны. А для этого нужно было бы разливать по всему цеху ЛВЖ или привозить и ставить газовые баллоны. Оба варианта исключались.

Шепетельников рассматривал только горючий газ пропан-бутан, а единственным способом распылить его по всему цеху – пустить по вентиляционной системе. По разработанному Даниилом Данииловичем плану газ равномерно заполняет весь цех в течении суток. За эти сутки в цеху ни должно быть никого (вот он – выходной), охранник и котельщик ни разу не должны войти в цех (лентяй Эорнидян ни войдет, а котельщику Аркадьичу Шепетельников уже подложил бутылку паленой водки). Когда горючий газ достигнет предельной концентрации, он просочится в котельную с горящим котлом.

Разумеется, на месте взрыва будут работать эксперты, естественно возникнет масса вопросов, на которые у Даниила Шепетельникова не найдется внятных ответов. Он это понимал и подготовился к таким трудностям заранее, за два месяца он перевел на личный счет одного человека несколько перечислений на общую сумму в пятьсот тысяч рублей, а после удовлетворительного результата, перечислит еще столько же. Этим человеком был областной прокурор Могилевич Виктор Анатольевич. Но этот страдающий диабетом человек в извечном сером галстуке в приватной беседе предупредил Шепетельникова о том, что над ним самим сгущаются тучи и, видимо, ближе к апрелю им заинтересуется проверка из столицы. Могилевич надеется, что как это и бывало прежде, ему удастся выйти сухим из воды, но на всякий случай начиная с марта он временно отчуждается от рискованных дел, поэтому Даниилу Данииловичу нужно проверить свою операцию с таким условием, что до весны дело должно быть закончено. А Даниил Данилович тянул больше положенного срока, несколько дней назад Виктор Анатольевич звонил ему по телефону и предупреждал о кончине всех сроков, Шепетельникову еле-еле удалось повременить еще несколько дней.

За заранее обговоренный процент от страховых выплат господин прокурор Могилевич пообещал посодействовать в том, что все повесят на ополоумевшего от несчастной безысходной жизни Степана Коломенского, это он в тайне от бед-

няги Даниила Даниловича разработал и исполнил этот варварский план. Оставил добропорядочного бизнесмена без средств к существованию, а более сотни рабочих без заработка! Огонь, разумеется, уничтожит и кабель, на котором висит главный инженер и обезобразит само тело, но эксперты-криминалисты все равно смогут определить, что причиной смерти стала асфиксия в результате повешения. Уцелевшая стальная капсула из обрезка трубы сохранит предсмертную записку с подписью главного инженера Коломенского и снимет с кого-бы то ни было подозрение. Виновником пуска газа и его возгорания будет признан повесившийся Степан Михайлович. А при чем здесь Шепетельников? А Шепетельников здесь вообще ни при чем, его в этот день и в цеху-то не было! Кто-то скажет, что он хотел вызвать монтажников и чинить вентиляцию? Да, хотел, но отменил! (Он на самом деле несколько дней назад вызывал настоящих рабочих из настоящей компании по ремонту вентиляционных систем, но вчера отменил вызов). Еще вопросы будут, товарищи следователи? Что-что вы спросите? Были ли у фабрики финансовые трудности? Ну, были, конечно, а у кого их нет? Сейчас время такое, у всех финансовые трудности! Но наши трудности мы могли бы преодолеть. Могли бы, если бы не этот гад псих конченный Степан!

08:57 – 09:10

«Честное слово, – думал Точило, – я сейчас убью его! Я

как никогда близок к убийству! Если его не убьет Женек, то его убью я!» Но Женя Брюквин, убийца собственного грудного ребенка, похоже в данную минуту был далек от мысли убивать еще кого-нибудь. Точило с надеждой ждал, когда же у Жени лопнет терпение, когда же он сорвется и, последовав примеру Точилы, доверху наполнится кипящим негативом по отношению к этому гавнюку Максимилиану Громовержцу, воображающему из себя черт знает кого. Поначалу и Точило попал под влияние этого засранца, прилизывающего волосы так старательно, будто от этого зависит планетарная гармония. Да, Максимилиан Громовержец, чей взгляд бесцветных глаз словно демонстративно скрывал внутри него что-то многозначительное и рациональное, мог своим сухим безликим голосом внушить собеседнику многомудрую философскую концепцию, хитроумным образом включающую в себя идеи Шопенгауэра, Ницше, Бердяева, Аристофана и еще какого-то индийского премудрого гения мысли. Сейчас, с ненавистью смотря на Максимилиана Громовержца Точило не понимал, как только мог вообще слушать этого странного человека, как мог поддаться на его влияние, ведь в нем нет ничего сверхъестественного. Под раздутой личиной человека, якобы познавшего смысл жизни на самом деле живет мужчина с нарушенной психикой.

Сейчас, например, когда у Точилы лопнуло терпение и он готов самолично придушить придурка, называющего себя Максимилианом Громовержцем, тот заставляет его и Женю

Брюквина, разуться, снять носки, сесть прямо на бетонный пол этого цеха в позу «лотос», вывернуть пятки вверх, сложить пальца определенном образом и развести руки в стороны. Закрывать глаза, думать о свете и делать дыхательную гимнастику. То набирать воздух в легкие, то непривычным образом рывками выдыхать, считать до тринадцати, а при вдохе-выдохе использовать как рот, так и нос. Ну какая тут сейчас может быть дыхательная гимнастика? У них дело горит! Деньги убегают! Они как трое полнейших дураков бегают по этому проклятому цеху и натываются, то на чудиков в очках, то на висельников, то на обгорелоруких, то вот теперь на захлебнувшегося своими рвотными массами чувака. Это в высшей мере ненормально! Им надо сматываться отсюда, бежать без оглядки как крысы с тонущего корабля иначе что-то из этого могут повесить на них, в частности на Точилу. А у него уже две ходки – два года по-малолетке и три с половиной мордовского строгача. Почти шесть лет для тридцатилетней жизни – это нехило. И Точиле не влом было бы отмотать очередной срок если бы по делу, но чалиться ни за хер собачий он не согласен.

Валить надо отсюда, пока не поздно! Именно это он и сказал Жени Брюквину, а тот заладил – деньги, деньги. Без денег не уйдем и хоть ты тресни! Точило пытался уразуметь его – доказывал, что сейчас надо думать не о деньгах, а о собственных задницах, что в этом цеху происходит что-то ненормальное и это должно отменить все ранее запланиро-

ванное. Их дело – гопануть двух фраеров и сцапать лавэ. Все просто и рассчитано до мелочей, но все сразу пошло наперекосяк. Но они собрались, исправились и были на волосок от денег, но черт их дернул за ухо послушать Максимилиана Громовержца и войти не в тот кабинет. Теперь еще эта дыхательная гимнастика!

Женя Брюквин в резкой манере приказал Точиле заткнуться, сесть на пол и начать дыхательную гимнастику. По словам Максимилиана Громовержца это должно очистить их карму от влияния пагубного негатива, успокоить их, настроить на уравновешенный лад и принять правильное взвешенное решение, ниспосланное им свыше из глубин необъятной психоматерии. Надо только настроить пси-каналы, открыть чакры и какой-то третий глаз и сделать это обязательно втроем, иначе высшая идея придет к ним куца, не сформированная, не в полной мере правильная. Точило кричал, что не будет делать ничего подобного, что, по его мнению, надо исчезнуть как можно скорее, а не сидеть на полу с вывернутыми пятками. Дыхание толчками делу не поможет, а только выставит их в глупом положении, когда на них кто-нибудь наткнется. Он, взрослый воровской авторитет, налетчик со стажем, уголовник-рецидивист не станет подчиняться какому-то премудрому фраеру, который живет не по понятиям и даже не знает воровских законов. «Он вообще не вор! – орал он, указывая на Максимилиана Громовержца. – Имел я его! Женя, он погубит всю нашу малину, разве ты не врубаешь-

ся? Какого хера ты его слушаешь, Женя! Ты же нормальный пацан! Валить надо, а не чакры открывать, в рот я их имел!» Но Брюквин оставался почти не пробиваем, сев на пол рядом с Максимилианом Громовержцем, он приказал Точиле успокоится и сделать тринадцать вдохов-выдохов. Точило наотрез отказался. Тогда сделав тринадцать определенных вдохов-выдохов, Женя Брюквин выключил камеру на лбу и полез в их ящик с оружием. Все еще сидя на полу, открыл его, достал свой пистолет «Кехлер и Кох», навернул глушитель, снял с предохранителя и без лишних слов просто выстрелил в Точилу. Раздался грохот, громила дернулся, но устоял. Пуля прошла ему между ног и попала в стену за его спиной.

– Сядь, – произнес Женя Брюквин. – Сядь и дыши как говорит Максимилиан Громовержец. Я знаю, о чем ты думаешь, я думаю о том же. В цеху какая-то хрень, мы все втроем это видим. Уже два мертвяка, а может есть и еще. – Женя Брюквин прикрыл глаза, сделал несколько вдохов, умиряя вскипающий гнев. – Но надо собраться... Надо собраться и действовать по плану, ни смотря ни на что...

– Какой план, Женя? – закричал было Точило, но, увидев направленный на него пистолет, осекся. – Женя, не валяй дурака. Вставай и пошли, а этот псих пусть сидит и дышит.

– Он не псих.

– Он псих, Женя...

Ответом Точиле было направленное пистолетное дуло.

– Сейчас мы все вместе успокоимся, – твердо и тихо про-

говорил Женя Брюквин, – и решим, что будем делать. Но без денег мы отсюда не уйдем. Это ясно? Мы зашли слишком далеко чтобы соскакивать. Деньги где-то рядом, я это знаю. Они где-то здесь, надо только как следует настроиться на правильный путь... Ты сбиваешь волну, мутишь биополя. Успокойся. Поверь мне, гнев ослепляет. Это я тебе по опыту говорю.

– Женя, блин...

– Повторяю, дело мы доделаем и это будет самое лучшее ограбление! Самое красивое, самое показательное! Надо только верить и идти к намеченной цели, друг мой, – у Жени Брюквина была довольно привлекательная внешность – светлые волосы на круглой голове зачесаны назад, подбородок чисто выбрит и смазан дорогим кремом после бритья, над верхней губой полоска усиков, одежда чистая, опрятная, он вообще следил за собой и подготовился к этому делу со всей возможной для него тщательностью. Все-так снимал сам себя в деле, показывал себя на весь мир. Сейчас он сомкнул веки, расслабил мышцы лица, стараясь развеять свое душевное напряжение в атмосфере психоматерии. – Ведь мы почти сделали это... Стали ошибаться потому, что потеряли нить с космосом, позволили гневу оборвать связь со всеобъемлющим космическим разумом... Вернемся же к истокам нирваны... Успокоимся и сосредоточимся... И все у нас получится. Все получится лучше всех! Лучше, чем у всех!

– Женя, дружище, ты со своей камерой совсем...

– Молчи, не вибрируй... Ничего не потеряно, мы все сделаем. Мы будем лучше всех, я буду лучше всех... Это будет превосходное дело, вот увидишь... Ладно, ты можешь не дышать. Но хотя бы не мешай нам с Максимилианом Громова-вержцем. У нас будут деньги, у меня будут деньги... Много денег... и я осуществлю свою мечту. У меня будет все! И все будет лучше, чем у других! Лучше всех! – Женя Брюквин открыл глаза и немного напугал Точилу бешеным огоньком, горящим в них. – У меня будет все, что я хотел. Самые лучшие бансай! Самая лучшая жена! Я построю самую лучшую стеклодувную мастерскую! Я напишу самые лучшие стихи! У меня будет все самое лучшее! Я проверну самое лучшее дело! И все будут об этом знать!

Точило сглотнул ком в горле. С кем он связался? Вообще-то вне этой фабрики он работал на известного городского авторитета, он знал всех местных братков и его все знали, а он, поддавшись на какой-то мимолетное помутнение рассудка, скорешился с этими двумя недотепами, которые и сами лажают и его за собой тянут. А он не из такого теста, он привык полагаться не на какой-то там космический сверхразум, а на самого себя и свои собственные кулаки. Лучше, конечно, чтобы в этих кулаках было что-нибудь зажато – от арматуры до волыны, от заточки до «калаша». На худой конец – кирпич или доска с гвоздем. Если он чего-то и добился в своей жизни, то только благодаря кулакам и силе, другого способа зарабатывать себе на хорошую жизнь он не прини-

мал.

С юности он предпочитал проводить время не в свое родной «двушке», набитой родственниками как солеными огурцами стеклянная банка, а в своей компании таких же свободных бездельников как он. Комнат в его квартире было две, а людей, если считать с самим Точилой – восемь человек. В ту пору Точило Точилой звали только вне квартирных стен, а среди родственников он числился под вполне обыденным именем, которым сейчас не пользовался. Домашние стены ему волей-неволей приходилось делить со старшей сестрой, младшим братом, отцом, изнемогающей от чрезвычайно избыточного веса матерью, бабушкой, сестрой бабушки и тракторно храпящим братом матери. Телевизор был один на всех, ванная и туалет тоже, работали только отец и старшая сестра, поэтому многолюдная семья пребывала в постоянном непрекращающемся финансовом кризисе. Чтобы облегчить тесное существование группы людей, объединенных родственными связями и единокровной ленью, но отличающимися друг от друга диаметрально противоположными взглядами на жизнь, Точило освобождал их от своего присутствия, а себя от их непрекращающихся ни днем ни ночью скандалов на бытовые темы. Пропадая после школы черт знает где, он приходил домой разве что пожрать из общей кастрюли и переночевать, да и то не всегда.

Пропадал он не в обществе любителей кондитерской кулинарии и не в закрытом элитном клубе русских патрио-

тов-монархистов. Фактически он жил на улице, среди обветшалого социалистического наследства, нахально замалеванного тупорылой рекламой недоразвитого капитализма. Он прыгал по неохраняемым стройкам, бегал по пустырям, жег костры и курил в щелях практически пустого гаражного кооператива, там же где-то между гаражным боксом №87 и неработающей по причине отсутствия клиентов СТО он познал прелести физической любви со своей первой девчонкой. Все было молча и обыденно, будто таких как Точило у его девчонки было уже так много, что она давно потеряла к этому занятию интерес.

Точилу быстро поставили на учет в детскую комнату милиции, кажется к тому времени у него только начинался ломаться голос в следствии пубертатного периода. Он с шайкой таких же лоботрясов шерстил по лифтам и подъездам многоэтажек и потрошил карманы сверстников. А вообще в жизни Точилы было многое – и исправительная колония для несовершеннолетних преступников, и реальная зона в Мордовии. И рэкет, и грабеж, и хулиганство, и воровство и все вредные привычки, которые присущи людям подобного типажа. И склад ума у Точилы, лишённого не только семейного уюта и родительской опеки, но и элементарного воспитания, был сугубо бандитский, сложившийся под влиянием воровской культуры и аморальной идеологии. До мозга костей Точило был бандюганом и иного от своей воровской судьбы не ждал, живя только сегодняшним днем, но изредка в часы

нетрезвых грез, он, сидя в каком-нибудь местном баре-ресторане за густо накрытым столом с преобладанием спиртного и едва шевеля мозгами и речевым аппаратом, делился с собутыльниками мечтой, что когда-нибудь бросит мотаться по району и собирать дань с коммерческих точек для Валерия Денисовича – одного местного криминального авторитета, известного также как Лера Хромой или Лера Московский. Точило сам мечтал стать авторитетом, он хотел, чтобы на него работали братки, а он бы угощал их дорогой водкой и черной икрой, что он будет пить коньяк с мэром города, купит мраморный особняк с гаражом, поставит в него «Лексус» с номером «777», откроет крутой ночной клуб и т.д.

Но пока, по разным независимым от Точилы причинам, почему-то ничего подобного не было, мэр не звал его пить коньяк, в особняке жил другой вор с дагестанскими корнями, а на самого Точилу никто не работал и не предлагал свои услуги даже за водку. Точиле вечно не хватало денег, он так и не научился их зарабатывать и распоряжаться ими, экономить, расчетливо тратить, вести хоть какой-то мало-мальски простой бизнес. Он умел только мгновенно спускать шальные деньги, спускать их с удивительным невезением. Покупаемые автомобили он разбивал, драгоценности терял или отдавал за долги. Любые материальные блага в его руках бесследно утрачивались со скоростью лопающегося мыльного пузыря, оставляя после себя лишь горькие капли призрачной надежды на будущее.

В-общем житуха у Точилы не заладилась с самого начала, он искал виноватых, упрекал судьбу и близких, посылал проклятья правительству, но сам палец об палец не ударял, чтобы что-то поменять. От природы он был достаточно силен и вынослив, ходил в спортзал и умел драться и стрелять и не редко применял эти свои сомнительные способности, за что порой получал соответствующую ответную реакцию от обидчиков. Тело его украшали не только воровские наколки содержание которых утрачивало четкость и смысл на следующую неделю после их нанесения, но и многочисленные шрамы, следы от ударов и порезов, включая неправильно сросшуюся фалангу большого пальца правой руки, повернутый в сторону нос, черные щербинки в зубах и три следа на стриженном темени от рассечений кожи головы.

Сейчас здоровяк стоял перед выбором между двумя вариантами действий. Первый вариант заключал в себе возможность оставить своих напарников искать призрачные деньги, а самому покинуть это гиблое место и поджидать Женю Брюквина и Максимилиана Громовержца где-нибудь за территорией фабрики. Поджидать сколько будет нужно, а потом грабануть их точно таким же образом, как они трое хотели грабануть тех, кто, в свою очередь, обокрал свою же фабричную кассу. Этот вариант был очень заманчивым. Но существовал и второй путь – остаться с напарниками и, прислушавшись к доводам Жени Брюквина, постараться отыскать преследуемых и доделать дело до конца. Они-то конеч-

но, рассчитывали поделить деньги на троих, но у Точилы с самого начала были несколько иные планы, созвучные с второй частью первого варианта. Делиться с напарниками он не думал. С какой стати?

Точило был под воздействием сильнейшей злобы, он тяжело дышал и сжимал кулачищи, готовый одним ударом убить сидящего на полу Максимилиана Громовержца, оставив его душонку в космическом пространстве навсегда. Врезать ему так, чтобы у жертвы переломился шейный позвонок. И Точило хотел так сделать, очень хотел. Он очень сильно жаждал убийства этого гаденыша, испортившего им с Женей Брюквиным такую выгодную малину – грабануть тех, которые сами обворовали себя. Которые сами скрываются. Что может быть проще?

И хоть преследуемые и скрылись в пока неизвестном направлении, хоть в цеху и находятся два загадочных трупа, но все-таки и сам Точило и его напарники были единогласны во мнении, что те двое, выбежавшие с кейсом из кабинета заведующего производством, еще в цеху, еще где-то тут неподалеку. Скорее всего почуяли неладное и зашухерились где-то среди оборудования и стеллажей, надо только повторно пробежаться по цеху и как следует прошерстить каждый уголок. А где именно надо будет искать – ответит настроивающий прямую телепатическую (или какую-то там еще) связь с безграничностью космической сущности.

Точило с трудом, но решил пока остаться.

– А если он, – с этими словами взбешенный Точило ткнул в Максимилиана Громовержца носком зимнего ботинка, – опять лохонется? А? Что тогда делать будем, Женя?

Вдруг сидящий на бетоне Максимилиан Громовержец резко раскрыл наполненные странным внутренним огнем очи и так сурово взглянул на Точилу, что тот невольно отстранился. Максимилиан Громовержец молча встал на ноги, одел носки и обулся, окинул Точилу с ног до головы полным презрительной ненавистью взором и потребовал маркер.

– Маркер. Мне нужен маркер.

– Зачем? – вкрадчиво спросил Женя Брюквин.

– Без объяснений, – произнес Максимилиан Громовержец. – Маркер мне!

– Дай ему маркер! – подсказал Женя Брюквин Точиле.

– Я? Почему я?

– Потому что он смотрит на тебя.

– Откуда я возьму маркер? – возмутился Точило. – У меня нет никакого маркера.

Не произнеся больше ни слова, Максимилиан Громовержец протянул руку в сторону и выставил указательный палец. Проследив за его указующим перстом Точило и Женя Брюквин остановились на не крупном, состоящем из одних валов, штырей и колесиков станке, на котором среди листов, чертежей, тетрадей лежали шариковые ручки и карандаши, среди которых был и черный маркер. Женя Брюквин подал этот маркер Максимилиану Громовержцу. Тот, опаливая своих

компаньонов ледяным безмолвием, принял маркер, зубами снял колпачок и выплюнул его как можно дальше, но попал на Точилу. Бандит возмутился и хотел было затолкать этот маркер обидчику кое куда, но его удержал Женя Брюквин. Тем временем с побледневшим лицом Максимилиан Громовержец закатал на левой руке рукав, обнажил запястье с кожаным браслетом очень дорогих часов на серебристо-золотом циферблате которых крупные цифры просто бросались в глаза, а минутная и часовая стрелки были почти одинакового размера. Не спуская ненавидящего взгляда с подельников, он прочертил маркером черную линию вокруг запястья перед ремешком часов.

Затем резко отбросил маркер тоже как можно дальше и опять попал в Точилу.

– Ну и что дальше? – спросил Точило.

– Сейчас я, – твердо заговорил Максимилиан Громовержец, – скажу, что нам делать. Я скажу где искать.

– Ты знаешь? – вмешался Женя Брюквин.

– Не перебивать! Не задавать вопросов! Я скажу где искать. Я знаю где. – вещал будто проповедник Максимилиан Громовержец. – А вы сделаете по-моему. Если я окажусь прав – значит я всегда прав, и в будущем, и в прошлом, и в настоящем! Если же ошибусь, то отсеку себе руку. По линии. Такое тебя удовлетворяет? – Максимилиан Громовержец спрашивал у Точилы. Здоровяк невольно растерялся на несколько секунд.

– Лучше часы отдашь, – предложил он.

– Часами я затяну кровоток.

Точило переглянулся с Женей Брюквиним, сложил руки на груди и кивнул. Максимилиан Громовержец вновь вскинул руку и указал пальцем прямо за спину Жени Брюквина, который стоял перед остекленной сверху стеной.

– Там! – провозгласил Максимилиан Громовержец.

Точило и Женя Брюквин синхронно бросились к двери на которой было корявое слово «Слесарка». Дверь была закрыта. Точило дергал ручку туда-сюда, бил по ней кулаками и ботинками, дверь не поддавалась. А за ней через стекло было прекрасно видна обстановка слесарки. В помещении было много чего, оно было набито всяким хламом, среди которого прямо на столе у окна, выходящего на улицу, сидел кот и со спокойным любопытством наблюдал за бесполезными попытками Точилы и Жени Брюквина ворваться в слесарку.

– Там кот! – ревел Точило, колотя по двери. – Там никого нет, сука ты полоумная! Там только кот! Только кот!!!

Точило был даже рад ошибки Максимилиана Громовержца, теперь он мог со спокойной душой прибить этого придурка. Очередной косяк развязывал руки здоровяку, теперь даже Женя Брюквин должен встать на его сторону и добить псевдомудреца. Максимилиан Громовержец не меняясь лицом вынул из кармана полиэтиленовый пакет, обычный пакет для покупок одного местного сетевого продуктового магазина...

Обрадованный неудачей Максимилиана Громовержца Точило кричал и яростно бил по двери ботинками, давая волю своим чувствам. Наполовину железная дверь гудела, Точило яростно кричал и, наконец, схватив с пола какое-то деревянное изделие, разбил им стеклянную вставку. Оконце в двери разбилось, осыпавшись блестящими осколками внутрь помещений. Точило швырнул деревяшку в кота, не попал, а сам высунувшись в разбитое оконце по пояс внутрь помещения, покрутил головой и с огромным удовлетворением удостоверился, что, если не считать перепуганного кота, в помещении нет ни одной живой души.

– А!!! – зверски зарычал он, оборачиваясь к Максимилиану Громовержцу и сжимая кулачищи. – Ну вот ты и попал, сучара!!! Ну, держись, мразь, сейчас я с тобой...

Вдруг Точило изменился в лице.

Стоящий перед ним Максимилиан Громовержец был как никогда бледен, просто сер как мертвец. Мускулы на его невзрачном лице подрагивали, на лбу выступил пот. Под ногами в лужице крови лежал его римский меч, тоже окровавленный. Максимилиан Громовержец протягивал Точиле полиэтиленовый пакет, в котором лежало что-то красное. Здоровяк заглянул в пакет и отпрянул назад, в нем лежала отсеченная рука.

Максимилиан Громовержец действительно затянул кожаным ремешком наручных часов открытую рану, кровь почти не шла.

09:08 – 09:18

Лева Нилепину, этому миролюбивому добродушному молодому человеку, который даже в армии не служил, пришлось лезть обратно в контейнер со стружкой. Он рычал и даже в несвойственной ему манере матерился, проклиная до седьмого колена всех и вся. В этот момент ему казалось, что против него создан мировой заговор, что над ним целенаправленно издеваются, да еще эта дурочка Зинка Сферина, чьи безразмерные колышущиеся в такт шагам груди частенько вставали перед его мысленным взором в самый неподходящее время (вот сейчас), названивает ему просто безостановочно и ни к месту напоминает о своем существовании. Нилепин взобрался на борт контейнера и кое как попробовал хотя-бы дотянуться рукой до закопанного им же несколько минут назад тело ученика электрика Августа Дмитриева. Кончиками пальцев он мог разве что прикоснуться к поверхности стружек, прочертив на ней пару маленьких бороздок. И как он в прошлый раз смог погрузить в стружки человеческое тело, да еще припорошить его сверху? Сейчас нечего не говорило о наличии под поверхностью мелкодисперсных стружек мертвеца, лишь просачивающийся сюда холодный ветер приподнимал отдельные стружечные завихрения и гонял их по поверхности в легком ритме вальса. Лева попросил какую-нибудь трубу или жердину и получил из худых рук кочегара Аркадьича длинный багор, который возможно бы-

ло использовать на рыцарских турнирах вместо копья. Лева видел раньше этот багор, он валялся в кочегарке на случай пожара и не использовался ни разу. Багор вмиг обжег холодом руки, но как оказалось для извлечение мертвого тела он оказался идеально приспособлен. Стараясь самому не свалиться за борт в стружки, Лева Нилепин относительно сноровисто зацепил тело Дмитриева за не по размеру широкие джинсы и с кряхтением вытянул его на поверхность словно из зыбучих песков. Мертвец был полностью в стружке, она налипла на нем, как если бы его предварительно окунули бы во что-то липкое.

Тут в очередной раз заиграл нилепенский мобильник. Догадываясь, что Сферина не отстанет, пока он с ней не поговорит, Лева, не выпуская подцепленного на крюк мертвеца, другой рукой достал телефон:

– Я же сказал, что меня нет в цеху, – теряя остатки терпения говорил он едва не плачущей от отчаяния Зинаиде Сфериной. – Я дома. Да, дома. Да, я говорил, что приехал, но... я уехал. Сегодня выходной, и я уехал. Почему так быстро вернулся? Меня Дмитриев подвез. Да. А ты почему мне не сказала, что сегодня выходной? Нет, мне некогда. Сегодня не могу. Нет. Давай завтра в цеху встретимся и поговорим. Да. Еще вопросы будут? Нет, я не вру. Не вру я! Зачем мне врать? Не надо приезжать! Тут в цеху никого нет, сегодня выходной. Не приезжай. Э... Я сказал «тут в цеху», потому что я имел в виду там в цеху. Там, откуда я приехал домой.

Да. Хорошо! Хорошо, приезжай! Приезжай и убедись, что меня нету! Что? Как уже приехала? Ты приехала в цех? Ты в цеху? Не ври.

И не дослушав жалостливые стенания своей великовозрастной герлфренд, Лева отключил связь.

– Это Сферина? – спросил Пятипалец. – Только не говори, что она приперлась в цех!

– Да она врет. Дома она сидит, – проворчал Нилепин, убирая телефон в карман но в эту секунду гаджет вновь заиграл и чуть не выпал в контейнер. Лева выругался сквозь зубы, мысленно посылая Сферину куда подальше намереваясь не отвечать, но что-то заставило его бросить взгляд на экранчик. Звонила не Сферина, номер был не знаком и, не отпуская зацепленного на багор Дмитриева, ответил на звонок.

– Приветик, воробушек! – раздалось из трубки.

– Кто это? – прокряхтел Лева.

– Ты что, воробушек, не узнал меня? Ты же сам дал мне свой номер, просил позвонить.

– Я?

– Воробушек, ты чем занимаешься?

Лева узнал девушку. Ну разумеется, это она! Эта та милашка с которой он провел сегодняшнюю ночь – супруга местного чиновника, фамилии которого Лева не знал. Мало того, что он не знал фамилии обманываемого им чиновника, он напрочь забыл имя звонящей, а ведь кувыркался с ней всю ночь. Как же ее зовут? Хаотично вспоминая имя моло-

дой милашки, чьи ласки не шли ни в какое сравнение с умелыми и знающими свое дело мягкими руками Зины Сферической, Лева вернулся к прерванному занятию по извлечению трупа, так как тяжесть человеческого тела все больше тянула вниз, увлекая за собой белого от злобы юношу.

– Да я это... – кряхтел он, – немного занят.

– Чем это ты занят, воробушек? – щебетала безымянная девочка. – Неужели у тебя нет даже минутки что сказать мне несколько приятных слов? Например, что ты меня любишь.

«Господи, как ее зовут?» – тужился вспомнить Лева, не отпуская багор. Мертвец затягивал его вниз к себе – в бездонную засасывающую массу.

– Я тебя люблю, э-э-э... рыбка моя, – на автомате проговорил Нилепин.

– А как ты меня любишь, воробушек? – не унималась «рыбка».

– Сильно, – пропыхтел Лева. Подтянуть одной рукой отяжелевшего от налипшей стружки Дмитриева и ухватить его второй рукой, было для Нилепина почти непосильной задачей. – Сильнее всех, рыбка моя.

– И я тебя люблю, воробушек, – тараторила «рыбка», а Лева невольно задался вопросом, с какой стати она называет его «воробушком». Уж не оттого-ли, что она не помнила его имени. Точно так же как он ее. – А ты не хотел бы приехать ко мне сегодня? Я буду ждать. Часикам к семи?

– О-кей, – Побелевший от натуги Лева цеплял тонущего

мертвеца ледяным багром и прикидывал, где до семи часов вечера ему найти пустую коробку из-под конфет. Где как ни в мусорных контейнерах? Надо будет идти в магазин, выбирать какие-то весовые конфеты с самой большой скидкой, развертывать каждую от фантика и класть в ячейки пустой конфетной коробки. Только коробка должна быть от приличных конфет. Он проделывал этот трюк всегда, когда стремился угостить своих очередных барышень – угощал якобы дорогими конфетами, все равно мало кто разбирался во всем кондитерском разнообразии этих сладких изделий. Он ставил уже раскрытую коробку и еще ни одна девчонка не догадалась, что берет дешовое лакомство из переходящей от трех предыдущих нилепинских подруг коробки. А на этот раз Лева, должен проявить ловкость рук и избавить коробку от несуществующего полиэтилена незаметно от «рыбки», преподнеся ей уже открытую тару.

«Рыбка» еще долго щебетала о всяких милых пустяках, а Лева, с трудом сдерживающий судороги руки, пытался не упустить зацепленного на багор Августа Дмитриева и самому не последовать за трупом. Спустя пять минут активного потения и напряжения всех существующих мышц молодой человек попросился с ни о чем не подразумевающей «рыбкой», и, наконец-то ему удалось-таки вцепиться в мертвеца всеми десятью пальцами. Нилепин выдернул мертвеца на борт контейнера. Август Дмитриев полностью облепленный рыжеватой мелкодисперсной стружкой показал своему спа-

сителю лицо и от внезапного испуга Лева едва не выронил того вниз и не свалился вместе с ним на землю. Хорошо, что Юра Пятипальцев и кочегар Аркадьич вовремя подхватили труп и приняли его в свои руки. Нилепин прыгнул вослед, его мутило, руки и ноги тряслись и он с трудом удерживался в вертикальном положении. Знала бы «рыбка» от какого дела она его отвлекала. Багор Лева отбросил. У него перед глазами стояло мертвое лицо Августа, сплошь покрытое стружкой, по структуре схожей с манной крупой. Порошок забился тому в ноздри, в уши, в волосы и в длинные усы, приоткрытый рот был забит стружкой, должно быть до самого горла. Глаза были закрыты иначе бы и их залепило стружкой. Одежду было не распознать – сплошная, похожая одновременно на корицу и манную крупу стружка.

– Понесли, – приказал кочегар.

Теперь за дело взялись Аркадьич и Пятипальцев. Взяв горемычного мертвеца за руки и за ноги, они сперва выволокли его из бокса на открытое пространство, где гуляла метель, а потом, убедившись, что охранника не видно, быстро отнесли его в кочегарку, дверь которой была буквально в десяти шагах. Вот тут молодой Лева смог перевести дух и согреться, его знобило. А в кочегарке было очень тепло, и не смотря на бардак и очевидное разгильдяйство – уютно. Пахло как в хорошей отапливаемой березовыми и сосновыми поленьями баней, в топке потрескивали горящие деревянные дверные детали. Через все кочегарские стены проходили различ-

ные трубопроводы с множеством вентилей, задвижек, заглушек и датчиков. На каждой трубе и вентиле висели самодельные картонки: «Вода хол. 1», «Вода гор. 7-4», «Гор.дав», «Выпуск втор», «Компрессор 2», «Пар», «Хол. из слесарки», «Обратка» и прочие. Лева не понимал, помогают ли эти таблички или наоборот путают. Впрочем, хозяйничали здесь истопники, а они знали назначение каждого трубопровода без всяких табличек и навешали их просто на всякий случай.

Из аудиоколонок под фортепьяно и скрипку пела шансонетка.

Аркадьич закурил и некоторое время молча смотрел на лежащего на полу ученика электрика Августа Дмитриева, проработавшего на фабрике менее двух месяцев.

– Вот ведь как получилось... – тихо пробормотал кочегар. – Вообще-то это я его устроил на фабрику...

– Ты? – переспросил Нилепин.

– Я ему предложил работу, позвонил как старому приятелю. Данилыч его взял. А теперь вот оно как обернулось...

Повисла гнетущая тишина.

– Ну что так и будем смотреть? – наконец не выдержал наладчик Пятипальцев.

– Тело не полезет в топку, – озвучил Аркадьич очевидный факт.

– Естественно не полезет, – согласился здоровяк Пятипальцев вмиг сравнив объем топки с габаритами лежащего тела. – Собака полезла-бы...

– Козленок полез бы... – добавил Нилепин.

– А барашек? – спросил Пятипальцев.

– Если маленький, – продолжил размышлять кочегар, подкидывая в топку деревяшки. Он плюнул окурок сигареты в огонь и приказал поднять Дмитриева и положить его на стол с циркулярной пилой, которой кочегары распиливали двери и крупные детали, чтобы придать им размер, более подходящий для закидывания в топку. Приказ кочегара был выполнен. Два друга – Лева Нилепин и Юра Пятипальцев водрузили тело ученика электрика на разделочный стол и сразу же отпрянули назад. Аркадьич подступил к столу, взялся за самодельную рукоятку циркулярной пилы и на секундочку нажал на кнопку. По кочегарке разнесся жужжащий визг. Оба товарища синхронно вздрогнули и попятились к выходу.

– Приоткройте дверь, но не уходите, – обломал их кочегар.

– Нет, мы, пожалуй, пойдем, – пролепетал Нилепин.

– Дурачье, стойте на шухере. Может войти охранник.

И не успели два товарища ответить, что они так не договаривались и что им совсем не радостно наблюдать за разделкой своего коллеги, как Аркадьич, не смотря на свою анарексичную худобу, пододвинул коренастое тело Дмитриева к пиле и, чуть отвернув свою голову в бок, опустил включенную пилу на левую руку Августа Дмитриева. Сразу под плечом. Раздалось секундное изменение жужжания, и обгорелая до черна рука неудачливого ученика электрика отде-

лилась от туловища. Только вот кровяца упругой струей вышла наружу и забрызгала многое из внутреннего убранства кочегарки.

Нилепин судорожно икнул. Пятипальцев издал из своей необъятной утробы какой-то булькающий звук.

И в то же мгновение случилось то, что никто из троих не ожидал.

Август Дмитриев распахнул глаза.

Большие. Удивленные. Буквально светящиеся белками на фоне облепленного бежево-рыжей мучной стружкой.

Аркадьич обомлел и застыл с включенной пилой, пронзая кочегарную атмосферу непрерывным жужжанием. Дмитриев вытаращенным взором переводил взгляд с одного участника своей экзекуции на другого, еще не понимая, что с ним случилось, где он и вообще что происходит.

– Живой! – закричал кочегар. – Он живой, мать вашу!

– Как? – не понял Пятипальцев и вместе с Нилепиным сделал шаг поближе. И тут до Августа Дмитриева вместе с болью от отсеченной руки стало доходить осмысление происходящего. Он еще сильнее вытаращил глаза и заорал, но широкая ладонища Пятипальцева с черным волосом на тыльной стороне почти сразу накрыла его разверзшийся рот, зажав доступ воздуха. Еще не совсем понимающий происходящую действительность, но пронзенный очевидным фактом, что ему отсекли руку Август сильно дернулся и намерился вскочить на ноги, но его прижали к столу Нилепин

и Аркадьич. Повторяя: «Живой, живой», они втроем смотрели друг на друга и понимали, что зашли слишком далеко, чтобы вернуть все к тому как было. Что точка невозврата только что была пройдена. Ругаясь и обвиняя друг друга, они удерживали Дмитриева на столе, не представляя, что же делать дальше. Они уже отпилили одну руку несчастному, как они ему это объяснят? Ни тем же, что решили пожалеть несчастного и собственноручно не прибегая к помощи хирургов ампутировать ему обожжённые руки, опасаясь сепсиса или чего-то еще. Наверное, Август не будет обрадован.

– Поздно, – хрипел Аркадьич, надевая на глаза защитные очки в ярко зеленой пластиковой оправе, дизайнер которой проектировал, видимо, еще и очки для дайвинга. Кочегар выключил тонкоголосую шансоньетку и поменял ее на песню про белого лебедя на пруду, который качает падшую звезду. Или павшую. – Черт... Поздно, ребята...

У всех троих начиналась паника. Обуреваемые ужасом от собственных действий, они кричали и ругались друг на друга, при этом не забывая о том, что им нужно удерживать Дмитриева на разделочном столе. Они боялись отпустить его. Боялись удерживать, боялись отпустить, боялись самого Августа. Дмитриев дергался и старался вырваться, он мычал, переходя на свинячий визг. Отпиленная рука упала на пол под ноги трем палачам.

– Держите его, – завопил Аркадьич. – Держите, в рот вас чих-пых! Двигайте сюда! Двигайте!

И Нилепин с Пятипальцевым, сами того не ожидая, повиновались истопнику и подвинули вырывающегося Дмитриева так, что следующим движением включенной пилы Аркадьич отсек несчастному вторую руку. Несчастный завизжал и затрясся. Кровь взметнулась в стороны. Группа «Лесоповал» красиво пела про лебедя и пруд.

– Что ты сделал?!! – закричал Пятипальцев на кочегара и то же самое закричал и Нилепин, но продолжал прижимать к столу дрыгающегося ученика электрика.

– Что ты сделал?!! – кричали оба, а что кричал Дмитриев было не разобрать. Кочегар, размазывая капли крови по очкам, повторял: «Поздно, поздно» и приказал коллегам повернуть Августа. Пока Нилепин и Пятипальцев вертели на столешнице корчившееся тело своего товарища, Аркадьич подобрал обе отсеченные почерневшие руки, и открыв заслонку топки, и прямо на глазах у Дмитриева одну за одной швырнул их в огонь. Ученик главного электрика укусил Пятипальцева за запястье и заорал не своим голосом.

– Тише, тише, – повторял бородатый наладчик, крепко прижимая ноги несчастного. – Прости. Прости нас...

Вжиииххх!!! И обрызгав всех присутствующих кровью, отсеченная нога упала на пол. Дмитриева уже не нужно было прижимать к столешнице, он не сопротивлялся. Он просто агонизировал и захлебывался собственным криком.

– Прости, прости нас... – рыдал Нилепин. – Прости нас...
И чтобы не терять время и побыстрее прекратить стра-

дания несчастного, Аркадьич провел включенной циркуляркой по второй ноге. Пятипальцева вырвало. Нилепин рыдал навзрыд и кричал: «Прости!!! Прости нас!!!» Обе ноги полетели в топку. В кочегарке уже явственно пахло мясом. Песня о лебедь на пруду, что качает звезду кончилась. Измазанный кровью с ног до головы Аркадьич еще раз повернул на скользком от кровищи столе куцее туловище еще живого Дмитриева, и перекрестив тело, провел пилой по шее.

В кочегарке сразу стихло.

– Блин, – чуть слышно прошептал Нилепин, – Надо было сразу с головы начинать...

09:10 – 09:18

Сферина не поверила своему юному бойфренду-любовнику. Телефон в ее руке уже разогрелся от тепла ее ладони, ухо покраснело, но она все звонила ему и звонила. Первый раз он ответил, когда она позвонила ему рано утром, он ответил, что собирается на работу, но ей показалось, что ее благовверный что-то от нее скрывает. В следующий раз она набрала его номер сидя в маршрутном такси. На удовольствие всем пассажирам маршрутки, она рассказала Леве о своем тягостном предчувствии чего-то катастрофического и о виденном ею сне, который, по ее мнению, несомненно является вещим и несет предупреждение о чем-то страшном. Что конкретно ее волновало, она, увы, не смогла объяснить Нилепину, потому что не могла это объяснить даже самой себе.

Просто с каждым днем все возрастающая тревога не давала ей покоя, а бородатый отец Кузьма, будь он неладен, сказал ей, что ее беспокойство вполне обосновано, имеет под собой подсознательные причины и касается ее любимого человека. Любимого человека! Зинаида повторила эти два слова как можно отчетливей и с таким очевидным намеком, чтобы даже такой простодушный молодой человек как Лева Нилепин мог догадаться, что она имеет в виду вовсе не своего законного супруга. Пассажиры маршрутного такси, все как один, наострили уши и ловили каждое слово толстой женщины, сидящей в самом центре, водитель даже выключил радиоприемник. Нилепин только посмеялся. Он опять посмеялся! Но когда он услышал, что она хочет приехать к нему на фабрику (он не знал, что она уже на полпути), то, ни минуты не раздумывая запретил ей даже думать об этом. «Не приезжай», – с неожиданной настойчивостью вымолвил он и тогда у Зинаиды Зиновьевны появились некоторые подозрения, о которых она предпочла пока умолчать, тем более что, оторвав взгляд от проносящихся за окном маршрутки заметленного городского пейзажа, она увидела полный салон старательно отворачивающихся пассажиров. Нилепин бросил трубку, Сферина перезванивала ему несколько раз, но он не отвечал.

Тем временем, она преодолела турникет на проходной где беспросветно скучал ковыряющий в носу пузатенький охранник и вошла на территорию фабрики. Она была уже

внутри, электронный ключ зафиксировал ее появление с точностью до секунды. Прежде чем войти в цех, она свернула в сторонку и вошла под трясущийся от порывов ветра навес курилки. Сферина была из курящих и решила выкурить одну сигареточку для снятия нервного напряжения. Пока она затягивалась и еще раз перезванивала Нилепину мимо нее прошел и вошел в цех какой-то незнакомый тип в очках, должно быть из новеньких, потому что Сферина не узнала его в лицо.

Ворота были заперты, но входная дверь открыта и к ней шли несколько человеческих следов. К ним присоединились и следы Зинаиды Зиновьевны – самые глубокие, каблуки ее зимних сапог безжалостно взрыхлили снежный покров. Женщина вошла в цех и почти сразу натолкнулась на незнакомца, держащего в руках планшетный компьютер. На ее вопрос он ответил, что видел Леву Нилепина около слесарки.

Сферина пошла в нужном направлении, но притормозила у четырехстороннего фрезерного станка, приготовленного, видимо, для перемещения в другое место. Работа была неокончена, станок был снят с фиксирующих болтов, электронные внутренности вывернуты наружу. Пахло паленым. Никого не было, но Зинаида Зиновьевна предположила, что ее душка Нилепин был здесь и помогал наладчику Пятипальцеву. Они давно дружили между собой, да так что Сферина иногда ловила себя на ревности. Ревновать Леву Нилепина к мужчине, тем более к Юрке Пятипальцеву, была смешно,

но Зинаида Зиновьевна ничего не могла с собой поделаться, порой она ревновала своего юного кавалера даже к обожаемым им компьютерным играм и автомобильным журналам, которые он покупал много и очень пристально рассматривал каждую фотографию. Она позвонила ему еще раз, и на этот раз Лева ей ответил, хотя она уже и не надеялась на это чудо и планировала методично обойти в его поисках весь цех. А он, гад ответил ей, что уже уехал домой! Каков нахал! Уехал он!

Сидит, наверно, с Пятипальцевым в раздевалке и хлещет пиво.

Зинаида несколько раз перезвонила ему, но безрезультатно. Он внезапно оглох на оба уха и перестал слышать собственный телефон. Чем же это он так занят, что даже с ней не может поговорить? Цех был погружен в тишину, поэтому невозможно было не услышать телефонную мелодию. Зинаида еще раз осмотрела четырехсторонний фрезерный станок, с сомнением заглянула внутрь элетрического шкафа и, обнаружив там клубок обгорелых проводов, схватилась за рот. «Ну точно бухают!» – решительным шагом она направилась не к слесарке, а в сторону раздевалки, по пути завернув чуть в сторону к своему родному сборочному участку, именуемому на фабрике «Сборкой Каркасов».

Несколько столов со специальными разметками, поддоны с нарезанными по своим размерам сосновыми брусками и деталями из МДФ, поддоны с готовыми собранными дверными

каркасами – скелетами будущих дверей. Зинаида Сферина работала на этом участке почти пять лет, если бы на ОАО «Двери Люксэлит» была должность бригадира, она бы давно получила ее, а пока она ограничивается ежегодными грамотами как лучший работник фабрики. Она получила их уже три, причем застекленные рамки собирали тут же в цеху на участке «Рамки», их не покупали в магазине и не заказывали по интернету. Сами листы с текстом распечатывали на принтере в офисе, и генеральный директор Шепетельников вынужден был поддерживать традицию лично подписывать каждую наградную грамоту, впрочем, не вникая кому именно их дают и за какие такие заслуги. А заслуг как таковых не было никаких, мастера выбирали претендентов на грамоты исходя не из личностных качеств работника и его добросовестному отношению к своим обязанностям, а просто тупо по времени, которое работник числится на предприятии. Соответственно, каким бы замечательным не был работник, как бы он ни рвал жопу, выслуживаясь перед мастерами участков и заведующего производством, но он никогда не получит свою грамоту, если в цеху есть кто-то, кто работает на фабрике дольше него, даже если этот старичок беспробудно уходит на больничный или сидит сиднем на одном месте и жалуется на давление. Таким образом наиболее старенькие работники подаренные грамоты уже не то что перестали считать, а даже перестали брать домой, бросая их где попало в цеху и даже теряя в день вручения. Ни о какой денежном эквиваленте и

речи никогда не стояло, на просьбы «лучших работников» простимулировать грамоту хотя бы какой-то жалкой тысячей рублей Даниил Даниилович Шепетельников отвечал отворачиванием лица, а Константин Олегович Соломонов говорил, что денежные вопросы не в его компетенции и надо обращаться в Шепетельникову, к которому он по этому вопросу никогда не обращался, потому что прекрасно знал его ответ и радовался, что, хотя бы грамоты еще дают.

Вспомнив один случай, произошедший несколько лет назад, Зинаида Сферина усмехнулась. Это было еще при прежнем генеральном директоре – Егоре Леонтьевиче Васильеве. Тогда еще на премии для лучших работников ежегодно выделяли сто тысяч рублей, которые поровну делили на всех работников, выплачивая каждому тысячи по три-четыре. Но в какой-то год Егору Леонтьевичу, от природы достаточно благоразумному мужчине, редко ошибающемуся, пришла в голову странная идея, озвучив которую он, наверное, не удосужился обсудить ее хоть с кем-нибудь. Он решил разделить сотню тысяч на три части – 20, 30 и 50 тысяч и провести среди получателей грамот розыгрыш, победителям которого и достанутся три денежных приза. В итоге двадцать и пятьдесят тысяч получили двое рабочих с одного станка, но вместо того чтобы обниматься и праздновать, два друга подрались из-за несправедливости. Почему одному пятьдесят, а другому только двадцать? Ведь работают они одинаково. Соответственно на них ополчились и другие двадцать

семь претендентов-грамотообладателей, которым кроме самодельной бумажки в рамочке ни досталось вообще ничего. В итоге обоим победителем пришлось увольняться.

А тридцать тысяч получила уборщица в офисе, при том что кроме офисных служащих ее вообще никто не знал ни в лицо, ни по имени, но оказалось, что она работала уже достаточно давно, чтобы встать в ряд со старичками. С тех пор сменился руководитель, отменили денежные премии, но уборщица так и работает, чуть ли не языком вылизывая офисные туалеты, благодарно отработывая такую невиданную сумму денег, упавшую ей когда-то на голову.

Зинаида Сферина вернулась в реальность. Она стояла перед своим рабочим местом, перед столом на котором она в составе еще нескольких работниц женского пола собирала из кусков деревянного бруса, фанеры и МДФ с помощью соединенных с компрессорами пневмопистолетов, собирала дверные каркасы различных моделей дверей. Сферина взяла в руку пневмопистолет на уходящем кверху пружинистом шланге, приложила к какой-то попавшейся под руку деревяшке и нажала на курок. Ничего не произошло, а должна была с щелчком выстрелить скоба. Такими скобами в большом количестве с обеих сторон скреплялись детали, после этого каркасы шли на пресс, где к ним с обеих сторон приклеивали под высоким давлением и температурой листы МДФ. Несколько раз Сферина случайно нажимая на курок пневмопистолета выстреливала скобой в произволь-

ную сторону, а однажды чужая скоба впиалась ей в поясницу. Тогда она отчасти почувствовала ощущения расстрелянного дезертира. До «Скорой» дело не дошло, но след будто от вампирского укуса остался у нее на спине до сих пор. Сейчас пневмопистолет молчал, компрессоры были выключены, давления не было. Сферина отложила пневмопистолет на специальную удобную подставочку и еще раз проведя взором по своему участку, возобновила путь в мужскую раздевалку. Лева Нилепин наверняка там, сидит со своим дружкой Пятипальцевым и пьет пиво или портвейн. Она его знает, он может.

Зинаида Зиновьевна минула еще пару станков, несколько поддонов с заготовками, стенд с информацией на котором один на одном скотчем были приклеены бумажки по поводу обещаний выплатить зарплату и непонятной ей шуткой про какие-то биткоины и церемонию их торжественного распила. Она поднялась на второй этаж. Женская раздевалка – налево. Мужская – направо. Сперва она заглянула в женскую, если Нилепин с кем-то из баб, то они могут быть там. Женская раздевалка была пуста.

Но и мужская раздевалка была пуста тоже. Вопреки ожиданиям в ней не было ни самого Левы, ни его великовозрастного бородатого дружка Пятипальцева. Однако Сферина не опускала руки. Первым делом она потрогала стоящий на столе электрочайник – немного теплый, значит кто-то все-таки здесь недавно был. Уже хорошо. Но кофе или чай мог пить

любой работник, не обязательно Лева, ведь входящих следов у входа было немало. Потом она нашла знакомый ей шкафчик и распахнула дверцы. Это был шкафчик Левы Нилепина и в нем висела его повседневная одежда. Не рабочая. Он переоделся.

– Ага! Ты здесь, мой мальчик! Я так и знала!

Потом она, мимолетом опустив глаза, случайно увидела в шкафчике горлышко бутылки. Это была на две трети полная бутылка вишневого виски. Вишневый виски? Это что-то новенькое! Не долго думая, женщина плеснула виски в относительно чистую чашку на столе, залпом выпила, запила остатками чьего-то чая, вернула бутылку на место и села за стол.

– Не буду тебя искать, – сказала она, чувствуя как сладкое тепло растекается по ее желудку. Она села у окна за которым непрерывно мела метель. На окне еще с новогодних праздников были наклеены бумажные снежинки, вырезанные женским коллективом и врученные мужскому. Зинаида догадывалась, что снежинки будут на стекле не только всю весну, но и, вероятнее всего, целое лето, как это было в прошлом году. – Не буду, что я – розыскная собачка? Ты сам придешь, мальчик мой! Никуда ты от своей бутылочки не денешься. И от меня.

Она включила чайник.

09:11 – 09:30

Вообще-то, она этого хотела. Люба именно к этому и стре-

милась, а вот теперь, когда произошло именно то, чего она добивалась, она потеряла дар речи и словно одеревенела от страха. Да она многое отдала чтобы навести контакт с духом умершей подруги Анюши, хотя в глубине души не верила в то, что это возможно. Этот ее спиритический сеанс на месте гибели Анюши был скорее шагом отчаяния, чем планомерно рассчитанным действием. Просто все другие способы были перепробованы, оставалось прибегнуть к чему-то сверхъестественному. И вот Анюша... Сколько лет прошло? Случайно ли все это? Или дух мертвой подруги, вопреки здравому смыслу, пришел в этот мир чтобы помочь Любе Кротовой? Раньше бы Люба никогда бы в такое не поверила, но теперь... Налаживая контакт с призраком давно погибшей подруги Люба была готова к чему угодно, к видениям, к галлюцинациям, к каким-то внутренним образам, в конце концов к тому, что так часто показывают в художественных фильмах – к появлению привидения. Люба не знала каким образом мертвая Анюша может вести диалог с Любой, посредством чего именно – психографии или открытым вербальным разговором. Понятия не имела. В древних фолиантах было слишком размыто написано и старинные тексты были испещрены полубредовыми строками, которые можно было бы интерпретировать, как угодно.

Но что бы с Любой заговорил кромкооблицовочный станок!

Заговорил человеческим голосом!

Прежде всего глухим и каким-то очень далеким голосом станок приказал Любе Кротовой отойти и вернуться на исходное место у красных свечей. Он говорил медленно, слова выходили будто из какого-то совершенно иного измерения, где действуют другие физические правила. Многие звуки он пропускал или искажал в другие – шипящие или гудящие. Разумеется, ведь это не диктор центрального телевидения. Люба попятилась назад и послушно села к своим горящим красным свечам. Она беспрекословно делала все что производил станок – села на колени, раскрыла один фолиант на семьдесят первой странице, второй на двести пятьдесят первой. Одну тетрадь с переписанными заклетьями на византийском языке станок потребовал отложить в левую сторону, а другую с молитвословом алтайских шаманов положить по правую руку.

– Теперь сиди на месте и не вставай, – глухо потребовал станок, пропуская букву «Р», шепелявя шипящими звуками и глотая букву «Т» и «Д».

Кротова повиновалась, боясь не просто встать и подойти к станку, но и вообще даже резко вдохнуть. Она была полностью в повиновении неведомой потусторонней силы.

– Кто ты? – спросила пораженная Люба у станка, от которого теперь была метрах в трех, но точно видела, что рядом нет ни одного человека.

– Я тот, кого ты звала, – ответил станок.

– Я звала того, кто умер на этом месте, – чуть осмелев

пролепетала Кротова.

Ответа не последовало. Люба тоже молчала не в силах выдать из себя хоть слово.

– Я есть тот, кто умер на этом месте, – наконец ответил станок.

– Ты Анюша? – сдавленно переспросила Люба.

– Я Анюша, – ответил станок и Люба, больше не в силах сдерживать себя, разрыдалась.

Станок спросил, чего ей нужно и Люба, размазывая по щекам горячие слезы, совсем потеряв самообладание, вывалила волшебному станку все что долгие-долгие годы копилось у нее в душе и, наконец, вырвалось нарывом сейчас на этом месте, перед своей давней давно погибшей подругой. Перед духом или душой с которой единственной Люба могла говорить откровенно, которой изливала все свои невзгоды и радости, с которой делилась самым откровенным. Ведь Анюша была ее единственной близкой подругой после трагической смерти которой Люба Кротова уже не могла и не хотела сблизиться с кем-то настолько близко. Отчасти этот внутренний запрет являлся причиной того, что Люба, хоть и проводила все рабочее время среди людей, но так и не смогла найти близкого человека. Такого близкого, чтобы можно было обсудить с ним что-то, развивающееся в глубине ее души. Люба побаивалась, что раскрыв перед кем-то помимо Анюши свою душу, она не найдет отклика, выставит себя дурой. Она, по натуре своей общительная и людей не чурающаяся, не иска-

ла спутника жизни, отдаваясь только работе, думая в основном о производстве и выполнении плана, а тесное сближении с кем-то, наверное, в глубине души считала чем-то вроде предательства, соединенного с подсознательным страхом потерять близкого человека, как это уже случилось однажды.

Все это Любовь Романовна Кротова и говорила одушевленному станку с помощью магических заклятий обрядный способ транслировать передачу информации из другого мира. Сбивчиво пересказывая все свои накопившиеся за долгие годы проблемы и душевные тяжести, Люба ни мгновения не сомневалась в том, что разговаривает с Анюшей, со своей далекой подругой, с которой училась в школе почти все десять лет, с которой сидела за одной партой, ходила на занятия по фортепьяно, с которой вместе поступала в техникум (в отличие от Любы, Анюша поступила), с которой вместе искали женихов и после различных совместных жизненных скитаний нашли работу на одном из немногих перспективных в то нищенское время фабрике. Только вот Люба осталась на фабрике надолго, а Анюши уготовано было найти свою смерть в первый же рабочий день.

Теперь после многих лет разлуки, Люба и Анюша, вроде как опять встретились, если это можно было назвать встречей в прямом понимании. За Анюшу говорил станок, самого духа погибшей девушки не было. И говорила в основном Люба, а станок-Анюша по большей части молчала и слушала, лишь иногда из глубин кромкооблицовочного станка разда-

вался нечеловеческий голос, лишенный какой-бы то ни было половой принадлежности. Голос нисколько не походил на голос Анюши, но Люба старалась этого не замечать, она абсолютно уверовала в телепатию или во что-то там, что позволяет держать контакт с потусторонними силами. Люба говорила долго, подробно, начиная с того года, когда коварная судьба разлучила их. Она говорила о работе, о том, как ей порой бывает тяжело, о том, что она одна-одинешенька и после рабочего дня ей уныло идти в свою однушку в панельной пятиэтажке. О том, что годы летят и их не воротишь назад и обо всем остальном. О всякой мелкой и незначительной чепухе о которой, как казалось Любе, Анюша должна обязательно знать. Люба Кротова не следила за временем, оно потеряло свой ход и значимость и не могла даже приблизительно сказать сколько так проговорила. Может пятнадцать минут, а может два часа, она отключилась от настоящего мира, выпала из реальности, забыла о том где находится. И наконец, когда она вдоволь наговорилась и во всех подробностях выложила перед Анюшей свою жизнь за последние годы, потусторонний голос задал вопрос: «Для чего же я тебе понадобилась?»

Люба замолчала и только тогда вспомнила, что вызывала дух погибшей подруги не просто так потрепаться. Она почувствовала, что от долгого разговора у нее пересохло в горле, но воды не было. Немного помолчав и собравшись с мыслями Люба Кротова по секрету поведала кромкооблицовоч-

ному станку, что хочет прибегнуть к помощи своей любимой и единственной подруги в одном важном для нее деле. Люба уже много лет безуспешно борется за должность заведующей производством. Если уж с личной жизнью у нее ни черта не выходит, то хотя бы по карьерной лестнице она должна продвинуться дальше своего места на которой топчется больше шести лет. Люба жаловалась Анюши на то, что прежний генеральный директор ОАО «Двери Люксэлит» Егор Леонтьевич Васильев не отказывал ей в возможности со временем занять должность заведующего производством, но в то время в цеху был крепко стоящий на своем месте мужчина по фамилии Юртасов, а у самой Кротовой был недостаточный стаж и опыт. Юртасов сменился на Соломонова, а Васильев на Шепетельникова. Прошли годы, а Люба Кротова не сдвинулась с места. Шепетельников не рассматривает ее кандидатуру на должность заведующего производством, если Соломонов уйдет сам или его уволят. Благодаря прогрессирующей и не скрываемой зависимости от наркотиков вариант с уходом Константина Олеговича Соломонова был все более обсуждаемым. Люба пожаловалась, что противный Даниил Данилович четко дал понять, что не желает видеть своей правой рукой женщину, что руководство производством – это исключительно мужская работа и ни Любе Кротовой, ни Инге Нифертити (мастерица лакокрасочного участка) эта должность ни светит.

День снятия Соломонова с должности не за горами, Люба

очень опасается упустить шанс, но совершенно не знает, что ей делать. Не падать же ей перед Шепетельниковым на колени, она этого не сделает ни за что на свете. Но что тогда? А если Кротова вовремя не подсуетится, то на место заведующего производством Даниил Данилович поставит мастера сборочного участка – Вадима Образцова.

Образцов – вот кто ее главный конкурент! Вот от кого она хочет избавиться. Вот кто должен исчезнуть с фабрики и сделать он это должен раньше того времени, когда уволят Соломонова.

– Можно ли через тебя обратиться к высшим силам? – в горячих слезах говорила Кротова, обращаясь к кромкооблицовочному станку как к чудотворной иконе, – Помоги мне, Анюша! Умоляю! Я так устала, так устала! У меня уже нет сил бороться. Я не знаю, что я сделаю если не получу эту должность. Я не знаю, как мне дальше жить. Зачем мне дальше жить. Анюша, приди на помощь, заклинаю. Только ты одна у меня есть, только на тебя вся надежда.

– Чем я могла бы тебе помочь? – спросил станок.

– Чем? Ну я не знаю... – Люба размазала слезы по щекам. – Ну... сделай что-нибудь... Пошли на Образцова проклятье, мор какой-нибудь... Сведи его в...

– В могилу?

– Да...

– Это грех, Люба, – глухо ответил станок. Люба едва могла слышать его голос. – Грех тяжелый... Не отмоешься...

– Да, я понимаю, – пролепетала она. – Понимаю. Но другого мне в голову не приходит... Сведи Образцова с пути истинного... Век тебе благодарна буду!

– Не лучше ли покориться судьбе и принять все как есть... На все воля Божья, а ты...

– Нет! Не могу, Анюша! Пожалуйста! Я тебя очень прошу!

09:12 – 09:17

Петя Эорнидян хватал со стола и с пола все что попадалось в его ладонь и запихивал в рот. Все рассыпанные медикаменты. Его мозг отказывался принимать взвешенные решения, а чувства начинали преобладать над разумом. Краем пока еще сдерживающегося в голове сознания Петя понимал, что у него начинался неконтролируемый приступ и надо что-то делать что бы его купировать. Если он сорвется, то будет беда, он это знал. Раньше приступы были чаще, но своевременное лечение, консультация у специалистов и принятие выписанных ему медикаментов значительно сократили частоту срывов и даже практически снизили их до полного нуля. Но стоило Эорниядну забыть спасительные таблетки и не соблюсти душевное равновесие, стоило поддаться искушению гнева, как крепко уснувшее расстройство петиного психотипа стало резко и неотвратно пробуждаться, захватывая все его естество, подавляя разум и логику. Он заглатывал таблетки без разбора, потому что уже не мог вспомнить какие именно ему нужны и в каком количестве, глотал вся-

кие. На какое-то время это помогало, минут на пятнадцать охранник покачивался на стуле, морщился, гримасничал и сдавлено подвывал, однако не поддавался припадку.

Но вдруг его сильно вырвало, он едва успел выскочить из будки и отвернуться к сугробу. Все его проглоченные таблетки выскочили из него нерастворившимися, а вместе с ними – утренний завтрак и остатки разума. Понимая, что уже не в силах контролировать себя, Эорнидян взвыл и стал тереть красное лицо снегом, тер его до боли, даже до крови. Он ел снег, хватал его ртом, втирал его в глаза. По совету врача тер им шею и голову. Было больно, тело пробивал озноб, он неминуемо заболеет, но по крайней мере эта мера в какой-то степени помогала, проясняя петино сознание, взбадривая его. Он упал в снег, тут же промок, но почувствовал, что ему становится лучше.

Лишь бы не сорваться! Одного он просил у своего организма – только бы не сорваться! Раньше он срывался, выпадал из реальности и потом пробуждался зафиксированный ремешками к больничной койке или придавленный коленом полицейских к асфальту. Снег помогал, холод отвлекал, распластавшись на снегу и уткнувшись лицом в сугроб, Эорнидян изо всех сил зажмурился. Как обычно припадку агрессии предшествовали воспоминания из прошлого. Так было всегда. Перед началом включались кадры из детства. Петя плакал, жмурился, кусал снег, но ничего поделать не мог.

Абхазия. Пригород Пицунды – курортный поселок Лид-

зава, переименованный абхазцами на свой родной манер – Лдзаа. После кровавого конфликта с Грузией, Абхазия добилась независимости (которую, впрочем, помимо России, самой Абхазии и еще какой-то африканской страны никто не принял) и переименовала многие города, поселки и реки с грузинского наречия на свой родной манер, так Лидзава стала Лдзаа, Сухуми – Сухумом, Гагры – Гагрой. У семейства выходцев из Армении – Эорнидянов был достаточно крупный для Лдзаа гостиничный комплекс, состоящий из четырех построек и тридцати четырех номеров, пять из которых были класса люкс. Семья была большая, но гостиничный комплекс давал неплохую прибыль и глава семейства Армен Георгиевич всерьез разрабатывал план расширения территории и постройки своего пусть не большого, но кафе, где всегда лилось бы в избытке вино, коньяк и чача. И обязательный шашлык. Все было бы хорошо, и планам Армена Георгиевича суждено было бы сбыться, если бы не его родной брат Рафаэль. Семейство Эорнидянов ломало голову над тем, как избавиться от своего родственничка, куда бы послать его подальше, чем бы занять его, лишь бы только он покинул не только их семейный бизнес, но и вообще больше не появлялся в Лдзаа и не портил им жизнь. Рафик Эорнидян (так звали Рафаэля Георгиевича близкие) по счастью, частенько покидал поселок и на какое-то время уезжал на заработки в Пицунду, Гагру, соседний Рыбзавод, российский Адлер, Сочи и иногда в Красноярск. Но как бы Эорнидяны

не надеялись, Рафик неизменно возвращался в родные пина-ты и заявлял, что никуда отсюда не уедет, что он имеет свою долю не только в доме, но и в бизнесе и что если кто-то будет продолжать ворчать, предъявлять ему какие-то требования и ставить условия, то сильно пожалеет об этом.

А Рафик Георгиевич Эорнидян занимался по жизни не семейным бизнесом, а просто-напросто бандитизмом, относясь к местной криминальной группировке, держащий под собой в Лдзаа, Рыбзаводе и даже в Пицунде частный бизнес и туристическое обслуживание. Вообще-то, по логике, у Рафика всегда должны были быть деньги (в Абхазии не было собственной валюты, а за грузинские лари могли бы и побить, поэтому в ходу использовались исключительно российские рубли), но, если они и были Рафаэль Георгиевич их очень тщательно утаивал и каждый раз приbedнялся, театральнo выворачивая карманы дорогих джинс и трясая девственно пустым бумажником, пахнущим кожей. Ни вкладывая в семейный бизнес ни рубля, он, тем не менее, исправно забирал свою долю, требовал больше и запугивал родных своими криминальными связями.

Петя Эорнидян, который к тому времени пошел во второй класс школы, недолюбливал своего дядю. Да что там недолюбливал – он боялся дядю Рафика. А Рафаэль Георгиевич постоянно подтрунивал не только над Петей, но и над его младшими сестрой и братиком, которому не было и четырех лет. Петя старался избегать крупного пузатого дядю Рафика,

но, конечно-же это было невозможно, ведь все жили под одной крышей. Как-то раз дядя Рафик в компании еще с дюжиной таких же как он бородатых мужчин сидел на открытой кухне, жрал домашние припасы и вдоволь напивался чаечей. Так он делал с еженедельной периодичностью и своим безобразным поведением распугивал постояльцев, что очень негативно влияло на престиж гостиничного комплекса. В тот день был какой-то большой праздник и пьяная компания во главе с дядей Рафиком засиделась во дворе до поздней ночи, никто из семейства не решался сделать ему даже замечание, но вот кое-каким постояльцам из Пензы такое поведение показалось некультурным и большой пьяной компании мягко но жестко намекнули, что было бы неплохо чуть сдерживать свой кавказский темперамент и вести себя поспокойнее.

Разгоряченная выпивкой местная компания просто-напросто ворвалась в номер пензенцев и избила ни в чем неповинную семейную чету. После этого дюжина сильно пьяных и невменяемых мужчин во главе с дядей Рафиком принялась крушить номера и вестибюль, разбивать окна и ломать виноградник. Компания бесчинствовала до утра, дядя Рафик так напился, что упал на пол у крыльца, отрубился и не реагировал на слезные просьбы родственников утихомирить своих дружков. А дружки-бандиты вошли в раж и, пользуясь случаем напоили чаечей и изнасиловали двоюродную сестру маленького Пети – семнадцатилетнюю Дану. Утром банда села в свои авто и разъехалась кто-куда, а восьмилетний Петя,

пылающий ненавистью и жадной мщенья стоял над распластавшимся на узорчатом ковре дяде Рафиком и держал над головой штыковую лопату.

Этот момент Петя Эорнидян запомнит на долго, на всю жизнь. Этот момент будет преследовать юношу постоянно, ежедневно. В последствии этот момент так запечатлится в его памяти, что затмит собой все важное и Петя будет засыпать и просыпаться с этой памятью. Вот он стоит над жирным и влажным от пота телом своего ненавистного дяди Рафика, стоит над его грудью, заляпанной подсыхающей рвотой. Дядя Рафик слабо ворочается, пердит, постанывает, от него сильно пахнет мочой и чем-то кислым. Петя навсегда запомнил его жалкий беспомощный вид. Мальчик, скаля зубы, поднимает лопату, чтобы одним ударом сверху вниз как гильотиной отрубить голову своего родного дяди. В тот момент он реально готов был пойти на такой шаг – безжалостно обезглавить омерзительного дядю Рафика, настолько была велика его ненависть и жажда мести за разгромленный постоялый двор и за честь своей двоюродной сестры, заливающейся слезами. Дядя Рафик приоткрыл один замутненный глаз, в его голове что-то заскрипело и он, кажется, понял, что пришел его конец. Что малец уже обрушивает на его шею штыковую лопату.

Их глаза встретились.

Маленький палач и здоровая беспомощная жертва.

Лопата вонзилась в палас в сантиметре от толстой шеи и

вбилась в пол. Раздался громкий хруст ломающегося паркета. Петя зарыдал и убежал, лопата так и торчала из паркета, после ее с трудом смог выдернуть Армен Георгиевич.

А потом случилось кое-что не менее трагическое – через несколько месяцев, после окончания туристического сезона Армен Георгиевич уговорил своего провинившегося брата занять у больших людей крупную сумму денег на восстановление гостиничного комплекса, ремонт некоторых номеров и самое главное – на покупку соседнего участка и организации на нем кафе. К удивлению всех домочадцев дядя Рафик почти без разговоров раздобыл необходимые деньги, за что был частично прощен почти всеми членами семьи, включая Петю и даже Дану.

Через несколько дней после получения наличных у больших людей из местного криминалитета дядя Рафик исчез. Пропал. Испарился. Разумеется, первым делом, подумали, что он опять уехал куда-нибудь по своим мутным делам, но был один очень существенный нюанс – вместе с дядей Рафиком пропали и принесенные им же деньги, которые Армен Георгиевич со дня на день планировал вложить в строительство и ремонт. Больше никто никогда не видел дядю Рафика. О расширении бизнеса не могло быть и речи. А еще через несколько месяцев к дому семьи Эорнидян подъехали три черных автомобиля, из них вышли несколько суровых абхазцев во главе с неким Арутом. «Где Жирный?» – сухо поинтересовался Арут имея в виду пропавшего без вести Рафаэ-

ля Георгиевича. Не получив никакого продуктивного ответа Арут напомнил, что это он – Арут – дал Жирному деньги для бизнеса Эорнидянов и если деньги не будут возвращены, то их ждут очень крупные неприятности. Очень крупные. Как семья Эорнидянов будет возвращать выданную им сумму, его не интересовало. Он просто дал месяц, сел в авто и оставил семейство провожать его трагическим взглядом.

Поиски дяди Рафика дали кое-какой результат – он обнаружился в грузинском Батуми, где успел выкупить приличную шашлычную. Но ни о каком возврате в родные места и не помышлял, кормя семью обещаниями, что вернет долг позже. Все до копейки, но позже.

Прошел месяц, потом второй.

В начале туристического сезона люди Арута подожгли дом Эорнидянов. Для девяти членов этой фамилии все было кончено, от семейного бизнеса осталось только пепелище. В огне погибла Дана и Армен Георгиевич. На похоронах Арут, пряча глаза в сторону, сказал, что долг их семья оплатила и если надо, то он готов предоставить им крупную ссуду на постройку нового дома. Разумеется, Эорнидянам пришлось проклясть Арута и дядю Рафика и уехать из Абхазии в Россию, где члены семьи разъехались по разным местам. Петя с мамой, сестрой и братиком, тетей Нонной и ее супругом обосновались сперва в подмосковном Долгопрудном, а позже – тут в этом регионе, где им по родственным связям продали две квартиры.

А у мальчика Пети на новом месте стали расшатываться нервишки. Страдая от потери прежнего места жительства, от тоски по друзьям, родным местам, по теплему морю, он мучился ночными переживаниями, стал озлобленным, замкнутым, в душе его разрастался густой пучок огнедышащей ненависти к своему жирному дяди Рафику, которого он полноправно считал виновником всех их семейных и его личных бед. То он плакал, уткнувшись лицом в мамину грудь, то очень враждебно проклинал исчезнувшего с их деньгами где-то в Батуми Рафаэля Георгиевича, от которого, после переезда семейства Эорнидянов в Россию вообще прекратились какие бы то ни было попытки сближения. Для Эорнидянов и для юного Пети дяди Рафика больше не было, он вроде как умер. Но как бы Эорнидяны не старались стереть его личность из семейного мемуаристического архива, для Пети дядя Рафик остался в памяти, в подкорке мозга, в подсознании, мальчику невозможно было забыть его бесчинства и предательство, повлекшее семейную трагедию и крах мечты на будущее.

Над замкнутым мальчиком посмеивались в классе новой школы, это еще больше бесило Петю, его стали одолевать беспричинные вспышки агрессии, направленной на окружающих, и наблюдающий его детский психолог настоятельно рекомендовал петиным родителям оградить сына от всякого рода отрицательных явлений, от агрессии, от скандалов, от остросюжетных фильмов, книг и компьютерных игр. В сово-

купности с определенными седативными средствами это дало некоторый положительный результат, мальчик стал спокойнее, уравновешеннее, вспышки гнева сократились.

Но за подрастающим ребенком невозможно уследить, а особенно за его компанией. Петя уже не помнил, что явилось поводом к тому, что он сделал в седьмом классе. В порыве вызванного уже неизвестной причиной гнева, он взял вилку в школьной столовой и ранил ею двух одноклассников. Потом, не помня сам себя, закидал камнями ребят из параллельного класса и разбил окна в кабинете физики. Потом все чаще нападал с кулаками на школьников, которые имели неосторожность как-то криво посмотреть на Петю или сказать ему что-то в оскорбительной или просто рекой манере. А однажды, не владея собой, он принес в школу травмат. Если бы пистолет был настоящим, то Петя Эорнидян сел бы в колонию за убийство трех человек.

За его лечение взялись психологи, но иногда неконтролируемые вспышки гнева все же ослепляли Петю. Он мало что запоминал из своих последующих действий, не мог объяснить мотив поступков, причину агрессии, но психологи путем определенных методов, включающих как психоанализ по методу Фрейда, так и попросту гипноз, выяснили, что каждый раз при приступах помрачения рассудка перед мысленным взором Пети Эорнидяна стоял образ его дяди. Рафаэля Георгиевича. Подсознательно Петя стремился убить дядю, уничтожить его, растерзать. А если конкретизи-

ровать – отрубить голову штыковой лопатой. То-есть сделать то, что он не смог сделать когда-то, когда ему выпала такая возможность. Петя больше всего в жизни жалел о той своей нерешительности, о своей детской боязни убийства. Избавив семью от паршивого родственника, он бы тем самым избавил бы всех от дальнейших несчастий. И возможно все было бы хорошо. И абхазское солнце светило-бы, и стерильное море ласкало бы мелкую гальку пляжей, и заповедная пицундская сосна шелестела бы ветками, и на горном шоссе на озеро Рнца все так же курсировали бы туристические маршрутки, заезжающие в винные погребки и медовые пасеки. И вино бы лилось рекой и бизнес бы процветал. И папа Армен был бы жив и двоюродная сестра Дана тоже. Она бы вышла замуж и родила бы двоих детишек.

Если бы в тот день у Пети не дрогнула бы рука.

Охранником выросшего Петю пристроил один из его родственников, имеющий шапочное знакомство с генеральным директором Шепетельниковым, но для этого семейному клану пришлось кое-что скрыть от работодателя, иначе бы Петю даже не пустили бы на порог «Дверей Люксэлит», не говоря о том, чтобы назначить на какую-либо даже самую малооплачиваемую должность, тем более – охранником.

09:12 – 09:16

Сидя на корточках и изо всех сил прижимаясь к двери спиной Оксана Альбер тряслась от страха. Над ее голо-

вой была разбитая вдребезги стеклянная вставка двери, белое пальто сплошь усыпано острыми как бритва осколками. Несколько штук запутались в волосах, а когда Оксана тихонечко попыталась их стряхнуть, то порезалась и едва сдержалась чтобы ни пискнуть. По пальцу текла кровь, капая на пол, а Оксана прижимала свой драгоценный кейс к груди и умоляла все небесные силы отвести от нее беду в лице трех мужиков в синей фирменной форме, которых она с самого начала заподозрила в неладном, о чем и поведала Косте Соломонову. В тот раз он потребовал от нее присвоить своим предчувствиям какую-то степень по какой-то десятибалльной градации, где ноль – это нирвана, а десять – появление самого Дьявола. Понятия не имея как оценивать свои тогдашние предчувствия, Оксана Игоревна наобум оценила их в пять баллов, чего Соломонову показалось не достаточным. Сейчас Альбер со всей уверенностью ставит десять баллов. Крепкая конкретная десяточка. Троица бандитов в синей форме монтажников вентиляционных систем пусть и не воины апокалипсиса, но угрозу оксаниной жизни представляют самую реальную.

Предчувствие не обмануло Оксану. Это были грабители с оружием. Грабители немного ненормальные, но тем опаснее в их руках оружие и тем непредсказуемее их действия. Чудо спасло Оксану от обнаружения, один из грабителей разбил оконце прямо над ней и даже высунулся в слесарку, и даже бегло осмотрел помещение. Если бы он опустил глаза вниз.

Под дверь. Оксана боялась даже подумать, чтобы тогда с ней сделали.

Понятно, что каким-то образом бандиты прознали про то, что они с Соломоновым сегодня утащат деньги предприятия. Лично сама Оксана ни делилась своими планами ни с кем кроме своей дочери. Что-же касается Соломонова, то с ним сложная история. О его сегодняшнем неправомерном деянии прекрасно знал некто Матвей Соломонов, известный также как Карусельщик – местный авторитетный бандит-депутат, а по совместительству Костин сводный брат. Он в курсе, мало того – Карусельщик должен был поспособствовать исчезновению Константина Олеговича из этого региона и по своим связям организовать скрытую переправку его на Украину. Карусельщик, естественно, держит язык за зубами. Оксана однажды видела этого строгого человека в очках-хамелеонах, и он произвел на нее впечатление мужчины, крепко держащего данное им обещание. Но тогда откуда эта троица узнала? К тому же они совсем не походили на людей, входящих в окружение такого человека как Матвей Карусельщик и очень маловероятно, чтобы он поручил таким необычным типам какое-то денежное дело, тем более ограбление своего хоть и сводного, но все же брата. Нет, Карусельщик так не сделал бы. А бандюганы несомненно знали про Альбер и Соломонова или, по крайней мере, о двух людях, что должны были взять деньги из сейфа. Слыша переругивания троих преступников, Оксана догадалась, что они не знали в лицо

ни Соломонова ни Альбер, а только их должности. Они вообще не думали, что главный бухгалтер – это женщина, а не мужчина, а обнаружив захлебнувшегося на смерть Константина, они не догадались связать труп с тем, кто унес деньги.

Одним словом, вооруженная троица потеряли из виду двух человек с кейсом. Ищут и не могут найти, от чего между ними возник яростный спор.

Похоже кто-то из них отрубил себе руку. Во всяком случае так поняла Оксана, слушая хаотичную ругань, крики и взаимные оскорбления. Для Оксаны это показалось в высшей степени необычно, но высовываться и подглядывать за тремя бандитами она не решалась, чувство самосохранения прижимало ее трясущуюся от страха спину к внутренней стороне запертой двери с выбитым оконцем.

Кажется, между налетчиками началась драка или какая-то потасовка. Кто-то хотел уйти, кто-то не отпускал его. Кто-то кого-то называл психом и каким-то Громовержцем, кто-то говорил о самых лучших в мире бансай и стеклодувной мастерской. Бансай? Это такие миниатюрные декоративные деревья в горшках? У нее в детстве было одно такое дерево, только искусственное. Плакучая ива. Родители говорили, что ее не надо поливать, что она сделана из пластмассы, но маленькая Оксана, поливая другие цветы на балконе и подоконнике тянула руку с лейкой к этому необычному деревцу, за многие годы не уронившему ни один листочек и не подросшему ни на сантиметр. А потом не стало ни пластикового

деревца, ни других цветов, ни чего, что сопровождало девочку с самого рождения и до тринадцатилетнего возраста, когда ее отец выгнал мать из дома. Оксана к тому времени уже кое о чем догадывалась, о чем-то таком, что раньше родители скрывали от нее, но с ее ростом и развитием скрывать им становилось все сложнее. Заливаясь слезами, девочка-подросток колотила отца кулачками и кричала, спрашивала у него, зачем он так сделал. Ее отец был крепким и широким в плечах мужчиной, чьи длинные черные волосы по последней моде зарубежных рок-исполнителей всегда висели на спине в свободном падении, а подстриженная борода щекотала девочке лоб, когда он прижимал ее к себе. Он носил кожаную косуху, пил кальвадос собственного производства и курил какие-то незнакомые сигареты, которых никогда не было в продаже в их городе. Он называл ее мать шалашовкой. Об этом Оксана уже знала, она была не маленькая. Они с отцом разговаривали на веранде частного домика весь вечер. Из-за разросшегося дикого винограда и плюща, было сумрачно, хотя погода стояла чудесная, хотелось на речку. Из соседней с их частным домом, лачуги неслась модная «Ламбада» и под эту заводную мелодию, обнимая друг друга за талию и веляя бедрами жители бывшего Советского Союза с метеоритной скоростью разворовывали собственную страну.

Отец, как мог подбирая слова, чтобы объяснить ими Оксане поведение ее распутной матери, которую терпеть ему уже не было сил. Табуретка под его могучим задом скрипе-

ла, ручкищи, украшенные массой татуировок не находили себе место, он много курил, нервничал, а на следующий день сказал Оксане, что если она хочет, то может идти к маме, потому что знал, что девочка больше привязана к ней, а не к нему. Оксана уже не маленькая и он не может держать ее силой. Тем более, что начались смутные и труднейшие для их семьи времена, СССР распался, отец не получал зарплату уже седьмой месяц и ему приходилось заниматься какими-то мутными перепродажами мотоциклов, вроде как угнанных. В его деревянной шкатулке стали водиться деньги, но инфляция все съедала еще до того, как он успевал их потратить и деньги превращались в макулатуру. Все чаще отец пропадал где-то, появлялся с деньгами, снова исчезал и ничего не говорил, а в его отсутствие им серьезно интересовались по телефону разные голоса и предупреждали его. «Он знает, о чем», – говорили голоса и с фырканьем клали телефонную трубку.

Одним словом, отец ходил по краю и был не уверен в своей финансовой надежности, но еще меньше в супружеской надежности жены.

Оксана выбрала маму. Со временем отец продал дом и куда-то уехал на своем старом верном байке, а у мамы с подрастающей дочуркой появилась вечная забота – к кому бы пристроится и как бы выкачать из очередного ухажера хоть сколько-нибудь денег. Мужики в жизни оксаниной мамы чередовались словно кадры на киноплёнке, Оксана и не дога-

дывалась, что так можно. И это только те, о ком Оксана знала. В конечном итоге к возрасту, когда во времена развалившегося Советского Союза повзрослевших пионеров принимали в комсомол Оксана Игоревна Альбер знала о взаимоотношениях мужчины и женщины значительно больше своих сверстников и вступила во взрослый мир с определенными выработанными под влиянием мамы и ее бурной безразборной интимной жизнью, морально-этическими нормами, где на первом месте всегда стоял холодный расчет.

Сейчас Оксана почти плакала. Пожалуй, это было впервые с того вечера, когда отец, сидя на скрипучей табуретке, последний раз с ней разговаривал. С того времени она не проронила ни слезинки, даже в самые сложные времена, даже когда от обширного инфаркта скончалась ее мама.

Что ей делать? Ведь эти трое бандитов охотятся на нее. Если они между собой грызутся как волки, то что будет, когда они все-таки найдут ее и набитый деньгами кейс, который она сжимала так что побелели костяшки пальцев.

09:21 – 09:29

Молодой человек не мог находиться в кочегарке ни физически, ни психологически, но тощий Аркадьич, строго велел не выходить и сидеть здесь до тех пор, пока он считает это нужным. Два друга-коллеги – Нилепин и Пятипалец – послушно сидели на топчане. Леве Нилепину до этого дня казалось, что за свои неполные двадцать четыре года он уже

кое-что повидал – и мертвецов, и кровяку. Да он видел разрезанного пополам человека на железнодорожных путях, он помогал вытаскивать из квартиры тело своего умершего дедушки. Он не без удовольствия смотрел ужастики и в том числе на большом экране, когда размеры смертельных ран увеличивались в сотни раз, а объем крови часто был умышленно завышен. Он играл в компьютерные игры, где главный персонаж мочит зомбаков и нелюдей. Но все виденное ранее было детской фигней, по сравнению с тем, в чем он принимал участие в этой проклятой кочегарке, душной, горячей, липкой от крови, наводящей на мысли о пыточной камере смертников. А сам тощий истопник, на котором потрепанная одежонка, сшитая из каких-то одноцветно-серых тряпочных кусков, казался Нилепину вырытой из гробницы мумией, ожившей посредством сатанинского колдовства. А пылающая топка – эта прямой портал в ад.

Лева трясся и вытирал горячие слезы, его лихорадило. Что он наделал? Что они наделали? Это не укладывалось в голове и Нилепина пробивали волны ужаса от мысли о том, что он был непосредственным участником жесточайшей расправы над невинно пострадавшем Августом Дмитриевым, который, в сущности, был неплохим человеком и никому ничего дурного не сделал. За что же они так с ним? Что за бесовское наваждение на них нашло?

Аркадьич, на челе которого, по мнению Левы, пробивались скрываемые под кепкой без козырька, рожки, зашвыр-

нул в горящую топку последнюю часть туловища бедолаги Дмитриева. Это была половина грудной клетки с обрывками одежды, в свете рыжего пламени на миг блеснули перепиленные позвонки. Кочегар курил одну за одной, то и дело заглядывал в топку и ворчал, что плохо горит, но сильно пахнет. В кочегарке действительно стоял крепкий запах горелого мяса.

А вот Юра Пятипальцев пребывал в каком-то двойственном состоянии. Он то вскакивал с топчана, то возвращался к молодому товарищу. Его ошарашенные глазища смотрели на залитый кровью разделочный стол, но во взгляде его был не удушающий страх как у Нилепина, а какое-то нездоровое возбуждение, какое бывает у маньяков после совершенного преступления. С одной стороны, и он сам и Аркадьич с Нилепиным ясно осознавали, что их поступок был в крайней степени ужасен, свойственен скорее обезумевшим нелюдям, нежели уравновешенным мужчинам. С другой стороны, здоровяк Пятипальцев отличался от остальных людей самим отношением к боли. И если обычные люди стараются избегать боль, опасаться ее, то для Юрия еще с подросткового возраста все было наоборот. От боли он возбуждался, испытывал кайф. Но, мучая свое тело, Юрий Пятипальцев никогда не посягался на других, он был мазохистом, но не садистом. Он понимал, что его предпочтения не распространяются на других. Но все-таки вид, вольный или невольный, чужих мучений вызывал у него едва ли не оргазм и он признавался себе,

что, пожалуй, давненько ничего подобного не испытывал.

– Ты видел, как он смотрел! – с горячностью экспансивностью говорил он Нилепину. – Видел его взгляд? Это же... Это чистая боль! Всепоглощающая! – он возбуждения Пятипальцев не мог справиться с дыханием. – Как он дергался! Я чувствовал каждый его нерв, каждый мускул! Я клянусь тебе, Лева, я чувствовал его!

– Юра, умоляю, замолчи.

– Не могу молчать, братан! – здоровяк вскочил с топчана на котором сидел, хаотично повертелся и не найдя применения своей экзальтированной взволнованности, вернулся и брякнулся обратно. Топчан под его тяжелым телом хрустнул и чуть осел на одну ножку. – Какие у него были глаза, Лева! Ты видел? Ты видел его взгляд? Он умирал от боли, а я смотрел в его глаза и все видел! Видел, как он страдал, что он ощущал. Я как будто сам... Я как будто сам, братан, все прочувствовал! Я слился с ним, я испытал, наверное, то же самое... Блин, Лева... Ты понимаешь? Никто не поймет! А я знаю! Знаю, что он чувствовал – боль ослепляющую, одуряющую! Для него не было ничего кроме боли! Я бы хотел так умереть, Лева...

– Господи, Юра, скажи еще что ты ему завидуешь!

– В какой-то степени – да, – признался Пятипалец.

Наступило неловкое затишье, только топка потрескивала огнем. Аркадьич, тоже слышащий слова Пятипальцева, только подозрительно косился на приятеля. Докурив очередную

сигарету, он преподнес обоим своим коллегам две замызганные чайные чашки с налитой на самом дне жидкостью. Кочегар велел выпить это. Нилепин понюхал и отвернулся, а Пятипальцев, чьи вкусовые рецепторы реагировали своеобразно, проглотил жидкость в один глоток и даже облизался. Его примеру последовал и Лева, но единственный сделанный им глоток прожег гортань подобно щелочи.

– Иисусе! Что это за самогонка? – выдохнул он. – Как ты это пьешь?

– Какая самогонка? – рявкнул Аркадьич и снял, наконец со лба забрызганные кровью защитные очки в пластиковой оправе. – Это корвалол. Теперь, в рот вас чих-пых, сидите тут, не вылезайте, я сейчас приду.

– Ты куда?

– Надо. Не выходите никуда. Не хватало еще что-бы вас увидел охранник или еще кто-нибудь. Вы были в цеху, кто там еще есть?

– Степка Коломенский был.

– Еще?

– Были еще какие-то мужики... Вроде монтажники вентиляции...

Аркадьич еще раз повторил свой приказ не выходить пока он не вернется и, накинув на тощие плечи куртку, покинул кочегарку.

Нилепин и Пятипальцев сидели на топчанчике, перед ними горел котел. Они молчали. Бородатый наладчик нашел

взглядом баночку корвалола, привстал, взял ее и отвинтив крышечку припал к капельному дозатору. Он капал себе прямо в рот, пока пузырек не опустел. Потом он, помолчав некоторое время, потрогал свое сердцебиение, и начал говорить уже более-менее ровным голосом. Он поведал своему молодому товарищу об особенностях своего отношения к боли. О том, как в подростковом возрасте его частенько било током из-за неисправной электропроводке в доме, а потом, когда он подрос и заинтересовался собственной половой жизнью и принялся экспериментировать с сексуальным разнообразием, он стал использовать в качестве стимулятора электрические провода под напряжением.

Понравилось. И понеслось. Наряду с электричеством, Юра стал пробовать надрезы на коже, уколы, ожоги. И сам того не заметил, как увлекся этими мазохистскими вещами так плотно, что стал испытывать все более нарастающее равнодушие к обычным методам стимуляции. В конце концов он стал причинять себе боль просто так безо всякого повода, просто чтобы испытывать эти чувства.

Капли корвалола чуть-чуть успокоили Нилепина и он постарался душевно отстраниться от Пятипальцева и его монолога. Он заметил, что его фирменная курточка все перемазана кровью, он брезгливо снял ее и не придумал ничего лучшего как сжечь. Смяв ее в комок, он открыл дверку пылающей топки и невольно взглянул внутрь. Прямо у его лица догорала человеческая ступня (Аркадьич снял с ног несчаст-

ного Августа обуть). Кожа уже обуглилась, выставив напоказ чернеющие кости. На Нилепина опять накатило, его вырвало и он едва успел подставить свою окровавленную куртку. С отвращением сунув полную рвоты куртку в огонь, он хлопнул дверцу топки и отвернулся.

Ему надо было уйти на улицу, подышать холодом, может быть даже промерзнуть на ветру. Находиться здесь в этом inferнальном месте он уже не мог. Не смотря на запрет кочегара, он выйдет на улицу, умоет лицо снегом, это должно взбодрить его, освежить. А Пятипальцев продолжал говорить-говорить. О своих увлечениях мазохизмом, о том непередаваемом чувстве боли, чтобы понять которое нужно самому испытывать боль, ибо словами это не передать. Продолжая послушно сидеть на топчанчике он много чего говорил, но у Нилепина все расплывалось перед глазами и он не слушал друга, слова возникали где-то за его сознанием, звучали там и проходили мимо. Вместо своей сожженной фирменной курточке, выданной ему (как и всем работникам ОАО «Двери Люксэлит»), он облачился в найденную у Аркадьича другую куртяшку – не серо-синюю с логотипом фабрики, а красную с надписью на спине «Фрунзенская птицефабрика №1». В этом облачении уже в дверях его и застал неожиданно вернувшийся кочегар.

Он был в снегу, ворчал от озноба и тащил с собой слутую камеру от автомобильного колеса.

– Я же сказал – не выходить, в рот тебя чих-пых! – рявк-

нул он на молодого человека и с неудовольствием обнаружил на нем одну из своих курток, но по этому поводу смолчал. Принесенную камеру он закинул в топку и объяснил присутствующим, что так он избавится от нехарактерного для кочегарки запаха крематория, который может привлечь не только всех окрестных собак, но и еще кого-нибудь лишнего, например, того же самого охранника. – Ну что, – выдохнул он, – дело, в-общем, сделано. От трупа я избавился, скоро он догорит и я почищу топку от золы. Крови вот только много, придется оттирать до усрачки... Теперь дело за вами, господа хорошие.

– А что с нами? – глупо спросил Нилепин.

– Как будем вопрос решать? Я имею в виду бабло.

Нилепин и Пятипальцев переглянулись.

– Какое бабло? – спросил бородатый наладчик.

– Не шали, Юра, – предостерегающе сощурился худой кочегар. – С кем-то я договорился о двух сотнях тысяч. Не подскажешь с кем? Я свою работу сделал, трупа нет и никто его не найдет...

– Он еще не сгорел, – вмешался Лева и покосился на топку.

– Сгорит, не беспокойся. И кровь с пола я сотру, мне это нужно так же как и вам. Я ведь тоже соучастник, не забывайте, господа, в рот вас чих-пых. – Аркадьич распахнул топку и долго ковырялся там кочергой, из нее повалил жирный дым.

– Ты ее точно сотрешь? – спросил бородач Пятипальцев с

угрюмым сомнением окидывая взором окровавленные вентиля, трубы, стены и прочее.

Вместо ответа Аркадьич зарылся в каком-то темном углу и, покопавшись, извлек из недр жаркой черноты собачий ошейник. Сдув с него пыль, кочегар водрузил качественный кожаный ошейник Пятипальцеву на темя, придав тому вид скифского короля. С ошейника прямо на лоб свисала медная пластиночка с выгравированным словом «WALTZ». Аркадьич спросил у Пятипальцева: «Помнишь пса?», тот ответил, что помнит.

– Так, когда я получу свои двести косарей? – спросил кочегар.

– Скоро, – уклончиво ответил Пятипальцев у которого по его признанию, таких денег не было.

– А скоро – это когда?

– Не знаю пока, – признался здоровяк и с надеждой посмотрел на Нилепина, но тот только пожал плечами. Его финансовое состояние не намного отличалось от юриного. Медная табличка со словом «WALTZ» глуповато болталась у Пятипальцева надо лбом. – Погоди немного... Надо будет брать кредит...

– Я так и знал! – Аркадьич резко захлопнул створку котла и поднес горячую вонючую кочергу прямо к густой пятипальцевской бороде. – Смотри, Юрец-огурец, деньги должны быть к моей следующей смене, ясно? Я ждать не намерен, с вами – обормотами – надо быть строже. Даю два дня до мо-

ей следующей смены, если денег не будет – пеняйте на себя!

– А что ты сделаешь, дистрофан? Ты соучастник!

– Поставлю на счетчик, Юра! И поверь мне, с моими процентами лучше не связываться! Вовек не расплатитесь, в рот вас обоих чих-пых!

– А если... – начал было Нилепин, но Аркадьич не дал ему и полслова сказать. Миг – и горячая кочерга с кусочком жареного мяса оказалась у его переносицы. Больше Лева вопросов не задавал, он только постарался не морщиться, когда проглатывал возникший в горле ком. Кочегар дождался пока у Нилепина окончательно отпадет желание разговаривать разговоры и задавать вопросы и убрав кочергу, наклонился под разделочный стол.

– Я вас, ублюдков, знаю, – говорил он, обращаясь одновременно к двум рабочим – молодому и взрослому. – Особенно тебя, Юрец. Я тебе полтинник занимал – ты отдал? Обещал летнюю резину на мою «девятку» – где?

– Аркадьич, да ты что? Из-за полтинника? Да возьми свой полтинник, подавись. А резину я тебе так отдам. Отдам, честное слово.

Но кочегар ответил, что дело не в резине и что у него и тачки-то уже нет, он ее продал еще осенью и ему летняя резина теперь и даром не нужна. С этими словами Аркадьич достал из-под разделочного стола человеческую голову Августа Дмитриева и поставил ее на залитую кровью досчатую столешницу рядом с циркулярной пилой. Нилепин вскочил

с топчанчика и бросился было к выходу, так он перепугался. Но споткнулся и упал, повалив с собой прислоненные в углу лопаты, метла, ломы и грабли. Пятипалец замер на месте. Держа наготове горячую кочергу на кончике которой дымился жареный кусочек мяса, тощий как скелет Аркадьич заявил собравшимся гостям, что придержит голову Дмитриева до тех пор пока они не протянут ему пачку наличных. Сейчас это двести тысяч рублей, но каждые два дня сумма будет подниматься на пятьдесят тысяч. Если же парочка откажется выплатить означенную сумму, то кочегар просто-напросто «случайно найдет» эту голову в контейнере для сбора опилок. Кстати, дополнил свою угрозу кочегар, на голове остались частички эпидермиса Пятипальцева и Нилепина, а эксперты-криминалисты легко и непринужденно найдут причину и дату смерти.

– А ты? – прохрипел Пятипалец неотрывно смотря на засыпанную рыжеватым порошком-стружкой голову Дмитриева, на его перекошенный рот с несколькими кровавыми струйками на губах, на его длинные усы и седые всклокоченные волосы тоже усыпанные похожим на корицу порошком.

– Я? – Аркадьич растянул рот в рябой желтозубой ухмылке. – Ты за себя беспокойся, Юрец! За себя и за своего дружка, в рот вас чих-пых!

09:21 – 09:28

Цех пребывал в необычном для Никиты Вайнштейна

представлении. Он ни разу не был на «Дверях Люксэлит» в глухой тишине. Из-за выключенного света практически весь цех прибывал в полусумрачном состоянии, когда тени о множества станков и поддонов с продукцией были размазаны, придавая очертаниям интерьера мрачную холодность и навевая на тоску. Каждый станок казался крупнее и тяжелее чем он был на самом деле, каждая деталь станков вызывала чувство беспричинного беспокойства и представлялась орудием пытки. Вайнштейну не хотелось тут находиться, он ощущал себя не в своей тарелке, подобно попавшему в какую-то старую заброшенную подземную шахту, где каждый предмет заставлял вздрагивать от фантомной угрозы.

И ни одного человека. Хотя нет... Никита встретил какую-то тетю, наверное уборщицу, искавшую какого-то Леву. И еще с другой стороны цеха до него иногда доходили какие-то звуки, извещающие «орфеевского» разведчика о том, чтобы он не расслаблялся, оставался на чеку и следил за тем, чтобы больше ни попасться никому на глаза. Но если не считать самовнушаемого мандража и технофобии, то у Никиты пока все шло замечательно. За то недолгое время, что он переступил порог спящего цеха, он уже успел сделать несколько десятков фотографий поддонов с заготовками и несколькими станками, сделать кое-какие предварительные выводы о заказах и сроках изготовления, о проценте брака, который у Шепетельникова как всегда был значительно завышен. «Прекрасно, – думал Никита Вайнштейн, фотографируя це-

льный поддон с бракованными приготовленными для распилки и уничтожения в топке дверей. Фотографии он немедленно отсылал по «Вайберу» своему начальству. – Они так и не следят за браком, так и не ведут строгий учет. Когда же Шепетельников поумнеет? Неужели он, как и раньше, просто вычитывает примерный убыток от брака и делит его на всех рабочих? Тогда получается нелогично по отношению к кочегару. Чем он больше распиливает и сжигает бракованных деталей и дверей, тем меньше у него зарплата, ведь с него тоже вычитают за общий брак».

На предприятии «Орфей» чьим резидентом был Никита Вайнштейн с самого начала была женщина из ОТК, которая вела строгий учет брака, на основании которого бухгалтерия высчитывала штрафной процент именно с того, по чьей вине был произведен брак. ОТК ставила свою печать и только после этого детали шли на утилизацию.

Вайнштейн, продолжая прятаться от случайных свидетелей, перемещался по заготовительному участку и фотографировал все что попадалось на глаза, включая четырехсторонний фрезерный станок с открытым электрическим щитком. Ему на глаза сразу бросились почерневшие оплавленные кабели и провода и Никита мгновенно сообразил, что станок вышел из строя на несколько дней. Простой фрезерного станка чреват срывом дат выполнения заявок. Замечательно! Никита отослал фотографии станка на «Вайбер» и сразу получил ответ от начальника развития Владимира

Нильсена: «Отлично, Никитос! Станку – крышка! Сейчас же свяжусь с поставщиками плат, заставлю их помедлить». Вайнштейн не мог ни на радоваться, особенно еще и тогда, когда вышел к самому крупному станку в цехе – горячему прессу. Он знал эту модель – ей было больше четверти века, ее купил еще Егор Васильев, когда «Двери Люксэлит» только начинали работать и уже тогда большой горячий пресс был старым и списанным с другой фабрики. Со временем Васильев планировал сменить его, приобрести новый, Шепетельников тоже давно поговаривал о необходимости поменять некоторое наиболее старое и проблематичное оборудование, но воз, как говорится, и по ныне там. То же самое и с формовочной пилой и рапидом. Вон они стоят – у одной расшатаны валы, у другого нужно менять всю электронику. Вайнштейн лишний раз порадовался, что работает на фирму, совет директоров которой не забывает о том, что железо подвергается элементарному износу, что на старом оборудовании с ограниченными возможностями очень трудно разрабатывать новые модели дверей. Поэтому, наверное, «Двери Люксэлит» последние годы топчутся на месте, а «Орфей» стремительно набирает бег. Нельзя всю жизнь делать одни и те же устаревшие модели дверей, какие бы хорошие они ни были. Люди привыкают к ним, заказчикам и покупателям хочется чего-то другого, современного, оригинального.

Вот, например, поддоны с недоделанными дверными полотнами, прошедшими операцию «окутывания» пленкой

ПВХ, но еще не хромированные. Вайнштейн наметанным глазом сразу определил, что это будут за модели и по какой цене они пойдут. Модели недорогие, из модельного ряда «Джанкарлони», пленка цвета «ДБ», «ББМ», «ВШ» и «Яс-2.2», что в переводе с языка производителя на язык покупателя переводится как «Дуб белый», «Бук белый мореный», «Венге шоколадный» и «Ясень-2.2». Никита сделал снимок и ухмыльнулся. Модельный ряд «Джанкарлони»... Ну и названия, все-таки, у «Люксэлита»! К чему это подражание псевдоитальянским фонетически красиво звучащим словам? При этом обе конкурирующие фирмы и «Двери Люксэлит» и «Орфей» в общей своей массе делали похожие модели, только «Люксэлит» делал акцент на классику, а «Орфей» старался шагать вперед, разрабатывать что-то новенькое, хоть это было трудно и рискованно. Введение новых моделей и поиск на них заказчиков – дело нелегкое, порой мучительное и на первых порах убыточное. А что касается модельного ряда, то обе фирмы зачастую слизывали друг у друга модели, так, например, люксэлитовский ряд кухонных дверей «Аурелия» и офисных «Грандиозо», это те же самые орфейские двери ряда «Фицджеральд» и «Драйзер» (у «Орфея» модельные ряды назывались в честь американских классиков художественной литературы), а орфейский спальный ряд «Митчелл» и самый дорогой ряд вип-дверей «Сэлинджер» беспардонно слизаны с разработанных еще много лет назад люксэлитовских «Солли» и «Романолио». И если

между этими дверями еще и существовала какая-то незначительная разница в дизайне, внутренним строении и покрытии, то орфейские «Брэдбери-3» и люксэлитовские «Пьяцелле» были братьями-близнецами и никто никогда не признается кто у кого скопировал. Но все-таки у «Люксэлита» не было ничего похожего на орфейские ряды «Уильямс», «Генри» и гордость предприятия – «Фолкнер».

Зато у «Люксэлита» был постоянный крупный заказ на усиленные противопожарные двери серии «Фландо Супрем»», тяжелые, выполненные со специальным негорючим наполнителем, со стеклянной вставкой из закаленного толстого стекла. И очень дорогие. На этих дверях «Люксэлит» неплохо зарабатывает и это, пожалуй, единственный модельный ряд, которым Шепетельников мог похвастаться перед «Орфеем».

И не мог Никита Вайнштейн, будучи в цеху конкурирующей фирмы не навредить ей. Ну не мог и не хотел. А куда деваться, бизнес – это война. Война за покупателя, а на войне все средства хороши. Тем более, что у «Дверей Люксэлит» тоже рыльце в пушку, они тоже время от времени запускают в недра «Орфея» своих лазутчиков и разведчиков. Кто, скажите на милость, в прошлом году изменил программы стразу в нескольких сверлильных станках ЧПУ, так чтобы все отверстия на деталях были смещены на миллиметр и это обнаружилось после нескольких полноценных рабочих смен? Убыток составил около двухсот тысяч рублей. Кто залил ки-

пятком из шланга несколько поддонов с дверьми, тем самым загубив их напрочь? Еще около ста тысяч. Естественно, негодяй Шепетельников никогда в жизни не признается, что его люди или подкупленные им предатели вредят «Орфею», а, чтобы доказать его причастность нужно обращаться в правоохранительные органы, писать заявление и так далее. Начнется следствие, менты будут копать как в «Люксэлите», так и в «Орфее» и очень скоро выяснят что ООО «Орфей» ни такая уж чистая организация, что она укрывается от налогов, что она целенаправленно раздробила компанию на несколько мелких, что проводит махинации с недвижимостью, что неофициально сдает в аренду часть помещений и принимает рабочих без официального оформления, что на территории фабрики был несчастный случай в результате которого человек остался инвалидом, а руководство не понесло наказание. Кроме того, совет директоров почти целиком состоит из местного криминалитета. Короче говоря, ООО «Орфей» старался не связываться с полицией, а действовать по своему усмотрению. Глаз за глаз.

Например, сейчас Вайнштейн добавил песок в жестяные ведра с клеем-расплавом для приклеивания пленки и эконоша на поверхность деталей и дверных полотен. Клей-расплав представлял собой мягкие гранулы, засыпающиеся в бак и плавящиеся в жидкий клей, он транспортировался в пластиковых ведрах с нефиксирующей крышкой, которую можно открывать-закрывать бесконечно много раз. Песок он

взял из ящика у пожарного щита. Достаточно по горсти в каждое ведро, прямо рукой он перемешивал его с гранулами, чтобы песок не был виден сверху. Вот и все! У трех станков-окутывателей стояло порядка тридцати ведер клея-расплава. Зная примерно ежедневный объем Вайнштейн предположил, что испортил работу основных станков на несколько дней. Пока рабочие и технологи разберутся по какой причине засоряются механизмы, царапаются прижимные валы, а под приклеенной пленкой виднеются недопустимые вкрапления мелких частиц, пока выяснят, что дело в насыпанном песке, пока закажут новую партию клея-расплава и этот клей привезут, пока запустят станки и отладят производство, пройдет не меньше недели. Никита отправил отчет по «Вайберу» и получил ответ от Нильсена: «Много не вреди, заподозрят».

Вайнштейн потирал ручки, премию он заработал, это уж точно!

Он полез дальше, впереди отбрасывал тени стоял станок ЧПУ, а рядом стопы дверных полотен, их тоже следовало зафиксировать и передать дирекции ОАО «Орфей».

09:22 – 09:27

До обостренного уха генерального директора донесся явный шум, издаваемый не иначе как людьми. До этого момента он списывал все на легкие слуховые галлюцинации, имеющую под собой причину нервно-параноидальную. То-есть

Шепетельников тешил себя внушением, что слышит именно то что больше всего боялся, то-есть человеческую речь. Только это оказалось совсем не так и это подтвердилось, когда он совершенно случайно натолкнулся на трех абсолютно незнакомых людей, утверждавших, что они из компании по ремонту вентиляционных систем. Сюрреализм ситуации усугублялся еще и тем, что они сказали, что их вызвал генеральный директор. По-видимому, они никогда не видели Даниила Данииловича и не знали его в лицо. Это он еще мог допустить, но был один подозрительный факт с которым он никогда не смириться. Он не вызывал никаких работников. И вентиляционная система в цеху до недавнего вмешательства Степы Коломенского работала исправно и не вызывала никаких вопросов.

Так что в таком случае делают на территории цеха посторонние люди? И для чего им притворяться теми, кем они не были? Как жаль, что Шепетельников поддался растерянности и не запомнил лица мужчин в синей форме, они быстро исчезли. Даниил Даниилович хотел было исподтишка проследить за ними, но легкая паника повела его в противоположную сторону. За три минуты до той встречи он убил человека и был немного не в себе, плохо соображал, позволил им уйти. Почему они так быстро пропали из вида? Видели-ли они висельника? Они, кажется, направились как раз в сторону лакокрасочного участка... Перепуганный разоблачением Шепетельников вернулся на место преступления

и, прячась за одним из станков, убедился, что труп Коломенского висит в одиночестве, непрошенные гости прошли другой стороной. Но все-равно нельзя было расслабляться и Даниил Даниилович принял решение покарать Коломенского, тихо прячась в тени за станком и в случае приближения этих трех псевдомонтажников или еще кого-нибудь незваного, тут же предпринимать какие-либо меры. Только он еще не придумал какие. В таком положении он себя не представлял и не имел на этот счет определенного плана. Он, что, так и будет прятаться в собственном цеху и сторожить мертвеца. Может проще снять его и спрятать? Нет, не проще. Тогда это будет уже не самоубийство, это портит его выбранную линию. Так он и сидел на корточках за станком, хаотично перебирал в голове варианты действий и их последствия пока не услышал разговоры вдалеке. Даниил Даниилович сразу узнал голоса и обуреваемый злобным негодованием и любопытством, вылез из-за станка, но парни ушли раньше чем Шепетельников успел приблизиться к ним. Зато он наткнулся на кое-что, от чего испытал самый настоящий шок – еще один труп.

Высокий мужчина лежит прямо на бетонном полу, одет ни как псевдомонтажники вентиляции, а в приличную зимнюю одежду. Руки и ноги вытянуты, голова никуда не повернута, но вот лица Шепетельников увидеть ни мог. Все заливала какая-то отвратительная белесая масса, будто бы прямо в рот несчастного нагадила огромная птица и ЭТО растеклось по

голове, шее и груди и явилось причиной смерти. Шепетельников застыл на месте. Этого еще не хватало...

Вообще, кто это? Любопытство пересилило здравый смысл и Даниил Даниилович, приблизившись к мертвецу так осторожно, чтобы его не увидел кто-нибудь посторонний, прикоснулся к куртке трупа. Кто же это? Шепетельников снял и протер большие очки. Неужели кто-то из рабочих цеха? Тогда почему он сегодня тут, а не дома. Ведь сегодня же выходной. Шепетельников осторожно залез во внутренний карман куртки мертвца и извлек бумажник. Деньги он мысленно отверг, но быстро взглянул на водительские права.

Это же Соломонов!!! Генеральный директор зажал себе рот рукой, потому что наружу вырывался крик. Соломонов! Быстро вернув бумажник во внутренний карман холодеющего трупа, Шепетельников попятился назад и уперся спиной в электропогрузчик. Что же это? Как же это? Соломонов умер! Он захлебнулся своей рвотой! Но как это произошло и когда? Сегодня? Но в какое время, если до этого Шепетельников его в цеху не встречал? Значит труп лежит на этом месте со вчерашнего вечера!

Даниил Даниилович снял массивные очки, протер их снова, водрузил обратно на нос и этим же платочком вытер взмокшую шею. Его бросило в жар, тем более что он уже давно ходит в отапливаемом цеху в зимней куртке с шарфом. Что же произошло с Соломоновым? Как он умудрился захлебнуться рвотой? Впрочем, здесь нет ничего загадочного,

Шепетельников догадывался, что рано или поздно злоупотребление наркотиками сыграет с его заместителем по производству злую шутку. Разумеется, Даниил Даниилович был в курсе того, что Константин Соломонов был наркоманом, но это не являлось причиной того, чтобы Шепетельников ненавидел своего зама еще больше чем, если бы тот был чист как архангел. Шепетельников презирал всех людей без исключения, но в особенности он выделял своего зама по производству. Этого выскочку, чья демагогия могла вывести из себя любого собеседника. Даниилу Данииловичу Соломонов не понравился сразу, как только тот вошел в кабинет к прежнему хозяину фабрики Егору Леонтьевичу Васильеву, где обсуждались последние нюансы сделки по продаже предприятия. «Вот, – сказал в тот день Васильев указывая на полного сил высокого мужчину с угловатой будто квадратной головой, – это наш заведующий производством – Константин Олегович. А это, Кость, с первого числа следующего месяца будет ваш новый босс – Даниил Даниилович». Соломонов с силой сжал ладонь Шепетельникова и с подозрительным вниманием взглянул ему в глаза. Шепетельников отвел взгляд и украдкой вытер ладонь платочком.

Надо ли говорить, что между новым генеральным и его оставшимся в наследство от прежнего хозяина старым заводом установились холодные чисто должностные взаимоотношения. Они, люди с таким разным характером и отношением как к работе, так и к жизни просто не могли

установить между собой какое-бы то подобие близости. Оба знали, что не имеют друг с другом ничего общего (если не считать цех), что относятся друг к другу с мягкой враждебностью, что не поздравят друг друга с днем рождения и что плевать они хотели друг на друга. Но, не смотря на свой долгоиграющий язык и манеру разговора от которой у некоторых вянут уши, Константин Олегович оказался достаточно опытным руководителем, что приятно удивило Шепетельникова. Не было такой цеховой проблемы с которой Соломонов не справился бы, он удивлял нового генерального своей работоспособностью и умением найти единственно верное решение поставленных задач. Скрипя от злости, Даниил Данилович специально поручал Соломонову практически невыполнимые заводские задания и неизменно получал положительный эффект. «Проклятье! – мысленно ругался Шепетельников, убирая подальше ненужную папку с результатом выполненной работы от Соломонова, – Как же мне его уволить? Не за что! Не напишу же я в трудовой книжке поводом для увольнения – личная неприязнь! С поставленными задачами он, сука, справляется! И справляется, козел, лучше меня! Да он в грош меня не ставит, и ненавидит меня еще пуще чем я его! Но сам он не уходит и не уйдет, с предприятия он имеет хороший процент с продаж, тем более мне неким его заменить. Кто, если не он? Никто. На Соломонове все держится, будь он неладен! Демагог хренов! Демагог и наркоман! Как же он меня бесит!» Так думал Даниил Да-

нилович Шепетельников еще до сегодняшнего дня, но вот свершилось чудо, о котором директор даже и не помышлял – Соломонов умер. Сам! Как бы Шепетельникову не хотелось, но он не приложил руку к смерти своего зама по производству. Чего-чего, а этого он не делал, наркоман Соломонов откинулся сам. И как удачно! Хотелось бы, конечно, раньше, но и сейчас неплохо.

Сбылись тайные мечты Даниила Данииловича.

Впервые за многие годы на лице Шепетельникова изобразилось нечто, смахивающее на улыбку. У него вдруг возник некий план...

Порывшись еще раз во внутреннем кармане соломоновской куртки, Даниил Даниилович выудил связку ключей на брелке. Задрав голову вверх, он нашел на втором этаже кабинет своего зама. Там в кабинете стоит сейф. В сейфе должны лежать деньги на завтрашнюю выплату зарплаты рабочим. Да, деньги там должны быть немалые. Кому они достанутся после пожара? Цех сгорит до тла, а сейф в кабинете не подвержен огню, деньги уцелеют. А что если... Генеральный директор вернул взгляд на распластавшийся труп хозяина кабинета в котором стоит сейф с деньгами. Завтра от Константина останутся только черные вонючие головешки и они унесут в могилу тайну пропажи денег. Да. Шепетельников уверенно кивнул сам себе. У него есть ключ от кабинета Соломонова, есть ключ от сейфа и он знал шифр (хоть никогда и не пользовался сейфом, но ведь он же владелец

всей этой фабрики и должен знать все), так почему бы ему не взять те самые деньги? Он их заберет прямо сейчас, а все повесят на умершего тут в неурочное время хозяина кабинета и сейфа. Деньги как будто сгорят в пепел, от них как будто не останется и следа. А тем временем наличность Даниила Даниловича значительно приумножится, но никто не сможет доказать его причастность к краже. Ведь официально генерального директора ОАО «Двери Люксэлит» вообще нет на фабрике.

Шепетельникову понравилось улыбаться, иногда это приятно.

А ноги уже несли его по стальной лестнице на второй этаж.

09:33 – 09:53

Два дружка, покинув кочегарку, медленно и уныло побрели в стоящую неподалеку курилку. Метель не щадила их, она не видела разницы между голыми от листвы деревьями, столбами и двумя разгоряченными людьми, у одного из которых на лоб был одет кожаный собачий ошейник с медной пластинкой «WALTZ», а второй зябко сутулился и прятал руки в карманы ярко красной куртки с чужого плеча и надписью на спине «Фрунзенская птицефабрика №1». Этот молодой стоял рядом с тем, что постарше, шмыгал носом и озабочено думал о чем-то своем, наконец, когда бородатый товарищ достаточно долго тер бороду широкой толстой ладонью, мо-

лодой спросил:

– Где деньги возьмем?

Старший товарищ не ответил. Он достал пачку сигарет и хмуро закурил. Курилка представляла собой просто небольшой навес рядом с проходной. Под навесом на кирпичах лежали несколько досок, представляющих собой лавчонки, разумеется зимой никакой навес не спасал и доски били под снегом, по-этому что-бы сесть на них приходилось приносить с собой кусочки МДФ, фанерки или хотя бы картонку. Тут же стояли два больших ведра из-под белой эмали и лака, вечно переполненные окурками, при том что их объем составлял двадцать литров и от них в курилки всегда стоял невыветриваемый даже в такую погоду запах старых мокрых сигарет.

Два товарища захватили с собой картонку и сели на доски.

– Где возьмем бабло? – уже отчетливо повторил Лева Нилепин.

– Не отвлекай, – ответил Юра Пятипалец, выпуская струю дыма через нос.

– От чего?

– Я думаю.

– Юр?

– Ну чего?

– А что это за фигню тебе Аркадьич на голову надел? Это собачий ошейник?

– Ну да, – Пятипалец усмехнулся будто бы про себя.

Вспомнил, что у него на голове до сих пор кожаная скифская корона, снял ее и покрутил в руке. – Собачий.

– В нем что-то особенного? Что это написано? «Вальс»?

– «Вальц», – поправил Пятипалец и сделал затяжку. – Наверное, братан, это по-немецки.

– По-английски, Юр.

Теребя ошейник и куря сигарету на ветру, Пятипалец вкратце поведал одну историю, которую поочередно в мельчайших подробностях рассказали ему сам кочегар Аркадьич и охранник Ваня Тургенев. Несколько лет назад, когда хозяином ОАО «Двери Люксэлит» был еще Егор Леонтьевич Васильев, на территорию фабрики забежала здоровая псина, она проникла не через проходную (через которую ее бы просто-напросто не пропустил охранник), а через ворота, приоткрытые для въезда грузовика, груженого сосновым и березовым брусом. Собака прошмыгнула в приоткрытые ворота и быстро побежала куда ее глаза глядели, а они глядели в сторону офисного здания на первом этаже которого располагалась заводская столовая, запах которой, наверное, и привлек непрошеного пса. Псина оказалась не только довольно крупной, но еще и неадекватно агрессивной и, встретив на своем пути двух человек, принялась злобно облаивать их, да так уверенно, будто охраняла столовую от непрошенных гостей. Двумя встретившимися ей людьми оказались менеджерша из отдела сбыта Катенька Свиридова и тогдашний заведующий производством Рашид Юртасов.

Пес был столь же агрессивным сколь и бесстрашным и вцепился в ногу Юртасову, хотя тот ни сделал животному ничего плохого. Свиридова завизжала, а завпроизводством не своим голосом позвал на помощь. Охранник (а это был никто иной как Ваня Тургенев) уже бежал и подоспел почти вовремя, и несколькими ударами граблей раскроил собаке череп, а потом добил. Господин Юртасов был спасен, у него пострадали только дорогие брюки, Катенька Свиридова отделалась очень сильным испугом и оба они были бесконечно благодарны отважному охраннику, но возникала одна проблема – собачий труп. Тургенев сказал, что эту собаку он знает, ее хозяин – какой-то крупный чиновник из министерства спорта и туризма, чей двухэтажный особняк располагается тут неподалеку. И в подтверждении его слов на телефон охраны раздался звонок как раз от того самого чиновника, который доложил Тургеневу, что его пес породы немецкая овчарка сорвался с цепи и убежал на территорию фабрики. Чиновник уже подходит к проходной и просил разрешения пройти на территорию и вернуть своего верного пса. Тургенев, вытаращив глаза на труп собаки, ответил чиновнику, что никакая живность на территорию фабрики не проникала, с чем чиновник не согласился и сказал, что ему передали что его пес именно на фабрике. Кто-то из его знакомых видители заметил, как псина пробежала через ворота.

Связываться с чиновником из министерства спорта и туризма никому не хотелось, ни Юртасову, ни, тем более Тур-

геневу и потому они оба взяли пса за лапы и быстро отнесли в кочегарку к Аркадьичу. Приказ от Юртасова был лаконичен: «Избавиться от псины за пять минут! И что бы ни капли крови!» После некоторых препирательств на проходной, где Тургенев никак не пропускал чиновника на территорию фабрики, утверждая, что тот ошибается и никакой собаки на фабрике нет, чиновника все-таки пропустили. «Вальц! Вальц!! – безответно звал чиновник из министерства спорта и туризма своего верного четвероногого друга. – Ва-а-алц, мальчик мой! Иди ко мне, Вальц! Ко мне, Вальц!» Он искал пропавшего пса до вечера, облазил все углы и закоулки. Осмотрел все контейнеры и мусорки, все ямы и кусты, среди прочего и заглянул в кочегарку от куда, как ему показалось, слышался запах паленой шерсти. Аркадьич как раз домывал керхером пол. Заподозривший неладное чиновник долго осматривал кочегарку, присматривался к мокрому полу и к самому кочегару, задавал вопросы и грозился вызвать полицию. Аркадьич в свойственной ему манере посылал постороннего человека куда подальше, утверждая, что никакой собаки в глаза не видел. К тому времени когда вызванные чиновником полицейские приехали на фабрику, запах давно уже выветрился и рабочий день закончился. Полиция для приличия тоже немного поискала пропавшего пса, но створку раскаленной топки кочегарки открывать не стала, да к тому времени от собаки даже и угольков уже не оставалось. Дело закончилось так и не начавшись, пес будто испарился, а

Аркадьичу и Тургеневу за оказанную помощь выписали денежную премию.

Лева Нилепин зябко передернул плечами, его начинал прошибать озноб, причиной которого была не только зимняя метель, но и сильнейший пережитый стресс, от которого он еще не скоро отойдет. Теперь лишь бы все было тихо. Ведь пропал несколько месяцев назад без вести сварщик Коля Авдотьев, пропал и никто толком не занимался его поиском. И Август Дмитриев так же пропал и все. Мало ли где куда он запропастился. Его вообще сегодня не было в цеху, он сказал супруге, что поедет к своему товарищу ремонтировать автомобиль, вот пусть его товарищ и объясняется со следователями, а они – Нилепин и Пятипальцев его вообще сегодня не видели (надо будет прямо сейчас найти Степу Коломенского и предупредить об этом). То, что на проходной отразился электронный пропуск Дмитриева – какая-то ошибка. Они вдвоем передвигали фрезерный станок, а током ударило... Пятипальцева. А Нилепин предупреждал его, чтобы не лез в щиток без электрика. А он полез. Хорошо, что разряд вошел в изолированную отвертку, а иначе бы Юру Пятипальцева могло бы вообще убить.

Этот план предложил Нилепин, Пятипальцев не стал возражать, надо будет только взять из раздевалки верхнюю одежду Дмитриева и тоже уничтожить ее в огне. Но вот вопрос с деньгами остался открытым, как откупиться от Аркадьича никто их них пока не представлял и перебирал в

уме различные варианты в числе которых было взятие кредита в офисе микрофинансирования. Пятипальцев предложил выпить вишневого виски, но прежде чем Нилепин успел отказаться, они оба увидели как из стоящей неподалеку будки охранника буквально вывалился Петя Эорнидян и с надсадным воем упал лицом в сугроб. Друзья, оставив собачий ошейник на одной из картонок, вмиг подскочили к нему, стали тормозить, но Эорнидян огрызнулся на них, прогонял и повторял: «Убью! Убью!»

– Он не в себе? – заключил Пятипальцев.

– Почему? Чего это с ним? – не понимал Нилепин, пытаюсь хотя бы перевернуть Эорнидяна на спину, но охранник отмахивался и зло ругался. Он определенно не понимал кто склонился над ним, не хотел никого видеть и агрессивно отстранял любое проявление помощи. Он плакал и скалил зубы, его глаза были сильно сжаты, а лицо угрожающе краснело. Сквозь сжатые и скрежещущие зубы проступала пена.

– Я не знаю, – ответил Пятипальцев. – Похоже на какой-то припадок.

– Ему надо помочь! Надо вызвать «Скорики»!

– Ты что! Ополоумел? Какие «скорики»! Аркадьич еще не прибрался в кочегарке!

Эорнидян стал махать руками и кричать: «Убью! Убью!», а когда Пятипальцев с Нилепиным постарались отнести его хотя бы в теплую будку, Эорнидян ударил бородатого рабочего сперва в глаз, а потом под дых. Пятипальцев был слыш-

ком крепок и могуч, чтобы такие удары произвели на него большой эффект, и он только отпустил Эорнидяна, дав ему возможность упасть на пол будке, где уже был полнейший беспорядок. Рыча и пуская пену, Эорнидян схватил с пола чайную ложку и попытался зарезать ее рукояткой Нилепина. Началась потасовка в результате которой вся троица вновь вывалилась на снег, Эорнидян продолжал кричать: «Убью! Убью!», обращаясь, судя по всему совсем ни к двум своим знакомым, а к кому-то еще, кто не присутствовал среди них.

Охранник бешено махал руками и, наконец, упал на снег. Не контролируя свои действия, он бил по снегу, царапал под ним ледяную корку и грозился кого-то убить. Нилепин с Пятипальцевым не знали, что делать, они уже всерьез боялись приближаться к неадекватному охраннику. Они стали искать во внутреннем убранстве будки что-то чем можно было бы утихомирить разбушевавшегося друга, может быть крепкая веревка или материя, чтобы можно было его связать. Но вдруг Пятипальцев толкнул Нилепина в бок и кивком указал на ключницу со множеством висящих на гвоздиках ключами. У Эорнидяна как и у любого нормального охранника всегда хранились ключи от всех цеховых кабинетов, складов, компрессорных и так далее. Каждое утро, получая ключ, ответственные люди расписываются за него, а вечером ключ возвращают и на этот раз за получение расписывается уже охранник. И так каждый день. С собой домой ключи уносить нельзя, если кто-то его не возвращает – охранник не отпу-

стит.

Среди различных ключиков Пятипальцев выделил один – на гвоздике под наклеенной бумажкой с надписью «Завпродиз». Константин Олегович единственный человек на предприятии, кто мог носить ключи от своего кабинета с собой постоянно, но тем не менее на вахте всегда имелся запасной дубликат.

– Ключ от кабинета Соломонова, – голосом, пониженным почти до шепота, пояснил Пятипальцев.

– Ну и что? – не понял Нилепин.

– А то! – Юра бросил взгляд на корчившегося в снегу охранника. – Берем его, пока Петька не в себе.

– Зачем?

– Как зачем, братан?! – воскликнул Пятипальцев и испугавшись собственного голоса, вновь перешел на шепет. – Как зачем? У него в кабинете есть деньги.

И бородатый наладчик станков Юра Пятипальцев объяснил своему юному коллеге, что в кабинете Соломонова в сейфе лежит завтрашняя зарплата для рабочих. Полный сейф денег. Быстро смекнувший о затее Пятипальцева, Лева Нилепин ответил, что сейф должен быть заперт, на что Юра, в свою очередь, парировал сомнения товарища тем, что им не нужно открывать сейф в кабинете. Значительно проще просто вынести сейф из кабинета целиком и вскрыть его в каком-нибудь уединенном месте, для чего им вполне пригодится дисковая пила, которая есть в слесарке. Вскрыв сейф

и выпотрошив его, они увезут его с собой за пределы фабрики и избавятся. Нужной суммой денег расплатятся с Аркадьичем, а остальное... Да неужели они не смогут придумать применение деньгам.

Нилепин, как и любой нормальный человек, засомневался, но не на долго. У них появился шанс благополучно выйти сухими из воды, да еще и как следует поиметь с этого. Рискованно, конечно, но Нилепин быстро решился. Сняв ключик с гвоздика и оставив бешенного охранника колотить и кусать сугробы парочка вернулась в цех и трусцой побежала в противоположный участок. Себя Лева чувствовал будто героем приключенческого боевика, ключик горел в его сжатом кулаке.

Но вдруг они с Пятипальцевым резко остановились потому что внезапно налетели на тех трех рабочих вентиляционных систем, что уже встречались им ранее. Те тоже никак не ожидали кого-бы ни было увидеть. Тот что повыше и с черной шапочкой на голове целился из крупного увесистого пистолета прямо в лицо привлекательному круглолицыму с усиками и видеокамерой на лбу. Третий, тот что ничем не выделялся, держал в полиэтиленовом пакете что-то непонятное, но знакомое по очертаниям. Он был бледен и едва стоял на ногах, левой ладони у него просто-напросто не было.

Пять человек вылупились друг на друга.

– Э... Здорово еще раз... – пробормотал Пятипалецев.

– Здорово... – ответил парень в шапочке, не убирая пи-

столета.

– А вы... че... это...

– Мы? – красавчик с усиками попытался улыбнуться. – Да мы это... ничего... так просто...

– А... мы тоже ниче так... Нашли главного? – глупо спросил Лева.

– Главного? – вздрогнул тот, что с пистолетом. – А! Да-да, нашли... нашли... А че?

– Че, правда, нашли? – встрепенулся Нилепин. – Где? В кабинете?

– Э... Нет, по правде сказать, мы его не нашли. Мы... позвонили по телефону.

– А! Вот как... Слава богу...

– А че?

– Да ниче. – Пятипальцев кивнул на оружие. – А это че у вас? Пушка, да?

– Это? Да какая же это пушка, ты че? Это просто... зажигалка. Да, я вот показывал моему уважаемому корешу, как она работает. Только она не работает, потому что газ кончился... Кончился газ и она не работает, а вы подумали, что это пистолет? Да, похож на пистолет. Но это не пистолет, совсем нет.

– А... ну понятно. Мы так и поняли.

– А вы куда несетесь? – спросил усатенький.

– Мы-то... да никуда.

– Понятно. Ну счастливо.

– Счастливо. Удачи.

И они оставили друг друга.

09:33 – 09:45

В настоящем мире, в мире где правят законы химии, физики, математики, в мире где пребывало тело мастерицы заготовительного участка, где она жила и неумолимо старела, ее окружали деревообрабатывающие станки и поддоны с готовыми межкомнатными дверьми разных серий, включая новую линейку дверей для бань и саун, сделанных из чистого деревянного бруса, обшитые деревянными же панелями без использования лака. Это был мир станков и оборудования, деталей и трубопроводов, кабелей, поддонов, древесной стружки, цеховых металлоконструкций и высоких окон в мелкую квадратную рамку. Окна были очень пыльные изнутри и очень грязными снаружи, дневной свет они пропускали, но видимость была далеко не такая четкая как хотелось бы. К тому же окна располагались на высоте двух метров и выше, в них было видно только блеклое небо и снег-снег. В этом реальном мире откуда Люба Кротова добровольно и осознанно вышла в, как ей казалось, мир промежуточный между этим и потустороннем миром мертвых, за окном мела метель, природой правил антициклон. Но то было где-то в другом измерении, где от Любови Романовны осталась ее физическая оболочка. Дышащая, смотрящая, сидящая на корточках перед кругом кроваво-алых свечей, про-

должающая автоматически выполнять ритуальные действия. Наладив контакт со своей давно погибшей подружкой Анюшей, Люба Кротова истинно полагала, что ей удалось заглянуть за занавес, отделяющий ее мир от мира мертвых или, по крайней мере, войти в некий тамбур, в предбанник. Звучит, конечно, невероятно, но тем не менее факт остается фактом, как бы к нему не относились – связь с умершим человеком есть! Контакт налажен! И еще какой контакт! Иные силы, к числу которых причислялся и дух умершей Анюши, по каким-то своим причинам в качестве связующего звена выбрали кромкооблицовочный станок. Почему? Люба отбросила рассуждения на эту тему. Значит так надо.

Кротова была в религиозном трансе. Она всецело отстранилась от цеха, от трудовой обстановки, не замечая никаких раздающихся то тут то там звуков, человеческих речей и ударов. Все это было, но Люба этого не видела и не слышала ничего, кроме только одного завораживающего и сверхъестественного голоса, звучащего одновременно пленительно и отталкивающе. Это голос, которым Анюша общалась с Любой, а Люба с Анюшей. Две давние подруги детства, только одна давно умерла. Люба слышала только этот голос и тоннельным зрением видела только генерирующий этот голос шестиметровый двухтонный кромкооблицовочный станок фирмы «Filato» с постоянно поднятой крышкой-дверью, чтобы работницам и наладчику было проще его обслуживать. Голос Анюши беседовал с Любой Кротовой, убеж-

дал ее, призывал к разуму и покорности судьбе. Как можно мягче и ласковей Анюша советовала Любе воздержаться от неразумных действий, за которые ей неминуемо воздасться. Анюша говорила, что у каждого человека своя судьба и не следует пытаться поменять замыслы Божьи. Если, говорил голос, Богу не угодно изменить мироустройство в пользу Любы и сделать так, чтобы исполнилась ее давняя мечта и ее назначили заведующей производством фабрики, значит у него на нее иные планы, а у нее в этой жизни другое предназначение. На вопрос: «Какое-же, Анюшенька?», потусторонний голос, немного помолчав, ответил: «Предназначение женщины быть любящей и любимой матерью и женой...»

От этой недосказанной фразы у Кротовой началась истерика, она завывала, размазывая горячие слезы по бледному лицу. В порыве отчаяния Люба случайно опрокинула одну из горящих красных свечей и обожглась о растопленный воск. Упав, свеча погасла, а испытав боль в ладони, Люба будто проснулась и ошарашенно завертела головой. Господи, где она? Ах, ну конечно, она же в цеху! Как странно... Вокруг, вроде, никого нет... Станки на своих местах, ничего не поменялось. Потирая обожжённое запястье и зажигая потухшую свечу от другой, Кротова услышала прямо над собой какой-то шорох. Она захлопала глазами и потерла их руками, вытирая слезы и заново привыкая к фабричной обстановке, еще не до конца придя в себя. Как долго она так сидит? Ей казалось, что целый день, у нее затекли ноги и шея. Шорох

повторился. Голос Анюши еще что-то говорил из недр волшебного кромкооблицовочного станка, но этот шорох показался Кротовой слишком реальным и отвлекающим, по своей ирритации его можно было сравнить с комариным писком в филармонии. Женщина невольно приподняла взгляд карих глаз вверх и чуть в право.

Одна из квадратных железобетонных колонн, поддерживающих свод крыши, многочисленные замысловато изогнутые стальные конструкции, предназначенные для определенных архитектурных требований, местами лежащая на них, местами подвешенная на металлических ремешках алюминиевая вентиляционная труба метрового диаметра, идущая по всему цеховому потолку и уходящая наружу в вентиляционную камеру с насосами. К ней как притоки рек, присоединены другие алюминиевые трубы, а к тем – еще более узкие, идущие уже непосредственно от станков, соединенных с ними гибкими гофрошлангами. Вся эта система вентиляции имела в своей основе схожесть с кровеносной системой живого организма с ее артериями и капиллярами.

Тихий шорох вновь повторился, сверху посыпалась горсть многолетней пыли. Не заметить этого было нельзя. Люба зацепилась взглядом за кое-что странное. Она бы не заостряла на этом внимание и вернулась к душещипательной беседе с мертвой девушкой Анюшей, если бы замеченное ею наверху так резко не контрастировало бы с привычной логикой, всегда шепчущей и Любе и другим, что под потолком среди

железных конструкций и пыльных вентиляционных труб не может ничего шевелиться.

Туда не могла залететь птица с улицы, они не залетают в цех, туда не мог забраться местный кот, для него это было слишком высоко, да и что ему там делать? Но замеченный Любой объект успел сделать в полумраке едва уловимое движение и просыпать вниз порцию пыли. Кротова это заметила и долго присматривалась не веря своим глазам – под самым потолком сидело нечто скрюченное. Как будто в одежде... Как жаль, что общий свет выключен, создание сидело неподалеку от выключенного прожектора. Если бы Люба сейчас-же велючила свет, то шевелящийся объект вмиг осветился бы в мощном свете сильной лампы, но до электрического щитка было пара десятков метров, а Люба боялась даже шелохнуться, она только бросала жадный взгляд на шиток и досадовала о том, что не может растягивать руки как резину.

– Господи Боже мой! – вырвалось у Любы. Наверху в тени металлоконструкций было какое-то отвратительное человекоподобное существо, одетое в тряпки, годными разве только для мытья полов. Объект был криволап, худые ноги сложены в коленях, а сами острые колени торчали из разодранных и грязных штанин. Скрюченная фигура напоминала скорее примата, чем человека разумного. В нем было много общего с гиббоном, но лицо было все-таки человеческим, хоть и вызывающе некрасивым. Давно нестриженные взлох-

маченные патлы, закрывающие уши и низкий лоб, глубоко спрятанные за густыми кустистыми бровями глазки, поросшее неопределенного цвета щетиной лицо на маленьком лице с втянутыми губами. Существо сидело на металлической конструкции возле одного из ответвлений на одной из вентиляционных труб. Некогда к этому месту была прикреплена другая труба, соединенная гофрированным шлангом с каким-то ранее стоящим тут станком. Станок давно передвинули, специально приглашенные монтажники с альпинистским снаряжением забирались наверх, чтобы обрезать вентиляционную систему и закрыть ее, поставив заглушку. Существо сняло заглушку и как будто, прежде чем быть обнаруженным, что-то делало с образовавшимся отверстием в трубе. Логично было бы предположить, что тварь вылезла из трубы, но круглое отверстие было диаметром около двадцати сантиметров – слишком мало даже для такого создания как это.

Люба завизжала, но тут же закрыла ротик ладонью.

Кто это такой? Это какой-то леший? Домовой? Зомби? Кто это? Кротова испугалась и не могла подобрать этому существу определение. Откуда он взялся и как там возник? Не иначе как материализовался из воздуха... Из потустороннего мира! Да! А откуда еще, если не из того же параллельного мира где пребывала сейчас душа убиенной рабыни Божьей Анны? Только Анюша по всем понятиям не могла быть в одном мире с этой гадкой тварью, сфера ее пребывания должна

называться раем или еще как-то так. А существо выпрыгнуло не иначе как из ада.

Скрюченная фигура сидела и смотрела на Любу Кротову.

– Ты... Ты кто? – с огромным трудом пролепетала Кротова, роняя древние фолианты и свечи и вжимаясь спиной в тень между поддонами с упакованными для склада дверьми. Лихорадка страха перед неведомым существом сковала ее конечности и заставила сердце биться так сильно, как никогда в жизни. Женщина была близка к обмороку. – Кто ты? – шептали ее дрожащие губы.

– Это же я, – хоть и не сразу, но ответил поганый гомункулус шелестящим как волочащаяся по земле тряпка. – Любонька, ты что-же, не узнаешь меня?

Но Кротова и не помышляла копаться в глубинах памяти и сопоставлять знакомые лица с этим грязным чертом в старых ветхих тряпках, свойственная скорее блуждающим под открытым небом зомби.

– Кто ты? – с надрывным ужасом переспросила мастерица, почти полностью вжавшись в темный угол между поддонами.

– Коля, – ответило существо под потолком. – Я Коля Авдотьев.

Любо громко всхлипнула и схватилась за сердце. Ей это мерещится? Она галлюцинирует? Чертик сказал, что он Авдотьев? Но этот человек умер. Кротова не помнила точно, когда именно, то-ли непосредственно перед ноябрьским днем единства народов России, то-ли в первые дни после

празднования. Говорили, что он отравился денатуратом или каким-то паленым коньяком. Люба Кротова, разумеется, знала Николая Авдотьева при его жизни. Это был маленький жалкий старикашка, ничего не умеющий кроме работы со сварочным аппаратом. Кротова никогда не интересовалась этим человеком и не только потому, что Авдотьев работал не под ее началом (он был в подчинении другого мастера – Вадима Образцова), но еще и потому, что один его внешний вид и тошнотворный запах отталкивали от себя любого потенциального собеседника. Откровенно говоря, Люба не часто контактировала с Авдотьевым и не сильно-то переживала, узнав после ноябрьских выходных, что тот самый криво-рукий сварщик Коля больше не выйдет на работу по причине его отравления. Старик пропал без вести и, говорят, его тело занесено снегом где-то в лесопосадках. Был Авдотьев и нет Авдотьева, от его отсутствия в цеху нечего не изменилось, тем более на участке Любы Кротовой. Редкими сварочными работами временно занимался кто-то другой, а кто именно, Кротова даже и не знала.

И вот теперь спустя больше чем целую зиму она видит под цеховым потолком какого-то отвратительного монстрика с руками будто ветки, который утверждает, что он воскресший из мертвых Николай Авдотьев. Что должна подумать Люба? Как она должна реагировать? Сначала разговаривающий человеческим голосом станок, теперь вот этот домовый. «Я сошла с ума», – предположила Кротова и даже облегченно вы-

дохнула. Все очень просто. Но тут в памяти возникла видеозапись, сделанная охранником Ваней Тургеневым. Мелкое кривоногое существо, скрывающееся в темноте. Ваня признавался Любе, что при ночном обходе цеха видел призрака, который возникал из ниоткуда и исчезал в никуда.

– Где Анюша? – слабым голосом спросила Кротова у кривоногого призрака Коли Авдотьева, но тот не ответил. Кротова задала этот вопрос еще раз, но уже с твердой ноткой настойчивости. – Где Анюша? Я вызывала ее, а не тебя.

Тот, который представился Авдотьевым Колей, отрицательно покачал головой и неловким движением корпуса сбил вниз немного пыли.

И это короткое движение его кривого туловища дало Кротовой некий толчок. Он сбил пыль! Эта мерзость в получеловеческом облики сбивает пыль. Кому-то показалось бы, что в этом нет ничего сверхъестественного, но только не Любе Кротовой. До нее вдруг дошел очевидный факт – если леший сбивает пыль с металлических конструкций на которых сидит будто обезьяна в джунглях, значит он материален. Вещественен! Люба зажмурилась. На как такое может быть? Мертвец? Восставший из-под снега труп? Она распахнула глаза и собрала в себе остатки мужества. Вытерла слезы, встала и швырнула в зомби моток лежащей на упаковочном станке скотча. Скотч угодил монстрику в ногу. Тот встрепнулся.

Тогда, осмелев, Кротова стала действовать решительнее.

Она рванулась с места и побежала к находящемуся совсем рядом помещению с намалеванными на двери словами: «Компрессорная. Отв. Коломенский С.М.» Дверь никогда не запиралась, главный инженер давно потерял весь комплект ключей от врезного замка, а навесной не вешал, считая это излишним, ведь кроме трех компрессоров в помещении не было больше ничего. Ворвавшись в тесную компрессорную, Кротова подошла к главному пульту и нажала ряд кнопок и включила тумблер. Большие бочкообразные компрессора вздрогнули, задрожали, затрещали, нагнетая давление в шлангах и трубах. В цеху раздался свистящий звук наполняемых воздухом трубопроводов, на некоторых станках поднялись кое-какие механизмы. После этого мастерица Кротова отошла в соседнее помещение, служащее складом расходного материала и некоторого оборудования. У нее как у мастера были ключи от замка. Не теряя все еще сидящее под потолком существо из вида, Люба вошла на склад и огляделась: полки и этажерки с различными запчастями для станков, назначение которых знала завскладом Галя Марцевич и механики-ремонтники, а под ногами среди различного выдаваемого под роспись материала лежали некоторые рабочие инструменты, применяемые по необходимости – бензопила, электродрели, тот же самый сварочный аппарат с коробкой стержней, дисковые пилы и прочее, включая два пневмомолотка для сбивания поддонов. Их еще называют гвоздезабивные пистолеты. Один старый со спусковым механиз-

мом, другой поновее – с режимом работы по прижатию, когда пистолет срабатывает от удара «дулом» по поверхности в которую требуется забить гвоздь. Люба выбрала старый, со спусковым крючком как у настоящего пистолета. Выбегая со склада она на ходу заряжала в кассету обойму 64-миллиметровых гвоздей и шептала пересохшими губами: «Ну сейчас ты у меня получишь, Коля, сука, Авдотьев!»

Когда она возвратилась к двадцати двум кроваво-алым свечам, человек все еще был на том же месте. Подойдя к кромкооблицовочному станку, который совсем недавно от лица погибшей девушки Анюши разговаривал с Любой Кротовой о божьих замыслах и о жгучем любвином желании занять место заведующего производством, маленькая женщина отстегнула от пневмошлага продувочный пистолет, которым рабочие-станочники обдували станок от пыли и стружек и пристегнула на его место принесенный пневмомолоток, уже заряженный гвоздями. Потом прицелилась в фигуру и нажала на курок. Пневмомолоток в ее руках хлопнул, отдача ударила по рукам. Люба не видела и не могла видеть вылетевший гвоздь – только резкий звонкий стук гвоздя о металлоконструкцию на которой сидел тот, который назвал себя Колей Авдотьевым. Не меняя позицию, Люба выстрелила еще дважды – ХЛОП! ХЛОП! Один гвоздь срикошетил от металлоконструкции совсем рядом с человеком, следующий пробил вентиляционную трубу и влетел в нее по самую шляпку.

ХЛОП! Гвоздь чиркнул у самых ног человека-черта. Вот тогда тот всполошился и принялся метаться под потолком, хаотично перепрыгивая по металлическим конструкциям. Люба не спускала с него нацеленного пневмомолота – ХЛОП! ХЛОП! Гвозди чиркали в непосредственной близости от всполошившегося существа, они вонзались в трубу, высекали искры на металле, делали выбоины на бетонных плитах и колоннах. Тот который назвал себя Авдотьевым едва успевал увертываться. ХЛОП! ХЛОП! Искра прямо за его спиной. ХЛОП! Кротова не унималась, нажимая на курок и вертясь вслед за существом. ХЛОП! Гвоздь пришил рукав беглеца к бетонной колонне, но маленькая криволапая тварь не пожалела одежду и просто разорвала ее.

ХЛОП! ХЛОП! ХЛОП! – стучал пневмомолот в руках мастерицы Кротовой. Гвозди вылетали один за другим, но, все-таки этот инструмент не был предназначен для прицельной стрельбы, его задачей было одним нажатием спускового рычажка вбивать 64-миллиметровый гвоздь в поддон или другую деревянную поверхность сразу на всю длину. ХЛОП! Авдотьев едва не срывался сверху на пол, но все-таки каким-то чудом удерживался на опасной высоте и перебирая длинными обезьяньими руками перемещал свое тело подальше от стрелка. ХЛОП! ХЛОП! Люба не отставала, шаг за шагом она преследовала Колю Авдотьева. Иногда приближаясь к нему так близко, что не попасть было просто невозможно, но всегда удача оказывалась на стороне го-

нимого. ХЛОП! ХЛОП! ХЛОП! Сколько гвоздей умещается в обойме? Не прекращая стрелять, преследовательница шагала вслед за грязным созданием и вдруг остановилась. Шланг пистолета вытянулся на всю длину, дальше она идти не могла. Для продолжения преследования, она должна, во-первых, вставить новую партию гвоздей (их осталось всего четыре), а во-вторых отстегнуть пневмомолоток от кромкооблицовочного станка и пристегнуть его в другое место, ближе к убегающему. На это не было времени. Сконцентрировавшись, Люба Кротова постаралась унять гудящие от отдачи руки, совладать с дыханием и прицелиться как следует. Кажется, она начинала понимать, как ведут себя выпущенные гвозди, по какой траектории летят. Вытянув руки вперед и взяв на прицел скрывающегося под потолком Авдотьева Люба нажала на курок.

ХЛОП! Мимо.

ХЛОП! ХЛОП! Один гвоздь вбил квадратный сегмент окна, заставив его растрескаться. Второй отскочил от металлоконструкции и с мелодичным звоном упал на пол.

ХЛОП! Последний выстрел.

Создание дернулось, его движения потеряли целенаправленность и оно все-таки упало вниз за автопогрузчик. Люба отбросила сделавший свое дело пневмомолоток и схватила березовый брусок. Но когда с бруском на перевес она забежала за автопогрузчик, то никакого грязного оборванного человекоподобного существа не обнаружила, зато натолкну-

лась на что-то более шокирующее.

Брусок выпал из ее рук и громко заколотился об бетонный пол.

Перед Любой Кротовой навзничь лежал захлебнувшийся на смерть своими же рвотными массами заведующий производством Константин Олегович Соломонов. Именно тот, чьей смерти в глубине души так хотела Люба Кротова, чье место она многие годы так стремилась занять. О ком она разговаривала с духом своей мертвой подруге Анюши.

Мир поплыл перед глазами Кротовой. Поплыл, закрутился, померк. Люба лишилась чувств и упала на пол между трупом Соломонова, березовым бруском и автопогрузчиком.

09:34 – 09:45

Кое-кто в цеху за глаза называл Зинаиду Сферину «пышечкой», а иные – «плюшечкой». Все дело в ее округлых формах. Она относилась к этому спокойно, а порой, глядя на некоторых молоденький работниц с минимальными размерами, Зинаида Зиновьевна испытывала даже гордость. Несмотря на большие размеры, Зинаиду язык не поднимался называть толстой или здоровенной. Совсем нет. Все ее размеры были гармоничны. Грудь, несмотря на большие размеры, никто не называл коровьим выменем, а попу – лошадиным крупом. Про таких как Сферина обычно говорят «аппетитные формы». Короче говоря, она не обижалась на «пышечку», зато сама, глядя сейчас в окно мужской раздевал-

ки и попивая маленькими глоточками горячий крепкий чай, могла твердо наречь охранника Эорнидяна «психом».

Из окна было прекрасно видно фабричную проходную с будкой охранника и даже сильная метель не заслоняла в бешенстве корчившегося на снегу охранника. Что-то с ним было ни в порядке и, преспокойно прихлебывая ароматный чай, Зинаида Зиновьевна могла с точностью ответить на вопрос: «что?». Голова у него была не в порядке. Сферина давно уже подозревала что молодой охранник Петя Эорнидян какой-то не такой, было в нем что-то... ненормальное. Как будто клинического психопата напичкали успокаивающими лекарствами, действие которых рано или поздно должно было закончиться. И вот – пожалуйста!

Сферина сделала маленький глоток черного чая, она всегда пила чай черный из плоской чашечки, но тут в раздевалке у мужиков плоских чашечек не было, она взяла чей-то чистый бокал с сердечком и загадочными символами – вертикальная палочка, сердечко и две русские буквы: «М» и «Е». А под окном в ледяной метели бушевал охранник Эорнидян. Он бил кулаками сугробы, пинал снег, махал руками и метался, обрушивая внутреннее злость на стойки ворот, кусты, стопку пустых поддонов, урну, он громил курилку, кричал то-ли «Убью! Убью!», то-ли «Люблю! Люблю!». Сферина только тихо посмеивалась и достав айфон, снимала происходящее на камеру. Будет что показать завтра подружкам.

Жаль только, что Зина не видела с чего все началось, ей

было любопытно что явилось причиной припадка Эорнидяна, с чего это тихий и замкнутый мальчик так рассвирепел, что даже потерял связь с реальностью и в безумном состоянии колотит какой-то доской фонарный столб. Когда Сферина взглянула в окно, от корчившегося на снегу охранника как будто отошли двое мужчин, одного из которых она узнала – наладчик станков Юрка Пятипальцев. Мужик в теле, именно такой какие Зине нравятся. Руки волосистые, борода, наверняка и грудь покрыта кудряшками, зато лысеет, что говорит о высоком тестостероне. Пятипальцев был бы идеальным пихарем, но Сферина не рискнула заводить отношения с человеком, предпочитающим наносить сам себе раны и синяки. А вот кто это был с ним в незнакомой красной курточке с надписью «Фрунзенская птицефабрика №1»? По габаритам юноша очень походил на разыскиваемого ею Леву Нилепина, но у того никогда не было такой курточки, в цеху он переодевался в ту же самую фирменную форму, что Пятипальцев и все остальные, включая и саму Зинаиду Зиновьевну.

Женщина сделала еще глоток чая. Может вызвать «неотложку»? Эорнидян под ее окном совсем вышел из себя, он бил кулаками ветер. Но если с охранником случился какой-то страшный припадок, то почему Пятипальцев со своим дружком в красной курточке оставили его одного и ушли в цех? Они-то вызвали «Скорую» или нет?

Тем временем Петя Эорнидян, насуплено ругаясь, зашел

в свою будку, захлопнул дверь и больше не появлялся. Все, концерт окончен. «Ладно, – подумала Зинаида, – дождусь Юрку здесь, он сейчас зайдет. Вот я и спрошу, что с охранником и где Лева Нилепин. Какой чай вкусный у мужиков, почему я не покупаю высокогорный? Вечно я экономлю».

09:35 – 09:40

– Хорошо! – заключил он и сделал несколько снимков кубического шлифовального станка. Но вскоре, когда от шлифовального станка он отошел немного в сторону, где, как он знал, был вход на лакокрасочный участок, он наткнулся на то от чего он в миг позабыл о своем шпионском задании. Прямо перед ним висел человек.

Никита оцепенел и смотрел на висельника округлившиеся глазищами, потом, сделав снимок на планшет. Автоматически он отослал снимок на «Вайбер» и сразу же вздрогнул от телефонного звонка.

– Это что за шутки, Никитос? – грубо рявкнул начальник отдела развития Владимир Нильсен.

– Это ни шутки, Владимир Андреевич, – мертвецким голосом ответил Вайнштейн, не в силах отвести взгляд от висельника.

– То-есть перед тобой повешенный человек? Никитос, не пугай меня, мне нельзя нервничать, у меня гипертония. Скажи, что это кукла.

– Не скажу.

– Сфотографируй лицо, – приказал Нильсен. Вайнштейн выполнил его указание и отправил на «Вайбер». Нильсен перезвонил через несколько секунд: – Если ты меня разыгрываешь – тебе больше с нами не работать.

– Я вас не разыгрываю, – Никита Вайнштейн начинал терять терпение.

– Это Степка. Степка Коломенский, главный инженер. Значит так... Слушай меня внимательно, повторять я не буду. Я не знаю, что там случилось, об этом мы узнаем из новостей, а ты даже не пытайся выяснить. Ноги в руки – и вали оттуда. И не вздумай наследить, тебя там нет и никогда не было. Ясно?

– Более чем, – Вайнштейн смотрел на закатанные глаза мертвеца.

– Переписку по «Вайберу» удали немедленно, – продолжал Нильсен. – Эти фотки посмотрели весь совет директоров, сейчас тут такое начинается... Сейчас тебе будут называть наши шефы, но ты поставь телефон на бесшумный режим и никому не отвечай. Сейчас у тебя основная задача – свалить оттуда как можно незаметней. Звонки будут тебя отвлекать и ты можешь запалиться. Связь будешь поддерживать только со мной, звони только мне.

09:35 – 09:36

«Блин! Я его чуть не грохнул! Я уже нажимал на курок!» – скрипел зубами Точило и презрительно косился на своего

компаньона с пижонскими усиками как у какого-нибудь антрепренера из старого кабаре. Между ними произошло то, чего Точило ожидал с самого начала, когда их стопы перешагнули порог этой чертовой фабрики – они не поделили первенство, они разругались, они возненавидели друг друга. Точило догадывался, что этот хитрый пройдоха Брюквин будет думать только о себе любимом, только о том, как он будет выглядеть в глазах интернет-зрителей. О своей безупречно чистой и отглаженной одежде, о своей прическе из которой под воздействием большого количества лака не мог пробиться ни единый волосок, о своих фраерских усиках, о белоснежных зубах. Он старается выглядеть безукоризненно, он стремится быть лучшим из лучших. Это изначально вызывало у Точилы легкую неприязнь, а теперь сильнейшим образом раздражало и бесило. Брюквин то и дело поправлял на лбу видеорегистратор, постоянно отвлекался чтобы выбрать более, с его точки зрения, выгодный ракурс. Этот клоун снимает фильм! Боевик с реальными событиями, где он – Женья Брюквин – центральный герой, первое лицо, самый знаменитый налетчик! Он хочет показать всему миру свое превосходство. Бесит! Как же он бесит Точилу, даже еще сильнее чем их третий соучастник – Максимилиан Громовержец, которого Точило считал просто самым обыкновенным шизофренником. Угораздило же его – уголовника, члена местной организованной преступной группировки, вора и грабителя – связаться с этими двумя чмошниками. А ведь преду-

преждала его братва – они оба из дурдома, у них диагнозы.

А теперь – пожалуйста!

Что они имеют? Ни черта собачьего! Они ложатся и косячат! Они втроем ведут себя как редкостные недоумки! Да что там скромничать – они и есть самые настоящие недоумки! Трое растяп и Точило один из них. А красавчик Брюквин не перестает повторять свою долбанную мантру о том, что все у них получится, что еще не все потеряно, что деньги где-то здесь в цеху и их надо только найти, а точнее – найти заведующего производством и главного бухгалтера. У них деньги. Их надо отыскать, поймать и грабануть. Всего-то!

После каждого очередного косяка Брюквин с необъяснимым терпением сносил удары дурацкой судьбы и говорил, что сотрет записанное на камеру. Сотрет все что у них не получалось, оставит только самые лучшие моменты, которые и выложит в интернет, выставив всех троих настоящими тарантиновскими супергероями. «Много же тебе придется стирать, пожалуй, что все. А оставлять пока вообще нечего», – думал Точило, который был категорически против видеосъемки. Зачем рисоваться? Неужели Брюквин пребывает в абсолютной уверенности, что, засветив свое лицо в интернете он станет героем? Да его повяжут в тот же день! И его самого и его компаньонов. Судьба Максимилиана Громовержца, что отсек сам себе ладонь, Точиле была совершенно безразлична, но его немного беспокоила свое собственное будущее. Но отговорить Брюквина от видеосъемки он не сумел,

поэтому лелеял в себе надежду, что после выполнения дела самостоятельно немного вмешается в брюквинские планы и преждевременно уничтожит видеокамеру. Брюквин его, разумеется, за это по головке не погладит, но Точилу это не заботило, потому что вместе с видеокамерой, он планировал избавиться и от самого его самовлюбленного обладателя.

Последней каплей, переполнившую чашу точилинского терпения, стало то, что после того как Максимилиан Громоваержец отрубил свою руку своим же римским мечом, Женя Брюквин так и не отступил от стремления поймать неуловимое фабричное начальство. Он сказал что-то типа: «Лохонулись и ладно, бывает. Сейчас соберемся и точно найдем этих двоих с деньгами».

– Женя! – почти кричал на него Точило. – Женя, опомнись! Какое бабло? У нас ни хрена не получается, надо сваливать! Тут жмурики на каждом углу! Это ни фига не нормально! Линяем пока не поздно! Поехали, пока, как говорится, за нами не приехали, Женя!

Но Брюквин и слушать не хотел. Между ними завязалась перебранка, да такая жгучая, что Точило выхватил пистолет и нацелился на компаньона. Он реально готов был пришить этого усатенького недоноска, грезящего о каких-то своих самых красивых в мире бансай, о самой лучшей стеклодувной мастерской и еще о чем-то тоже самом лучшем на земле, чему он – Евгений Брюквин – обязательно станет обладателем после того, как прокрутит это дельце с ограблени-

ем фабричной кассы. Точило слушать его уже не мог, он реально целился ему в сердце. Брюквин растерялся, поднял руки и уже готов был принять быструю смерть, если бы не появившаяся словно черти из табакерки парочка местных абorigенов-рабочих. Момент был упущен. Не мог же он стрелять в их присутствии, тогда пришлось мочить заодно и их. Парочка быстро смекнула, что ей тут не рады и поспешила убежать от греха подальше. Молодцы, сообразительные. Однако, когда двое станочников исчезли в железных дебрях цеха, Точило вернулся к задуманному, но поднять руку с пистолетом просто не успел.

Женя Брюквин практически не целился, на это не было времени. Его рука молниеносно выхватила свой пистолет с глушителем и прежде чем Точило успел отвести взгляд от удалившихся в глубину цеха рабочих, Женя уже нажал на курок. Преодолев всего лишь метровое расстояние, пуля попала Точиле в висок и вынесла правую часть головы. Брызги крови, мозга и костной ткани окропили близстоящий станок. Целое оторванное правое ухо прилепилось к станку на самом видном месте.

Точило рухнул замертво.

– А у тебя есть возражения? – спросил Женя Брюквин у застывшего в неподвижности Максимилиана Громовержца. – Этот момент я стирать не стану.

– Возражений не имею, – ответил Максимилиан Громовержец, держа свой полиэтиленовый пакет с отсеченной ки-

стью. Зачем он носил с собой свою кисть, он не говорил.

Брюквин присел и подобрал с пола выпавший из рук его бывшего партнера пистолет. Черный американо-израильский «Десерт Игл» третьей модификации. Это был хороший пистолет, солидный, устрашающий, его часто используют в съемках голливудских боевиков. Взвесив его в руке, Женя Брюквин невольно предался воспоминаниям из детства и юности. Сколько потерянного времени в пустую, сколько сил и нервов зря. Сколько душевных переживаний, бессонных ночей! И оказывается многие годы он делал все недостаточно хорошо, зачастую даже очень плохо. Надо исправиться...

– Уходим! – приказал Максимилиан Громовержец. – Кажется, сюда кто-то идет.

09:39 – 09:41

Никита напрочь стер «Вайбер» с перепиской и, не помня себя, побежал назад к выходу, однако споткнулся обо что-то и со всего размаху грохнулся на пол, планшет вылетел из его рук и упал. Включенный монитор погас, Никита выругался. Еще не хватало, чтобы он разбил планшет! Мужчина упал рядом со станком ЧПУ, подняв голову, он увидел еще одно странное зрелище. На корпусе станка было ухо. Самое обычное человеческое ухо. «Зачем станку ухо?» – глупо подумал Вайнштанй и рассмотрел, что станок сильно испачкан чем-то красным и подумал, что тут уронили банку с лаком «красное дерево» или «ясень».

– Ага! И прилепили резиновое ухо! – вслух пробурчал Никита Вайнштайн.

Он сильно ушибся коленями, презирая боль и разорванную штанину джинс, он с кряхтением поднялся и яростно взглянул на причину своего падения.

Труп с простреленной головой!!!

Никита хотел завопить, но вовремя захлопнул рот руками. У него подкосились ноги и он упал на корячки. Подвывая от охватившего его страха, он на корячках пополз к планшету, при этом измарав ладони и колени в теплой чужой крови. Схватив треснутый планшет, Вайнштайн прижал его к груди, будто искал в нем спасение.

– Что тут такое? Что произошло? – бормотал он, сидя на полу и обнимая планшет испачканными в крови руками. – Как же это? Что же это?

В стороне стало что-то громко резко хлопать. ХЛОП! ХЛОП! Вайнштейн вздрагивал от каждого хлопка. Плача от отчаяния и продолжая прижимать разбитый гаджет к груди он ползком отходил куда подальше от места трагедии, оставляя после себя рваный кровавый след. ХЛОП! Стреляют! Слева от него ведется стрельба! У него дрожала нижняя губа, ему не хватало воздуха.

– Никки, – говорила ему мачеха, когда он выбивался в люди из провинциальной заснеженной глубинки, где единственным развлечением молодежи было просто напиться и брякнуть в сон, – Никки, мальчик мой! Твое оружие в этой

сраной жизни – хитрость. Будь хитрее, изворотливее, не лезь на рожон, мой мальчик. Открытый бой, это не для тебя, только не обижайся. Ты же знаешь, как я к тебе отношусь, но в тебе нет боевого стержня. Ты не боец по натуре, только не оскорбляйся, не строй такое лицо. Кто кроме меня тебе укажет подходящую для твоей природы манеру поведения? – говорила она, поджигая сигарету и посасывая ее через мундштук. У его мачехи были длинные узкие ногти и маленькие круглые глаза цвета насыщенного черного кофе, она напоминала какую-то экзотическую птицу, но Никита старался к ней прислушиваться – она работала в областной администрации и умела воровать из федеральной кормушки как никто другой. – Не махай кулачками, не показывай свой характер, поверь мне, мальчик мой, твоя смелость никому кроме тебя самого не нужна. Да и тебе она не нужна, Никки, ты совершенно ею не владеешь. Твое оружие – хитрость. Прячься, если надо, скрывайся, сиди в кустах, будь ниже травы, тише воды, но про выгоду не забывай. Если надо для выгоды – будь кем угодно. Крысой, собакой, если требуется – прикинься дурачком, но не строй из себя героя, не надо этого. В твоём случае это вызывает жалость и смех. Это для тебя опасно, Никки. А выгоду везде можно найти, надо только подумать, а ты сообразительный, мой мальчик.

Мачеха вскоре пропала без вести, а через несколько лет в соседнем регионе рыбаки выловили сетями скелетированное тело в остатках женского строгого делового костюма и в

болтающихся нейлоновых чулках. В кармане костюма обнаружился два футляра для очков, в одном из которых покоились стильные женские очки с диоптрией +4,5, а во втором лежали два мундштука – один под цвет костюма, второй – под цвет очков. Вероятнее всего с ней покончили конкуренты (точно так же вот – ХЛОП! ХЛОП!), но Никита в полной мере усвоил ее советы и пребывал в убеждении, что и она еще живет где-то на другой половине земного шара, живет-поживает, курит сигареты через мундштук и тихонечко сидит в тени на украденном у бюджета сундуке с наличкой.

ХЛОП! Когда надо Никита применил свою секретное оружие – хитрость и скрытность, но вот сейчас, когда он нос к носу столкнулся с чужой смертью, он просто-напросто утратил все свои крохотные остатки смелости, которой у него, собственно, никогда и не было. Вайнштейн полз будто раненый. ХЛОП! ХЛОП! ХЛОП! Никита то и дело прижимался к полу, закрывал голову руками и полз-полз в сторону, желая спрятаться, зарыться прямо в бетонный пол, забраться в безопасный угол. Он хотел к мачехе, она бы дала дельный совет на этот счет – следует ли применять крысиную тактику в случае стрельбы? Да о чем он думает – без сомнения следует! Именно об этом она и толковала, царапая острыми ногтями мундштук и выпуская сизый дымок поверх никитиных волос – прячься, устаивайся, прикидывайся тенью. Переждидай и действуй только в тишине.

«И уноси ноги, не оставляя следов!» – приказал Владимир

Нильсен.

ХЛОП! ХЛОП!

09:39 – 09:47

Подперев ладонью второй подбородок Зинаида Зиновьевна со всевозрастающей скукой пялилась в окно и шумно прихлебывала вторую порцию чая. Театр одного актера в исполнении молодого охранника Эорнидяна закончился и как она ни ждала продолжения, но более из своей каморки он не выходил. Один бог знает, что он там внутри делает. Не было и Пятипальцева с предполагаемым Нилепиным. Ранее волочащий по снегу две резиновых автомобильных покрышки кочегар Аркадьич тоже больше не появлялся. Густая пурга постепенно заметала все следы человеческой жизнедеятельности. Снег-снег-снег. Метель мела так, что закрывала пейзаж, Сферина кроме этой белой шевелящейся пелены ничего не могла разглядеть, небо не сильно отличалось от земли, а с наступлением сумерек это различие станет минимальным. Зинаида терпеть не могла зимние сумерки и торчать здесь до их прихода не намеревалась.

Зинаида Зиновьевна уже жалела, что приперлась на работу. Вот не сиделось ей дома, правда с нелюбимым супругом, вонючей слюнявой псиной и кучей бытовых дел, которые никто кроме нее никогда не сделает, но там, по крайней мере, с телевизором и с каким-никаким уютом. А здесь? Что она тут делает? Сидит как бабка на лавочке в пустой муж-

ской раздевалке, пропитанной запахами нестиранной одежды и остатками жарчки, пьет чужой чай из незнакомого бокала с непонятными символами, надеется, что ее благоверный, увидев ее, побежит как ребенок и, обняв, со слезами на своих красивых глазах будет благодарить ее за спасение его от неминуемой гибели, предрекаемой каким-то бородатым псевдопрорицателем? Но раз уж так случилось, что она приехала сюда, преодолев ледяную вьюгу и проигнорировав настойчивые нилепинские уговоры, то чего она ждет? Может быть она боится признаться, что подсознательно трепещет от неизвестной опасности, грозящей ее «любимому мальчику»? Или она отказывается осознавать, что зря приехала и тупо не знает, что предпринимать дальше? Вот и тянет резину. Она хотела разыскать Леву. Ну и что бы она делала дальше? Нилепин посмеется над ней, он и так далеко не в восторге от ее чрезмерной навязчивости и нетерпеливых проявлений собственничества, которые он по отношению к себе резко отторгал, чем приводил Зинаиду Зиновьевну в состояние фрустрационного невроза.

Она сделала очередной глоток чая и вздохнула.

Сейчас ее Лева придет сюда в раздевалку, он обязательно придет. Он не может не прийти, ведь здесь стоит начатая им с Пятипальцевым бутылка вишневого виски и Зинаида очень сильно поразится, если они оба не проявят желания допить ее до последней капли. Этот великовозрастный дружбанчик Пятипальцев будет с ее мальчиком, но Сферина постарается

избавиться от наладчика-здоровяка и поговорить со своим любимым наедине. Она еще не знает какими фразами донесет до Нилепина свою неумемную тревогу, с чего начнет монолог, какую интонацию выберет. От повелительной может быть обратная реакция – Лева из принципа не станет к ней прислушиваться и еще чего доброго, высмеет ее перед Пятипальцевым. А в просительной форме у нее разговаривать получается плохо, неумело и как-то по-глупому. Но как бы то ни было, она уведет Нилепина из цеха и вообще с фабрики. Куда-нибудь подальше, где нет, выражаясь языком бородатого отца Кузьмы «много дерева и железа». Надо будет, она силой вцепится в юношу, в конце концов – разрыдается, если дойдет до такой степени, но без Нилепина она с фабрики не уедет. Черт с Пятипальцевым, он ее не заботил, он может заниматься тем, зачем сюда приехал, но Леву нужно уводить отсюда. На крайний случай, если он воспротивится и откажется повиноваться своей любимой, то она, так уж и быть, присоединиться к их с Пятипальцевым компании и выпьет виски, а потом предложит пойти продолжать банкет в любимом левином баре «Якорь», чей бирюзово-фиолетовый фасад и морская тематика привлекают к себе воздушно-десантные войска и, почему-то, любителей поговорить о новинках голливудского кино. Для Сфериной такое поведение было несвойственно и вызовет со стороны двух мужчин реакцию легкого приятного удивления, но на что только она не готова пойти ради того, чтобы ее «душка Нилепин» был хо-

тя-бы под ее чутким присмотром. Предчувствие неладного становилось для Зинаиды Зиновьевны просто болезненным, она уже ощущала его на физическом уровне в виде неровного сердцебиения, общего напряженного тонуса и нервозности – она замирала от вида собственной тени и против своей воли видела опасность в самых незначительных явлениях и вещах.

«Да где-же они?» – тревожилась Сферина, имея я виду вошедших в цех Пятипальцева и молодого человека в красной куртке, в котором она подозревала искомого ею Леву Нилепина. На улице их не было, курилка была пуста. Вздрогнув от колющего предчувствия беды, Зинаида приказала себе верить в туалетную версию отсутствия приятелей. Бокал был пуст наполовину, чай остывал и терял вкус, Сферина решила опять спуститься в цех, когда допьет этот бокал до дна. Откровенно говоря, неохота ей было отрывать зад от лавки, ковылять по лестнице и бродить по цеху в поисках. Какой-же Нилепин все-таки гад, что не отвечает на ее телефонные звонки. И сам, конечно, не звонит. Совсем от рук отбился, Зинаиду это раздражало, она привыкла всех держать в своих руках и не терпела неповиновения.

Сферина отставила утративший вкус чай и посмотрела на свои раскрытые ладони – пухлые, мясистые с сильными пальцами, увенчанными несколькими разнокалиберными кольцами в твердой манере выклянченными у законного супруга. Руки... Прямо ручищи! Наверное, ее рукопожа-

тие схоже с рукопожатием Юрки Пятипальцева. А уж в ар-мреслинге она одержит победу у доброй половины цеховых мужиков. Она сжала и разжала кулаки, вспоминая давно ми-нувшую в них округлую трехкилограммовую стальную тя-жесть.

Зинаида впервые подняла на руке спортивное ядро для метания в длину, когда ей не исполнилось и пятнадцати лет. Не то чтобы она грезила олимпийским многоборьем или во-обще спортом как таковым, просто прилично сформирован-ная девочка стала слишком развита для своего возраста в плане половой жизни и неприятно озадаченные родители после семейного совета решили сбегать ее хоть куда-ни-будь, где бы она могла растрачивать свою энергию и для нее не оставалось времени на ранее баловство с противоположным полом. Неподалеку от их частного дома располагалась детская спортивная школа с множеством секций, но для зинаидиной комплекции подходила разве что борьба. Но с борьбой не сложилось, а вот хронически пустующая секция женского многоборья в лице тренера по фамилии Начинаев встретила мясистую девочку с теплыми и крепкими объяти-ями. Наконец-то к нему попал такой многообещающий ре-бенок, наконец-то есть шанс успешно применить на подхо-дящей девочке свою методику. Лысеющий Александр Вита-льевич облизывал усы и воодушевленно хрустел пальцами. Отстранив своих прежних воспитанниц на второй план На-чинаев занялся девочкой Зиной вплотную, сразу смекнув,

что кудрявенькая девчонка уже вполне созревшая и давно раскупоренная. Александр Витальевич, не будь дураком, с первого дня совмещал тренерско-педагогическую работу с регулярным интимом, на полном серьезе утверждая, что это совершенно необходимо для развития мускулатуры спины и таза, для формирования костно-мышечной ткани и для выработки гормонов. Зина не задавала лишних вопросов, иронично предполагая на них пространные и нелогичные ответы, и безропотно отдавалась Начинаеву, причем делала она это даже с большим желанием, чем изматывающим бесконечным тренировкам в спортзале и на стадионе. Метание ядра, которым она была вынуждена заниматься, влекло ее значительно меньше чем прелюбодеяние с усатеньким Александром Витальевичем, которому она, к слову сказать, никогда не была верна, за несколько лет пропустив через себя значительный процент мужского населения их городка.

Справедливости ради, надо признать, что и в спорте она добилась не меньших результатов чем в покорении мужских сердец. Начинаев оказался не только сильным пихарем, но и опытным тренером довольно быстро подняв свою подопечную до призовых мест в различных соревнованиях. Зинаидины природные характеристики и начинаевская тренерская методика метания спортивного ядра позволили ей участвовать и занять серебро в спартакиаде народов СССР в 1979 году, завоевать бронзу на Московских Олимпийских играх в 1980 году и на чемпионате Европы в 1982 году, где она мет-

нула ядро на двадцать один метр шесть сантиметров! А ее личный рекорд от которого Начинаев аж поперхнулся собственным воплем – двадцать один метр семьдесят один сантиметр!

С одной стороны, для Зины это был очень приличный результат, она была искренне рада и ликовала не меньше Александра Витальевича, но с другой стороны и она сама и ее тренер знали, что ее потенциал позволяет надеяться на преодоление двадцатидвухметровой отметки. Начинаев неоднократно беседовал с ней и буквально вбивал в ее голову чувство вины за то, что она не выкладывается на все 100% от своих возможностей. Да, он не переставал хвалить ее поворотно-выпрямляющую технику толкания ядра, он буквально гордился ее финальным разгоном снаряда, он восторгался ее растягиванию мышечных групп при финальном усилии, но...

– Ты не дос-статочно рез-зка при отпус-скании с-снаряда, – говорил Начинаев, стягивая свои черные трусы, складывая их пополам и аккуратно укладывая на высокую спинку стула. Он всегда растягивал звуки «с» и «з». – Ты же, Зинуля, как никто з-знаешь, как важен финальный толчок. Толчок! А у тебя он в с-самый пос-следний момент пропадет. Ты вс-се делаешь правильно, – тренер поворачивал Зинаиду задом, оттягивал ее трусики, опирал одним коленом на стул и давал волю пальцам с квадратными ногтями и широким обручальным кольцом на безымянном. – Твоя техни-

ка без-зупречна, З-зинуль. Опорная нога с-стоит правильно, выполнение маха – отличное. Равновес-сие ты держишь, разве что голову опус-скаешь чуть ниже. Не опус-скай так голову, держи ее прямо, смотри вперед и вниз, но не с-сильно. Как я тебе показывал. . . Но не это главное, а то, что в момент толчка у тебя что-то обрываетс-ся и ты не выкладываеешьс-ся полнос-стью. – после пальцев Начинаев привычным движением входит в Зину уже кое-чем другим. – Толчок, З-зинуля! Не з-забывай о финальном толчке! Толчок! Толчок, моя девочка! Так! Так!

В двадцать один год Зинаида, завоевав ряд разнокалиберных медалей и поняв, что как бы она не упиралась, сколько бы не думала о финальном толчке, но двадцатидвухметровую планку ей никак не преодолеть, она завязала с атлетикой и со спортом вообще. Тем более, что в преодолении этой дистанции ее опередила немецкая спортсменка Илона Слупянек, чью фотографию Зина повесила в своей квартире и стреляла в нее дынными семечками, а сама она так и топталась на отметке в двадцать один метр семьдесят один сантиметр. Александр Витальевич уговаривал ее передумать, обещал пересмотреть тренерскую методику, неоднократно предлагал запрещенные допинговые препараты, которые хотел достать по каким-то своим спортивным связям. Зинаида просто-напросто устала от атлетики, ей надоело постоянно надирать саму себя, бесконечно тренироваться, выжимать из себя финальный рывок. Для нее секс был первоочеред-

ным. Именно он, а не спорт.

В итоге они с Начинаевым разошлись и Зинаида забросила спорт. Она больше никогда не возвращалась в атлетику, а спортивная комплекция со временем обросла жировыми тканями. Коренастая Зинуля стала будто слеплена из снежных комков, все в ней становилось округлым, даже мочки ушей, которые к метанию ядра не имели отношения. Но спортивная сила никуда не делась, даже сейчас спустя почти четыре десятилетия Зинаида Зиновьевна Сферина могла в одиночку поднять противопожарную дверь, которую, обычно носят двое мужчин. Она поднимала тяжести наравне с мужиками, когда-то она поработала укладчицей шпал, но вот так заветного аортораздирающего резкого толчка так и не добилась.

Женщина не стала допивать чай, с каждым глотком он казался ей все более пресным. Поддавшись откуда ни возьмись тревожному порыву, она встала из-за стола и, прихватив сумочку, вышла из мужской раздевалки. Она и так задержалась здесь, а если сидеть так и дальше, то можно и вечера дожждаться, а за проведенное тут время ей никто не заплатит. Она не на рабочем месте. Спустившись в цех, она вернулась к четырехстороннему фрезерному станку, у которого, судя по всему и работали Нилепин с Пятипальцевым перед тем как потом выйти на улицу. Вопреки женским ожиданиям у станка никого не было, все оставалось на своих местах, створка электрощитка была все так же распахнута и воняла

паленой изоляцией. Зато теперь до ее ушей донесся совсем иной звук – ХЛОП, ХЛОП!. «Пневмомолот», – узнала она характерный треск и пошла на звук, рассчитывая спросить у работающего (кем бы он ни был) не видел ли тот Леву Нилепина. А вдруг это сам Лева и щелкает, он умеет. После серии щелчков цех вновь погрузился в тишину, а Сферина нашла только бесхозный пневмомолоток, пристегнутый пневмошлангом к станку в совершенно необычном для него месте, вовсе ни там, где, как правило, работают рабочие, собирающие поддоны и паллеты.

– Мистика какая-то, – пробормотала она, вспоминая что вот совсем недавно пробовала щелкнуть пневмопистолетом и что из-за выключенных компрессоров у нее ничего не вышло. Зинаида еще немного покрутилась на месте и, поправив сумочку на круглом плече, пошла в другой конец цеха, где помещение разветвлялось буквой "Т", одно крыло которого выходило на склад, а другое – на лакокрасочный участок. К тому же с той стороны размещались кое-какие полупустые подсобки и туалеты. У Сфериной не было какой-то определенной финальной точки, она просто совершала обход цеха, как это ежедневно делал заведующий производством Соломонов, попутно заглянув в туалет. Не только в женский, но еще и в мужской. Если дверь на лакокрасочный участок будут не заперты, то она проверит владения Инги Нифертити, кто знает, может быть Лева с Юрой прячутся от нее именно там. «А вот интересно, – подумала Зинаида Зиновьевна, –

У Левы было что-нибудь с Нифертити? Поговаривают, что было...»

09:43 – 09:49

Но, вопреки ожиданиям Зинаиды Зиновьевны Сфериной, Юра Пятипальцев и его юный коллега Лева Нилепин (ради которого Зина и приехала из дома на фабрику и которого она из-за красной курточки не узнала) двигали свои стопы вовсе не в раздевалку, где помимо Сфериной, о приезде которой они не имели ни малейшего представления, их поджидала еще и початая бутылочка восхитительного вишневого виски. Сейчас им было не до спиртного. Они в две минуты по прямой пересекли весь цех (в отличии от трех псевдомонтажников вентиляции – Брюквина, Точило и Максимилиана Громовержца – Пятипальцев и Нилепин прекрасно знали план цеха) и, не заметив невысокого Даниила Даниила Шепетельникова в больших очках и меховой шапке-кастрюльке, пулями взметнулись на антресольный этаж, где располагались некоторые кабинеты, включая кабинет заведующего производством Соломонова. Владелец шапки-кастрюльки что-то крикнул им, но они не услышали.

Вот они уже у двери с табличкой «Завпроиз», осторожно пробуют дверь. К их сильнейшему удивлению дверь оказалась не запертой и Пятипальцев убрал прихваченный у Эорнидяка ключик. Отприрать дверь не придется. Лева Нилепин тихонечко приоткрыл дверь и заглянул внутрь. За ним

последовал нетерпеливый Пятипалец. Двое друзей, отталкивая друг друга, буквально вломились в пустой кабинет. Однако то, что они увидели повергло их в некоторую степень задумчивости – в кабинете был полнейший беспорядок. Лопнувший кулер с водой валялся на полу и вода из него залила весь кабинет, в воде мокли разбросанные документы и каталоги. Стул лежал на боку, сам стол заведующего производством был сдвинут.

– Что тут произошло? – спросил обескураженный Нилепин, шлепая кроссовками по воде.

– Соломонов опять нанюхался, – заключил Пятипалец, отстраняя с пути стул. – Вчера еще, должно быть, нанюхался своей порошковой дрянью и разнес тут все. Кулер уронил.

– И кабинет не закрыл... Ну все, Шепетельников такого не потерпит. Соломонова точно уволят, Юр.

– К бабке не ходи, братан! Хватаем сейф и валим.

Но сейфа на месте не оказалось. Они нашли его валяющимся в воде между столом и шкафом с документами. Коллеги подняли его и водрузили на стол. Дверца сейфа была распахнута, внутри совершенно ничего не было.

Пятипалец взглянул на Нилепина.

Нилепин взглянул на Пятипальцева.

Прошло десять секунд.

– Почему мы смотрим друг на друга? – шепотом спросил Нилепин.

– Почему мы говорим шепотом? – в свою очередь спросил

Пятипальцев.

И в это мгновение дверь кабинета распахнулась и на пороге возник генеральный директор ОАО «Двери ЛюксЭлит» Даниил Даниилович Шепетельников. Собственной персоной. В кабинете воцарилась мертвая пауза.

– Это... не то что вы... – Пятипальцев сглотнул комок в горле, – подумали...

– Все совсем ни так как вы... – Нилепин прикрыл дверцу стоящего на столе сейфа, но она с легким скрипом раскрылась обратно, показывая генеральному директору девственно пустое нутро, – могли подумать...

Лицо Шепетельникова покрылось красными пятнами, лицо перекосила гримаса праведного гнева, в каком ни Нилепину ни Пятипальцеву еще не приходилось видеть своего главного шефа, даже тогда когда прошлым летом заказчик вернул почти целую фуру готовых дверей с размерами, несоответствующим заявке.

– Где деньги? – дрожащим от ярости голосом спросил Даниил Даниилович. Его, вооруженный квадратными очками глаза неотрывно тарасились на пустое сейфовое нутро, где еще вчера вечером лежала крупная сумма денег для выплаты зарплаты рабочим. Сейчас денег не было. – Деньги!

– Мы... – Нилепин чувствовал себя маленьким нашкодившим ребенком. – Мы не брали... Честное слово...

Шепетельников ворвался в кабинет и стал рыскать по ящикам и тумбочкам, денег не было. А двое дружком по-

тихонечку переступали ножками к выходу, намереваясь пуститься наутек. Однако Даниил Даниилович вовремя успел заметить, как двое подозреваемых хотят убежать с его деньгами, он заревел и бросился за ними. Юрка Пятипальцев, стоящий ближе к выходу, уже выпрыгивал из кабинета, когда Шепетельников схватил первое что попало под руку – тот самый сейф и что было силы швырнул его в убегающего. Тяжеленный сейф пролетел половину кабинета, едва не угодил Нилепину в голову и подобно выпущенному из пушки ядру влетел точно в спину уже выскочившего на площадку второго этажа Пятипальцеву. Тут для Левы Нилепина время будто сильно замедлилось, дальнейшие события стали происходить как в ужасном сне. Сейф, мгновения пролетевший в нескольких сантиметрах от его головы, попал в Юрку. Тот вскрикнул, тело его выгнулось дугой и он со всей своей скоростью врезался в жестяное ограждение, отделяющее площадку второго этажа. Оградка под тяжестью его тела разломалась и достаточно крупный мужчина сорвался вниз с шестиметровой высоты. Нилепин еще успел увидеть перекошенное от удивления и испуга лицо своего товарища и вот он вместе с разломанной оградкой и сейфом уже медленно падает вниз. Он медленно замахал руками, но не мог удержаться, сначала вниз перевалилось его тело, потом ноги, он еще попытался ухватиться за уцелевшие борта оградки, но не получилось.

До ушей Левы Нилепина раздался долгий протяжный

крик, будто бы его друг летел с девятого этажа, но вот он резко оборвался, раздался глухой удар, потом еще один, потом какой-то шлепок и снова удар, за которым последовал оглушительный грохот падающего стеллажа с бобинами пленки для оклейки дверных деталей и полотен. Многокилограммовые бобины пленки, которых было не менее сорока штук упали на уронившего их Юрку Пятипальцева вместе со стеллажом, отдельные бобины раскатились во все стороны, кое-какие укатились довольно далеко. Только Юрка Пятипальцев уже никуда не мог ни укатиться, ни уйти, он лежал пластом погребенный под стеллажом и горой рулонов. Нилепин видел его окровавленную руку, безжизненно торчащую из-под груды бобин.

– Юра!!! – заорал Лева с шестиметровой высоты и, видя, что его дорогой товарищ не проявляет признаков жизни, рванул с места, чтобы буквально стрелой слететь с лестницы вниз. Но не успел он даже развернуться, как получил настолько сильный удар в голову, что мир для него мгновенно померк и молодой человек накрепко выпал из реальности в кромешное небытие. Однако на долю секунды перед отключением сознания он заметил стоящего позади него Даниила Даниила Шепетельникова с треснутым электрическим чайником.

09:43 – 09:48

Шмякнувшись о бетон пола, я так сжал челюсть от бо-

ли, что за полным неимением зубов, она почти вышла из суставов и только новая острая боль под ушами заставила меня раскрыть рот и беззвучно выдохнуть в пространство. Покривлявшись на полу четыре секунды, я собрал волю в кулак и постарался как можно быстрее скрыться с места падения. Встать на ноги я не мог, для этого просто не было сил и времени, и как огромное раненое насекомое я быстро-быстро уполз в темный угол между станками и нагруженными паллетами, прислонился там плечом к металлическому станочному боку и постарался затаить дыхание. Из-за боли это было очень трудно, организм требовал крика, но я зажал сам себе рот.

Перед глазами маячила прилепленная скотчем картонка: «*Ответственный за ТО:*», под ней маркером была написана чья-то незнакомая мне фамилия и инициалы, но она была жестоко перечеркнула, а внизу значилась уточняющая фамилия – совсем иная. Но и та была зачеркнута шариковой ручкой. Я иронично вздохнул, дотянулся до валяющегося неподалеку маркера, лизнул его кончик и накарябал внизу картонки: Пятипальцев Ю.Б. Даже в минуты смертельной опасности я не забываю о своем предназначении в этом мире – если есть хоть малейшая возможность исправить мир в положительную сторону, этой возможностью надо воспользоваться. Посмотрев на дело рук своих, я закрыл колпачок маркера и положил его именно на то место, откуда взял.

Я не должен выдавать себя ни звуком ни шорохом. Пря-

чась в пыльной темноте, я наблюдал как к месту моего падения подбежала мастерица заготовительного участка – миниатюрная черноволосая Люба Кротова. Подбежала, остановилась, посмотрела по сторонам, вдруг дернулась, взвизгнула и безвольно осела на пол. Убедившись, что Кротова потеряла сознание, я позволил себе застонать. При падении я сильно ушиб руки и бок, но самую острую боль мне причинял попавший под лопатку гвоздь. Кротова все-таки попала в меня и гвоздь вошел в спину в таком неудобном месте, что все попытки выдернуть его из-под лопатки заканчивались только вспышкой боли. Кривляясь и выгибая назад кривые руки я, тем самым, напрягал и растягивал мышцы спины и это причиняло такую боль, что я не мог продолжать и только опускал руки.

Все еще с гвоздем в спине, я подполз к Кротовой и проверил ее дыхание и пульс. Жива. Но я не мог привести ее в чувства и тем самым выдать себя. Я и так уже натворил дел, а попытка объясниться перед Кротовой закончилась пальбой из пневмомолотка. Если бы гвоздь попал не в мягкие ткани спины, а в голову или шею? Вот тогда бы на бетон пола упал бы уже не я, а только брэнное тело Коли Авдотьева.

Я в полголоса затараторил благодарственные псалмы во славу Христовой силы. В них я поблагодарил за свое чудесное спасение прежде всего Бога, дух сына которого Иисуса Христа живет в моей душе, как и в душе всех истинных квакерских христиан-духоборцев. Невольно я задумался над

тем, в какое тело переродилась бы моя душа в случае, если бы удача оказалась на стороне Любани Кротовой. Я регулярно задавался таким вопросом, особенно в минуты опасности. В какое тело перенесется моя душа? В тело живого праведника или новорожденного? Хорошо бы в живого, хорошо бы вселиться в тело сильного здорового человека с крепкими костями и полноценными конечностями, а ни как у меня – кости конечностей кривоватые и тонкие, после переломов заживали неправильно, одна рука длинней другой и всегда прижата к боку, а на другой с самого детства не хватает двух пальцев и она напоминает крабью клешню. Все до единого зуба давно выпали, из-за чего губы и щеки тянулись внутрь ротовой полости, а подбородок казался острее, глаза слишком глубоко посажены и почти совсем спрятались за кустистыми бровями. Должно быть в прошлой жизни я был не самым праведным христианином, если мне было позволено перенестись в подобное тело.

Я должен исправить такое положение, мне надо быть праведным христианином, чтобы после перенесения души не стать животным, а для этого я должен делать людям только добро. Я никогда об этом не забываю. Вот сейчас мои убеждения велят мне не думать о своем ранении и болях в туловище, а привести Любу в чувства и помочь ей, именно это я и намерился сделать, но сразу же остановился и убрал от нее руки. Я уже попался ей на глаза и что? Я уже попытался поговорить с Кротовой. Ничего хорошего из этого не вышло,

только один вред и ей и себе. Я изначально ошибся и выбрал неверную тактику, хотел повлиять на Кротову хитростью и легким обманом во благо (обман, с моей точки зрения, должен быть исключительно во благо иначе это грех и незаконие), я добился противоположного результата. И сам чуть не переродился в другое тело и Кротову довел до нервного срыва. Вот она лежит передо мной на холодном полу, лежит без чувств, а я сижу перед ней на корячках с гвоздем в спине.

Тут я заметил еще одного лежащего человека возле автопогрузчика. А этот откуда? Волоча руку, я подполз к нему и узнал в лежащем заведующего производством Константина Олеговича Соломонова. Дальше я действовал чисто автоматически – сразу смекнув в чем дело, я, ни раздумывая ни минуты просунул пальцы на куцей руке прямо в заветренную кашеобразную массу, извергнутую из соломоновского желудка и залившую тому лицо и нос. Поковырявшись во рту несчастного, и поняв, что это безнадежно, я, собрал остатки сил и перевернул Соломонова на живот. Потом подложил тому под грудную клетку попавшуюся дверную деталь, так чтобы голова оказалась ниже уровня легких. Рвотные массы стали вываливаться изо рта заведующего производством, вытягиваться и растекаться под ним тягучей зловонной лужицей. Я по-обезьяньи сидел перед ним и понимал, что опоздал. Соломонов захлебнулся на смерть, его уже не спасти, как бы я ни старался. Тем более, что я не умею оказывать медицинскую помощь.

Это ужасно! Просто кошмар какой-то!

Моя духоборческая вера не подразумевала молитвы за упокой души усопших, поэтому я только послал Богу мысленную надежду на то, что живший в теле Соломонова Христовый дух переродиться в праведника, а не в животное или такого-же полукалеку как я сам. Ведь, по сути, Соломонов в целом был неплохим человеком, радел за производство и работников, свои обязанности выполнял в полной мере, хоть и отличался неимоверно длинным языком и пристрастием к какому-то наркотику, что для меня было совершенно неприемлемо. Наркотик его и погубил, этого и следовало ожидать. Смотря на медленно вытекающие на пол рвотные массы, мне только и оставалось что сетовать на современные нравы и вседозволенность. Соломонова погубили наркотики, а Люба Кротова, тоже очень хорошая женщина, поддалась искушению власти. Захотела стать на место Соломонова, захотело занять кресло заведующего производством. Прибегла к ворожке! Призывала на помощь потусторонние силы, загробный мир! Разве это мыслимо? Да она самого Господа Бога умоляла ей помочь, и ведь добилась своего! Вот он лежит – Константин Соломонов, лежит без дыхания.

Я поморщился от боли под лопаткой и сменил позу, расслабляя мышцы спины. Ну и наломал я дров, надо это признать. «Христос должен в нас зачатся и родиться, возрасть и учиться, страдать и умереть, и воскреснуть, и вознестись», – повторил я про себя. – «Учиться, учиться, учиться»

ся. А учатся на ошибках! А я все время ошибаюсь, следовательно, я все неизменно учусь!» Настоящая моя ошибка состояла в том, что я замыслил вывести Любу Кротову на путь истинный обманным путем. Видит Бог как я жалею об этом! Доподлинно жалею.

Я стал свидетелем того, что пришедшая в цех мастерица заготовительного участка принялась ворожить поистине языческими методами и призывать к помощи своей погибшей подруге. Той, что давным-давно задавило упавшими воротами, я очень хорошо знал эту трагичную историю. Молодую девчонку накрыло в первый же день работы этого цеха. Бедная-бедная девочка, несчастные родители. Я надеялся на ее перерождение в праведницу, а печалиться по поводу самого факта человеческой смерти было не в моей вере. Ведь смерти по-сути нет, ее не существует, это вам любой духовоборец докажет за пять минут. Так вот я увидел, что Люба Кротова делает неправильные с христианской точки зрения вещи и в моей голове созрел смелый план. Будучи незаметным для Кротовой, я забрался под самый потолок на вентиляционный трубопровод. Неподалеку от того места, где ворожила Люба находился кромкооблицовочный станок, от него к вентиляционной системе тянулись несколько гофрированных шлангов для вытяжки стружек. Забравшись к главному вентиляционному трубопроводу, я снял круглую жестяную заглушку из одного обрезанного ответвления и прислонил к отверстию свой беззубый рот.

Тут, кстати, я почувствовал очень едкий запах газа, шедшего с легким свистом прямо из вентиляционной системы. Газом воняло достаточно сильно у меня даже почти закружилась голова и мне пришлось вовремя уцепиться рукой, чтобы не потерять равновесие. Но странный газовый поток не должен был меня отвлекать, каким бы не было его объяснение. Отдышавшись и стараясь, вдыхать не из вытяжки, я стал говорить якобы от лица вызываемого Кротовой духа той погибшей молоденькой девчонки, мои слова проходили через вентиляционную трубу, через мягкие гофрошланги и выходили из самого станка, отчего создавалось впечатление что разговаривает сам станок. Кротова легко поверила в этот фокус и быстро включилась в игру. Будучи уверена в том, что через волшебный кромкооблицовочный станок разговаривает с душой девочки из загробного мира, она поделилась со мной своими сокровенными потаенными желаниями, главными из которых было ни много ни мало, а занять должность заведующего производством. Я долго отговаривал ее от этого, как мог наводил на путь истинный, призывал задуматься об истинном предназначении женщины – любить и быть любимой, рожать детей, иметь мужа и семью. А не заниматься богопротивным колдовством и молить умершие души о самом настоящем грехе убийства. А у самого от выходящего газа аж глаза слезились и хотелось кашлять.

Я хотел, как лучше. Честное слово, я очень хотел отговорить Любаню, ведь задуманное ею – скверно и ужасно. Она

поступает неправильно, жизнь ее уперлась в тупик, она в отчаянии, а я только хотел ей помочь и мне казалось, что я близок к успеху, что Люба к нему прислушивается. Нет, не вышло. Как говорит современная молодежь – облом.

К тому же Люба увидела то, чего не следовало-бы ей видеть. Она увидела меня – Авдотьева Николая Ильича. Живо-го и здорового. Это непредвиденное обстоятельство, которого я хотел бы избежать. И без того моя маленькая тайна известна некоторым людям, число которых неумолимо растет – наладчик станков Юрка Пятипальцев, электрик Шишкин, один из охранников (но не Эорнидян и не Тургенев, а третий), кладовщица, двое станочников, кочегар Аркадьич, одна уборщица, даже мастер лакокрасочного участка Инга, которую тут все называют Нифертити. Обо мне знал и Соломонов, собственно он и разрешил мне укрываться в цеху – прекрасный человек! Еще кое-кто догадывался о том, что в цеху кто-то ночует. Но, по-счастью, знавшие этот маленький секрет работники хранили его в себе и помалкивали, держа в неведении генерального директора Шепетельникова. Если Даниил Даниилович узнал бы о том, что в его цеху на правах жильца прячется ни кто иной как сам Авдотьев... Я даже боялся подумать, как отреагирует генеральный директор на такой сюрприз, ведь он пребывает в абсолютной уверенности, что отравил меня денатуратом и что бывший сварщик Коля Авдотьев всю зиму лежит под снегом где-то в лесу.

Люба Кротова обо мне не знала.

Вдруг мне показалось, что до того бездвижно лежащее тело Константина Соломонова дернуло рукой. Даже не рукой, а кончиками пальцев. Это мне могло только померещиться, ведь в момент иллюзорного движения я смотрел в другую сторону, но тем не менее, я не раздумывая бросился к своему бывшему завпроизводству, вновь перевернул его на спину и принялся выгребать из его рта оставшуюся рвотную массу. Три уцелевших натренированных пальца на моей искалеченной руке залезли Соломонову чуть ли не до самой гортани, прочищая ход для искусственного дыхания. Я действовал как мог быстро. Когда мне показалось, что пальцами я большего не добьюсь, я выдохнул из собственных легких весь воздух и прильнул к холодным запачканным губам Константина Олеговича. Всосал холодную рвоту, выплюнул. Повторил, выплюнул. Повторил в третий раз, выплюнул. Чужая рвота отдавала химией и была едкой и горькой, я постарался думать о чем-нибудь приятном, но на четвертом разе испугался что, то приятное, о чем я думал с этого момента прочно будет ассоциироваться с вонючими рвотами мертвеца. Я не переставал воскрешать Константина Олеговича, но тот, увы, никаких признаков жизни не подавал. Его кожа оставалась такой же белесо-серой, зрачки были закатаны. Мне ничего не оставалось как приняться за искусственное дыхание – глубокий выдох в чужие легкие и резкие толчки в грудную клетку. Сам я этого делать не умел, но много раз видел, что так делают по телевизору. С толчками из мертвого рта выхо-

дила только склизкая каша и пузыри. Безуспешно делая искусственное дыхание, я то и дело прикладывал к испачканному рту свое ухо, искал пульс и продолжал, продолжал, продолжал. И вдруг я услышал какой-то шум наверху, там где прямо надо мной на антресольном этаже располагались несколько кабинетов, включая тот, хозяин которого лежал сейчас прямо передо мной. В непосредственной, так сказать, близости. Более, чем близко.

Я вытер губы, поднял голову и увидел, как, пробивая ограждение, вниз падает крупное тело. За ним летел тяжелый металлический сейф, чья распахнутая створка выказывала пустоту внутренности. Вывалившийся мужчина, махая ручищами, то ли зацепился за стальную конструкцию стоящего внизу стеллажа с бобинами пленки, то ли просто сильно налетел на нее, но от этого стеллаж потерял равновесие и стал крениться. Это же тот самый аварийный стеллаж у которого сломалось одно крепление и на которой Соломонов запретил ставить дополнительный груз. Этот стеллаж должны были освободить от бобин на следующей неделе. Бобины, шурша боками, медленно, но верно съезжали к краю, что-то звонко хрястнуло в конструкции, две из четырех ножек стеллажа оторвались от пола. Мужчина грохнулся об пол с шестиметровой высоты, но не успел он прийти в себя, как сверху на него рухнул металлический стеллаж. Раздался жуткий грохот металла о бетон, бобины разлетелись во все стороны, покатались и запрыгали во всех направлениях. Одна

из них, особо толстая, кошмарным колесом подпрыгивая и подскакивая врезалась в меня, сбив меня с ног и придав мне такое ускорение, что я отлетел на несколько метров назад. Я покатился назад, вращая кривыми руками и ногами и проехал спиной по бетону, разодрав и без того ветхую одежку. Вонзенный под лопатку гвоздь вошел в плоть по самую шляпку, я скрючился в позе зародыша и хотел зареветь от боли, но из-за пробитого легкого не смог сделать даже этого. Мне оставалось только корчиться и стараться не терять самообладания, но ни какие действия я временно был не способен.

Господи! Господи! Господи Боже мой, дай мне силы!

09:49 – 09:53

Вдруг где-то в стороне раздался грохот. Брюквин с Максимилианом Громовержцем побежали на звук. В одной руке Женя держал чемоданчик с положенным в него «Десер Иглом» Точилы, второй пистолет – немецкий армейский «Хеклер Кох USP» – был наготове в вытянутой вперед руке. Максимилиан Громовержец держал перед собой короткий римский меч и рассекал им воздух. Пакет бился о его ногу. Они прибежали к упавшему стеллажу с рулонами пленки. Пленочные многокилограммовые бобины (кое-какие достигали в своей массе более центнера, транспортировались на специальной тележке и одевались на станок с помощью турели) раскатились в разные стороны, многие помялись и испорти-

лись, нанеся фабрике некий финансовый ущерб. От беготни камера на брюквинском лбу съехала, но он не забывал то и дело поправлять ее. Что могло уронить такой большой стеллаж? Теоретически в него мог врезаться автопогрузчик, но тот стоял выключенный и без водителя в другом месте. А что же тогда? Ведь цех пуст, а такие конструкции так просто сами собой не падают.

И тут присмотревшись к месту падения Женя увидел под стеллажом тело. С помощью Максимилиана Громовержца он кое-как приподнял неподъемный металлический стеллаж и чуть сдвинул его с придавленного человека. Это оказался один из тех двух рабочих, что дважды встречались им в цеху. Тот который постарше и с бородой. Неудачливые грабители озабоченно присели к пузатому мужчине. Он был определенно мертв, во всяком случае признаком жизни он не подавал. Его грудная клетка была частично вдавлена, изо рта тянулась кровавая река, впитываясь в бороду.

09:50 – 10:03

Ему было противно даже прикасаться к юному мерзавцу и он бы спустился в цех и нашел бы какие-нибудь чистые хлопчатобумажные перчатки, которые регулярно выдавали рабочим (он бы обязательно нашел чистые, для пущей верности еще слепленные между собой резиновыми клейками), но для этого Даниилу Данииловичу пришлось бы на какое-то время оставить этого ублюдка одного. Приходилось переси-

ливать себя и работать голыми руками. Сперва, прежде чем браться за молодого гаденыша, Шепетельников свесил голову вниз в цех и убедился, что второго гада (бородатого) как следует придавило стеллажом с бобинами пленки. Здоровяк не шевелился, из-под груди бобин высовывалась нога, а по бетонному полу медленно растекалась темная кровь. Одна стойка стеллажа лежала прямо на том месте где у мужика должна быть голова.

Шепетельников кивнул. С этим покончено, теперь надо браться за молодого. Генеральный директор заволок юношу обратно в кабинет Соломонова и усадил на вращающийся стул. Переведя дыхание и ополоснув руки в чавкающей под ногами воде, Даниил Данилович нашел в ящике стола скотч и как следует примотал им бессознательное тело молодого человека в красной курточке «Фрунзенская птицефабрика №1». Вот тварь! Шепетельников самолично одобрял дизайн фирменной спецодежды, выделял на пошив средства, выдавал каждому работнику за счет предприятия, а этот сукин сын плевать хотел на его заботу, одел какую-то паршивую «Птицефабрику»! Где он только ее взял? А ведь Даниил Данилович знал этого недоросля. Ну не лично, конечно, не хватало еще чтобы Шепетельников лично знакомился со всеми рабочими. Но генеральный неоднократно видел эту молодую рожу, слишком миловидную, чересчур привлекательную чтобы работать на таком предприятии как ОАО «Двери Люксэлит». Такому симпатяге, за которым, наверное, все

бабы бегают, работать бы в каком-нибудь ночном клубе за барной стойкой или, на худой конец, в офисе дилерской компании. Что он тут делает, в этой омерзительной клоаке, известной под брендом «Двери Люксэлит»? Это ведь совсем не его уровень.

Молодой человек глухо застонал. Шепетельников поморщился. Какой отвратительный звук. Как будто младенец обоссался во сне. «На каком же станке ты ищачишь? – думалось Даниилу Данииловичу. – На четырехстороннем фрезеровочном? Нет, там другие. На большом прессе? Не помню, да и какая мне, к чертям собачьим, разница!»

Не желая испачкать ладонь в крови Шепетельников хлопнул гаденыша по щекам бирюзовой пластиковой папкой с какими-то документами. Несколько листочков из папки выпали и плавно упали в воду под ногами. Молодая скотина мотнула теменем, промычала что-то телячье и, наконец вскинула голову и раскрыла глаза. Левую часть лица заливала кровь из рассеченного виска над ухом.

– Только не ори! – предупредил Шепетельников, снимая свою меховую шапку-кастрильку и аккуратно вешая ее на высокую напольную вешалку. Ему становилось душновато в зимней одежде. Молодой же задержался, пытаясь освободиться, напряг мускулы плеч и груди, но скотч так просто не рвется. Недаром же во всех триллерах и боевиках жертву связывают именно скотчем.

– Вы что делаете? – молодой по привычке обращался к

своему главному боссу на «вы». – Отвяжите меня! Эй, отвяжите! Вы что?

– Не ори! – рывкнул Шепетельников и наотмашь шлепнул молодого мерзавца папкой по щеке. Раздался звонкий хлесткий звук. Молодой человек обескураженно вылупил глаза, но рот прихлопнул. – Будешь орать – сильно пожалеешь. Понял? – молодой все еще молчал, не совсем осознавая свое затруднительное положение. – Я спрашиваю – понял?

– Да...

Шепетельников поправил свои большие квадратные очки в черепаховой оправе. Оставив привязанную жертву в центре кабинета, он подошел к окну, широкий подоконник которого был совершенно пуст. Соломонов отличался поразительным даром не задумываясь избавляться от лишних предметов, которые, по его мнению, ему не пригодятся длительное время или без которых он может обойтись. В его кабинете не было ничего лишнего, только то что нужно непосредственно для выполнения работы, а все постороннее он считал лишними пылесборниками. Даниил Даниилович встал возле окна и призадумался. Почему-то в этот неоднозначный момент его потянуло на философский лад и он в очередной раз подумал над разнообразием видов из окон. В мире миллиарды окон и столько же видов, виды из окон никогда не повторяются и у каждого окна свой вид. Даже если окна расположены рядом, но виды у них хоть чуть-чуть, но отличаются. Это как отпечатки пальцев у человека, невозможно найти

двух людей с одинаковыми отпечатками, пусть они будут даже однойцевыми близнецами. Так же с окнами. Вот у этого окна вид такой – часть бокового двора, часть парковки, слева – трасса и лесопосадки, справа – виднеется соседнее крохотное закрытое СТО. Вдалеке, если присмотреться, то сквозь пургу можно различить жилые панельные городские пятиэтажки. И этот вид принадлежит исключительно этому окну, а вот у соседнего окна, что расположен в комнате мастеров вид будет похож, но чуть-чуть отличаться. Из другого окна парковку видно чуть больше, а еще видно, как работники переходят трассу по пешеходному переходу чтобы попасть на остановку общественного транспорта.

Даниилу Даниловичу стало очень противно. Как ему надоела эта проклятая фабрика! Как ему обрыдло ежедневно смотреть один и тот же пейзаж из окна своего кабинета (отсюда офисное здание не видно). Кто бы знал до чего ему тошно! Он по-прежнему был одет по-зимнему, от чего ему становилось душно. Шепетельников распахнул окно, впустив в кабинет ледяной ветер зимней метели. Вот так стоя лицом к распахнутому настежь окну и сцепив руки за спиной, он невольно придался грустным воспоминаниям. Он знал, что стоит тут последний раз в жизни, что огнеопасный газ уже послан по системе вентиляции и до большого взрыва пройдет около десяти-двенадцати часов, может больше. Пройдет этот день, пройдет ночь... Наверное, под утро рванет. Завтра в это же время вот под этим самым распахнутым сей-

час окном будут стоять пожарные расчеты, возможно к этому самому окну будут тянуть лестницу. Сюда в этот залитый водой из кулера кабинет заведующего производством полезут спасатели, не зная, что хозяин этого кабинета объят пламенем в самом цеху. Мерзавцы! Все мерзавцы и твари! Как же Шепетельников их всех ненавидел, не только пожарных, но и вообще всех. Была бы его воля, он спалил бы весь город, всех знакомых, всех родных, всех с кем сводила его судьба. Избавился бы от многочисленных носителей информации о нем. Люди много о нем знают, многие видели его с непристойной стороны, кое-кто кое-что знает о нем такого, чего бы ему не хотелось, чтобы они знали. Вот в чем проблема, люди имеют свойство накапливать информацию, включая плохую, недостойную, а за долгую жизнь Шепетельников заставил многих людей запомнить о нем достаточно многое, чтобы ему приходилось все чаще тревожиться и беспокоиться. Его любимый художественный фильм – «Люди в черном», особенно моменты, когда спецагенты стирают память у свидетелей. Они легко и непринужденно достают какую-то маленькую палочку, одевают темные очки и сверкают палочкой перед лицом жертвы. Короткая вспышка и все! Жертва все забыла. Даниил Данилович мечтал о такой палочке-сверкалке, он не бросал попыток найти что-нибудь подобное в интернете, но пока безуспешно. Он даже попробовал попрактиковать гипноз, которому пытался обучиться по карманному самоучителю, но только в очередной раз опростоволосился и сохра-

нил у кое-кого лишние бесстыдные воспоминания. Этого человека пришлось уволить по какому-то пустяшному поводу, только бы больше не встречаться с ним взглядом, не здороваться и что самое главное – не позволить распространить о нем нехорошую информацию. С глаз долой – из сердца вон, как говорится.

Эх, как жаль, что он не Сталин, не может уничтожать всех неугодных. Как жаль, как жаль...

Перекошенный от досады Шепетельников резко отвернулся от распахнутого окна и вернул взор на привязанного к стулу работника. На каком же станке он работает? На шлифовальном? Нет. Даниил Даниилович не мог вспомнить, а спросить не решался. Это будет шаг слабости. Молодой работник сидел и пытел от натуги, лицо его было бледным, он замерзал. Юный глупый ублюдок! Сволочь!

Генеральный директор взял с рабочего стола лежащую на боку настольную лампу и вынул вилку из розетки, сам провод одним движением вырвал из лампы. Ненужная лампа полетела на пол, подняв брызги холодной воды. Ни слова ни говоря Шепетельников подошел к жертве со спины и накинул проволочную удавку ему на шею. Молодой человек вытаращил задергался и захрипел.

– У меня только один вопрос, – тихо и почти нежно проворковал Даниил Даниилович работнику на ухо, стоя у того за спиной и затягивая удавку. – Только один. Слышишь меня? Топни ногой, если слышишь?

Молодой человек энергично затопал ногами. Удавка все затягивалась и затягивалась.

– Я тебя в любом случае убью, – продолжал Шепетельников. – Но имей в виду, скорость убиения будет напрямую зависеть от тебя самого. Ответишь быстро и честно – я награжу тебя счастьем мгновенной смерти, будешь упрямиться – растянешь себе удовольствие. Я ясно выразился?

Человек задергался еще энергичней. Его до того бледное лицо налилось кровью, глаза готовы были вылезти из орбит, но Даниил Данилович все затягивал и затягивал, прислушиваясь к мелкой вибрации агонизирующего тела, к бешеной пульсации жил. Он не давал жертве возможности не то чтобы что-то произнести, но и сделать даже вдох. Молодой человек под его руками запыхтел, утробно загудел, особо сильно задергался и в конце концов обмяк. Руки его безвольно упали повисли плетьюми, шея расслабилась, голова упала на грудь, запахло мочой. Напротив них на стене висело зеркало и Даниил Данилович смотрел в него на умирающего молодого человека, на его раздувшиеся щеки и вытаращенные глаза, на то как кожа на лице и шее меняет цвет, на судорожные гримасы агонизирующего.

Шепетельников снял удавку. Рабочий не шелохнулся.

Зверски ухмыльнувшись, Даниил Данилович набрал в ладони воды из-под ног и плеснул ее в какое-то некрасиво опухшее лицо молодого человека. Потом похлопал того по щекам бирюзовой папкой для документов. Человек задер-

гался и с надсадным стоном втянул в себя насыщенный влагой и морозной метелью воздух. По его лицу побежали слезы, он глотал воздух, кашлял и ныл подобно идиоту.

– Вопрос только один, – бесстрастно продолжал Шепетельников. – Где деньги?

Юный дурак отрицательно покачал головой с мольбой глядя в безжалостные глаза своего мучителя. У него были довольно красивые синие глаза, до того привлекательные, что Шепетельникову стало гадко.

– Не слышу, – потребовал он.

– Которые были в сейфе? – едва выдавил из себя молодой человек непослушными голосовыми связками.

– Да.

– Не знаю.

– Не знаешь?

Ответом было отрицательное покачивание головой. Даниил Даниилович пожал плечами и вновь накинул проволочную петлю.

09:55 – 10:01

– Это он! – в третий раз повторил Максимилиан Громовержец и для пущей уверенности указал на мертвеца римским мечом.

– Убери ты свою саблю! Ты чуть мне щеку не порезал!

– Я догадался! – говорил Максимилиан Громовержец, пораженный своим внезапным выводом. – Теперь все встало на

место! Ну естественно!

– Да убери ты саблю!

– Это не сабля! Ты что не разбираешься в оружии?

– Я разбираюсь в оружии.

– Ничего подобного! Ты не отличаешь саблю от римского меча! Это же совершенно разные формы клинка...

– Да какая разница...

Максимилиан Громовержец принял какую-то напряженную позу, чуть согнул ноги и сделал несколько молниеносных движений, размахивая полуметровым мечом прямо перед лицом Жени Брюквина. Обоюдоострый клинок рассекал воздух со свистом в непосредственной близости от Брюквина, его даже обдуло ветерком. Вжих! Просвистел меч с лева направо. Вжих! Молниеносная дуга сверху вниз и направо. Удар с разворотом и выпад вперед. Вжих! Женя Брюквин увидел, что у него разрезана одна бретель и полукомбинезон осел на одну сторону.

– Это гладиус римского трибуна Латиклавия! – Максимилиан Громовержец не просто говорил, он рычал. – Им владел старший офицер ранней римской республики! В четвертом столетии до нашей эры военная структура римских легионов усложнилась, боевой порядок с классической фаланги был изменен на манипулярный. Ты хоть знаешь, что это значит? Ты хотя бы догадываешься в каких битвах участвовал этот славный гладиус? Что ты знаешь о времени домината Диоклетиана?

– Не хочешь же ты сказать, что это настоящий меч? Чувак, у тебя в руке настоящий римский меч?

– Разумеется!

– Где ты его взял, приятель?

– Долгая история. Потом может быть расскажу.

– Господи, Максим...

– Не называй меня так! – невысокий напарник Брюквина направил острие своего римского меча Жени в грудь и показал зубы. – Сколько раз тебе повторять – не называй меня так! Не называй меня так!

– Лады-лады... Как скажешь, дружище! Гладиус, так гладиус, – только убери его от меня. Убери. Сделай глубокий выдох... Сделай... Сделал? Теперь просто отведи меч в сторонку... Вот так. Так о ком ты говорил? – раздраженно спросил Женя Брюквин.

– Это он и есть! – произнес Максимилиан Громовержец перевел острие меча на крупного человека под стеллажом. – Это же и есть начальник производства которого мы ищем! А тот второй, который с ним был, который молодой – главбух! Или наоборот. Это они и есть! А кто же еще, если не они!

– Посмотри во что он одет, Макс... симилиан Горомовержец. Такое носят рабочие. Это спецформа.

– И что? Переоделись в рабочих, чтобы не вызывать подозрения! – заключил Максимилиан Громовержец. – Мы ведь тоже нацепили эти комбинезоны. Я тебе отвечаю – это директор! Смотри какое пузо! У него деньги! Проклятье, как

мы сразу не догадались!

Что тут началось! Двое налетчиков, забыв об оружии, налетели на мертвеца и принялись расшвыривать по сторонам бобины с пленкой ища под упавшим стеллажом кейс с деньгами.

– Деньги у второго! У молодого! – яростно крикнул Брюквин, раскидав все бобины и с отвращением обыскав раздавленный труп. – Надо найти второго!

И вдруг мертвец под его руками чуть пошевелинулся, захрипел... Глаза на его лиловом от синяков лице слабо открылись, и он попытался что-то сказать.

– Он живой! – подскочил Максимилиан Громовержец, показывая коллеги по ограблению, что отчего-то больше боится вида ожившего, чем умершего человека. – Что он говорит? Что говорит?

– Не разберу, – признался Женя Брюквин.

– Кайф... кайф... – хрипел улыбающийся бородач.

– Где второй? – четко по слогам спросил Брюквин. – Где бабло?

Но здоровяк только закатывал глаза и блаженно улыбался. Женя с грубой настойчивостью повторил вопрос, но бородач не был настроен на диалог.

– Ну ладно, будет тебе кайф! – рявкнул выведенный из себя Брюквин и приказал Максимилиану Громовержцу помочь высвободить ожившего мужчину из-под стеллажа. – Сейчас мы тебе такой кайф устроим! Где деньги, спрашиваю? Не

мотай головой – говори, пока язык шевелится! Нет? Не хочешь? Сейчас захочешь!

09:55 – 10:00

Только она чуть-чуть успокоилась и почти перестала обнимать кейс с деньгами словно родного младенца, как очень близко от слесарки в которой она пряталась под дверью, раздался оглушительный грохот. Оксана не была к этому психологически готова, ее нервы и так были натянуты как струны и от внезапного шума она закричала и упала животом на кейс. Закрыв голову руками, она вжалась в пол и визжала, когда буквально за дверью, за которой она сидела, сильно гроыхнуло. Что это? Не иначе как взрыв. Граната или бомба, а вероятнее всего – взрыв гаубичного снаряда, выпущенного с улицы. А как еще объяснить грохот? Закрывая голову от осыпавшейся вниз стеклянной перегородки, Оксана Игоревна охрипла от крика. На этот раз в хрустальное крошево разбилась почти вся стеклянная перегородка, отделяющая слесарку от цеха.

Кот, дико возопив, бросился вон из слесарки, бешеной пулей выпрыгнув прямо в разбитое окно.

Шум и грохот стих, оставив после себя звон в ушах. Молясь всем богам, Оксана дрожала на полу, бережливо словно дитя родное прикрывая своим телом заветный кейс. Что-то упало на нее, какой-то предмет со слесарского стола на тонких металлических ножках. Ее спину защитило белое

пальто. Она еще долго лежала, боясь поднять голову и даже открыть зажмуренные веки. Перед ее мысленным взором мелькали кадры из детства: она идет на день рождения мамы, она учится рисовать гуашью, она загорает с подружками на пруду, она плачет и жмет щекой к папиному плечу, а он щекочет ее длинными волосами, она едет с ним на мотоцикле, он поет грубую песню панк-группы «Красная Плесень», а она намертво цепляется ручками за его кожаную жилетку, она смотрит детскую передачу и отворачивается от очередного скандала между родителями, она сидит в театре кукол и смотрит на очень несимпатичных персонажей, она играет в песочнице, она прикладывает подорожник к расцарапанной коленке...

Сцены из прошлого резко и грубо сменились диафильмом из настоящего – подросток сидит на диване, смотрит «Дом-2» и грызется на мать, а сама Оксана чередует пихарей и любовников с нездоровой периодичностью, которая не понравилась бы ее родителям, даже маме. Где ее мама? Умерла. Где папа? Где-то в Санкт-Петербурге, они давно не поддерживают связь. Он болеет, у него титановая пластина во лбу. После полученной в драке травмы он стал плохо соображать, не может подолгу концентрировать внимание на одном предмете, со временем стал все хуже себя обслуживать. Когда она видела его последний раз, от него пахло прелостью, он изменился в худшую сторону и смотрел на мир равнодушным взглядом типичного флегматика. О папе она

больше не хотела ничего знать, она надолго испугалась его и старалась стереть его вид из памяти. Такой отец ей был неприятен, она не хотела его знать.

Оксана Альбер осторожно приподняла голову, убрала волосы. Вроде-бы тихо и порохом не пахнет... Проверив целостность заветного кейса, содержимое которого обеспечивало ей беззаботное будущее во французском городе Леон – родиной предков ее матери (или отца? Она забыла), Оксана приподнялась и на полусогнутых ногах выглянула в разбитое окно, от которого остались лишь острые застрявшие в раме стекляшки, в них отражалась перепуганная до смерти женщина в пальто и с кейсом в руках. Огня не было, дыма тоже. Лишь густое облако пыли. Уже хорошо. Но неподалеку от слесарки лежал поваленный стеллаж с рассыпавшимися во все стороны бобинами с пленкой для оклеивания дверей. Так вот что грохнуло, упал тяжелый металлический стеллаж, а стеклянную перегородку выбили отлетевшие фрагменты металлической конструкции. Оксана увидела, как двое незнакомцев в синих полукомбинезонах извлекают из-под упавшего стеллажа пострадавшего – крупногабаритного человека в фирменной фабричной форме. Все-таки кого-то придавило! Один из двоих поволок потерпевшего куда-то в сторону, не слишком-то заботясь о бережном обращении с пострадавшим. Бедняга был жив и Альбер вскинула брови, узнав в раненом рабочем своего знакомого. Это же Юрий Пятипальцев, наладчик оборудования! Они были

знакомы. Но куда эти двое волокут его так грубо, будто он уже умер и им приходится иметь дело с трупом, а не с живым человеком? Прячась в слесарке и стараясь не порезаться об острые осколки стекла в раме, Оксана наблюдала за действиями незнакомцев, один из которых держал в руке странный удлинённый предмет, напоминающий детский меч для игр в рыцарей.

10:02 – 10:15

– Ну хотя бы чемоданчик ты можешь взять?

– Нет.

– Почему?

– Потому что у меня одна рука.

– Но ей ты можешь нести чемоданчик.

– Нет.

– Почему?

– В этой руке у меня гладиус.

– Так убери его в свою штанину.

– Не уберу.

– Почему?

– Ты же видишь, что с этой стороны у меня привязан пакет с моей ладонью.

– Скажи, ты ведь специально отхватил себе клешню, чтобы мне не помогать, да?

– Нет.

Женя Брюквин махнул рукой и поволок тяжеленного

мужчину за руки. Тот не сопротивлялся, похоже он был в болевом шоке. Держащий свой драгоценный римский меч в единственной руке Максимилиан Громовержец сопровождал его, двигаясь за ним на полшага позади и спрашивая куда они движутся. Брюквин ответил, что знает тут один станок, который он хочет использовать по одному назначению. Станком оказался полуавтоматический пресс, для склеивания дверных деталей.

– Послушай, громоподобный, то-есть... Громовержец... – говорил Брюквин, волоча тяжелую тушу Юры Пятипальцева.

– Максимилиан Громовержец!

– Да, как тебе угодно...

– Называй мое имя правильно!

– Послушай, – Брюквин отпустил полуживого рабочего и принялся завязывать бретельку полукомбинезона узлом. – Ну зачем ты разрезал мне лямку на штанах? Неужели нельзя было без этого?

– Нет.

– В кадре я должен быть в приличном виде, а теперь у меня штаны на узелке. Ну вот кто тебя просил? И вообще, – Женя Брюквин подергал завязанную бретельку и вновь взялся за тело Пятипальцева, – ты не мог бы не умничать перед камерой. Вот для чего ты заговорил о своей римской республике, о манипулярном боевом порядке римских легионеров? Для чего? Чтобы выставить меня дураком? Необразованным

двоечником? Ты же знаешь, что я все снимаю на камеру, а ты своими древнеримскими премудростями испортил такой хороший кадр. Его придется стирать, я не могу показывать себя в плохом свете. У меня крайне мало хороших моментов, так что, прошу тебя, не порти хотя бы то, что есть, не выгляди умнее меня. Мы же договаривались. Хорошо?

– Да.

– Твои ответы могли бы быть более развернутыми?

– Да.

Брюквин вытер выступивший пот и вздохнул.

– Вот когда тебя не просят – ты болтаешь, а когда надо – из тебя слова не вытянешь.

Эту фразу Максимилиан Громовержец никак не прокомментировал, зато спросил, что Брюквин задумал насчет полуживого тела, найденного под рухнувшими стеллажами.

– Помнишь, я рассказывал, что устраивался сюда в этот цех на работу? – ответил Женя Брюквин, пыхтя от натуги. – Конечно, устройство на работу было лишь предлогом, чтобы попасть в цех и разведать обстановку. Я сказал, что хочу работать станочником и меня поставили учеником на один станок, который тут называется двухпролетный пресс. – Говоря эти слова Брюквин доволоч тело Пятипальцева до упомянутого в рассказе станка. Бросив на минуту тело морщившегося и стонущего Пятипальцева на пол, Женя Брюквин включил небольшой семитонный станок, представляющий собой пресс с двумя пролетами разделенными стальной пло-

щадкой. Зеленоватыми цифрами загорелось табло. Горячий гидравлический пресс предназначался для приклеивания на дверные каркасы листов ДВП, это был маленький, можно сказать дополнительный пресс, а основной находился рядом и производительность его была раз в десять больше. На большом прессе Жени Брюквину поработать не удалось, поэтому он не понимал ни его устройство ни принцип работы, а вот малый – двухпролетный – за полдня успел немного изучить.

В день, когда он, наврав в отделе кадров, что желает устроиться на фабрику станочником, его поставили сюда – на горячий двухпролетный пресс, в помощь уже работавшей здесь женщине, оставшейся без напарника по причине увольнения того по собственному желанию. Женщина оказалась очень привлекательной, она сразу понравилась Евгению и он не сводил с нее взгляда, постоянно забывая об истинной цели своего пребывания здесь, а именно о разведке и осмотре цеха. Работница была как раз в его вкусе – невысокая, с замечательной грудью и попой, привлекательное лицо с постоянной улыбкой, за которой скрывались ухоженные белые зубы, что для людей рабочих специальностей и крестьян было скорее редкостью, чем нормой. Длинные мелированные волосы были стянуты на затылке в тугий конский хвост. Оля – так звали женщину – все делала с улыбкой – загружала станок дверными каркасами, накрывала их намазанными на другом станке другим рабочим листами ДВП, выравнивала, нажимала кнопки и регулировала давление и время сжатия, вы-

таскивала горячие склеенные дверные полотна и с помощью Жени Брюквина укладывала их на поддоны. Женя помогал ей, не отрывая зачарованного взгляда от ее улыбки и титек, а под конец рабочего дня не выдержал и пригласил Олю в кафе. Она улыбнулась и спросила: «Зачем?». Стараясь не растеряться, Женя пригладил усики и сказал, что хотел бы пообщаться с ней поближе. Он так и сказал: «Почему бы нам не пообщаться поближе?», на что Оля простодушно ответила: «Так мы и так будем общаться сто семьдесят восемь часов в месяц. Тебя ставят со мной в смену». Тогда Жени пришлось объяснять, что он имеет в виду не совсем то общение, которое происходит в фабричной обстановке на виду у полсотни людей, что он не прочь-бы наладить близкий контакт, познакомиться, узнать друг о друге.

Оля опять спросила: «Зачем?» и улыбнулась так мило, что Женя, все-таки растерялся. Неужели она не понимает, зачем мужчина приглашает женщину в кафе? Оля улыбалась и ждала ответа, глядя на Брюквина чистыми умными синими глазами. И тут он осознал, что она все понимает. Абсолютно все. Зачем он приглашает ее в кафе? Пообщаться? Познакомиться? Ну и это тоже, но в конечном итоге единственной целью этого вечера будет секс. В идеале секс должен был быть в тот же вечер и при этом не тратя времени на общение и знакомство. В крайнем случае, секс должен быть чуть позже, на следующем свидании. В самом плохом варианте – Оля должна будет хотя бы дать надежду на скорый секс. Но луч-

ше всего, разумеется, было бы лучше всего, если она выпьет лишнего и сама полезет на Женю Брюквина с вытянутыми в трубочку губами и вываливающимися из декольте грудями. И ведь Оля прекрасно понимала, что Женя в конечном итоге рассчитывает именно на это. «Ну если ты не хочешь... что-ж...» – пошел на попятную покрасневший Женя и был вынужден снять свое предложение. Поначалу, отвернувшись и замкнувшись на выполнении работы, Женя хотел возненавидеть красавицу Олю всеми фибрами своей души, но, проанализировав сложившуюся ситуацию, он остыл и даже восхитился женской прозорливости. Оля отшила Женю, сказав всего лишь невинное «Зачем?».

На следующий день Женя не пришел на работу и белокурую Олю больше не видел, зато подумал, а что было бы если бы они все-таки пошли в кафе.

– Так значит ты был в цеху, – вдруг строго произнес Максимилиан Громовержец. Его слова эхом отразились от металлических поверхностей станков. – Был на разведке и ни фига ничего не разведал?

– Почему не разведал? – оскорбился Брюквин. – Разведал!

– Тогда почему мы бегали по цеху как слепые котята? Почему ты ни знаешь, что где стоит и куда двигаться? Почему ты не знаешь, как выглядит начальник производства?

Женя потупил взгляд. Ну как ему объяснить, что он как загипнотизированный удавом кролик смотрел только на Олину улыбку и думал о страстном пьяном сексе с ее непо-

средственном участии? Да, он не выполнил свое собственное задание, не осмотрелся в цеху, не разобрался в обстановке. Он этого не сделал и Олю не поимел. Да, ему стыдно. Да, он признавал за собой двойной косяк, но Максимилиан Громовержец и тем более зрителям его видеозаписи никогда не должны этого узнать.

– Почему ты не знаешь, как выглядит начальник производства? – настаивал на ответе Максимилиан Громовержец.

– Потому что его не было. Он куда-то отъезжал по делам. Я только с мастером разговаривал. Маленькая такая женщина с черными волосами. По фамилии Кротова... – это была правда. Про Олю Брюквин умолчал.

После включения двухпролетного пресса Женя открыл кран с горячей водой, поступаемой по трубопроводу напрямую из кочегарки, но, когда поступаемый в прессовые столы кипяток нагреет их до девяносто четырех градусов ждать не стал. Нажатием команд на табло Женя открыл пролеты (гидравлика сработала, значит компрессоры включены) и повторно взялся за находящегося в полуобморочном состоянии тело бородача. Он оказался очень тяжелым, Брюквину пришлось немало потрудиться и посквернословить, прежде чем уложить бородача в один из двух пролетов.

Пятипалец не понимал, что с ним проделывают, его сознание затмила боль от сломанных ребер и многочисленных внутренних повреждениях. Малейшее движение отражалось на нем адскими болями, от которых он корчился и стонал.

И улыбался.

Наконец Брюквин справился с бородачем и смог перевести дух, мужик оказался тяжелее чем выглядел со стороны, а однорукий Максимилиан Громовержец даже мысли не допускал убрать во вшитые в штанине скрытые ножны свой римский гладиус и помочь товарищу хотя бы одной рукой. Нет, он не отпускал короткий меч, с хмурым любопытством покачивая им в воздухе и время от времени осматривая почти не кровоточащую культю. Похоже, боль ни сколько его не беспокоила, он был так сосредоточен на деле, что считал отсутствие руки лишь досадным неудобством. Иногда, он, правда, откладывал гладиус на минуту чтобы подтянуть сжимающий артерии ремешок наручных часов и заглянуть в прицепленный к поясу полиэтиленовый пакет с безучастно лежащей в нем ладонью. Женя взглянул на кнопочную панель пресса и почесал затылок. Помимо нескольких кнопок с обозначениями, на Брюквина смотрели три особо крупных – серая, синяя и оранжевая. Напечатанные когда-то обозначения этих кнопок со временем стерлись и Женя просто-напросто забыл какая кнопка опускает столы в ручном режиме, какая в автоматическом, а какая открывает столы. Нажал серую, столы стали сжиматься в автоматическом режиме. Пятипальцев вроде как очнулся и заорал:

– Выключи! Останови! – заревел он. – Желтую нажимая! Желтую!

– Тут нет желтой, – растерялся Брюквин.

– Как нет? – вопил Пятипалец, забыв про адскую боль. – Внизу! Самая нижняя! А-а-а...

– Она оранжевая.

– Жми! Жми!!! А-А-А!

Брюквин быстро нажал на оранжевую кнопку и остановил движение пролетов. Зажатый Пятипалец выл и трясся в агонии. Он умирал и Брюквин молниеносно вдавил серую кнопку, пролеты чуть раскрылись, давая Пятипальцеву вдохнуть.

– А че он улыбается? – спросил как всегда серьезный Максимилиан Громовержец. Взглянув на табло, где температура столов поднялась с семнадцати до сорока пяти градусов, Брюквин посмотрел на зажатого сотрудника фабрики и увидел блаженно морщившегося человека. Человек лежал на животе, его голова и руки висели наружу. Из его глаз капали слезы, окровавленная борода тряслась от агонии, но мужчина не кричал от боли и не корчился, он улыбался.

– Эй, ты чего это? – Женя дал человеку подзатыльник. – Че щеришься? Че смешного?

10:13 – 10:25

Ну что это за человек такой! Даниил Данилович приводит его в чувства уже третий раз, а он все равно не желает говорить, неприятно потрясая Шепетельникова своим тупым бессмысленным упрямством. Генеральный директор, теряя терпение, хлопал пластиковой папкой по приобрета-

шим нездоровый багряный оттенок щекам молодого молчуна. С каждым разом приводить его в чувство было все труднее, сейчас ему пришлось брызгать молодого юношу водичкой из-под ног, собирать снег из-за окна и тереть им мерзкую харю привязанного человека. Тот стонал, мычал, плакал, но по-ослиному мотал головой и сдавленными голосовыми связками умолял не мучить его, заклинал, обещал все блага на свете, подобно джинну клялся в исполнении любого желания своего босса. Обещал немислимые деньги, который у него отродясь не было и не будет, клялся быть верным вечным рабом. О, как он унижался, только бы Шепетельников не накидывал ему на шею свою проволочную удавку. Но где он спрятал украденные из сейфа деньги – он не говорил. Богом клялся, что не знает где они, что не держал их в руках и не видел их. Врал, конечно. Эти молодые тупицы всегда врут даже в мелочах. А уж что касается больших денег...

И Шепетельников безжалостно продолжал. Придушивал жертву снова и снова.

– Где деньги? – озверело спрашивал он у едва живой жертвы.

– Не знаю, – хрипло глотал воздух молодой дурак. – Не знаю! Клянусь – не знаю! Их не было!

– Да что ты говоришь? – Даниил Даниилович подошел к жертве так близко что мог дышать непосредственно его потом. – Вчера вечером они были. Были. А сегодня я захожу сюда и вижу такую картину – все разгромлено, переверну-

то вверх дном, а посреди кабинета двое посторонних. Сейф вскрыт, денег нет. Что я должен подумать? Что? Отвечай! Ты бы что подумал?

– Я бы подумал, что... их взял тот у кого был ключ... от сейфа.

– У вас был ключ!

– Не было.

– Зачем вы двое сюда тогда приперлись? – шипел Шепетельников. – Что вам тут делать?

– Мы хотели взять бабло, – признался молодой. – Хотели! Да! Но их уже не было, богом клянусь. Их взял кто-то другой!

– Кто-же?

– Я же говорю, тот у кого есть ключ от сейфа. Может быть Соломонов. Константин Олегович. Это ведь его кабинет, он и взял.

– Да что ты говоришь? – Даниил Данилович хлопнул привязанную к стулу жертвой пластиковой папкой по лбу. – У него денег нет.

– Откуда вы знаете?

– Потому что он лежит внизу в цеху. Он сдох, но его карманы пусты как твоя голова, – Шепетельников накиннул на молодого работника в красной куртке проволочную удавку. Тот захрипел, напрягся, надул щеки. – Слушай, ублюдок, я не знаю, что тут произошло, кто первым влез в кабинет и вскрыл сейф, но из вас троих теперь только ты один можешь

мне что-то объяснить и вернуть украденные деньги. Я знаю, что ты и твой толстый дружок-наладчик были заодно с Соломоновым. Вы украли деньги и ты мне скажешь куда вы успели их спрятать. Или с вами был еще кто-то? Деньги у него? У вашего четвертого друга? Тогда ты мне сейчас скажешь где он.

Генеральный директор ОАО «Двери Люксэлит» смотрел прямо в закатывающиеся глаза своей жертвы. Соломонов умер и обгорит до тла, та же самая участь уготована и бородатому наладчику, раздавленному стеллажом с пленкой. Шепетельников не заботился об их телах – завтра все спишут на пожарище, тела обгорят до неузнаваемости, и только тест на ДНК может установить кому какие останки принадлежали. Но наличие четырех тел (включая еще Коломенского и этого молодого молчуна, задушенный труп которого Даниил Даниилович в конце допроса выбросит вниз в цех) вызовет у следователей кучу вопросов. Огромную кучу вопросов, уведших их в противоположную от Шепетельникова сторону. Как это ни странно, но наличие нескольких разрозненных тел играет на руку Даниилу Данииловичу, создаст неразбериху, путает следствие. Только надо будет как-то очень уж сильно повредить шею этого юноши, чтобы мед-экспертиза не смогла объединить двое тел, умерщвлённых одним способом – с помощью проволоки. Хорошо бы еще накрыть тело полиэтиленовыми пленками, облить горючей жидкостью или присыпать древесными стружками – это тело

должно обгореть как можно сильнее.

Даниил Данилович ослабил удавку, но обмякшая жертва уже не подавала признаков жизни. Ее пришлось опять хлопнуть по щекам, брызгать водой и щипать. Проклятье – уже в четвертый раз! Ну если и на этот раз молодая сволочь будет упрямится и играть в недоделанного разведчика, надо будет придумывать что-то другое. Но, право слово, Шепетельникова воистину поражала юношеская стойкость. Как будто он и правда не знает где украденные деньги.

На этот раз приводить в чувство его пришлось дольше, он долго не приходит в себя, а потом долго не мог сделать вдох, спазматически дергаясь и как рыба, хлопая ртом.

– Да говори же ты, сука! – не выдержал Шепетельников. – Говори! Говори!

Он принялся бить несчастного кулаками по лицу. Правой! Правой!левой! Голова молодого человека безвольно принимала удары и дергалась из стороны в сторону. Еще удар! Еще! Юноша вдруг склонился на бок и чуть не упал – путы лопнули. Пацан вмиг воспользовался этим и оттолкнул Шепетельникова. Не ожидавший такого поворота, генеральный директор шлепнулся на мокрый пол, подняв фонтан брызг и промочив свою зимнюю одежду. Этого еще не хватало! Как он пойдет в мокрой одежде под ледяной метелью! Молодой человек вскочил со стула, но тут же пьяно пошатнулся и едва удержался на ногах. Шепетельников ударил его по ноге, заставив сложиться молодого пополам.

Неожиданно освободившийся юноша ураганом налетел на своего мучителя, откуда только силы взялись! Теперь уже он начал избивать лежащего в воде Даниила Данииловича, сломав ему квадратные очки. Разбитое стекло поранило Шепетельникову глаз, от острой боли он зажмурился и зарычал. Но удары не прекращались – молодой юный организм бил и бил своего босса, выбивая у того передние зубы. Даниил Даниилович не сдавался – он умудрился ударить молодого ботинком в нос. Брызнула кровь.

Поднявшись на ноги, раненый в глаз Шепетельников нашарил на стене (без очков он потерял четкость зрения) какой-то прямоугольный предмет, оказавшиеся электронными часами и нанес ими удар. Еще удар. Молодой отбивался и нападал сам. Стол полетел в сторону, рама открытого окна отломилась и упав на мокрый пол разломалась, стекло распалось не несколько неровных угловатых осколков, хрустящих под ногами. Шепетельников ударил еще чем-то молодого ублюдка и получил похожий удар в челюсть. Со звериным ревом он налетел на работника в красной курточке, намереваясь вложить в удар по лицу всю свою силу, но упал, подсеченный по ногам. Они вдвоем повалились на пол, ломая и круша все вокруг себя, поднимая протуберанцы брызг, окропляя кабинет кровью.

Молодой изощрился и в порыве гнева врезал Даниилу Данииловичу чем-то угловатым в живот. Шепетельников задохнулся и зашелся надрывным кашлем. Пользуясь этим,

юноша налетел на своего шефа и сжал руки на его шее. Теперь уже юноша душил своего бывшего палача. Тот хрипел и тужился, но молодые руки оказались значительно сильнее. Юноша налег на Даниила Данииловича всем телом.

Через две минуты все было кончено...

Лева Нилепин очень осторожно – палец за пальцем – ослабил хватку, потом отпустил шею своего бывшего директора. Только сейчас он увидел, как сильно поколотил Даниила Данииловича – ссадины по всему лицу, поломанные зубы, кровоточащий распахнутый глаз. Шепетельников умер с открытыми глазами. Нилепина била крупная дрожь, непослушным телом он кое-как слез с мокрого шефа, перевалился на бок, упал спиной в холодную воду и вдруг почувствовал резкую острую боль в паху.

Его живот был вспорот осколком зажатого в руке Даниила Данииловича оконного стекла. Второй рукой бывший генеральный директор ОАО «Двери Люксэлит» успел выдернуть левин кишечник. Сейчас петля кишки была вынута из живота и зажата в судорожно сжатом кулаке Шепетельникова.

– Ой, – пробормотал Лева.

10:18 – 10:33

Мужчина с грохотом поставил в центре жаркой кочегарки мойку высокого давления «Керхер», размотал шланг и присоединил его к системе водоснабжения. Вставил вилку в удлинитель, нажал на кнопку проверяя. «Керхер» вздрогнул

и с шумом подал сильную струю воды. «Не так сильно», – пробормотал Аркадьич и снизил мощность. Под звуки тюремной лирики, раздающейся из колонок усилителя кочегар принялся тщательно и методично проводить упругой струей воды по испачканным кровавыми брызгами стенам, трубам, вентилям, полу. Как оказалось, кровь не просто окропила поверхность кочегарного убранства, она впиталась в пыль и грязь, создав на их основе липкую кашу. Работа оказалась кропотливой, сперва Аркадьич не рассчитывал, что она затянет его на добрую половину дня, но вскоре втянулся. Мощная струя слизывала многомесячные корки грязи, пыль, паутину, обнажая истинный цвет очищенных предметов, блестящих от воды. Аркадьич не унывал, он был даже немного рад непривычной работе, ему нравился результат – чисто, свежо, ново. Как после капитального ремонта. Генеральному, конечно будет все равно, он и носа сюда не сует, а вот от завпроизводства Соломонова можно и похвалы дожидаться, он порядок приветствует. Да и процесс, если не вдумываться в первопричину, доставлял кочегару некоторое удовольствие. Ему не надо тереть тряпками и соскабливать грязь ножиком – за него все делает вода, а он только в такт музыки водит пистолетом со струйной трубкой и направляет ее так чтобы брызги не отлетали на него самого. Ему не жалко старой замусоленной одежды, он ее все равно сожжет в топке, ему просто не хотелось преждевременно намокнуть. Поглощенный планомерным отмытием труб и вентиляй,

Аркадьич постарался выкинуть из головы произошедшее в этих стенах и насладиться лирическими переливами гитарных струн и бархатным глубоким баритоном, тянущим песню о нелегкой доли арестанта и о неразделенной любви к некоей Наташеньке, что приходила на свиданку в платице в белый горошек. Смываемая кровавая жижица текла вниз на пол и собиралась в лужу с неровными краями, нагревалась от пышущего жаром котла и начинала испаряться душным розовым паром. Из-за этого пара Аркадьич опасался открыть дверь для проветривания, посторонние могут подумать, что в кочегарке пожар с задымлением.

Никто не мешал Аркадьичу, кочегар наслаждался одиночеством, которое после семнадцати лет тюрем и колоний-поселений с постоянно переполненными бараками он начал ценить как старый импотент оргазм. Всего у Аркадьича за его почти пятидесятилетнюю жизнь было три отсидки, одну из которых он сидел в тюрьме города Уфы, а две других в колониях строго режима в Мордовии и Оренбургской области. Всего около семнадцати лет, но Аркадьич не считал это большим сроком, если бы удалось доказать все его преступления, то он вообще бы со шконок не слезал. Это он еще хорошо отделялся и хвалил себя за то, что не скупился на адвокатов и шел в крутую несознанку. И тем не менее – семнадцать лет жизни. Подсчитав на досуге каждый свой день заключения и суммировав их воедино, Аркадьич насчитал тринадцать невысоких лет, четыре высокосных года, че-

тыре месяца по тридцать дней, четыре месяца по тридцать одному дню, один двадцативосьмидневный месяц и еще девять суток, девять часов и сорок одну минуту. Сколько это всего – он посчитать не сумел, в школе он учился плохо. А после того как за его сутулой спиной с выступающим позвоночником со скрежетом задвинулись ворота внешнего поста оренбургской колонии-поселения, где он провел шесть с половиной лет жизни и где научился производить шлакоблоки и самостоятельно делать себе наколки, он поклялся перед стаей ворон, что впредь будет избегать большого скопления людей. Свобода в понимании Аркадьича, это не делать что заблагорассудится и перемещаться куда захочется (по мнению Аркадьича это не свобода, а анархия), а возможность быть одному. Просто быть одному, а уж занятия для себя он всегда найдет. За много лет вынужденного пребывания среди уголовников и асоциальных личностей, он просто устал от людей, от того, что все его движения но виду у сокамерников, что разговаривая по душам с кем-то, он знал, что их диалог слышат в камере каждый, анализирует и обдумывает и обязательно вклинить в приватную беседу, а то и подключит всю камеру. Аркадьич устал от небритых харь, от запаха гниющих зубов и кислого пота. И зная, что посторонним людям все вышеперечисленное тоже не нравилось, он старался лишний раз не контактировать с незнакомцами, осознавая, что у него у самого воняет изо рта, что он потеет и не следит за чистотой одежды. У него это выработалось за

годы, но сам себе он был не противен, сам себя он выносил спокойно. Но вот другие...

После отсидки Аркадьич осознанно нашел себе неколлеktivную работу без напарников. Он приходил в кочегарку как домой, жил и работал в ней сутки, слушал любимую музыку, ел, пердел, по ночам тайком от охранника изредка приводил баб, пил с ними и без них, чесал яйца, писал стихи и мысленно подбирал к ним аккорды, курил, спал, размышлял над смыслом жизни, делал что считал нужным и никому до него не было никакого дела. Как раз та жизнь, которая ему была нужна. Безусловно, он не закрывался к кочегарке как в бункере, он не против был почесать языком с товарищами по цеху, которые посещали его теплую обитель или с которыми курил в курилке на улице, но только тогда, когда он сам этого хотел. А в остальное время он гостей не жаловал и грубо давал понять, что без приглашения заходящим тут не рады. По крайней мере – в его смену. Кочегарку он считал почти личной собственностью, разделяя ее только с двумя своими сменщиками, такими же отстраненными от социума личностями – полубомжом-нелегалом Эдиком и пенсионером Ринатом, вечно забывающим следить за давлением в системе.

После отмывки вентилей и задвижек холодного и горячего водоснабжения энтузиазм кочегара направил сопло мойки на трубы, на которых висели таблички «Хол.обратка» и «Дав.осн» и тут, когда поэт-песенник из динамиков усилителя принялся петь о невольнике тягостной судьбы, что греет

нары из-за фрайера с наколкой на запястье «Сеня», случилось маленького чудо – Аркадьичу позвонили на мобильный телефон. Проведший в изоляции от внешнего мира много лет кочегар относился к мобильникам с неприкрытым благоговением, и пусть его личный гаджет был наипростейший и с потертыми кнопками, но тем не менее Аркадьичу очень импонировало, когда ему кто-то звонил, это в легкой степени повышало его личную самооценку – значит он еще кому-то нужен. Хоть кому-то, пусть даже оператору сотовой связи, записанным голосом робота извещавшим его о задолжности по оплате. Ему нравилось слышать близко к уху любой голос, особенно женский. Аркадьич выключил мойку и достал из кармана старый выдавший виды телефон, игравший примитивную мелодию вызова и сияющий синим экранчиком с именем звонившего – Севастополец.

– Да, кореш, слушаю тебя внимательно, – заговорил он в трубку, обрадованный неожиданным звонком товарища, с которым чалился на последней отсидке. Севастополец сидел за конокрадство – увел из одного татарского села табунчик лошадей, подготовленных на колбасу. Увел в лес и сидел с лошадьми три недели, думая, как и кому теперь их реализовать. За это время он убил одну лошадку и активно кушал ее ногу, жаря ту на костре прямо на слезящихся глазах ее соплеменниц. В конце концов табун разбежался и вернулся к татарам на колбасу, а Севастопольца нашли обожравшегося кониной и спящего сном праведника в землянке под раски-

дистым дубом. Ему дали четыре года колонии, но выпустили через полтора по УДО за хорошее поведение – уж больно он проникновенно читал со сцены местного дома культуры стихи поэта Иосифа Бродского. Супруга начальника колонии аж слезу пускала.

Аркадьич с Севастопольцем разговорились, оба друг у друга интересовались делами и житухой и оба врали друг другу, что у них все чики-пуки. Но кочегар, хоть и был несказанно обрадован внезапному звонку старого друга, однако догадывался, что тот позвонил не просто так языком почесать. И точно – после нескольких минут мужицкого трепя, Севастополец, шамкая деснами из-за потеряных передних зубов поинтересовался у Аркадьича насчет свободных вакансий на «его фабрике». Он так и сказал: «на твоей фабрике», будто Аркадьич владел ею на правах полноправного хозяина. «Ага, еще один!» – подумал худой кочегар, подсчитывая в уме, скольких он уже пристроил на «Двери Люксэлит». Если считать со Севастопольцем, то будет человек пять, последним из которых был Август Дмитриев, который позвонил Аркадьичу вот точно так же внезапно и точно так же, потратив минут семь пустой болтовни, попросил кочегара замолвить словечко перед директором, что есть, мол, на земле одна личность по имени Август, которая ищет работу и была бы счастлива приступить к ней в любой день, но как можно раньше.

Дмитриев и Аркадьич были знакомы по какому-то делу,

не относящемуся к уголовному прошлому последнего. То ли Дмитриев продавал кочегару постных индоуток по две-сти семьдесят рублей за килограмм, то ли Аркадьич подработал у того перепашкой огорода на даче. Как бы то ни было, кочегар обещал посодействовать, но как оказалось на тот момент в цехе были свободны только вакансии электрика и оператора шлифовального станка. Дмитриев представления не имел о шлифовальных станках, поэтому устроился электриком. Но хоть он и окончил в свое время с грехом пополам какое-то училище, в электричестве тоже был не силен. Августа взяли на испытательный срок, но не прошло и месяца как...

10:20 – 10:30

«Это те самые! – сообразила Оксана Игоревна, имея в виду бандитов, охотящихся на нее и ее деньги. – Это они меня ищут. А где еще один? Их было трое». Тот, который был без меча, доволком несчастного Пятипальцева до двухпролетного пресса и сунул наладчика прямо в проем. Что это они задумали? Оксана Альбер боялась высунуться из своего убежища, она предпочла наблюдать отсюда.

Двое негодяев стали поочередно шлепать зажатого в прессе Юрку Пятипальцева. Оксана тихо смотрела, боясь даже пикнуть. Двое в синих полукомбинезонах принялись колотить несчастную жертву по лицу, наносить удары в голову и нос, они кричали на Пятипальцева. Кричали требовали, что-

бы тот отдал им деньги.

– Ты начальник? – рычал мужчина с какой-то штукой на лбу, напоминающей микрофотоаппарат. – Ты начальник производства? Мы знаем, что ты! Ты!

Последовала серия ударов, от которых не имеющий возможности Пятипальцев только дергал бородатой головой и брызгал кровью.

– Ты взял деньги? Те что были в сейфе! – не унимался тот, что был без детского меча. – Не отрицай! Не мотай головой! Это ведь ты и твой молодой дружок! Где он? Деньги у него, да? Говори! Говори!!! Ты начальник, а он главбух, да? Или он начальник? Ты главбух? Кто из вас кто? Впрочем, это не важно. Где, – удар кулаком в зубы, – деньги? Где, – удар другим кулаком в зубы, – бабло? Говори!

Оксана насупила бровки.

Что значат их вопросы? Они, что, путают Юрку Пятипальцева с мертвым Костей Соломоновым? Они выбивают из Юры то, что он не может знать, потому что понятия не имеет о присутствии в цеху ее – Оксаны Игоревны Альбер. Почему вообще эти двое решили, что Пятипальцев мог быть начальником производства? Что навело их на такой вывод? Что за бред? Он даже внешне совершенно не похож на Соломонова, вообще ничего общего, разве что рост. Они оба высокие и на этом их сходство заканчивается, Костя, например, ни за что не отрастил бы бороду.

Тем временем один из грабителей понажимал на пульте

какие-то кнопки и немного прижал пресс. Юрка Пятипальцев заорал и получил несколько сильных зуботычин.

– Как зовут твоего дружка? – допытывался дознаватель с третьим глазом.

– Лева! – кричал Пятипальцев. – Нилепин Лева!

«Нилепин!» – взорвалось в мозгу Оксаны Альбер.

– Кто из вас начальник? – кричал палач.

– Никто! – отвечал Юрка, корчась от боли. – Никто ни начальник!

– Врешь!

– Соси! – рявкнул Пятипальцев и харкнул в красавчика-дознавателя кровавый сгусток. – Я наладчик! А Лева – станочник! А ты – идиот!

– Ах так! – серия ударов от которых крупное лицо Пятипальцева превратилось в окровавленную маску. – Где он? Где твой Лева?

– Не знаю. Был в кабинете.

– В каком?

– В кабинете начпроизводства.

– Опять врешь, падла! Мы там были, там никого нет! – на это Юрка не знал, что ответить. – И после этого ты говоришь, что вы обычные рабочие? Тогда на кой хер вы были в кабинете начальника?

– Бабло хотели слямзить, – признался Юрка. Конечно признался, а что ему оставалось?

Оксана еще сильнее нахмурила брови и прижала кейс. Что

это должно означать?

– Хотели – и слямзили! – заключил палач. – Теперь говори – бабло у молодого? Где молодой? Слушай, толстяк, пресс уже горячий, ты чувствуешь? Ты знаешь до какой температуры он разогревается.

– Конечно, козел усатый, я знаю! Я налаживаю этот пресс!

– А какое у него давление сжатия?

– Сто десять тонн.

– Хочешь проверить, что для тебя окажется больнее – быть поджаренным как котлетка, или быть раздавленным как блинчик? Хочешь стать вафелькой?

– Хочу! – ответил Юрка Пятипальцев со странной решимостью в голосе. – Вы, говнюки, ведь все равно меня не отпустите. Давайте, я готов!

Дознаватель обменялся взглядом со своим молчаливым компаньоном с детским мечом в руке и, пожав плечами, нажал на одну из кнопок станка.

Цех пронзил отчаянный крик.

10:29 – 10:33

Ему было некомфортно. Мягко говоря.

Он промок до нитки. А из распахнутого настежь окна задувала вьюга, она беспрепятственно врывается в кабинет и выплясывала в его стенах бесноватые вальсы, поднимая и сдувая бумаги, мелкие предметы, канцелярские принадлежности. А он лежал в ледяной воде, вымокший насквозь

и неумолимо промерзал, его красная куртка «Фрунзенская птицефабрика №1» местами уже похрустывала от ледяных кристалликов. Его обдувало ледяным ветром, его бил сильнейший озноб. Зубы выстукивали барабанную дробь, руки не слушались.

Лева стонал как умирающее животное. Вытекающая из него кровь окрасила воду под ним в алое и с каждой минутой силы покидали его. Ему все сильнее хотелось спать. Да, спать. Тело помимо воли хозяина проваливалось в сон как в зыбучий песок, растворялось в небытие. Нилепин старался сопротивляться, но безвольно брякался обратно в воду и трясся от холода и отчаяния. Вода. Всюду холодная кровавая вода, впитывающаяся в одежду и замерзающая прямо на глазах. Веки слипались, кабинет в котором лежал Нилепин плыл перед полуприкрытыми глазами, плыл и размазывался.

И еще очень острая боль в области живота, если бы не она Лева Нилепин уже давно бы распластался на мокром полу и провалился в мягкую теплую пустоту, где, как ему казалось, он будет в спокойном и уютном умиротворении. Боль поддерживала его в сознании, не позволяла опустить руки. Преодолевая крупный тремор ладоней, Лева, как можно аккуратней и осторожней выцепил из судорожно сжатых ладоней своего мертвого шефа длинную узкую штуку, мягкую и нежную на ощупь. Оцепеневшие пальцы Шепетельникова не поддавались, Нилепину приходилось напрягаться, скалить зубы. Но вот кое как он высвободил мягкую нежную

штуку и, держа ее на дрожащей ладони, он попытался подняться на ноги. Ему это удалось лишь со второй попытки. Первая, не успев начаться, закончилась падением под стол и поднятием фонтана алых брызг. Лева Нилепин выматерился и заботливо держа мягкую пока еще теплую штуку на вытянутой руке будто пуповину новорожденного, встал на негнущихся ногах.

Собственная кишка в его руке казалась ему живой и автономной, как иной организм, живущий независимо от него. Он потискал ее, ощущая склизкую поверхность и мягкое содержимое. Нилепина зашатало и он поспешил упасть не на пол, а на кресло.

Теперь он смотрел на тело своего бывшего начальника сверху вниз. Неживой и покрытый ранами и ссадинами Даниил Данилович Шепетельников недвижимо лежал в воде на полу, его верхняя зимняя одежда впитала в себя, должно быть, два ведра кровавой воды. Лишенные привычных очков распахнутые глаза тарасились в небытие. Зрелище было отвратительное, Нилепин плюнул на бывшего шефа, вложив в пролетарский плевок всю накопившуюся за месяцы работы ненависть. За всю буржуазно-пролетарскую несправедливость.

Мотнув головой, Лева принялся с ювелирной бережностью запихивать кишку в полость живота. Любое даже малейшее движение корпуса причиняло ему сильную боль, кровь толчками выходила из разрезанной кожи. Чтобы за-

толкать кишку, ему приходилось оттягивать края раны, это было воистину больно. Лева работал пальцами, укладывая и утрамбовывая кишку в положенное ей место.

Когда все было на месте Лева Нилепин ни придумал ничего иного как скрепить края раны степлером.

Щелк. Лева сжал зубы.

Щелк. Щелк. Лева дергался как от выстрелов.

Щелк. Лева рычал и потел ледяным потом.

Щелк.

Лева выронил степлер и судорожно схватился за кровоточащую рану. Кабинет закружился, завертелся, пол и потолок как-то пьяно поменялись местами...

10:27 – 10:41

Ей показалось, что из цеха доносится далекий крик, впрочем она не была в этом убеждена на сто процентов. Это мог быть звук включаемого оборудования, звон какого-то станка или работающего электроинструмента. Сферина встала из-за стола и в развалочку вышла из раздевалки. Топая по ступеням лестницы, она издавала глухой звук тяжелой поступи по лестничному пролету. Кто придумал расположить раздевалки на втором этаже, а туалеты вообще в противоположной стороне помещения? Она спустилась вниз, вышла в цех и первый станок который ее встретил – так называемый «Раскрой», широкий квадратный станок, распиливающий большие полотна МДФ, ДСП и фанеры на куски необ-

ходимой ширины. Когда-то, когда Зинаида устроилась на эту фабрику у нее завязалась интрижка с оператором этого станка, который в то время блистал новизной и чья защищающая циркулярную пилу от рук и посторонних предметов сетка была еще целой и не гнутой как сейчас. Тот мужчина со смешным отчеством – Цзиньевич – тысячу лет назад сменил место работы и исчез из жизни Зинаиды Зиновьевны, но каждый раз, выходя из раздевалки она натыкалась взглядом на этот станок и вспоминала цзиньевичивы раскосые глаза, заглядывающие в ее декольте. Тот еще был стервец!

Честно говоря, Зинаиде Зиновьевне очень хотелось уйти домой и она пообещала себе, что после обхода цеха так и сделает. Цех пуст, Нилепин где-то в другом месте, возможно в кочегарке или в слесарке. Надо будет посмотреть и там. Проклятый старый предсказатель с дурацким именем Кузьма, которое он сам себе присвоил! Ну почему она его послушала? Что заставило ее покориться его ложным пророчествам? Что он говорил... «Опасность там, где много железа и дерева». Какая опасность? Умереть со скуки или довести самого себя до нервного срыва?

Вздыхая и охая она шагала по цеху, погруженная в свои мысли, она минула несколько станков, преодолела лабиринт из хаотично поставленных поддонов и паллет с продукцией и заготовками, пересекла своеобразные перекрестки из протоптанных рабочими тропинок-напрвлений. Никакого движения, все молчало и пребывало будто в состоянии замороз-

ки. Казалось, вот сейчас включат освещение и запустят вытяжку, цех наполнится муравьиноподобными работниками, каждый из них займет свое рабочее место, включит свой станок и цех оживет громоханием и гудением. То тут то там будут раздаваться треск, постукивание и рычание механизмов, звон различных пил, пыхтение вакуумных и гидравлических прессов, скрежет запущенного оборудования, монотонный гул вытяжки и шипение пневмосистемы. И вихри мелкодисперстной стружки с которой не справлялась вытяжка. Это было вчера, это было позавчера и это было тут пять дней в неделю на протяжении десяти лет и это будет завтра и в последующие дни, но только не сегодня. Зинаида Зиновьевна подавила нечаянную зевоту.

Вдруг ее шаг произвольно сбился и она чуть не потеряла равновесие, внезапно увидев справа и чуть поодаль от себя то, чего никак не могло здесь быть. Увиденное Сфериной противоречило здравой логике, во всяком случае – ее логике, по которой тут в цеху, неподалеку от входа на лакокрасочный участок может быть только то, что непосредственно относиться к производству дверей. И поэтому увиденное ею на некоторое время привело ее в ступор, когда сознание пыталось наложить увиденную картинку на привычные воспоминания, связанные с этим местом. Потом, когда до Сфериной, наконец, дошло, она, уронив сумочку, побежала к повешенному человеку, судорожно глотая будто вмиг отвердевший воздух.

– Степа! – кричал ее рот. – Степа!!!

Перед ней висел главный инженер ОАО «Двери Люксэ-лит» Степан Михайлович Коломенский. Его длинное худощавое тело вытянулось как веревка, руки и ноги безвольно свисали вниз, голова склонилась к груди под неестественным углом. Сферина бросилась к нему, но сразу поняла, что уже ничем не сможет ему помочь. Коломенский был мертв, как может быть мертв висельник. «Как же так? – Зинаида Зиновьевна не знала с какой стороны подступиться к трупу, – Степа! Как же так? Ты что это... Степа!!! Степа, ты что это...» Скулы Коломенского, казалось, выпирали еще сильнее обычного, короткие волосы на макушке торчали ежиком, глаза закрыты, подбородок касался груди. Сферина вертелась вокруг своего знакомого, которого прекрасно знала, с которым всегда поддерживала дружеские отношения, который регулярно занимал у нее деньги до зарплаты или аванса, говоря, что ему позарез нужно купить что-то из еды, хотя она знала, что он ее деньги ставит на тотализатор и проигрывается в пух и прах. Она знала, что он очень нерегулярно отдавал долги, что весь свой скудный бюджет пропивал или просаживал на ставках, но все равно жалела его, давала в долг и не торопила с возвратом. Он хоть и ворчуном был, но в глубине души – человеком был душевным. Она разговаривал с Коломенским только вчера, они вместе сидели на картонках в курилке, прикуривая от одной зажигалки, вместе выходили с проходной и шли на одну автобусную остановку, он еще

брюзжал, что какая-то испанская футбольная команда не может выйти в какой-то полуфинал. Его это так расстраивало, что Сфериной становилось немного смешно – вот ведь какие у человека проблемы! Но неужели это мелкое с ее точки зрения событие, явилось поводом сводить счеты с жизнью. «Как же так, Степа? – плакала Зинаида Зиновьевна, боясь приблизиться к телу на расстояние вытянутой руки. – Что ты с собой сделал? Степа-Степа... Как же так? Да дала бы я тебе еще денег, поставил бы ты на свою команду. Ах, Степа, что ты наделал...»

Зинаида Зиновьевна плакала и топталась возле висельника. В какой-то момент, когда ее чуть-чуть отпустил первичный шок, она подобрала свою упавшую сумочку и непослушными руками достала сотовый телефон. Надо звонить в полицию. Обязательно и немедленно! И в «Скорую». Сама Сферина боялась прикоснуться к Степану Коломенскому, но быть может еще не поздно спасти его. Может быть он еще жив и медики вернут его на этот свет! Откачают?

– Не звони! – услышала она за своей спиной слабый голос. – Зина... не звони...

Она повернулась и едва не села на пол от повторного шока. Едва волоча ноги, к ней приближался ее дорогой и любимый Лева Нилепин. Он не мог самостоятельно держаться на ногах, ему приходилось опираться на оборудование и поддоны с дверьми. Весь в крови, с перекошенным от боли и травм лицом, он скрючивался вопросительным знаком и держался

рукой за живот.

– Не звони... – простонал он и почти потерял сознание, Зинаида едва успела подбежать к нему. Оказалось, что он был еще и с ног до головы промокшим и дрожал от холода, он был ледяной. – Никому не звони...

– Лева! – почти кричала Сферина. – Что случилось? Что тут случилось, Левушка?

Нилепин оседал на пол, ноги его не держали.

– У меня будут неприятности, – проговорил он. – Ох... Это расплата...

– Какая расплата, Лева?

– За... За Августа Дмитриева... Ох... – одно его колено подогнулось и он осел на пол. Кровь сочилось у него из живота, заливая руку.

– Левушка, миленький, тебе надо помочь. Что у тебя с животом?

– Да ничего особенного... – попытался улыбнуться Нилепин. – Так... мелкая неприятность... Но звонить никому... Ох... Никому не звони, иначе... Аркадьич ведь еще ничего не отмыл...

– О чем ты говоришь, Лева?

10:32 – 10:40

Юру Пятипальцева покидала жизнь как давление из пробитого компрессора. Но сквозь пелену боли он услышал, как кто-то окликнул их издалека. Один из бандитов, тот что с

усиками, увидев появившуюся будто из ниоткуда незванную гостью, сразу остановил пресс, а тот что пониже угрожающе нацелил на нее острие удивительного будто музейного меча. Створки пресса остановились и Юрка смог сделать один маленький медленный вдох, на большее он был не способен. У него были сломаны ребра и прессом вдавлены в легкие, кровь лилась изо рта безостановочным ручьем.

– Вы ошибаетесь, молодые люди, – заявила женщина в чем-то белом. Юрка не мог сфокусировать на ней взгляд, он вообще не мог думать ни о чем кроме боли. – Это не тот, кого вы ищете. Отпустите его.

– Ты кто такая? – тыкал в нее мечем тот что пониже.

– Я работаю здесь, мальчики. Я все видела. Стойте, дурни! – она приподняла руки вверх. – Не надо мне угрожать, придурки! Уберите оружие или я ничего не скажу.

– А что ты хочешь сказать, красавица? – спросил Женя Брюквин. – Говори.

– Сначала подними пресс. Ты разве не видишь, что он, – она кивнула на полуживого Юрку, – сейчас умрет. Подними пресс.

Палач с усиками, скрылся из поля зрения Юры Пятипальцева и что-то нажал на панели управления. Пресс вновь пошел вниз, Юру пронзили собственные ребра, он уже не мог не то чтобы кричать, а даже дышать. Боль захватила его целиком и полностью, он сжал зубы так, что у него крошилась эмаль. Но это продлилось недолго. Усатенький быстро

исправил свою оплошность и нажатием другой кнопки, приподнял створки пресса. Юрка обвис и пустил кровавую слюну. Сознание частично к нему вернулось, он даже смог чуть повернуть голову.

– Мальчики, я знаю где деньги, – произнесла девушка в белом.

Разговор длился минут десять, все это время Юрка Пятипальцев продолжал оставаться зажатым в прессе и медленно изжариваться между нагревающимися створками. Очень трудно описать словами, что он чувствовал в это время. Он прибывал в мире сладостной муки, рая для мазохистов. Мир этот сиял и искрился всполохами чистейшей боли. Острой и сладострастной, горячей и нежнейшей, возбуждающей и удовлетворяющей. Он всецело наслаждался болью, чувствовал ее всеми своими нервами, каждой клеточкой внутри и снаружи. Боль стала его мирозданием, его эдемом.

В какой-то момент он почувствовал, что пресс еще немного ослаб и он мог даже чуть пошевелить головой. До него донесли обрывки того реального мира, где находилось его наполненного до краев болью тело. Та женщина, что откуда-то появилась и приостановила экзекуцию, требовала за что-то тридцать три процента. О чем шла речь, Пятипальцев даже и не пытался понять. Зачем? Для чего ему это? Пусть они там в своем затхлом мирке решают свои материальные вопросы без него, а он всецело отдастся предсмертной агонии.

Как это прекрасно! Прекрасно! Боль! Он и не думал, что

она может быть такой многогранной, такой убийственно благодатной.

Баба в белом сказала, что покажет у кого деньги.

Какие деньги? Какие могут быть деньги? Пятипалец как-то рассмеялся, они там в своем мире все еще думают о каких-то деньгах. Кровь хлестала изо рта, боль взрывала его легкие, но он продолжал смеяться насколько позволяли ему сдавленные створки пресса. Он задыхался и захлебывался, кашлял кровью и корчился в агонии, но смеялся. Они смотрели на него, а он уже никого не замечал. Испытывая самую мучительную боль какую только можно, Юрка Пятипалец ржал и не мог остановиться. Это был странный жуткий смех умирающего от боли мазохиста.

Тем временем женщина потребовала освободить Пятипальцева. Усатенький нажал на пульте кнопку и столы пресса стали сжиматься, он переполошился, нажал еще какую-то кнопку, створки остановились. Пятипалец захлебывался кровью и иступлено выл.

– Опять не та кнопка, – донеслось до него глухой голос извне. – Когда же я запомню...

Опять нажатие и створки пресса чуть разжались.

– Серую! – возопил окончательно обезумевший от боли Пятипалец. – СЕРУЮ!!!

– Почем серую? – растерялся усатенький.

– СЕРУЮ ЖМИ!!! – ревел агонизирующий Пятипалец, уже не различая ничего вокруг. – СЕРУЮ-Ю-Ю!!!! Август,

прости!!! Это расплата!!! Я тебя вижу, Август!!!

Поколебавшись, усатенький все-таки нажал на серую кнопку и Пятипальцев провалился в мир адской боли, он стал солнцем, он стал вселенной. Он стал всем! Он сгорел в наслаждении, он расщепился в кайфе, он взорвался от счастья!

Его тело, несколько секунд еще сопротивлялось давлению, руки-ноги дергались, кровь брызгала из лопающейся кожи и наконец тело захрустело и обмякло. Пресс сжался. Мясо и кожа с рвущимся звуком расплзлось в стороны, выпустив фонтаны крови.

– Я нажал не ту кнопку, – виновато пролепетал Женя Брюквин. – Я не хотел... Я не хотел, правда... Я хотел нажать желтую кнопку, ведь желтая поднимает... А он кричал что серая, я и нажал на серую...

– Дурак, – тихо сказала Оксана Альбер в обильно забрызганном кровью белом пальто. – Он это специально сказал.

– А о чем он говорил? Какой август? – спросил Максимилиан Громовержец. – Сейчас-же март.

Оксана Альбер не хотела отвечать на такие вопросы. Она закрыла лицо руками и отвернулась.

10:35 – 10:40

Кое-как я смог подняться на четвереньки и подлезть к телам Соломонова и Кротовой. Мастерница так и лежала на своем месте в той же позе, дыхание ее было ровным, видимых

повреждений не было. Тело заведующего производством тоже никуда не делось, пребывая в той же безжизненной позиции в которой я его оставил. Не разгибаясь я подполз к рухнувшему стеллажу, принялся выискивать среди конструкции и разбросанных и помятых бобин и катушек упавшего человека, которого я, кажется, узнал. Это был мой хороший друг и товарищ, с которым я до своей мнимой смерти замечательно общался. Я искал своего друга – Юру Пятипальцева, только он обладал такой комплекцией и имел бороду. Меня почти оставили физические силы, особенно после того как меня ушибло бобиной и гвоздь, который до того сидел в спине лишь частично, вошел в плоть полностью, не позволяя мне напрягать ни мышцы спины и даже нормально дышать. Боль пронзала меня в месте ранения при любом движении, я из последних сил терпел, подвывал от боли, но как мог своими кривыми руками разгребал бобины, убирал куски распавшегося стеллажа.

Юры не было.

– Неужели выкарабкался! – обрадовался я и, убедившись, что следов моего давнего товарища под завалом нет, на корячках заковылял в свое логово. А жил я вот уже пятый месяц в слесарке. Днями, когда все рабочие были в цеху, я скрывался в запираемых Степой Коломенским подсобках, а после окончания рабочих смен, главный инженер отпирал меня. Ночами я, закрывшись изнутри в слесарке, в блаженном уединении под крошечным светом фонарика ел, спал,

гладил безымянного кота и читал любимого мною Льва Толстого. Время от времени я тихонечко вылезал из убежища и ходил по пустому погруженному во тьму цеху. В туалет, например, или просто чтобы размять косточки. Иногда у меня вылетало из головы, что в определенные ночи выпадает смена ответственного охранника Вани Тургенева и тот обхаживает территорию с мощным фонарем. Кажется, я несколько раз был замечен Тургеньевым, во всяком случае, охранник начинал целенаправленно рыскать фонарем по цеху и иногда даже звать невидимого гостя и включать свет. Тургеньев определенно о чем-то догадывается, рано или поздно он обнаружит меня, в этом я уже не сомневался.

Слесаря знали обо мне, о тайном жильце, что занимает их слесарку в ночное время, но держали все в секрете, прятали меня и все следы моего пребывания от начальства, охранников и рабочих. Слесарка, кстати, находилась совсем неподалеку, в нескольких метрах от падения стеллажа с бобинами, я на корячках преодолел это расстояние и увидел разбитую стеклянную перегородку и оконную вставку в двери. Одна из катушек влетела в слесарку, я поцокал языком. Кто бы мог подумать, что эти безобидные рулоны пленки для оклейки дверей могут в одночасье стать подобием пушечных снарядом, разрушающими все попадающееся на их пути. Но Господь Бог и на этот раз уберег меня, bobина не шандарахнула меня, только хорошенько вбила гвоздь в спину. В очередной раз повторив благодарность Господу Богу за спасение, я

раскрыл дверь слесарки, так же на корячках вполз внутрь и повел носом, принюхиваясь. Какой-то новый запах, какого раньше в этих стенах никогда не было. Нет, на этот раз не пропан-бутан. Что-то ароматное, едва уловимое, будто цветочное. Похожее на женские духи, довольно приятные, мне понравилось, но я никак не мог понять источник этого запаха. Тут была женщина? Кротова, что-ль? Но я приближался к Любе и никакого запаха не почувствовал. Если же не она, то кто? Тут в этой занюханной, полной грязных мужиков слесарке гости женского пола были так редки, что никто не мог даже вспомнить никого помимо двух мастериц – Любы Кротовой и Инги Нифертити.

Странные все-таки сегодня запахи – то газ, то духи.

Впрочем, сейчас мне было не до этого, у меня от боли и упадка сил уже трясутся локти. Гвоздь по-прежнему торчал у меня в спине под лопаткой, причиняя жуткую боль и неудобство. Как бы его вытянуть? Сев на стул, я долго искал замутненным взором приспособление, с помощью которого я смог бы дотянуться до стального жала. Не просто дотянуться, но зацепить и вытащить, а потом еще и обработать самому себе рану. Как это сделать в одиночку, я не представлял и очень сокрушался, что никого нет рядом, кто мог бы мне помочь. Где-то тут живой Пятипалец, мы могли бы помочь друг другу, только у меня не было с ним никакой связи. У меня никогда в жизни не было телефона, а встать на ноги и искать Пятипальцева по цеху я не мог.

Я и так и эдак выкручивал свои и без того кривые руки, выгибался и скрючивался, но только едва-едва смог прикоснуться к шляпке гвоздя. Попытка подковырнуть его пальцами привела к острой боли. Я разделся по пояс, обнаружил что моя одежда на спине была окровавлена и разодрана, я ее сложил в пакет и приготовил на выброс. Потом вылил на спину воду из пластиковой пятилитровой бутылки, таким образом я как бы промыл рану. Полез в аптечку – обувную коробку, на дне которой валялись самые примитивные средства: болеутоляющие и активированный уголь. Была вата, бинт, перекись водорода, но как их применить? И тут я обратил внимание, что когда вынимал обувную коробку из ящика в шкафу, то заметил кое-что новенькое. Коробка стояла на стопке старых газет, но под ними виднелось что-то прямоугольное, раньше этого не было. Раньше – это сегодня ночью, когда я клал сюда «Воскресение» Льва Толстого, которое читал в минуты досуга. Книга, в числе прочей печатной продукции лежала на месте, ее некому было брать кроме меня, наши слесаря не интересуются литературой в принципе. Но вот под «Воскресеньем» в самом низу газетной стопки появилось кое-что чего тут никогда не было. Я приподнял газеты и достал новенький тяжеленький кейс. Поставив его на стол рядом с пакетом с рваной одеждой, я поддался искушению любопытством и раскрыл кейс.

– СЕРУЮ!!! – надрывно закричал кто-то из цеха. – СЕРУЮ ЖМИ!!!

Но я ничего не слышал и не замечал, все мое сознание забил вид денежных купюр.

10:46 – 11:09

Она сейчас должна быть в совершенно другом месте, за десятки километров от этой проклятой фабрики которую она возненавидела пуще российского правительства. Ее не должно быть здесь! Где угодно, хоть у черта на рогах, но только не в ОАО «Двери Люксэлит». По разработанному ею с Костей Соломоновым плану (который, впрочем, начал трещать по швам с первой понюшки заведующего производством своего волшебного порошка), в это время суток она должна мчаться на автомобиле «Мазда CX-7» в сторону ее коттеджа, где ее ждет дочь и два железнодорожных билета бизнес-класса до Москвы. Поезд отправляется в четырнадцать часов двенадцать минут, чемоданы собраны еще со вчерашнего дня, дочь сидит одна перед телевизором, ждет маму и держит палец на кнопке вызова «Яндекс-такси» до железнодорожного вокзала. Еще через двое суток самолет из Шереметьево помашет крылом промерзлой России и приземлит маму и дочь Альбер на их исторической родине во Франции.

А в «Мазде CX-7» должна играть какая-нибудь незатейливая старая песенка, а сидящий за рулем Костя Соломонов должен ругаться и громко вопрошать у Оксаны: «Откуда я, мать их, должен знать имя исполнителя, если они,

мать их, никогда его не объявляют?» Или затеять длинный монолог на произвольно выбранную тему от завезенного в СССР масонами-иллюминатами неистребимого борщевика Сосновского до того, почему в фабричной столовой сначала берут подносы, потом выбирают ложку или вилку, а уже потом выбирают блюда. «Откуда я, мать их, знаю, что я выберу, – должен будет ругаться Соломонов резко переключая коробку передач с третьей на четвертую скорость, – после того как уже выбрал ложку? А если я решу съесть макароны? Но ведь я уже выбрал ложку, а макароны я ем вилкой. Хорошо, я возьму к ложке для супа еще и вилку для макарон, а окажется, что макарон нет, а есть рис. А рис я ем ложкой. Тогда на кой черт, мать их, я брал вилку? Я возьму нож для мяса, а потом решу взять котлеты. Тогда какого лешего я брал нож? Нет, ты ответь мне, Оксан! Какого лешего я брал нож? Я говорил об этом Данилычу, а он ответил, что он в столовку не ходит, его это не волнует и чтобы я занимался производственными вопросами, а не столовыми. Каков козел, Оксан! Сраный очкаристый, мать его, ублюдок!»

А на заднем сидении костиной «Мазды» должен лежать новенький кейс, купленный Оксаной в хорошем бутике в центре города исключительно для этого дела. Он должен лежать открытым, чтобы Оксана, бросая взгляды в зеркальце могла видеть банкноты. И кейс этот не должен лежать в каком-то грязном ящике под кипой старых газет и тряпок в воюющей неряшливой слесарке, где грязное и неопрятное му-

жичье точит инструменты и жрет лапшу с дешевой ливерной колбасой. Этот кейс должен быть только на заднем сидении «Мазды СХ-7», и вместе с автомобилем и самой Оксаной Игоревной Альбер двигаться в противоположном от фабрики направлении. Или она возьмет кейс на колени и будет пересчитывать купюры с бухгалтерской точностью и быстротой счетного аппарата, делить всю сумму на две равные половины. Одну – себе, другую – Косте.

А что по факту? Костя Соломонов уже никогда ничего не скажет, никогда не будет дергать ручку переключения передач на своей «Мазде СХ-7», никогда не сядет на свое рабочее кресло и никогда уже не нюхнет своего волшебного порошка. И деньги ему теперь не нужны, даже на похороны. Теперь это не его забота, у него теперь вообще никаких печалей нет и не будет. Ни производственных, ни столовых, ни личных.

Оксана Игоревна очень жалела о преждевременной смерти Соломонова, с ним было бы совсем по-другому, он бы не допустил такого положения вещей, он хоть и невыносимый болтун, но сообразительный и дерзкий. Да, с ним Оксана считала себя в безопасности, пока он был жив, она доверялась ему, своими разговорами он отвлекал ее от тревог, создавал иллюзию беспечности и это срабатывало. Ей не хватало этого человека, как раскачивающемуся на ветру дереву не хватает крепкой подпорки, какой бы неудобной она не была. Она готова была отдать ему его половину суммы, она даже решила бы отдать всю сумму, лишь бы он вдруг возник пе-

ред ней живой и здоровый и, взяв ее ручку в свою сильную крепкую ладонь, вывел бы ее отсюда куда подальше, туда где нет крови, диких смертей и кровожадных бандитов-выродков. Ну... может быть насчет передачи всей суммы она погорячилась, тут она еще подумала-бы, но вот насчет благодарности в виде сексуальных услуг она согласилась бы без раздумий. Она бы отдалась Соломонову с радостью и восторгом, он должен был бы быть отличным жеребцом, это было видно по его уверенным поступкам.

Но зачем сейчас об этом мечтать, этого никогда не произойдет, это из области сказок, а в чудеса Оксана Альбер, увы, не верила. Костя умер. Умер так нелепо, так не вовремя, рано, не завершив начатое, оставив Оксану одну и без защиты против агрессивно настроенных ублюдков у которых в головах какие-то свои тараканы. А ведь деньги уже у нее! Несколько минут назад она держала их в своих руках, чувствовала их вес, охватывала взглядом каждую пачку купюр, гладила деньги пальчиками прежде чем закрыть кейс и надежно спрятать его от чужих глаз в ящике слесарки. Ах, почему пресс располагался так близко к слесарке, стоял бы он в другом месте, тогда бы Альбер не увидела расправу над несчастным наладчиком и благополучно пересидела бы угрозу.

А от куда налетчики узнали о плане Альбер и Соломонова? Кто мог растрепаться? Точно не сама Оксана, за себя она отвечала. И уж наверняка не Костя, у него язык хоть

и без костей, но он не настолько глуп чтобы болтать о таком деле с посторонними, он умел держать тайны не хуже советских разведчиков. А кто еще? Был Матвей Карусельщик, но он вне подозрений. Еще была дочь Оксаны, шестнадцатилетняя девушка, с ее слов уже потерявшая невинность. Она была в курсе маминых дел. Альбер сильно нахмурила брови и чуть не поддалась искушению прямо сейчас позвонить дочурке и прямо в открытую спросить – не знаком ли ей усатенький типчик по имени Женя или невысокий мужчишка с лицом... Проклятье, у второго налетчика была настолько блеклая внешность, что Оксана даже не могла подобрать слов к описанию его типажа.

Женя... так назвал усатенького пижона его бледнолицый напарник. Привлекательный, надо признать, хоть и убийца. На такого ее дочурка вполне могла бы клюнуть. Ох и устроит Оксана ей допрос с пристрастием, когда выкарабкается из этого цеха, гори он синим пламенем!

Она глядела на своих врагов – два более чем странных типа. Только двое. Куда же делся третий, Альбер хорошо запомнила ублюдочную кривоносую рожу откровенного грабителя, который пробил в слесарке стеклянную вставку и злорадно ревел: «Никого тут нет! Никого тут нет!». Теперь нет его самого и Оксана Игоревна не хотела знать о его местоположении, ей вполне хватает раздавленного тела Пятипальцева и захлебнувшегося на смерть Соломонова. Нет кривоносова и не надо, одним козлом меньше.

Первичный психологический шок от казни наладчика-бородача Юрия Пятипальцева с которым Оксана была немного знакома медленно проходил, но перед глазами все еще фонтанировала кровь из лопнувшей плоти, из разошедшегося нутра выбрызгивали внутренности, брюки казненного наполнялись вышедшем из заднего прохода кишечником, хрустели ребра, гудел пресс, шел дым с запахом жареного мяса. Оксана надеялась, что ее крепкая психика не даст слабину, что со временем, когда она пройдет курс психотерапии ее память сгладит хотя бы детали экзекуции. Судорожно дыша и унимая подступающую тошноту Альбер ссутулилась и обняла себя руками будто в ознобе. «Не думай об этом, – приказывала она себе, – Не думай! Не думай! Твое белое пальто все в крови, но ты купишь другое. Купишь другое, совсем другое. Новое, чистое, свежее пальто. Хорошее, только не белое, не белое. Купишь черное, а это закопаешь. Сегодня же!» «Где же я его закопаю? – сама с собой спорила Оксана Альбер. – Земля же промерзла. Его надо сжечь. Сжечь. А где же я его сожгу?»

Оксана Игоревна подняла глаза на блестящий кончик короткого меча, уткнувшегося ей в грудь, туда где за забрызганной липкой кровью белым твидом покоился на золотой цепочке крупный четырехконечный крестик белого золота в обрамлении бриллиантовой россыпью. Ее дочь ей говорила, что это не православный крестик, а католический, на что Оксана Игоревна отвечала, что в России этому придают зна-

чение только сами священнослужители.

Альбер прошлась ледяным взглядом от кончика меча вдоль его короткого клинка и взглянула на обладателя. Ни-чтожный тип. Никаких особых признаков, самая заурядная внешность, самое обычное лицо с прямым пробором на голове. Во взгляде нездоровое упрямство и признание. Оксана отметила, что тип никогда не перекладывает меч в другую руку, держит его только правой, а однажды, когда ему надо было достать что-то из кармана, он не взял оружие левой рукой, а отложил его. Тип был напряжен и бледен, время от времени его тело пробирала дрожь – реакция на сдерживаемую боль. Чувак, должно быть ранен – несколько капель крови упали к его ногам. Заметив их, бледный тип, стер их ногой и осторожно покосился на усатенького компаньона – не заметил ли тот. Разбрасываться своим ДНК для них было чревато. «Он не хочет показывать свою боль», – догадалась Оксана и сразу обнаружила ее причину. У чувака просто-напросто отсутствовала левая кисть руки, а зияющий разрез был туго стянут кожаным ремешком наручных часов. Женщина еще сильнее нахохлилась и перевела взгляд на второго – полного сил круглолицего молодого человека, чей образ вызывал у нее фотографические изображения молодого итальянского мафиози или антрепренера кабаре начала двадцатого века. Женя... Этот мужчина уже несколько минут возился со своим айфоном. Приказав своему одорукому недоделанному гладиатору не позволять женщине двигаться с места, он

снял со лба видеокамеру на резиновых ремешках и со словами: «Мне надо сразу это стереть!», полностью отстранился от действительности и погрузился в видеосодержимое, записанное его налобной камерой. Тот, что с мечом нервно поторапливал соучастника, но Женя раздраженно отвечал:

– Теперь бабло почти наше, никуда оно от нас не убежит, – сказал русский «мафиози». – А мне надо многое стереть... Сам пойми, Максим, я не могу оставить...

– Называй меня правильно! – рявкнул однорукый.

– Максимилиан Громовержец, – поправился Женя. – Сам пойми, я не могу оставить этот глупый пассаж с прессом. Это же позор! Я опозорю сам себя на весь мир! Это непозволительно! Я и так лажаю на каждом шагу, надо все как следует стирать, оставлять только хорошие моменты... Черт, как это удалить...

– Двигай пальцем в корзину, – подсказал ему бледный от боли и раздражения Максимилиан Громовержец.

– В какую корзину?

– В верхнем левом углу.

– Тут нет никакой корзины.

– А что там?

– Крестик.

– Ну значит, двигай на крестик.

– Так на крестик или в корзину?

– Ну если в углу крестик, то на крестик.

– Тогда я удалю весь файл, а мне надо стереть только вы-

резанный фрагмент.

– Да что-б тебя... Потом сотрешь! – почти заорал Макси-милиан Громовержец.

– Нет, надо сейчас.

– Почему сейчас? Почему это надо делать именно сейчас?

– Потому что во всем должен быть порядок и последовательность. И ничего лишнего – лишнее портит. У меня уже столько лишнего накопилось... Почти все надо удалять. Я должен выбрать хорошие правильные кусочки, а остальное хочу сразу стереть. Что непонятного?

– Ты задрал со своим кино, Женья! – рычал однорукий, терзаясь дилеммой на кого направить меч. – Оставь все как есть, я потом тебе сам все откорректирую.

– Нет, ты не знаешь, как я хочу.

– Объяснишь. Слепим тебе кино, станешь суперграбителем. Станешь лучшим в своем деле, как тебе нравится. Только давай это делать не теперь, а после.

В конце концов красавчик Женья признал свое поражение в борьбе с видеоредактором, свирепо зарычал, водрузил камеру обратно на лоб, выпрямил объектив так чтобы он стал его третьим глазом и затянул липучки резиновых шнурков.

– Итак, давай с самого начала, – выдохнул он, окончательно поправляя камеру на лбу и целясь ею в Оксану Альбер, – говори, кто ты и что тебе известно о деньгах. Где они? У кого? Говори сюда.

– Куда «сюда»? – спросила Оксана.

– В камеру.

– Ты что, нарцисс, снимаешь фильм про себя любимого?

– Он снимает реалити-ограбление, – ответил за Женю его

раздраженный соучастник с явно выраженным неудовольствием. Похоже было, что ему вся эта киносъемка изрядно надоела. Женя цыкнул на компаньона и велел женщине отвечать на заданные вопросы и для убедительности раскрыл ящичек для инструментов и достал один из двух пистолетов. Альбер хаотично размышляла над дальнейшими поворотами и однорукому Максимилиану Громовержцу пришлось угрожающе прикоснуться острием меча к ее пальто. Она почувствовала, как металл прорезал ткань и слегка ужалил ее в кожу груди. Меч был не бутафорским, от него веяло реальной древностью, самой настоящей античной археологией, которую Оксана почувствовала то ли носом, то ли кожей.

Набравшись мужества, Оксана Игоревна объявила двум охотникам за чужими рублями, что деньги из сейфа действительно были взяты главным бухгалтером и начальником производства, а она – менеджер по сбыту – была с ними заодно. Только у нее был дубликат ключей от сейфа. После опустошения сейфа они втроем почувствовали что-то неладное и разделились. Каждый из них троих разбежался по разным сторонам, утаился и сидит тихо не высовываясь.

– Зачем вы так сделали? – теперь уже со спокойной уверенностью спросил усатенький. После признания этой жен-

щины он уже не сомневался в том, что совсем скоро возьмет в руки миллионы.

– Мы вас увидели, – ответила Альбер внимательно наблюдая за их реакцией.

– Я так и знал! – воскликнул Женя расцветая в улыбке победителя. – Вот почему мы не могли вас найти, вы, суки, прячетесь! А ты что-же вылезла, красавя?

– Я не могла смотреть как вы убиваете непричастного человека, – с вызовом ответила Оксана Игоревна и метнула взгляд на пресс, вокруг которого все было в кровавых брызгах. Разогретым почти до ста градусов столам между которыми был зажат человек потребуется около часа до полного остывания. – Вы поймали совсем не того, – тут она не врала.

– И ты решила подставить своих, но спасти невинного? Как благородно.

– Представьте себе!

– Да... не повезло бедняге, – Женя виновато поморщился, – но он реально говорил что-то о деньгах... Мы подумали, что он...

– Женя, вытри сопли! Не отвлекайся! – грубо выкрикнул однурукий. – А ты, женщина, говори у кого сейчас бабло. А может у тебя, а?

– Нет не у меня, можете обыскать. Деньги лежат в кейсе, а кейс у главбуха.

– Как фамилия главного бухгалтера? – вдруг спросил Женя.

– Альбер, – ответила Альбер.

– Правильно. У него такая фамилия.

«У него? Эти двое продолжают считать, что Альбер – фамилия мужчины», – подумала Оксана Игоревна.

– У кого из них деньги? – спросил Женя. – У бухгалтера или у начальника?

– У Альбер.

– Где он прячется? Не молчи, красавица, теперь у тебя нет выбора. Того молодца, – он кивком указал на труп Пятипальцева, – не спасти. Это печальная нелепость, но я сотру ее из памяти. Забудем об этом. А ты, красавица, раз начала предавать своих друзей, то делай это до конца. Говори, где прячется главбух с кейсом.

– Третья часть.

– Сколько?

– Тридцать три процента от всей суммы, что в кейсе, – произнесла Оксана. – Иначе не скажу.

– Это ты нам ставишь условия?

– Я вам предлагаю сделку, мальчишки. За третью часть от всей суммы я приведу вас к главбуху, а иначе вы так и будете рыскать по фабрике до второго пришествия Иисуса Христа.

– Да ты смеешься над нами? – громко зарычал инвалид-гладиатор. – Я тебе сейчас буду кожу снимать, курва драгая, и ты нам все расскажешь и без своих...

– Не кипятись, Максим...

– Называй меня правильно! Правильно!

– Максимилиан Громовержец. Как угодно, друг, только остынь и послушай, – усатенький нашептал нервному товарищу что-то на ухо, но Альбер прекрасно догадалась, что он предложил напарнику согласиться на сделку, но не выплачивать ей ни рубля, а просто-напросто избавиться от нее по завершении дела. До ее слуха донесся обрывок фразы: «...как Точилу...». Альбер набрала побольше воздуха и выдохнула его как можно тише, кажется она затеяла игру с огнем.

Не скрывая лукавого намерения в глазах, Женя согласился с оксаниным условием и велел больше не терять времени и отправляться всей компанией к прячущемуся главбуху. А куда их вести Оксана Игоревна не имела ни малейшего представления, ведь всю эту историю она выдумала от начала до конца и лишь для того, чтобы оправдать свое появления перед ними. Она хотела спасти наладчика с запоминающейся фамилией – Пятипальцев, наболтав учителям-палачам столько, сколько порой могла сказать своему шефу Шепетьникову Даниилу Даниловичу, когда он интересовался финансовыми отчетами. Во лжи она была талантлива, это у нее развивалось с детского сада, не говоря уже о школе, где она достигла, кажется, такого мастерства какому могли бы позавидовать многие театральные актеры. Спасти Пятипальцева почти получилось, если бы не сиюминутное помрачение рассудка усатенького красавчика Евгения и не его плохая память на кнопки пульта пресса. Пятипальцева больше нет в живых, а она-то осталась стоять перед вооруженными

преступниками будто окаменевшее изваяние. Вот она! Берите, лапайте, хватайте! Сама вышла!

Лживые речи она изливала отлично, голос не дрожал, глаза не бегали, она собрала в себе весь свой талант, но, увы, к сожалению, этот обман должен был дойти до своего логического завершения, а конца-то и не было. Оксана просто не знала, как продолжать и кусала губы. Чтобы придать ей ускорение, Женя добродушно улыбнулся и нацелил на нее дуло пистолета, ей не оставалось ничего иного как двинуться в произвольном направлении, ведя за собой двух не вполне адекватных персонажей, для которых раздавить человека в производственном прессе все равно что поджарить вафлю в вафельнице. Она заторможено двигалась куда-то, куда именно – еще не знала. Мимо, будто в замедленном воспроизведении, двигались поддоны с дверными полотнами, станок «Рапид», еще какой-то кубический станок с пучком вентиляционных гофрошлангов. Шланги немного колебались, но никакого движения воздуха ни в цеху, ни внутри шлангов нет и не должно было быть, так почему они колеблются? Вентиляция же выключена, Альбер это точно знала, а тишина неработающего насоса подтверждала этот факт. Проходя близко к кубическому станку она услышала тихий шипящий свист из системы вентиляции и тут в нос ей ударил характерный запах газа. Если бы вместо двух налетчиков ее сопровождал кто-нибудь из цеховых работников, а еще лучше – Костя Соломонов, она бы обратила их внимание на гофро-

шланги и задала бы резонный вопрос, потому что запах газа ее смущал. Двое мужчин не задумывались об этом и Альбер предпочла промолчать и двигаться дальше. Фиг с ним, с газом. Не до него сейчас, честное слово – не до него.

Тип, которого Женя называл Максимилиан Громовержец убрал короткий меч в спрятанные в кармане полукомбинезона мягкие кожаные ножны, становящиеся незаметными, когда пустые, и не позволяющие ноге сгибаться в колене, когда в них оружие. Сделав несколько шагов Альбер остановилась и смотрела как однорукий инвалид, став еще и хромоногим, взял с поддона с дверными деталями полиэтиленовый пакет, какой дают в сетевом продуктовом магазине. В нем было что-то небольшое и очень знакомое. И выпачканное в красной краске. Какая-то часть тела... Максимилиан Громовержец взял пакет в руку вместо убранного меча. Оксана уже не могла отвести от него взгляд, узнав в содержимом полупрозрачного пакета окровавленную человеческую кисть руки. Мертвые пальцы отчетливо выделялись и, если бы не свежая култя Максимилиана Громовержца, Оксане Игоревне легче было бы внушить самой себе, что в пакете резиновый или пластмассовый муляж для съемок художественного фильма. «Он носит свою руку в пакете как упаковку сосисок!» – мысленно поморщилась Альбер.

Женя приказал ей пошевеливаться, Оксана сделав еще несколько сомнамбулических шагов между станком каширования и станком укутывания пленками, вдруг как бы спо-

ткнулась и упала. Сев прямо на пол и сняв зимний сапог, она ухватилась за лодыжку и простонала, что подвернула ногу и ей очень больно. Максимилиан Громовержец ей не поверил, а сомневающийся Женя все-таки присел перед ней на корточки, помассировал как сумел лодыжку, одел сапог, помог ей встать и приобнял за талию, чтобы она могла на него опереться.

– Спасибо, – поблагодарила его Оксана и даже одарила его улыбкой от которой он зардел и улыбнулся ответно с некоторой долей галантности.

– Этот парень, – он незаметным кивком указал на Максимилиана Громовержца, – никогда не мог понять женщин.

– В нем нет ни капли сочувствия, верно? – пожаловалась Оксана.

– Точно. Ни на грамм, – подтвердил Женя. – Открою тебе маленький секрет – он... – Женя бросил быстрый взгляд на хромающего на полшага позади Максимилиана Громовержца, – девственник. Прикинь!

– Да неужели!? А сколько ему лет? – тихо поинтересовалась Оксана, приблизившись чувственными губами вплотную к своему сопровождающему.

– Э... Не знаю, честно говоря, – признался Женя. – Он довольно-таки скрытный малый...

– А ты? Ты тоже такой-же закомплексованный... Женечка?

– Ну что ты! Да я... я... Ты знаешь сколько у меня баб

было? Ты знаешь кто я? – заговорил Женя, придавая голосу как можно больше убежденности.

Оксана пожаловалась, что, кажется растянула сухожилие и не может наступить на ногу, тогда Женя немедленно приобнял девушку еще крепче. Она прижалась к его телу, оперлась на него, пожалуй, слишком плотно, чем это предусматривалось незнакомым людям, даже если один из них не мог самостоятельно держаться на ногах. Подпрыгивая на одной ноге Альбер размышляла над тем как еще можно было бы затормозить сусанинское движение в никуда. Не забывая охоть и ахать, она завела беседу с главным налетчиком, называя его Женечкой, стараясь выяснить о них хоть что-то кроме того, что Максимилиан Громовержец девственник. Ей нужна была информация от которой она могла бы оттолкнуться в просчете своих последующих действий. Толи мысль о том, что с женщиной все равно так или иначе придется избавиться, то ли проявление с их обоих сторон легкой интимной близости, позволили Жени признаться, что, да, они хотят заполучить деньги из фабричной кассы, что с ними был еще один, но он проявил себя как ненадежный товарищ. Продолжая липнуть к Жени и тереться о него, Оксана Альбер совсем прильнула к его телу, едва ли не повисла на нем всей тяжестью будто сильно выпившая. Очаровательно улыбаясь и сверкая глазками, она как бы невзначай лапала своего ведомого во всех местах, включая торс и даже зад. Женя, не будь дураком, все понимал или, по крайней мере быстро до-

гадался, что перед тем как пустить женщину в расход, с ней можно и даже нужно как следует развлечься. Бабенка-то ничего, бойкая и, кажется, за треть суммы готовая к кое-чему взрослому. Пару раз она, как бы нечаянно хватала его за его причиндалы, призывно улыбалась белыми ровными зубами и совсем не возражала, когда он тоже как бы случайно мял ей грудь, для чего она распахнула пальто как можно шире.

Главбух незаметно обшаривала возбуждающегося Женю во всех местах, отвлекая разговорами и сама безостановочно томно вздыхая. Максимилиан Громовержец хромал рядом, раскачивая пакетом со своей драгоценной кистью руки, он не смотрел на прижавшуюся друг к другу парочку. Насупившись и шевеля желваками, он исподлобья вглядывался по сторонам, готовый в мгновенному акту агрессии. Все втроем они передвигались крайне медленно и неуклюже и были похожи на группу покалеченных в бою, ищущих укрытие.

Тем временем Оксана Игоревна вспомнила, что видела в цеху мастерицу заготовительного участка Любу Кротову. Она зажигала какие-то красные свечи и готовилась к некоему ритуальному священнодействию. Чтобы она в тот час не замышляла, но вот теперь ее в цеху было не видно, она ушла или эти трое-двое злоумышленников ее ликвидировали как неудобного свидетеля. Они могли.

– Далеко еще? – вякнул Максимилиан Громовержец, видя, что впереди не было ничего такого, где можно было бы укрыться. Поплутав по цеху, они в итоге вышли на участок

резки стекла. – Че-то девочка, ты темнишь... Ты мне сразу не понравилась, надо бы тебя...

– Залепи дуло, Максимилиан Громовержец, – оборвал его Женя. – Как ты обращаешься к бесценной барышне?

Дальше идти было не куда, они уперлись в тупик. Огороженный участок резки стекла. Большие стеклянные полотна здесь укладывались специальными захватными крючьями и присосками на обитые сукном столы. Рабочие-резальщики проходились по ним стеклорезами и легкими движениями отламывали куски необходимых размеров. Потом вырезанные стекла и зеркала в специальных деревянных ящичках с вертикальными ячейками отвозили на участок сборки, где эти стекла вставлялись в сборную дверь. На участке резки стекла – стекла было много. Оно было в больших неподъемных упакованных пачках, привезенных из другого города и завезенных в цех автокарой и поставленных на металлические подставки, так называемые «пирамиды». Оно было в кусках меньших размеров, поставленных вдоль стен или на подставки, оно было в виде различных кусков вплоть до совсем маленьких узких. Все они находились здесь, отражая и множа световые блики от окон, за которыми все еще мела метель. За окном в этой части цеха росли деревья, сейчас они, лишенные листвы, сильно раскачивались на ветру, пуская на участок пляшущие беспокойные тени от ветвей. Свет и тени водили хороводы по стеклянным полотнам, будто живые прыгали и перескакивали со стекла на стекло. Участок

словно жил какой-то диковатой фантазмагоричной жизнью.

– Ну и? – спросил Максимилиан Громовержец в упор глядя на Оксану.

– Мы... договорились встретиться тут, – произнесла она.

– Ах вы договорились!?! Вы договорились, да?

– Да, они должны прийти сюда.

– Как же они придут сюда, дура! – почти закричал Максимилиан Громовержец и, если бы у него в руке был не пакет с отсеченной ладонью, а меч, он бы упер его ей в грудь. – Они теперь никуда не придут!

– Отчего же? – стараясь сохранять лицо, спросил Женя.

– Да потому что здесь мы! Зачем бы, скажи на милость, им сюда приходиться если они увидят, что их тут уже поджидают? Это косяк, Женя! Это очередной косяк!

– Значит надо спрятаться.

– Где ты тут спрячешься? – Максимилиан Громовержец обвел участок культурей. – Тут одно стекло! Женя, чувак, эта бабенка нас обвела вокруг пальца! Хватай ее!

– Дружище, не паникуй... мы...

– Женя! Не отпускай ее, она че-то темнит!

«Если считать по десятибалльной системе, где, ноль – это полная нирвана, а десять – это выход в открытый космос без скафандра, – вспыхнуло у Оксаны в голове, – то во сколько баллов я могу сейчас оценить уровень опасности для своей жизни? Где-то между девятью и десятью». У нее случилось все внутри, даже, кажется, остановилось сердцебиение.

С побледневшим лицом она сделала попытку выскользнуть из жениных объятий, даже забыла, что притворяется покалеченной. Женя напряг мускулатуру, теперь это были объятия питона. Оксана задергалась.

С суровым и заледеневшим взглядом Женя полез за ремень, где у него был «Хеклер Кох».

– Вон они! – закричала Альбер. – Вон!

Из-за станков появились двое – мужчина и женщина.

– Это они!!! Главбух Альбер и завпроизводством Соломонов!!! Я же сказала, что мы договорились встретиться здесь!

Лева Нилепин и Зина Сферина переглянулись между собой.

10:50 – 11:06

Севастополец еще что-то говорил в телефонную трубку, а кочегар повернулся к залитому еще теплой кровью столу с багровой от нее же – от крови – циркулярной пилой. На столе в кровавой лужице лежало все что осталось от того, кто меньше месяца назад через Аркадьича нанимался на работу в «Двери Люксэлит».

Голова. Только голова. Заляпанная в рыжевато-коричневой мелкодисперстной крошке-стружке усатая голова Августа Дмитриева – бывшего знакомого и даже в некоторой степени друга истопника Аркадьича, который его собственноручно расчленил и сжег в топке. Сейчас голова стояла на столе рядом с циркуляркой, рот ее был оскален, длинные се-

дые усы висели неровно и некрасиво, остекленевшие голубые глаза выпучены в навсегда застывшем в них непередаваемом ужасе. «Надо бы ее убрать», – решил Аркадьич и невольно вспомнил последнюю историю, рассказанную этим человеком, который отличался не только халатным отношением к своим электрическим обязанностям, но и как интереснейший рассказчик, знавший бесконечное число историй и повествующий их так красочно, что ему не раз предлагали написать автобиографическую книгу и издать ее в твердом переплете. Как было всем известно Август очень негативно относился к употреблению спиртного и, пропуская через себя рюмочку, другую, третью, мог часами говорить о вреде алкоголя, сравнивая его с наркотиками и приводя цитаты из трудов доктора медицинских наук, профессора и хирурга Федора Углова. По словам недоучившегося электрика, Дмитриев даже состоял в обществе борцов за принятия в России сухого закона. Так вот как-то раз кто-то из этого общества решил скрепить свой обоеполый союз узами брака, а попросту говоря – жениться. Счастливая пара молодоженов пригласила на свадьбу помимо родственников и друзей еще и некоторых членов общества, включая и Дмитриева с супругой. И вот Август рассказал, что был арендовал шикарный ресторан, куплена какая-то особо заводная тамада, накрыт большой стол, поставленный буквой «П», буквально ломившийся от еды. И на столе на чистой скатерти с вышитым на ней затейливым орнаментом стояли графинчики,

а подле гостей – рюмочки и фужерчики. Август Дмитриев был немного удивлен и даже переглядывался с супругой – как же, мол, так? Молодожены борются за трезвость, а сами наливают гостям самый что ни на есть алкоголь. Началось застолье, тамада заорала в микрофон, чтобы гости наполнили свои бокалы и гости, действительно стали наливать себе в рюмочки из графинчиков. Каждый заинтригованно подливал себе либо светлой жидкости полупрозрачной, либо буроватой, либо еще какой-то. Причем тамада настаивала, что бы наливали даже детям. Гости не стали спорить с тамадой (тем более, что у той были слишком насыщенно намазаны губы яркой помадой, что говорило об упрямом характере), плеснули себе из графинов и одновременно выпили. Выпил и трезвенник Дмитриев. С его слов он почувствовал во рту нечто необъяснимое словами, но его продрало так как после хорошего сельского самогона. «Что бы это могло быть?» – думал Дмитриев, активно закусывая выпитое салатом «Мимоза» и глядя на похожую реакцию со стороны гостей. Рот жгло, горло саднило, а тамада орала в микрофон, что если кому-то из приглашенных гостей выпитое показалось слишком крепким, то он может разводить это водой. Вторая рюмка, разведенная водой, показалась Августу Дмитриеву не менее едкой, и он решил плеснуть себе из другого графинчика. Вкус совсем другой, но по загадочности – идентичный. Откровенно говоря, Августа едва не стошнило прямо в тарелку с фаршированной семгой. Гости пили, вращали глаза-

ми, морщились, обильно закусывали... но не пьянели! Только тогда Август сообразил, что помимо его и еще нескольких человек среди гостей не было трезвенников, гости были нормальными – пьющими, но им предлагали нечто странное на вкус, но не похожее ни на коньяк, ни на водку, ни тем более на вино.

Все стало понятно где-то через час, когда некоторые уже достаточно много выпившие гости, в оскорбительной для тамады манере пожаловались, что их не тянет в пляс и вообще они почему-то не в полной мере чувствуют атмосферу праздника и веселья. Тогда тамада, разевывая рот в ярко красном обрамлении помады, открыла одну маленькую тайну – в графинах не спиртное. «А что?» – ошалело донеслось откуда-то с конца правой ножки буквы «П», где дальние родственники невесты сидели вперемешку с друзьями жениха. Последовало радостное объяснение, что гости употребляют в качестве спиртного различные природные воды: раповая – сульфатная, хлоридная, карбонатная; пантовая – настоящая на рогах оленя-марала; сельтерская – прямиком из источника Зельтерс-ан-дер-Лан (для дам и детей); сероводородная вода и прочая-прочая-прочая на любой вкус.

Дмитриев рассказал, что покинул свадьбу через полтора часа, сославшись на то, что сколько бы литров он этих вод не заглотил, у него все равно ну ни как не возникает непреодолимого желания пародировать Верку Сердючку под ее фонограмму и участвовать в конкурсе, где надо попасть в буты-

лочное горлышко привязанным к поясу карандашом. Да и в других аналогичных конкурсах.

Теперь Августа Дмитриева нет в живых, осталась только голова. Хороший был мужик, хоть и трезвенник. Кочегар Аркадьич опомнился будто ото сна, шепелявый голос Севастопольца шуршал в его ухе со скоростью электролобзика.

– А ты в электричестве что-нибудь шарить? – спросил Аркадьич у своего друга.

– В электричестве? Ну это... розетки менял... а что?

– Да место у нас одно освободилось. Ты электриком сможешь?

– А че не смочь-то? – кочегар почти увидел, как Севастоплец растянул свою широкую щербатую улыбку. – Электриком-то это я завсегда. А у вас в столовке комплексный обед есть?

– Только для своих. Сто пятьдесят в счет зарплаты.

– Так я ж уже почти свой, Аркадьич! С меня пузырь!

11:09 – 11:24

У Левы кружилась голова и из-за слабости он не мог стоять на ногах, его все время штормило как сильно выпившего. Кровь из раны на животе не унималась, пропитав одежду и брюки, он не мог разогнуться. Если бы не вовремя попавшаяся ему на пути Зинаида, он бы вообще не смог передвигаться, она буквально тащила его на себе. А он, душевно корчась от внутреннего чувства вины, боялся встретиться с

ней взглядом. Ему было больно и противно от самого себя.

Зинаида, его пухленькая Зинаида, чьи большие сиси он так любил жмахать и чьи толстенькие круглые губы делали ему очень хорошо, сейчас почти поддалась истерики, она пускала горячие слезы и обнимала своего молодого возлюбленного так сильно, что у несчастного похрустывали суставы и он вскрикивал от боли. Он просил ее не волноваться, утверждал, что все нормально, что с ним просто произошел несчастный случай, но Зинаида Зинаидовна никогда не была простодушной девочкой и, разумеется, она не могла не видеть сильно потрепанный внешний вид любимого, его раны по всему телу, ссадины, мокрая холодная одежда. Увидев, чем Лева Нилепин скрепил края раны на брюхе, Зинаида принялась чуть ли не кудахтать, это в определенной степени раздражало Леву. Он и сам понимал, что степлер не лучшее средство медицинской помощи.

Он падал на пол, Зинаида поднимала его, а он, сделав несколько слабых шагов, вновь оседал. Его женщина причитала и будто бы квохтала, ее круглое лицо было в красных пятнах, губы дрожали. Прижимая его голову к своей необъятной груди, она сквозь слезы говорила о подтверждении своих тревог и о том, что она никому его не отдаст, что вопреки предсказанной судьбе она спасет его. Обязательно спасет! Поможет! Ведь именно для этого она здесь. А он, маленький глупенький мальчик, еще не хотел, чтобы она приезжала, прятался от нее. А ведь она чувствовала, знала! Зна-

ла!

Лева не совсем понимал, о чем конкретно говорит его дорогая, но принимал ее слова с покорной безвыходностью. Пусть говорит и думает, что считает нужным. Сейчас у него совсем не было ни сил, ни желания вступать с ней в полемику, ему бы прилечь... Прилечь и поспать. Ему было жутко холодно, мокрая одежда пробирала до костей.

Он не думал о том, куда его ведет Сферина. Главное, что она действительно может ему помочь.

Но вдруг что-то остановило их, Сферина внезапно дернулась и замерла на месте, а проследив за ее остолбеневшим взглядом, Лева увидел нескольких человек на участке резке стекла. Двух он припомнил, он уже встречал их в цеху. А третьей была главный бухгалтер Оксана Альбер.

– Вон они! – возвестила Оксана и указала на Нилепина и Сферину обоими вытянутыми вперед руками. – Вон! Главбух Альбер и завпроизводством Соломонов!!! Я же сказала, что мы договорились встретиться здесь!

Нилепин ничего не понял и только похлопал глазами.

– Где Соломонов? – спросила Зинаида.

– Вот он! – кричала Оксана Альбер, указывая то на саму Сферину, то на Нилепина.

– Где? – Зинаида Зиновьевна не могла понять, отчего Альбер, указывая на ее истекающего кровью любимого называет его Соломоновым. – Какой же это Соломонов, Оксан? Ты что не видишь кто это?

– Я все вижу! Не притворяйся! – кричала главная бухгалтерша. – Это начальник производства Соломонов!

– Вот как? А я тогда кто? – сердито спросила Сферина.

– А ты Альбер!

– Кто я? Это ты Альбер!

– Не выдумывай. Кого ты хочешь обмануть, толстуха! Может ты этих двух смогла бы обвести вокруг пальца, – настоящая Альбер кивнула на сопровождающих ее двух напряженных мужчин в синей форме монтажников вентиляционных систем. – Но уж я-то тебя знаю!

– Зина... – обратился Нилепин к Сфериной. – О чем она говорит? Я что-то не врублюсь...

– Я тоже, – тихо ответила Зинаида Зиновьевна.

Не прошло и мгновение как на них двоих был наставлен пистолет одного из двух незнакомцев. Он приказал оставаться им на месте и поднять руки, а когда они это сделали, подошел к ним вплотную и, пренебрегая удивленными взглядами двух пар глаз, в более чем грубой форме спросил кто они. Зинаида едва успела раскрыть рот, как к ним подбежала Оксана Альбер и заявила, что они те, кого они ищут, а именно – Соломонов и Альбер. Что у них какие-то деньги, что они их, видимо, спрятали, а теперь прикидываются не теми, кто они есть на самом деле.

– Вам тоже нужны деньги? – вымолвил Нилепин.

– Да, – отчеканил усатенький, прожигая его взглядом. – Они у вас, да?

– Нет, – ответил Лева, поморщившись от боли в животе. – У нас их нет и не было...

– О чем ты говоришь, Лева? – Зинаида Зиновьевна не понимала ни слова.

– Мы пришли за деньгами, да... – сознался Лева, имея в виду самого себя и своего товарища Юру Пятипальцева, – только их уже не было... сейф был пуст...

– Врешь! – рявкнул усатенький. – Бабло у вас!

– Мы не брали... Там был Шепетельников, он... – дальше Нилепин не договорил, не хотел рассказывать подробности, перед незнакомыми людьми. Для Левы начался какой-то непонятный бред. Сквозь пелену боли и головокружения он будто со стороны наблюдал как собравшиеся принялись спорить кто есть кто. Альбер утверждала, что она вовсе не Альбер, а Альбер – Сферина. Сферина, конечно, оспаривала это утверждение. Но на этом коварная обманщица в забрызганном какими-то красными брызгами белом пальто не остановилась и принялась доказывать, что он – Лев Нилепин – вовсе не тот, за кого себя выдает, а самый что ни на есть начальник производства Константин Соломонов. Это было чудно, тем более, что Нилепин ни за кого себя не выдавал и даже не задумывался над этим. Он смотрел на странную Оксану Игоревну и даже не старался понять что-либо. Это просто чушь собачья! Но в какой-то момент, когда Сферина почти полезла в драку с усатеньким и бледнолицым Лева, кажется, кое-что вспомнил. Кое-что из далекой дали, когда он встре-

чался в Оксаной Игоревной. Ох, как он с ней встречался, как встречался! Он приходил к ней после рабочей смены прямо в опустевший офис. Приходил уже почти готовый, ей оставалось лишь стянуть с него джинсы и самой встать на колени. Она знала, что ей нужно сделать, а уж он тем более. Они оба прекрасно выучили свои роли и исполняли их так, как будто занимались этим последний раз в жизни. Он долбил ее до судорог в ногах, она истошно повизгивала и извивалась под ним как уж на сковородке. Это было сказочно!

Но натура Левы Нилепина не могла долго оставаться с одной девушкой, он считал своим непосредственным долгом как мужика расширять свой сексуальный опыт и применять его к максимально возможному количеству особей. Он обязан был дарить счастье не только себе, но и другим и он без зазрения совести делал это, перепрыгивая с одной девушки на следующую. Не была исключением и Оксана Альбер, как бы хорошо им обоим не было, но Нилепин не мог стоять на одном месте, ему надо было двигаться дальше и как следует наигравшись с главным бухгалтером, он переключил свое мужское внимание на другую девчонку. Не важно, что другая была похуже и помолчаливей, это второстепенно. Главное, что она была просто другая, следующая. А потом еще и еще. Брошенная Оксана затаила сильнейшую ненависть к подонку Нилепину, который так беспощадно ее использовал и отстранил в сторону, как только на горизонте появилась следующая. Она проклинала его всеми непристойными сло-

вами, рыдала в голос и пообещала отомстить. Она пообещала это твердо и с очень решительной убежденностью. Так и сказала: «Ты у меня еще попляшешь, сволочь! Кабель! Тварь похотливая!»

И вот, кажется, возник момент, когда Оксана выполнила свое обещание, во всяком случае, она своими необъяснимыми словами и поступками нагнетала на Леву и заодно и на Зину нечто угрожающее. Она мстила за себя и за свою поруганную честь. Нилепин догадался. Но еще не мог врубиться в чем заключается ее хитрость. Для чего она перетасовала имена и должности и выдает их с Зиной за Соломонова и саму себя, а сама называется каким-то несуществующим именем и присвоила себе должность, которой отродясь не было на ОАО «Двери Люксэлит». Что значит этот маскарад и чем это может грозить? Что может быть хуже того, что Лева Нилепин уже перенес? Сопротивляться оксаниному нападению он не мог, он не в том положении, он слаб и трясется от боли холода, за него вступалась его Зинаида, но, кажется делала еще хуже. Во всяком случае разозлила она этих двух типчиков не на шутку.

А настоящая Оксана Игоревна Альбер стояла и ухмылялась, да еще и подмигивала Нилепину.

Оторвав презираемый взгляд от предательницы Лева невольно перевел его на одного из типов, знакомых ему по двум случайным встречам в цеху. Первое на что обратил внимание Нилепин – горящие враждебностью глаза, а уже

потом на дуло направленного на него пистолета. Познания в огнестрельном оружии были у Нилепина на уровне виртуальных игр-стрелялок и в армии он не служил поэтому не мог знать ни модели пистолета, ни его пробивной мощности, но на интуитивном уровне осознал, что оружие ни фига не пневматическое. Лева побледнел еще сильнее. Нацеливанием пистолета на пару «Сферина-Нилепин» круглолицый решил положить конец ситуационной абсурдности.

– Молчать! – велел он продолжавшим спор женщинам. – Сюда подойдите, вы двое, – это он приказал раненому Нилепину и сопровождающей его Зине Сфериной. – Ближе.

Парочка сделала несколько шагов, приблизившись к стеклянному участку, где окружающая обстановка отражалась от многочисленных расставленных стекол и зеркал, умножая в десятки раз реально количество собравшихся людей. Во всяком случае Лева Нилепин увидел себя отражающимся как минимум в десяти стекол и нашел себя в неприглядной форме, нефотогенично скрюченным и вообще не симпатичным. Стараясь придать себе более достойный вид, он попытался хотя бы выпрямиться, что придало ему волну вспыхнувшей в брюшине боли. Однако в голове немного прояснилось, штормить почти перестало, но он по-прежнему ни черта ни мог понять. А может он во власти вызванной болевым шоком галлюцинации, а все это ему лишь мерещится и нет никакой Зины Сфериной, нет и его бывшей девушки Оксаны Альбер, которую он в шутку называл Альбатро-

сихой, да и эти двое в синих полукомбинезонах выплыли из его подсознания как обычно происходит в сновидениях.

– Ты! – услышал он резкий голос усатенького пижона. – Ты кто?

Он обращался к Сфериной.

– Я Зина! – по-простому ответила женщина просто не представляя как еще она должна ответить.

– Твоя должность? – задал налетчик конкретизирующий вопрос.

– Я тут работаю.

– Кем? Кем?!!! – терял терпение мужчина.

– Я на сборке работаю. Каркасы собираю.

– А ты? – теперь он обращался к раненому юноше.

– Я Лев Станиславович Нилепин, мне двадцать четыре года, уроженец нашего города, проживаю по адресу: первый переулок Октябрьской Революции, дом 6, квартира 53. Паспорт серии 58 02 165...

– Кто из вас двоих, придурки, – перебил его мужчина, – начальник производства?

Юноша и женщина переглянулись между собой и ответили, что никто. Что сегодня выходной и начальника производства вообще не должно быть в цеху.

– А кто главный бухгалтер Альбер? – уже теряя терпение спросил налетчик и получил ответ, что Альбер стоит рядом с ним в белом пальто. Со стороны обвиняемой последовал немедленный ответ, что они оба бессовестно и неумело врут

и их театральная постановка ни к чему не приведет.

Красавчик закатил глаза и почти беззвучно принялся считать до десяти и, бормоча в полголоса, призывать снизойти на себя пси-концентрат космоэнергии. Бормоча одними губами на манер мантры он настраивал свое сознание на связь с вселенским сознанием. Наблюдая за ним Лева Нилепин с трудом сглотнул ком в горле и вытер ледяной пот со лба.

– Я все понял! – наконец произнес Брюквин и вернул зрачки на свои места в центре глазных яблок. Свободной от пистолета рукой поправил камеру на своем лбу и на манер офицера в фуражке ребром ладони придал ей строго прямое положение. Его улыбка размножилась в зеркалах и стеклах, сейчас он как никогда выглядел победоносно и всячески это подчеркивал, даже встал в позу триумфатора, да так, чтобы отражаться в ближайшем стекле наиболее эффектно. – Вы что же, думаете, меня – Женю Брюквина – можно так легко обвести вокруг пальца? Вы слишком наивны для своего возраста, наивны и глупы как подростки и просто не догадываетесь перед кем вы блеете. Я – Евгений Брюквин – уж могу отличить правду от лжи, тем более, что вы даже не удосужились обсудить свою выдумку между собой. Это же первейшее дело – придумать правдоподобную легенду! Какие же вы умники, что не подумали об элементарном? Вы смешны! Что бы вы не сочиняли, как бы не старались меня запутать, но я-то все понял почти сразу. Я знаю о вас все! Все знаю. И не надо корчить из себя бедненьких жертв, которых

обижает злой дядя с пистолетом. Не надо, не напрягайтесь. Не смешите зрителей. – человек, назвавший себя Евгением Брюквинным победоносно оскалил зубы, вплоть до коренных, бросив мимолетный взгляд на свои отражения, чуть изменил поворот подбородка. – Вот ты, – указал он на Зинаиду Сферину, – ты главбух! Что, думаешь, я сразу не догадался? Ты и есть – Альбер! Да у тебя на своей свинячьей мордочке написано, что ты просто агонизируешь от одного только упоминания денег. С таким грызлом только в бухгалтерии торчать и печенья жрать с чаем. Не рыпайся! Я сказал – стоять на месте! А ты... – теперь Брюквин обратился к раненому Нилепину, – Хрен знает кто ты такой, может офисная шестерка, может так кто-то... Во всяком случае ты в доле, не отпирайся, тебя насквозь видно, мальчик. Кто это тебя так? Это тот верзила с которым мы тебя видели? Бородатый такой... вы еще кого-то тащили... Так... Теперь мозаика складывается... Борода – начальник производства! Как его фамилия – Соломонов, кажется, да? Это он и есть! Я так и думал! О, господи, только не делай такое лицо, будто ты не понимаешь о ком я говорю. Ненавижу эти притворные взгляды. У моей жены был такой... сука... Выходит, что я не ошибся, когда зажал того бородатого увальня в прессе. Еще бы чуть-чуть и он признался-бы где вы прячете бабло. Это он тебе брюхо вспорол, да? Сперва вы с ним замочили того, чье тело тащили на улицу, не знаю кто это был, но он оказался у вас на пути. А потом вы что-то не поделили уже между собой и

отхерачили друг друга. Так я говорю? О, опять этот олигофренический взгляд! И тот что валялся захлебнувшимся на смерть и висельник – это все ваших рук дело? Разумеется, это звенья одной цепочки, можешь не хлопать глазами.

Тут вооруженный бандит прервал свой монолог и с вопросительным взглядом обернулся к блондинке.

– А ты... ты тоже из их банды, да? Ну конечно. Вы одна команда. Ты хотела спасти того бородатого, потому что вы с ним заодно. Ваша компания разделилась на две половины – эти двое и ты с бородатым. Мне все ясно! Вот не думал, что тут собралась целая организованная преступная группировка. Мы с Максом...

– Называй мое имя правильно! – вякнул его бледнолицый соучастник.

– Мы с моим уважаемым коллегой Максимилианом Громовержцем ошибочно полагали, будто имеем дело только с двумя людьми, а тут оказывается гораздо больше... Вы оставили после себя гору трупов, следовательно речь идет не просто о большой сумме денег, а об астрономически большой, ради которой не жалко и людей мочить без счета! Сколько было в сейфе, ребята? Признавайтесь. Весь бюджет фабрики? – Брюквин продолжал улыбаться. – Ну ничего, теперь вас осталось только трое и вы оба у меня на мушке. Только попробуйте дернуться! Теперь слушайте меня, особенно ты – раненый. У тебя еще остались силы ворочать языком? Отлично, значит вот ты мне и расскажешь, где вы пря-

чете баблосы. А чтобы ты быстрее ворочал мозгами и языком я простимулирую тебя. Тебе ведь нравится твоя необъятная подружка? Любишь пухленьких, да? Как насчет того, чтобы посмотреть, как пули из моего «Хеклера и Коха» будут застревать в ее жирке? Не молчи, партизан! Твой бородатый дружок тоже зачем-то молчал...

– Он что был живой? – спросил Нилепин. – Вы ему помогли?

– Смешные вопросы, парень. В некотором роде – да... Можно сказать, мы ему помогли избавиться от страданий этого несправедливого мира. На очереди – твоя подруга. Так что скорее размышляй, парень. Считаю до трех. Один... Первая пуля в ляжку.

Налетчик замолчал в ожидании, когда Лева продолжит начатую им денежную тему и выложит их местонахождения. Преступник ждал, смотря на Нилепина не только парой глаз, но и объективом видеокамеры, а совсем утративший чувства понимания ситуации Лева просто не понимал, что от него требуется. Вернее сказать – догадывался, что пара незнакомцев ищут те деньги, что отсутствовали в соломоновском сейфе, когда он вместе с Юрой Пятипальцевым проник в кабинет начальника производства, но не представлял какие действия натолкнули бандита на выдвинутые им умозаклучения. Известно ли тому о Данииле Данииловиче Шепетельникове, который, к слову сказать, тоже был в определенной мере озадачен загадочным отсутствием денег в сейфе. Извест-

но ли преступникам об Августе Дмитриеве?

Зато они говорят о каком-то висельнике и еще о ком-то, захлебнувшемся рвотой.

– Два, – считал Брюквин.

И где-же, все-таки деньги, если их ищут все, но никто не может найти?

Лева ответил, что не знает где деньги. Он ответил честно и откровенно, но налетчик, отчего-то не поверил ему. Переглянувшись со своим странным хромым компаньоном, выглядевшим как причесанный труп в гробу, он прицелился в Зинаиду Зиновьевну Сферину, опустив дуло пистолета ниже ее пояса, намереваясь выстрелить в ногу.

– Стой! – выпалил Нилепин, – Убери пушку! Я скажу...

– Слушаю.

– Это... Они...

– Ну? – терял терпение налетчик.

– Подойди ближе, – огрызнулся Лева, – не видишь, разве, мне трудно говорить!

Круглолицый сделал несколько шагов и присел возле Левой. И вот тогда, когда их разделяло расстояние в метр, Нилепин собрал в себе остатки сил для единственного решающего рывка и со стоном вцепился окровавленными руками в пистолет бандита. И в то же мгновение дернул оружие на себя, но вместо того, чтобы вырвать «Хеклер и Кох» из ладони усатенького фраера, он повалил того на себя. Они кубарем упали на пол, дергая пистолет друг у друга и рыча от натуги.

Победа была уже почти у Брюквина, слабые и окровавленные ладони раненого Нилепина не справлялись с поставленной боевой задачей, но в этот момент они оба задели ножку стола, на котором резали стекла и на них упала стопка стеклянный кусков. Стекло, как известно, тяжеловатенькое, поэтому досталось обоим, особенно находящемуся сверху налетчику, которому стопка упала на спину и шею. Тот крикнул и упустил инициативу, воспользовавшись случаем, Нилепин перехватил пистолет почти за рукоять. Упавшее стекло рассыпалось по полу многочисленными осколками, хрустящими под телами двух борцов.

Раздался выстрел, в руках у Нилепина будто взорвалась граната. Кто-то из них двоих в борьбе нажал на курок, но пуля вылетела в сторону, только обожгла руку грабителя в синем полукомбинезоне. Сверху сверкнула искра и раздался свист рикошета.

Выстреливший пистолет выпрыгнул из их рук подобно лягушке и закатился под другой стол. Они оба одновременно рванулись к нему, стол с еще двумя стопками стекла отлетел в сторону, разбив собой еще несколько уложенных стопок. Участок резки стекла охватил громкий неистовый перелив хрустальной трели разбиваемого стекла, и оружие скрылось где-то под сверкающей в блеклом свете уличного солнца слюем стеклянного крошева. Раня руки и царапая ладони и пальцы оба молодых человека принялись неистово ворошить стекло в поисках оружия, оба ругались и взывали от

получаемых ран. Ситуация получилась даже комичней, чем в юмористических триллерах.

11:11 – 11:29

Эорнидян заперся в будке охранника и теперь его одолевали кровавые фантазии, его сознание извергало протуберанцы безумия и этот разогнавшийся процесс как можно скорее необходимо было сбить. Снег и уличный мороз немного сбавили обороты, но молодой человек просто-напросто элементарно замерз и вернулся на свое обогреваемое рабочее место. Но для Пети Эорнидяна нельзя было придумать худшего варианта, чем после эмоционального всплеска заключить себя в замкнутую тишину. Тогда психоз начинает бурлить в человеческом теле как в скороварке. Наблюдающие за Петей психиатры предупреждали и его самого и его родных, они даже подписывали официальный ознакомительный документ.

Проглоченные ранее медицинские препараты организм Эорнидяна изверг из себя еще на стадии всасывания и выплеснул в сугроб пенистой органической массой. Остальные таблетки были разбросаны по полу, раздавлены обувью, раскиданы по углам. По опыту Петя знал, что ему надо на что-то отвлечься, он попробовал поиграть в какую-то игру на айфоне, в разноцветные шарики, которые надо было сложить в ряд из трех штук, но не смог сконцентрироваться и сразу же потерпел неудачу, что привело к тому, что гаджет был раз-

давлен каблуком зимнего ботинка. Теперь он не мог позвонить ни матери, ни знакомым. Остался телевизор, который охранник никогда не включал, а включив, вспомнил, что антенна ловит только один региональный канал. Шла реклама, Петя не мог понять, что рекламируют, его мозг воспринимал только мелькающие фрагменты. Он не успевал за кадрами, картинки менялись одна за другой, речь шла то о распродаже зонтов, то о кредите на дачный участок, то об обуви, то о путевках в Турцию. Но это подействовало – Петя загнипотизированным немигающим взглядом пялился на экран и яркие фрагменты постепенно гасили его внутренний душевный вулкан. Эорнидян как никогда был близок к младенцу.

Но, увы, рекламный блок закончился и начались региональные новости. Прежде чем Петя успел отвести взгляд от телевизионного экрана, дикторша в коричневом пиджачке и с поднятыми вверх рыжеватыми волосами успела-таки бодрым голосом поведать Пети Эорнидян, а заодно и всем телезрителям, о трагедии на федеральной трассе, где сегодня утром в автокатастрофе с участием грузового автомобиля «MAN» с продуктами питания и легкового автомобиля «Ниссан» погибло четыре человека, среди которых один ребенок.

Оператор взял крупно обутую в зимнюю кроссовку ступню одного из накрытых брезентовым покрывалом тел.

Петя Эорнидян моргнул.

Кончина телевизора была быстрой – охранник с размаху

вонзил в экран железную ножку стула. Стул так и остался в телевизоре, а Петя выдернул из стола два ящичка и вывалил их содержимое на стол. Среди кучки всякой всячины, которой пользуются охранники были и несколько газет, журналов и пара стареньких книг. Это он и искал – художественную литературу. Схватив одну их книжек – карманный вариант американского детектива, он распахнул ее наугад и стал читать текст вслух. С преувеличенным выражением. Текст от автора он читал излишне серьезным голосом, а диалоги с разными выражениями, совсем не подходящими по смыслу. Мужчина в романе заговорил устами Эорнидяна с интонацией маленькой девочки с неправильным прикусом, а женщина – подобно вурдалаку. Этот способ чтения должен был придать роману комизма и заставить Петю отвлечься. В выданном психиатрами списке способов снятия напряжения это была рекомендация под номером девять или десять. Он и раньше прибегал к такому способу и пару раз это почти помогало, во всяком случае его настроение раньше могло чуть-чуть поменяться. Чувствуя, что этот способ срабатывает и на этот раз, Петя прочитал таким образом несколько страниц меняя и коверкая играемые комичные роли, но в какой-то момент он оторвался от книжки и посмотрел в окно, где боковым зрением заметил тень.

Петя Эорнидян застыл с приоткрытым ртом и потешно прищуренными глазами, на момент остановки он декламировал речь молодой героини романа манерой Жириновско-

го.

Охранник увидел в окне у турникета хохочущего мужчину с надвинутой до самых бровей черной зимней шапочкой с аббревиатурой «LA» и с нацеленной на Эорнидяна камерой смартфона. Что это был за мужик и почему он предпочитал шапочку именно с аббревиатурой «LA», и что вообще нужно было этому гражданину на территории ОАО «Двери Люксэлит» охранник выяснять не стал. Он закрыл рот, закрыл книжечку, встал, оправил на себе куртку, глядя в зеркальце, пятерней поправил волосы, вышел из будки, обошел ее и взял в руки совковую лопату которой иногда расчищал снег. Поставил ее обратно, взял другую – широкую деревянную, тоже для снега. Нет, не та. А вот третья – штыковая – то что надо. Взвесив ее в руке, Петя вернулся к входу, открыл сам себе турникет, вышел, приблизился к парнишке и одним махом пробил ему голову.

Орковавленная шапочка слетела в снег.

11:24 – 11:30

Воспользовавшись случаем, Зинаида Зиновьевна Сферина решила действовать и кошачьим шагом приблизившись к отвлекшемуся на борьбу своего напарника Максимилиана Громовержца (кажется именно так его назвал его заблуждающийся коллега с пистолетом), постаралась оглушить его по затылку подвернувшейся под руку металлической деталью одного станка. Она уже размахнулась для решительного уда-

ра, как вдруг щуплый с виду человек заметил ее боковым зрением и успел увернуться. Стальная болванка пронеслась мимо тонкокостной головы счастливица, а Сферина по инерции последовала за ней и чуть не упала. И вдруг с Максимилианом Громовержцем мгновенно произошла удивительнейшая метаморфоза – две секунды назад он стоял безэмоциональным хромым манекеном с отломанной ладонью и казалось, ничто не могло пробить брешь в его душевном коконе. Никто и не воспринимал его как угрозу, он создавал впечатление однорукого инвалида, да еще и хромого, который не расстается с полиэтиленовым пакетом, содержимое которого сильно напоминало что-то очень знакомое. И тут он прицепил пакет к поясу, сунул правую руку в карман полукомбинезона, пошарил там что-то и одним движением извлек на свет недлинный блистающий меч. После этого от его хромоты не осталось и намека. Вознеся меч ввысь и воскликнув раскатистый победный клич, он замахал им в боевых выпадах, нацеленных на Зину Сферину. Женщина, честно говоря, могла ожидать чего угодно, но только не такого и поэтому на некоторое время поддалась панике, но быстро взяла себя в руки и едва успела увернуться от взмаха свистящего в воздухе меча. Сталь рассекла ее зимнюю куртку сбоку, вывалив наружу синтетическую вату, следующим молниеносным выпадом Максимилиан Громовержец полоснул по женскому левому плечу и если бы не зимняя одежда, то ей пришлось бы худо. Инвалидность ей была бы обеспечена. Сфе-

рина упала, но на ее защиту бросилась Оксана Альбер, толкнувшая Максимилиана Громовержца и сбившего его нацеленный прямо в женское сердце удар. Меч опять просвистел мимо.

Вооруженный воитель, принялся делать различные выпады перед собой, его боевой римский меч со свистом рассекал воздух, он опять ранил Сферину, замахнулся на Альбер. Женщины отбивались на него с двух противоположных сторон, это не давало нападающему сосредоточиться на одной цели. Он махал мечом, подражая античным легионерам-римлянам, восклицал кличи во имя богов Олимпа. Сферина уронила на него стопку стекла, Альбер огрела его какой-то деревянной деталью. Деталь от рассек пополам одним движением короткого меча. Ситуацию для него осложняло еще и то, что женщины отражались в многочисленных стеклах и зеркалах, расставленный пачками и по отдельности по всему стекольному участку, он часто делал ошибочные выпады, поражая гладиусом лишь отражение в стекле. Стекло сыпалось крошечками, разлеталось опасными осколками в стороны. Для женщин было бы лучше всего убежать в разные стороны, но Оксана понимала, что этот вариант был бы для нее смертельным, так как из двух убегающих Максимилиан может выбрать именно ее и, нагнав, неминуемо расправился бы с ней. А тут она хотя бы под какой-никакой защитой Сфериной. А сама Зинаида Зиновьевна не могла убежать из-за своего любимого душки Левы Нилепина, продолжающего

натуральный бой без правил с Брюквинным на острых осколках стекла за потерянный пистолет.

Максимилиан Громовержец сделал очередной выпад, разрезав воздух полукругом и разрубив одну из деревянных планок, поддерживающих специальную подставку для листового стекла, привозимых в вертикальном положении автопогрузчиком и разгружаемые турелью и цепями. Такие подставки еще называют пирамидами для транспортировки стекла и стеклопакетов, только на этой фабрики они сделаны самостоятельно с местными особенностями. Деревянная пирамида вздрогнула и чуть прогнулась, стопка больших листов стекла просела, но не упала. Альбер чем-то огрела воителя, тот ответил ей молниеносным выпадом меча. Сферина толкнула современного гладиатора, но тот устоял и движением холодного оружия срезал ей немного волос с головы. Поняв, что пора-таки уносить ноги, Оксана Альбер бросилась бежать куда подальше, но не успев сделать и трех шагов по направлению к спасительным воротам, которые хорошо виднелись отсюда, застыла на месте. Она не почувствовала боль, только что-то нехорошее и лишнее в своем теле. Что-то холодное и острое. Замерев на месте, она вдруг будто лишилась власти над своими мышцами.

Медленно-медленно, боясь увидеть неизбежное, она опустила взгляд вниз. Из ее живота, прямо из-под ребер торчал посторонний предмет, окрашенный красным. Предмет пускал алые блики света на своих прямых и вытянутых гранях,

конец его был остро заточен. Все поплыло перед Оксаной Игоревной Альбер, весь мир закачался, а она стояла как пришпиленная к полу. Время замедлило свой ход. Перед Оксаной проносилась все ее жизнь и в конце будто из белесого тумана всплыл далекий город ее мечты. Город плыл под ней как под облаком, плыл медленно раскачиваясь... В городе гуляли люди, из открытых кафе пахло свежими круассанами и полевыми цветами, тринькали велосипедные звоночки, все говорили по-французски с проносом и звали ее по фамилии, делая правильное ударение на последнюю гласную букву, а не на первую как в грязной неопрятной России...

Вновь укол боли в груди, теперь уже меч вышел из нее, оставив после себя то, чего не должно быть в ее теле. Кровь хлынула из открытой раны, а Оксана Игоревна смотрела на нее и удивлялась как может быть столько крови, ее и без того запачканное белое пальто спереди полностью пропиталось кровью, она расползалась по ткани вниз, капала на сапоги, на пол, текла по ногам... Оксана стояла, смотрела на кровь и угасающим разумом осознавала несбыточность своей мечты и еще то, что в эту минуту в ее квартире сидит на диване и ждет свою маму с деньгами ее дочь, а на комодке покоятся билеты и готовый загранпаспорт...

– Как жаль... – выдохнула она с последним глотком воздуха и кровь полилась и изо рта.

Мир медленно погас для Оксаны Альбер, ее закачало, силы вылились наружу вместе с кровью и ноги ее подогнулись.

11:30 – 11:38

Каждое движение ладоней причиняло Лева острую боль от порезов, но он упрямо шарил руками в стеклянных осколках. Рядом с ним, практически бок о бок, копошился его смертельный враг, назвавшийся Женей Брюквиным. То и дело останавливаясь на миг и бросая друг на друга ненавистный взгляд полных ошарашенных от боли глаз, и убеждаясь, что никто из них пока еще не нашел пистолет, они тут же резко возвращались к прерванному занятию, погружая израненные ладони в стеклянное крошево. Они оба безуспешно искали пистолет, искали его хаотично и бессмысленно, напрочь забыв о других средствах нападения и защиты. Это превратилось у них в некое подобие состязания – кто первый найдет тот и молодец. В них разыграл не вовремя проснувшийся дух соперничества.

С регулярностью в несколько секунд один из них шипел от очередного пореза, вскрикивал и засовывал палец в рот, кровь капала с их ладоней в стекло, делая его липким и сияющим сочным алым цветом. Лева толкнул соперника в бок, тот плюхнулся на пол и ответил обидчику тем же, завязалась борьба.

Вдруг Брюквин отцепился от Нилепина. «Нашел!» – радостно крикнул он и поднял из груды стекла оружие. Злобная ухмылка победителя исказила его круглое лицо, но он не мог крепко взять оружие в руку, его ладони были исколо-

ты стеклом и, должно быть, несколько крошек остались в его коже. Сжав рукоять «Хеклера и Коха», он морщился и тряс руками, дуя на них.

А Лева расстроился и уныло сел на засыпанный стеклом пол, ему было обидно. Ну почему ему сегодня так не везет? Ведь он смотрел вчера вечером гороскоп и приятный женский голос таинственной незнакомки, представляющей ему шикарную брюнетку с рубиновым ожерельем на длинной элегантной шее, обещал ему благополучный день, насыщенный положительными эмоциями и возможными новыми знакомствами. Да уж, вот и познакомились! А уж какой насыщенный! Вытерев кровоточащие ладони об одежду, он поднял голову и увидел, как неподалеку от него второй преступник – тот что напоминал Нилепину какого-то английского актера, играющего роль ожившего из могилы вампира – нападает на Зину Сферину. Он махал перед ней своим странным мечом, уже запачканным кровью по самую рукоятку, а она едва успевала увертываться. «Какой дивный меч, – подумалось Лева Нилепину, – Но ведь он не может быть настоящим, это копия из нержавеющей стали. Хотя... Махал бы он так копией! Но это оружие античного мира, даже не рыцарского! Греция? Месопотамия? Нет, не Месопотамия, я даже не знаю где это!» Не вникая в не вовремя возникшие нилепинские мысленные процессы по поводу настоящего гладиуса древнеримского легионера искусный имитатор с бледным как полотно лицом рассекал воздух прямо перед Зинаидой,

та была уже практически без шансов на спасение, нападающий загонял ее в угол. Он делал смертоносные выпады, доказывая, что оружие в его руке самое что ни на есть смертоносное, что оно уже побывало в боях, что оно уже когда-то три тысячи лет назад уже пронзало плоть менее удачливых врагов, защищенных мятыми доспехами и поцарапанными круглыми щитами с гербами правителей, что оно уже пило кровь и грызло кости. Зинаида уже была ранена, в нескольких местах у нее была разрезана одежда. И вот она прижалась спиной к одной из пирамид с листовым стеклом, она оказалась в углу – с других сторон была стена и паллеты с нарезанным ДСП. Нападающий взялся поудобнее на рукоять меча, сделал разминающие движения кистью руки – меч рассек воздух в замысловатых синосоидах. Только сейчас Лева заметил, что у того отсутствовала вторая кисть руки, но воителю это почти нисколько не мешало, он прекрасно владел мечом рабочей рукой. Как свирепый бык перед красной тряпкой бледнолицый смотрел налитыми кровью глазами на вжавшуюся спиной к листовому стеклу женщину и скрипел зубами. Наконец он бросился на нее с вытянутым вперед мечом, но тут уж Лева пробудился от оцепенения и коротким движением ноги, сделал тому подножку.

Воин потерял равновесие и со всей своей скоростью упал вперед, держа меч перед собой. Сферина с визгом отскочила и не владеющий своим движением вперед нападающий вонзился мечом прямо в центр стоящего вертикально листово-

го стекла. Двадцать листов размером метр-восемьдесят на два-пятьдесят. Падающий вперед легионер пронзил мечом несколько листов, а те что не пробил – разбил своим телом. Расколоченные стекла каскадом осыпались на воителя, завалив его кучей. Лева своими глазами видел, как стеклянные осколки с краями как бритва резали одежду и плоть разъяренного легионера, впивались в его тело, срезали кожу, сдирают лицо. Человек упал в стекло и стекло же падало на него, он кричал от ран, корчился и вздрагивал, когда стекло впивалось в него и резало его кожу.

Даже его коллега Женя Брюквин сидел на полу с разинутым ртом и смотрел на это отвратительное зрелище. Кровь брызгала во все стороны, звон отражался от бетонных стен и смешиваясь с человеческим криком, переливчатым эхом гулял по цеху.

Бедолага не умер, он ворочался в стекле, стонал и, наконец, встал на ноги и разогнулся. Меч все еще был в его единственной руке. Вторая, та что была в полиэтиленовом пакете привязана к его ремню, вывалилась наружу и лежала на полу. Наручные часы расстегнулись и слетели с запястья, и выпущенная на волю кровища лилась из открытой культи просто пульсирующими струями. Легионер был страшен, на его теле не осталось неповрежденного участка тела, одежду словно пропустили через шредер, а кожа сплошь была изрезана стеклом, куски стекла торчали из человека, всаженные в его плоть на разную глубину, кровь лилась из каждой раны

и блестела на стеклянных кусочках рубиновыми огоньками. Несчастный ревел не своим голосом и махал оружием. Он махал им бесцельно, не нападая не на кого конкретно – ведь у раненого воина из одного глаза торчал острый кусок стекла, а другая половина лица была беспощадно изранена и залита кровью, полуотсеченный скальп с черными волосами обнажал купол черепа, одна щека была разрезана от шеи почти до виска и когда мужчина кричал у него были видны коренные зубы. Он вопил и размахивал мечом, представляя опасность, пожалуй, еще большую чем до того, ведь теперь его хаотичные движения были совершенно неуправляемы. Он ничего не видел и ориентировался на звуки и собственные визуальные фантомы. А Зинаида Сферина лежала на боку, и в какой-то момент человек услышал ее голос и тут же бросился на нее с мечом. Той едва удалось увернуться, но легионер не унимался. Его меч свистел в воздухе тот тут то там, он задел Леву Нилепина и тот чудом избежал отсечения головы.

Агонию прервал выстрел. Мужчина дернулся и споткнулся, но начал выпрямляться. Второй выстрел – мужчина выронил меч и согнулся пополам. От третьего выстрела он повалился на пол и забился в судорогах. Женя Брюквин встал со стеклянного крошева и сделал несколько шагов к своему соучастнику. Вытерев нос, он четвертым выстрелом положил конец земному существованию человека, откликающегося только на имя Максимилиан Громовержец.

Наступило молчание, нарушаемое только тяжелым дыха-

нием Зинаиды Сфериной. У нее было множество резанных ран одежды и во многих местах была задета и кожа. Она лежала на боку и старалась не двигаться, зажав наиболее глубокую рану под ребрами. Кровь текла у нее из уголка рта, она была очень похожа на умирающую. Лева быстро подполз к ней, но его грубо оттолкнул Женя Брюквин. Он сам присел на корточки перед женщиной и осмотрел ее рану, она попросила поднять ее на ноги.

– Ты сможешь стоять? – спросил Лева.

– Смогу, – выдохнула она и двое мужчин придали ей вертикальное положение.

– Тебе лучше сесть, – посоветовал Нилепин. – Или лечь. Не надо стоять, Зин.

– Надо, – ответила она.

– Зачем? – спросил Женя Брюквин, удивляя упрямству крупной женщины.

– Стоя у меня размах правильный, – ответила она и так ударила Брюквина кулаком в зубы снизу вверх, что тот оторвался от пола и отлетел назад, раскинув руки в стороны как, прыгающий со скалы самоубийца. Он грохнулся спиной о пол, тут же скорчился и схватился за лицо. Замычав что-то из языка североамериканских бизонов, он встал и огрел рукояткой пистолета женщину по затылку. Сферина грохнулась на пол, а Лева Нилепин, поняв, что его больше ничего тут не держит, пустился бежать так быстро, как только позволял ему вспоротый живот. Сзади грохнул выстрел. Еще

один. Пуля попала в деревянные детали, мимо которых бежал Лева. Вылетели щепки. За его спиной злобно мычал преследователь, топая зимними ботинками и хрустя стеклом, но молодой рабочий знал цех лучше Брюквина. После нескольких минут преследований, Нилепин затаился в темном углу своего родного станка ЧПУ, на котором работал второй год.

Бегущий за ним Брюквин остановился у станка, потопал ботинками и побежал дальше.

Лева смог перевести дыхание и достать из кармана прихваченный из кабинета Соломонова степлер. Щелк, щелк. Он посадил на расходящиеся края вспоротого живота еще две скобы и вознес мысленные молитвы богам с просьбой о том, чтобы пропавший в цеховом бардаке Брюквин не услышал его стоны.

11:36 – 11:49

– Владимир Андреевич, что мне делать? – лепетал Никита в телефонную трубку, прикрывая ее ладонями. Он говорил быстрым шепотом, переходящим в паническое повизгивание. – Тут... Здесь какая-то резня, Владимир Андреевич, здесь...

– Ты где?

– Я в...

– Постой, Никитос, только не говори мне, что ты еще в цеху.

– Владимир Андреевич, я...

– Нет, не говори мне этого!

– Я в цеху, я...

– Проклятье! – выкрикнул на том конце провода начальник по развитию ООО «Орфей». – Какого дьявола ты там торчишь?

– Владимир Андреевич, послушайте, – Никита Вайнштайн едва держал себя в руках, но голосовые связки предательски вибрировали, – Послушайте... Я еще на «Люксэлите» и не могу выйти. Тут какая-то херня твориться, Владимир Андреевич!

– Никитос, без паники. Ты мужик или кто? Что там у тебя?

– Стрельба и трупки, Владимир Андреевич! Слышите меня? Трупки на каждом шагу! Какому-то чуваку башку прострелили, он лежит на полу посреди цеха! Прямо мозги выпустили, слышите...

– Сфоткай!

– Я сломал планшет.

– Айфоном сфоткай.

– Я уже убежал оттуда. Но тут еще кое-что... – Вайнштайн лихорадочно приложил телефон к другому уху. – Прямо в цеху горят красные свечи... Ну уже не горят, погасли, но горели. А рядом какие-то толстенные старинные книги с заклинаниями и заговорами...

– Ты в своем уме, Никитос? Слушай, мне вообще не нравится то, о чем ты говоришь.

– Похоже, происходит какое-то ритуальное жертвопри-

ношение, Владимир Андреевич! – почти выкрикнул Вайнштайн. – Тут везде кровью накапано... Кто-то кричал! Кто-то убивали!

– Так почему же ты не свалишь из этой чертовой жопы? – тоже почти выкрикнул Нильсен.

– Не получается. Здесь повсюду кто-то передвигается. То там, то тут. Я прячусь.

– Выбирайся оттуда, Никитос! – велел ему Владимир Андреевич Нильсен. – Выбирайся, после во всем разберемся...

Никита Вайнштейн отключил связь с начальником по развитию «Орфея» и, побуждаемый инстинкту самосохранения, сменил диспозицию, перепрытавшись от упаковочного станка за кромкооблицовочный. Прислушиваясь к звукам происходящей где-то в районе стекольного участка потасовки между несколькими людьми, Вайнштейн проклинал свой псевдогероизм и алчное желание выпендриться перед начальством. Зачем только он согласился на эту операцию по проникновению в цех «Дверей Люксэлит»? Зачем? Что ему, денег не хватало? Да, честно говоря, не хватало, на «Орfee», платили не самые высокие зарплаты ни производственным работникам, ни офисным работникам где Никита числился менеджером по развитию. Никита вызвался подзаработать, и теперь страстно желал повернуть время вспять до той минуты, когда его непосредственный шеф – Владимир Андреевич Нильсен – прихлебывая холодную водичку из кулера, предложил ему эту операцию. Задание, которое Вайнштайн

выполнял уже неоднократно, но раньше он делал это не самолично, а с помощью подкупленного человечка – местного сварщика Коли Авдотьева. Так было значительно удобнее и несоизмеримо безопасней. На «Дверях Люксэлите» ни один человек не мог предположить, что криворукий сварщик, с трудом обращающийся с телефоном, мог быть продажным предателем, регулярно отправляющий Вайнштейну всю получаемую информацию о производстве.

Однако Авдотьева больше нет, а Нильсен жаловался Вайнштейну, что совет директоров требует с него давно не получаемой информации о конкурирующей фирме. Нильсен сам был перебежчиком, ничем не совестливее Авдотьева. Когда-то он работал на «Люксэлите», на нем держались очень приличные заказы от нескольких строек, но со сменой руководства Владимир Андреевич ушел на «Орфей» и переманил за собой всех своих заказчиков. Новый генеральный директор ОАО «Двери Люксэлит» Даниил Шепетельников, которого Нильсен при всяком удобном случае называл «тот еще жучара» был в бешенстве, посылал на Нильсена бесконечные проклятья, но вернуть его в лоно родной фабрики не смог. Они не могли работать вместе. Теперь у Шепетельникова не было толкового менеджера по развитию, не было стоящий заказов, не было определенных перспектив на будущее, а Владимир Нильсен благополучно влился в коллектив «Орфея», занял там целый кабинет и получил в свое распоряжение Никиту Вайнштейна.

Вот так-то, господин Шепетельников! Надо уметь держать хороший работников при себе!

Никита вытер нос и прислушался. Со стекольного участка, который с его диспозиции был не виден, раздавался хрустальный звон разбиваемого стекла. Такой сильный и продолжительный, что Никите показалось, что помимо самих стекол на участке разбились и посыпались вниз еще и окна. Потом были крики. Потом выстрелы.

Вайнштайн вздрагивал и прятался как мышь в норке. Он позвонил своему шефу Нильсену и тот, как человек прекрасно знающий план цеха и расположение станков и продукции порекомендовал Никите двигаться по определенной стороне цеха мимо пресса, обогнуть стекольный участок и за перегородкой повернуть направо. Если никто не встретиться на его пути, то он сможет быстро скрыться из цеха не обнаруженным.

– Владимир Андреевич, я вот еще что хотел вам сказать, – шептал он в трубку телефона. – Тут во всем цеху пахнет газом. Довольно сильно пахнет.

– Каким газом?

– Пропан-бутаном.

– Каким-каким?

– Пропан-бутаном, Владимир Андреевич.

– Не может быть, Никитос.

– Но ведь пахнет. Я сейчас стою у одного станка, так от него газом несет так, что уже трудно дышать. Знаете... Газ

идет как будто из труб, – Вайнштайн принюхался к одному из вытяжных гофрошлангов и даже закашлялся. – Точно, Владимир Андреевич, я не ошибаюсь. По вытяжке идет газ, аж глаза заслезились.

– Ты же понимаешь, что это невозможно. Цех даже не подключен к газопроводу.

– Значит кто-то принес газовые баллоны. Кто-то хочет взорвать цех, Владимир Андреевич!

Нильсен велел Никите взять себя в руки и не заниматься анализом того, до чего ему сейчас не было дела. Его первоочередная задача – оставаясь незаметным, унести ноги.

Вайнштейн еще немного посидел за кромкооблицовочным станком и, решившись, вылез полуприседом. Перемещаясь от одного станка к другому, он, следуя совету Нильсена, подбежал к большому прессу и тут увидел, что с стоящего рядом малого пресса развернулась самая устрашающая картина, от которой его заколотила тряска, а ноги сами собой подкосились и согнулись в коленях. Вайнштейн оказался сидящим на полу, по-девически поджав ноги, а перед ним в малом прессе между столами был зажат человек. Кровь из раздавленного туловища залила пресс с двух сторон, разлилась ручьями по полу, образовав небольшие лужицы.

Никита стал подвывать и на корячках пополз совсем не туда куда велел ему Владимир Андреевич Нильсен.

11:45 – 12:01

Зинаида входила в этот мир из беспамятства, можно сказать, со скрипом, с неохотой. Как если бы просыпалась от крепкого исцеляющего сна. Была бы ее воля, она бы проспала еще не один час. И не два. У нее не хватало сил полностью пробудиться и ее потуги прийти в сознание напоминали включение старого лампового телевизора. На несколько мгновений она приоткрывала глаза, видела двоящееся помещение, будто в розовой дымке. Видела переплетение металлических труб и обшарпанные стены и, причисляя увиденное к бредовому сновидению, закатывала глаза и вновь тонула в бессознательности. Но кто-то выдергивал ее из небытия. Раз. Второй. На третий раз Зинаида поняла, что помещение, в котором она лежит не является продуктом бессознательного. Она окончательно разомкнула веки и попробовала встать с топчана, но чьи-то худые как ветки руки вернули ей горизонтальное положение. В этих странно худых руках с костлявыми пальцами и размытыми наколками мелькала белая лента медицинского бинта. Лента вертелась перед ее лицом, мелькали костистые пальцы, было тяжело дышать, воздух отдавал солоноватостью как на море. Гудел разгоряченный котел, из колонок под аккомпанемент шестиструнной гитары и фортепьяно пела шансоньетка со сладким, но чуть простуженным голосом.

Наконец Сферина смогла сфокусироваться на обладателе тощих рук. Кочегар Аркадьич! Вот уж кого она меньше всего предполагала увидеть. Сделав последние телодвижения, ис-

топник помог ей приподняться и сесть. Только теперь женщина осмотрелась и обнаружила себя в кочегарке, а сам хозяин тесного помещения как смог оказал ей медицинскую помощь – промыл и перебинтовал несколько ран на руках и теле, наложил тугую повязку на грудь, прямо под ее необъятными титьками, но лифчик не тронул. Пока она натягивала изрезанную одежду, он спросил про ее самочувствие и она, ощупав себя и свою голову, призналась, что думала, что будет хуже. Мелкие обработанные Аркадьичем раны не доставляли ей особого беспокойства, а вот ранение под грудями и сильная ссадина на голове вызывали у нее тревогу. Волосы ее были в крови, кровь текла на лицо и Аркадьич принес тазик с теплой чистой водой. Прежде всего Зинаида умылась. Выплеснув покрасневшую воду, кочегар набрал новую, для этого у него в кочегарке было множество кранов.

– Зина, – с ярко проявленным волнением говорил Аркадьич, промывая ей рану на темени, – что случилось? Что произошло в цеху?

– Аркадьич... слушай... я сама ничего не поняла... – вдруг Зинаида дернулась как ужаленная. – Лева! Там Лева Нилепин был!

– Нилепин? – озадаченно переспросил Аркадьич. – И он туда затесался... А Юрка Пятипальцев тоже был?

– Пятипальцева не было...

– Не было, говоришь? А деньги-то они взяли?

– Кто?

– Ну Нилепин твой с Пятипальцевым. Они должны были... Ну, короче... у Нилепина были деньги?

– Какие деньги?

– Бумажные, Зина! Бумажные деньги! Были?

– Да откуда я знаю? – ничего не понимала Сферина. – Я к нему в карманы не заглядывала.

– У него должно было быть много денег, Зин.

– Я ни хрена не понимаю, Аркадьич! Я ни хрена собачьего не понимаю! – и Зинаида Зиновьевна Сферина горько заплакала. – Какие деньги? Про какие деньги вы все говорите? Это какой-то бред! Где Лева? Что с ним?

– Я его не видел, Зин, – промыв ужасную рану на украшенной мелкими кудряшками голове Сфериной, тощий кочегар принялся перевязывать ее бинтом. – Вернее я его видел, но раньше... еще живого... То-есть, я хочу сказать... Проклятье, это, действительно какой-то кошмар! Там два трупа, Зин! Бухгалтерша откинулась! Как ее звали-то? Ксенией?

– Оксаной ее звали, – буркнула Сферина, стойко перенося медицинские процедуры.

– И еще какой-то бедолага, – продолжал Аркадьич. – Весь израненный стеклом. Тоже, наверное, помер... Я не стал его осматривать.

– Его пристрелили, – доложила Сферина и не дожидаясь реакции кочегара спросила: – А еще кто-нибудь был?

– Мать Божья, Зина! – обомлел Аркадьич и так сильно

выпучил глаза, что Сферина отвернулась. – Там должен был быть еще кто-то? Вас было трое, ты и те двое. Бухгалтерша и бедолага. Нилепина не было.

– Был еще один... такой щекастенький... с усиками.

– Не видел.

– Ты вызвал ментов? – спросила Сферина.

– Нет, – смутился Аркадьич и отвел взгляд, – я не звоню ментам. У меня с ними, знаешь ли, свои счета... Но ты, естественно, позвони. Только со своего телефона, я не хочу быть к этому причастен. Тем более, – истопник бросил странный взгляд на свою пылающую жаром печку, – ну не важно...

Сферина не нашла свою сумочку, а телефон-то лежал в ней. Дожидаясь пока кочегар перевяжет ей голову, после чего она вознамерилась позвонить в полицию с его телефона, Зинаида Зиновьевна рассказала Аркадьичу страшную и необъяснимую историю, начиная с того, как она пришла в цех и потом повстречала едва живого Леву Нилепина со вспоротым брюхом. Потом появились двое незнакомцев и с ними главная бухгалтерша. Зинаида Зиновьевна постаралась пересказать пространный спор, возникший между ними, в котором бухгалтерша вроде как умышленно перепутала все имена и фамилии. А потом началось...

А Аркадьич рассказал, что ему понадобилась стрейч-пленка и он вышел из кочегарки в цех, случайно наткнулся на кровавую картину с тремя телами и кучей разбитого в крошево стекла. Сперва он предположил, что в стекольный

участок со всей скорости въехал автопогрузчик, зацепив попутно троих бедолаг и насмерть их задавив. Но не было ни погрузчика, ни его следов. Тогда он представил себе, как на стекольном участке взрывается граната или даже противотанковая мина. Другого ему на ум не приходило. Как бы то ни было, но еще живую и стонущую Сферину он взволк на спину и как несший свой крест Иисус Христос дотащил ее до своей кочегарки, где и оказал первую помощь, перевязав раны.

11:45 – 12:06

– Алло, – прохрипел юноша.

– Лева, друг, – звонил и говорил Джабраил, – как у тебя дела?

– Что?

– Я спрашиваю – как дела?

– У меня? – на несколько секунд Лева Нилепин потерял сознание, – Да че-то как-то... паршивенько немножко...

– Что случилось. Я беспокоюсь.

– Я, кажись... подыхаю... слушай, у меня проблемы... мне нужна помощь... я... алло... Алло?

У телефона сел аккумулятор. Лева застонал и сунул теперь уже бесполезный гаджет в карман.

Юный работник убрал телефон и как ящерица подполз к лежащему навзничь телу, облаченному в синий полукомбинезон. Тело лежало на полу плечами к станку ЧПУ, а значит

и к прячущемуся за станком Нилепину. Лева почти не остолбенел, увидев мертвое тело прямо у своего родного станка, на котором проработал без малого уже два года, уходя лишь раз в отпуск на десять дней. Леву уже ничего не могло поразить в этом цеху, даже застреленный в висок человек, в котором Нилепин сразу опознал отсутствующего члена преступной троицы. Наверняка его пристрелили свои же, например, тот тип, что хладнокровно расстрелял взбешенного гладиатора с коротким римским мечом. Нилепин вздрогнул и прижался к полу, когда увидел рядом с собой быстрое движение, но оказалось, что это всего лишь местный кот, появляющийся, как правило, в самых неожиданных местах. Кот с некоторым изумлением посмотрел на прижавшегося к мертвецу Леву Нилепину, понюхал лужицу крови на бетонном полу, пришел к выводу, что странность людей не поддается кошачьему анализу и поэтому не стоит даже вдумываться в их поступки, запрыгнул на станок и, выбрав на нем некую точку, сел на нее и воззрился на Леву как на театрального актера.

– Привет, – прошептал Лева коту, – не хочешь слинять, а? Может исчезнешь?

Но кот не знал русского языка. Вообще-то, раньше он постоянно приходил к этому станку и требовал своей порции кусочков свиных котлеток и чесания за ушами. Так почему сейчас необъяснимые человеческие обстоятельства должны вынудить его уйти? Еще чего? Лева смирился с невольным зрителем и подполз к мертвому телу совсем близко.

Лева ловил себя на мысли, что, оказывается, он трусит. Да как тут не трусить, если за ним охотится вооруженный убийца. Да как тут не трусить, когда на его глазах погибло сразу четыре человека, один из которых был его близким товарищем, с которым они утром пили вишневый виски, а еще двое в прошлом и настоящим являлись его герлфрэндами. Четыре плюс Шепетельников, а одного этого уже было предостаточно! Итого пять смертей за одно утро!

Не пять. Нет. Он не посчитал несчастного Августа Дмитриева. Шесть человек! Стоп! Почему шесть? А вот этот – что лежит перед ним с простреленной лысой башкой! Седьмой.

Нилепин решительно не мог ничего понять, не соображал из-за чего вся эта кровавая резня. Неужели из-за тех денег, которые они с Юрой Пятипальцевым не нашли в сейфе у Соломонова?

Сперва Нилепин залез в нагрудный карман полукомбинезона убитого, а ничего там не обнаружив стал шарить по карманам боковым и задним. «Дружище, ты уж извиняй, – мысленно обращался он к застреленному человеку, – но ведь тебе уже твое без надобности, так? Что там у тебя в карманах...» Превозмогая чувство отвращения и ненависти к самому себе, Лева выгребал из карманов мертвеца все что нашупывали его пальцы – связка ключей на брелоке, оторванная пуговица, сигареты, зажигалка. Опа! Бумажник, а в нем около трех тысяч рублей! Лева выгреб деньги себе, а опустевший бумажник вернул в карман, не забыв вытереть свои

отпечатки. Кот наблюдал за недостойными действиями того, кто делился с ним крохотными кусочками колбаски и не проявлял никаких осуждающих эмоций.

У Левы голова шла кругом, от душевной горячки и от предположений, основанных на событиях вольным или невольным участником которых он явился. В цеху происходит какая-то немыслимая заварушка, народ убивает друг друга и вообще твориться такое, в чем он – Лев Нилепин – меньше всего хотел принимать участие. Ему одного Августа Дмитриева хватит до конца жизни! Это какой-то проклятый выходной, Лева сильно жалел, что приехал сегодня на фабрику. Сидел бы сейчас дома как его напарник – Витя Герасименко, играл бы в пятую гэтэашку или в ту игру, где надо на скейтборде прыгать и умиротворенно кушал бы кексики с изюмом. Хорошо сейчас Вите – он-то никогда ни в какие истории не влезал. Этот уже немолодой пенсионер жизнь повидал и знал, как себя вести что бы, оставаясь в объятиях безмятежности тихо мирно обслуживать станок, и, не принимая участия ни в каких цеховых разборках, не ругаясь с начальством, не вникая в общецеховые проблемы, получать свою зарплату. Витя жил в гармонии с самим собой, он знал, что в обеденный перерыв будет читать купленную по своему вкусу неполитическую газету или исторический журнал, а не изощряться в курилке в критике начальства и правительства. Он с философским безразличием относился к изменениям в цеху и в работе, в тот же день приспособливаясь к новому

и находя оптимальную манеру работы, он не трепал нервы ни себе ни другим из-за лишней сотни рублей, ни ругался и не огрызался. Добрейший души человек с широкой улыбкой вставных зубов, дядя Витя просто-напросто работал на совесть и плевать хотел на чужое мнение и разговоры. Мастерица Люба Кротова даже мысли не допускала о том, что Витя при выполнении дневного задания накосячит или будет увильнуть от работы, начальник производства Константин Соломонов полагал, что на таких работягах-трудоголиках как Герасименко можно построить процветающий социализм, и даже Шепетельников знал дядю Витю по имени и иногда даже кивал в знак приветствия. У дяди Вити Герасименко было девять грамот за отличную работу, причем, по его словам, он топил ими баню, так и говорил: «Рамочки березовые хорошо на разжишку идут. Она-ж как щепка – чирканешь спичками и в момент разгораются». Сейчас Лева Нилепин завидовал своему напарнику Вите Герасименко, тот бы никогда не влип в подобные истории. «Эх, Витя-Витя... – думалось Леве, когда он лез в задний карман лысого мертвеца, – а я еще тебя старым валенком называл... Говорил, что сидишь ты, дядя Витя, как пенек у своего станка и ничего тебе в жизни не надо... Зато мне много чего понадобилось, дураку! Нашел приключения на свою жопу!»

Началось все с электрического разряда, которым убило Августа Дмитриева. Ну... как убило... Это Нилепин с Пятипальцевым подумали, что ученик электрика мгновенно от-

дал богу душу, но ведь истинными убийцами неvezучего Августа являлись они – Лева и Юра. Молодой станочник станка ЧПУ по вырезке окон для филенчатых и стеклянных вставок на дверных полотнах и бородатый мазохист налаживающий станки на заготовительном участке. Ну и еще не стоит забывать о кочегаре Аркадьиче. Лева не забывал.

Но вот дальнейшие оказии, с которыми столкнулся Нилепин не были связаны с гибелью Дмитриева. Похоже, в цеху уже развивались какие-то независимые событийные переплетения о которых Лева ничего не знал. Что происходило тут в пустом выключенном от вентиляции цехе, когда они с Юркой Пятипальцевым и Аркадьичем расчленили тело Дмитриева? Лева не имел ни малейшего представления ни о чем, что тут развивалось в то время, когда он пил спиртное в раздевалке, но своих обидчиков в лице работников фирмы по обслуживанию и ремонту вентиляционных систем он встречал дважды и оба раза они вели себя подозрительно, только Нилепин умышленно не замечал этого, потому как у самого было рыльце в пушку. Кстати, а ведь утром в раздевалки с ними был еще и Степан Коломенский, Лева прекрасно помнил, как тот пил чай и говорил, что вместе с приглашенными работниками будет чинить вентиляционную систему. «Вентиляторщики» на деле оказались ложными, а вот где тогда Степан Михайлович? Лева вздрогнул, когда предположил, что главный инженер уже сталкивался с троицей бандитов и это закончилось для него трагично. Ни-

лепин припомнил, что кто-то из них промолвился о трупах в цеху. Плохо дело...

Лева вытер взмокший лоб и вернулся к прерванному занятию по ощупыванию карманов мертвеца. Наткнувшись на мобильный телефон, он чуть не воскликнул от радости! Теперь он сможет позвонить, ведь на своем телефоне у него кончилась зарядка и он отключился. «Ура!» – воскликнул Лева сам себе и включил в незнакомом телефоне контакты. И только увидев в контактах совершенно неизвестные ему имена и прозвища, до него дошло, что в чужом гаджете не было и не могло быть списка из его родного телефона. «Тупица!» – поругал себя Лева и даже застыдился, что опыт не делает его мудрее и из-за своей подростковой глупости он то и дело вляпывается по самые уши.

Обыскав мертвеца и на найдя более ничего нужного, Лева оставил его и отполз обратно за свой станок. За станком в тени он чувствовал себя в безопасности. Как в норе, как в собственном доме. Это место вокруг станка и было для него и для дяди Вити вторым домом, где они проводил по восемь часов в день пять дней в неделю. Тут за станком, где проходила батарея отопления Нилепин и Герасименко оборудовали для себя двоих нечто сходное с купе железнодорожного вагона, где были и крохотные топчанчики для послеобеденного возлежания и стулья и даже столоподобный предмет, сотворенный из половины бракованного дверного полотна серии «Пьяцелли» цвета «ББМ». В железном шкафу-

чике, приютившимся в самом незаметном углу и просто уютно пающему в пыли хранились не только детали для станка и инструменты для обслуживания, но и обязательные для любого уважающего себя работника – чай, кофе, сахар, чайник. Хоть на «Дверях Люксэлит» была достаточно просторные раздевалки, служившие также и местами приема пищи, но руководство сквозь пальцы смотрело на то, что многие едят и пьют прямо на рабочем месте. Тут же спят в обед, развалившись на готовых деталях или улегшись на дверные полотна как трупы на прозекторских столах. Тут же играют в айфоны или смотрят «ТикТок». Сейчас Лева не хотел ни чая ни журналов, из шкафчика он достал тетрадь, куда они с Витей записывали отчет о ежедневной проделанной работе. Ведение тетради на каждом станке было обязательно. На последней странице округлым почерком с замысловатой буквой «Ю» рукой Вити Герасименко было выведено несколько телефонов, в числе которых был и номер наладчика Юры Пятипальцева.

Лева набрал этот номер на чужом телефоне.

Гудки. Лева перенабрал вторично.

Гудки.

Последний раз, когда Лева видел Юру, тот лежал под упавшим стеллажом с бобинами пленки, но тот усатенький тип с пистолетом сказал, что разговаривал с наладчиком. Все гудки и гудки... Морщась от острой боли в раненом животе, Лева нашел в написанном на последней странице тетра-

ди списке номеров номер главного инженера Коломенского – набрал. Гудки, хотя Нилепину показалось, что откуда-то из глубины сумрачного цеха едва слышится телефонная трель. Едва-едва, Лева этого не утверждал, но, во всяком случае, ему так казалось. Следующим номером, который набрал Лева Нилепин значился в списке под именем «Любаня», так дядя Витя называл мастерицу. Лева не совсем представлял, что скажет Кротовой, когда та ответит и спросит, почему он в цеху, а не дома, но после нескольких безответных гудков Нилепин понял, что и со своей мастерицей связаться ему не судьба. Прижавшись спиной к горячей батарее отопления (неволью на ум пришла острота, что Леву греет тепло Августа Дмитриева), Нилепин набрал номер одного из работников цеха – Сереги. Тот ответил быстро и Лева дрожащим шепотом постарался объяснить Сереге что происходит в цеху, но тот, оборвав его на третьем предложении и задав несколько уточняющих вопросов, назвал Нилепина феноменальным придурком, а его шуточки – дебильными и не смешными.

Лева хотел позвонить Зине Сфериной, очень сильно хотел, но ее номера в тетрадке не было.

Он позвонил охраннику Тургеневу, заранее готовясь, что услышит брань сонного Ивана. Ведь он же с суточной смены и естественно спит с ночи, но оказалось, что тезка великого русского писателя не отдыхает, а сидит в детском садике у своего сына на утреннике. Утренник называется «Мартафля». Нилепин задал вопрос по поводу странности названия,

на что Тургенев пояснил, что это праздничек, включающий в себя сразу два события – 23 февраля и 8 марта. Нилепин напомнил, что 8 марта давно прошло, а 23 февраля и подавно и Вани Тургеневу пришлось объяснять, что такое карантин по краснухе детском садике. После этого Лева Нилепин поблагодарил за разъяснение, попрощался и отключил связь. Потом хлопнул себя по лбу. Зачем он звонил? Какое, на фиг, еще «Мартафля»! Перезванивать Тургеневу Лева постеснялся.

Он вздохнул и набрал очередной номер – Соломонова. Гудки!

В тетрадке на всякий случай был еще номер генерального директора ОАО «Двери Люксэлит» Даниила Данииловича Шепетельникова, но Лева Нилепин ему звонить не стал. «Во-первых, – подумал Нилепин, – Данилыч ненавидит разговаривать с людьми, а во-вторых, зачем ему звонить, если я его все равно убил? Буду сидеть здесь! Буду сидеть тут за станком и не высовываться. Целее буду! Блин, как же причудливо дядя Витя пишет букву «Ю», а вот это «Е»... Разве это «Е»? Чем он в школе занимался, в «танчики» резался, что-ль? Почему Кротова у него «Любаня», а я – «Нилепин», что у меня имени нет? Я вот тоже возьму и зачеркну его имя и напишу «Герасименко», пусть обижается! И «Г» специально напишу позаковырестее, чтобы было непонятно!»

Люба не могла описать виденное ею как длинный тоннель со светом на другом конце, нет это было не так. Все было не четко, неопределенно, словами не передать. Все бесцветно бесформенно, всякие размазанные фрагменты ее жизни, вырванные откуда-то из прошлого, искаженные, перепутанные. Она то летела, то падала, то стояла, то плыла в невесомости. Как возле нее оказалась Анюша она даже не поняла, та будто возникла из воздуха или появилась из-за спины. Люба не могла описать свою радость – ее Анюша была жива и здорова, она совсем не изменилась с тех пор, как они вместе дружили, встречались и проводили время. Все такая же стройная, молодая и с такими же большими круглыми глазами и большой улыбкой чуть выступающих вперед зубами. Анюша часто улыбалась при жизни, она с раннего детства следила за зубами и могла ими похвастаться.

– Привет, Любаша, – мягко проговорила она и они обнялись.

– Привет, Анюша, – Кротова не видела свою подругу много лет. Как же она соскучилась! – Как мне тебя не хватает, Анюш! Ты не представляешь, что со мной твориться...

– Представляю, – улыбнулась Анюша. – Я все знаю, Любаш.

Кротова расплакалась.

– Я часто вижу тебя во снах, – сказала она своей далекой подруге. – Я не могу тебя забыть ни на день, представляешь. Каждый день вспоминаю о тебе. Мне тяжело без...

– Прости, что оставила тебя одну, – промолвила Анюша. – Я не хотела, но так получилось... Так получилось...

Они не отпускали друг друга из объятий, говорили-говорили...

Все резко закончилось. Сперва Анюшу словно кто-то выдернул из любиных объятий, а потом саму Любовь Кротову затрясло, перед глазами все запрыгало, замелькало и вдруг она очутилась в каком-то совершенно ином пространстве и времени. Будто из прекрасного теплого луга, залитого ослепительным солнечным светом упасть на ледяной мокрый бетонный пол какого-то ужасного пыльного холодного помещения со стальными конструкциями. Она проморгалась и потеряла глаза. Да, ей не мерещится, она на самом деле в таком неуютном помещении, а под спиной холод бетона.

Ей потребовалось некоторое время чтобы прийти в себя и понять где она находится. Осознания этого привело ее в отчаяние. Эти стальные станки, балки перекрытия, эти опостылившие двери и детали. Вспоминая предстоящие события с прыгающим под потолком чертиком в дряхлых одежонках, она глубоко задышала и нахмурила лоб. Она потерла лицо, лоб, посмотрела на свои руки, совсем недавно нажимающие курок пневмомолотка. Мышцы еще помнили отдачу.

Маленькой женщине было плохо, очень нехорошо. Она так и сидела на филенках, мучимая размышлениями. Ее знобило от страха перед этим цехом, она боялась всего. Она будто вжалась сама в себя, вздрагивала от малейшего зву-

ка, от любой тени, которых, в цеху было более чем достаточно. Ну и как же ей не бояться? Она мелкая хрупкая девочка, она ничего не знает, она хочет домой. Ей уже ничего не было нужно, только вернуть все назад. Вернуть все как было утром, когда она только перешагнула порог цеха и очутилась в спящем летаргическом сном помещении. А теперь ее жизнь круто перевернулась, теперь она знала о реальном существовании неких потусторонних пространств и измерений, где присутствовали духи умерших, восставшие мертвецы, разговаривающие станки. Кротову трясло от ужаса. Что она наделала? Ведь это же она своими ритуальными священнодействиями прорвала завесу между мирами и реальностями. А знающие люди предупреждали ее, чтобы она не занималась тем, о чем не имела никакого представления, что это может привести к жутким последствиям, но она не послушала. Захотела связаться с миром мертвых – пожалуйста! Теперь как бы из этого мира вырваться! Она больше не хочет! Не хочет! Ей страшно! Она маленькая, ей три года! Она маленькая, ей страшно!

Тут она вспомнила еще кое-что и обогнув стоящий рядом автопогрузчик, остановилась перед распростертым на полу безжизненным телом своего шефа Соломонова, чьей смерти она ждала где-то глубоко в подсознании и боялась признаваться в этом даже самой себе. Константин Олегович лежал на том же месте, только, кажется в другой позе. Впрочем, Люба не могла с точностью вспомнить как лежал Соло-

монов – в тот момент, когда она его увидела, у нее померкло все перед глазами. Увы, но Константин Олегович ей не померещился. Он лежал мертвый. Горячий горький страх распустился внутри женщины, где-то в районе горла и сразу распространился по всем частям тела. Ее передернуло в ознобе, она хотела закричать, но сообразила, что в этом уже нет смысла. Крик так и остался внутри нее, там, где в горле вулканизировал ужас. Неужели это ее рук дело? Она этого хотела, да? Для чего же она тогда затеяла и провела спиритический ритуал? Разве не для этого?

«Но я не хотела... так...» – сама себе говорила Люба и сама же себе отвечала: «Хотела! Собственно, этого я и хотела! Чтобы Соломонова не было. Теперь его нет!» Она попятилась назад от холодного мертвеца, все дальше и дальше, пока, наконец, не отвернулась и не побежала от этого места. Сердце стучало как отбойник, в глазах двоилось. Под потолком ей мерещился прячущийся зомби-призрак почившего еще осенью Авдотьева, на полу под ногами ей виделись кровавые пятна от раздавленной много-много лет назад Анюши Молоденькой, от каждого станка она шарахалась в страхе услышать потусторонний голос. И ей казалось, что она, действительно слышит обрывки фраз, шорохи, топот, иные звуки, хотя точно знала, что сегодня выходной и в цеху не должно быть никого кроме нее. Это несомненно были отголоски потустороннего мира, той загробной реальности, в которую она сама по своей инициативе пробилась брешью.

Все кружилось перед ней – станки, детали, оборудование, а она была среди всего этого как в центре жуткого неживого хоровода. Она то пряталась, то выбегала, то тихонько кра-лась, меняя направления и просто-напросто не зная, что де-лать. Выход! Ей нужен выход, но где он? Люба не узнавала расположения станков, она, почему-то пришла к выводу, что цех не такой каким был и все в нем не на своих местах. Она решила закричать в полный голос и пусть тем самым она привлечет на себя те притаившиеся потусторонние силы, что прячутся по углам, но и молчать больше она была не в силах. Однако крик опять остался внутри нее, ибо она внезапно на-толкнулась на висящего человека. Люба не сразу его увиде-ла, с разгону толкнула его и отскочила назад, а висельник за-качался маятником. Высокий при жизни, тонкокостный, но не худой, одетый в рабочую одежду. Голова прижата к груди, рот полуоткрыт.

Да это же Степан Коломенский! Степа – главный инже-нер! Они с Любой всегда прекрасно ладили друг с другом, и пусть он частенько ворчал и хмурился, пусть постоянно испытывал проблемы с алкоголем, игровой зависимостью и хроническим отсутствием денег, но даже такие вечные труд-ности не мешали оставаться ему чрезвычайно галантным с Любой. Вот сейчас Любе захотелось закричать как никогда. Сдерживаться больше было нельзя иначе у нее случится апоплексический удар! Но крик не выходил, только утроб-ное мычание и хриплые выдохи. Крик застрял. Горло сдавил

спазм и она убежала.

Вон отсюда! Бежать! Бежать изо всех сил!

И Люба бежала-бежала-бежала. Прочь! Прочь!

Она остановилась перед залитым кровью станком-прес-сом с высывающимися из сдвинутых пресовальных столов останками человека. Узнав в обезображенном теле наладчика Юрку Пятипальцева Люба все-таки закричала. Однако из нее вылетело только надсадное хрипение как у задышающегося астматика.

Потом она себя уже не помнила, кажется, она опять куда-то бежала, но совсем не была уверена, что это было наяву, а не в галлюциногенном кошмаре. Она споткнулась о тело главной бухгалтерши Оксаны Альбер. Каким ветром ее сюда занесло Люба даже и не догадывалась, но Альбер была мертва. Мертва как предыдущие виденные Кротовой три человека. Ее зарезали, в крови было все ее белое пальто. Любу вырвало и, отворачиваясь от тела Оксаны Игоревны, она увидела в непосредственной близости от себя еще один труп – исполосованный стеклом, местами кожа была просто срезана, местами болталась как куски тряпки. Незнакомец все еще сжимал рукоять меча – самого настоящего меча, такого какие используют театральные актеры, играющую пьесу из жизни античных героев. А рядом валялся разорванный полиэтиленовый пакет с вываленной из него отсеченной ладонью...

Люба просто остолбенела.

12:01 – 12:14

Как можно охарактеризовать отношения между кочегаром ОАО «Двери Люксэлит» Аркадьичем и сборщицей дверных каркасов Зинаидой Зиновьевной Сфериной? Сам Аркадьич ни мог внятно ответить на этот вопрос, потому что ни разу не задумывался над этим, при том, что мужчина и женщина работали вместе уже ни первый год.

Из-за отсутствия нормального опыта общения с противоположным полом, истопник не вполне представлял, как ему следует себя вести, когда судьба сводит его к диалогу с женщиной или к совместному с ней труду. Поэтому всех женщин он по умолчанию расценивал как коллег и даже не помышлял о чем-то другом, прекрасно осознавая отсутствие у себя физического потенциала. Ну какой должен быть у девушки вкус, чтобы она могла полюбить несимпатичного и уже давно не юного уголовника? А у Сфериной и без какого-то там тщедушного кочегара не было проблем с личной жизнью и при выборе очередного интимного партнера, если бы она вспомнила об Аркадьиче, то поставила бы его где-то ближе к концу списка из десяти претендентов.

Короче говоря, этих двух людей практически ничего не связывало. Ничего до этого дня. А теперь так получилось, что кочегарские руки облапали пролетарское тело аппетитной женщины, лазали там, где она позволяла лазать только избранным и только в определенные моменты тесной близости.

сти. Щупали то, что позволялось щупать хоть и многим, но не каждому. Такое бывало раньше, когда она перебирала с алкоголем, на какое-то время выпадала из реальности, а потом оказывалось что у кого-то о ком она почти ничего не знала было с нею то, что в одном реалити-шоу называют «волшебством». В такие моменты она чувствовала себя амбивалентно – приличествующая зрелой женщине сдержанность противостояла определенной доли распущенности. Сейчас было нечто похожее: ее облапал мужчина – тут больше хорошего или плохого? Пожалуй, больше хорошего – ведь он оказывал ей медицинскую помощь и не посягал на что-то большее. А если бы посягнул, она бы отказалась?

Тем временем Аркадьич закончил с перевязкой Зинаиды, истратив на нее весь запас марли и перекиси водорода. В его пластиковом ведерке из-под майонеза «Провансаль», заменяющим собой аптечку, оставались еще активированный уголь, ацетилсалициловая кислота и еще какие-то оранжевые капсулы для пищеварения. Что из этого могло бы облегчить физические страдания потерпевшей? Оказалось, что уровень знания фармакологии у тощего истопника приближался к абсолютному нулю и, признавшись, что лично он сам всем медикаментозным средствам лечения предпочитает старую добрую водку с перцем, которой сейчас у него с собой нет, Аркадьич предложил Сфериной оранжевые капсулы с непонятным названием, но Зинаида отвергла их решительным жестом и встала с кушетки. Она заявила, что хо-

чет позвонить в полицию. Немедленно! Сию минуту!

– Аркадьич, дай мне телефон, – потребовала она, подходя к одному из трубопроводов и открутив краник, сделала несколько глотков холодной воды прямо из трубы. – Я потеряла свой.

– Какой телефон? – опешил кочегар, складывая незатейливые лекарства обратно в «Провансаль».

– Свой, – женщина напилась и вытерла рот толстой пятерней.

– У меня сдох аккумулятор, – ответил он тоном заядлого автомобилиста.

– Не может быть. У тебя есть розетки.

– У меня нет зарядника.

Зинаида воззрилась на кочегара как на предавшего ее лучшего друга.

– Что значит «нет»? – медленно произнесла она и Аркадьичу вдруг стало не по себе. Он поспешил отвернуться.

– Зарядника у меня нету, – повторил он.

– Скажи-ка, милоч, – в интонации Сфериной показались угрожающие вибрации, – почему это ты не хочешь вызвать ментов? Ты же видел, что случилось в цеху. Тебя это, что, вообще не волнует?

– Да что ты такое брешешь, Зина? – Аркадьич никогда не был актером и совсем не умел владеть лицевыми мышцами. Вместо изумления на его лице появилась маска испуга. Он постарался исправиться, но сделал только хуже – лицо пре-

дательски задержалось. – Мусоров надо звать, однозначно! Надо. Но у меня нет зарядки... В рот ее чих-пых...

– Чего ты испугался? – напрямую спросила Сферина и это был как удар хлыста.

У Аркадьича были свои счета с полицией-милицией, его уголовное прошлое уже не вытравишь из его судьбы. Он никогда не связывался с правоохранительными органами, навсегда отстранив себя от «вонючих мусоров» и «ментов поганых», но только на этот раз причина была вовсе не в личной неприязни. Следуя логике, какие бы человек не испытывал эмоции к полицейской структуре, но в данном случае, когда в цеху произошли убийства и на полу лежат трупы, человеку следовало бы пренебречь личными принципами. Аркадьич это понимал и видел, что и Сферина думает точно так же.

– Зин, у меня зарядка сломана... – он все же делал робкие попытки отговориться и Сферину не на шутку взбесило.

– Твою мать, Аркадьич! Повернись направо! Что ты видишь? Ну? Что ты видишь? Я не знаю, что видишь ты, но я своими собственными глазами вижу чей-то заряжающийся телефон! Кажется, это старенький «Алкатель» и кажется он подключен к колонкам через «блютус». Вон розетка, в ней зарядник с телефоном, экран горит. А теперь скажи, что произошла религиозная невидаль и всемилостивый Боженька в самый нужный момент сотворил чудо! Починил зарядник! Аллилуйя! Кого-то Бог не может избавить от болезни и спа-

сти жизнь, а кочегару Аркадьичу чинит телефонный зарядник и именно тогда, когда я на него взглянула!

Кочегар скрипнул остатками зубов.

– Ладно, – прорычал он, выдергивая телефон и отдавая его женщине. – Звони ментам. Только не здесь, выйди на улицу.

– Почему это? Аркадьич, тебе говорили, что ты странный?

– Уходи, Зин. Ты получила телефон, теперь иди и звони кому хочешь. А здесь... ничего не слышно.

– Так выключи ты свою распроклятую музыку!

– Слышишь, как топка гудит? И вообще тут связь очень плохая, много железа, оно фонит. Звони на улице.

– Милок, – подозрительно прищурилась Сферина и Аркадьич понял, что она теперь не отвяжется. Такая женщина с таким взглядом так просто не уходит, – ты чего боишься? Отвечай-ка, чего ты боишься, а?

Она уловила его метнувшийся в сторону взгляд и проследила за ним. Аркадьич сглотнул и невольно попятился от Сфериной, а та, заподозрив что-то неладное, пересекла тесную кочегарку и сперва уставилась на недомытую кровь на стене и полу, а потом на кое-что, лежащее на распилочном столе. Это кое-что было накрыто старой серой толстовкой, которой до этого, наверное, мыли полы. Женщина медленно протянула к этому округлому предмету руку...

– Зина, не надо, – предупредил ее Аркадьич.

Толстые пальцы с красными круглыми ногтями взялись за

материю. Раз – и толстовка осталась в женское руке, а на Зинаиду Зиновьевну воззрились засыпанные мелкой коричневой пылью глаза.

Голова.

Потекли тягучие длинные секунды, женщина медленно осознавала увиденное, хлопала ресницами, сводила и разводила брови. Впервые за свою более чем полувековую жизнь Зинаида Сферина впала в психологический ступор. Если это не настоящая голова, а муляж или поделка из папье-маше, то почему она здесь и почему тогда все вокруг в крови и в крови самой настоящей. А если голова настоящая, то... то тогда что должна думать Зинаида Зиновьевна и как, исходя из этого немыслимого факта, себя вести?

– Это что? – произнесла она тихо-тихо, но кочегар не счел благоразумным юлить и врать, все слишком очевидно, чтобы сейчас целесообразно было бы городить нелепую ложь и тем самым делать только хуже. Сферина все поняла без слов – голова была настоящая. Мало того – это была та самая голова из ее давешнего ночного кошмара. Виденный этой ночью сон вспомнился ей в самых мелких подробностях – обсыпанная чем-то светло-коричневым седоусая голова летит по воздуху, медленно вращаясь. Преодолевая оцепенение Зинаида Зиновьевна сменив ракурс обзора обнаружила у головы и маленькую папиллomu под остекленевшим глазом. Чья это голова? Сферина не могла сказать, она не узнавала человека, хотя где-то в глубине сознания догадывалась, что эти ви-

смячие усы и папиллома ей смутно знакомы. И не только по сновидению, она видела этого несчастного ранее, возможно даже на этой фабрике. Это кто-то и новеньких, проработавших в цеху совсем недолго и нечасто попадавшийся Сфериной на глаза. Кажется, он работал в паре с главным электриком Шишкиным... Зинаида мотнула головой, отмахиваясь от наваждения. Какое сейчас имеет значение, кем этот человек был при жизни? Будь он новым генеральным директором или обычным учеником электрика – меняет ли это что-то? Человека не воскресишь и голову обратно не пришьешь, а вот причина расчленения и нахождение отсеченной головы в залитой кровью кочегарке ставила большой вопрос и этот вопрос должен быть адресован непосредственно кочегару Аркадьичу, так сильно нежелающему набрать на телефоне такое простейшее сочетание кнопок как «02».

Кочегар безмолвствовал и, очевидно, хаотично соображал, что сказать. А голова была безучастна к живым людям и их взаимоотношениям. Она равнодушно смотрела засыпанными порошком глазами в пустоту перед собой. Этот похожий на молотую корицу порошок был наклеплен на голову всюду, как если бы ее готовили к жарке и обваливали бы в толченых сухарях.

Громко всхлипнув Сферина отступила назад и что-то уронила на пол. Может быть даже спасительный телефон марки «Алкатель». Потом споткнулась и, теряя равновесие, уцепилась одеревеневшими пальцами за большой вентиль с бир-

кой «Обратка хол склад». Кочегар успел подхватить ее нелегкое туловище и они оба едва удержались на ногах, но Зинаида Зиновьевна грубо оттолкнула его, выразив тем самым крайнюю степень ненависти. Аркадьич отступил. Сферина еще раз взглянула на отсеченную голову и надрывно застонала. Ее сон оборачивался явью! Все ее предшествующие тревоги, которым она не находила объяснения и повода оказались пророческими. Вот оно! Дождалась! И предсказанная бородатым ясновидцем Кузьмой смерть любимого человека и привидевшаяся в ночном кошмаре голова с папилломой под глазом! Ясновидящий старикан Кузьма предупредил ее, чтобы она остерегалась места, где много железа и дерева и что ей грозит смерть от рук служивого. Теперь, после недавних разборок на стекольном участке, где на ее глазах погибли два человека и где возможно лежит тело ее любимого милого мальчика Левы Нилепина со вспоротым животом и выпущенной из дула пистолета предполагаемой пулей, стало совершенно очевидно, что место где много железа и дерева это вот этот самый производственный цех открытого акционерного общества «Двери Люксэлит» с его многочисленными станками и деревянными заготовками. Да, это цех! И она сама сюда приехала, только сама! А ведь Лева отговаривал ее, поэтому кроме себя ей некого было винить. Сидела бы сейчас дома, занималась бы домашними делами. А, приехав сюда, она и Левушку не спасла и сама едва избежала смертельной участи.

Утешало только одно – бородатый колдун Кузьма предсказал ей смерть от руки служивого, то-есть от того странно-го вооруженного паренька с каким-то похожим на видеокамеру приспособлением на лбу. Раз он был вооружен, то очевидно, что ясновидец именно его и имел в виду. Но Сферина не погибла, круглолицый налетчик только оглушил ее. Возможно только это облегчающая мысль не позволила Зинаиде впасть в панику и отчаяние при виде отсеченной головы окровавленной столешнице рядом с пилой.

Существо в многослойных просаленных и пропахших дымом одеждах хоть и робко, но приближалось к Зинаиде Зиновьевне, протягивая к ней веткоподобные руки с узловатыми грязными пальцами, увенчанными как маленькими коронками длинными твердыми ногтями. Алые всполохи огня из приоткрытой топки плясали на его худом лице со впалыми щеками и сильно выступающими скулами. Не было ни малейших сомнений, что отсечение головы – его рук дело. Существо в облики человека представлялось Сфериной подлинным монстром, он просто не может быть представителем человеческой расы. Таких людей не бывает. Она так и выпалила ему в лицо: «Нелюдь!», а он что-то объяснял, страша неровными желтыми остатками зубов и шевеля языком, напоминающим огромного жирного слизня, высовывающегося из щели в обрамлении тонких иссушенных губ. Тут к Зинаиде пришла запоздалая догадка и ей стало объяснимо то, что не укладывалось в ее голове. Разрознен-

ные кусочки пазла с пугающими щелчками стали вставать на свои места, проявляя ей полную картину – эта кочегарка, как бы это ни невероятно звучит, самый настоящий филиал ада на земле. Сатанинский выродок, или кем бы он там ни был, под прозвищем «Аркадьич», устроил здесь свое логово, куда затаскивал таких как Сферина... или этот безголовый несчастный... Или вот, кстати сказать, куда подевался пропавший осенью сварщик Колька Авдотьев, которого она приглашала на свою дачу сваривать металлические столбы для забора и калитки? Где он? Говорят – внезапно скончался от отравления суррогатным алкоголем, но Зинаида располагать неоспоримыми сведениями, что из-за своих религиозных убеждений Колька спиртного в рот не брал и поэтому наотрез отказался от предложенной ею бутылки водки, ограничившись денежной суммой и старым велосипедным насосиком. Теперь Сферина посмотрела на его внезапное исчезновение под другим углом и крепко призадумалась. Переместила затравленный взгляд с кочегара на отсеченную голову, на кровавые разводы на стенах и лужицы крови на полу, и на приоткрытую створку топки, где жарко полыхал огонь и виднелись острые угольки, не похожие на угли от деревянных деталей.

Женщина сглотнула ком в голе. Огонь в топке был очень жарким, бак гудел и обдавал теплом, становилось трудно дышать, ей не хватало воздуха, а во рту пересохло.

– Зина, послушай... – говорило костлявое существо перед

ней и делало шаг вперед.

– Уйди! – закричала Зинаида Зиновьевна. – Уйди, демон! Изыди!

Из топки полыхнуло, дверца еще чуть приоткрылась, а женщине показалось, что пламя уже лижет ей ноги. Шаг за шагом отходя назад, она, в конце концов, уперлась спиной в какой-то стальной теплый бак, а страшный человекообразный монстр, у которого под шапочкой, наверняка прячутся рожки, протягивал к ней корявые ручищи и называл ее по имени.

– Изыди! Изыди, демон! – кричала она. – Именем Господа нашего, приказываю – изыди в ад! А-а-а!!!

Приближаясь к ней, демон в обличии истопника взял за рукоятку прислоненную к топке кочергу. Это была специальная длинная кочерга, достаточно тяжелая и неломающаяся. Она была черной и загнутый под прямым углом конец был как будто облеплен чем-то запекшимся. Кочегары ворошили ею угли в топке.

– Зина, стихни, – тихим угрожающим шепотом предупредил Аркадьич, смотря на Сферину исподлобья. – Не вынуждай меня опять брать грех на душу.

– Изыди! Изыди!

– Теперь я каюсь, что приволок тебя в кочегарку. Надо было метнуться сюда за аптечкой и перевязать тебя там в цеху, – бормотал мужик, казалось, сам себе. Тихий скрипучий голос его грозно звенел сталью. – Но я растерялся... Не подумал.

Хотел поскорее оказать тебе помощь, думал, ты совсем истечешь кровью... Вот и притащил тебя сюда. Зря. Очень зря, это мой просчет. А теперь... вот оно как оборачивается, Зина... в рот чих-пых... – кочегар чуть махнул кочергой, взвешивая ее тяжесть в руке. – Ты уж не держи на меня зла, я ничего против тебя не имею, но... понимаешь-ли, ты... теперь свидетель. А мне свидетели не нужны, вот оно как. Только в топку ты не полезешь, ты толстая... Тебя придется к контейнер со стружками, как Августа хотели... Вот оно как...

Зина метнула взгляд на отрезанную голову и сразу вспомнила. Это же и есть Август! Сферина не знала какая у него была фамилия, но теперь сомнений в личности несчастной жертвы демонического кочегара не осталось. Тот, кого все называли Аркадьичем убил, расчленил, зажарил и сожрал беднягу Августа!

Кочегар вздохнул и размахнулся кочергой, нанося удар двумя руками сверху вниз.

Описав полукруг кочерга со звоном ударилась об одну из металлических труб с кипятком, туда где мгновение назад была голова Зинаиды Сфериной. Труба лопнула и из нее под большим давлением вырвалась веерная струя кипятка. Вторым ударом кочегар достиг-таки своей цели – кочерга перебила женщине левую руку, Сферина упала, а Аркадьич размахнулся для третьего удара. Однако Зинаида Зиновьевна, хоть и ослепленная резкой болью от переломанной плечевой кости левой руки, все-же изловчилась и толкнула ногой сво-

его обидчика. Потом пихнула сильнее и мужик сделав вынужденный шаг назад, сперва ударился спиной об выступающий угол какого-то предмета обстановки, а потом попал под струю кипятка. Вопль огласил кочегарку. Кипяток ошпарил Аркадьичу половину лица, руку и шею. И вот тогда женщина неожиданно ловко для своих габаритов вскочила с пола и налетела на истопника всем своим весом, вырвала из его руки кочергу и принялась бить его кулаками по голове и груди. Кочегар рычал и делал попытки отбиться или хотя-бы вырваться из-под массивного женского тела, буквально задавившего его своими величинами. Но весовая категория была не в пользу Аркадьича – Зинаида Зиновьевна пользовалась тем, что была, пожалуй, вдвое тяжелее худосочного дяденьки, не обладающего, к тому же, ярко выраженной мускулатурой. Да вообще никакой мускулатурой не обладающего. Кочегар дергался под пролетарским телом, кряхтел и даже кусался, но Сферина была безжалостна. Она расправилась с обваренным кипятком Аркадьичем, в считанные минуты приведя его в полубесчувственное состояние.

Он слабо двигался и был, можно сказать, беспомощным. Он лежал грудой костей и тряпок на полу и хрипел. Женщина с трудом встала с него и хотела выпрямиться, но боль под грудью заставила ее вспомнить о своем ранении. Не переводя дух и пользуясь всплеском выброса адреналина, Зинаида Зиновьевна порыскала глазами вокруг, но подходящую стальную кочергу отвергла. Зато взяла толстыми мясистыми

пальцами здоровой руки сосновую досочку, каких в кочегарке, да и во всем цеху было видимо-невидимо. Взяв эту досочку, Зинаида Зиновьевна кое-как взобралась одной ногой на один из трубопроводов, а потом перебралась на залитый кровью разделочный стол с циркулярной пилой. Стараясь не касаться отсеченной головы, она взглянула вниз и убедившись, что полубессознательный кочегар лежит прямо у стола, задрала зимнюю куртку в области зада, как обычно сделала бы, присаживаясь по нужде. Нет, она не хотела обеспечить беспомощного Аркадьича своими естественными выделениями, с ее точки зрения это было бы не по-взрослому. Куртку она задрала для того чтобы убрать дополнительную мягкую прокладку. Вместо куртки она приложила к своему необъятному и мягкому как тесто заду досочку и взялась за нее двумя руками.

– Убирайся обратно в ад, демон! – провозгласила она и, подпрыгнув как можно выше со стола, обрушилась всем своим телом на лежащего под ней кочегара. Среди любителей прыжков в воду стиль ее полета обычно называют «гирькой», только точкой приземления ее почти полутороцентнерового тела была не гладь воды бассейна или открытого водоема, а впалая грудь ошарашенного осознанием неотвратимого кочегара-демона. Сферина приземлилась точно в цель. Она всем телом почувствовала, как, громко и дружно хрустнув, все до единого кочегарских ребра резко просели под ее телом. Кочегар сильно дернулся, взметнул худые веткоподоб-

ные руки с костлявыми пальцами ввысь и чихнул кровавыми брызгами. Руки упали, взгляд остановился.

Некому больше было ворошить угли в раскаленной топке и никто уже не домоет «Керхером» липкие от крови трубы и вентили. И некому будет выключить поющую певицу, чей голос мягким контральто возвещал слушателям о светлом и безоблачном будущем на берегу тихой речки с камышами и деревянным бревенчатом мостиком.

Зинаида Зиновьевна перевалилась сперва на живот, а потом, едва собрав последние силы, поднялась на ноги. Взглянув на лежащее у окровавленного стола дело рук своих (точнее не рук, а кое-чего помассивней), она сплюнула и вытерла лицо. Ее трясло, она скулила и вообще находилась в крайней степени психологического шока. Полагая, что обязана немедленно оставить это проклятое помещение, где хозяйничал самый настоящий демон в облики анарексичного кочегара, Сферина в каком-то безотчетном порыве схватила за волосы отсеченную голову убиенного Августа и бросилась к выходу. Распахнув со всей силы дверь, она буквально выпрыгнула под неутихающую метель. Дверь за ее спиной так и осталась открытой, из нее валил теплый розовый пар. Сопоставляя это явление с адовым пеклом, Зинаида с воем бросилась к выходу с фабричной территории. Покинуть фабрику – вот что завладело ее сознанием и действиями. Покинуть во что бы то ни стало! Крепко держа за волосы обваленную в светло-коричневом порошке усатую голову, она пересту-

пала по глубокому снегу, утопая в нем на всю длину сапог, снег летел ей в лицо, ветер атонально завывал с ней в унисон. Разорванная куртка трепыхалась лохмотьями и нисколько не защищала от холода и ветра. Сделав несколько шагов по глубокому снегу, Зинаида Зиновьевна передернулась в ознобе. Она упала лицом в снег, долго вставала, подбирала выроненную голову и вновь как можно скорее убежала подальше от цеха, прочь с фабрики. Вот уже и проходная близко, а вырвавшись на волю, она будет в безопасности. Там снаружи будут нормальные люди, они помогут, они спасут, они разберутся. Там ее спасение – на воле! Она вырвется! Вот уже совсем недалеко, всего несколько метров до проходной.

Она вновь упала. Вывыла от боли под грудью и в сломанной руке.

Подняв залитую слезами голову, она увидела сквозь плотные снежные завихрения человеческую фигуру. Человек, выходя из проходной и обрадованная Сферина в голос завывала, узнавая в пузатенькой фигуре молодого охранника Петю Эорнидяна. Вот кто ей поможет! Охранник! У него есть телефон! У него есть тревожная кнопка и рация! У него должно быть оружие, в конце концов! И если он нормальный охранник, он обязан уметь оказывать первую медицинскую помощь! Одним словом – охранник, это именно тот, кто сниспослан ей небесами!

Не имея сил даже приподняться со снега, она в каком-то порыве отчаяния подняла в руке отсеченную голову, чтобы

Эрнидьян понял, что положение дел крайне серьезное. По ее задумке, он должен был, по крайней мере, прибавит шагу.

– На помощь! – надрывно простонала она.

Вьюга плюнула ей в рот снегом.

12:08 – 12:20

Кажется, теперь я был готов вылезти из слесарки, только мне было холодно. В цеху и в слесарке стояла постоянная температура около двадцати градусов, но ведь я снял с себя всю одежду до торса. Злополучный гвоздь под лопаткой я так и не смог вынуть, он застрял там намертво и причинял мне жуткую острую боль и неудобство. Из-за него я не мог распрямиться, не мог поднять руку, не мог вдохнуть полной грудью и чувствовал, как становился все слабее и слабее, при том что крови почти не было. Нацепив кое-как на себя свою давно не стиранную одежонку я влез в толстую тяжелую телогрейку. Телогрейка села на мои плечи как бронезилет, в ней я сразу испытал чувство полной удовлетворенности. Хорошая телогрейка. Согревшись, я высунулся из слесарки и поплелся в цех, перебирая ногами как паук, помогая себе рукой. Да, мое тело было искалечено, я был кривоног и косорук, у меня был искривлен позвоночник, а на одной руке не хватало двух пальцев. Но я давно приспособился жить в этом теле и уже не старался выглядеть лучше, чем я есть на самом деле. Господь Бог переселил мою душу именно в такое тело, значит так было нужно, значит на то его воля. А

мне только было любопытно чем это я провинился перед Боженькой в той прошлой жизни? Кем я был, что натворил? Не знаю и никогда не смогу узнать, но, чтобы переродиться в нормальное тело я обязан в этой жизни исправить совершенное в прошлом. Мне трудно, мне всегда было трудно, но я стараюсь как могу.

Однако я попал в такое положение, что без посторонней помощи я попаду к Господу Богу раньше намеченного им срока. Не оказание себе помощи по моим понятиям приравнивается к суициду, а это грех великий! Никто не в праве распоряжаться своей жизнью кроме Господа нашего! Ни своей ни чужими! Ежели Господь наш послал на меня такие испытания, то я обязан их преодолеть! Я решительно передвигался по пустому цеху, едва волоча сгибающиеся ноги и удерживаясь на них только благодаря помощи рук. Я ковылял между станков, тряся головой в такт шагам и постанывая от боли в спине. Нехотелось никуда идти, хотелось лечь на бок и поджать ноги в позе зародыша, но я, вспоминая господень неотвратимый взор, делал шаг за шагом. Останавливался, со свистом дышал и вновь возобновлял движение.

Порой я слышал речь в стороне, но у меня не было сил и возможности укрыться как я делал это прежде. Я лишь садился в тень, утаивался и возобновлял шаг только тогда, когда убеждался, что звуки прекратились. Однажды я видел, как мимо пробежал незнакомый человек в синем полукомбинезоне, но он меня не заметил, я был слишком ничтожен.

Во всяком случае я сам себе таковым казался.

Телогрейка, которая сперва казалась мне расчудесной и очень удобной теперь давила на плечи и прижимала к земле, мне приходилось все чаще и чаще переводить дух. А ведь еще совсем недавно я скакал обезьянкой под потолком. Надо же! И откуда только у меня силы были?

Вдруг я резко спрятался за поддон с дверями, так как увидел прямо впереди возле станка ЧПУ своего кота. Кот, которого я причислял к своим невольным друзьям и который разделял со мной кров и, можно сказать, хлеб, сидел на груди у лежащего человека. Человек, которого я никогда прежде не видел был мертв и это напугало меня до крайности. Опять мертвец! О, Господи, куда же ты смотришь?

Мужчина лежал навзничь, голова частично отсутствовала. Кровь и мозг забрызгала пол и станок ЧПУ, а кот, не вникающий в человеческие дела, с аппетитом хрустел чем-то хрящеватым. Кот грыз что-то то одной стороной челюсти, то другой пытаясь откусить кусок. Когда ему это удавалось, он проглатывал его и понюхав, продолжал трапезу. Подкравшись к животному поближе, я с ужасом обнаружил, что мой любимый кот грызет человеческое ухо. Вот ведь богопротивное дело! Пусть кот всего лишь животное неразумное, но могу ли я позволить ему осквернять тело почившего? Негоже это! Не по-божески это! Я хотел отогнать кота, махнул на него рукой, но тот только покосился на меня как на ненужный предмет и зажмурив глаза продолжил отгрызать от уха

кусочки.

Повторяя молитвы Господу нашему я подковылял к коту и протянул уже к нему руки, но животина вознамерилась зашипеть на меня. Ах ты паршивая скотина, а ведь я гладил тебя, чесал животик и кормил тебя! Что же ты делаешь, животное, Бога ты не боишься! Я протянул к коту руки и взял его за шкуру, тот недовольно завертелся, выпустил когти, но недоеденное человеческое ухо так из пасти и не выпустил. Мне пришлось выдергивать ухо из цепких звериных зубов, кот не поддавался. Ох ты, Господи, помилуй меня – и смех и грех!

Вдруг я почувствовал укол у себя на шее.

Не отпуская кота, я медленно сглотнул.

Кто-то сзади меня приложил к моей сонной артерии что-то очень острое.

– Ты кто? – услышал я за своей спиной сдавленный голос и понял, что ничего хорошего мне теперь ждать не доведется.

12:14 – 12:21

Увидев Сферину, пузатенький охранник повел себя вовсе не так, как надеялась, во всяком случае ничего даже отдаленно напоминающее благорасположение или гуманность на его лице не отразилось. Даже наоборот. Зинаида Зиновьевна продолжала сидеть прямо на снегу, но вот отсеченную голову держала на виду уже не с такой отважной фанатичностью. Ее вытянутая рука невольно задрожала. «Почему он не бе-

жит ко мне?» – недоумевала женщина на снегу. А охранник повел себя как-то нелогично, он выкрикнул на гортанном южном языке что-то резкое и враждебное, и вдруг Сферина обомлела, увидев, как молодой охранник поднимает лопату. Она ойкнула и прокричала охраннику, чтобы тот подошел к ней. Наверное, его действиями руководит неправильное толкование ее появления с отрубленной человеческой головой. Ему надо подойти к ней, она ему все объяснит. Она должна рассказать ему о страшном кочегаре, а он должен незамедлительно помочь ей, нажать тревожную кнопку, связаться с вневедомственной охраной и вызвать медиков. Вот так думала Зинаида Зиновьевна, подзывая охранника к себе, но молодой человек рассуждал по-своему. Он ни делал ни шага вперед, стоя возле своей будки, и широко расставив обутые в высокие армейские ботинки ноги. Лопата он держал как оружие.

«Нет, мальчик, – все еще надеялась на мужское благоразумие Сферина, – ты ведь этого не сделаешь? Как тебя звать-то, сынок... Петя, кажется. Петя Эорнидян, да... Опустит лопату, Петя Эорнидян».

Но он сделал это. Он побежал на нее, крича и размахивая лопатой. И он ударил ее. Она повалилась на снег, однако отрезанную голову не отпустила, еще крепче вцепившись той в седые волосы. Вторым ударом Эорнидян едва не снес женщине макушку, испачканное чем-то липким и красным железо просвистело по ее кидрям. Женщина пнула охранника

и третий удар лопатой пришелся в сугроб в непосредственной близости от ее шеи.

Зина ворочалась на снегу, не осмеливаясь встать, но в то же время боясь лежать на одном месте. А охранник стоял над ней дико скаля пасть и вскидывая лопату для очередного удара. Он держал ее не плашмя, а ребром вперед. И вот тут до нее, наконец, дошло, что бородатый предсказатель Кузьма, который предвещал ей страшный конец, предупреждал о «служивом» и о том, что ей следовало бы избегать его и опасаться. Она-то считала, что «служивый» это тот усатенький с пистолетом и видеокамерой на лбу, но теперь, в свете новых событий, она поняла, что угроза ее жизни исходит вот от этого мальчика с пивным животиком, что одет в форму охранника. Вот кто «служивый»! Вот кого ей следовало-бы остерегаться!

Зина собралда снег и сделав большой снежок зарядила им в охранника, попав тому точно в рот. Парень поперхнулся, дернул головой и упустил момент, а Зинаида Зиновьевна как могла скорее встала со снега на ноги и побежала обратно в цех. Лопата не достигла цели, только задев ее спину. Изодранная одежда мешала быстрым движениям, путалась в ногах, сапоги утопали в глубокой снежной каше, она спотыкалась, падала на сломаную руку, но вставала, радуясь проснувшимся в ее теле скрытым резервам. Дикий крик за ее спиной. Она услышала, как лопата рассекает воздух за ее макушкой. Определенно очевидно, что выход с террито-

рии фабрики ей теперь закрыт. Не ясно какая муха укусила охранника, но он видел в ней кого-то такого, которого по его рассуждению он обязан уничтожить. Может быть он полагает, что Зина такой же демон как Аркадьич? Ведь у нее в руке человеческая голова, да и выглядит женщина совсем не миролюбиво. Ее будто через комбайн пропустили. Но тогда куда он смотрел, когда кочегар творил свои людоедские дела прямо у него под носом? Значит, охранник как раз такой же упырь и мстит за своего соплеменника, или как там у них – демонов – это называется. Они оба из одной кагорты – адовы вурдалаки! Слуги Сатаны! Бесы! Цех наводнили бесы!!!

Сферина ускорила бег, когда увидела через плечо, что охранник размахивается для очередного удара. «Что ты делаешь, дурак! – молила она. – Кто тебе дал лопату? Ты же психопат!» Женщина распахнула цеховую дверь и влетела внутрь быстро свернув за ближайший паллет с листами ХДФ.

Через три секунды после нее в цех ворвался взбешенный охранник, тяжело дышавший и как-то очень неправильно для нормального человека вращающий глазами. Он крикнул что-то типа «Убью!» или «Люблю!» Петя Эорнидян был определенно не в себе, он называл прячущуюся от него Зинаиду Сферину каким-то «дядей» и грозился перерубить ей шею. Гонимая чувством самосохранения, Зинаида пустилась дальше в глубь цеха и услышала за спиной, как охранник называл ее «Рафиком» и призывал остановиться. «Он

меня с кем-то путает! Одень очки, придурок! Сам ты дядя Рафик!» – женщина бросилась вперед и сперва услышала крик, а через мгновение почувствовала, как что-то попало ей в спину. Она была готова к такому варианту, поэтому удержала равновесие и почти не сбавила темп, а брошенная Эрнидьяном лопата упала на пол.

За спиной слышался топот зимних ботинок, женщина невольно обернулась. Охранник Петя, подобрал свою смертоносную лопату и уже бежал за ней, прямо за ее спиной. У Зинаиды Зиновьевны Сфериной вспыхнула мысль остановиться и поднять руки, но чутье подсказывало ей, что охранник в плен не возьмет. Она побежала, все ускоряя и ускоряя шаг.

Зина вспомнила как много лет назад, когда она всерьез занималась спортивным толканием ядра, ее личный тренер Александр Витальевич Начинаев гонял ее по стадиону «Ленинский» или по пересеченной местности, а сам же, вращая педали велосипеда «Сура» кричал на нее так, что она даже не смотря на свое обостренное чувство самолюбия, побаивалась не то, чтобы пискнуть в ответ, но даже поднять глаза от своих мелькавших кед на белой резиновой подошве. Начинаев утверждал, что для толкания снаряда необходимо заниматься не только ведущими мышцами рук, груди и спины, но и вообще всем телом, ибо правильно мышцы работают только в гармонии. Вот он и изнурял свою любимую девочку Зинулю до судорог в конечностях, до полного изнемо-

жения. Заставлял часами работать на тренажерах, заниматься силовыми упражнениями и легкой атлетикой, в которой особую роль играл бег. Он любил гонять ее, Александр Витальевич полагал, что ей не хватает резкости в движениях. Еще он отдавал честь такому методу тренировки: выводил Зину на стадион на заранее размеченную площадку и ставил перед ней двенадцатикилограммовую гирию. Нажимал пуск секундомера. Зинуля должна за отведенное время как можно больше раз поднять гирию и метнуть ее вдаль, потом подбежать взять ее и метнуть обратно. И так раз за разом, а тренер каждый раз ставил пометки в блокнот с олимпийскими кольцами на обложке. По истечении времени он суммировал общую дистанцию метания, объявлял ее вслух и неизменно добавлял: «Отлично, Зинуль, отлично! Но не замечательно. Не хватает. А почему? Потому что у одной маленькой девочки не хватает с-с-скорос-сти и толчка. Толчка и с-с-скорос-сти». А еще у них был специально сконструированное тренером приспособление из ряда пружинный эспандеров. Они его применяли во время полового акта, Начиняев пристраивался к Зине разными способами, она хваталась за ручки эспандеров и делала резкие и сильные движения. Чем резче, сильнее и быстрее были ее движения, тем глубже и резче проникал в нее Александр Витальевич. Вот тут она уж старалась как могла. Но тренер все-таки постоянно твердил ей одно и то же – она молодец и умница, он гордиться ею, она его девочка, но только она не хочет отдаваться тренировкам

до самого конца. Она думает не о результате, а о собственной усталости. Она же плакала, ругалась, уходила с тренировок, говорила, что не может выкладываться больше, чем уже делает это, что это ее предел, что она не робот Электроник, но каким-то немислимым образом Александр Витальевич Начинаев добивался от нее еще большего. Еще и еще! Победу за победой! Медаль за медалью!

Но не редко, когда Зинаида казалась сама себе непобедимой гранитной скалой, когда адреналин бурлил в ее мышцах, а сама она от усердия и перенапряжения рвала сухожилия и доводила себя буквально до спортивного катарсиса, Начинаев плевал под ноги и пытался объяснить ей, что все-таки как бы она не работала, но ей так и не достает того решающего последнего рывка. Того момента, когда ядро отрывается от ладони. А рывок в ее виде спорта – это все! «Умирай в рывке! Отдавай рывку жизнь!» – объяснял тренер, в праведном гнев поблескивая бисеринами пота и топорща густые усы. – Зина, у тебя тормозит рывок. Иногда я его вижу, иногда он ес-с-сть, он живет в тебе, порой он выглядывает, я знаю, но ты не можешь его добитьс-с-ся в нужный момент. Каждый раз при рывке – умирай!»

У Зинаиды не было сил бежать от охранника Пети, но она знала, что может (во всяком случае – раньше могла) задействовать резервы, что у нее есть, так называемое «второе дыхание» и вот сейчас самое время его из себя извлечь. Она еще помнила, как это действует, рядом с ней из прошлого

возник едущий на велосипеде тренер Александр Витальевич, подстегивающий ее то добрым словом, то угрозами. И Зина поднажала, вспоминая былую удачу, ее ноги заработали как ноги бегущего тираннозавра. Темп ускорился, охранник за ее спиной что-то крикнул и размахнулся лопатой, ударив по какому-то стонку. Сильный удар! Громкий! Наверное, у Пети могли сломаться косточки на ладонях. Сферина еще поднажала. Еще и еще. Как ее учил тренер! Как мчащийся бронепоезд!

Кажется, она отрывается от охранника, который не отличался спортивной комплекции и, наверняка, не мог быстро и долго бегать из-за свисающего животика. Да, она отрывается! Обрадованная Зинаида добилась от своего организма максимальной скорости на какую была способна, но понимала, что надолго ее так не хватит. Ей давно не двадцать лет. Этот бег не затяжной, а спринтерский. Под грудью болело.

Не снижая темпа, она обернулась через плечо и увидела, что охранник неожиданно также прибавил темп и теперь уже несся на жертву как дикий кабан, крича и держа лопату для сильнейшего удара с размаха. Расширив глаза от ужаса, она придала своим ногам еще сил. Самых последних. «Давайте, мои ноженьки, не подведите, родненькие!»

Зина оторвала взгляд от наведенного на нее оружия и повернулась вперед...

И не смогла вовремя среагировать! Вообще никак не успела среагировать.

На всем бегу Зинаида Зиновьевна Сферина всем своим тяжелым весом налетела головой на свисающий с кран-балки стальной крюк. Кто-то оставил его именно на этом месте и именно на этой высоте, что, кстати, запрещено техникой безопасности. Раздался громкий звон и для Сферинной время остановилось. Пробив лобную кость крюк маятником отошел в противоположную сторону и стал медленно-медленно раскачиваться, а женщина так же медленно стала в полете падать вперед. Ноги ее оторвались от пола, тело медленно зависло почти в невесомости. Сжимающая отрезанную голову рука механически сделала определенный выученный и запомнившийся на уровне ДНК мах и разжала пальцы. Отсеченная голова Августа Дмитриева взлетела в воздух с силой выпущенного из пушки снаряда. Женщина расширенными глазищами с мгновенно лопнувшими капиллярами падая вперед еще могла видеть, как голова медленно-медленно взметнулась вперед и ввысь и полетела в глубину цеха. «Вот он! – откуда-то из другой жизни раздался голос тренера Александра Витальевича. – Толчок... Толчок... Толчок... Ты с-с-смогла!»

Сама женщина грудой мяса и жира грохнулась на пол, лобные кости вдавились в череп и мозг. Вылезшие из орбит глаза не могли закрыться и даже моргнуть, они вытаращено наблюдали за полетом головы-снаряда. Голова летела точно как в ее сне – медленно вращаясь, трепыхая в воздухе волосами и усами и теряя оторвавшиеся коричневые частич-

ки порошка, в котором голова была вывалена. Голова летела вперед по точно выверенной в последнем толчке траектории, затажно преодолев половину цеха, она на излете ударилась лбом о какой-то станок и получив дополнительное ускорение вновь подлетела вверх. Потом она отскочила от бетонный колонны, срикошетила от шлифовального станка, потом о сборочный стол, подпрыгнула и опять отскочила вперед. Она летела долго и далеко, ударилась о поддон с готовыми дверными деталями, и закувыркалась по бетонному полу.

Еще она видела, как над ней встал тяжело дышащий Петя с лопатой над головой.

Сферина умерла с раскрытыми залитыми кровью глазами и с улыбкой на разбитом лице. Она смогла сделать свой толчок! Смогла, все-таки!

12:14 – 12:21

Она сидела на полу между двумя трупами и смотрела перед собой.

И смотрела она так до тех пор, пока перед ней не промелькнуло что-то маленькое и круглое. Вроде как кто-то пнул футбольный мяч и тот летит по цеху, отскакивая от станков и поддонов, подпрыгивая и вертясь. Люба отстраненным взглядом следила за перемещениями невесты как попавшего в цех мяча, который порой казался ей то капустным кочаном, то дыней сорта «Колхозница». Люба проследила за прыганием и вращением круглого предмета, пока тот не, от-

скочив от очередного поддона с дверными деталями, пока- тился по полу, пару раз подпрыгнул и остановился аккурат перед Любовью Романовной Кротовой. Она могла дотянуться до предмета рукой.

Это была человеческая голова.

Она остановилась точно перед Любой, встав на обрубок шеи и повернув мертвое, обваленное в чем-то коричневом, лицо прямо на маленькую женщину.

Теперь Люба заорала. Горло продрало до крови, но она орала пока у нее не кончился воздух. Но и тогда, набрав воз- духа, она орала вновь и вновь.

12;14 – 12:21

Я замер в неудобной позиции.

Нечто острое иглой впилося в сонную артерию, не давая возможности повернуть головы.

– Ты кто? – спросили меня и я честно признался, что я это я – Коля Авдотьев. Владелец иглы сказал, что я вру. Я вру? Этот человек плохо знает Николая Авдотьева, если предположил, что я могу врать. Я так ему и объяснил. У меня просто не было выбора, я попался и был, фигурально вы- ражаясь, на крючке. Мне пришлось признаться перед незна- комцем.

К моему удивлению стоило мне закончить объяснения как нечто острое что кусало меня в шею убралось и это было для меня сигналом к тому, что я могу повернуться. Я так и

сделал.

Таясь за станком ЧПУ на меня смотрел бледный израненный юноша, выпачканный кровью. В одной руке он держал маленькое сверло по дереву с острым кончиком, им-то он и колот меня в шею как иголкой. Не спуская с меня подозрительный взгляд синих глаз, другой рукой он поднес ко рту вареное куриное яйцо и надкусил половину. Запахло вареным желтком.

– Жрать захотелось, – признался он. – А я, знаешь-ли, иногда куриные ооциты варю в чайнике, а в их цитоплазме содержится совокупность питательных веществ. Этот ооцит я еще два дня назад забыл достать, хорошо сварился.

– Лева? – спросил я, всматриваясь в молодого человека. – Лева Нилепин? Ты ли? Ты чего тут?

Молодой человек не ответил, он откусывал от яйца кусок за куском, пока, наконец не проглотил его до конца. Только после этого он убрал сверло в коробочку с другими сверлами из комплекта, используемого для станка. Движения его отдавались болью, отчетливо видимой на лице. Нилепин морщился и кряхтел.

– Спрячься сюда, – приказал он Авдотьеву и подвинулся чтобы я смог пристроиться рядом. – В цеху опасно. Сел? Удобно? А теперь рассказывай, старик.

– Чего говорить-то?

– Не придуряйся. Мы тебя осенью похоронили, – Нилепин дотянулся до чайника и запил вареное яйцо прямо из носика,

его кадык ходил вверх-вниз, вода струилась по подбородку. Потом он долго морщился и держался за живот. Чайник с грохотом упал. – Где ты был, Коля?

Тут мимо них прокатилась человеческая голова, подрыгивая и подскакивая. Вслед за этим они оба вздрогнули от пронзительного отчаянного вопля.

Вне времени

– Ты не можешь быть ангелом!

– А кто же я, мать твою?

– Да откуда я, к хренам собачьим, знаю кто ты такая! У тебя на лбу не написано. Может ты теннисистка, а может швейномотористка. У меня есть одна знакомая, она продавцом на мясе работает, ты на нее смахиваешь. Может ты тоже свиной торгуешь на базаре? – возмутился Константин Соломонов. – Ангелы вообще существа бесполое, а ты баба.

– Я бесполоая баба.

– Что за ахинею ты, мать твою, плетешь? Как может быть баба бесполой? Ты баба, у тебя сиськи!

– Ты бы пихнул мне, красавчик?

– Пихнул бы, – не стал возражать Соломонов. – Но ведь ты, мать твою, ангел! Я не хочу пихать ангелу. Я стесняюсь. Будь лучше бабой, бабе я бы пихнул.

– Но я ангел, хочется тебе этого или нет.

Ангел махнул крыльями и размял шейные позвонки. Точно таким же движением головы, как делает это сам Соломо-

нов. Константин Олегович высморкнул нос и стряс сопли с пальцев, а то, что не стряслось вытер о пол, на котором сидел.

– И че тебе, мать твою, надо? – спросил он.

– Чтобы люди, мать их, любили друг друга.

– Ты тоже поклонница оргий? Смотри-ка, ангелам ничего человеческого не чуждо.

– Я не совсем такую любовь имею в виду.

– Да понял я. А что тебе надо конкретно, мать твою, от меня?

– Ну... – замялся ангел и почесал пальцев в ухе. – Типа я пришла за тобой, твое время истекло, так что давай поднимай свою задницу и полетели за мной. И пошевеливайся, скоро концерт по каналу «Спас».

– Какой концерт?

– Тебе-то что за дело? Хоровое пение, ты таким не интересуешься.

– А куда ты меня зовешь? Постой-ка, уж не хочешь ли ты сказать, мать твою, что я дуба дал?

– Ну вроде того.

– Ни хрена себе... И че, теперь я, типа в рай попаду?

– Только если поторопишься. Вставай, мать твою, харэ валяться.

– А что там в раю?

– А то ты сам не знаешь. Вечный кайф, будешь лежать на облачке, жрать манну небесную и слушать как я тебе на арфе буду играть.

– И все?

– Я тебе еще буду петь ангельским, мать его, голосом.

– Долго?

– Вечно.

– А вечно это сколько?

– Хрен его знает, – пожал плечами ангел. – Всегда.

– Слушай, – замялся Соломонов, – а ты это... точно ангел?

– Да ты задрал уже! Че, крыльев не видишь? Глаза разуй.

– То-есть там внизу у тебя ничего нет? Ты типа, как манекен? Ну-ка, подыми хламиду.

– А! Так ты хочешь мне пихнуть? – ангел рассмеялся. – Я тебя разочарую. Такие опции в нашем раю не включены. Никакого разврата, за этим следят.

– А это... ну там...

– Никакого алкоголя, никакой наркоты и баб! – отрезала ангел. – Ничего подобного! Будешь только лежать на облаке и слушать мою арфу. Больше ничего не придумано.

– Но, мать вашу, я не хочу слушать арфу. Это скучно! – возмутился Соломонов. – На хер она мне нужна, ваша гребанная арфа!

– А ты думаешь мне будет по-кайфу вечно перед тобой комедию ломать? Ты думаешь я рада на твою рожу смотреть вечно? Ни хрена, мать твою! Мне вообще другой типаж нравиться, я не люблю кудрявых. Это как-то стремно. Но рай есть рай и будем привыкать друг к другу. Говорят, лет через семьсот-восемьсот происходит типа адаптация. Ладно, харэ

болты болтать. Ты будешь задницей шевелить или нет?

– Ну на фиг.

– В каком смысле?

– Мать твою, я не хочу такой рай. Я хочу чтобы были бабы, вискарь, я вот в «Киберпанк» люблю порезаться. А у вас, поди, ни одной игры не будет.

– Две тысячи лет назад, когда придумывался рай, никаких компьютерных игр не было, – назидательно ответила ангел, стряхнув с длиннополой рубахи какую-то крошку. – Так что, просим прощения, мать твою. Можем предложить такую игру: берется три костяных палочки и камушек, одна палочка вертится...

– Какая, на хрен, палочка? Какие камушки? Я не согласен!

– Ты че, в отказку пошел? Вот когда придумаешь свою религию, тогда и будешь свои порядки навязывать! А пока работаем по старой схеме.

– Хрень какая-то! Я так не хочу.

– А кто хочет? Я? Я сверху видела, как вы тут внизу на байдарках плаваете. Я очень хотела бы попробовать на байдарке, мне бы понравилось. Но я должна буду такому мудотрясу как ты, мать твою, играть на арфе. А на ней всего четыре струны. Приличные мелодии ни хрена не играются. Так... хрень какая-то. Ну со временем я научусь, мне вот «Литл Биг» нравится, попробую... Впрочем – нет, не положено. Это слишком современно, а мы, видишь-ли, консерваторы. Вставай.

– Да ну тебя в баню. Никуда я не полечу, мать вашу. Я еще пожить хочу.

– Не положено.

– Ну хоть немножко.

Ангел задумчиво вздохнула.

– Ну ладно, мать твою, уломал... – сказал она. – Живи пока, а я концерт по «Спасу» позырю. Наверху скажу, что у тебя госпитализация была. Только ты тоже потом меня не закладывай, лады?

– Лады.

Ангел еще раз размяла шею и взмахнула крыльями

Тело Константина Олеговича Соломонова чуть содрогнулось. По нему пошла чередá подергиваний. Легкие резко расширились, глаза раскрылись.

Мужчина медленно и неуверенно встал и мутным взором осмотрелся.

12:21 – 12:31

Кто кричал?

Никита Вайнштайн вздрогнул и, затаив дыхание, высунул голову из-за станка. С его диспозиции было видно несколько поддонов с продукцией, несколько станков, но в этом месте они стояли так плотно друг к другу, что Вайнштайну пришлось оставить свое гнездышко и полуприседом преодолеть извилистые проходы, протиснуться между паллетами. Он боялся чрезвычайно, он был на взводе и любой неосто-

рожный звук или постороннее движение могли привести к катастрофическим последствиям его кишечника. Но женский повторяющийся вопль был наполнен жутью, он вызывал чувство безотчетного страха за свою жизнь и по правде говоря, Никита удивлялся своей собственной инициативе. По его личной логике он должен был просто вкопаться в бетонный пол как червь или как бешеный кролик пуститься наутек. Так бы он и сделал. Да так он и хотел сделать, но то ли его мозги переклинило от страха, то ли где-то в глубине души внезапно проснулся огонечек смелости и природной отваги, побуждающей нормального мужика спасти визжащую беззащитную девушку, но Никита Вайнштайн решился хотя бы на вылазку.

Он увидел убегающую черноволосую девушку маленького роста. Миниатюрные девушки всегда нравились Вайнштейну, а с крупными он чувствовал себя слабовольным. Девушка исчезла в цеху, оставив вылезшего из тени Никиту. «Ну вот, – даже немного расстроился Вайнштейн, – Первый раз в жизни решился прийти на помощь».

Никита резко остановился, едва не споткнувшись от какой-то круглый предмет на полу. Первым желанием было пнуть напоминающий мяч предмет, но Вайнштайн не успел этого сделать, увидав что было под его ногами, он сам едва не завопил. Это была мужская голова.

Парень снял очки, протер их платочком, водрузил на переносицу и присел на корточки. Нет, это определенного че-

ловеческая голова. Он даже потрогал ее пальцем. Упругость соответствовала упругости человеческой головы. Не древесине, ни гипсу, ни пластику, ни резине. Это не была часть скульптуры или манекена. Вайнштейн даже хихикнул, до того нелепой ему показалось эта находка. Сидя на корточках и не спуская с головы взгляда, Никита набрал номер Владимира Нильсена и...

Что-то так сильно ударило его по руке, что телефон раскрошился в пальцах и разлетелся в стороны. Вот только что он подносил его к уху, намереваясь поделиться странной находкой со своим боссом, как телефона уже нет, а в пальцах звенит сильная боль. Он обернулся и разинул рот от размахивающегося на него лопатой человека. Это был тот самый охранник, что пропустил его через проходную. Никита медленно поднял руки и попытался что-то проблеять вмиг осипшим голосом. Ну вот он и попался! Вот он и доигрался! Добегался! Надо было раньше валить из цеха, как советовал ему Нильсен. Зачем он только прятался и зачем он только вылез?

– Послушайте... – заговорил Вайнштейн. – Не надо оружия... Я только...

Лопата со свистом ударила его плашмя по голове, Никита вмиг отчего-то потерял равновесие и упал на стену. У его очков сломались обе дужки и они перекошились на носу.

– УБЬЮ! – выкрикнул охранник безумным голосом. – УБЬЮ! Я убью тебя, дядя Рафик! Слышишь?

Вайнштайн попытался объяснить охраннику, что его зовут совсем не так и что, кажется, молодой человек его немножечко с кем-то спутал. У него даже паспорт с собой имеется. А дядю Рафика он, к слову сказать, и не знает даже... Охраннику не реагировал на невнятные попытки лепетания своей жертвы, он ударил Никиту лопатой, вновь повалив того на пол и поставил одну ногу тому на грудь.

– УБЬЮ!!! – мычал охранник, выпучивая безумные глаза и не вытирая слюни. – УБЬЮ, ТВАРЬ!!! Я тебя сейчас убивать буду, дядя Рафик, слышишь? Все из-за тебя! Из-за тебя! Убью! СЕЙЧАС УБЬЮ!!!

И с этими словами, охранник склонился над поверженным Никитой и с перекошенным безумием лицом, поднял штыковую лопату над шеей лежащего молодого человека. Никита зажмурился.

– УБЬЮ!!! – в последний раз закричал охранник и издав мычащий звук, размахнулся орудием копания и вдруг лопата в его руках просто-напросто сломалась. Черенок переломился от полученной до этого трещины в древесине и лоток со звоном упал под ноги.

Вайнштайн приоткрыл один глаз. Охранник по обезьяньи замахал ручищами и даже запрыгал от дисфорической досады. Продолжая мычать «УБЬЮ! УБЬЮ!!!», он принялся колотить Никиту отломаным стальным полотном по лицу. Никите, по-правде сказать, это не понравилось, но он побоялся сопротивляться, только снял очки и зажал их в ладони.

Удары были неожиданно сильными и очень болезненными, у Вайнштайна мелькали всполохи алых искр, хрустели кости лица, трещала переносица. Вайнштайн морщился, отворачивался и хныкал, шмыгая кровоточащим носом, но не делал даже слабой попытки вырваться. А охранник, наколовшись вдоволь, встал с плачущего Никиты и, корчась от безумия, подобрал с одного из станков канцелярский ножик с пластиковой желтой рукояткой. Нож, конечно, был смехотворным, но острым как бритва.

С безумным воплем «УБЬЮ!!!», охранник бросился с ножиком на лежащего Никиту, целясь лезвием тому поперек шеи. Вайнштайн опять зажмурился.

Он так и лежал, зажмурившись и затаив дыхание, когда вдруг услышал рев двигателя, гудение приближающегося механизма, фыркание выхлопной трубы и вдруг крик и грохот совсем рядом с ним. Грохот был громкий, долгий, Вайнштайн зажмурился еще сильнее, мечтая провалиться сквозь землю на другую сторону планеты.

«Не надо... – беззвучно молил он разбитыми губами. – Пожалуйста. Не надо. Не надо, пожалуйста. Не хочу. Не хочу. Я не дядя Рафик. Я не хочу. Не надо, пожалуйста».

Грохот стих, но в ушах продолжало звенеть, а перед сомкнутыми веками вспыхивали алые вспышки. Он еще долго лежал на полу в совершенно беспомощной состоянии, повторял как мантру ничтожные слова и сжимался от каждого дуновения ветерка. Когда же почувствовал прикосновение к

плечу, то тут же непроизвольно закричал и распахнул глаза, более всего на свете боясь увидеть перед собой перекошенную рожу бешенного охранника и приставленное к горлу окровавленное полотно штыковой лопаты.

Он одел перекошенные очки.

Возле него на корточках сидела та самая убежавшая маленькая девушка. А за ней на заднем плане пыхтел автопогрузчик. Не произнося ни слова, девушка помогла Никите подняться. Приняв вертикальное положение и опираясь на близстоящий станок с толстым слоем пыли, Никита Вайнштайн посмотрел на автопогрузчик, на поваленный им и рассыпавшийся по полу поддон с нарезанным ДВП и на обутые в высокие ботинки ступни ног, выглядывающие откуда-то между этим поддоном и огромным передним колесом погрузчика. Погрузчик вообще стоял не ровно, а будто заехав на что-то, его вилы были направлены не параллельно полу, а смотрели немного кособоко и чуть вверх.

И были густо окровавлены.

Лоскут камуфляжа рваным флажком колыхался на одной из двух вилок.

– Меня Любой зовут, – произнесла девушка. – А ты кто?

Из-под колес погрузчика растекалась зеркальная лужа крови.

Никита Вайнштайн пожал плечами.

12:23 – 12:42

Лева помог снять ему его толстую тяжелую телогрейку, но Авдотьев быстро вырвал ее из молодых юношеских рук и бережно уложил ее рядом, аккуратно сложив краями внутрь, будто не хотел, чтобы Нилепин видел какого цвета у нее подкладка. Любые попытки Левы подвинуть телогрейку в сторону пресекались Колей на корню, криворукий старикашка почему-то держался за свою вонючую телогрейку как за святыню. Уложив телогрейку на стул без спинки, Авдотьев лег на нее животом подставив спину вверх. В худой спине между ребрами виднелась окровавленная серебристая шляпка гвоздя. Нилепин попробовал подковырнуть ее ногтями от чего Авдотьев дернулся и жалобно застонал.

– Я начну с самого начала, – проговорил Коля, лежа животом на стуле. – Я ведь как-бы... Ну... грех на мне лежит один, боюсь не отмыть...

– Что за грех-то? – спросил Лева, доставая из шкафчика ящик с инструментами.

– Грех сребролюбия. Поддался я греху симу, ох поддался. Теперь вот расплачиваюсь я. Карает Господь меня. Поддался я слабости, давно еще поддался, да сил не хватало вырваться из сетей греховных. Слаб я был, Левушка, да и сейчас слаб я, Бога мало во мне. Телец золотой показался мне притягательней Бога родного моего. Слеплен я был рогами его сияющими и не ведал что творил. Продался я тельцу проклятому. Другим людям служить стал.

– Кому? – Нилепин выбрал плоскогубцы с синими ручка-

ми. Подступившись к Авдотьеву сверху, Лева с осторожностью уцепил плоскогубцами крохотную головку гвоздя. Коля немножко взвыл.

– Платили мне, Левушка, ох платили. А я дурак глупый служил им. А кто платил – спросишь? Так Володя Нильсен, помнишь такого? Раньше работал у нас в офисе.

– Менеджер по реализации? – вспоминал Лева, который лично не застал Владимира Андреевича Нильсена, но нередко слышал о нем от коллег.

– Точно, он самый. – Оперившись коленом Коле в спину Лева потянул гвоздь на себя. Гвоздь оказался с зазубринами, выходить не хотел и причинял Авдотьеву незавидные боли. Старик кряхтел, стонал, но держался. – Я ведь ему все докладывал. Все что в нашем цеху происходило, кто что делал, кто что производил. Количество, наименование. Я ведь все знал. Фотографировал для него, записывал, запоминал, а потом передавал все одному человеку, который сейчас в подчинении у Нильсена. Понимаешь ли ты, о чем я толкую, Левушка? – Нилепин ответил, что, кажется, понимает и что он никак не ожидал от Авдотьева такого поступка. – Так вот... Деньги я получал, стыдно было невероятно, но я уже не мог отказаться. Слаб я был, Левушка, Бог во мне слабый. А деньги-то я не оставлял, я их отдавал. Есть у нас в области община... Я состоял в ней... И денюшки им передавал, не позволял Бог мой во мне оставлять деньги эти, неправомерно заработанные. Так и жил, значит... А тут директор наш, ну Ше-

петельников, значит попросил меня сварить кое-что на улице. Две газовых трубы. И опять я поддался золотому тельцу, сварил я трубы-то.

– Что же страшного в этих трубах? – гвоздь почти поддался, зазубренки рвали плоть, кровь струилась по спине, а у Нилепина уже вспотели подмышки. – Ты сварщик, это твоя работа.

– А то страшно было, что неправильные трубы эти. С нарушением сварил я их. Говорил Данилычу, предупреждал, отказывался, да он настоял. Уж больно суровый он. Ну так приварил я один вентиль к трубе газовой, там на улице, за территорией. А для чего – представления не имел. Но с того дня покоя мне совесть не давала, Левушка, ох не давала. Знал бы ты как я мучился, какое душевное наказание Бог мне дал за это. И как чувствовал я, как знал, что плохое дело я сделал, что расплата меня ждет. Однажды товарищ ко мне пришел, выпить хотел, знал, что есть у меня. Сам-то я отродясь не пил, мне мой Бог не позволяет, это грех, но было у меня. Сели мы с товарищем, сам я ни капли в рот, а ему бутылочку-то дал. На, пей, дорогой друг, за себя, за меня, да за Боженьку нашего. Пей, да радуйся. Знал бы я, что своими собственными руками дружка-то погублю! А ведь погубил. Помер товарищ-то мой. Взял Бог душу его к себе во хоромы божеские. Бутылочка-то отравленная была, вот оно что!

– Зачем-же ты своего друга отравил, Коля? – Нилепин выковырял гвоздь. Авдотьев был на грани обморока, но дер-

жался разве что благодаря беседе.

– Да кто ж знал! Да нешто я бы дал ему ее, коли знал, что яд в ней смертельный? А теперь царствие ему небесное... А знаешь откуда я ту бутылочку взял-то? Так Шепетельников мне ее и отдал. Ею он и отблагодарил меня за трубу ту приваренную. И тогда я понял, что Данилыч меня отравить хотел. А за что отравить? А за то, что узнал он, кто конкурентам его информацию сливает! А может, что бы я про трубу ту никому не сказал, Левушка. Понимаешь? И тогда Бог мой надоумил меня прибегнуть к обману, чего я раньше не позволил бы себе никогда. – Говоря это Коля Авдотьев принял окровавленный гвоздь в кривую ладонь и зажал его тремя сильными пальцами. Закончив операцию, Нилепин промыл рану из чайника, закрыл ее хлопчатобумажной рабочей перчаткой и залепил скотчем. Потом помог старику одеться. Старика шатало, от боли он плохо ворочал языком и шамкал лишенными зубов деснами. – Укрылся я. Пропал я без вести, чтобы люди подумали, что помер я. Сделал я это, чтобы у Шепетельникова не возникло мысли искать меня. Для него я помер, а, чтобы все было достоверно я должен был помереть и для остальных. Так и сделал. Сперва я хотел уехать в другой город, но Бог мой внутри меня запретил мне даже думать об этом. Заставил он меня исправлять содеянное мною ранее. Я поселился в этом цеху и живу теперь здесь, домик свой отдал общине, пушай пользуются, им нужнее. Днем прячусь, а ночью... Ночью я по возможности делаю то, что могу для

хорошей работы цеха. Что-то где-то исправляю, передвигаю, подписываю, подчиниваю, навожу порядок. Одним словом, помогаю мастерам. Так и живу, Левушка...

Теперь Лева Нилепин знал всю историю Коли Авдотьева – старого криворукого кособокого сварщика. Теперь настал черед объясняться самому Нилепину. Но с чего начать? Так много всего произошло, что в голове все переплелось и запуталось. И что он должен сказать? Что убил того, чья голова странным образом пролетела мимо них несколько минут назад? Что расчленил его тело и сжег его в кочегарной топке? Или что голыми руками придушил своего непосредственного директора? Поразмыслив над этим вопросом, Лева пришел к выводу, что об этом пока стоит умолчать и начать историю с того момента, когда они с Зиной Сфериной повстречались с двумя незнакомцами в синих полукомбинезонах и с удерживаемой ими Оксане Альбер. Слушая странную историю, Коля Авдотьев хмурился и кусал губы, определенно держа в голове еще какую-то информацию, которую тоже не торопился выкладывать.

И все поглядывал на свою грязную замусоленную телогрейку.

12:26 – 12:49

Его передвижение по цеху было схоже с походкой хорошо запрограммированного робота. Левая-правая-левая-правая. Топ-топ-топ-топ. Каждый шаг припечатывался к полу всем

весом своего высокого хозяина. Походка была тяжелая, солдатская. Ветеранская. Константин Соломонов еще не полностью пришел в себя, его лицо оставалось бесчувственным, но глаза как будто потихоньку просыпались. Делая шаг за шагом, Соломонов все чаще поворачивал прямоугольную голову, увенчанную черными непослушными кудрями то в одну сторону, то в другую, иногда он останавливал свой механизм движения, долго всматривался в тот или иной предмет, изучая и анализируя его, потом, не моргая отводил взгляд в сторону и возобновлял прерванный шаг. Топ-топ-топ-топ.

С каждым пройденным метром он отчетливее осознавал свое местоположение в этом пространстве. Он уже понял, что живой и что может двигать конечностями, может ходить и двигать головой. Уже хорошо. Теперь, спустя долгие тягучие минуты к нему приходила относительная ясность ума и способность к размышлять. Отлично! Он даже вспомнил кто он в целом и кто он именно в этом месте – в цеху. Припоминая то, что он является каким-то начальником, он искал глазами подчиненных, правда не понимая, как они должны выглядеть, но вскоре он вспомнил, что его должность носит название – начальник производства. Он второй человек после еще одного шефа, фамилия которого начинается на «Ш», но, когда Соломонов старался вспомнить этого человека и его фамилию, в голове словно сухие листья шуршали. Ладно. Хорошо, что он хотя бы вспомнил, кто лично он. Это уже прогресс относительно того момента, когда он разлепил

слипшиеся веки и представил себя всего лишь сконцентрированной точкой пространства и материи.

Константин остановил шаг и задумался над тем вопросом, отчего он в цеху не видит ни одного человека, почему выключены станки и свет. Непорядок. Если сейчас день, то почему никого нет, а если ночь, то почему светло. Ну не совсем светло, но во всяком случае гораздо светлее, чем ночами, когда тут не видно собственного носа. Начальник производства вспомнил, как однажды задержался в цеху допоздна, когда все разошлись и выключили свет. В тот раз он трусцой засеменил к выходу, споткнулся о пустой поддон, сделал неслышанное сальто-мортале в воздухе и шмякнулся о станок «Рапид», содрал эпидермис на руке и разодрал джинсы на байке. Было одновременно смешно и больно. Вспомнив этот случай Константин сперва улыбнулся, а потом поморщился и потер то место на руке, где до сих пор остался след в виде отсутствующих волос.

Функция памяти заработала, теперь он мог вспомнить что сегодня общий выходной в связи с какой-то поломкой в системе вентиляции. Да, что-то там с вентиляцией... Соломонов возобновил шаг, двигаясь между стеллажами с заготовками и длинным станком окутывания, мимо поддонов с дверными полотнами на разных стадиях готовности и даже смог вспомнить названия моделей и их цвет. Значит мозги работают. Соломонов размял руки и шею, помассировал лицо. «Давай-давай! Загружайся! – приказал он себе. – Что ты

как «Андроид» на контрафактном смартфоне! Вот, например, станок! Так... станок... Он для чего? Для чего он, мать мою, я меня спрашиваю! Так... Это «Кашир», служит для оклеивания дверных полотен и деталей пленками. Сюда одевается бобина с пленкой, конец протягивается через вот эти валы, выпускается тут, – Соломонов полностью погрузился в самоэкзамен по знанию произвольно выбранного станка, – Клей заливается сюда, клей-расплав... Нет, не расплав. Тут применяется клей на основе ПВА...

Начальник производства отвернулся от станка и пошел дальше. Память постепенно прояснялась, но соображалка работала туго как старый компьютерный процессор. Он начальник производства! Сегодня выходной! Он в цеху один! Это он понял. Возникает вопрос – какого, мать его, лешего он тут делает?

Топ-топ-топ-топ... Шаги как секундная стрелка отсчитывали загружаемые в его голову байты информации, но знания приходили к нему не те, не из этой оперы. Это была не аналитическая информация, а скорее голые заученные факты. Как имя или адрес проживания. Только связанные с тем, что он видел перед собой – со станками, с продукцией, с цехом. Он замедлял шаг перед поддоном с деталями и начинал сам себе объяснять, какие это детали, для чего они нужны, какие фазы обработки прошли и пройдут на следующих этапах, на какой модельный ряд пойдут, кто отвечает за брак на этой стадии. Он мог сказать все до самых последних мелочей

и не ошибиться ни в чем, он накрепко заложил эту информацию в собственную структуру ДНК, но он не мог вспомнить, что привело его в этот цех и вообще, как давно он тут торчит. У него даже не получалось вспомнить свои последние действия, когда это было и что он делал до момента пробуждения.

Он шел по цеху, мучительно напрягая мозг. Станки, детали, дверные полотна, заготовки. Все это он знал лучше кого бы то ни было. Если не считать того человека на букву «Ш», то он был тут главным и знал все. Он владеет всем этим. Вот, например, станок «Рапид», который давно пора менять, потому что у этого сильно глючит электроника. Вот паллета с березовым штапиком «Ш-2», Соломонов не поленился, нашел штангель-циркуль и померил высоту ножки у штапика. Семнадцать миллиметров – пойдет под стеклянную рамку, а не под филенчатую. Автоматически Константин Олегович внимательно всмотрелся в березовый штапик, осмотрел его полностью со всех сторон, повертел в руках, и не придравшись к ненайденному браку, положил обратно в паллету. В последнее время поставщики дают кривую березовую заготовку, да еще срошенную некачественно, но эта партия вроде как нормальная. Соломонов пошел дальше, двигая ногами как генерал армии проверяющий госпиталь. Одновременно с солдатской решительностью, но в то же время с тяжестью потерь.

По пути он нашел пятилитровую бутылку с водой и долго

и тщательно умывался, мыл руки и оттирал перепачканную и пропитанную одержу от своей рвоты. Оказалось, что рвота залила его лицо и шею, она была везде и это было гадко, но после долгих и тщательных процедур, ему удалось соскрести ее почти всю, оставив после себя на полу большую вонючую лужу. Не хватало хорошего душа, да и элементарного мыла, однако он справился как смог. Холодная вода и трение головы немного взбодрили Соломонова, в мозгах стало немного проясняться.

Вот на стене висит фанерная доска, на доске приклеенные кусочки различных видов пленки и названия к ним: «ВШ», «НПП», «ВГ», «ДББ» и так далее. Соломонов не напрягая память с лету назвал все аббревиатуры и воскресил в памяти их рисунок и цвет. Это не трудно. Он зашагал дальше. Вот какой-то человек лежит на полу. Толстый и женский. Женский человек? Соломонов исправился и дал лежащему другое название – женщина. Константин Олегович остановился над ней. Лицо обезображено сильным ударом по лбу, но в целом узнаваемо. Это была работница сборочного участка, она долго работала на «Дверях Люксэлит», Соломонов ее хорошо знал – Сферина Зинаида. Всмотревшись в пробитый лоб, раскуроченное лицо и забрызганную кровью одежду, начальник производства сразу определил, что она была жестока убита. «Странная находка», – подумалось Соломонову, но так как в эту минуту он не был склонен к аналитическому мышлению, он только пожал плечами и пометил у

себя в голове, что надо будет сказать кадровичке, что бы та вычеркнула Сферину из списка работников цеха.

Поморгав, Соломонов пошел дальше и вышел к четырехстороннему фрезеровочному станку. Долго смотрел и изучал вызванные электроразрядом повреждения и опалины, и как мало что понимающий в электричестве, пожал плечами и зашагал дальше. Что-то тут было не так... Какая-то тут хрень... Но какая?

Соломонов поморщился и потер глаза. «Давай, мужик! – приказывал он самому себе, – Соображай! Включай мозги, мать твою! Какого хрена я здесь делаю?» Он прошел еще мимо нескольких станков, мысленно обсудил сам с собой процесс шлифовки МДФ и легкий перекося шлифовальных валов, от чего на деталях зачастую бывает непрошлифовка и натолкнулся на лежащего лысого мужчину в синем полукомбинезоне. Тут Соломонов уже не мог пройти просто так, второе тело под ногами вызвало у него чувство сюрреализма. Он точно в своем цеху, а не на поле боя? У мужчины была прострелена голова. Рядом сидел кот. Как Константин Олегович не пытался напрячь зависшие мозги, но так и не вспомнил этого работника, зато его синий полукомбинезон вызвал в нем глубинное чувство беспокойства. Возникшая тревога заставила его отпрянуть от трупа.

Он погладил кота и с беспокойством косясь на труп, поспешил уйти.

Синий полукомбинезон... Что-то знакомое... Где, когда

и на ком он мог его видеть, а в том, что он видел эту форму Соломонов уже не сомневался. Поглощенный тяжелыми раздумьями и напрягая мозг аж до повышающегося давления в глазных яблоках, Константин Олегович зашагал прочь, тяжело топая зимней обувью. Станки, детали, двери... Станки, детали, двери. Оборудование... Участок сборки, стекольный участок...

Мужчина замедлил шаг, а вскоре и вовсе остановился. Тут было не так как должно было быть. Такого здесь не было никогда, даже когда из-за тех или иных случаев билось стекло и иногда оно билось в больших количествах. Но не могло случиться так, чтобы стекло было разбито все до единого куска! Тысячи хрустальных кусочков на полу. У Соломонова загудело в голове, зазвенело в ушах. Он опять помассировал глаза. Что случилось? Что случилось в цеху?

Что происходит, мать вашу, в этом гребанном цеху, будь он трижды проклят?! Только сейчас, спустя несколько минут до него начало доходить, что в его цеху лежат мертвые люди. МЕРТВЫЕ ЛЮДИ!!! Сферина и еще один в синем полукомбинезоне, обладателя которого он, кажется, постепенно начал вспоминать... Синий полукомбинезон с логотипом на спине фирмы по монтажу и ремонту вентиляционных систем... Соломонов напряг память и увидел среди стеклянных крошек еще одно тело! В точно таком же синим полукомбинезоне. Начальник производства подскочил к нему и обнаружил худосочного искалеченного бедолагу, изрезанно-

го стеклом до состояния обезображивания. Подбегая к нему Соломонов наступил на окровавленный меч.

– Какого хрена, мать вашу! – вслух воскликнул он и от испытываемого шока постепенно начал приходить в себя. – Мать вашу! Что за дела? Почему, мать вашу, я – начальник производства межкомнатных дверей, обязан блуждать по своему собственному цеху, где я знаю расположение каждой пылинки, и спотыкаться о мертвецов! Какого хрена, мать вашу, в моем цеху разбросаны трупы! Здесь на этом месте должны быть сложены стеклянные отрезки размером сорок два на тридцать пять сантиметров, а вот тут в этом ящичке – тридцать восемь на девятнадцать с половиной! Тут стоят пирамиды со стеклянными листами... Тут не должно быть мертвяков с содранной кожей и с доисторическим мечом! Ты, вообще, чувак, кто такой? Почему ты лежишь именно здесь, в моем цеху? А там возле ЧПУ – дружок твой? Вы что, мать вашу, не могли обсудить между собой места своей смерти и не договориться помереть где-нибудь подальше от этой фабрики? Обязательно надо было тутдохнуть? Ублюдки, мерзавцы! Почему я должен пребывать в неведении? Вы даже пирамиды со стеклом грохнули! Все листы! Суки, кто теперь будет платить? Вы? Ты, гладиатор хренов? Где мой телефон... Мою мать, проклятье, где мой телефон? – начальник производства как ни в чем не бывало достал свой телефон и набрал номер: – Алло, милиция? Милиция? То-есть, полиция? Слушайте, тут такая фигня, моя фамилия Соло-

монов, у меня в цеху трупачи. ОАО «Двери Люксэлит». Два трупача. То-есть два каких-то меченосца, которые мне стеклянные пирамиды разбили и еще одна – с пробитым лбом. Работница одна, нормальная баба была, к ней вообще претензий нет, она просто лежит мертвая как... Алло? Что? Как не полиция? А кто вы? Вот как... Вот это я попал... Ну что-ж, раз я ваш номер набрал, тогда среднюю пиццу «Морскую», картошку фри, суши с угрем, и... что у вас из напитков... Э... Подождите-ка, я, кажется загнался... Нет. Отмена заказа!

Мужчина убрал телефон, потому что увидел в нескольких шагах от себя размазанный кровавый след на полу. Приготовившись не увидеть ничего радостного Соломонов сперва проследил до одного конца следа – там была большая смазанная лужа крови. Затаив дыхание, он медленно прошагал по следу из крови и через несколько шагов, обогнув пневматическую тележку-рохлю, вышел к лежащему на боку телу в красном от кровици пальто, бывшим когда-то белым. Соломонов расширил глаза, узнав в лежащей женщине Оксану Альбер – главного бухгалтера. Та бездвижно лежала на полу, светлые волосы слиплись от крови, одна рука была вытянута вперед – перед смертью женщина пыталась до чего-то дотянуться.

Оксана Альбер! И она здесь?

Но какого черта...

И вот тут начала прорываться плотина воспоминаний.

Уцепившись за образ Оксаны начальник производства начал разматывать клубок происходившего. Альбер... Она была с ним, он вспомнил, что они пришли сюда вместе. Вопрос – зачем? Так... так... В его голове захороводили разные картинки – заметенная дорога из лобового окна его «Мазды СХ-7», а Оксана подводит губы губной помадой. Когда это было? Сегодня? Позавчера? Или это приснилось Константину Олеговичу? Сам же Соломонов был чем-то возмущен. Чем-то... о чем он говорил? Об иудаизме? Нет, о чем-то совершенно ином. Соломонов вспомнил музыку неизвестного исполнителя и, какую-то очень сильно знакомую, заезженную до изжоги, но не мог вспомнить ни имени исполнителя, ни даже названия композиции.

Зачем в салоне его «Мазды» сидела Оксана? Не может быть, чтобы он ее просто подвозил, они живут в противоположных районах города, к тому же у Оксаны есть своя машина. Они переспали? Константин Олегович напряг память, но как ни старался, ни смог вспомнить ничего подобного, а значит этого не было. То, что он спал один в своей квартире – это он помнил прекрасно. Но что тогда подвигло их вдвоем приехать в пустой цех? Какое дело? Дело... Соломонов побил себя по щекам, заставляя кровь прилить к голове. Его бесило, что он буксует. Больше всего в жизни он ненавидел собственное бессилие. Почему лежащая в крови Оксана Игоревна Альбер ассоциируется у него с каким-то важным делом, а двое мертвых незнакомцев в синих полукомбинезо-

нах – со странной градацией уровня опасности для жизни, где ноль баллов – это нирвана, а десять – появление самого Сатаны? Соломонов сконцентрировался, напряг мозги и вдруг дверца в прошлое стала приоткрываться.

Деньги! Соломонов аж обалдел! Деньги из его сейфа! Он вспомнил. Они с Оксаной вошли в его кабинет, он своим ключом открыл сейф и, сидя за своим рабочим столом, смотрел как Оксана перекладывает денежные купюры из какой-то коробки в деловой кейс. А он еще что-то говорил-говорил... О масонах что-то... о борщевике Сосновского, о селедке под шубой, еще о чем-то... Да, с ним такое частенько бывает, он знает, что зачастую не может удержать словесный понос. Есть у него такая черта и он, кстати, ни сколько ее не скрывает. Соломонов вспомнил и о синих полукомбинезонах. Они с Оксаной с высоты антресольного этажа заметили от двух до четырех промелькнувших в цеху человек.

Дальше смутно...

А ведь кейс с деньгами из сейфа он держал в руке, он, хоть и не отчетливо, но припомнил, как ударял им по своей ляжке, когда спускался вниз по металлической лестнице. Соломонов тупорыло посмотрел на свои ладони, растопырил недавно вымытые пальцы и даже повертел ладонями. В них, разумеется, ничего не было.

И вот тогда он, вспомнив все, начал действовать. Его сердце будто очнулось от спячки, оно заколотилось, загудело, толкая кровь в мозг и заставляя тело активироваться и, на-

конец-то, заработать. Соломонов перевернул мертвую женщину на спину и обнаружил у нее на груди проникающую рану. Ее зарезали. Пальто спереди превратилось в кровавую губку, но из самой раны кровь уже не шла. В отличии от соломоновского сердца, ее сердечная мышца остановилась и пульсации не было.

– Где деньги? – заскрежетал начальник производства сквозь сжатые зубы. – Где, мать твою, деньги?

Лицо Оксаны было даже не бледным, оно было белым. Женщина была мертва.

– Где бабло, твою мать? Лавэ, бабки! Где они? – допытывался Соломонов, но его недавняя соучастница хранила гробовое молчание. Обуреваемый нахлынувшими чувствами начальник производства не побрезговал и облапал мертвую женщину, проникнув руками ей во все внутренние карманы, обыскал ее полностью, но ни нашел ничего даже с большой натяжкой похожего на кейс с деньгами и вообще на деньги, если не считать пропитанной в крови 50-рублевой купюры во внутреннем кармане. При себе у Оксаны не было ее сумочки, а как известно именно в сумочках девушки носят все свое добро. Да даже если бы Константин Олегович и порылся в ее сумочке, то вряд ли бы нашел в ней что-то большее чем кошелек. Но ни как ни семь миллионов рублей в купюрах разного номинала. – Твою мать! Твою мать! – ругался он сквозь зубы. – Где мои деньги?

Он призадумался над позой в которой лежала умершая

Оксана, она умерла ни сразу, а проползла некоторое расстояние и застыла с вытянутой вперед рукой, как если бы тянулась к спасителю. Куда она тянулась? Если к выходу, то он совсем с другой стороны и она не могла этого не знать. Взгляд константиновых глаз проследил указующее мертвой ручкой направление, продлив его расстояние и остановился на знакомом ящичке из-под инструментов. Новенький ящичек. Соломонов, порывшись в памяти, быстро узнал ящик – он видел его (или его точную копию) в руке у одного из тех псевдоремонтников в синих полукомбинезонах, двое из которых на данный момент лежали в разных местах и с разными причинами смерти.

«Баблосы!» – догадался Константин Олегович. Конечно, в этом ящике деньги, кто-то переложил их из кейса. Оставив мертвое тело Оксаны Альбер в луже крови, Соломонов в два прыжка подлетел к заветному ящичку – он лежал на боку, одна из кнопок-замков расстегнулась. Мужчина испачканными в липкой оксаниной крови руками схватил ящичек, почувствовав в нем определенный вес, не характерный для полной пустоты. Поставив ящик горизонтально, так чтобы крышка была наверху, Соломонов вытер, наконец, руки о валявшуюся ветошь, и расстегнул вторую кнопку-замок. Крышка открылась.

На минуту Константин Олегович Соломонов остановил собственное дыхание.

Денег не было. Ни пачки, ни купюры, ни рубля.

Вместо денег в ящике из-под инструментов лежал пистолет. Начальник производства вынул его, приблизил к лицу. Проверил магазин – полон. Сжимая в руке боевое оружие, он повернулся назад – к Оксане, потом перевел взгляд на того, что лежал с содранной кожей.

– А ведь был еще один, мать его... – произнес Константин Олегович и выпрямился в полный двухметровый рост.

12:35 – 12:51

Как она ни старалась, она не смогла разговорить спасенного ею гражданина в очках и в куртке-аляске с отороченным искусственным мехом капюшоном. На все ее вопросы он отвечал только виноватым взглядом и пожиманием плеч. Для нее оставалась тайной его личность и появление, он даже не называл своего имени, и вообще Люба стала допускать мысль, что парень прибывает в психологическом шоке, временно или навсегда превратившим его в придурка, либо являлся таковым изначально. Нельзя на все до единого вопросы своей спасительницы отвечать пожиманием плеч и любой нормальный человек может догадаться назвать свое имя, даже если его об этом спрашивает инопланетянин на языке другой галактики. Это же очевидно для всех нормальных людей, кроме именно этого чудака, появившегося в цеху будто из-под земли.

– Ты что, совсем ничего не понимаешь? – обреченно спросила она, сидя на стопке поддонов и свесив голову вниз. Чер-

ные волосы выбились из хвоста и спадали длинной челкой на глаза. Очкарик только глупо улыбался, строил брови домиком и пожимал плечами. – Но ты же не мог проникнуть сюда без пропуска? Покажи пропуск, хоть какую-нибудь бумажку.

Ответ был предсказуемый и Кротова, взглянув на торчащие из-под автопогрузчика высокие ботинки бешенного охранника, догадалась, что еще более неадекватный охранник вполне мог отнестись к своим непосредственным обязанностям, мягко говоря – с меньшей долей ответственности. Он зачем-то пропустил этого очкарика, а после набросился на него как на врага рода человеческого.

– Тебя зовут Рафик? – спросила она, вспомнив крики Эорнидяна. Незнакомец на мгновение изменился в лице, потом отрицательно качнул головой, но, видимо, спохватившись, вновь пожал плечами. – Охранник называл тебя этим именем. Следи за губами – ты Рафик? РАФИК?

Пожатие плечами.

Люба раздраженно плюнула. Она сама была не в себе, ей было очень плохо. Ее трясло и чтобы унять дрожь она терла пуговицу. Мало того, что она пережила очень необычные передряги с участием призраков и мертвецов, так она еще и сама убила человека. Тихий был паренек, этот Эорнидян, вроде бы безобидный, хоть и со странностями. Сидел у себя в будке целыми сутками, не вылезал, скучал. Телевизор не смотрел, в смартфоне не зависал, даже книжки с журналами, кажется не читал. Как его звали-то... Петя. Его зва-

ли Петей. Она бы никогда и не предположила, что этот Петя может проявить себя подобным образом. Но ведь она сама видела, как охранник напал на этого чудака в очках и готов был растерзать его на кусочки и нашинковать как капусту на засолку. Что это на него нашло? Правильно говорят – в тихом омуте черти водятся. Это как раз про Петю. Теперь кое-что для Кротовой прояснилось, а именно – наличие убитый людей. На фабрике появился маньяк-убийца, безумец. И как бы его могли звать, если не Петя? Не этот же безымянный очкарик, не знающий другого метода общения кроме пожатия плечами и самой бессмысленной в мире улыбочки. Этот, похоже, не в состоянии даже комара прихлопнуть.

Во всем виноват охранник Петя, вешающий главных инженеров и отпиливающий головы ученикам электриков. Люба Кротова целый месяц возилась с усатым Августом Дмитриевым, объясняла ему его обязанности и разъясняла тонкости производства, заставляя того хвостом ходить за главным электриком Шишкиным и вникать в тонкости его работы. И что? Вон она – голова Дмитриева, стоит на полу и смотрит остекленевшими глазами в сторону ремонтного участка.

Есть вероятность того, что Петя рехнулся из-за разбуженных Любой потусторонних сил. Может быть, это они на него так повлияли? Почему нет? Люба и сама от страха чуть с ума не сошла, так почему она не может предположить, что, столкнувшись со страшными чудесами загробного мира, охранник Петя должен был оставаться в полном душев-

ном равновесии? Кротова с надрывным выдохом закрыла лицо в ладонях. Если так, то опять же, первопричиной была она – Любовь Романовна Кротова, которой, видите-ли чрезвычайно возжелалось обратиться к помощи обитателей загробного мира. Это она стала катализатором! Это она своими спиритическими сеансами дала толчок необратимым явлениям, захлестнувшим цех и того, кто в нем работает. Ведь знающие люди ее предупреждали – не лезь в эти дела, не занимайся такими вещами, ты в них ничего не смыслишь, не буди мертвых!

Любу охватило всеохватывающее желание напиться до беспамяतства и забыться. Забыться навсегда. Исчезнуть с этой проклятой фабрики и не возвращаться сюда никогда, прибегнуть к профессиональному гипнозу и навсегда вытравить все воспоминания о сегодняшнем дне.

– Не двигайца!

Кто это сказал? Уж не этот ли типчик в очках? Люба шмыгнула носом, убрала ладони с лица и вытерла пелену слез. Очкарик так и стоял рядом с ней, только улыбочку свою убрал. Но приказ произнес не он. Напротив него стоял другой мужчина – в синем рабочем полукомбинезоне. Второй незнакомец определенно побывал в крупной передраге, вероятнее всего он имел дело с убитым Петей. Его одежда местами порезанная, руки кровоточили и наспех были перевязаны каким-то тряпочками. На лбу была какая-то штучка с объективом, одетая на резинках и наводящая на мысли о так

называемом «третьем» глазе. Еще у незнакомца была сломана челюсть, она была скошена вбок, а из разбитых десен струилась кровиха, которую он то и дело подтирал тряпкой.

– Чего? – удивилась Люба.

– Не двигайца! Встань и подойди! – велела сломанная челюсть. Из-за многих лишенных передних зубов незнакомец шепелявил и при каждом звуке брызгал кровавыми слюнями.

– Тебя мне еще не хватало, – устало произнесла Люба Кротова и слезла с поддонов. Перечить усатенькому незнакомцу она не стала. Во-первых, она была не в том состоянии, чтобы хорохориться, а во-вторых – незнакомец твердо держал взведенный пистолет, целясь им ей в нос. Люба метнула взгляд на очкарика и поняла, что от него не приходится ожидать помощи. Он не был умственно отсталым – движение его лицевых мышц предательски говорили, что их обладатель знает значение огнестрельного оружия и представляет себе всю угрозу его применения. Но он стоял на том же месте, также виновато хлопал глазами и ни делал никаких попыток изменить ситуацию, хотя стоя сбоку от усатенького мог бы догадаться проявить героизм. На минуту женщина пришла к выводу, что оба мужчины заодно, но второй, тот что целился пистолетом, приказал тому, что молчал, встать так чтобы тот был в его поле видимости.

«Нет, они первый раз друг друга видят. Четырехглазого сейчас инфаркт накроет», – подумала Люба.

– Ты Кыотова, да? Маштеы этого учаштка? – это был не вопрос и ей не зачем было подтверждать. Вооруженный ее знал и она, кстати, тоже стала припоминать это круглое лицо с пижонскими усиками над верхней губой. – Хобышо. Шкажи-ка, как выглядит главный бухгалтер? Человек по фамилии Альбеы – как он выглядит?

– Альбер? Это женщина. Оксана Альбер...

– Женщина? – пижон с усиками, не убирая оружия, достал тряпочку и вытер капельки крови с подбородка. – Какая у нее внешность? Она жиыная, кудыявая и ей под шестьдесят?

– Ничего подобного. Она мне ровесница и даже чуть моложе. Блондинка...

– Она ходит в пальто?

– Наверное, – неуверенно ответила Кротова. Вопросы странные, но Люба уже перестала чему-то удивляться. Сегодня все утро, мягко говоря, странное.

– В каком пальто она ходит? – допытывался усатенький у Любы, в то время как спасенный ею первый незнакомец переводил вооруженный линзами сломанных очков глаза с одного на другого.

– Откуда я знаю? Я не спрашивала.

– Какого цвета?

– Дай вспомнить... вроде, светлое...

– Белое? – Люба точно не знала, но подтвердила это кивком, от чего круглолицый выругался, забрызгав подбородок

очередной порцией кровавого бриза. Он даже завертелся во-
круг своей оси, но, когда Люба сделала попытку припод-
нять руки, собрался и вскинул свое оружие в прежнюю по-
зицию. – Как выглядит начальник?

– Данилыч?

– Нет, не самый главный. По пьюизводству.

Люба описала внешность Константина Соломонова, но не
стала упоминать, что видела его залитый рвотными масса-
ми труп, лежащий на полу. А вместо этого она, сказала, что
узнала нападающего. Пренебрегая взведенному оружию, она
поставила руки на пояс и со смелой улыбкой сказала:

– Это ведь ты устраивался к нам на фабрику дней десять
назад? Евгений... Евгений Брюквин, точно? Я права? Я тебя
узнала, я поставила тебя учеником на малый пресс к Митро-
фановой. Ты еще ей глазки строил, наверное, понравилась.
Скажи, что понравилась. Отработал день и больше не появ-
лялся. Да, это ты. Я так и думала, что ты не останешься, по
тебе было видно, что ты не любишь руки марать. А зачем
тебе Соломонов и Альбер?

– Не твое дело! – вякнул застигнутый врасплох Брюк-
вин. – Жвони начальнику!

– Данилычу?

– Да какому на хыен Данилычу! – заругался Брюквин, те-
ряя терпение. – По пьюизводству начальнику! Шоломатину!

– Соломонову, – поправила Люба.

– Жвони ему! Пьюсто возьми в ыуку свой телефон и на-

беиш его номеы!

– Знаешь, не хотелось бы тебя расстраивать, но, боюсь, что Соломонов не ответит на мой звонок.

– Это почему?

– Он, видишь, ли... немножко умер.

– Как умеы?

– Вроде захлебнулся рвотой. А чего тебя так это удивляет? – спросила Кротова. – Посмотри вокруг. Вон туда посмотри. Вон туда. Знаешь, чья это голова? Зайди вон за тот угол и повернись направо, увидишь еще кое-кого. Что ты видишь, Евгений? Мертвые. Так почему бы не быть еще одному?

– То-есть ты хочешь шкажать, – урчал Брюквин, едва двигая челюстью, – что Шоломонов, это тот чувак, что лежит вон там за теми штанками?

– Это ты его убил? – тихо спросила Кротова.

– Не я, – коротко ответил усатенький и надолго призадумался. Его глаза исподлобья прыгали с одного предмета на другой, не останавливаясь на одной точке более чем на мгновение.

– Если ты никуда не торопишься, – продолжала Люба, – то могу рассказать, как я вызвала дух молоденькой Анюши и встретила с умершим сварщиком.

Теперь на нее уставился незнакомый очкарик, что подтвердило любину догадку, что с этим незнакомцем что-то не так. Он не глухой и не даун, как бы он не прикидывался ту-

пищей, но встревоженные глаза выдают его с головой. Произведя эффект, она даже вскинула головку.

– Ты неноымальная? – наконец спросил Брюквин от чего Люба обиделась. – Какие духи? Жвони Шоломонову!

– И что ему сказать?

– Набиыи его номеы и дай мне тыубку.

– Он не ответит, Евгений, – еще раз предупредила Кротова, доставая из заднего кармана обтягивающих джинс смартфон, открывая защитную пластинку чехла и снимая с блокировки. Смотрящий строго целил ей в лицо ствол пистолета не давал ей выбора. Если чувак с разломанной челюстью так сильно хочет позвонить захлебнувшемуся насмерть начальнику производства, то она не в силах сопротивляться его настойчивости. Выбрав в папке номеров фамилию «Соломонов К.О.», она нажала на сенсорном экране зеленую иконку вызова и передала смартфон Жене Брюквину в надежде на то, что в случае неотвечаемых гудков он не применит свое оружие по назначению.

– Возможно и не ответит, – проговорил Брюквин и схватился за челюсть, пронзенный болью от неосторожного движения, – но только ешли тот бедолага дейштвительно Шоломонов. Меня уже пыталишь провешти вокруг пальца. – сказав это Брюквин вдруг резко повернулся к застывшему в окаменении незнакомцу в очках и перевел оружие на него. – Я ешли Шоломонов ты? Штой шмиыно, как штоял и доштавай швой телефон, пошмотыим кто тут Шоломонов!

– Это не он, – ответила Кротова.

– Ждем звонка! А насчет тыупов... Я могу тебе показать еще нешколько о котоьых ты не жнаешь.

12:42 – 13:02

Авдотьев сообщил Нилепину, что видел у автопогрузчика лишенную чувств мастерицу Кротову и божественная сущность в его душе просит Леву помочь ей. Услышав про Любовь Романовну, Нилепин даже растерялся, он не предполагал, что мастерица сегодня в цеху. Раз она без сознания, значит с ней случилось что-то плохое, а для Левы сегодняшний день и так был перенасыщен на скверные дела и он бы предпочел разыскать исчезнувшего из-под поваленного стеллажа Юрку Пятипальцева. Вот тот, действительно, может быть покалечен, а по словам Авдотьева на Кротовой не было видимых повреждений. В конце концов Нилепин согласился сперва помочь своей мастерице, вероятно это не составит труда, нужно всего лишь привести ее в чувства.

Когда же они вдвоем вылезли из-за станка и заковыляли к автопогрузчику, старик в тяжелой засаленной телогрейке признался, что неподалеку от Кротовой лежит еще один человек. Леву будто доской огрело. Унимая сердцебиение, он спросил кто это и услышал, что это Константин Олегович Соломонов – начальник производства ОАО «Двери Люксэлит». Нилепину стало дурно, его зашатало и ему пришлось опереться о стену. Авдотьев доложил своему юному другу

о состоянии их шефа и о том, что Бог прибрал его к себе и теперь тому никто не поможет.

Они вдвоем кое-как передвигались на слабых ногах, поддерживая друг друга. То Нилепин от бессилия, головокружения и сильной боли в различных частях тела, а особенно в брюшине, терял равновесие, спотыкался и норовил осесть на пол, то ранение в спине заставляло и без того скрюченного и старого Авдотьева сжиматься всем телом и цепляться искалеченными руками за что-то твердое. Так они и ковыляли в цеху, как двое раненых бойцов с поля боя.

Старик бормотал катехизис апологетики самобытного философа Григория Сковороды, обращался напрямую к Господу Богу и объяснял Лева, что духоборцы в число которых Коля себя причислял, не борются со Святым Духом, как можно было бы подумать, а, отрицая религиозную обрядовость, являются поборниками духа. Вообще-то Лева Нилепин ни о чем подобном Авдотьева не спрашивал, сейчас его не особо занимала религиозная принадлежность старика, но, тем не менее, чтобы не заикливаться на своей боли и физических страданиях, Лева поддержал беседу, рассчитывая, что, выслушав Авдотьева, он после разъяснит тому свой реестр наименований яиц. От фаршированных икрой перепелиных ооцитов, до пасхальных тестикул Карла Фаберже. Задавая вопросы и даже заинтересовавшись, Лева Нилепин за период прохождения половины цеха узнал о Коле Авдотьеве не только услышанную ранее историю его псевдоотрав-

ления, но и то, что он «поклоняется Христу не мазанному, не писанному, а животворному», что будучи категоричным православным христианином до мозга костей и почитающий Господа Бога более всего на свете, Авдотьев, тем не менее ни разу в жизни ни ногой не ступал в церковь, никогда не совершал крестное знамение, ни знает ни единой молитвы, ни отмечает христианские праздники, не признает внешних отличий между людьми, воздерживается от злых мыслей и дел, отвергает любое оружие и стремление к обогащению, и истово верит в переселение душ.

– Ни копейки лишней не возьму! Рад был бы и не работать вовсе, ни чаю в сем занятии богоугодного, это есть эксплуатация одними рабами Божьими других, а перед Богом все равны, Левушка. Все мы сыновья его. Понимаешь? Однако и нищенствовать не хотел, был у меня грех на душе, не мог привыкнуть я к ограничению потребностей. Телец золотой портил душу мою, слаб я был перед ним, податлив современным бесовским соблазнам, – говорил Авдотьев, переступая своими полусогнутыми ножками по бетонному полу. – А вообще, по совести я живу, а не по церковным выдумкам. В церковь совесть моя ходить не велит, в ней святости ни на грош нету. Одни, прости Господи, понты!

– То есть у вашей секты совсем нет церквей? – спросил Нилепин.

– Очень даже неприятно мне слышать, Левушка, что ты меня к сектантам антихристовым приписываешь. Мы не сек-

та, мы этноконфессиональная группа, – произнося это, Авдотьев даже поднял кривинький палец. – А церквей-то нет, почто они нам? Там Бог живет, где ты живешь! Там тебя слышит, где ты с ним говоришь! Как говорил Силуан Колесников – церковь не в бревнах, а в ребрах. Коли надо нам обратиться, так мы соберемся где Богу угодно будет, хоть на кухне.

Авдотьев мог бы еще многое рассказать о своем вероисповедании, но, вдруг он остановился и сообщил, что кто-то увел стоящий вон там автопогрузчик.

– Там подле него, – он вытянул неразгибающуюся руку, – подле погрузчика голубка лежала. Любушка наша. Не мог я помочь ей, не в состоянии был, да и испужалась бы она, лик мой увидев пред очами своими. Пошел я за помощью к кочегару нашему Аркадьичу, он завсегда мужик справный, не отказал бы в помощи. Знаем мы друг друга. Хотел позвать его, а тут вот как приключилось – тебя повстречал.

– Да, к Аркадьичу лучше не ходить, – согласился нахмуренный Нилепин.

– Отчего так? Нешто, не помог бы? У него и аптечка справная есть.

– Не в этом дело. Он... ну это... занят был. Я был у него.

– Занят? Чем это? – кустистые брови поползли Коли Авдотьеву на лоб. Он не мог взять в толк, какое может быть дело важнее спасение жизни.

– Да это уже не важно, – быстро отмахнулся Нилепин,

представляя себе, чтобы увидел вошедший в кочегарку Авдотьев. – Так ты говоришь, что вон там стоял погрузчик, а около нее лежала Кротова. А Соломонов – вон там неподалеку от слесарки. И ты никому не помог?

– Лева, я же тебе говорю – Константина Олеговича Господь Бог прибрал к себе, теперь ему помогут только молитвы за упокой. Царствие ему небесное. Только это... – Коля Авдотьев остановился. – Иди к Любове Романовне ты один, Левушка. Ежели она меня опять узрит глазками своими сердечными, то сизнова разумом померкнет, бедненькая. Нельзя мне ей показываться, Левушка. А тебя-то уж она не испужается. Уж как придет в себя она, тогда и растолкуй ей обо мне, скажи, что не призрак я, не дух, а раб Божий живой и во плоти. Тогда-то я и покажусь пред ней.

Юноша был с эти категорически не согласен, аргументируя это тем, что по цеху бегает вооруженный преступник и в целях безопасности лучше не разделяться и держаться вместе, а кроме того Лева ни шиша не умел оказывать первую медицинскую помощь и если придется это делать Кротовой, то он растеряется и как всегда накосячит. А сегодня его косяки слишком дорого обходятся. Сегодня, вообще не его день. Авдотьев-же проявил неожиданную смекалку и предположил, что если уж вооруженный преступник увидит их вместе вдвоем, то он двоих и кончит. В итоге старичок уговорил молодого и порешили сделать так: Нилепин окажет Кротовой посильную помощь, заключающуюся хотя бы в приведении

ее в сознание и морально подготовит ее к Николаю Авдотьеву, вкратце объяснив ей суть вещей. Потом они, образовав триаду, идут помогать лежащей в стекольном участке Зинаиде Сфериной (если она еще жива), потом идут в раздевалку, где теоретически планируют встретить вылезшего из-под рухнувшего стеллажа Юрку Пятипальцева.

Сутулясь и держать за живот, Нилепин оставил старика в стороне за углом перегородки и пошел к своей мастерице. Путь пролегал точно через свалившейся стеллаж с разброшанными в разные стороны бобины пленки и перешагивая через железные конструкции, Лева лишний раз убедился, что от Пятипальцева остались только кровавые следы. Где он сам Нилепин не знал, но надеялся, что обошлось без серьезных травм и его бородатый друг зализывает раны в раздевалке, дезинфицируя слюну вишневым виски. Если это так, то Лева на радостях подарит ему всю бутылку, пусть пьет хоть до дна, лишь бы жил.

Печалила его история с Зинаидой Сфериной, тот тип с усиками неплохо приложил ее рукояткой пистолета по затылку. Хоть женщина и отличалась крепким телосложением и толстой костью, но тем не менее удар мог бы стать критичным. Впрочем, все могло обойтись тоже потерей сознания или сотрясением мозга. Сейчас Лева проклинал себя за проявленную трусость когда прятался за своим станком ЧПУ. По всему цеху полно людей, которым нужна срочная помощь, а он как кролик в норке прятался от охотника.

Слово «охотник» заставило Леву похолодеть и невольно сжаться еще сильнее. Вооруженный бандит где-то в цеху и его выстрел может прозвучать из любой точки. Не стоит об этом забывать.

Лева преодолел упавший стеллаж, перешагнул через несколько искореженных и погнутых конструкций и вышел к тому месту, где по словам Авдотьева стоял автопогрузчик и лежала Кротова. Не было ни того ни другой. Небольшая лужица вытекшего масла свидетельствовала о том, что погрузчик действительно стоял здесь не так давно, но теперь его не было. Нилепин на всякий случай повертелся вокруг, заглянул в разные места, осмотрелся и удовлетворившись тем, что никому помогать не придется и что Люба Кротова пришла в себя без постороннего вмешательства, решил дойти до тела умершего Константина Олеговича. Авдотьев сказал, что тот умер и Нилепин хотел засвидетельствовать это своими глазами. Пройдя несколько метров вдоль помещений – токарки, компрессорной, бытовки и подходя к слесарке, Лева не увидел никакого трупа. Только пятно вонючей кашки, зловонье от которой он заметил еще на подходе к поваленному стеллажу.

«Замечательно! Ни одного тела! Значит все встали и ушли! Ну, Коля, ну сказочник! – подумал Нилепин и облегченно выдохнул. – Было бы неплохо, если бы они втроем собрались-бы, пришли сюда и помогли мне. А то мне чего-то совсем худо. Однако осталась Зина, надо идти к ней». Он

заглянул в слесарку, где разлетевшимися бобинами пленки были выбиты стеклянные окна и, убедившись, что и в ней никого нет, повернул свои стопы обратно к оставленному в отдалении Коле Авдотьеву. Только кое-что увиденное заставило его скрыться за колонну.

Там, где он оставил старичка дожидаться своего триумфального выхода перед очи мастерицы Любови Романовны стоял само его высокопревосходительство начальник производства Константин Олегович Соломонов. И он был живее всех живых, всем своим крепким видом опровергая авдотьевские рассказы о том, что он лежал на полу насмерть захлебнувшийся рвотными массами. Ничего подобного! Соломонов крепко подпирал стопами длинный прямых ног плоскость бетонного пола, дышал ровно, спину держал прямо и умирать в ближайшее время не собирался. А Авдотьев сидел перед ним на коленях, обнимал его ноги, прижимался к ним небритыми щеками и слезно причитал:

– Свят! Свят! Свят! Ожил! Ожил благодетель наш! Вернулся! Чудо расчудесное! Бога благодарить не устану! Свят! Свят! Воскрес праведный! Воистину воскрес!!! Константин Олегович, отец родной, ожил ты! Радость-то какая!

– Встань, – произнес Соломонов, но пресмыкающийся Авдотьев еще сильнее распластался перед своим воскресшим начальником. Он обнимал его ноги и отказывался подниматься. Нилепин обратил внимание какая между этими двумя людьми существовала физическая разница – один как

кучерявый атлант, второй – вонючий обезьяноподобный полуинвалид в потрепанных шоболах. – Да встань же, твою мать! Не умер я, не дождешься!

Соломонов буквально поднял Авдотьева как ребенка, поставил его на ноги, но все равно оставался почти вдвое выше и крепче в плечах. Смотря как старик слезливо ласкается к начальнику производства Лева Нилепин догадался, что Константин Олегович прекрасно знал о том, что в его цехе постоянно прячется приживальщик. Знал, был в курсе и разрешал. Соломонов позволил старичку жить в цеху и за это Коля Авдотьев теперь будет век ему благодарен, поэтому-то он так радуется видеть своего благодетеля живым и здоровым.

– Коля, – говорил Соломонов, обращаясь к заплаканному старику, – Ты где был утром?

– Я-то? Я-то на складе был, подметал... Там пыльно, Константин Олегович, кладовщики совсем не смотрят.

– Значит в цеху тебя не было?

– Не было, Константин Олегович.

– А видел ли ты Оксану Альбер? – продолжал допрос начальник производства.

– Не видел, Константин Олегович. Врать не стану – не видел. Я и вас-то увидел, когда вы вон там лежали... А когда вы сюда пришли, я тоже не видел.

– Допустим, – как-то задумчиво согласился Соломонов, – А вот скажи-ка, кого ты видел сегодня?

– Кого я видел? – замялся Авдотьев.

– Да, перечисли всех. И не утаивай ни одного. Прежде всего меня интересует личность в синем полукombineзоне с логотипом фирмы по ремонту и установке вентиляционных систем. Видел такого?

– Дайте вспомнить... Нет не упомяну такого.

– Ты что, мать твою, перечислял в памяти всех кого ты сегодня видел?

– Так точно, Константин Олегович.

– То-есть ты многих видел? Говори – кого! Кто, мать их, сейчас в цеху!

Авдотьев вытер нос и зашамкал беззубым ртом. Нилепин знал, что Авдотьев не станет скрывать перед своим богоравным шефом ничего из того, что произошло с ним в цеху и, естественно, будет прав. Почему он должен скрывать что-то, тем более, что фабрику захлестнула волна насилия и второй человек после генерального обязан знать все? И конечно Николай Ильич расскажет о Леве Нилепине, у него просто не было ни одной причины держать рот на замке. Соломонов нахмутив брови, прислушался к причитаниям Авдотьева, а Нилепин продолжал прятаться за колонной.

Только Коля приступил к перечислению, начав с кочегара Аркадьича и охранника Пети Эорнидяна, как у Константина Олеговича заиграл мобильный телефон. Прервав монолог, мужчина приложил трубку к уху:

– Алло, Люба? – спросил он, имея в виду мастерицу, с чьего номера раздался звонок. – Что? Да. А ты кто? А! Те-

бя-то я и ищу! Деньги у тебя? Чего? Ты думаешь они у меня? Вот как... Давай, где? Да... Договорились, жди, я прямо сейчас приду и выпущу тебе мозги, сученьш, мать твою!

Соломонов убрал телефон и взглянул на старика Авдотьева другими глазами. Он услышал по телефону какую-то информацию, после которой потерял к старичку интерес и теперь смотрел на него как на ненужный предмет. Нилепин не торопился высовываться из-за укрытия и наблюдал как его высокий босс извлек из внутреннего кармана зимнего плаща что-то небольшое, открыл это и взяв по шепотке того, что там было насыпано, поочередно вдохнул обоими ноздрями. Потом Константин Олегович надолго обездвижено застыл, вперив взгляд в точку в пространстве. Почти присевший на корячки у его ног Коля Авдотьев преданно смотрел на своего хозяина и не мешал, ни чего не говорил. Но вот Соломонов очнулся, мотнул головой и достал из-за ремня огнестрельное оружие.

Проверив магазин и щелкнув затвором, Константин Олегович быстро пошел прочь, держа пистолет дулом вверх. Авдотьев поплелся за ним как собачка. Нилепин тоже. На него подействовало упоминание Соломоновом каких-то денег. Через чур много событий вертятся вокруг этого бабла.

13:02 – 13:09

Эти штуки, изобретенные и производимые не иначе как с вмешательством самого рогатого Сатаны приносят одни

несчастья. Люди называют их то-ли мобильными телефонами, то-ли смартфонами, то-ли айфонами, я не слежу за современными новинками и не разбираюсь в данном вопросе. Но одно могу сказать уверенно – лично я проклинаю ту минуту когда Бог свел меня с одним человеком, искусившим меня Золотым Тельцом и научил пользоваться этими плохими изобретениями. В них есть фотокамера! Проклятая фотокамера, позволяющая мгновенно отослать фотографическую картинку на противоположную сторону планеты и размножить ее на бесконечное число копий. Вот что конкретно не нравится мне в современных телефонах. Своего телефона у меня больше нет и никогда не будет, я презираю их с тех пор как устарел мой домашний стационарный дисковый телефон. С ним было все понятно – суешь палец в диск, прокручиваешь и ждешь ответа. Все! Ничего лишнего – просто средство связи. Мой Бог запретил мне прикасаться к современным телефонам наравне с любым видом оружия и я строго придерживаюсь этого правила.

Но как бы отрицательно я не относился к этим сатанинским игрушкам, но время от времени и они могут сыграть свою положительную роль. Вот как сейчас. Если бы у воскресшего из мертвых во имя прославления господнего Константина Олеговича не заиграл его гаджет и он не принял звонок от какого-то, видимо посланного не иначе как чудесным велением господним, незнакомца, то мне пришлось бы изречь многое из того, что я бы предпочел оставить при се-

бе, хоть это и противоречит моим взглядам на отношение ко лжи. Соломонов хитер как лис, он сразу сообразил, что мне кое-что известно о состоянии дел в цеху и, конечно же, не мог не использовать такого ценного осведомителя как я и не вытянуть из меня ту информацию, обладателем которой я против своей воли стал. На его месте я бы сделал то же самое, поэтому ни хочу осквернять его ни одним негативным словом. По-своему он совершенно прав. Он ищет. Бог ему судья. Только всевидящий Боженька.

Воскресший из мертвых во имя прославления господнего Константин Олегович задал мне конкретный вопрос и мой язык, пусть и против воли разума, но готовился выложить мою тайну. Я дал обет воздержания ото лжи и никогда не нарушал его, тем более по отношению к всемилостивившему Константину Олеговичу, давшему мне кров и уберегшему от рук покусителя. Я бесконечно виноват перед Константином Олеговичем, мой грех останется со мной до конца моей никчемной жизни, сам Константин Олегович не знает о нем, я пока еще не решаюсь рассказать. Я слаб духом. Я грешен. Константин Олегович проявил ко мне милосердие и я поклялся более никогда не лгать ему. И сейчас я едва не проболтался. Еще бы минута! Телефонный звонок спас ситуацию. Константин Олегович отвлекся и должно быть услышал в пластиковой трубке то, что хотел услышать от меня. Что-ж... Да благословит всевышний Господь изобретателя сотовой связи!

Соломонов отвернулся от меня и позволил мне незаметно вытереть испарину на лбу и прошептать благословение Господу за отвод беды. Украдкой я поискал взглядом скрывшегося в стороне упавшего стеллажа Леву, но заметил его в другом месте прячущимся за колонной и бессловесно умоляющего меня не выдавать его. Примерно там, где Господь Бог прибегнул к моим жалким ручонкам и воскресил Константина Олеговича, не дав ему преждевременно переселиться в другое тело. Значит так угодно высшим силам, я могу только преклониться перед ними и принять это как данность. Для пущей убедительности Левушка приложил палец к губам, но как бы мой Бог не хотел ему помочь, но все же я не смог кивнуть ему в ответ. Конечно я буду молчать как рыба, но ежели Соломонов опять задаст мне определенные вопросы, предполагающие конкретные ответы, я буду вынужден проболтаться, ибо обет воздежания ото лжи, данный мною перед Господом Богом превышает личностных отношений. Прости меня, Левушка! Заранее прости! Но ежели Господу угодно будет – все мы спасемся и все будет хорошо!

Мгновение поколебавшись, я поспешил вслед за Константином Олеговичем, предоставив молодому Левушке свободу действий.

А Соломонов свирепо огрызаясь и бормоча что-то себе под нос, широко шагал по цеху. В руке его откуда-то оказалось огнестрельное оружие и увидев его я опешил и слезно заголосил, что бы во имя Господа Константин Олегович

убрал оружие и не брал на душу страшного греха!

– Не отмолитесь, Константин Олегович, родненький! Прислушайтесь к вашему Боженьке, в душе жувающему! Не простит он вам этого! Ни простит ни в этой ни в следующей жизни! Побойтесь, Константин Олегович! Наказания Божьего убоитесь! – умолял я его и бросался под ноги, но все было тщетно. Он не слушал. Он не хотел слушать!

– Убирайся, старик! – рычал он в ответ. – Уйди, исчезни! Не влезай в чужие дела, мать твою.

– Константин Олегович! Умоляю! Не поддавайтесь Сатане проклятому...

– Я сказал – исчезни! – рявкнул Соломонов.

– Послушайте! – почти плакал я. – Послушайте, что я вам скажу! Вы у меня спросили о том, что я видел. Так я видел. Я кое-что узнал и хочу рассказать вам! Вы меня слышите, Константин Олегович? Во имя Господа Бога нашего – вседержителя! Уберите оружие и я вам расскажу кое-что...

– Да что ты, мать твою, мне можешь рассказать? – отмахнулся от меня Соломонов как от назойливой мухи. Он просто двинул рукой в сторону и я кубарем покатился по полу, а он даже не заметил этого. – Убирайся от сюда! Спрячься и не вылезай.

– Вы ведь ищите деньги? – выкрикнул я ему в спину, но он не услышал. Только рукой махнул. Я для него букашка, пылинка, жалкий старикашка без определенного места жительства.

Признавая за Константином Олеговичем бесспорное лидерство я, тем не менее, не решился выполнять его приказ и, влекомый тревогой за причинение кому-то ранений или даже смерти, утерев сопли, поспешил за его прямой и сильной спиной. Я заткнулся, теперь я помалкивал. Я едва поспевал за Соломоновым, стараясь оставаться на несколько шагов позади. Он шагал быстро и твердо, я же с трудом справлялся с дыханием, с болью от раны от гвоздя, со своим неуклюжими ногами, напоминающие ножки ройяля. Константин Олегович часто и громко повторял: «Мать его! Мать его!» и каждый раз перед моим мысленным взором вставала икона Казанской Божьей матери – грустная и унылая. Сам я иконы отвергал напрочь! А эту особенно, но почему-то мне все равно было стыдно перед Господом Богом за грубый язык своего директора.

И вот мы с воскресшим из мертвых Константином Олеговичем вышли на участок сборки дверных полотен из деталей. Здесь было одно из немногих мест, где ничто ничего не загоразивало и не перекрывало. Тут из отдельных деталей собирали сборные дверные полотна – так называемую «двухсотую серию». Модельный ряд, фигурирующий в документации под номерными знаками, начинающимися с двойки – «201», «202», «205», «215», «216», «221» и так далее до «258». Всего 38 моделей, известной покупателям под модельным рядом «Пьяцелли». А по разные стороны от поддонов с деталями и собранными дверными полотнами рас-

полагались небольшие станочки, составляющую некую производственную композицию, которую с удовольствием бы использовал фотограф для составления странички «Внутреннее убранство» в рекламном буклете ОАО «Двери Люксэлит». Два рапида, три сборочных стола, три дверных вакуумных тисков, сжимающих и намертво склеивающих детали в строго заданные формы, три ремонтных стола еще пара полуавтоматических станочков – все это стояло в ровных рядах, не загромождало друг друга и давало достаточный обзор вокруг. Тут было определенное пустое пространство, некая площадка, образованная пересечением нескольких направлений производственного движения рабочих.

Здесь собирались не только дверные полотна, но и человеческие собрания пролетария на которых Константин Олегович подолгу объяснял работникам их права и обязанности, преимущественно упирая на штрафные санкции и избегая вопросов премирования. Вчера было одно из таких собраний и именно на этом месте. Я сам не присутствовал, я был спрятан взаперти в компрессорной и читал русскоязычную брошюру канадской общины духоборцев по вопросу таинства брака. Мне потом Степушка Коломенский в двух словах пересказал, о чем вещал Соломонов и доложил, что из-за ремонта вентиляционной системы, завтрашний (то-есть теперь уже сегодняшний) день объявляется неоплачиваемым выходным.

А теперь вот ведь как все сложилось.

На этой импровизированной площадке в окружении различного рода станков и сборочных столов нас с Константином Олеговичем, как оказалось, поджидали. Батюшки! Да ведь это Любушка Кротова! Ее я увидел первым делом, она, бедненькая, лежала связанная на полу. Ее запястья и стопы были перетянуты скотчем. Рядом в точно таком же состоянии лежал еще кто-то в зимней куртке с оттороченным искусственным мехом капюшоне. А третий прочно стоял на своих ногах и встретил нас с воскресшим из мертвых во имя прославления Господня Константином Олеговичем вскинутым вперед оружием. Угрожающий нам мужчина, чей возраст мог бы колебаться от тридцати до сорока, довольно симпатичный для противоположного пола, с тонкими усиками и подбритыми висками по старой военной моде угрожающей позой подтверждал, что на данный момент он как никогда далек от шутовства. И оружие в его крепкой ладони было самое настоящее, как раз такое какое я проклинаю и проклинать буду всю свою жизнь до гробовой доски. На незакомце была уже знакомая мне синяя форма (полукомбинезон и курточка) с логотипом фирмы по ремонту и обслуживанию систем вентиляции. Я знал эту компанию, ее специалисты действительно время от времени приглашались на нашу фабрику.

Я присел от страха, и чтобы не вскричать, закрыл свой беззубый рот трехпалой ладонью, а усатенький только бросил на меня молниеносный взгляд, подный призрения, как

если бы он заметил под ногами мышь. Я мысленно проглотил этот взгляд, я давно уже не переживая по такому поводу. Что поделаешь, великий Господь Бог наказал меня за мои пригрешения в прошлой жизни и реинкарнировал душу мою вот в такое жалкое искалеченное тельце, рядом с которым обычный человек кажется представителем высшей расы. Я много раз задумывался над тем, чем бы я мог настолько прогневать Бога в прошлой своей жизни, чтобы он наделил меня самой тщедушной физической оболочкой, какая только могла появиться на свет в момент моего рождения. Я не знаю кем я был, и, откровенно говоря, уже давно не забиваю этим себе мозги. Какая теперь разница? Что это изменит? Что-ж, я не ропщу, мне остается только смиренно нести эту ношу всю свою жизнь и стараться прощать обидные слова и презрительные взгляды, в которых жалость перемежается с отвращением.

Но мой благословенный воскрешением из мертвых шеф, как мне показалось, не испытал ту широкую гамму страхов, что я. Он вообще бровью не повел. Я давно заметил, что отношение Константина Олеговича ко всякого рода страхам несколько отличались от общепризнанных. Проще говоря – шеф не поддавался ему ни при каких обстоятельствах. Он вообще довольно смутно понимал, что такое страхи и что конкретно может их вызывать. Вот и сейчас, приближаясь к трем встречающим нас людям, Константин Олегович уже целился в усатенького красавчика.

Они оба целились друг в друга.

13:09 – 13:18

Оторопь сковала его туловище и он только стоял на двух ногах как на двух столбцах и ошалело смотрел на целящихся друг в друга людей. В любое мгновение один из них может нажать на спусковой крючок и выпустить противнику мозги. Промаяхнуться в их случае было невозможно, их разделяло не более двух метров и оба держали оружие более чем твердо. А Никите Вайнштейну оставалось только окаменело наблюдать за дуэлянтами. Рядом стояла маленькая женщина, спасшая ему жизнь и представившаяся Любой, она тоже была ни жива не мертва.

– Ну что? – первым произнес появившись из глубины цеха начальник производства Константин Олегович Соломонов и презрительно сморщил носогубный треугольник, цепким взглядом изучая своего усатенького соперника со сломанной челюстью. Вайнштейн знал Соломонова, он видел того по фотографиям, но, естественно, избегал личных встреч. Ему объясняли, что это за человек и на что он может быть способен и сейчас Никите меньше всего хотелось быть рассекреченным. Иначе начальник производства пристрелит его, как крысу и даже не станет терзаться угрызениями совести. Во всяком случае Вайнштейн думал именно так и испугался Соломонова, пожалуй, больше всех, кого сегодня встречал. Хуже мог быть разве что сам Шепетельников, который пред-

ставлял угрозу для Вайнштейна даже за фабричной проходной.

– Деньги у тебя, да? – проскрипел тот, что носил на лбу предметик, напоминающий автомобильный видеорегистратор, которым этой предметик, видимо, и являлся. – Доштавай их!

– Любопытно... – произнес Соломонов, рассматривая круглолицего и особенно приглядываясь к его сломанной челюсти и некоторым ранениям.

– Не прикидывайся дурочкой, – рявкнул наш захватчик Соломонову. Красавчик уже приспособился разговаривать с искалеченной челюстью почти не коверкая буквы. – Гони бабки или я тебе башку проштрелю!

– Ты получал свидетельство о рождении? – спросил Соломонов у бандита и тот нахмурил брови, прикидывая к чему мог бы относиться этот неожиданный вопрос. – А паспорт в четырнадцать лет получал? Ну чего, мать твою, молчишь? Отвечай, не раздумывая – да? Нет? Ну?

– И что?

– Потом менял в двадцать один год?

– Допустим...

– Что «допустим»? Тебе этот вопрос кажется настолько интимным, что ты боишься на него ответить конкретно? Спрашиваю прямо – у тебя есть паспорт? – на это наш сломанночелюстной захватчик осторожно кивнул. Два пистолета продолжали смотреть друг на друга. – А СНИЛС есть?

Вспомни – такая заламинированная картонка за обложкой паспорта. Есть?

– У меня и водительские права ешть! – чуть ли не с вызовом ответил преступник. – И что?

– Отлично! – обрадовался Соломонов. – Вспомни, что там написано в разделе: ИМЯ? Вспомнил?

– К чему это ты клонишь? – прищурился усатенький.

– К тому что бы ты назвался, осел! Назовись! Кто ты, мать твою, за фраер! – неожиданно закричал Константин Олегович. – Как к тебе обращаться? Кто ты? Кто, мать твою, ты такой?

– Жови меня Женей, – ответил круглолицый и свободной рукой поправил видеокамеру на лбу. – Мое имя Евгений Быю... Бый... Быю..., – он несколько раз повторил свою фамилию, изводя язык в потугал выговорить букву «р» и ему это в конце-концов удалось-таки. – Брюквин! И я пришел на эту фабрику, чтобы легко и непринужденно вжять некую шумму денег из фабричной кашшсы!

– Постой-ка – постой-ка, – перебил его Соломонов. – Мне это померещилось, или ты сейчас сыграл на публику? К чему этот официоз? Ты патологический актер или ты снимаешь все на камеру, что у тебя на лбу? Ну точно, мать твою! У тебя на лбу ведь ни лазерный прицел? Это видеорегистратор, да?

– Как бы то ни было, но я жнаю, что именно за этим же шамым пришел и ты! Ты ведь управляющий? Ты Шоломонов?

– Управляющий? Женя Брюквин, мы не в гостинице! – усмехнулся Константин Олегович. – Моя должность – заведующий производством! А насчет денег... Видишь-ли, мать твою, какая странная ситуация произошла... Ты сейчас прикинулся дурачком и требуешь с меня деньги, при том что именно я намереваюсь эти деньги отобрать у тебя!

– У меня?

– Мне почудилось что ты удивился.

– Если бы у меня были деньги, какого хера я бы звонил тебе и жвал тебя щуда? – выпалил Брюквин.

– Хм... Согласен... Нелогично... Но, мать твою, и я бы не стал с тобой встречаться, если бы держал бабло при себе!

Оба замолчали, размышляя над сложившимся клинчем, а Вайнштейн переглянулся с девушкой Любой и увидел, как она, объятая ужасом, пялится в одну точку, совершенно не замечая происходившей на ее глазах абсурдной сценки из «Летающего цирка Монти Пайтона». Никита и сам был просто объят страхом за свою жизнь, но его опасения вытикали от вида оружия в руках мужчин и от происходящей в цеху чертовщины, а страх Любы основополагался на чем-то еще, во всяком случае она увидела где-то за спиной у Соломонова нечто такое, что затмило собой даже ту смертельную опасность, что представляли собой двое целующихся друг в друга людей. Господи, что может быть смертоноснее оружия? Вайнштейн хотел посмотреть в ту сторону, куда расширенными от ужаса глазами смотрела Люба, но для этого

ему нужно было повернуть весь свой корпус, а Никита очень боялся даже пошевелиться.

– Так... – тем временем произнес завпроизводством Соломонов, обращаясь к стоящему напротив пижону. – Если бабла у тебя нет, то ты считаешь, что оно у меня. Значит, мать твою, ты не грохнешь меня. Ибо, грохнув меня, ты навсегда заткнешь мне глотку и никогда не узнаешь где деньги.

– И ты не выштрелишь в меня по той же причине, – ответил наш захватчик.

Они поймали взгляд друг друга и словно по команде перевели оба своих пистолета примерно на сорок пять градусов вниз. Теперь пистолет Брюквина был нацелен Соломонову точно в член, а его собственный половой орган оказался под прицелом начальника производства. В мгновение ситуация в корне изменилась.

– Я отштрелю тебе яйца, мудака! – прорычал Брюквин.

– Рискни, мать твою!

– Отштрелю! Лучше скажи, где шпрятал бабло!

– Признайся, что боишься выстрелить, потому что мой палец дернется и механически выстрелит в ответ!

– Не боюсь! – заявил Брюквин и сплюнул кровь. – Я ничего не боюсь!

– Так стреляй же тогда, черт тебя побери, твою мать! – почти крикнул Соломоново и зверски улыбнулся, ощетинив все свои прекрасные белые зубы. – Ссышь!

– А ты шам не штреляешь! Чего ты ждешь?

Вайнштейн с трудом сглотнул застрявший в горле ком. Сколько может продолжаться эта странная дуэль? Они оба реально готовы выстрелить, он видел это по их решительным взглядам и давно бы саданули, если бы не опасались ответного выстрела в собственные яйца.

– Гони бабло! – рычал один.

– Ты гони! – не сдавался другой.

А девушка Люба, преисполненная решительности в моменты моего спасения, совсем выпустила дух. Она таранилась на что-то за спиной у Соломонова и шепотом повторяла одни и те же слова: «Посланец из мира мертвых!», «Призрак!», «Что я наделала?», «Анюшечка, Анюша, убереги меня от него!», «Призрак вернулся!». Воспользовавшись моментом, когда круглолицый захватчик вел словесную перепалку с Соломоновым Вайнштейн тихонечко перевернулся на другой бок и всмотрелся туда, куда пялилась Люба. И увиденное им, окунуло его в новый ледяной омут практически смертельного страха. Слово «призрак», употребляемое девушкой Любой подошло к увиденному лучше всего и у Никиты непроизвольно отвисла челюсть. Со стороны он выглядел как полный придурок, но сейчас ему до этого не было никакого дела. Вайнштейн вздрогнул и непроизвольно прижался к маленькой девушке. Они оба смотрели на воскресшего из мертвых человека – на Николая Авдотьева.

Около полутора лет назад Никита Вайнштейн лично потратил немало нервов и времени, чтобы обучить кривору-

кого Авдотьева обращаться с подаренным ему айфоном. В его задачи входило научить человека, до того времени никогда не державшего в руках даже обычного кнопочного телефона делать фотографии и отсылать их на определенный электронный адрес, который Никита завел исключительно для принятия этих снимков. Ох, скольких усилий это стоило Вайнштейну! Сейчас ему даже вспоминать не хотелось, это был каторжный труд – всеми правдами и неправдами заставить Авдотьева работать разведчиком на родном предприятии. И трудность состояла ни сколько в полном отсутствии способностей к обучению даже примитивным навыкам фотографирования на айфон, сколько в неожиданном для Вайнштейна авдотьевском вероисповедании, которое, как оказалось, было не подвластно ни каким мерам воздействия извне. На этого старичка не действовали ни уговоры, ни материальные блага, к которым он был столь же равнодушен, сколь был упертым руководитель отдела развития ООО «Орфей», и по совместительству шеф Никиты – Владимир Нильсен, утверждающий, что только Авдотьев не вызовет в цеху «Дверей Люксэлита» ни малейших подозрений. Потому что все знали, что старик ни использует ничего более навороченного кроме сварочного аппарата, он криворук, дурен и сильно ограничен в развитии в области современных технологий. И вообще – тих и убог.

Когда же всеми правдами и неправдами Вайнштейну удалось-таки подкупить старичка, Никита совершенно справ-

деливо потребовал у Нильсена премию и получил ее. Сам Нильсен признался, что его подчиненный совершил невозможное и его авторитет в глазах Владимира Андреевича очень сильно поднялся. Фотографии из цеха полились нескончаемым потоком, «орфеевский» новоявленный шпион добросовестно делал свою работу и получал от Никиты обещанные деньги. Вайнштейн догадывался, что старику было очень стыдно перед своей совестью и своим Боженькой, он неоднократно повторял это открытым текстом, но Никита старался не терзать свою совесть сомнениями. Однако случилось непредвиденное обстоятельство – этой осенью кто-то подсунул Авдотьеву полный алкоголь и бедняга вроде как помер. Старика вычеркнули из списков сотрудников ОАО «Двери Люксэлит» и у Вайнштейна больше не было разведчика. Собственно, поэтому Никита вызвался сам посетить фабрику.

Официально старик Авдотьев считался пропавшим без вести (неофициально – умершим и запорошенным в снегу до весенней оттепели), и Вайнштейн и Нильсен, и другие члены совета директоров «Орфея» приняли это как печальную данность. При этом сам гражданин Авдотьев стоял за спиной Константина Соломонова живой, хоть и выглядевший так, будто все эти четыре месяца подвергся физическим пыткам и лишениям.

– Твою мать! – кричал, тем временем Соломонов, целясь сопернику в пах. – Гони баблосы! Ты, сраный кусок дерьма!

Я сейчас выстрелю, сука!

– Не бери меня на понт, урод! – отвечал Брюквин, совершенно справившись с непослушной челюстью и научившись заново произносить все звуки, зоть это и доставляло ему плохо скрываемую боль. – Я уже видел таких фраеров могу поспорить, что у тебя кишка тонка!

– У меня? – возмутился высокий начальник. – Ты меня плохо знаешь, дурак!

– Я прямо сейчас отстрелю тебе яйца! – угрожал Брюквин, попадая кровавой слюной Соломонову на одежду. Это злило заведующего производством ещё больше. – Прямо сейчас, козёл!

– Попробуй! Лучше сам попрощался со своими, мать твою!

– Последний раз повторяю – где спрятал бабло?

– Бабло у тебя, – настаивал Соломонов, – и если ты сейчас-же не скажешь, где оно, я, клянусь, выстрелю!

– Так стреляй!

– Готов?

– Ну!

И тем не менее никто не решался нажимать на спусковой крючок, при том, что оба мужика просто-таки исторгали решимость как электрощитовая гудение. Вайнштейн, будучи невольным свидетелем этой застопорившейся дуэли, где два стоящих в трёх метрах мужика целились друг другу в мошонки, отдал должное их выдержки. Ему бы хоть толика того

самообладания, что было в избытке у обоих мужчин. «Хоть бы они оба грохнули друг друга!» – пожелал он им.

– Ну все, сука, – шипел тот, что был Брюквиним, – считаю до трёх! Если не признаешься – стреляю!

– Да я, мать твою, и считать не буду!

– Раз!

13:18 – 13:26

«Я не должен облажаться! После всего этого я просто обязан получить эти деньги, иначе мне не останется ничего иного как пустить себе пулю в лоб! – повторял и повторял себе Женя Брюквин, скрежеща ломаными зубами и сдерживая слёзы боли. – Я должен быть лучшим! Я лучший и я должен показать это миру! Я всего лишь должен отыскать фабричную кассу и унести её с собой. Ведь в этом нет ничего сверхъестественного, это мне вполне под силу, надо только нажать на курок и отстрелить яйца этому кудрявому засранцу. И тогда он вмиг все расскажет, а я сниму на камеру его сопли, слезы и мольбы о милосердии и буду хохотать в голос каждый раз при пересмотре. Надо нажать на курок, без этого, боюсь, сраный управляющий так и будет продолжать играть в нападающего».

Брюквин не терял надежду на победу в этой битве нервов, но и Соломонов не сдавался, стальной статуей продолжая крепко стоять перед Женей и целиться в него из оружия. У Жени уже затекла ладонь, но он не терял лицо, не хвата-

ло ещё чтобы в кадре его рука предательски дернулась или задержала. Ни у одного суперзлодея в боевиках не дрожат руки, и у него не должны. Он не должен допустить ни малейшей критики со стороны интернет-пользователей, он будет отличным преступником, его будут ставить в пример, на этом ограблении будут учиться молодежь, он наберет миллионы просмотров! Только прежде чем выкладывать запись и сеть, придётся как следует поработать над её монтажом, очень много вырезать. Пусть останется мало, зато не будет ничего лишнего.

– Постройка... – вдруг произнёс Брюквин совсем другим голосом – не громким и вопрошающим, – а что это за пушка у тебя?

– Тебе не все равно? – вякнул Соломоновых, у которого желание заполучить бабло было прямо пропорционально желанию не выглядеть жертвой в глазах будущих зрителей. У него тоже, знаете ли, было чувство гордости. – Поменяться, мать твою, решил?

– Это, случайно, не «Десерт Игл»?

– И что? Ты ведь не будешь возражать, если твои яйца разлетятся от выстрела из пули именно этой модели?

– Ну да, это «Десерт Игл», – Женя широко улыбнулся осколками передних зубов. Хорошо, что его налобная видеокамера не смотрит на него самого и не фиксирует его разбитые десны. – Не сочти за дерзость, но не мог бы ты ответить, как к тебе попал этот ствол?

– А у тебя, мать твою, есть прокурорская «корочка», чтобы задавать такой вопрос? Если есть, то показывай, не стеснялся, я все равно не поверю в её подлинность. А если нет «корочки», то катись со своим любопытством ко всем чертям!

– Грубо! – улыбался Женя. Угрозы целостности его писюна, а тем более жизни он больше не видел, зато отчётливо представил себе как пустить отобранные у Соломонова денюшки на воплощение одной из своих юношеских мечт. Он увидел себя в своей второй стеклодувной мастерской (не такой, какая у него была в пору его становления как личности, а как можно лучшей), выпускающей эксклюзивные новогодние шары, известные по всей стране и даже уходящие на экспорт и оседающие в самых известных коллекциях, выставляемых в знаменитых галереях. Или он будет скупать как можно больше самых прекрасных и дорогих деревьев бонсай (выращивать самому у него при всем желании не будет времени) и выставлять их фотографии в интернете с обязательной подписью, что эти экземпляры находятся в частной коллекции самого Евгения Брюквина. Пусть все японцы увидят и обзавидуются! – Если ты, сраный управляющий, заткнешь своё хлебало и послушаешь, что тебе скажет сам Женя Брюквина, то услышишь кое-что любопытное. А именно то, что вон за теми станками...

– Это шлифовка, – подсказал Соломонова.

– Пусть будет шлифовка, – быстро согласился Брюквин, у

которого перед глазами уже шёл дождь из денежных купюр, которые он загребал голыми руками и передавал Мисс Мира из рук в руки, потом снимал их страстный с ней секс на видео и принимал восторженные комментарии завидующих неудачников. – Так вот за этой шлифовкой есть участок со стеклом, там валялся ящичек для инструментов, а в нем пистолет. Ведь это тот самый ствол? – ласково спросил Брюквин. – Сказать, откуда я про него знаю? Да потому что это мой ствол, я сам лично его купил у одного московского братка за семьдесят тысяч деревянных.

– Только не говори, что он не заряжен! – перебил его Соломонов. – Ты, мать твою, можешь рассказывать мне кучу сказок, но только не о том, что ствол не заряжен. Я проверил.

– Я и не говорю, что он не заряжен. Магазин полон. Это мой ствол, и прежде чем дать его в руки одному чуваку по прозвищу Точило, я сам своими собственными руками зарядил его. Зарядил его полностью, все семь патронов! Вставлял их один за одним, один за одним... Под мелодию из «Крестного Отца». Но, знаешь ли, дружище, я немного перестраховался и...

Женя Брюквин недоговорил.

Прозвучал оглушительный хлопок выстрела, отразившийся эхом от фабричных стен. Брюквин невольно дернулся, но усилием воли удержал равновесие. Дернулся и связанный чувак в куртке и очках, а мастерица Люба Кротова коротко взвизгнула.

Женя мгновение смотрел на дымящееся дуло все еще нацеленного на его пенис пистолета в крепко сжатой руке Константина Соломонова, потом поднял глаза на заведующего производством и увидел перекошенную ненавистью оскаленную рожу. Первым выстрелил Соломонов. Увидев результат выстрела, он нахмурился, перекосил лицо в злостной гримасе и выстрелил повторно. Затем, полсекунды спустя, еще раз! Потом приподнял руку и не меняя позы, сделал три выстрела в область жениной груди, а потом, изменив еще немного угол вытянутой руки, еще дважды нажал на курок, целясь Брюквину в переносицу.

И еще три нажатия на спусковой крючок, отозвавшиеся глухим стуком. Патроны кончились.

Соломонов глубоко дыша, воззрился на дело рук своих.

Женя Брюквин стоял перед ним живой и невидимый. И целился в дуэлянта из своего пистолета.

– Ты не дослушал, – произнес он в наступившей оглушающей тишине, когда у всех собравшихся от выстрелов звенело в ушах. – Неужели ты подумал, что я доверюсь такому козлу как Точило? Впрочем, ты даже не знаешь о ком я говорю...

Соломонов еще трижды нажал на спусковой крючок, но патронов не осталось.

– Я прекрасно знал, что задумал Точило и не мог позволить ему иметь боевые патроны, иначе бы сам же и словил их своим лицом. Понимаешь, о чем я?

– Холостые! – выговорил Соломонов. – Холостые!

– Поэтому я бросил его там в ящичке! На нем были отпечатки Точилы, а теперь твои, братан!

– Ах ты, мать твою...

Женя считал себя абсолютным победителем. Мало того, что он прямо сейчас кончит Соломонова, потому что уже сообразил, что денег у него нет и в помине, так у него остается двое... нет, даже трое заложников, среди которых уж наверняка кто-то причастен к пропаже бабла. Например, очкарик. Кто он? Почему он молчит как рыба? Или та же самая Люба Кротова. Кто сказал, что она не в курсе? Или вон тот напоминающий Горлума мужичок, что трясется за спиной у Соломонова. Кто бы это ни был – Женя держал всех под своим контролем, теперь он владел ситуацией, а это значит, что рано или поздно бабло будет в его руках. Он не уйдет с фабрики без денег и если для этого придется прибегать к садизму и пыткам, то он будет даже рад снять это на свою камеру. Это будет бомба ютьюба!

А сейчас надо быстренько избавиться от Соломонова, потому что этот кучерявый гад представляет реальную угрозу даже с бесполезным пистолетом. Женя широко улыбнулся и прицелился в лоб своему опешившему сопернику.

Все замерли и затаили дыхание, но вдруг откуда-то слева Женя услышал легкий стук и шорох одежды. Думая, что освободился кто-то из тех двух кого он сковал скотчем Женя чуть-чуть скосил взгляд и успел заметить молодого человека, чем-то расмахнувшегося. Не успел Женя Брюквин

как-то среагировать, как в поле его зрения возникло размазанное скоростью красное пятно, в одно мгновение увеличенное, заслонив видимость снизу. «Огнетушитель!» – узнал Женя красное пятно и тут же почувствовал невероятной силы удар в челюсть, отозвавшийся взрывной болью, от которой он с нечеловеческим криком отлетел куда-то черт знает куда. Дальше он понимал очень плохо, заиклившись на непередаваемой боли во рту, которая сводила его с ума и напроць лишила здравомыслия. Все замелькало вокруг, но от боли Женя ничего не понимал. Крики, выстрелы, удары, грохот. Кто стрелял? Видимо он! Палец жал на курок автоматически, выбирая цель чисто по мелькавшим пятнам и теням. Не важно в кого, Женя убивал всех. Он стрелял и стрелял, пока в пистолете не кончились патроны. Тогда он махал кулаками. В кого? Не понимал и не видел, для него существовала только полыхающая боль во рту и неконтролируемое чувство уничтожения всего вокруг. Кто-то бил его, но он не чувствовал ударов, только боль во рту. Его пинали и он, наверное, падал. Кровь лилась в глотку, чтобы не захлебнуться, он пил ее, глотая большими порциями, кашляясь и стона от боли в челюстях.

Удары! Треск! Крики! Ругань!

Как наступило спасительное бесчувствие он не понял.

13:33 – 13:40

Пока старик Авдотьев и молодой Нилепин осматривали

упавшую и скорчившуюся в неудобной позе между сборочными столами Любу Кротову Константин Соломонов приблизился к распластавшемуся навзничь гаденышу, назвавшемуся Евгением Брюквиным. Упавший не подавал признаков жизни, да это и не мудрено, вся нижняя половина лица превратилась в сремительно синеющую полумаску, свернутую в сторону и пускающую тягучие кровавые ручьи. Лева нехило его удалал огнетушителем, просроченным, к слову, еще в позапрошлом году. Соломонов осторожно протянул руку и потрогал нижнюю челюсть своего врага – она двигалась не так как должна, она мялась под пальцами и похрустывала раздробленными костными осколками. Константина Олеговича передернуло, если Брюквин не подох от болевого шока, то навсегда останется инвалидом с искусственной челюстью из титана, потому что то, что стало с его лицом ниже верхней губы теперь годилось разве что на костную муку для комбикорма. Впрочем, у Константина Олеговича ни малейшего желания впасть в сентиментальность по отношению к тому, кому готов был отстрелить ему мошонку и который сам почти нажал на курок и почти не изувечил Соломонова. Начальник производства отбросил свой бесполезный пистолет и выдернул из безвольной руки Брюквина его теплую пушку, быстро ощупал все карманы неудачливого дуэлянта и обнаружил запасную обойму в заднем кармане его синего полукомбинезона. Сноровистым движением пальцев Константин Олегович отщелкнул опустевший мага-

зин и вставил полный.

– Лежи, не двигайся, мать твою! – огрызнулся он на безжизненное тело с закатынными под надбровные дуги глазами с полопающимися сосудами. – Ну что там? – спросил он через плечо у Авдотьева и Нилепина, прицеливаясь в голову Брюквину. Одним выстрелом Соломонов решил убить сразу двух зайцев – удостовериться в том, что на этот раз патроны боевые, и вместе с тем – кончить Брюквина, на которого было жалко даже смотреть. – Что с Любой, мать вашу? Я у кого спросил? У трех половозрелых мужчин с исправным речевым аппаратом или у жестяной банки консервированного, мать его, тунца? Че молчим? Она сильно ранена?

– Константин Олегович, – услышал он за своей спиной нерешительный голос своего юного подчиненного Левы Нилепина, – она... это...

– Поднимите-же ее! Что вы вертитесь вокруг, мать вашу, как рой мух над куском говна! Усадите ее хотя-бы.

– Не выйдет, Константин Олегович, – пробормотал Нилепин. – Она этого... того...

– Чего «того»? – обернулся Соломонов.

– Ну... Того... – повторил юноша, сам держась одной рукой за живот, как если бы его внезапно и очень сильно приспичило. – Посмотрите сами.

Соломонов был вынужден отказаться от мысли добить усатенького пижона. Оставив распростертое тело валяться на полу, Константин Олегович подошел к мастерице. Ее как

раз аккуратно переключали с пола на один из сборочных столов, на которых в рабочее время станочники-сборщики вставляли дверные стеклянные и филенчатые вставки. Зачем Авдотьев и Нилепин переносили Кротову Константин Олегович увидел, когда подошел ближе. Несчастная девушка была серьезно ранена в ключицу и истекала кровью. Одна из шальных пуль, выпущенных Брюквиним, нашла свою цель.

– Да развяжите же ей руки, мать вашу! – приказал Соломонов, всматриваясь в рану. Дело было скверно, пуля перешибла ключицу и застряла почти в шее, у девушки было еще меньше шансов чем у усатенького. Мужчина выругался, послав трехэтажные проклятья в адрес валяющегося за спиной гада с раздробленной челюстью. Кротова агонизировала, конвульсивно дергая пятками. Лева Нилепин принялся дергать стягивающий ее руки скотч, у него ничего не получалось, а ножика или другого режущего инструмента под рукой не было. У Соломонова возникла идея пережечь скотч зажигалкой, но тут же выяснилось, что среди собравшихся не было ни одного курящего. Тогда выручил старикан Авдотьев, он достал свои старые очки для чтения, раздавил их ногой и перерезал скотч осколком стекла. Как только ее руки освободились, Люба внезапно вцепилась в шуплого старичка той рукой, какой еще могла шевелить. Вздрогнувший дедушка невольно склонился над умирающей женщиной.

– Коля! Коленька! – лихорадочно зашептала Кротова, – Коля! Ты? Прости меня, Коленька! Прости, убить тебя хоте-

ла...

– Любушка, да нешто...

– Ведь ты же и так мертвый, Коля! – тараторила она, стараясь успеть выговориться за отведенный ей короткий срок, за те стремительно убывающие секунды, что у нее еще остались. – Как-бы я тебя убила-то? Смешно. Теперь я вижу, что ты за мной пришел, Коленька. За мной, а я тебя пристрелить хотела из пневматического молотка... Смешно.

– Любушка, голубушка, ты не... – мямлил беззубым ртом Авдотьев, но девушка его не слушала. Глаза ее, расширенные от предсмертного шока, горели жутким потусторонним огнем.

– Сама я виновата, сама вызвала тебя, Коленька, с того света. Не знала, что творю, не ведала... А теперь уже ничего не исправишь, заварила я кашу, а теперь ты, Коленька, пришел за мной. Вот она – я! Бери меня за руку и пойдем вместе. Я готова. Избави меня от мук земных и приведи в царство Божее...

– Любушка, Любушка! – плакал старикашка и горячие слезы текли из-под его кустистых седеющих бровищ. – Не горюй, не горюй, бедненькая... Ведь нет смерти-то. Нет ее.

– Да как же нет? – нездорово улыбнулась Люба Кротова. – Коленька, слышишь ли ты себя?

– А есть, Любушка-голубушка, перерождение. В каждом из нас живет Бог, он был всегда, он есть и будет вечно. Он бессмертен, он неумираем. Понимаешь, Любушка? Божень-

ка не может умереть. И мы не можем. Душа наша есть сущность божественная, она не исчезает как не может исчезнуть сам Бог. Смерти нет, есть лишь временное физическое существование в разных оболочках, которые Бог сам выбирает. Сейчас одно тело, после – иное и так бесконечно, ибо Бог вечен. Сейчас душа твоя божественная тело свое бренное покинет, а в иное тело вселиться. Бог твой выберет тело другое. Молодое, здоровое у которого вся жизнь будет впереди и будешь ты жить заново. И Боженька с тобой.

– Коля, ты... – на миг в глазах кротовой мелькнуло недоумение. – Заново?

– Да, голубушка моя, – Авдотьев ласково гладил ее по холодному лбу своей грубой изуродованной рукой с двумя отсутствующими пальцами. – Возродишься ты в новом теле, в новом облике, ибо совесть твоя чиста...

– Не чиста совесть, Коля! Не чиста...

– Знаю я тебя, Любушка. Знаю твои дела... Не бойся, Бог всемилостив, он простит тебе прегрешения твои. А кто не без греха? Знаю, что не во зверя ты переродишься, но в человека. В хорошего человека, ибо и была ты человеком хорошим. Боженька подарит тебе новую жизнь и даст возможность исправить грехи этой жизни. Не бойся Боженьку, он добрый. Я знаю. Бог бессмертен, мы бессмертны. Не горевать надо. Не бояться. А радоваться! Знаешь, как я за тебя рад!

Четверо мужчин стояли вокруг сборочного стола на кото-

ром умирала Люба Кротова, мужчины стояли над ней с лицами как у каменных истуканов с острова Пасхи. Все молчали и только хмуро лицезрели как девушка почти что исповедуется перед стариком Авдотьевым, а тот, громко шмыгая носом, успокаивал несчастную, как маленькому ребенку объясняя, что впереди вместо ада или рая ее ждет следующая долгая и счастливая жизнь, в которой, если случится, что она родиться женщиной, у нее будет и любящий супруг и множество разнополых детишек. Бог милостив и поэтому у нее будет все, что она искала в этой жизни.

– В душе человека пребывает сам Бог, и сам он наставляет человека своим словом, – говорил старик. – Памятью человек уподобляется Богу Отцу, разумом – Богу Сыну, волею – Духу Святому; Отец – свет, Сын – живот, Святой Дух – покой, Отец – высота, Сын – широта, Святой Дух – глубина. Чувственно Бог существует в природе, а духовно – в человеческой душе.

Люба умерла спокойно. Лицо ее выражало безмятежность спящего младенца.

13:50 – 14:16

Вжимая голову в плечи, Никита поочередно переводил нервный взгляд с одного мужика на другого. Сломанные очки его то и дело пускали блики тусклого цехового освещения.

Вдоль сборочного стола стоял европоддон, наполненный готовыми дверными полотнами на уровне колен. Серия «Ри-

голли», одиннадцать, или двенадцать штук. На них сидели три мужчины, сидели тесно прижавшись друг к другу локтями, послушно положив ладони на выпирающие вперёд колени. С одной стороны сидел потрепанный юноша со множеством ушибов и травм, самой серьёзной из которых являлась резаная рана на животе, которая причиняла ему постоянные страдания. Он был бледен и с трудом удерживался чтобы не свалиться на бок. С другой стороны, прижавшись замусоленной телогрейкой к локтю Никиты Вайнштейна, сидел старик Авдотьев. Странно, что старикашка продолжает хранить молчание по поводу личности Вайнштейна, ведь в цех проник разведчик из конкурирующей фирмы и Авдотьев не мог не узнать Никиту. И он определённо узнал, косился на Вайнштейна хмурым взглядом из-под кустистых бровей, но помалкивал. Сам бы Никита, завопил бы в полный голос и с удовольствием указал бы своему начальнику на присутствие врага. Авдотьев же молчал, наверное, решил не выдавать Никиту. Ведь выдал Вайнштейна, он выдаст и себя. Другого объяснения Никита не видел.

Сам же Никита Вайнштейн сидел посередине между этими двумя типчиками, один из которых истекает кровью, а другой в любую секунду может выдать Вайнштейна с потрохами. «Где же ты был, старикашка вонючий? – гадал Никита, чувствуя тепло его тщедушного тельца. – Мы ведь думали ты ласты склеил и лежишь под снегом».

Перед ними на сборочном столе покоилось окровавлен-

ной тело той маленькой девушки, что фактически спасла жизнь Вайнштейну, вовремя подоспев на автпогрузчике. Ему было искренне жаль её, она спасла его от буйного охранника, а теперь погибла от шальной пули, которая, может быть, вообще предназначалась для полёта к противоположной цеховой стене. Какая нелепая кончина... Впрочем, сегодня в этом ужасном цеху эта смерть далеко не единственная, Никита не забывал встреченные им трупы. Кто-то накрыл ей лицо бязью.

Ну почему он пришёл на эту чёртова фабрику именно сегодня?

Через стол, на котором лежала девушка, на поддоне с дверными полотнами другой серии, свесив длинные ноги, сидел местный начальник, человек от которого зависело все производство, который карал и миловал, штрафовал и одаривал похвалой, который управлял фабрикой и её рабочими. Второй человек после самого генерального директора Шепетельникова. Человек, которого на родном никитином «Орфее» уважительно называли «Их Соломоныч».

– Значит, мать вашу, так.. – протянул Константин Олегович, поочередно изучая мужскую тройцу. В руках у него был маркер и он постукивал им по колену в такт речи. – Ситуация, мягко выражаясь, необыкновенная... Согласны со мной, молодые люди? Среди вас есть кто-то, для кого данное положение вещей является обыденностью? Полагаю, что нет. Или есть? Ну чего вы сидите как на горшках? Я, мать

вашу, вообще-то веду диалог, вы должны участвовать. Так есть или нет?

Все трое невольно переглянулись и ответили отрицательным покачивание головы. Соломонов глубоко вздохнул и надолго задумался, постукивая маркером по колену. Никто из троих сидящих перед ним не решался подать голос.

– Должно быть тут собрались не полные кретины и ни для кого из вас, мать вашу, уже не является секретом повод моего присутствия. Я более чем уверен, что каждый из вас догадался, о чем мы диалогизировали с вон тем лежащем, мать его, на полу типом. – Соломонов замолчал и какое-то время размышлял над подходящими словосочетаниями. – Но на всякий случай уточню, если у кого-то из вас, мать вашу, ещё остались какие-то вопросы. Да, я хотел взять кассу. Всю кассу. Кинуть рабочих и смотаться подальше. Это в двух словах. Вопросы есть?

Вот так! Сказал – так сказал! Никита аж застыл, пораженный прямолинейностью местного начальника производства. У Вайнштейна немедленно явились вопросы и их было много, но он продержал язык за зубами, хотя бы и потому, что рядом с Соломоновых на поддоне с дверными полотнами лежал заряженный пистолет.

– Вопросы есть? Всем все ясно? Что-ж, прекрасно. – продолжал Соломонов, проигрывая маркером. – Не стану углубляться в подробности и раскрывать своих соучастников, это вас не касается, тем более, если вы, мать вашу, не совсем ещё

идиоты, вы смогли и сами догадаться или хотя бы предположить. Так же из нашего диалога с вон тем лежащим на полу типом вы могли догадаться, что он со своими дружками хотел, в свою очередь, кинуть меня. Но так случилось, что деньги пропали. Вы можете смеяться, но нет нужды скрывать очевидный факт – мы потеряли баблосы. Да, это так. Деньги пропали, я не уследил... Теперь, хоть это и выглядит в высшей степени идиотски, но я признаюсь, что потерял бабло. Да-да. Ну что, смешно? А теперь к делу. – Соломонов стукнул колпачком маркера по дверному полотну, на котором сидел свесив ноги. Мы все трое синхронно вздрогнули. – Сегодня в цеху должно было быть только два человека и ни одного их них я не вижу среди вас. Я говорю о Шепетельникове и Коломенском. Они должны были заниматься ремонтом вентиляции. Кто-нибудь из вас видел кого-то из двух вышеперечисленных?

Никита замер. Коломенского он видел висящим на проводе и сказал бы об этом, если бы не продолжал изображать аллегорию молчания.

– Лева, мать твою, – прищурился Соломоново, указав маркером на сидящего по правое плечо от Вайштейна молодого человека с распоротым брюхом. – Этот вопрос адресован прежде всего тебе. Я полагаю сейчас самое время рассказать своему любимому начальнику производства, который начисляет тебе зарплату, подписывает отпуска и...

– Ни такую уж высокую зарплату вы мне начисляете, Кон-

стантин Олегович, – проговорил молодой человек. – Откровенно говоря, хотелось бы и побольше.

– Поверь мне, я с удовольствием посвящу тебе целый час времени и объясню суть финансовой политики, заданной нашим общим, мать его, директором Шепетельниковым. Но только позже, а сейчас вернемся к вопросу. Ты видел Шепетельникова или Коломенского?

– Нет.

– Врешь.

– Не вру.

– Смотри в глаза. Видел?

– Нет.

Соломонов так сильно ударил колпачком по дверому полотну, что молодой человек резко вздрогнул будто от выстрела.

– Когда ты пришел и какого хрена ты сегодня делал в цеху? – продолжил Соломонов, выбрав среди нас троих Леву в качестве главного подозрения, подсознательно уличив его во лжи.

– С утра, – признался юноша. – Мы с Юркия Пятипальцевым двигали станок, хотели подключить его к завтрашнему дню, чтобы не отключать его в рабочее время. Когда-то вы сами это советовали.

– Где Пятипальцев?

– Он... На него рухнул стеллаж.

Соломонов побледнел и по его лицу прошли легкие мы-

шечные судороги.

– Ты не врешь, мать твою?

– Вы же сами видели. Стеллаж упал прямо на него. Это был несчастный случай...

– Что с Юрцом?

– Не знаю. Меня тоже накрыло и я потерял сознание. Очнулся с рваным брюхом... Больше ничего не знаю, ничего не видел и ни про какие деньги не ведаю.

Вайнштейн повернулся к молодому человеку, уперев в него недоумевающий взгляд, но тут же вспомнил, что он играет роль глухонемого и должен делать вид, что не слушит ни звука.

– А я еще не спрашивал тебя о деньгах, – вдруг произнес Соломонов сурово прожигая подчиненного карими глазами и, казалось, готовый применить другие средства допроса – гораздо грубее и связанные с физическими издевательствами. – Почему ты, мать твою, заговорил о деньгах, когда я спросил тебя о Пятипальцеве? Я задал тебе вопрос о состоянии Пятипальцева, а о чем ты заговорил? О чем? О том, что ты ничего не знаешь о деньгах, о которых я тебя и не спрашивал. Почему ты вспомнил о деньгах и какие деньги ты, мать твою, имеешь в виду?

– Я... я...

– Что? – стук колпачка по дверному полотну. – Не мямли.

– Ну я...

– Расслабся, мать твою, – разрешил Соломонов. – Ты за-

говорил о деньгах, потому, что о них заговорил я.

Юноша действительно расслабился на столько на сколько ему позволял вспоротый живот. Соломонов на несколько секунд отвернулся, приглядываясь к чему-то в далеке цеха, где ему показалось какое-то движение (на всякий случай в свободную от маркера руку он взял пистолет), сидящий по левую руку только что допрашиваемый им молодой человек перевел дух и вытер ледяную испарину, что в отличии от Константина Олеговича для Никиты Вайнштейна не осталось незамеченым. Он сидел к юноше слишком близко, что бы все видеть и понимать, что молодой человек лжет своему начальнику. Лжет если не во всем, то во многом. Вероятнее всего и Соломонов это понимал, или во всяком случае – интуитивно это чувствовал, но еще не решил с какой стороны к нему подкапаться. Сегодня в цеху произошло слишком много событий, завершившихся многочисленными трупами м Константин Олегович, наверное, просто-напросто растерялся.

– Ладно... – проговорил он, не обращая ни к кому конкретно. Звук в далеке ему померещился, и он вернул пистолет обратно на дверное полотно по правую ляжку от себя. – Значит, что мы имеем... Шепетельникова нет, хотя он должен быть. Кто-нибудь из вас видел Шепетельникова? Коломенского нет, хотя он тоже должен быть. Есть Коля Авдотьев, – Соломонов посмотрел на вонючего старичка, – но он всегда в цеху. С ним все понятно. Теперь о тех, мать их, ко-

го в цеху быть не должно. Это я. Но меня мы обсудили. Это Нилепин Лев...

– Можно просто Лева, – попросил молодой человек.

– И есть еще один человек, нахождение которого в моем цеху вызывает большую загадку, как и его личность.

Соломонов смотрел прямо в глаза зажатому с обеих сторон Никите Вайнштейну и он невольно сжался в комок. «Ну вот настала и моя очередь», – подумал он и сглотнул комок в горле.

– Что ты молчишь, приятель? – с ядовитой мягкостью спросил Константин Олегович, глядя на Вайнштейна через лежащую между ними мертвую мастерицу заготовительного участка Любу Кротову. Полное имя и должность несчастной Никита узнал из разговоров присутствующих, до того времени он не знал о женщине ничего. – Ну? Понимаешь-ли, дружок, если ты и дальше будешь играть в молчанку, то тем самым спровоцируешь у меня обострение и без того повышенного подозрения в твоей причастности к, мать ее, всей этой кровавой фигне в цеху, превратившей фабрику в одно большое поле боя с горой трупов.

– Константин Олегович, – вмешался раненый Нилепин, – но он был связанный вместе с Любой.

– Это вызывает еще больше вопросов, – согласился Соломонов. – Как и его молчание.

Мысленно собравшись с духом, Никита возобновил игру в глухонемого дурачка и на все вопросы отвечал поиманием

плеч и наименее смыслованной улыбкой, на которую были способны его лицевые мышцы. Соломонов был сильно разозлен и выходил из себя, переходя на крик и ругань, но ни смог вытянуть из Вайнштайна ни единого звука. Теперь уже и Нилепин и даже старик Авдотьев смотрели на Никиту Вайнштейна как на врага народа. Особенно Авдотьев, пока еще продолжавший держать при себе тайну личности Никиты. А незадачливый Никита готов был провалиться сквозь землю, исчезнуть, даже внезапно умереть, он всерьез размышлял над симуляцией сердечного или эпилептического приступа, чтобы дядьки от него отстали. Отказавшись от этих замыслов, он все-таки решил и достал из внутреннего кармана куртки стопочку листиков и шариковую ручку. Помимо вымышленного имени и фамилии он написал, что инвалид по слуху и не может говорить. Соломонов вытаращился на эту бумажку как на счет по оплате всех долгов ОАО «Двери Люксэлит».

– Скажи тогда, мать твою, – рычал он, скаля крепкие зубы, – какого дьявола ты приперся в мой цех? Какого дьявола, ты, мать твою, ошиваешься в моем цеху и именно сегодня? Именно сейчас! Ни вчера! Ни завтра! Почему именно сегодня? Как тебя пропустил, мать его, охранник и почему он мне не позвонил?

Никита пожал плечами и улыбнулся. Он съезжился в комок, а от взгляда молчащего старика Авдотьева почти обкакался. Но молчал.

– Константин Олегович, – подстказал Нилепин, – он ни черта не слышит. Ему надо написать.

– Написать? – взревел Соломонов. – Написать?! Я что напоминаю писателя? Разве я когда-нибудь давал повод думать обо мне как о человеке, всем видам общения предпочитающим переписку? Ты скажи, Нилепин, я давал повод так обо мне думать?

– Нет, не давали.

– А какому виду общения я придерживаюсь? – не унимался Константин Олегович.

– Вербальному, – ответил Нилепин.

– В яблочко! А ты сообразительный, Нилепин! Так почему я должен писать какие-то записки только лишь поверив в то, что какой-то придурок, мать его, боится раскрыть рот?

– Вообще-то, он реально похож на придурка. Даже весьма сильно. – Сказал Нилепин, потратив минуту на рассматривания сидящего рядом Вайнштейна. – У нас в подъезде жил такой-же инвалид. Тоже ничего не понимал и ни мог ни одного слова нормально выговорить.

– Ну да, – опять согласился Соломонов, – на кретина он действительно похож. Адекватный человек такие очки не надел бы... Слушай, ты, придурок, я ничего тебе писать не стану, читай по губам – зачем ты сюда пришел? Понимаешь? Зачем ты сюда пришел?

Никита Вайнштейн притворился, что действительно понял Соломонова по движению губ и написал на втором ли-

сточке, что пришел по поводу вакансии. Он, дескать, хотел устроиться на работу.

Соломонов прочел.

«Он не верит, – звенело в голове у Вайнштейна, – вот сейчас он просто-напросто слезет со своего места, обойдет с левой стороны тело мастерицы Кротовой и приблизиться ко мне. Встанет прямо передо мной, вот здесь... Встанет и обыщет меня с ног до головы. Если он не такой же дурак, каким считает меня, то он должен обыскать меня, любой бы человек обыскал меня. И он обыщет и найдет телефон. И тогда спросил: «Мать твою, почему у тебя телефон во внутреннем кармане куртки? Ты что разговариваешь по нему?». А я, конечно, замотаю головой: «Нет-нет, что вы! Я же глухонемой дурак, я не могу пользоваться телефоном, я только пишу СМС и смотрю на часики!» Я даже пальцем покажу на часики, чтобы Соломонову было понятнее. А он, разумеется, скажет: «Тогда, мать твою, ответь мне так чтобы это прозвучало для меня убедительно, и я бы не задавал тебе дополнительных вопросов, почему у такого глухонемого олигофрена есть многочисленные вызовы, как исходящие так и входящие, последний из которых от некоего Владимира Андреевича Нильсена, который не так давно числился на моем предприятии главным менеджером по сбыту, а с некоторых пор работает на конкурирующую фирму «Орфей»? Вот какие вопросы задаст мне Соломонов! И что я отвечу? Улыбнись и пожму плечами?»»

Вайнштейн затравленно переглянулся с сидящими по обе стороны от него Нилепиным и Авдотьевым. От второго у него по спине побежали мурашки, а внутри все похолодело. Старик знал его тайну и, если даже Никита будет продолжать валять дурака и притворяться, Авдотьев в любой момент расскажет все своему директору. Никита понял, что попался. Он зажат в тисках, он на мушке у него нет вариантов.

Тем временем Константин Олегович Соломонов повторно перечитал записочку. Его лицо не выражало никаких эмоций, оно было каменное и это пугало Никиту. Ему казалось, что именно с таким лицом солдаты из расстрельной команды, заряжают винтовки и целяться в жертву. Ни говоря ни слова, Соломонов отложил записку, аккуратно положив ее возле пистолета и извлек из внутреннего кармана какую-то похожую на табакерочку коробочку. Открыл ее и поочередно с силой вдохнул по щепотке белого порошка. После этого на глазах у трех сидящих перед ним мужчин, он надолго оцепенел в статичной позе не моргая уставившись на только ему видимую точку в пространстве.

– Э... Константин Олегович, – позвал его раненый в живот юноша, – вы... с вами все в порядке?

– Кто это спросил? – замогильным голосом произнес Соломонов, вытаращившись на троицу обезумевшим взглядом. – Кто из вас троих, мать вашу, это спросил?

– Я, – ответил Нилепин.

– А мы что, в каком-то тупорылом американском блокба-

стере, мать его? Что за вопросы? А ты хотел бы мне чем-то помочь, если бы я пожаловался на то, что у меня, например, давление скакнуло? Лучше скажи, о чем я говорил?

– Когда, Константин Олегович?

– Только что.

– Об американском блокбастере, – подсказал юноша.

– Остолоп! До этого! О чем я говорил, мать твою, до того как стал говорить об американском блокбастере?

«Да он же неадекватен! – затрясся Вайнштейн. – Наркоман под кайфом и с заряженным стволом!»

Молодой человек по правую руку от Никиты подсказал своему шефу, что последнее, что тот делал до того, как заговорил от американских блокбастерах, это прочитал записку, написанную глухонемым дураком в сломанных очках. Никита поморщился. Его опять называют дураком и звучит это настолько обыденно, что Вайнштейн терял уверенность в том, что это не так. Похоже народ уже так уверовался в умственной отсталости незнакомца, что мало что могло бы переубедить их, даже если Никита раскроет рот и продекламирует различие между республиканским строем правления и демократическим. Это было на руку Никите, но, черт побери, это сильно действовало на нервы и было чрезвычайно обидно. Было бы оружие не у Соломонова, а у Вайнштейна, он бы заорал на каждого из собравшихся, называя их не просто дураками, а клиническими идиотами. Но, увы, пистолет был не у него и ему ни оставалось ничего иного, как трястись от

страха за свою жизнь и до посинения смыкать губы.

Масла в огонь его страха за собственную жизнь подливали мертвая девушка, лежащая на спине прямо перед ними. Ее кровь медленно растекалась на лаке дверного полотна на котором она покоилась и тягуче капала на пол, образуя густую лужицу.

Тем временем Константин Олегович еще раз перечитал записку, в которой Никита объяснил, что пришел устраиваться на работу и что у него направление из городского центра занятости. Соломонов поднял на него тяжелый взгляд. Ой как не понравился Никите этот взгляд.

«Он не поверил, – как гром прогремело в голове Вайнштейна. – Ни поверил ни единому слову. Конечно не поверил. На предприятии настоящая мясорубка, трупы устилают пол как снег на улице, пропали какие-то большие деньги, который Соломонов то ли потерял, то ли у него их украли и в цеху находятся люди, которых не должно было быть и тут еще один – я! Явился! Соломонов проверит меня. И что он может со мной сделать? Однозначно он не станет сдавать меня полиции и требовать с «Орфея» через суд возмещения ущерба. Тогда что? Вероятнее всего он изобьет меня, вишибет из меня весь дух. Он может, Нильсен предупреждал меня, что Соломонов – парень без тормозов, особенно когда нюхает свою наркотическую фигню. Почему он так не меня смотрит? Как Ленин на буржуазию, как солдат на вошь!»

А Константин Олегович Соломонов смотрел и смотрел на

него. Из подлобья, не мигая. Как бык на красную тряпку то-реадора. Взмокшие кудри падали ему на лоб, висели на бровях, а из-под них – дикий оцепеневший взгляд карих глаз. И правая рука трогает рукоять лежащего у ноги пистолета.

У Никиты сдавило дыхание. Бледный как сама смерть он истерично вертел головой на молодого человека справа от себя и на старика Авдотьева слева. Раненый в живот юноша смотрел на него с любопытством, в котором читалось нескрываемое подозрение. Авдотьев-же, гад, глядел осуждающе. Никита шмыгнул носом и вытер его рукавом. Перед его мысленным взором как наяву возникли лихорадочные кадры из предположительного будущего – Соломонов отдаст резкий приказ и двое хватают его за плечи с двух сторон. Никита оказывается в тисках, хочет вырваться, но Соломонов уже целит в него пистолетом, спрыгивает с поддона, обходит мертвую девушку с правой стороны, наступив на кровь, и медленно подходит к Никите вплотную. Заставляя Никиту сидеть на прежнем месте, начальник производства ОАО «Двери Люксэлит» расстегивает ремень брюк, спускает их до пола, приспускает трусы и под дулом пистолета принуждает несчастного Никиту к оральному сексу, приговаривая: «Вот тебе, мать твою, жалование за твою работу! Вот тебе и премия, мать твою! Смотри не подавись! А сдачу отдай Володи Нильсену! На! На, сука!» Никита видел такое на порносайтах, которым отдавал предпочтение не менее чем дважды в сутки, предпочитая смотреть именно по-

добные ролики – грубые, с насилием. Теперь Вайнштейн в качестве насилуемого видел самого себя, он уже чувствовал огромный пахнувший мочой пенис у себя на языке, в глотке, внутренней поверхностью рта ощущал раздирающий чужеродный орган толчками упирающийся едва ли не в гланды. И море-море-море спермы, выстреливающей ему непосредственно в глотку, заливающей рот, вытекающей из носа. А Соломонов войдет в Никиту сзади, резко и больно, Никита будет кричать, а начальник производства грубо заткнет его рот грязными бывшими в употреблении хлопчатобумажными перчатками и будет иметь Никиту долго и неистово. Яростно. Дико. С разрывом толстой кишки! А Никита будет корчиться на полу с кровоточащим задом и плакать. Потом будет госпитализация в больницу, унижительный осмотр, операции в хирургическом отделении, долгое восстановление и психологическая травма на всю жизнь. Конечно же Никиту Вайнштейна будут допрашивать следователи и главные вопросы у них будут касаться не только его изнасилование Соломоновым, но прежде всего – трупов в цеху. Как Никита будет жить после всего этого? Его жизнь и так отличалась некоторой степенью стыдливости, а что же будет после этого дня? Ведь пока будет длиться следствие, а оно будет длиться очень долго, его будут держать за решеткой как предполагаемого соучастника, как одного из подозреваемых. Может быть даже в одной камере с Соломоновым. Сколько времени пройдет прежде чем его переведут из категории соучастника

в категорию свидетеля или даже жертвы? А если не переведут? Как он докажет, что пальцем не коснулся ни одного из убитых на территории «Дверей Люксэлита» людей? Он этого не докажет!

Его укутывают за решетку! А что будет с ним на зоне в окружении зеков-ублюдков, изможденных отсутствием женского пола, Никита Вайнштейн даже фантазировать боялся. Наказание от Константина Соломонова покажется ему невинной потехой вроде пинка под зад.

Никита промок от холодного пота. Как он будет дальше жить?

Разве он сможет это преодолеть?

Он поднял испуганный взгляд загнанной жервы на лежащую перед ним женщину. Мертвую. Лицо накрыто материей.

А Соломонов все смотрел и смотрел. Он сделал медленный вдох, его ноздри угрожающе расширились...

И тут нервы Никиты не выдержали, он потерял над собой контроль.

14:14 – 14:23

«А не много ли я, мать мою, сегодня заряжаюсь? – успел подумать Константин Соломонов, прежде чем две щепоточные порции волшебного порошка дали по мозгам. Это была последняя связная мысль, посетившая его голову. Сегодня он отступил от правила принимать порошок не более двух

раз в сутки и использовал уже почти трехдневную норму, при том, что прошло только половина дня. Это плохо, диллер предупреждал его о побочных эффектах, среди которых неудержимое желание продолжать. Как если бы алкоголик выпил лишнюю рюмку. Вот и с порошком так же. Стоило Соломонову поддаться искушению и принять вторую дозу менее чем через тридцать минут после первой, как его пальцы будто автономно неудержимо тянулись к заветному порошку и подносили его к воспаленным ноздрям. Разум советовал Константину остановиться еще утром, когда он ехал сюда на своей «Мазде» и на этом же настаивала Оксана Альбер, но Соломонов не прислушался к ее нравоучениям. Ему требовался порошок как средство для снятия внутреннего напряжения, вызванного похищением фабричной кассы. Не каждый день он проворачивает подобные делишки, он не робот и, как и все люди, подвержен психологическому волнению. Он не любил волноваться и тревожиться, порошок всегда плагополучно справлялся с этим. Но норму потребления он превысил и едва не перешагнул черту, за которой его поджидал бесполоый ангел. Это должно было послужить для Константина Олеговича сигналом – хватит! Но как тут не принять? Не хочет же бесполоый ангел, чтобы раб божий Константин рехнуться от осознания того, что у него в руках вместо кучи заветного бабла – куча трупов!

Он принимал порошок от бессознательной безысходности. От понимания того, что напрочь потерял контроль над

ситуацией, что все совершается не так как было выстроено в его планах и что он смутно представляет алгоритм своих действий, которые должны были бы привести к положительному результату. Положительный результат – это кейс с деньгами. Дальше он знает, что делать, он давно все продумал и разработал план отступления, но уж очень не хотелось ему покидать цех с пустыми руками. Для чего он тогда вообще рисковал? Что бы потерять Оксану Альбер и поджав хвост убежать, оставив деньги кому-то менее достойному? Еще чего! Он думал, что принятие очередной дозы простимулирует его мозговую деятельность, как это всегда было раньше, но, похоже, становилось только хуже. Его мысли завертелись хороводом, стали накладываться друг на друга, вспыхивать, гореть бенгальскими огнями, и не догорев затмиваться следующей мыслью. Почти полностью отчуждаясь от внешней среды, начальник производства стал заложником своих появляющихся из подсознания вопросов и размышлений и непреодолимой необходимостью подчиняться именно им, в то время как тело его тупо сидело на месте и смотрело в одну точку. Движение времени сильно замедлилось, почти остановилось, Соломонов физически завис, как столкнувшийся с большим количеством перерабатываемой информации компьютер со слабым процессором.

Через промежуток времени показавшийся Соломонову бесконечным и за которое он успел подумать об иудаизме, мумификации египетских кошек, о выплавке чугуна, о том

что в мире по какой-то причине популярен именно синий цвет чернил в шариковых ручках (не черный, не коричневый), о том, что российские артисты не поют с эстрады песни о пенсиях, о том почему грызуна белку назвали именно так, ведь она рыжая, а не белая и остановился на вопросе о том, почему на каретах скорой помощи слово «Реанимация» написано в зеркальном отображении, но при этом латинскими буквами. Потому что писать это слово в зеркальном отображении кириллицей немного глуповатенько и вызывает порнографические ассоциации или потому что в России идет тенденция писать латиницей как можно больше слов, включая даже такие как «Пицца», «Такси», «Стоп» и даже «Лифт» и «Бутик»? Об этом, сидя на поддоне с недоделанными дверными полотнами раздумывал начальник производства ОАО «Двери Люксэлит» Константин Олегович Соломонов, когда краем сознания зацепил перед своим взором трех человек. Они тоже сидели. Зачем они здесь? Соломонов припомнил, что разговаривал с кем-то из них... Он что-то спрашивал у кого-то из них... О чем? Об иудаизме? Нет. Об обязательном изучении высшей математике в средней школе? Вроде, тоже нет... Его мысли опять спутались и на первый план вышло совсем другое, никак не относящееся ни к чему, но так сильно навязанное ему подсознанием, что Соломонов не мог и не хотел теперь раздумывать над чем-то другим.

Он чувствовал, что его серьезно повело и совершенно не

в том направлении какое выбрал до принятия порошка и некому было вернуть его к реальности, встряхнуть, не дать ему окончательно свариться в собственном соку. Не было, например, Оксаны Альбер, которой он мог выговориться, и которая хоть как-то могла сдержать ход его шальных мыслей. Константину Олеговичу очень хотелось поделиться вспыхнувшим в голове вопросом, ему становилось почти невыносимо удерживать его в себе, к тому же, вероятно, что кто-нибудь из сидящих напротив включиться в диалог, выслушает его, согласится. Среди его слушателей процент соглашающихся всегда был крайне низок и этот факт его весьма раздражал и раздвигал. Ему не хватало единомышленников.

Соломонов проморгался, у него высохли глаза.

– Ну-ка, мать вашу, – заговорил он, – скажите-ка, у кого из вас троих есть ванная.

Старик Авдотьев промолчал, упоминание о собственной кухне его озадачило. Промолчал и незнакомец в очках, он только выпучил глаза и так сильно побледнел, что стал напоминать жертву вампиризма.

– Константин Олегович, – ответил ему молодой рабочий по имени Лева Нилепин. Тот самый, что так удачно огрел Брюквина огнетушителем, что раздробил тому челюсть в крошево и отправил на тот свет, – извините за нескромный вопрос. Скажите, у вас опять приступ болтологии, да?

– Что ты имеешь в виду, мать твою?

– Ну вы опять начинаете откуда-то издалека. Вы всегда

говорите о какой-то чепухе, когда нюхнете этого своего порошочка.

– Это не чепуха! Я затрагиваю очень важный вопрос! Я задаю вопрос и привык выслушивать ответ от подчиненных. Вот ты, Лева, мой подчиненный, я твой работодатель, мать твою! Отвечай или оштрафую к чертовой матери.

– На какую сумму?

– На две с половиной тысячи.

Нилепин призадумался, взвешивая что хуже – ответить на вопросы или лишиться суммы в две с половиной тысячи рублей.

– А если отвечу – премию выпишите?

– Договорились.

– А какую сумму? – спросил Нилепин.

– Тысяча восемьсот.

– Можно еще один вопрос – откуда вы берете эти суммы?

– Не важно.

– Ну ладно, у меня есть ванная, – ответил молодой человек.

– Отлично! – возликовал Соломонов и потер ладони друг о друга. – В какой цветовой гамме выдержана твоя ванная?

– Хм... светло голубая... синяя... белого много...

– А в какой цветовой гамме выдержан твой коридор?

– Бежевый с коричневым. А что? – теперь уже и Нилепину стало любопытно к чему ведет его шеф.

– Кажется ты заказывал несколько дверей у нас на фабри-

ке, так? – продолжал Соломонов.

– Да, – кивнул молодой человек. – И одну ставил из коридора в ванную. Модель...

– Модель меня не интересует. Какого она цвета?

– «Карамель темная».

– То-есть, под цвет коридора?

– Да.

– А часто-ли ты закрываешь, мать твою, дверь в ванную?

– Всегда.

– А часто ли ты закрываешь дверь в ванную, когда ты находишься в ванной?

– Конечно всегда. У меня ванная совмещенная с туалетом.

– Вот! – Соломонов ликовал. – Вот! То-есть дверь цвета «карамель темная» всегда находится внутри ванны, которая выдержала в голубых тонах. Дверь является внутренней, мать ее, обстановкой ванной и она выделяется, «карамель темная» неуместна на голубом фоне. Следовательно, надо было заказывать дверь в другом тоне. Но тогда бы она не сочеталась с коридором. Так?

– Вы ошеломительно правы, Константин Олегович.

– Твоя интонация пронизана иронией, но я это проигнорирую. Я это к тому говорю, чтобы подтолкнуть вас троих к размышлению о том, чтобы ввести в производство двери с двумя разными покрытиями. Две стороны – два оттенка. Под дизайн коридора и под дизайн ванной, туалета, другой комнаты, кухни, офиса. Ведь это же логично! Ну чего вы молчи-

те, мать вашу? Есть кто-то, кто не согласен? Говорите, а то мне начинает казаться, что я беседую с одним человеком, а двое других – телеграфные столбы.

– Константин Олегович, – произнес Нилепин, – вы делились этой мыслью с Шепетельниковым?

– Нет. Во-первых – он, мать его, принадлежит к редчайшему типу человеческих кретинов и никогда не согласится с моим предложением, каким бы оно ни было. Во-вторых – мне это только что пришло в голову...

И вдруг случилось нечто странное и страшное. Не успел Соломонов закончить мысль как очкастый незнакомец, сидящий между стариком Авдотьевым илевой Нилепиным и на которого Константин Олегович то и дело смотрел с подозрением, резко вскочил на ноги. Этот глухонемой незнакомец, чье имя никто из присутствующих так и не узнал и который выглядел и обозначал себя как улыбающийся дурачок, закричал человеческим голосом. Все обомлели, особенно Соломонов. А незнакомец сделал несколько больших шагов, обошел стол с покоящейся на нем мертвой Любой Кротовой, и схватил пистолет. Соломонов даже не успел как-то отреагировать, когда незнакомец вскинул оружие.

– Э, уважаемый... – забормотал Константин Олегович, вмиг забыв о двухсторонних дверях. – Ты это...

Незнакомец был страшен, у него дрожали руки и подбородок, тряслась кожа на лице. Глаза были безумны и тарацились из-за очков как яичница-глазунья с тарелки. Он сжал

пистолет до побеления пальцев, что-то неразборчево произнес дрожащим голосом, прижал дуло к собственной груди и нажал на спусковой крючок.

Выстрел разнес его сердце и пробил грудь на вылет. Незнакомца отбросило назад и больше он не двигался.

Прошла минута молчания.

Вторая.

Трое оставшихся медленно и боязливо приподнялись со своих мест и приблизились к труп.

– Мать его... – тихо произнес Константин Олегович. – Кто это был вообще?

– Жаль, что я его первый раз видел, – досадовал Нилепин. – Иначе бы ответил вам за тысяча восемьсот рублей. Даже за пятикратку ответил бы.

– А за бесплатно, мать твою, ответил бы?

– Да что гадать? Я его все равно не знал. Придурок какой-то!

14:30 – 14:46

Я смотрел на несчастного человека, пустившего себе пулю в сердце. Я смотрел на него, на этого бедняжку, волею Бога попавшего в этот фабричный ад. Смотрел как он безвольно грохнулся на пол, как его рука выпустила сделавшего свое дело пистолет и тот с металлическим скрежетом заскользил по бетону. Как человек дернул кадыком и застыл с раскрытым ртом и остекленевшим взглядом. Его сердце разорва-

лось мгновенно, крови почти не было, лишь красная влажная дыра в одежде.

Я знал его. К сожалению великий Боженька в свое время свел меня с этим человеком и подверг меня испытанию искушением, которое я когда-то с треском провалил. Бог подслал мне Никиту Вайнштейна как ветхозаветного змия Адаму и Еве. Я, конечно, не верю в Библию, но сравнение, на мой взгляд, удачное. Я согрешил и провинился перед своим Боженькой, мне невероятно стыдно и я даже и не надеюсь отмолить свой грех. Я ничтожен. А теперь Бог испытал самого Никиту. Вот ведь как все сложилось. Господь испытывает нас, пробует нашу веру, и, увы, люди не проходят проверки. Люди заблуждаются в себе, мечутся, выбирают чуждые идеалы и неправильные приоритеты. Не могут понять истинность единого Бога, не хотят понимать, не желают, придумывают сказки, идут на поводу ошибочным суждениям. Мне хотелось крикнуть Никите: «Видишь? Теперь ты видишь?»

Вистину миром правят деньги! Эти мерзкие бумажки, не приносящие ни секунды счастья ни тем, у кого их в избытке ни тем, у кого их нет. Первые ведут нескончаемую войну за них, днем и ночью мучаясь измышлениями, как бы приумножить и не потерять. Вторые завидуют первым, испытывают неприкрашающую ненависть и злобу к богатым и ежесекундно думают о том, где бы заполучить деньги, у кого бы их заполучить – у толстосума, или у такого же бедного как он сам, чтобы хотя бы на их фоне почувствовать себя немного

богаче.

Я тяжело вздохнул и ответнулся от Никиты. Ему уже не помочь, он сделал свой выбор сам, а мне остается лишь надеяться, что Боженька смилуется над самоубийцей и освободит Никиту от звериного обличья в следующем воплощении. Я простил Никиту, простил давно, ведь в том, что когда-то я пошел у него на поводу – виноват не он, а я. Он был лишь божественным орудием испытания. Я не держал на него зла, в противном случае, я бы не стал умалчивать о его появлении в цехе и несомненно донес бы Константину Олеговичу об истинной личности притворяющегося глухонемым дурачком. Я не стал этого делать, я пощадил Никиту, зная, что, узнав о том, что в цехе резидент конкурирующей компании, Соломонов не станет щадить молодого человека. Константин Олегович мог бы и убить Никиту. Сегодня в цеху твориться настоящее чистилище и каждый готов уничтожить каждого. Это ужасно, и я не хочу в этом участвовать. Я не хочу, но поневоле влип в эту кровавую грязь. Бог опять испытывает меня на прочность духа.

Опять.

За моей спиной Левушка Нилепин говорил что-то о том, что нужно убежать из цеха, скрыться пока не поздно, но Константин Олегович упрямылся. Не смотря на множество смертей в стенах его фабрики, он по-прежнему хотел найти деньги. Дурак! Деньги – зло! Какие еще надо доказательства? Сколько еще человеческих бусинок должно быть нанизано

на ожерелье смерти? Каково должно быть количество человеческих жертвоприношений на денежный алтарь Золотого Тельца? Я не смотрел ни на Левушку, ни на Константина Олеговича, не хотел. Они о чем-то говорили, даже спорили, но я не прислушивался. Приоритетным моим желанием было как можно дальше исчезнуть отсюда, отстраниться, стереть мою причастность ко всему происходящему. Как это паршиво! Меня физически коробило только от слова «деньги», произносимое Константином Олеговичем с таким твердым нажимом в голосе, что могло показаться, что он намеревается покинуть фабрику только если в его руке будет зажата ручка проклятого кейса с проклятыми деньгами, пропади они пропадом!

С несчастного суицидника Никиты я перевел взгляд на покоящуюся на сборочном столе Любушку Кротову. Она лежит мертвая с раскуроченной выстрелом плотью. Лежит на сборочном столе, на котором рабочие-сборщики собирают из деталей дверные полотна, вставляют рамки и стекла, лежит как на прозекторском столе в морге. Точно так же лежала моя дочь, когда меня пригласили на опознание. Ей было двадцать два года, она была одной из пяти жертв теракта, ответственность за который взяла на себя какая-то исламистская организация, название которой я не хотел запомнить и тем более повторять спустя годы. Моя доченька оказалась жертвой войны мусульман против христиан, при том, что, как и я являлась убежденной духоборкой-пацифисткой

и сторонилась и тех и других.

Я вытер выступившие слезы. Я никогда не плачу по усопшим, это ни в моих принципах. Наоборот, я даже радуюсь, я даже завидую и жду своего часа, но воспоминание о доченьке всегда вызывает такую сильную горечь утраты, что хочется выть во весь голос. Ничего не могу с этим поделать.

А где-то за моей согбенной спиной Константин Олегович что-то упрямо доказывал молодому Левушке. А юный Левушка уши-то и развесил, слушает. Он, простодушный юнец, все еще не повзрослел и, кажется, до седых бровей останется с подростковым менталитетом. У него в голове какие-то юношеские глупости, фантазии, ну что-ж, он молодой, ему прощительно. Хотя такие люди как он не взрослеют, у них всю жизнь детство играет в одном месте, которое мне неприлично озвучивать.

И даже сейчас, когда надо рвать когти или элементарно звонить в полицию, Левушка ведет себя так, будто причастен к какой-то из многочисленных смертей. Во всяком случае, у меня все больше усиливается подозрение, что он имеет прямое отношение к тому несчастному, что лежит с простреленным темечком у станка ЧПУ. И почему-то Левушка прятался именно за этим станком. Я начинаю думать, что дело там было не только в том, что станок ЧПУ был родным для Левушке и он на нем работал. Дело еще в чем-то. Левушка от меня многое скрыл, я быстро это понял, но, конечно, не стал настаивать с расспросами. У меня у самого есть что утаивать,

так почему же я склонен полагать, что другие обязаны быть передо мной кристально честными, особенно когда несколько месяцев были убеждены в моей кончине. У нас у обоих, как говорится, руки не чисты. И не только у нас двоих. Тут каждый повязан. И Константин Олегович, и тот с простреленной головушкой возле ЧПУ, и Никита и даже Любушка Кротова. И тот усатый симпатяга с раздробленной челюстью, которого Левушка ударил огнетушителем, явно не рассчитав свои силы.

Я приблизился к нему. Незнакомый бандит. Очередное доказательство деструктивной алчности. Лежит на полу, раскинув руки в стороны. Все что ниже носа изуродовано ударом тяжеленного огнетушителя – рваные щеки, губы, переломанная в нескольких местах челюсть, выбитые зубы. Страх! И это сделал Левушка? Перестарался мальчик. Но это ведь надо было решиться на такое! А если бы в руках у Левушки был карабин, он бы жахнул из него в лицо? А если бы он был танкистом? Раньше я бы никогда не подумал, что такой мальчик как Левушка мог кого-то обидеть или тем более убить. Сидеть за виртуальной игрой по многу часов в день – да! Волочиться за каждой юбкой – да-да-да! Проектировать в голове всякие несурзные выдумки – постоянно! Но быть причастным к настоящему убийству? На Левушку это не походило, но сейчас он ведет себя так, что я сильно засомневался в своих убеждениях.

Вот тебе и мальчик! Мальчик-то уже не мальчик.

Только теперь я услышал, что за моей спиной ведется спор между Левушкой и Константином Олеговичем. Соломонов, будучи, без сомнений, под воздействием наркотического препарата, строил какие-то планы по отступлению и ретировке из цеха, при этом зачем-то упоминая мировой заговор массонов-иллюминатов, иудаизм и неудобное для запоминания расположение букв в русском алфавите. А Левушка, будучи в своем репертуаре, настаивал на поисках денег. Соломонов утверждал, что все зашло слишком далеко и если они не сделают ноги в самое ближайшее время, то для них это кончиться бедой, что массоны не дремлют, а в полиции применяют новую методику допроса после которой у человека навсегда немеют кончики пальцев и он теряет чувствительность вкусовых рецепторов на языке. Левушка же настаивал на том, что теперь им не помешает ни один человек и что они могут прошерстить весь цех и без сомнения найти кейс с деньгами. Он, должно быть, почувствоавал себя неким искателем зарытых сокровищ на пиратском острове.

– Валить надо! – рычал Соломонов. – Рвать когти!

– Давайте еще поищим! – настаивал Левушка.

– Твою мать, тут тебе что – квест какой-нибудь! Это не игра и если ты разуешь глаза, то сможешь заметить несколько трупиков раскиданных по всему цеху! Не знаю, как ты, но мне тут неуютно, я сваливаю. Да, я хотел взять бабло. Хотел! Но теперь уже нет! Деньги деньгами, пусть другой ими подавиться, мать его!

– Константин Олегович, но они же где-то здесь, – не уни-
мался Нилепин. – Давайте вместе поищем, я чувствую они
где-то совсем рядом!

– Вот и ищи. Найдешь – считай повезло тебе. А если те-
бя еще и не повяжут – значит на твоей стороне сам Господь
Бог! – начальник производства достал мобильник и посмот-
рел который час.

– Я один не найду! Давайте искать вместе, а потом я про-
стрелю вам ногу! – брякнул Нилепин своему начальнику, хо-
тя оружие было у Соломонова.

– Ты, мать твою, не охренел ли?

– Или руку. Главное – не задеть артерию и сухожилие.
Дайте мне пушку, я знаю куда стрелять.

– Да ты ополоумел? – от возмущения голос Константина
Олеговича сорвался на визг.

– Во всех боевиках так делают, – начал объяснять Левуш-
ка. – Чтобы отвести от себя подозрения, преступники ранят
сами себя и притворяются жертвами.

– Я, мать твою, хоть одним намеком, хоть намеком на на-
мек давал понять, что хотел бы притворяться жертвой или
отвести от себя какие-то подозрения? Скажи, я разве гово-
рил об этом? Если говорил, то отчего-же я этого совершенно
не припоминаю, а, мать твою? В каком контексте я намекал
на это? Когда, мать твою, когда?

– А вы что, хотите быть причастны ко всей этой херне? –
Левушка Нилепин обвел руками пространство вокруг себя.

Для этого ему пришлось отпустить раненый живот и я увидел, что дело настолько скверно, что без экстренной хирургии тут никак не обойтись. Из кровоточащей раны виднелась часть мятого кишечника. – Мы найдем баблосы, перепрячем их где-то на территории, после этого я простреливаю вам ногу или руку и мы вызываем ментов. Меня калечить не придется, я уже готов. Видите? – Нилепин убрал одну руку от раны на животе и попробовал улыбнуться, но у него получилось не очень красиво. – Что тут случилось, будут разбираться следователи, а мы с вами будем лежать в больничке, пить соки и сетовать на разгул преступности.

– А старик? – машинально спросил Соломонов.

При упоминании моего имени я вздрогнул. Оба смотрели на меня и не знали, что со мной делать, считая меня определенно лишним в их связке. Я заговорил. Я говорил тихо, монотонно, ни вкладывая в речь никаких эмоций, как бы обстрагируясь от произносимого.

– Константин Олегович, – проговорил я, – вы уйдете если получите свой кейс?

– Если я получу кейс? Откуда ты знаешь, что деньги были в кейсе, старик? Не в чемодане, не в полиэтиленовом пакете, а именно, мать его, в кейсе?

– Так вы уйдете?

– Естественно! – провозгласил Соломонов. – Какого хера я буду тут торчать с моими деньгами в моих руках? Для того чтобы дожидаться ментов, передать бабло им и объясняться

как они вообще ко мне попали? Конечно, мать твою, Коля, я исчезну! И никто меня не найдет, ни одна, мать ее, ищейка! Ни один сраный следователь! Знаешь, Коля, с какого дня я разрабатывал план отступления? Если ты, мать твою, задашь мне вопрос с какого дня я разрабатывал план отступления, то получишь ответ, что с десятого августа. С десятого августа, мать его, прошлого года! Со дня рождения моего сына-дебила, когда я понял, что смотреть на его слюнавую рожу уже выше моих моральных сил. Знаешь, как захотелось исчезнуть? Плюнуть на всех и с кучей бабла жить где-нибудь подальше. И уж конечно, мой план безупречен, мне поможет мой братан. Он сможет...

Я смотрел на трупы: Никита, Любубшка Кротова, усатый бандит. Вокруг еще куча народу оставили свои земные тела. Подробности соломоновских проблем меня не касались, я не желал его выслушивать. Пожалуй, впервые в жизни я осмелился перебить его на полуслове:

– Пойдемте за мной, – гдухо сказал я, решив поставить всему этому ужасу завершающую точку. – Я знаю где кейс.

14:46 – 14:49

Начальник производства ОАО «Двери Люксэлит» Константин Олегович Соломонов уставился на Авдотьева и долго смотрел на него взглядом, способным довести человека до психоза. У него вдруг пересохло в горле и случилось то, чего бывало в его жизни лишь несколько раз в жизни – он не

знал, что сказать. Он сгреб Авдотьева в свои ручки, взяв жалкого ничтожного старикашку за грудки и оторвав того от пола как ребенка. Морщинистое старческое лицо теперь было точно на одном уровне со всепроникающим взглядом начальника производства. Соломонов смотрел на старичка, пытаясь изучить его, понять в чем загадка этого странного человечка. Глубоко спрятанные под надбровными дугами и кустистыми бровями глаза, впалые губы, лишенный зубов рот, исторгающий противный запах, седеющие густые лохмы, отчаянно жаждущие встречи с парикмахером или хотя-бы с шампунью и расческой.

– Коля, – Соломонов прочистил горло. – Ты хотя бы ориентировочно догадываешься, что я с тобой сделаю, если ты, мать твою, слукавил? На всякий случай, я спрошу тебя конкретно и будь любезен, мать твою, – Константин Олегович говорил так, как если бы медленно давил своим голосом сок из жесткого фрукта, как если бы его голосовые связки превратились бы в тисочки, которыми Соломонов проверял на прочность саму сущность Николая Авдотьева, – ответь мне всего лишь одним коротким словом. Либо это будет слово «да», либо слово «нет». Запомнил? Твою мать, Коля, ты запомнил? Ведь это не очень трудно запомнить даже для тебя, Коленька. Итак, вопрос: ты знаешь где спрятан кейс с деньгами?

– Да.

– Повтори, я не расслышал.

– Я знаю, где спрятан кейс, – произнес Авдотьев.

– Кейс с деньгами?

– Замки сломаны, – коротко ответил Авдотьев и отвел глаза в сторону. – Что внутри не могу сказать...

– Не можешь сказать потому что не знаешь, или, мать твою, не можешь сказать потому что что-то темнишь? Я знаю, ты никогда не врешь, Коленька, это против твоей веры. Скажи мне, что я прав.

– Вы правы, я не вру.

И тут Константин Олегович взорвался.

– Тогда какого черта ты молчал, мать твою!!! Какого черта ты, мать твою перемать, молчал? Я вытрясу из тебя всю ничемную душонку, ты, калека недоделанный, если ты, мать твою, не ответишь мне еще на один простой вопрос. Почему ты молчал все это время, мать твою!!!

– Константин Олегович, – вмешался Нилепин, – отпустите его.

– Пусть ответит! Пусть, мать его, ответит!!!

– Из-за них, – заговорил старик Авдотьев, – из-за этих денег все зло! Все из-за денег. Деньги – первопричина всего зла на этой свете. Я не хотел, чтобы они достались кому-нибудь из вас. Это ведь украденные деньги. Вы все потеряли своего Бога. Все. Одумайтесь. Оставьте деньги тем, кому они принадлежат...

– Показывай! Показывай, мать твою, где кейс и избавь меня от своих тухлых нравочений!

– Он в слесарке, я случайно его нашел, – ответил Авдотьев и за это был поставлен на пол. Соломонов даже пригласил его грязную засаленную телогрейку избавляя ее от складочек и мятин. Потом он взял своей рукой как крюком Авдотьева за шиворот и пошел с ним в сторону слесарки.

14:50 – 15:20

Нилепин конечно же поспешил за ними, хотя его никто не звал, но неужели он останеться наедине с тремя мертвецами когда в стороне от него Соломонов будет загребать деньги в одну харю. Конечно Лева не мог не пойти в слесарку. Они втроем оставили место трагедии, где нашли свою кончину сразу трое человек. Двигаясь к слесарке, они миновали несколько станков и вышли к кошмарному месту, ранее никем из них не виданному. Автопогрузчик наехал на человека в форме охранника и подмял того под свое колесо.

Нилепин обмер.

Авдотьев по обезьяньи присел на корячки.

Соломонов выругался и сказал, что это Эорнидьян.

Однако наслаждаться зрелищем никому из них было недосуг. Ни слова не говоря друг другу они оторвали глаза от места трагедии и поспешили дальше. Вот еще какие-то красные пятна на полу. Вон кто-то лежит...

Троица уже не просто поспешно шла, она незаметно перешла на горцующий бег, хотя для Нилепина такое передвижение отзывалось сильной болью в брюхе, а Авдотьев спо-

тыкался о свои же кривые полусогнутые ноги и шамкал ими как дворник метлой. Вот она заветная слесарка. За слеллажами, крайний из которых рухнул, раскидав во все стороны бобины с пленкой для кашировки. Нилепин уже был здесь и даже заглядывал внутрь лишенной остекления слесарки, но тогда и подумать не мог о том, что мог наткнуться на кучу бабла. Распахнув дверь Соломонов влетел в слесарку. Тут царил бардак, а пол был усыпан осколками стекла.

– Где? – резко спросил начальник у Авдотьева и тот указал кривым пальцем на скромно стоящий стародревный шкаф, не сгнивший от времени лишь потому, что был из железа. Он был набит всякой всячиной. Слесаря использовали его для хранения того, чем они пользовались нечасто, так что бы можно было упрятать и не доставать неделями, месяцами и даже годами. В числе прочего на одной из полок лежала стопка газет и прочей накапливающейся макулатуры, которые слесаря отчего-то не выбрасывали. Где-то внизу из-под бумажного мусора, если присмотреться и кое-что разгрести и приподнять, виднелся серебристый уголок. Соломонов выпустил Авдотьева и раскопал заветный кейс из бумажного хлама.

Щеки его налились румянцем, глаза блистали победой. Не обращая внимания на топтавшегося рядом Леву Нилепина он нажал на замочки кейса и дернул руками. Кейс не открылся. Соломонов повторил попытку, уделив замочкам больше внимания и обнаружил, что замочки не нажимаются.

– Что за мать его! – рывкнул он и с грохотом опустил кейс на стальную столешницу. Его побелевшие пальцы пытались нажать на замочки и открыть кейс. Авдотьев оказался прав, замочки были умышленно сломаны в запертом положении.

– Не волнуйтесь, Константин Олегович, – посоветовал Нилепин, глядя за процедурой через плечо босса. – Нежнее. Вот сюда нажмите.

– Убери руки! – огрызнулся Соломонов.

– Дайте мне, я смогу открыть.

– Еще чего! Мать твою, разве я намекал на то, что мы с тобой, сопляк зеленый, настолько сдружились, что я доверю тебе целый кейс набитый наличкой из-за которой много людей жизни лишились? Руки убрал!

– Может нужен ключик?

– Никакого ключика не нужно. Тут нет замков, только защелки, мать их. Дай мне какую-нибудь отвертку, кто-то погнул защелки так чтобы нельзя было открыть.

– Кто?

– Оксанка, кто-ж еще! Да дай же, наконец, что-нибудь острое, твою мать!

Достать нужный инструмент в слесарке набитой инструментами не составило труда даже для такого недотепы как Лева Нилепин. Он быстро нашел подходящую отвертку и сунул ее в ладонь своего босса.

– Что мы будем делать дальше? – затаив дыхание спросил Нилепин.

– Мы? – не понял Соломонов, на минуту остановившись от вскрытия кейса. – Мы... То-есть – мы с тобой? Ты и я?

– А вы, может быть, задумали избавиться от меня? Вам мало мертвяков? Одним больше, одним меньше, так?

– Заманчиво. Признаюсь, я об этом не думал, а вот теперь, когда ты сам натолкнул меня на это...

– Но-но! – Нилепин схватил со стола кувалдочку. – Только попробуйте!

– Выдохни, – хитро улыбнулся Константин Олегович. – Убивать тебя я не стану. Если ты заметил, мать твою, я лично никого не убил. Можешь считать меня кем угодно – вором, мерзавцем, скотиной, мне это совершенно безразлично. Я такой и есть и в своем мнении ты будешь далеко не единственный. Но только не вздумай считать меня каким-то бессовестным убийцей. – Соломонов вздохнул и возобновил прерванные попытки вскрытия кейса отверткой. – Однако и оставить тебя я никак не могу, ты, мать твою, озлобишься и расколешься на первом же допросе у господ, мать их, полицейских. Сам побежишь в мусарню... в полицейский участок сдавать меня со всеми потрохами. Я беру тебя в долю, мне ничего другого не остается.

– Ура! – по-детски обрадовался Лева Нилепин и убрал на место кувалдочку, захлопал в ладоши.

– Половина тебя устроит? Подавись. – пробурчал Соломонов, не глядя на новоявленного компаньена. – Только, умоляю, мать твою, освободи меня от вида твоего щенячьего

восторга, это отвратительно. Ты в некоторой степени помог мне, пацан, огрев того ублюдка по зубам огнетушителем, к тому же я все равно изначально планировал делиться половиной с Оксанкой. Теперь ты, твою мать, вместо нее. Рад, да? Фу, смотреть противно, утри слюни пока я не передумал. – Тут Соломонов опять остановился и, держа отвертку в застывшей руке, задумался. – Только... тебя же заметут. К бабке не ходи – заметут мгновенно. Может быть уже сегодня. Ты же лох. Тебя повяжут, не успеешь ты пересчитать свое бабло. И тогда ты меня опять-таки сдашь. Конечно сдашь. Не мотай репой, мать твою, ты меня сдашь потому что поверишь в то, что тебе скосят срок. Мне не остается ничего другого как взять тебя с собой, пацанчик.

– У вас есть план?

Соломонов поморщился и вернулся к неподдающемуся кейсу. Отвертка подковыривала застёжки, но они не поддавались. В слесарке слышался скрежет, возня, щелчки.

– Разумеется у меня есть план, – произнес Константин Олегович и вытер взмокший от напряжения лоб, – и он еще в силе. Мальчик, ты наивно ошибаешься, если полагаешь, что я, идя на такое дело, не позаботился об отступлении. Я с этого начинал, мать твою. К вечеру мы с тобой сядем в автомобиль «Вольво» с определенными номерами, что будет ждать меня в условленном месте. На нем мы минуем все КПП и ни один мент... ни один господин полицейский не посмеет даже поднять на эти номера глаза, не то что полосатый жезл. Но-

чью мы уже будем далеко, а через день ты получишь новый паспорт и выберешь новое место жительства на Украине...

– Где? Я не хочу на Украину.

– Тебя, мать твою, не спрашивают куда ты не хочешь. Я лечу в Киев, насчет меня все договорено. И если хочешь спасти свою задницу и не угодить на нары... А ты этого очень сильно не хочешь, да? Да? Я кого спрашиваю?

– Не хочу.

– Очень тихо. Мне кажется ты не уверен.

– Не хочу!

– Отсюда следует вывод, что ты обязан захотеть улететь на Украину. Ты полетишь со мной и это не обсуждается, мать твою. – Соломонов отшвырнул отвертку. – Да что за черт, мать твою, дай что-нибудь другое!

– Что?

– Что-нибудь другое! – эмоционально вскричал Соломонов. – Ты видишь, что эта гребаная отвертка не годиться. Так включи соображалку и подумай, что могло бы подойти! Надо потковырнуть эти замочки, мать их! Мать их перемать, я сейчас распилю этот сраный кейс!

Нилепин подносил своему шефу то один инструмент, то другой, но начальник производства был слишком нетерпелив и нервозен, чтобы справиться с мелкой моторикой рук и у него не получалось поддеть и распрямить вогнутые защелки кейса. Он ругался и бил ладонью по подпрыгивающему кейсу (в такие мгновения Лева верил, что его босс может

сломать крышку кейса, но та даже не мялась), швырял неподходящие инструменты, обвинял во всем главного бухгалтера Оксану Альбер и производителей таких невскрываемых кейсов. «А если бы у меня там были инсулиновые шприцы, мать вашу!!!» – огрызнулся он неизвестно кого конкретно имея в виду. Нилепин поднес начальнику «болгарку» и дошло даже до того, что они включили ее в сеть, но в последний момент Константин Олегович взял кейс в руки и потряс его. Из него слышалось шуршание чего-то бумажного.

– Ты слышишь? – спросил он у Нилепина.

– Слышу, Константин Олегович.

– Что ты слышишь?

– Что-то шуршит.

– Задам тебе только один вопрос и хочу получить ответ немедленно. Что, если, мать их, не деньги может шуршать внутри этого кейса?

– Что?

– Ну если не деньги, то что?

– Не знаю, – открыто признался Нилепин не смущаясь своей несообразительности. Он был полностью ведомым за своим боссом и доверялся ему во всем, отключив собственную «соображалку». Зачем ему было думать и принимать решения, если за него это делают не в пример лучше?

– Твою мать! Твою-ж мать, ты – бестолочь! Вопрос не сложный – что может шуршать в кейсе?

– Документы?

– Какие документы?

– Откуда я знаю какие там могут быть документы? Может газеты...

– Газеты?! – взбеленился Соломонов и от возмущения готов был огреть кейсом Нилепина по голове. – Я не ослышался? Повтори. Ты феноменален, парень! Почему я взял тебя на работу, чем я ориентировался и по какой причине я до сих пор не уволил тебя? Я был о тебе лучшего мнения. Впрочем, мне на фабрике нужны именно такие тупицы как ты, они не задают лишних вопросов. Какие газеты? Какие документы? Это тот кейс в который Оксанка Альбер на моих глазах, укладывала бабло! Пачка к пачке, купюра к купюре. Такие новенькие двухтысячные, на них какой-то, мать его, космодром. Она не положила туда документы. Значит тут в этом кейсе, может быть только бабло! Врубашься или стоит разъяснить еще раз? Ни газеты, ни порножурналы, ни чего-то такого что не является деньгами. Только деньги! Много денег!

– Тогда зачем вы спрашиваете? Я думал...

– Там деньги! – заключил Соломонов и хлопнул по кейсу ладонью. – А где старпер?

Только тут оба мужчины обратили внимание на то, что Коля Авдотьев бесследно исчез. Он растворился незаметно, как запах, как тень от уходящего за горизонт солнца.

– Убежал! – воскликнул Нилепин.

– Ну и черт с ним! Кейс откроем потом. – огрызнулся

Соломонов и, убедившись, что старичка действительно след простыл, взял кейс и вышел из слесарки. Авдотьева не было и в цеху, он был мастером прятаться, но на всякий случай начальник производства позвал его по имени. Старик скрылся.

– А ваш план по отступлению, – заговорил не отстающий от Соломонова ни на шаг Лева Нилепин, – он точно сроботает?

– Точнее не куда, – огрызнулся Константин Олегович будто от назойливой тьявкающей под ногами собачки.

– Вы уверены?

– Матвей Карусельщик, – произнес Соломонов вышагивая по цеху и зорко смотря по сторонам, – Тебе знакомо это погоняло? – Нилепин ответил, что никогда не слышал о таком и признался, что старается держаться подальше от криминального мира. – Счстливый ты человек, Нилепин, – вздохнул начальник производства. – Ни забот, мать твою, ни хлопот. Карусельщик – очень влиятельная фигура в нашем регионе.

– Не гоните, Константин Олегович, – ответил Лева Нилепин, – не может быть чтобы влиятельная фигура отзывалась на такое прозвище. Какая у него настоящая фамилия?

– Ты прав, Карусельщиком он был раньше, а теперь он, мать его, Матвей Олегович. Он может очень сильно разочароваться в человеке, если узнает, что кто-то назовет его Карусельщиком. Матвей Олегович, мать его! – прыснул Соломонов. – Да я скорее съем кусок тюленьего дерьма, чем на-

зову его по отчеству! А фамилия у него такая же как у меня. Мы сводные братья, мать нашу. Он старший, я младший. Теперь ясно? Чтобы у тебя далее не возникало вопросов и ты не отвлекала меня в дальнейшем расскажу все подробно и самого начала. Расставлю все по полочкам и если и после этого у тебя, Нилепин... Твоя фамилия Нилепин, правильно?

– Да, но вы можете называть меня Левой.

– Разумеется могу! Я могу называть тебя, мать твою, хоть жирафом Дениской! Так вот, Нилепин, если после моего объяснения у тебя будут вопросы, ты меня сильно выбесишь, потому что я вообще не люблю говорить о нашем с Матвеем родстве, тем более с таким молокососом как ты, Нилепин. Значит так, мать мою... – Соломонов остановился между станочным оборудованием и несколько мгновений хмуро смотрел в пол. Помолчав, он с неохотой продолжил: – Когда моя мать пришла к отцу Матвея, мне исполнилось ровно семь лет. В садик я ходил в одном городе, а в школу, мать её, пошёл в городе за семьсот восемьдесят восемь километров на юго-юго-западе. Впрочем, это к делу не относится. Матвей был на три года старше, ему шёл одиннадцатый год. Как ты понимаешь – у нас были разные родители и мы братья сводные, не кровные. – Константин Олегович на некоторое время замолк, раздумывая, стоит ли говорить такие подробности. Наконец решился: – Матвей всегда старался доказать мне, что он старше, а значит умнее и правее. А я же,

по его мнению, был мелкий глупенький мальчишка, умеющий только в машинки играть. А у меня, понимаешь ли, Нилепин, такой характер, что я никогда не мог смолчать. Никогда не мог, я всегда таким был – по школьным предметам – круглый отличник, а по поведению – одни замечания. Дерзил училкам, со всеми спорил, чего-то доказывал. Эх, мать мою, и намучились со мной преподы! И мы с Матвеем, сколько себя помню, ежедневно находились в духе противоборства. Он мне одно – я ему из принципа – другое. Я ему это – он мне противоположное. Это была не война, конечно, но соперничество. Каждый из нас отстаивал свою точку зрения, даже зная, что не прав. – Соломонов взглянул на Нилепина. – Может быть с тех времён у меня и сформировался, мать его, мой говенный характер... Я упрям как баран и все время кому-то что-то доказываю, будто мне больше всех это надо. А он – Матвей Карусельщик – за свою правду вообще покалечить может, это тот ещё упырь! Мать мою, да я по сравнению с ним – херувимчик! – Константин Олегович пошёл дальше по цеху, отбивая ритм шагов подошвами своих дорогих зимних туфель. Нилепин поспешил за ним, хотя силы стремительно покидали его. Вновь открылось кровотечение из распоротого живота. Нилепин пока ещё держался, но выглядел прискверно. – Когда время пришло и нужно было выбирать жизненные дорожки, – продолжал Соломонов, – Матвей пошёл по лёгкому пути, затесался в криминал, мать его! Сволочь!

– Почему он сволочь?

– Потому что, мать его, это была моя мечта. Моя, понимаешь, Нилепин? Я грезит лёгкими наживами, красивой жизнью и криминальными разборками. В то время был разгул криминала и я всерьёз заводил связи и местными бандитами, хотя сам-то в ту пору ещё и восьмой класс не закончил. Я так сильно этого хотел, но Матвей был старше и втиснулся в банду раньше. Тогда-то ему дали такое погоняло – Карусельщик. Он, мать его, собирал дань с аттракционов в парке отдыха. Я мог бы последовать за ним, но из принципа, свернул на другую, мать её, дорожку. Из принципа, из духа противоречия! Пошёл в бизнес. Не буду рассказывать дальше – это долго и не важно. Но в итоге он умудрился пробиться в местную власть, а я руковожу фабрикой. Пусть я не хозяин, но, поверь мне, на своём месте я нехило имею. И все было бы хорошо, но есть один, мать его, нюанс...

– Что так нюанс? – спросил Нилепин.

– В последнее время мы с Матвеем стали все больше враждовать. Он хочет память под себя Шепетельникова и его фабрику, но из-за меня не может. Я отказываюсь. Данилыч, мать его, простофиля, боится нос высунуть и не знает, что за его спиной мы с Матвеем Карусельщиком почти воюем за фабрику. Но из-за каких-никаких родственных связей не имеем права поднимать друг на друга руку. Так вот, мать его, теперь о главном. Матвей знает, что я грабанул свою фабрику, мало того, он сам предложил мне сделать так, чтобы я

исчез из города. Он это организует, для него это пара пустяков. Я исчезаю, оседаю в Киеве и больше ему не мешаю. Мы оба, мать нашу, друг другу не мешаем. Пусть берет фабрику и делает с ней что хочет, пусть выжимает из нее все последние соки. Это будут не мои проблемы, я буду далеко.

– А если он обманет, – спросил Нилепин. – Сдаст вас, Константин Олегович, а скажет что...

– Помолчи, не говори чепухи. Мое исчезновение в интересах Матвея Карусельщика, так как я имею на него кое-какой компромат, мать его, и в случае моей поимки я выкладываю о своем братце все что знаю, а знаю я все. Теперь ясно тебе, мать твою? В интересах Матвея чтобы я исчез. В интересах Матвея Карусельщика, чтобы я жил на воле, но не здесь, не у него под носом.

Соломонов остановился и с широчайшей улыбкой посмотрел на своего невольного компаньена Леву Нилепина. У него были прекрасные ухоженные зубы, горящие глаза и непослушные, падающие на лоб, кудри. Он был здоров и готов к светлому будущему, он держал в руке фабричную каску за два месяца и знал, что ему остается только уйти. Просто помахать ручкой Шепетельникову и покинуть цех. Пусть Даниил Данилович сам расхлебывает сегодняшнюю бойню, пусть ищет Соломонова и пропавшие деньги как ветра в поле, как вчерашний день, как свою совесть, а Константин Олегович ляжет на украинском дне, его не смогут выковырять оттуда даже российские власти, но, благодаря влиянию Мат-

вез Карусельщика – этого и не будет. Матвей отмажет своего сводного младшего братца, отмоеет от любой грязи и запрячет подальше. А заодно и Леву Нилепина, ведь теперь молодой человек волей-неволей примкнул к их братской связи. Одним словом, Константин Олегович был чрезвычайно рад.

День, конечно, получился кровавым, хуже не придумаешь. Изначально он совместно с Оксаной Альбер должен был просто тихо проникнуть в свой кабинет, непринужденно открыть своим ключом свой же сейф, опустошить его до последней купюры и так же тихонечно потеряться за пределами фабрики. План был прост и не предполагал какого-либо вмешательства третьих лиц и если бы Соломонов знал или хотя бы догадывался что все так ужасно закружиться, то отменил бы все на начальном этапе. Он не был живодером и не испытывал радости от чужих смертей. Но так уж сложился день. Он вышел из этой дьявольской мясорубки, он жив-здоров, с деньгами. Было трудно, но в итоге он справился.

Начальник производства и его молодой подчиненный стояли в пустом цеху на полпути до спасительного выхода, по одну сторону от них располагались неровные ряды станков среди которых выднелись чьи-то недвижимые ступни, по другую до самого потолка были окна, заправленные в маленькие стеклянные квадратики рам – годами не мытые и не протираемые от древесной пыли. За окнами мела метель склоняя к земле хлипкие скелетики деревьев и беспощадно трепя их ветки. Деревья сопротивлялись выюге, не хотели па-

дать под воздействием природной стихии и это противостояние дерева и ветра хорошо было видно на примере стоящей прямо у окна березы, чьи тонкие и гибкие как веревочки ветки лихо метались в диком вихре подобно длинным ведьминым волосам. Нилепин жадно хахотел туда – на улицу. Захотел быть унесенным ветром как можно дальше от этих стен, захотел, чтобы ледяная выюга трепала его волосы и одежду, задувала под тело, пробрала насквозь. Ему хотелось на улицу, на ветер и он нетерпеливо ожидал своего остановившегося босса. А Соломонов дастал телефон, нажал какой-то только ему ведомый номер и произнес в трубку лишь два коротких слова: «Деньги есть!» Затем выслушал ответ собеседника, убрал трубку во внутренний карман куртки и ликуя похлопал Нилепина по плечу.

– Нам осталось только пройти через проходную, – сказал он, – там сидит тюфяк Эорнидян, мать его. Он не должен нас видеть, ведь нам не нужны свидетели, согласен?

– Согласен, – эхом отозвался Лева.

– Я опять отправлю его в кочегарку, пусть проверит температуру в трубах, – с этими словами Соломонов повторно извлек свой телефон и опять набрал номер, но на сей раз ответом ему были длинные гудки, закончившиеся роботизированной фразой «Абонент не отвечает, попробуйте позвонить позже». – Где он? Он что, мать его, спит? А! Вспомнил! Мы же видели его! Он под автопогрузчиком! Ну и прекрасно, мать его, зашибись! Нам остается только помахать руч-

кой и пустить воздушный поцелуй этой фабрике!

Соломонов, не переставая радостно улыбаться, достал из того же внутреннего кармана табакерку.

– Константин Олегович, может не стоит? – предупредил Лева Нилепин.

– Вашу мать!!! Ну почему вы мне все чего-то советуете! – вдруг вспылал начальник производства и Нилепин виновато потупил взор. – Неужели я давал понять, что настолько беспомощен, что могу существовать в этом мире лишь исключительно благодаря всяким советом? Если бы я, мать вашу, нуждался в советах, я бы сделал татуировку на лбу с фразой: «Я НУЖДАЮСЬ В СОВЕТАХ»! Ты видишь у меня на лбу такую татуировку?

– Нет, Константин Олегович.

– А табличку на груди?

– Нет.

– Может я вешал объявление на стене цеха: «Дайте мне совет, вашу мать!» и подпись – начальник производства ОАО «Двери Люксэлит» Константин Олегович Соломонов? Мне даже сраный Шепетельников ссыт что-то посоветовать! Так почему все лезут со своими советами и при этом советуют одно и то же? Ты случайно не общался сегодня с Оксанкой Альбер? – на этот вопрос Нилепина объял озноб и он счел за лучшее не отвечать. – Так почему ты повторяешь ее слова, мать твою? Я лучше всех знаю, что мне делать, а чего не делать, запомни это, юноша, и в следующий раз дважды по-

думай прежде чем что-то мне советовать!

– О-кей, босс, но отдайте мне хотя бы кейс. Я его только подержу...

– Еще есть шутки? Если есть – говори сразу все, мать твою.

– Я немного за вас побаиваюсь, Константин Олегович. Дайте мне кейс, я просто его немного подержу и верну. Честное слова.

– Юморист, мать твою! – рассмеялся Соломонов и двумя вдохами опустошил табакерку.

Наступило оцепенелое молчание.

Молчал Соломонов, молчал и Нилепин. Прошла минута, начальник производства не шевелился, замерев как восковая фигура. Его взгляд утсавился в одну точку, глаза остекленели и не моргали. Почувствовав себя не в своей тарелке, Лева Нилепин помахал перед своим шефом рукой, пощелкал пальцами – от застышего Соломонова не последовало никакой реакции. Вообще никакой.

– Константин Олегович, – тихонько позвал его Лева. – Константин Олегович...

Не моргая Соломонов выдавил из себя бормотание монотонное как мычание олигофрена.

– Ты опять за мной, ангел... Ты бесполоый... Не хочу... Не надо за мной... Мать твою... В твоём раю скучно, я не хочу... Я не хочу слушать арфу, мне не нравится... Давай потом... Не хочу, мать твою...

Соломонов стал медленно заваливаться назад.

Нилепин стоял с открытым ртом, но вместо того чтобы удержать своего начальника Лева зачем-то тремя пальчиками взял из его рук опустевшую табакерку. Константин Олегович Соломонов грохнулся на спину.

На этот раз его не вырвало. Он разбил себе голову о бетонный пол.

А Нилепин так и остался стоять с табакеркой, держа ее тремя пальцами как церковную свечку.

– Константин Олегович, – пробормотал он и заглянул в мертвые глаза Соломонова, – вы чего, умерли, что-ль..?

14:53 – 15:17

Сперва он пошевелил руками, потом повернул голову. Долго, пожалуй, дольше чем хотелось бы, он не мог сфокусировать взгляд и в какой-то момент испугался отслоения сетчатки на обоих глазах. И не мудрено. От такого удара глаза вообще могли бы выскочить из своих мест. Все вокруг было размыто и двоилось, но постепенно Женя Брюквин стал осознавать, что лежит на жестком полу неудобно повернув голову на бок. Из рта текла кровь и образовывала растекающиеся ручейки, быстро прокладывая себе русла в пыли бетонного пола. Женя наблюдал за кровавыми ручьями как-бы со стороны, не связывая их с собой. Боль была. Острая пульсирующая, но не такая, чтобы затмевало сознание. Похоже Женя Брюквин переступил болевой порог, во всяком случае

боль не являлась главенствующим чувством в его организме.

Его распирала глубочайшая обида, ему было чудовищно стыдно за то, что его так подло ударили. Он постарался приподняться и ему это удалось. Ноги держали его, руки помогали, машинально цепляясь за сборочные столы и балки стеллажей. Голова кружилась, но вскоре Женя смог увидеть мелкие детали обстановки. К нему возвращалась функция фокусировки, это обнадеживало. Он помотал головой и потрогал нижнюю часть лица, там где, как ему казалось, взорвалась небольшая граната которую он перед взрывом накрепко сжал зубами. Фигуральная граната раскурочила ему всю плоть, оголив каждое нервное окончание. На прикосновение нижняя часть лица отзывалась резкой острой болью, принуждающей Женю взывать и пускать горячие слезы. В глазах вспыхивали радужные блики. Нет, лучше не трогать и благодарить шоковое состояние, из-за которого боль пока не сводила его с ума и не заставляя против воли помышлять о суициде.

Кровь заливала его шею и одежду, он не знал как ее остановить. Она заполняла его рот, он пускал длинные вязкие кровавые слюни, боясь глотать, так как любое напряжение челюстных мышц выводило Женю из себя и у него аж сотрясалось все тело. На одном таком глотке он подавился и покашлял. И повалился на какой-то станок, забрызгав его кровавыми слюнями и долго выл в пустоту мертвого цеха. Он утер слезы и попробовав языком ощупать то, что раньше бы-

ло ротовой полостью – рваное мясо, осколки зубов, хрустящие хрящи. Челюсть была словно совсем не его, нечто совсем незнакомое, потерявшее прежнюю геометрию и еще она почти не двигалась, прикус изменился. Он не мог поставить ее на место. Проще говоря – Женя Брюквин не мог ни жевать, ни просто сжать зубы. Зубы были как будто не на своих местах и не сходились при сжатии, а сам рот отзывался резкой болью даже на самое мягкое прикосновение языка.

Брюквин долго и кропотливо выковыривал языком и пальцами три раскуроченных зуба, выплевывал костные крошки и мычал от боли. И говорить у него не получалось, выходили какие-то несуразные отвратительные звуки.

Он обо что-то споткнулся, едва не упал. Куда-то направился, но остановился. Брюквин закружился, стараясь скоординироваться. Его окружали сборочные столы, поддоны с деталями – нарезанными филенками, брусками, штапиком, поперечками и стоевыми, стеклом и зеркалами, поддоны с собранными дверными полотнами, коробки со специальными клеями и герметиком, еще какие-то коробки и различное оборудование для сборки и склейки. Женя переводил шальной взгляд с одного предмета на другой, вращал глазами и мычал. Он был один. Вокруг были только оборудование и детали, но мужчина не видел ни одной движущейся фигуры. Его оставили одного и он еще не знал, что делать дальше, куда идти и как использовать это свое одиночество. Сколько времени прошло с того момента, как его ударил кто-то, в ком он

успел смутно узнать того молодого типа, с которым сегодня его неоднократно сталкивался судьба. Они даже боролись в стеклянных осколках за обладание огнестрельным оружием. Неужели этот тот самый юнец? Как ему удалось так подло и незаметно подкрасться к нему сзади? Как же Женя проглядел его?

Женя закрыл глаза.

Вот тебе и грабанул двух человек с фабричной кассой! Вот тебе и сногшибательное видео с его триумфом! Это не торжество – это позор, который он сам же и снял на видео с мельчайшими подробностями, а в итоге потерял двух товарищей и остался с жирной фигой в кармане и раздробленной челюстью, а вовсе не с заветными деньгами, способными обеспечить ему красивое будущее и исполнение хотя бы части его детских и юношеских мечтаний. Для чего тогда это все было? Для чего он разрабатывал нападение, собирал людей, доставал оружие, рисковал? Жене было обидно до глубины души, он не способен стать лучшим среди грабителей, не в состоянии быть самым молниеносным и дерзким налетчиком – примером для подражания молодой преступной поросли. А вместо этого он ощущал себя самым неудачливым в мире лохом, самым пустоголовым за всю историю преступности дураком! Он не самый лучший – он самый худший! Он – лузер, а для Жени Брюквина это было категорически неприемлемо, он не умел и ненавидел ощущать себя не самым лучшим.

Мучаясь душевными страданиями и сверьез размышляя – столит ли вообще жить после такого дня, он увидел на одном из сборочных столов лежащую женщину. Ту невысокую хрупкую брюнеточнку – мастерицу участка Любу Кротову, что он брал в заложники, но теперь она была мертва. Ее определенно застрелили из огнестрельного оружия, а потом для чего-то положили на стол. Он приподнял ткань с ее лица, смотрел на нее, на кровавое отверстие между плечом и грудью. Потом отвернулся, но сделав полупьяный шаг назад, заметил еще одно тело, валяющееся рядом на полу. Зимняя куртка-аляска, капюшон с окантовкой из искусственного меха, зимняя фуражка с опущенными ушами и очки, одна дужка которых слетела на щеку. И красное пятно в области сердца. Женя и его узнал – тот, кто был с мастерицей Кротовой и о котором она сказала, что он глухонемой. Брюквин замер и осмотрелся по сторонам – кто-то же их убил. А кто если не начальник производства по имени Константин и по фамилии Соломонов? Во всяком случае – не Женя Брюквин. «Надо-же... – мелькнуло в голове у изувеченного преступника, – а этот Соломоныч – страшный человек! Проклятье! Да он даже не хуже меня! По одному выстрелу на каждого, ковбой кучерявый!»

Других мертвецов Женя не нашел, зато рядом с глухонемым обнаружил свой пистолет и тогда уже совсем потерялся в догадках – кто кого пристрелил и почему у глухонемого брюквинский пистолет.

Не имея, впрочем, плана дельнейших действий, Женя нагнулся и подобрал оружие. Проверил – был сделан только один выстрел. Тогда он быстро похлопал себя по карманам, вспоминая где держал дополнительную обойму. Ее не было, значит кто-то уже обыскал его и перезарядил оружие. Глухонемой? Ведь пистолет был у его руки. Тогда кто и как пристрелил самого глухонемого, если у Соломонова оружие с холостыми патронами?

Женя сжал рукоять пистолета. Опираясь на столы и станки он плелся куда-то вперед, перерабатывая новую для себя установку. Он потерял все! Он не приобрел ничего! Ни рубля, ни жалкой копеечки! Он поднял руку и дотронулся до лба, надо же, а видеокамера-то еще одета на лоб и совсем не сдвинулась, смотрит вперед и Женя предположил, что она может еще и работать. Пусть так, пусть она еще записывает все происходящее, для Жени Брюквина это стало безразлично, потому что позже, когда он выкарабкается из этой проклятой фабрики, он начисто сотрет все записанное. Сотрет без остатка. Сотрет все. Исходя из этой установки он и не стал снимать камеру сейчас, ему это было неохота, а точнее сказать – совсем неважно. Ему не хотелось даже поднимать руку ко лбу.

Внезапно из звенящей тишины мертвого цеха до Брюквина донесся разговор и Женя поспешил на него. Разговор был отчетливо слышен в пустом цехе и Женя, не забывая о мерах предосторожности, относительно быстро вышел на

разговаривающего. Прячась за станками и оставаясь всегда чуть позади, Женя перебежками следовал за двумя обнаруженными мужчинами. Один – высокий и кучерявый – был начальник производства Константин Соломонов (такая, кажется, была его фамилия) – его главный, основной и единственный конкурент. Это его Женя должен был ограбить еще несколько часов назад, у него отобрать фабричные деньги. Это его они искали с Максимилианом Громовержцем и Точилой. Вторым из разговаривающих (а вернее сказать – слушающий) был молодой пацан, с которым судьба уже многожды раз сводила Женю. Раненый в брюхо юноша, которого Брюквин хотел бы кончить не меньше чем Соломонова. Женя поспешил за разговаривающей парочкой, преодолевая извилистые закоулки, созданные цеховым оборудованием и вспоминая, что уже бегал сегодня утром по этому маршруту в сопровождении своих менее удачливых компаньонов. Для преследуемых он оставался невидимым, хотя высокий Соломонов то и дело останавливался и вертел головой как радаром на морском берегу. В такие минуты Женя молниеносно падал вниз и прятался за близстоящим оборудованием. Однажды он так неудачно бухнулся на пол, что ударился челюстью и едва не свихнулся от адской боли. Это был единственный момент когда Брюквин чуть-чуть не упустил преследуемых. А Соломонов не замечая спешащего за ним Брюквина в сопровождении молодого гаденыша с простодушным как у младенца взглядом двигался в ту сторону, в которой пред-

положительно был выход из цеха. Насчет выхода Женя был не уверен, он и сам бы многое отдал за то, чтобы получить в руки план производственного цеха, но предположительно, выход был в той стороне куда спешили начальник производства и его молоденький сопровождающий, спотыкающийся на каждом шагу от раны в животе, не позволяющей ему выпрямиться в полный рост и вообще передвигаться стремительно и проворно. Если бы не он со своим ранением, начальник производства уже покинул был цех. «Эх ты, – мысленно поблагодарил молодого Женя Брюквин, сам с трудом передвигая ноги, – если бы не ты, твой шеф давно бы уже скрылся с фабрики, ты для него как прикованная к ноге гиря. Это мне на руку».

Между прочим, в руке у Соломонова был кейс.

Кейс!

«Я так и знал!» – возликовал Брюквин и поправил камеру на лбу. Его существование вдруг неожиданно приобрело смысл и цель. А ведь еще ничего не потеряно! У Жени появилось второе дыхание, вид легко достигаемых денег наполнил его тело дополнительной энергией и даже раздробленная челюсть ушла на второй план. «Я сделаю себе новые зубы! – принялся внушать он самому себе. – Я знаю одного зубного техника, он не откажется от заработка. Я сделаю себе самые лучшие зубы, поставлю самую крепкую челюсть. Современная медицина творит чудеса, у меня будет самая красивая улыбка, я смогу грызть ореховую скорлупу! Все можно сде-

лать за деньги, а деньги у меня будут! Если надо, я всю сумму одтам на зубы, лишь бы цапануть эти баблосы как полагается самому лучшему грабителю! Надо только протянуть руку и просто-напросто взять мои деньги. Вон они! Ну держитесь, ютьюбщики, сейчас я вам покажу как стреляет профессиональный налетчик по движущимся мишеням!»

Металл пистолета уже холодел его побелевшую от напряжения ладонь.

15:21 – 15:36

«Боже мой, что делать? Что же мне теперь делать?» – паниковал Лева Нилепин, перетаптываясь с ноги на ногу и едва не плача. Он то приседал к телу своего теперь уже бывшего начальника, то, испугавшись, вскакивал как от ядовитой змеи. Вот он все-таки поддался панике, отбежал на несколько метров за поддоны с деталями из ДВП, приготовленными под покрытие белой эмалью, но передумав, вернулся и опять заветелся вокруг Соломонова совершенно не зная какие действия препринимать. Свидетельство очередной смерти окончательно лишило Леву самоконтроля, он готов был закричать и убежать. Он и хотел убежать, здравый смысл настаивал именно на этом – скрыться, покинуть цех, пока старуха с косой ни нанизала его на свои бусы смерти наряду с дюжиной несчастливцев, которым не повезло оказаться сегодня в производственном цеху ОАО «Двери Люксэлит». Смерть вихрем мечется по цеху, косит направо и налево, а он – Ле-

ва Нилепин – еще так молод, он и жизни-то не видел. Он только начинает наслаждаться всеми прелестями жизни, он берет от нее достаточно много, у него более чем отличные успехи с девчонками, он не парится по пустякам связанными с недостаточно большой зарплатой, у него нет кредитов и долгов и живет максимально беспечно, осознанно отвергая житейские сложности. Ему всегда было легко и непринужденно, он никогда не задумывался о завтрашнем дне, а вот сейчас очень крепко задумался.

На его бледном как у мраморной статуи лице текли горячие слезы прожигая бороздки в налипшей пыли как вулканическая лава и с этими слезами утекала его беззаботность и житейская веселость. Лева был в шоке и он был один. Он в очередной раз присел на корточки над телом Соломонова и тихонечко позвал его по имени-отчеству. Потрогал его за плечо, чуть потолкал и отдернул руку. Встал. Опять присел.

«Надо бежать! – трезвонило у него в голове, – Беги, дурак, ты и так влип по самую шею! Беги пока не стало поздно!»

Он вытер слезы и сопли, размазав их по лицу. От бешеного сердцебиения гудело в висках, рана на животе пульсировала кровью, пропитавшей всю одежду ниже ребер. Дрожащей рукой Лева Нилепин прикоснулся к лежащему на полу кейсу. «Не надо! – вопил его расудок, – Не бери! Не трогай! Эти деньги приносят несчастье! Это проклятые деньги!»

Но он все-таки взял кейс. Взял и прижал его к груди как родное дитя (за неимением своих детей он предположил, что

именно так прижимают родных детей), чуя внутри него успокаивающую тяжесть своей безбедной жизни. «Они все равно кому-нибудь достанутся, – успокаивал он себя, – Чьи они теперь? Все умерли. Один я остался... Кому они предназначаются если не мне? Это судьба, это карма! Эти деньги изначально уготованы для меня!» Прежде Лева никогда бы не употребил слово «уготованы», а сейчас, мысленно произнеся такие патетичные фразы он невольно ощутил в них некий предначертанный судьбой рок.

Бросив прощальный, полный животного испуга, взгляд на труп Константина Олеговича Соломонова, Нилепин поднялся на непослушные ноги. Озираясь по сторонам и чувствуя себя загнанной жертвой, он поспешил к выходу, прижимая кейс к груди и словно защищаясь им от внезапной опасности, предназначенной ему проклятием коварной судьбы. Ему то мерещался топот за спиной, то мелькали с разных сторон блики смертоносной косы, рассекающей воздух и скрежет зубов костлявой старухи в черном капюшоне. В какой-то момент ему почудилось, что над ним кто-то издевательски хихикает и он припустил еще быстрее, как только позволяло ему раненое брюхо. Эх, если бы не ранение и не высывающиеся из-под скрепок внутренности, он был двигался во много раз быстрее и давно бы уже оставил страшный цех далеко за своей спиной. Кейс мешал бежать, Лева уговаривал себя отбросить его и отказаться от денег, но сам же противоречил себе и ставил в контраргументы тот факт, что

теперь уже в цеху точно не осталось никого живого (даже охранник был раздавлен вилочным погрузчиком) и остановить его будет просто не кому. Он спешил к выходу, внутри него все сжалось, кейс казался тяжелее с каждым преодоленным метром и норовил выпасть из ослабевающих рук, но Нилепин не сдавался, он делал шаг за шагом, шаг за шагом, оставляя за спиной горы трупов, чей молчаливый упрек он буквально чувствоал затылком на физическом уровне. До заветного выхода оставалось совсем чуть-чуть, Лева преодолел небольшой лабиринт между станками, прихрамывающей рысцой пробежал между поддонами с заготовками, обошел еще один станок и по стеночке, на всякий случай прячась за оборудованием, достиг главный ворот. Лева уже выходил сегодня через эту дверь – вместе с Юркой Пятипальцевым они вывозили тело Августа Дмитриева и он – дурачок Лева – болтал о выработанной им классификации яиц. Нашел о чем говорить! Только сейчас до него стало доходить, каким глупцом он выглядел перед своим старшим товарищем, посмеивающимся над ним.

Прежде чем распахнуть дверь наружу он в последний раз обернулся. Цех молчал, хотя Леве казалось, что откуда-то из темных металлических глубин, переполненных сытой смертью, откуда-то из теней, прячущих в себе смертельные угрозы, раздавались различные звуки – вздохи, стоны, гул и постукивание. Будто сами станки пытаются позвать Леву обратно в свой древесно-стальной электрический мир. Нилепин по-

смотрел назад – вон неподалеку тот самый 4-сторонний фрезеровочный станок, с которого все началось. Опять вспомнились Дмитриев и Пятипальцев и если с Августом все было предельно ясно, то судьба Юрки для Левы так и осталась неизвестной. Последний раз он его видел упавшим вниз с антресольного этажа и Нилепин надеялся, что его товарищу удалось выбраться из-под стеллажей и он где-то тут зализывает раны. Может в раздевалке допивает вишневый виски, а может давно укатил домой. Ему как обладателю автомобиля «ВАЗ 2110» с приподнятой подвеской уехать прочь из цеха было несравнимо легче чем бесколесному и даже не задумывающемуся о сдаче на автомобильные права Леве. А может Пятипальцев в кочегарке у Аркадьича? Ведь все знали, что у кочегара самая полная аптечка, в которой можно найти медикаментозные средства на все случаи жизни, а сам Аркадьич хвалился, что у него на топчанчике, если сильно приспичит и если к нему случайно заглянет акушер-гинеколог, то можно даже принимать сложные роды. Но Лева боялся заходить и в кочегарку и в раздевалку.

Чего боялся?

Да, черт побери, Лева признавался, что не хотел делиться. Все деньги до последнего рубля он считал своими. «Юрец, понимаешь, это судьба, – шептал он почти вслух. – Это не я такой подлый, это карма такая».

В нескольких метрах от 4-х стороннего станка с раскрытым настез электрическим щитком Лева увидел кран-балку

со свисающим крюком и вспомнил, что это он оставил его в таком положении, когда из-за короткого замыкания вырубилось все электричество. Под крюком лежало чье-то грузное женское тело по своеобразным округлым очертаниям очень сильно напоминающее тело его Зинаиды Сфериной. И как назло одежда на теле женщины точь-в-точь совпадала с одеждой лавиной благоверной. Лева завыл от отчаяния, но вместо того чтобы броситься к своей герлфренд и оказать ей помощь (при условии, что та еще жива), Нилепин постарался внушить себе, что это не Зина а кто-то только похожий. Непонятно только кто мог обладать такими же схожими с надувным гимнастическим мячом формами тела как не Зина Сферина, но Лева не хотел об этом думать. Ведь Зину он оставил совсем в другом месте – на стекольном участке, а не здесь. И на этом точка! Это не она. Не она...

Лева взялся за ручку двери, ведущей на улицу, где продолжала бушевать метель.

– Стой! – от этого резкого как удар бича приказа Лева Нилепин почти навалил в штаны и медленно-медленно обернулся. – Кейс на пол!

15:36 – 04:06

Брюквин вышел из-за поддонов с нарезанным сосновым и березовым брусом целясь в юношу с обеих рук. Пацан был у него на мушке. Как же его звали? Женя с трудом припомнил, что паренек представлялся ему и назвал свое полное

имя вплоть до адреса проживания. Его звали Лев, но на льва он не тянул. Даже на маленького львенка и про себя Женя решил называть парня Лево́й, подразумевая, что и другие называют его именно так.

– Не шевелись! – крикнул он молодому пареньку и захлебнулся от боли во рту. Его изуродованная челюсть! Она почти не двигалась и каждое произносимое слово отзывалось у Жени такой вспышкой боли, что он готов был лезть на стенку, но, разумеется, ни показывал это ни единым мускулом на лице. Его речь была невнятной, схожей с собачьим лаем или криком глухонемого. – Стой!

Пацан под его дулом медленно повернулся и Женя не без ехидного злорадства подумал, что молокосос сейчас навалит в штаны – такое у него было лицо. Юноша был жалок и слаб, это было очевидно. Он сутулился и инстинктивно прижимал локти к животу из которого обильно сочилась кровь, пропитывая одежду так сильно, что даже Жени с его раздробленной челюстью стало немного жаль беднягу. Должно быть ему требуется хороший хирург.

– Кейс! – гавкнул Женя, выплюнув это слово с кровавыми слюнями. – Клади! На пол!

Лева не сделал этого, наоборот он крепче прижал кейс к груди прикрываясь им как щитом.

– Кейс! Клади! На пол! И уходи! – приказывал Брюквин. – Клади и уходи!

– Хер тебе! – неожиданно выкрикнул молодой человек.

– Убью! – предупредил Женя.

– Бабло мое! – не сдавался Лева. – Понял?

– Кидай кейс! – ох, как же больно было говорить Брюквину. Это было последнее предупреждение, Жени было невыносимо выговаривать слова. – И можешь уходить! Иначе убью!

– Не отдам! Мое!

– Уйдешь живым! Кейс бросай!

Но юноша решил по-своему. Резко развенулся к двери и схватился за ручку, намереваясь успеть выскочить с деньгами наружу.

Женя Брюквин не бросал слов на ветер, тем более, что они давались ему с таким трудом. Он исполнил свою угрозу. Он убил пацана Леву одним выстрелом, попав тому между лопаток, прямо в букву «З» в надписи на спине красной куртки «Фрунзенская птицефабрика №1». За этой буквой у юноши шел позвоночный столб, разорвавшийся в две половины. Пацан прижался грудью к закрытой двери и осел на пол.

– Я же предупреждал, – проговорил Брюквин вполголоса. Он не мог не выстрелить, ведь он же налетчик, грабитель и эта продолжает фиксировать видеокамера у него на лбу.

Ну теперь уж точно все. Женя не торопясь подошел к убитому им пареньку и отобрал кейс себе, на всякий случай разmozжив юнцу голову контрольным выстрелом. Глубоко вздохнув, Брюквин отошел немного в сторону от двери, чтобы заглянуть в кейс и удостовериться в наличии в нем того

ради чего он долбится тут с раннего утра, потому что открывать кейс на улице в сильную метель было чревато тем, что ветер мог подхватить и унести все деньги в стратосферу. Поставив кейс на пачку ДВП он понял, что чтобы открыть его ему понадобится что-то отстрое. Подошла какая-то тонкая стальная деталька от стоящего рядом раскроечного станка. Недолго поковырявшись в зещелках Брюквин выломал замочки, отшвырнул острую детальку и распахнул кейс готовясь поглотить глазами кучу денег.

Но ожидания не соответствовали действительности. Сперва Женя не мог поверить своим глазам и закрыл крышку кейса, мысленно сосчитал до десяти делая ровные глубокие вдохи-выдохи, потом открыл ее вновь.

Денег-то не было. Кейс был набит газетами.

– Как это... – не понимал Женя Брюквин и машинально загреб в пятерню несколько газет, проверяя – не под ними ли деньги. Под верхними газетами были другие газеты, под другими – дно кейса. – Это как так...

И вдруг что-то налетело на него сзади, от неожиданности Женя упал вперед на раскроечный станок и ударился челюстью. Мир на время заволокло взрывной болью, а когда Женя стал более-менее осознавать, что вселенная состоит не только из боли во рту, но из чего-то еще, он открыл для себя что сидит на бетонном полу с заломанными назад руками. Кейс с рассыпанными газетами лежал прямо между его ног. Брюквин дернулся всем телом, потом только руками. Ни фиги!

Его руки были не просто заломаны назад, они были накрепко зафиксированны к стальной трубе, проходящей по стене. Он задергался, пытаясь освободиться, но у него ничего не выходило. Только что-то больно впилось в кожу на его запястьях.

Тогда он увидел, что его видеорегистратор слетел с головы и теперь лежал на полу волею судьбы повернувшись так, что глазок смотрел точно на Женю.

Когда в поле его зрения появился кривобокий старичок, Женя задергался с новой силой и угрожающе замычал, переходя на шипение, но на старикана это не произвело должного эффекта. Приблизившись к Брюквину с такой стороны, чтобы не попасть в объектив включенной камеры, старик ткнул Женю кулачком в челюсть, а когда Брюквин справился с искрами под сомкнутыми веками и распахнул ошалевшие от боли глаза, то увидел как обе его ноги уже охвачены металлическим хомутом. Не дав Брюквину опомниться, вонючий старикашка крепко-накрепко затянул хомут отверткой и Женя понял, что точно таким же металлическим хомутом его руки прикованы к трубе и освободиться от такого захвата будет бестолково. Разорвать или сломать такие хомуты одной человеческой силой нереально, тут нужна отвертка или хорошие ножницы по металлу.

Женя Брюквин задергался и замычал. Говорить он уже не мог совсем.

– Посиди тут, – произнес жалкий с виду старичок, обтер рукоятку отвертки об грязную ветхую одежонку и по-

ложил инструмент на раскроечный станок рядом с Брюквинным. Женя с наполненными слезами глазами наблюдал за старикашкой. – Не бойсь, не умрешь, – заверил его дедушка. – Я не убивец. Посидишь – подумаешь, может поумнеешь. Прощай, жди первых гостей и думай. Думай о себе, думай о Боге. Бог – есть дух, Бог – есть слово, Бог – есть человек, Бог – есть ты! Тело твое – храм. Дух божий живет в тебе, оживотворяет тебя. Бог в каждом из нас и в тебе тоже. Может и доживешь до первых визитеров. Напомню, что рабочий день начнется завтра в восемь, но первые работяги приходят раньше. Сиди – думай.

Дед, обойдя мертвого парня Леву, вышел на улицу, на мгновение запустив в цех ледяной порыв ветра со снегом, а Женя Брюквин, осознав свою безвыходность заскулил в голос. Но через несколько минут старик вернулся с изменившимся лицом. Опять обойдя парня Леву, он встал перед Женей, но так, чтобы лежащая на полу камера опять не смогла видеть его. Дедушка плакал и произнес только одну фразу: «И Аркадьич туда-же!», медленно заковылял на кривых ногах в глубь мертвого темного цеха. Женя умоляюще смотрел ему в спину и скулил. Старик, шаркая ногами, медленно исчезал в цеху, сливаясь с сумеречной обстановкой, будто растворясь в самом помещении.

А не выключенный видеорегистратор продолжал бесстрастно снимать дальнейшие двенадцать с четвертью часов одиночества несостоявшегося самого наилучшего налет-

чика, включая и медленную мучительную смерть задохнувшегося от газа Жени Брюквина.

15:41 – 16:47

Печаль переполняла мое сердце, глубокая как шахта и черная как уголь. Черная дыра печали! Она заполнила меня всего, не оставив во мне места для иных чувств, я был ею поглощен. Одна из моих жизненных доктрин гласит, что в минуты чьей-то смерти надо не горевать, а радоваться тому, что душа покойного переносится в царствие Божие и что вскоре он переродится в новое тело и будет жить заново. Мне ничего в этой жизни не надо, только бы неразувериться в этом, только эта надежда на скорое воскрешение душ усопших удерживало мои глаза от слезотечения, а рот от рыданий. Все в руках Божьих. Ему только одному решать – кому сколько уготовано в этом мире. На мою долю, почему-то, оказалось больше, наверное, Господь карает меня лицемерием чужих смертей. За что, Господи, караешь меня такой длинной мукой, отчего не приберешь к себе и не наградишь перерождением? Караешь меня мукой терпения? Испытываешь мой дух? Ну и как, по-твоему, Боже, оправдываю я твои надежды? Сколько, Боже, ты уготовил мне еще дышать в этом страшном несправедливом мире, в мире заблудших душ и ложных истин? В мире где царствуют грехи сребролюбия, зависти, блуда, гордыни, униния и гнева. Уныние! Вот грех первейший, грех к которому я близок как никогда ранее

и я готов на многое, даже на еще несколько долгих лет существования в своем уродливом теле, лишь бы не поддаться ему, как некогда поддался греху сребролюбия.

Я вздыхал и плелся по цеху как призрак. Был бы я христианином или католиком, я бы мог уподобить себя с пробудившимся и шатающимся по погосту духом мертвеца. Я искал выживших, я отчаянно молил Господа найти хоть кого-то. Я сравнивал себя с солдатом, выжившим на поле боя после ожесточенного сражения, с солдатом, который очнулся и бродит среди своих убитых сослуживцев. Я до корней волос убежденный пацифист и ничто не заставит меня взять в руки оружие, когда-то, когда я был еще молодым, меня не взяли в армию в первую очередь по моим религиозным убеждениям, а уже во вторую очередь из-за физических изъянов. Я никогда не носил военную форму, не стрелял, вообще не поднимал руку на ближнего своего, и поэтому мои сравнения себя с солдатом чисто умозрительные.

Прихрамывая и кособочась я в абсолютной тишине совершал обход цеха, каждого квадратного метра, заглядывал во все углы и распахивал все двери и горе сжимало мое измученное сердце. Каждое новое обнаруженное мною тело заставляло съеживаться мое естество и повторять одно и то же: «Да сколько же их, Господи!»

Левушка Нилепин у выхода. Друг Аркадьич в своей кочегарке. На проходной неизвестный мужчина, забитый лопатой.

Неподалеку от 4-ех стороннего фрезеровочного станка под кран-балкой я увидел грузное тело женщины. С трудом перевернув ее на спину я так резко отпрянул назад, что споткнулся и упал. Зинуля Сферина! Она-то что тут делала? Помочь ей было невозможно.

Дальше мне приходилось только считать и не сбиваться со счета. Уже виденный мною до этого лысый незнакомец у станка ЧПУ, молодой охранник под дизельным автопогрузчиком. Отсеченная голова Августа Дмитриева! О Боженьки! У сборочных столов Любушка Кротова и еще странный глухонемой в очках. Потом я нашел мертвого Константина Соломонова и на этот раз он точно был мертв. Когда успел? Еще один неведомый мною несчастный на стекольном участке – весь изрезанный и пристреленный, а неподалеку наша бывшая главная бухгалтерша Оксаночка Альбер. И, о, Бог ты мой, – Юронька Пятипальцев! Тебя-то за что так? Ты же добрейшей души человеком был! Я уже не удивлялся, когда нашел повешенного Степушку Коломенского. Только горестно покачал головой и загнул очередной палец (пальцы на обеих моих руках кончились еще на Кротовой и я начал загибать их по второму кругу). Я осмотрел каждого и только после того как признал невозможность помощи никому, я повернул стопы к металлической лестнице, ведущей на второй этаж, называемый еще антресольным. Мой скорбный путь пролегал через поваленный стеллаж с рассыпанными боби-нами пленки, вот тут я не так давно находил мастерицу, а вон

там чуть в стороне – начальника производства. В то время они оба еще были живы, теперь они лежат в других местах.

Среди прочего на полу валялся сейф из кабинета Соломонова, я подошел к нему и не без труда поднял на руки. Сейф был не закрыт, толстая дверца свободно болталась на петлях, а внутри, как и следовало ожидать, царствовала пустота. Я точно знал, что в этом соломоновском сейфе помимо рабочих документов, с содержанием которых меня никто бы никогда не познакомил, и чего-то еще хранились деньги приносимые Оксаной Альбер за день до выдачи зарплаты работникам предприятия «Двери Люксэлит».

Воздав благодарственные псалмы Богу за то, что оставил мне крохотную толику сил в моих кривеньких руках, я понес сейф по лестнице на антресольный этаж. Сейф мне чудился стопудовой гирей, он тянул вниз и поднимание по ступенькам мне казалось восхождением Иисуса Христа на Голгофу. Я кряхтел и тужился, истекал потом, вниз тянул не только остроуглый сейф, но и старая толстая телогрейка, под которой мое старенькое измученное жизнью тельце как могло выжимало из себя последние силы. Я полз как раненая черепаха, но спустя, как мне показалось, целый час, я достиг-таки площадки антресольного этажа и с грохотом поставил сейф. Сам сел на него и долго приходил в себя разминая побелевшие пальцы и утирая взмокший лоб и шею. Если бы я был курящим, я бы закурил. Наконец я встал и вновь, подобно штангисту-тяжеловесу, взял сейф в руки. Шаг-шаг-шаг, дру-

гой бы на моем месте уже давным-давно справился с этой работой и разве что лишь сбил бы дыхание. А мне же с моей комплекцией и преклонным возрастом, с моей раненой спиной, отзывающейся на каждый шаг уколом боли, с моим физическим и моральным истощением – мне это стоило поистине невообразимых трудов.

Приближаясь к распахнутой двери кабинета начальника производства, я услышал мелодию, издаваемую мобильником, но вскоре она оборвалась на полутакте. Еще я увидел, что прямо напротив кабинета выломаны перила, а из самого кабинета вытекает и капает вниз в цех розовая жидкость. Если это была кровь, то ее было чересчур много, а если вода, то почему она красная? Дотопав до кабинета я, не отпуская сейфа из дрожащих рук, взглянул через пролом вниз в цех. Все было как обычно – станки и оборудование стояли на своих местах, а множество утраченных значение стен и натянутых из рекламных биллбордов перегородок с хаотично расставленными бесконечными поддонами с дверными полотнами на разных стадиях сборки превращали большое помещение в некое подобие муравейника, где в рабочее время люди сустились между всем этим хозяйством, куда-то торопились, работали, возили тележки, обслуживали станки, тут же отдыхали в перекуры и ели в обеденное время.

С высоты мне было хорошо видна значительная часть цеха и я нашел взглядом несколько мертвых тел, в частности Люба Кротова лежала на сборочном столе прямо перед мо-

ими глазами, отсюда же были хорошо различимы ноги в камуфляжных брюках под колесами дизельного погрузчика. Я видел пресс и стиснутого в нем Юрку Пятипальцева. Вон там с той стороны, где вход на лакокрасочный участок должно висеть вытянутое в струнку тело Коломенского, а вон там совсем с другой стороны лежал труп Сфериной. Та часть цеха отгорожена почти полностью и где-то там, куда мое зрение не может заглянуть сейчас сидит очень нехороший человек с разбитой в крошево челюстью, смотрит на пристреленного им беднягу Нилепина и, как я хотел бы надеяться, разговаривает с самим Господом Богом без посредников.

Я отвернулся.

Разум мой, полностью преданный Богу, приказывал радоваться тому, что Господь призвал их к себе и вскоре даст возможность прожить новые жизни на новых более высоких уровнях. Я обязан радоваться за них, они отмучились здесь, ушли, а я остался. И сколько мне еще предстоит ковылять по этому миру – то мне не ведомо, то ведает лишь Бог. Ему виднее. Если я остался значит угодно ему преподнести мне еще испытаний, которые я обязан буду преодолевать. Что-ж... Я готов. Значит так надо.

Из приоткрытого кабинета вновь зазвучала уже знакомая мелодия мобильного. Вдохнув так глубоко, как позволяло мне раненое легкое и тянувший вниз железный сейф я вступил в кабинет начальника производства Константина Олеговича Соломонова. Мелодия замолкла. Перешагнув порог, я

так и застыл на месте, забыв о тяжести удерживаемого груза. Мои догадки частично подтвердились – в кабинете царил разгром. Я так и предполагал, поэтому не сильно удивился раскиданным стульям и сдвинутому столу. Это мною предвиделось, но вот чего я не мог ожидать, так это залитый кровью пол, причем ее было так много, как могло бы быть, если бы в кабинете устроили бойню крупного рогатого скота. Кровь заливала пол сплошным озерцом, замерзала под действием ледяной выюги из распахнутого окна, вытекала наружу и капала с антресольной площадки вниз в цех. И все что упало на пол – бумаги, канцелярские принадлежности, различные мелочи – все это плавало в кровавом пруде, впитывая алую жижу и примерзало к своим местам ледяными корочками. Стоял животный сладкий запах, меня замутило, а по спине побежали крупные мурашки. Что тут могло случиться, откуда столько крови?

Вдруг я наткнулся на лежащее на полу тело и оцепенел от ужаса. И он здесь! И его Боженька призвал! Продолжая держать тяжелый сейф в побелевших от напряжения ладонях, я не мог оторвать взгляда от тела в красной лужи. Он конечно много кровушки выпил у рабочих, это факт, но не могло же так случиться, что вся эта кровушка накапливалась в нем как в бездонном бурдюке пока он, в конце концов, не лопнул? Такого не могло быть, тем более, что выпитая кровь рабочих имеет фигуральный смысл.

Даниил Даниилович Шепетельников. Хозяин, владелец,

местный князь, генеральный директор. Он лежал с распахнутыми глазами, в которых навсегда застыла ненависть ко всему миру и более всего к тому, кто медленно убивал его. Из одного глаза с оцепеневшим зрачком вытекла и замерзла кровавая слезинка. Очки слетели на щеку, а сама щека расцарапана и из приоткрытого в беззвучном крике рта виднелись прогалы выбитых зубов. Вымокшее в воде и крови тело Даниила Даниловича замерзло, обледенело.

При жизни, признаюсь, он мне был несимпатичен, он по правде сказать, делал все от него зависящее, чтобы поддерживать по отношению к себе предельно негативное мнение. Его не любили и в отличии от Соломонова – не уважали и в грош не ценили. Но никто никогда не желал Шепетельникову смерти, тем более не решился бы поднимать на него руку. Рабочие просто игнорировали его, принимая его как неизбежную данность. Но кто решился поднять на него руку и выжать столько кровищи, сколько и в человеке-то не может уместиться? Кто-то из тех, кто сам теперь лежит в цеху без дыхания? Очевидно, тот кто вскрыл сейф и взял деньги. Неужели Соломонов? Но это кабинет Соломонова, а Шепетельников сюда вообще редко заходит, он боится вдыхать чужой воздух и безвылазно обитает в своем замкнутом кабинете в отдельно стоящем офисном здании, что располагается слева от проходной.

Я водрузил сейф на край письменного стола, за которым еще вчера сидел и работал Константин Олегович. Корочка

льда хрустнула под металлом и рассыпалась холодными хрусталиками. На столе в беспорядке было разбросано замерзшее от влаги и мороза то, что должно было быть на своих местах (в этом отношении Соломонов слыл аккуратистом). Уже знакомая мелодия зазвучала опять и на этот раз я увидел, как из-под растегнутой зимней куртки у Даниила Даниловича светится его мобильный телефон, его уголок выступал из внутреннего кармана и я, поддавшись искушению и осторожно, касаясь гаджета кончиками двух пальцев как пинцетом, чуть-чуть вынул его. Мне стало любопытно кто-же мог названивать моему бывшему боссу. На светящемся экранчике горела фамилия «МОГИЛЕВИЧ В.А.». Я отпустил телефон и он, нырнув обратно в замерзший карман, умолк. Могилевич В.А. так и не дозвонился до Шепетельникова Д.Д. Я невольно усмехнулся, припоминая эту фамилию. Уж не Виктор Анатольевич ли это, не областной ли это прокурор? Вот прокурора сейчас как раз не достаёт, это уж точно!

Вьюга задувала в кабинет, было жутко холодно, снег накрывал обстановку и плясал по мертвому кабинету в дикой свистопляске. Один Бог знает, что тут произошло, а я не хочу в это вникать. Мне неприятно, я хочу остаться в стороне, не желаю быть причастным к этим трагедиям. Я переводил дыхание, вытирая взмокший лоб и шею. Вот зараза – как холодно! Взмокшее тело быстро промерзло до костей, и я поспешил закончить дело как можно скорее. Только теперь я увидел под столом пробитый кулер и с некоторой долей об-

легчения сообразил, что под ногами не чистая кровь, а вытекшая вода лишь подкрашенная в алый цвет. Я еще раз покосился на труп примерзающего к полу Даниила Даниловича, выискивая на нем колотые или резаные раны. Да, были такие. «Не трогай его!» – приказал я себе и снял с себя тяжелую телогрейку из-за которой я то и дело вспоминал жизнь черепах в панцирях. Тут же стало еще холоднее, я повел плечами и подул на руки. Телогрейка распростерлась рядом с сейфом на лакированной столешнице, а я вместе с ознобом почувствовал непередаваемое облегчение. С моего тельца исчезло сразу два груза. Но предаваться радости у меня не было ни времени, ни желания. Я расправил телогрейку так чтобы можно было просунуть руку под внутреннюю подкладку и стал методично доставать из ватника денежные пачки. Купюры, купюры в пачках перетянутые резиночками, купюры разного достоинства от полтинников до пятитысячных. Я доставал из-под подкладки деньги и ровными рядами перекладывал их в сейф. Денег было много (я даже приблизительно не могу сказать сколько именно, но такую сумму я до этого ни разу в жизни даже не видел), они были тяжелыми для меня и чтобы телогрейка опустела и приобрела свой естественный вес и форму, мне потребовалось не меньше десяти минут времени. Зато в теперь уже заполненном сейфе купюры разного достоинства лежали так как должны были лежать. Сейф был полон.

Проверив еще раз внутри ватника как следует (не затеса-

лась ли там хоть одна пропущенная купюра) я удовлетворительно закрыл дверцу сейфа и защелкнул замок. Стальной механизм звонко щелкнул и дверца с готовностью втерлась на свое место после чего осталась намертво заперта и не поддастся, пока кто-то не всунет в замочную щель специальный ключ и не введет пятизначный код. Лично я кода не знал и не мог знать, и как будут открывать сейф в последствии – не моя забота.

Поднапрягшись в последний раз, я взял потяжелевший сейф и водрузил его на его привычное место на тумбочке.

Эти деньги по справедливости должны получить рабочие, это их законная зарплата, зафиксированная, кстати, в документах, которые, несомненно обнаружат либо среди прочих бумаг вмерзшими в кровавый лед на полу, либо в бухгалтерии в офисном здании (я искренне надеялся, что хоть там в другом строении, отделенном от цеха полуторасотметровом расстоянием и запирающимся на хитроумные замки, ключи от которых есть только в будке охранника и выдаваемые исключительно двум людям – Шепетельникову и Альбер, нет той мясорубки, что была здесь под крышей производственного цеха). Чтобы тут не случилось, но рабочие должны получить свою зарплату, им детей кормить. Это честно, и я сделал для этого то, что должен был сделать. Продрогший до костей и с промокшими ногами я вышел из кабинета, оставив все как было, только тщательно обтерев сейф телогрейкой, уничтожая отпечатки пальцев. Дверь я плотно закрыл,

это я сделал механически – по привычке закрывать за собой дверь. Вовремя опомнившись, я, однако не стал открывать ее обратно, а только обтер рукоятку. Телогрейку я одел на себя, зато, чтобы не оставлять следов, снял обувь и мокрые носки и тщательно вытер ступни. Разутом я спустился по лестнице вниз и, попетляв меж оборудования в сторону лакокрасочного участка, невольно вышел к повешанному на проводе главному инженеру Степушке Коломенскому. Скверно! Испытывая интенсивное чувство отвращения к самому себе, я стянул с мертвеца его растоптанные кроссовки. «Прости меня, Степушка», – вслух сказал я и обратил внимания на короткий обрезок трубы, заваренный с обоих концов и повешанный Степушке на его длинную шею. Кусок трубы висел на цепи, какой обычно автолюбители огораживают во дворах свои незаконно присвоенные места. И вновь я поддался греху искушения и потянулся к этому предмету, потому что он показался мне несуразным и в целом странным. Но я передумал и руку свою убрал. Натянув чужие кроссовки, а свою обувь распахав по карманам телогрейки, я оставил разутого Коломенского и выйдя из основного цеха, вошел на изолированный лакокрасочный участок. На улице смеркалось, но я не стал зажигать свет. Моля Боженьку о том, чтобы не напороться на очередной труп, я мелкими шажочками двигался по лакокрасочному участку и принюхивался к необычному для этого места запаху. Обычно, не смотря на мощную вытяжку, тут на лакокрасочном участке стоял въедливый за-

пах лаков, растворителей и красок, не выветриваемый ничем и никогда, даже если участок останавливал работу на полтора месяца (как это случилось в прошлом году, когда ставили новые покрасочные боксы и долго подключали к ним вытяжку и воду), а сейчас химический запах перекрывал совсем другой, основной для которого по моему мнению был самый обыкновенный бытовой газ.

Я целый день чувствовал в основном цеху странный запах, которого совершенно не было там, на атресольном этаже в кабинете Соломонова, где нараспашку было открыто окно. Этот запах преследовал меня в цеху уже давно, пожалуй, еще до обеда, и постоянно как будто нарастал, но вот сейчас после свежести мороза, попав сюда в замкнутое пространство, я обратил внимание на то, какой он сильный. Концентрированный. Дышать было трудно, я начал кашлять и это отзывалось в раненом легком. Я не мог понять, что может так пахнуть кроме самого газа, которого в цеху просто не могло быть. Газу не откуда было попасть сюда, строение не было подключено к газопроводу. Поломав над этим голову, я махнул рукой. Какое это, собственно, сейчас имеет значение? Пусть пахнет, как пахнет, теперь меня это не должно касаться.

Обходя поддоны с загрунтованными, покрашенными и залакированными дверными деталями и полотнами, я мысленно похвалил мастерицу данного участка Ингу Нефертити, поддерживающей порядок в веренном ей участке. Этого ка-

чества определенно не доставало другим мастерам. У меня не возникло затруднения даже в темноте преодолеть лакокрасочный участок и выйти через заднюю дверь на улицу. Дверь снаружи не имела замка, а изнутри запиралась только на засов, который я без труда и открыл.

Я оказался на улице и вдохнул полной грудью. В немного затуманенной от газа голове быстро прояснилось, я и не догадывался, что мне так не хватало чистого свежего воздуха, без примесей лакокрасочных, газовых, кровавых и прочих испарений. А на улице окончательно стемнело, небо было черно-серым, заволоченным бескрайней тучей, смахивающей на разросшийся от горизонта до горизонта чайный гриб. Ни луны, ни единой звезды. Тоскливо и уныло. И метель не унималась, она продолжала бешено наметать снежные сугробы и прижимать окостеневшие от мороза ветви деревьев и кустарников. Я осмотрелся – темно и неприветливо, я не люблю такую погоду и вообще темноту.

За мной в приоткрытую дверь трусцой вбежал кот и, оказавшись под немилосердным влиянием холода, прижался брюхом к земле и поджал уши. Быстро просеменив несколько метров, кот остановился и выжидательно повернул ко мне мордочку.

Дверь за собой я плотно закрыл. Вот она – сила привычки!

Я был на заднем дворе. Утратившие очертания под бесформенными сугробами предметы – где-то уголок чего-то железного, где-то выступающие из-под снега бочки с остат-

ками на дне красок, лаков и масла, разные конструкции. Поодаль – силуэт маленького кубического строения, сразу за ним – старый забор из бетонных плит. Голые трепыхающиеся на ветру лесопосадки. А там в темной дали – ничего не разобрать! Тьма и снег! Завывание ветра и бешеный вальс мириада снежинок!

Еще какой-то свистящий звук внизу под снегом, как если бы по трубе под давлением шел газ, зачастую так бывает в котельнях. Опять газ... Что мне чудиться этот газ?

Я еще раз окинул взглядом задний двор фабрики, посмотрел на самую фабрику и ушел. Я знал, как можно незаметно покинуть ОАО «Двери Люксэлит» и раствориться во мраке вечера, уже ни чем не отличимого от глубокой ночи. К завыванию выюги и свисту газа в трубе присоединился хруст старых мертвецких кроссовок по снежному покрывалу. От задней двери фабрики шаг за шагом приумножались мои неровные следы, ведущие во тьму.

Хруст-хруст-хруст-хруст...

Кот двигался рядом.

Господи, ну я надеюсь, что хоть сегодня я все сделал правильно.

Действующие лица:

Анюша Молоденькая – погибшая подруга Кротовой (упоминается)

Аркадьич – кочегар

Альбер Оксана – главный бухгалтер

Брюквин Женя – самый лучший грабитель в мире

Вайнштейн Никита – менеджер по развитию ООО «Ор-

фей»

Джабраил – приятель Нилепина, инструктор вождения

Дмитриев Август – ученик электрика

Коломенский Степан – главный инженер

Кротова Люба – мастер заготовительного участка

Максимилиан Громовержец – один из налетчиков

Могилевич Виктор Анатольевич – прокурор (упоминается)

Нилепин Лева – станочник ЧПУ

Нильсен Владимир Андреевич – начальник сбыта конструирующей фабрики

Нифертити Инга – мастер лакокрасочного участка (упоминается)

Образцов Вадим – мастер сборочного участка (упоминается)

Пятипальцев Юрий – наладчик станков

Соломонов Константин – начальник производства

Сферина Зинаида – работница сборочного участка

Точило – один из налетчиков

Тургенев Иван – охранник

Чубун – собутыльник Авдотьева

Шепетельников Даниил – генеральный директор ОАО

«Двери Люксэлит»

Эорнидян Петр – охранник